

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

И. М. ДЬЯКОНОВ

ЯЗЫКИ
ДРЕВНЕЙ
ПЕРЕДНЕЙ
АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы

Москва 1967

О Т А В Т О Р А

Настоящая книга, посвященная языкам, распространенным на территории современных государств — Турции (восточная часть), Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Ирака и Ирана (западная часть) — от древнейших времен до середины I тысячелетия до н. э., составлена на основе курса лекций, прочитанных мной по просьбе группы товарищей для научных сотрудников и аспирантов Ленинградского отделения Института народов Азии в 1961 г. Написать ее оказалось возможным благодаря помощи товарищей, сделавших по ходу чтения курса ряд замечаний и затем предоставивших мне свои конспекты. Этими постоянными участниками наших занятий, которыми я и обязан в первую очередь благодарностью, были И. Д. Амусин, М. А. Дандамаев, Г. И. Довгяло, И. М. Дунаевская, М. Н. Зислин, И. Т. Канева, О. О. Карагезян, В. А. Лившиц, А. Г. Лундин, В. А. Якобсон и Н. Б. Янковская.

Я благодарен также А. А. Вайману, А. М. Газову-Гинзбергу, Вяч. Вс. Иванову, Д. А. Ольдерогге и К. Б. Старковой за ряд сделанных ими замечаний по рукописи книги.

Цель книги — преимущественно описательная и сопоставительная. Автор хотел дать общий обзор разнотипных языков древней Передней Азии с целью выявления сходств и различий между ними. Описание отдельных языков как таковых дано в отдельных очерках серии «Языки народов Азии и Африки» (Г. А. Меликишвили, *Урартский язык*, Л. А. Липин, *Аккадский язык*, И. Ш. Шифман, *Финикийский язык* и др.). Не следует рассматривать приведенные в настоящей книге очерки по отдельным языкам как справочный материал по каждому отдельному языку; книга построена как единое целое, и при чтении одного очерка предполагаются известными предшествующие.

Эта книга рассчитана не только на читателя-лингвиста, но и на историка, занимающегося вопросами древней истории, истории культуры и этногенеза; поэтому в вводных параграфах

Книга ассириолога и шумеролога И. М. Дьяконова представляет собой описание одиннадцати древних языков Востока с выявлением как их различий, так и общих генетических и типологических черт. Особенное внимание уделено этногенетическим вопросам. Описанию каждого языка предпослано историко-культурное введение, характеристика письменности и т. д. Все части книги объединены общностью теоретических установок.

излагаются и такие вопросы, которые для языковеда представляются азбучными. Книга эта не ставит себе также задачу дать углубленный теоретический анализ лингвистических фактов, для чего я не чувствовал себя достаточно компетентным. Не было возможности в предлагаемых кратких очерках осветить и различные точки зрения на ту или иную проблему, существующую в литературе: по большей части излагались собственные взгляды автора. Теоретические позиции, с которых изложены приводимые факты, в основном являются развитием взглядов, разрабатывавшихся моими учителями А. П. Рифтиным и Н. В. Юшмановым на кафедре семитохамитской филологии Ленинградского государственного университета.

При изложении грамматики древнейших семитских языков наибольшее значение имели для меня работы Б. Ландсбергера, В. фон Зодена и И. Гельба; некоторые гипотезы предложены мной с учетом теорий О. Рёсслера, с одной стороны, и А. Клингенхебена — с другой. В области классификации и предполагаемой праистории семитохамитских языков (кроме собственно семитских) я во многом следовал Д. А. Ольдерогге.

В изложении грамматики шумерского языка я придерживался преимущественно того ее понимания, которое восходит к работам А. Пёбеля и А. Фалькенштейна; в разделе эламского языка я пытался самостоятельно обобщить наблюдения ряда исследователей, среди которых следует назвать Ф. Борка, Г. Хюзинга, В. Хинца, Р. Хэллока, Р. Лабата и Г. Пейпера; я должен особо поблагодарить г-жу Э. Рейнер, предоставившую мне возможность ознакомиться в рукописи с подготавливаемой ею эламской грамматикой. В изложении хурритского языка я пользовался фактами, собранными в монографии Э. А. Спайзера, хотя мое понимание структуры этого языка несколько отлично от взглядов этого исследователя. Урартская грамматика изложена на основании моих собственных исследований, опубликованных пока лишь частично. Эти исследования развивают положения, первоначально установленные И. Фридрихом и затем разрабатывавшиеся И. И. Мещаниновым, А. Гётце и Г. А. Меликишвили.

Краткость языковых очерков заставила ограничиться главным образом изложением основных черт морфологической структуры соответствующих языков (имя, местоимение, глагол); фонетике и фонологии уделено мало внимания, за исключением некоторых наиболее важных моментов сравнительно-исторической фонетики; вопросы синтаксиса затрагивались только в плане самой общей характеристики структуры субъектно-объектных и предикативных отношений.

В книге, объединяющей описания столь различных языков, ошибки неизбежны; автор заранее просит за них извинения.

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I

НЕСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

§ 1. Значение изучения языков древней Передней Азии

Языки древней Передней Азии представляют интерес не только как языки первых цивилизаций мира, — тех цивилизаций, которыми была положена основа всему социальному и культурному развитию человечества; для лингвиста они представляют большой интерес еще и потому, что письменные памятники этих древнейших цивилизаций сохранили нам языковые факты в их движении за целые тысячелетия, начиная с глубочайшей древности, что позволяет изучать процессы развития языка не на коротких отрезках, но в течение длительного времени. Помимо этого, большое разнообразие этих языков позволяет сравнивать ход развития в пределах генетически различных языковых групп и отличать процессы локального значения во внутреннем развитии языков от процессов, одинаково типичных для целого ряда разных языковых групп. Вероятно, изучение этого материала позволит в дальнейшем более подробно разобраться в возникновении типологической близости разнородных, но территориально близких между собой языков. Действительно, несмотря на то что языки древней Передней Азии принадлежат к разным языковым семьям или представляют собой изолированные языки, отнесение которых к определенной семье затруднительно, существуют, как мы увидим, и некоторые черты, сближающие их между собой.

§ 2. Общие замечания. Проблема классификации языков

1. Как известно из истории языковедения, до сих пор было предложено несколько принципов классификации языков: Так, можно типологически классифицировать языки по морфологическому принципу, т. е. с точки зрения общего характера технических средств, применяемых для выражения граммати-

ческих отношений, — путем ли размещения в определенном порядке неизменных корней или основ (изолирующий, в старой литературе — аморфно-синтегический строй), путем ли нанизывания последовательных неизменных показателей для отдельных грамматических значений (агглютинативный строй), путем ли применения комплексных показателей для целых групп грамматических значений и видоизменения самих основ (флективный строй) и т. д. Однако уже давно выяснилось, что эта классификация — чисто формальная и не имеет генетического значения, так как существенно само наличие в языке определенных грамматических категорий, а технические средства для их выражения могут при одинаковой степени развития языка выработаться различные, в зависимости от конкретной истории данной языковой семьи. Нельзя считать, что агглютинативные языки типологически старше флективных, изолирующие — старше агглютинативных и т. д. Изолирующий строй в ходе развития языка может выработаться из флективного или агглютинативный — из изолирующего. К тому же данные типы никогда не существуют в чистом виде, и, например, агглютинация всегда сосуществует с элементами флексии и наоборот и т. д. Все же для первичной ориентации в языковом многообразии морфологическая классификация сохраняет известное значение¹.

2. В период господства в советской науке так называемого нового учения о языке была выдвинута другая система типологической классификации языков — стадильная. Она исходила не из того, как выражаются в языке грамматические категории, а из того, как и в грамматических категориях в нем существуют. На позднем этапе развития этого учения делалась попытка рассматривать наличные в языке грамматиче-

¹ За последнее время высказывались сомнения в правомерности противопоставления флективных языков агглютинативным. Указывалось, в частности, на то обстоятельство, что так называемые агглютинативные форманты вступают в фонетическое взаимодействие с основой и с другими формантами, и поэтому чаще всего могут быть выделены только путем реконструкции некоей абстрагированной формы, но не в том виде, в каком они реально существуют в языке; что эти форманты нередко могут существовать только в определенных, а не в произвольных комбинациях с другими формантами, и т. п.; что, наконец, не существует чисто флективных языков без элементов агглютинации и наоборот. Но все это не мешает утверждать, что агглютинативные языки как морфологический тип, отличный от флектирующего, все же существуют. Фонетические изменения, происходящие по комбинаторным причинам на стыках морфем (впрочем, значительно меньшие, чем во флективных языках, для которых характерна фюзия морфем), не препятствуют тому, что каждый агглютинативный показатель воспринимается как самостоятельный и несущий одну определенную грамматическую функцию. Помимо всего прочего, признание агглютинации как определенного морфологического типа чрезвычайно облегчает анализ грамматических форм и изложение языковой структуры.

ские категории, прежде всего синтаксические, как отражение степени развития логических категорий мышления. В связи с этим предполагалась стадильная последовательность смены типов существующих в языке синтаксических категорий соответственно развитию мышления. Наиболее обычным было выделение трех основных стадий — доглагольной, без специфического оформления сказуемого; эргативной, с различием глаголов действия и глаголов состояния и отражением действующего лица в косвенном падеже; и номинативной, характерной для большинства европейских языков (см. ниже, § 5).

Но и эта классификация оказалась сильно упрощенной, прежде всего потому, что любой современный или засвидетельствованный письменностью вымерший язык представляет собой достаточно совершенное орудие для передачи любых понятийных категорий. Если дело обстоит бы иначе, то в настоящее время существовали бы народы, не способные к современному мышлению, что не имеет места. Следовательно, вопрос не в наличии тех или иных логических категорий в мышлении носителей данного языка, а только в применении тех или иных средств для их грамматического выражения. Так, русский язык не имеет грамматических средств для выражения некоторых глагольных категорий, существующих в английском языке, например давнопрошедшего дльщегося (Past Perfect Continuous), однако это не значит, что он не имеет средств для выражения данной логической категории — он лишь выражает их не грамматически, а лексически, описательно. Точно так же английский язык не имеет грамматических средств для выражения русских глагольных видов, но также может передать их содержание описательно. Поэтому, наличие или отсутствие в языке тех или иных синтаксических конструкций и других грамматических категорий не означает, что у народа — носителя данного языка не выработалось соответствующих логических категорий. Это означает лишь, что всякий язык применяется для выражения категорий мышления вполне определенные, исторически сложившиеся лексические и грамматические средства. Последние, в зависимости от конкретной истории языка, либо могут быть новообразованиями, либо могут быть унаследованы из более или менее глубокой древности. Но во всех случаях эти средства уже одинаково приспособлены для передачи логических категорий современного мышления.

В ряде конкретных случаев действительно возможна известная связь некоторых грамматических конструкций с их происхождением с различными древними этапами истории мышления. Но то обстоятельство, сохранилось ли в данном языке древнее грамматическое средство или заменилось более новым и более совершенным, определяется уже конкретной историей языка и ни в коей мере не свидетельствует об уро-

вне развития мышления у самих носителей этого языка. По этой причине нельзя постулировать единой схемы последовательной смены типов грамматических конструкций, непосредственно соответствующих якобы этапам единого хода развития человеческого мышления.

«Новое учение о языке» постулировало единство языковторческого (глоттогонического) процесса, понимавшееся (в постмарковский период развития этой теории) как единая для всех языков мира последовательность развития типов грамматических категорий языка, как мы видели, ошибочно считавшаяся непосредственно соответствующей последовательности развития мыслительных категорий. Однако не только такое соответствие, но и сама последовательность смены языковых типологий в мировом масштабе осталась не доказанной сторонниками этого учения.

Тем не менее необходимо отметить, что гипотеза закономерной последовательной смены синтаксических строев, выдвигавшаяся представителями «нового учения о языке», не была просто надуманной и беспочвенной схемой; как и всякая научная гипотеза, она имела основание в наблюдаемых эмпирических фактах, в том числе фактах из истории языков древнего Востока. В самом деле, однородность типологического развития, в частности и развития от безглагольного строя через эргативный к номинативному, действительно может быть наблюдаема на значительных территориях в течение продолжительного времени для целых групп языков, при этом языков различного происхождения. Именно поэтому типологическая близость языков не является показателем их родства.

3. Стадиальная классификация языков на позднем этапе развития «нового учения о языке» была по существу с т р у к т у р н о й (типологической) классификацией. В качестве таковой она сохраняет свое значение, так как позволяет группировать языки по принципу наличия или отсутствия в них определенных грамматических, особенно синтаксических, категорий, что важно для понимания типа и истории развития языка. Особое значение структурная классификация языков имеет для выяснения процесса выработки аналогичных приемов выражения грамматических отношений в неродственных языках, что является важным фактором истории языков и их взаимосвязи. Но следует ясно представлять себе, что структурная классификация сама по себе, без учета генеалогических связей, не имеет генетического значения, не дает указания на родство языков.

4. В основе принципа генеалогической классификации лежит установление того факта, что известные явления двух или более различных языков в ряде случаев могут быть возведены к общему прототипу, который представляется явле-

нием общего для них языка-основы, или праязыка. При этом речь в данном случае не может и не должна идти о явлениях языковой структуры, так как последние имеют функциональное значение, а следовательно, могут выработаться в различных языках самостоятельно вследствие аналогичного развития потребности в выражении той или иной категории. Сравнению подлежат не структурные (типологические или морфологические) особенности языков, а исключительно самый звучащий материал языка — фонетическое выражение сходных понятий и грамматических показателей. Например, бесполезно сравнивать азербайджанский или другие тюркские языки с эламским или шумерским на том основании, что все эти языки — агглютинирующие: используемый материал (скажем, показатели множественного числа *-lar* в азербайджанском, *-re* в эламском, *-ene* в шумерском) — разнороден. Точно так же нельзя сравнивать грузинский с шумерским по принципу наличия в обоих языках эргативного падежа (*-man* в грузинском, *-e* в шумерском). Но можно сопоставлять, например, хеттский с греческим [показатели именительного падежа — хетт. *-as*, греч. *-os*, винительного — хетт. *-an*, греч. *-on*; еще значительно важнее наличие целой системы закономерно расходящихся, но возводимых к общему прототипу звучаний, выражающих однородные лексические понятия, например, хетт. *ḫarki-*, греч. *argēs* (в сложных словах *argi-*) 'белый', хетт. *watar*, греч. *hudōr* 'вода', хетт. *kardi-*, греч. *kardia* 'сердце', хетт. *ḫastai-*, греч. *osteon* 'кость' и др.].

Так как звуковое обозначение понятия или грамматического отношения является не более как условным знаком, не связанным с самим понятием или грамматическим отношением по существу (ср. различные звучания слова «дом» в разных языках — греч. *oikos*, русск. *дом*, англ. *house*, араб. *baytun*, шум. *é* и т. д.), то ясно, что близость этих условных знаков в двух или более различных языках (если исключить случайные совпадения и заимствования) не может быть результатом аналогичного внутреннего развития. Такая близость языкового материала должна являться только результатом общности происхождения этих языков (материального родства).

Аналогичным путем в археологии устанавливается генетическое родство археологических культур. Форма сосуда или орудия может быть обусловлена его функцией, и потому может выработаться независимо, в результате одинаковых потребностей, в различных и генетически не связанных обществах. Функционально значимые особенности предмета не могут служить генеалогическими признаками. Напротив, систематическая близость орнаментальных и других второстепенных элементов сравниваемых предметов, если исключена возможность

случайного совпадения или заимствования, является свидетельством генетической или иной органической связи культур, создавших эти предметы.

Следует подчеркнуть, что фонетический строй языка не стоит на месте, а развивается, и притом довольно быстро и в каждом языке по-своему. Поэтому полная тождественность или сходство звучаний слов в сравниваемых языках редко может служить свидетельством их общего происхождения и в большинстве случаев объясняется совпадением. Звуковые соотношения сравниваемых слов должны представлять собой систему. Сравнению подлежат не сходство, а закономерное расхождение, подчиненное определенным, выявляемым путем анализа, закономерностям фонетического развития сравниваемых языков. Нужно показать, что оба сравниваемых слова не только могут, но, исходя из законов исторической фонетики данных языков, должны восходить к реконструируемому общему для них конкретному прототипу.

5. Правомерность реконструкции общего языка-основы для ряда языков, близких и закономерно расходящихся в звуковом оформлении своего словарного и грамматического фонда, исторически подтверждается широко известным фактом постепенного расхождения изолированных друг от друга говоров одного языка, распространенного на большой территории. В особенности в условиях племенного общественного строя вполне обычное явление распада племен неизменно сопровождается дроблением диалектов, постепенно расходящихся за пределы взаимного понимания. Однако дело нельзя представлять себе таким образом, что сами народности, говорящие на родственных языках, непременно имеют общее происхождение, являясь потомками некоей единой пранародности, говорившей на праязыке². Развитие и распространение языковых семей является значительно более сложным процессом.

В частности, в истории очень редко наблюдаются случаи полной физической смены на определенной территории одного народа другим, иноязычным. Поэтому распространение какого-либо языка или группы языков с первоначальной ограниченной территории на более обширную или просто на другую, как правило, не означает расселения народа — носителя этого языка с вытеснением автохтонов. В процессе соприкосновения народностей происходит вкрапление иноязычных групп в чужой языковой массив и восприятие соседних языков иноязычным населением, причем языком-победителем часто оказывается тот, который распространен на более обширной территории

² Следует заметить, что и сам реконструируемый праязык является в значительной мере условностью, и его обычно следует рассматривать как комплекс родственных диалектов.

и по этой или по другим причинам является средством взаимопонимания в более обширной или социально более значимой среде. Восприятие нового языка обычно происходит после периода двуязычия, причем старый язык населения оказывает в этот период влияние на новый в качестве с у б с т р а т а — в особенности в области фонетики, синтаксиса, но также и лексики и отчасти применяемой модели морфологических средств. Поэтому не только нельзя безоговорочно возводить народности, говорящие на языке одной семьи, к общей пранародности, но и не все расходящиеся языковые факты в родственных языках подлежат возведению к фактам языка-основы.

Помимо этого, следует учесть, что в процессе культурного общения происходят многообразные заимствования культурных изобретений и понятий, и вместе с ними заимствуются соответственные слова³. В большинстве современных языков заимствования составляют значительно более половины всего словарного запаса, а остальная его часть, за исключением 1—2% слов, представляет собой новообразования в пределах данного языка (из древнего общего или из заимствованного материала). Поэтому в плане установления родства для сравнения пригодны главным образом древнейшие слова основного словарного фонда, выражающие понятия, которые почти ни на одном этапе исторического развития не было причин заимствовать из другого языка или создавать заново, например, первичные числительные, названия простейших действий человека, частей тела, простейших терминов родства (кроме распространенных и международных по своему характеру, параллельно возникающих в разных языках детских словечек) и т. п.

Длительное совместное существование даже разных по происхождению языков приводит к возникновению явления «языковых союзов», что выражается в выработке многих общих элементов лексики («ареальная лексика»), однотипных приемов выражения сходных грамматических категорий и т. п., чему мы видим множество примеров на материале древневосточных языков. Но схождения этого рода не имеют генетического характера, не указывают на материальное родство языков.

6. По степеням выявляемого материального, генетического и ч е с к о г о родства между языковыми системами мы можем различать говоры, диалекты, языки, языковые подгруппы и группы, языковые ветви и языковые семьи.

Деление это весьма условно, и к тому же применяемые критерии классификации очень различны и не единообразны

³ Путем исторического анализа языка (если его история известна) заимствованные слова легко выделяются, так как они не несут на себе следов фонетических изменений, происходивших в языке до момента заимствования.

по характеру, и сами термины нередко применяются в различном значении. Например, понятия «язык» и «диалект» могут определяться с точки зрения взаимопонимания между носителями различных языковых систем, с точки зрения общественно-исторической роли тех или иных пользующихся ими социально-этнических единиц (племени, народности, нации), или с точки зрения степени генетической связи этих языковых систем между собой.

Если отвлечься от социальной обстановки, то критерием классификации различных степеней материального родства может служить степень взаимопонимания. При таком подходе мы можем обозначить как *г о в о р* местную языковую систему определенной группы людей, характеризующую частными особенностями речи, ни в какой мере не мешающими взаимопониманию носителей разных говоров того же языка; как *д и а л е к т* — языковую систему общего происхождения с другими сходными системами, имеющую существенные особенности, но находящуюся в пределах взаимопонимания носителей разных диалектов одного языка; отдельным *я з ы к о м* можно назвать комплекс взаимопонятных диалектов; языками одной *я з ы к о в о й г р у п п ы* являются языковые системы, понятные для носителей других языков той же группы лишь в общих чертах или вовсе непонятные, за исключением отдельных слов и выражений, но возводимые путем анализа к одному близкому прототипу, нередко еще исторически засвидетельствованному. К одной *я з ы к о в о й* ветви относятся языки, взаимопонимание между носителями которых чаще всего невозможно, но которые путем анализа могут быть возведены к одному более отдаленному языку-основе. И, наконец, *я з ы к о в о й с е м ь е й* мы назовем комплекс языков, включающий несколько ветвей, причем языки-основы каждой из них могут быть возведены к общему праязыку, являющемуся при данной степени развития науки наиболее отдаленным прототипом, к которому еще можно возвести материально родственные между собой языки.

Разумеется, эта градация чрезвычайно условна, и в действительности трудно провести четкую грань между говором и диалектом, диалектом и языком, группой и ветвью, так как трудно сказать, что нужно считать частными, а что — существенными особенностями речи, что — близким и что — более отдаленным прототипом. Помимо этого, в ходе развития языков степень их близости между собой непрерывно меняется; так, если древнейшие засвидетельствованные языки семитской ветви египетско-арамейской семьи, по-видимому, находились в пределах взаимопонимания, то в настоящее время нет взаимопонимания даже между диалектами в пределах одного арабского языка, тем менее между языками одной группы или ветви семитских

языков. С другой стороны, славянские языки считаются ветвью, а не группой, хотя между многими из них все еще сохраняется известная степень взаимопонимания.

Так как невозможно вводить особую классификацию для каждого этапа развития языковой семьи отдельно, то за основу берется обычно какой-то один хронологический уровень ее развития.

Существенно, однако, что деление на диалекты и языки может иметь не чисто лингвистический, а общественно-исторический характер. Для каждого исторического периода приходится считать *я з ы к о м* не столько группу взаимопонятных диалектов, сколько языковую систему того этнического единства, которое является ведущим и характерным в смысле своей общественной роли на данной стадии развития и которое сознает себя как единство; поэтому мы говорим о *п л е м е н н ы х я з ы к а х*, а не о диалектах, когда носители этих диалектов, несмотря на возможное взаимопонимание, не признают своего диалекта как часть одного языка, или о *я з ы к а х н а р о д н о с т е й* и *н а ц и о н а л ь н ы х я з ы к а х* — также уже независимо от степени их взаимопонимания. Для народности и нации появляется понятие о *б щ е н а р о д н о г о я з ы к а* как совокупности говоров, сознающихся как часть одного языка; общенародный язык получает оформление в виде *л и т е р а т у р н о г о я з ы к а* письменности, общего для целого ряда диалектов и иногда даже для ряда языков. Языковые системы, пользующиеся одним письменным языком, при том, что их носители признают свою принадлежность к одной народности или нации, с этой точки зрения остаются *д и а л е к т а м и*, даже если между ними уже отсутствует взаимопонимание (например, диалекты китайского, арабского, некоторые диалекты немецкого языка); напротив, даже очень близкие диалекты, если они пользуются разными письменными языками и если их носители считают себя принадлежащими к разным нациям или народностям, являются с общественно-исторической точки зрения отдельными *я з ы к а м и* (например, русский и белорусский, таджикский и персидский, голландский и фламандский).

Наконец, термин «диалекты» часто применяется в лингвистике к языкам, рассматриваемым как разветвление общего языка-основы, независимо от современной степени их расхождения или от национального самосознания их носителей в настоящее время, имея в виду их первоначальное состояние диалекта соответственного праязыка. В этом смысле говорят о «славянском диалекте» в значении языка-основы всей славянской ветви индоевропейских языков как одного из диалектов первоначального индоевропейского праязыка.

§ 3. Проблемы родственных связей языков древней Передней Азии

1. Как указано выше, родством языков признается только материальное родство, т. е. наличие закономерных фонетических соответствий, проявляющихся в корнеслове и морфологических формантах сравниваемых языков. Эти соответствия либо могут быть настолько близкими, что выявляются даже при поверхностном наблюдении (при этом непременно следует исключить случайные сходства, а также слова, представляющие прямые заимствования одним языком из другого, или обоими из третьего), либо могут быть выявлены только путем анализа (см. табл. 1).

В этой таблице сразу бросается в глаза родство хурритского и урартского, а также аккадского, древнееврейского и арамейского языков. Близость корней здесь имеет не случайный характер (как, например, близость элам. *hi* и др.-евр. *-hū*, арам. *-eh*), так как распространяется на множество слов основного словарного фонда и главное имеет систематический характер, что видно из табл. 2 (см. стр. 18).

Из этой таблицы видно, что не только близость между словами этих трех языков не случайна, но что и расхождение также подвержено закономерности. Так, определенные согласные, регулярно выступающие в аккадском в виде *ṣ, š, z*, в арамейском дают $\langle \gamma, t, d \rangle$; долгий *ā* в аккадском и арамейском соответствует долговому *ō* в древнееврейском, краткий *i* (или *e*) в тех же двух языках в определенной позиции соответствует *ē* в древнееврейском. Кажущиеся отклонения от этих правил частью объясняются окружающими фонетическими условиями, т. е. комбинаторно (например, в древнееврейском сохраняется краткий *i* в основе *šinn-*, если этот *i* неударный, — так, мы имеем *šin'nō* 'его зуб', но *šēn* 'зуб'; краткий *a* в предударном слоге дает в древнееврейском *ā*, а в арамейском *ə*, но в других случаях сохраняется), частью совпадением первоначально различных звуков (например, акк. *šūr-*, др.-евр. *šōr-*, арам. *tōr*, но акк. *šēmi-*, др.-евр. *šōmē^a*, арам. *šāma'*; это объясняется тем, что в первом случае акк. и др.-евр. $\check{s} < \check{t}$, а во втором это \check{s} первоначальное; это видно из сопоставления араб. *ṭaur* и *sāmi'*, где араб. *s* соответствует \check{s} других семитских языков).

Близость аккадского, древнееврейского и арамейского, с одной стороны, и хурритского и урартского — с другой, такова, что при наличии даже небольшого сравнительного материала она видна наглядно, так как больших фонетических различий между ними не успело произойти. Однако сравнительно-исторический анализ позволяет иной раз установить родство и там, где оно не обнаруживается непосредственным

	Шумер.	Элам.	Хурр.	Ур.	Др.-егип.	Акк.	Др.-евр.	Арам.
'четыре'	* <i>lim</i> -1	(неизв.)	<i>tumni</i>	(неизв.)	<i>fdw</i> ⁵	' <i>arba</i> '-	' <i>arba</i> '	' <i>arba</i> '
'земля'	<i>ki</i>	<i>hal</i>	<i>ḥawr</i>	<i>qəwrā</i>	<i>t'</i>	' <i>erš-et</i> -	' <i>arš-</i>	' <i>arγ-</i> ⁶
'бог'	<i>diḡir</i>	<i>napp-</i>	<i>eni</i>	* <i>inu</i> ⁴	<i>ntr</i>	' <i>il-</i>	' <i>ēl</i> , 'ēlō ^{ah}	' <i>ēlāh-</i>
'слышащий'	<i>ḡeš-tuk-a</i> ²	(неизв.)	* <i>ḥaṣi</i> -3	* <i>ḥaši</i> -3	<i>sḏm</i>	<i>šēmi-</i>	<i>šōmē^a</i>	<i>šāma'</i>
'его' (при- тяжат. мест.)	{ <i>-ane</i> <i>-be</i>	} <i>hi</i>	<i>-ja</i>	<i>-je</i>	<i>-f</i>	<i>-šu</i>	<i>-hū</i> , <i>-ō</i>	<i>-eh</i>

Примечания. 1. Реконструированная форма; засвидетельствована форма *limmu* < **lim-a*.

2. Букв. 'ухо имеющий'.

3. Форма реконструирована, по образцу других причастий, от глагольной основы хурр. *ḥaṣ-*, ур. *ḥaš-*.

4. Реконструированная форма на основе форм *inu-š*, *ineriše*, *inusi* > **in(u)-usi* и т. п.

5. Гласные в древнеегипетском неизвестны. Звуки *t*, *d* в древнеегипетском означают не межзубные (вроде английского *th*), как в семитских языках, а аффрикаты типа *ч*, *дж*.

6. Древнейшая форма '*arγ-*' (*'arg-*), позже '*ar'*'.

Таблица 2

	Акк.	Др.-евр.	Арам.
'земля'	'erš-et-	'arš-	'ar'- < 'ary-
'дерево'	'iṣ-	'ēṣ-	'a'- < '*ay-
'выходить'*	wṣ	iṣ' < *wṣ'	j'' < *wy'
'три'	šalāš-	šālōš	talāt
'вол'	šūr-	šōr	tōr-
'зуб'	šinn-	šinn-	šinn-
'слышащий'	šēmi- < *šami'-	šōmē ^a	šāma'
'берущий'	'ahiz- < *'āhid-	'ohēz	'āhed
'жертва'	zīb- < *dibh-	zibh-	dibh-

* В арамейском «расти» и т. п.

наблюдением. Так, франц. [pje:]⁴ 'нога' и др.-арам. *ot* 'след' не имеют ни одного общего звука, однако являются родственными словами, так как франц. [pje:] восходит к позднелатинскому *ped(em)*, продолжающему индоевропейскую основу *ped-* || *pod-*, к которой восходит и др.-арам. *ot* через формы **hot* < **phot-* < **pod-*. Напротив, англ. [bæd]⁵ 'плохой' и перс. *bād* 'плохой' не имеют между собой ничего общего, так как первое, по-видимому, восходит к ст.-англ. *bæddel* 'не мужественный мужчина', а второе — к *vata*.

2. Такие более дальние родственные связи, скрытые происшедшими в течение веков фонетическими изменениями, на материале древневосточных языков проследить трудно, так как для их выявления требуется восстановление праформ; сделать же это возможно только при наличии целого ряда родственных между собой языков, в различной степени расходящихся с прототипом; из сопоставления различных вариантов, которые в отдельных языках возникли из первоначального звука, можно вывести характер первоначальной фонемы [так, если акк. *š* соответствует др.-евр. *š*, араб. *t* и араб. *t*, а другое акк. *š* соответствует др.-евр. *š*, араб. *š* и араб. *s*, можно умозаключить, что первоначально было два звука, причем наиболее вероятно, что первый из них был межзубным (англ. *th* [θ]), который по артикуляции близок и к *š*, и к *t*, и может в ходе истории языков развиваться в тот и другой звук]. Но когда расхождение зашло достаточно далеко (например, и.-е. *p*, давшее ноль звука в древнеармянском), то праформа слова восстанавливается лишь там, где сохранилось несколько сопоставимых языков на различных ступенях их истории, и

⁴ *pied*.

⁵ *bad*.

можно проследить направление развития их фонетического строя. Между тем ряд древневосточных языков если и состоит в генетическом родстве с какими-то другими языками, то только с такими, история которых нам неизвестна. Так, аккадский, древнееврейский, арамейский и арабский принадлежат к семитской ветви семитохамитской семьи языков; но другие языки этой семьи известны по большей части только в их современном состоянии. Поэтому восстановление общих семитохамитских праформ наталкивается на пока почти непреодолимые трудности, а материала единственного исследованного древнего семитохамитского языка, не принадлежавшего к семитской ветви — древнеегипетского, — оказывается для этой цели недостаточным.

3. Несколько облегчает дело выбор для сравнения слов из наиболее медленно меняющихся групп слов основного словарного фонда⁶ — числительных от трех до пяти или девяти⁷, личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица⁸, названий частей тела и терминов родства⁹ и некоторых других.

Так, если вместо имен и глаголов взять для сравнения притяжательные местоимения, то выявляется родство древнеегипетского языка с семитскими (табл. 3).

4. Там, где близкого и явного родства языков не наблюдается (но отчасти и в случаях близкородственных языков), приходится считаться со статистической вероятностью случайных совпадений. Так как корневая морфема в большинстве языков содержит от одного до двух, реже трех, согласных, и один, реже два, гласных, а общее число согласных фонем в языке обычно не превышает двух десятков, число же гласных — полудесятка, реже десятка (языки с несколькими десятками согласных или двумя десятками гласных фонем представляются большой редкостью) и не все из них могут сочетаться, то можно подсчитать, что число корней в каждом языке — порядка нескольких тысяч. Но при поверхностном сравнении нередко сопоставляются основы не только закономерно сходные, но и просто похожие; например, основы, содержащие звуки *d*, *g*, могут сопоставляться с содержащими

⁶ Ср. § 2, п. 5.

⁷ До девяти — в период существования десятичной системы, до пяти — когда существовала система пятиричная или шестиричная. Числительные «один» и «два» менее устойчивы (так, «два» может заменяться словами «оба», «пара» и т. п.). Числительное «девять» часто меняется по аналогии с «десять».

⁸ Личные и притяжательные местоимения 3-го лица возникают из указательных, система же указательных местоимений на ранних этапах развития языка всегда бывает обширной и разнообразной.

⁹ Но в случае изменения системы обозначения родства в ходе развития общества, а также по другим причинам, термины родства могут быстро измениться.

Таблица 3

	Шум.	Элам.	Хурр.	Ур.	Др.-егип.	Акк.	Др.-евр.	Арам.
'мой'	- <i>ḡu</i> , - <i>mi</i>	<i>hu</i>	-(<i>i</i>) <i>f</i>	- <i>uk</i> < * <i>-u(v)</i> - - <i>kai</i> ²	- <i>j</i> ¹	- <i>ī</i> , - <i>ja</i>	- <i>ī</i> , - <i>j</i>	- <i>ī</i>
'твой' (м. р.)	- <i>zu</i>	<i>nu</i>	- <i>w</i>	- <i>w</i>	- <i>k</i>	- <i>ka</i>	- <i>kā</i>	- <i>āk</i>
'твой' (ж. р.)	- <i>zu</i>	<i>nu</i>	- <i>w</i>	- <i>w</i>	- <i>t</i> ³	- <i>ki</i>	- <i>k</i>	- <i>ēk</i>
'его'	- <i>ane</i>	<i>hi</i>	- <i>ja</i>	- <i>ja</i>	- <i>f</i> ⁴	- <i>šu</i>	- <i>hū</i> , - <i>ō</i>	- <i>eh</i>
'ее'	- <i>be</i>	<i>hi</i>	- <i>ja</i>	- <i>ja</i>	- <i>s</i>	- <i>ša</i>	- <i>hā</i>	- <i>ah</i>

Примечания. 1. В древнеегипетских текстах гласные не засвидетельствованы.

2. -*kai* здесь первоначально послелог 'перед'.

3. Из **-ki* (*t* читать «ч»).

4. Из **-sw*?

звуки *t*, *k* и т. п.; гласные при таком «любительском» сравнении нередко вообще не принимаются во внимание. Основных артикуляционных групп (губные, переднеязычные, заднеязычные и т. п. звуки) в каждом языке всего не более десятка (обычно меньше), поэтому число основ в языке, явно несхожих даже при «любительском» сравнении, в среднем всего порядка сотни. Между тем число слов в языке измеряется десятками тысяч, поэтому легко подобрать сходно звучащие основы в двух разных языках, однако это сходство будет случайным. Только закономерность фонетических соответствий, прослеживаемая на ряде примеров и подтверждаемая связью данных слов также и по значению, может служить доказательством родства языков и, в частности, самих сравниваемых слов.

При этом следует учитывать, что, как уже указывалось, громадное большинство слов, выражающих неосновные понятия, связанные с определенными временными, историческими условиями культуры и быта, либо складывается в каждом языке самостоятельно путем новообразования основ, либо заимствуется вместе с соответствующим культурным понятием из других языков. Поэтому материалом для сравнения могут служить только слова, выражающие наиболее старые, наиболее устойчивые понятия — слова основного словарного фонда, составляющего обычно не более 1—2% всего словаря. Как в настоящее время установлено математической лингвистикой, и из этого основного словарного фонда в среднем 15% слов в течение тысячелетия вымирает, заменяясь другими. За отрезок времени, исчисляемый десятками тысячелетий, в ранее родственных языках мог сохраниться лишь ничтожный оста-

ток общих слов основного словарного фонда, порядка одного слова на 10 тыс. Отличить в этом случае родство слов по происхождению от случайного совпадения невозможно, даже если сходство этих слов не стерто фонетическими изменениями.

Видимо, именно поэтому не удастся установить родства, например, шумерского языка с каким-либо современным — момент расхождения относится к слишком давним временам.

Существует мнение о родстве хурритского и урартского языков с северо-восточнокавказскими. Но хурритский уже существовал как самостоятельный язык во всяком случае около 4500 лет тому назад, а может быть и значительно раньше, причем на территории, достаточно отдаленной от Кавказа. Поэтому число возможных слов, общих между хурритским и, например, нахской группой северо-восточнокавказских, должно быть незначительным, и доказать родство, несмотря на некоторые систематические схождения, трудно.

5. Следует учесть также и то важное обстоятельство, что с развитием языков может коренным образом измениться грамматическая структура в каждом из сравниваемых языков в отдельности, что также затрудняет их сопоставление. Вообще, сходство или несходство грамматической структуры, как уже указывалось выше (§ 2), не может служить надежным свидетельством наличия или отсутствия родства между двумя языками, так как, с одной стороны, у языков, имеющих общее происхождение, структура могла измениться различным образом, а с другой, как мы увидим, совершенно аналогичная грамматическая структура может выработаться и в генетически различных языках.

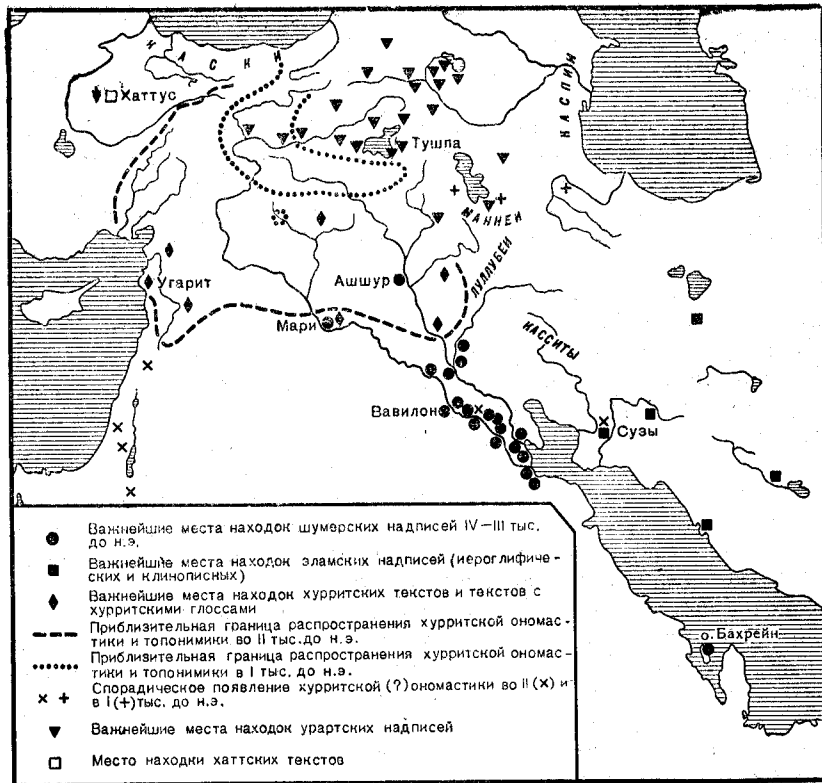
§ 4. Генеалогическая классификация языков древней Передней Азии

1. В пределах доступных сопоставлений языки древнего Ближнего Востока относятся к следующим семьям, ветвям и группам:

I. Шумерский язык — стоит особняком.

II. Эламский язык. Наиболее вероятно, что эламский представляет очень раннее ответвление дравидической семьи языков, распространенной ныне в Южной Индии и в Белуджистане (юго-западный Пакистан)¹⁰. Эта идея была выдвинута Ф. Борком, однако он ее дискредитировал явно несуразными сопоставлениями. Так, он сопоставлял древнеперсидское

¹⁰ Следы древнего дравидического населения обнаруживаются, быть может, также на Аравийском полуострове; вероятно, что в глубокой древности дравиды заселяли и Иран.

название Элама — *Нūја* (происхождение которого неизвестно, причем сомнительно, было ли распространено это или подобное название среди самих эламитов) со словом дравидического языка брахуи *hūwāja* 'господин', в то время как это слово — очевидное заимствование известного арабо-персидского слова *hōja* < *hūwāja* 'ходжа'. В недавнее время вопросом о родстве эламского с дравидическими занимался В. С. Воробьев-Десятковский, пришедший к важным положительным выводам, однако безвременная смерть оборвала его исследования.

Отнесение к одной группе с эламским также и касситского языка, от которого известно меньше сотни слов и нет ни одного связного текста, в настоящее время, после работ К. Балкана, кажется сомнительным; во всяком случае близкого родства тут нет.

На основании общности формантов множественного числа родственным эламскому иногда считается луллубейский язык, о котором, впрочем, почти ничего не известно.

III. Хаттский, или протохеттский, язык (не смешивать с хеттским, или «неситским», — одним из обширной группы

«анатолийских» индоевропейских языков древней Малой Азии). По мнению Г. А. Меликишвили и его ученика Г. Г. Гиоргадзе, на этом же или близко родственном языке говорили и племена касков¹¹ в северо-восточной части Малой Азии. Согласно И. М. Дунаевской, протохеттский язык близок к абхазо-адыгской ветви (или семье) кавказских языков, по крайней мере структурно. Относительно возможности их материального родства см. Приложение к гл. IV.

IV. Хурритский и урартский языки очень близки между собой, и можно установить закономерный характер фонетических соответствий между ними. Как уже упоминалось, имеются серьезные доводы в пользу родства хурритского и урартского с северовостокавказскими языками, с которыми они, возможно, составляют одну «востокавказскую» общность. Другие сопоставления, например с этрусским, грузинским языком и т. п., по-видимому, не выдерживают критики.

V. К ветви (или семье) северовостокавказских языков относятся многочисленные и значительно отличающиеся друг от друга современные языки Дагестана и близкие к ним нахский язык (территория Советского Азербайджана); немногочисленные надписи на этом языке (IV—VIII вв. н. э.?) не расшифрованы; сохранились единичные слова у средневековых армяноязычных и арабоязычных авторов.

Судя по памятникам материальной культуры, однородное с албанским население было в древности распространено также в совр. Иранском Азербайджане и Курдистане; в III—II тысячелетиях до н. э. здесь существовал язык племен кутиев (*kuti*), от которого сохранилось некоторое количество собственных имен. Не исключена возможность, что и этот язык относился к числу нахско-дагестанских¹².

VI. Картвельские языки (называемые также «иберийскими»), к которым принадлежат современные грузинский, мегрело-чанский и сванский языки, в древности письменными памятниками не засвидетельствованы, однако у нас есть все основания считать, что они были искони распространены в западной части Закавказья. Вместе с абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими (северовостокавказскими) языками картвельские языки обычно относят к од-

¹¹ Ср. «кашаг», «косог» — древние названия адыгейцев. Является ли сходство этих названий органическим, — неясно.

¹² Высказывалось мнение о связи термина *kuti* с этнонимом *uti*, которым обозначалось в I тысячелетии до н. э. одно из албанских племен, остатком которого, возможно, является маленькая дагестанская по языку народность удин, проживающая в двух деревнях у границы Азербайджана и Грузии. Однако этого внешнего сходства названий, конечно, недостаточно для определенных выводов.

ной, кавказской, или «иберийско-кавказской», семье языков, однако материальное родство этих языковых групп между собой не может считаться окончательно доказанным¹³.

VII. Семитохамитские языки представляют обширную, ныне существующую языковую семью. В древности письменными памятниками засвидетельствованы языки, принадлежащие к трем ветвям этой семьи.

(1) Семитские языки делятся на ряд групп; в настоящей книге предложено наименование этих групп, несколько отличное от общепринятого, которое ниже приводится в скобках:

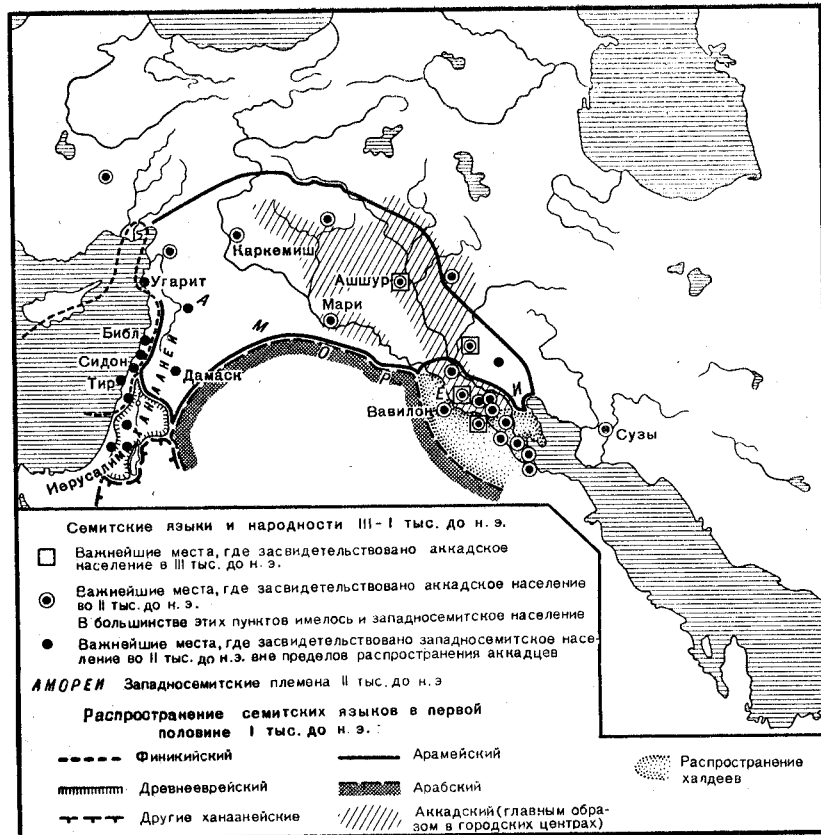
А. *Севернопериферийная* (северо-восточная) группа: аккадский язык с диалектами ассирийским, вавилонским и др., известен с середины III тысячелетия до н. э. по конец I тысячелетия до н. э.

Б. *Североцентральная* (северо-западная) группа:

а) ханаанейская подгруппа включает из известных нам языков аморейский, угаритский, древнеханаанейский, финикийский (сновопуническим диалектом), древнееврейский (иврит) и моавитский. Угаритский представлен письменными памятниками XV—XIII вв. до н. э., финикийский — памятниками XIII в. до н. э.—IV в. н. э., древнееврейский — от XIII (?) в. до н. э. до современности, моавитский — одной надписью IX в. до н. э. и одним фрагментом. От аморейского и древнеханаанейского сохранились отдельные слова и собственные имена;

б) арамейские языки вычленились в отдельную подгруппу лишь с I тысячелетия до н. э. Они включают обширную группу родственных между собой арамейских языков или диалектов, многие из которых получили письменное оформление (важнейшие — «имперский» арамейский, или западноарамейское «койнэ», — VI—III вв. до н. э., язык вавилон-

¹³ Нам представляется наиболее вероятным, что существует единая кавказская (над-)семья языков, хотя и распавшаяся на три ветви в очень глубокой древности, вследствие чего родство этих ветвей между собой — более отдаленное, чем ветвей, например индоевропейской семьи. Согласно нашей точке зрения, первую ветвь составляют **восточнокавказские** языки, включающие хуррито-урартскую группу, представленную только мертвыми языками, и нахско-дагестанскую, от которой, напротив, известны только живые ее представители; нахско-дагестанская группа делится на нахскую подгруппу, стоящую несколько особняком от остальных, и подгруппы аваро-андо-дидойскую, даргинско-лакскую и лезгинскую вместе с вымершей (кроме удинского языка) албанской и, возможно, с древними более южными ответвлениями, ныне не существующими; вторую ветвь составляют **западнокавказские** языки (абхазо-адыгские и, возможно, хаттский); последний, быть может, имеет черты близости и с третьей, **центральнокавказской** (картвельской) ветвью. Однако собранный материал еще спорен, как и эти наши предположения.

ского Талмуда — I тысячелетие н. э., сирийский — II—XV вв. н. э. и др.). В настоящее время сохранилось два арамейских языка, из которых важнейший — новоассирийский, носители которого разбросаны в Иране, Ираке, СССР и других странах; второй живой арамейский язык имеет распространение в двух-трех селах Сирии (район Ма'лула).

В. *Южноцентральная группа* (или арабская подгруппа *южной группы*), к которой принадлежит классический арабский язык (письменность начиная с VII—VI вв. до н. э. и до наших дней) и целый ряд сильно разошедшихся современных арабских диалектов и даже языков (особенно далек от других мальтийский). В древности сведения об арабском языке в виде отдельных имен собственных имеются с VIII—VII вв. до н. э.

Г. *Южнопериферийная группа* (или южноарабско-эфюпская подгруппа *южной группы*) из древних языков включает так называемые южноаравийские диалекты [с а б е й-

ский, минейский, катанский, хадрамаутский, письменные памятники с VIII (?) в. до н. э. по VII в. н. э.] и эфиопский язык в Африке (иначе ге'эз, письменные памятники начиная с III в. н. э.). В настоящее время к этой группе относится ряд современных языков Эфиопии (тигре, тигринья, близкие к ге'эз, амхарский, гураге, харари и др.) и о. Сокотра (сокотри), а также некоторые бесписьменные диалекты Йемена и Хадрамаута (мехри, шахри — неправильно шхаури, и др.). Языки этой группы, в том числе и древние, сильно отличаются от арабского, и считать их подгруппой единой южной группы, вероятно, неправильно¹⁴.

(2) **Египетский язык** составляет отдельную ветвь семито-хамитских языков, вымершую в XVI—XVII вв. н. э. Письменность с конца IV тысячелетия до н. э.; со II в. н. э. язык называется коптским (обладает алфавитной письменностью, до сих пор применяемой вместе с коптским языком в церковном обиходе арабоязычных христиан Египта).

(3) **Берберо-ливийские языки.** В древности только нумидийский — один из ливийских языков северной Африки — обладал письменностью (с III в. до н. э.). В настоящее время к этой ветви принадлежат языки некоторых народностей Северной Африки (берберы, туареги).

(4) **Кушитские языки.** Хотя носители кушитских языков, несомненно, были известны древним египтянам, но от их древних языков ничего не сохранилось. В настоящее время к этой ветви относится ряд языков Судана, Эфиопии, Сомали, Кении и Танзании.

(5) **Чадские языки.** Языки этой ветви, из которых важнейший современный язык — хауса (в Нигерии и соседних странах), в древности не засвидетельствованы.

Ветви 2—5 ранее ошибочно объединялись под общим названием хамитских языков¹⁵.

VIII. Индоевропейские языки. Из обширной индоевропейской семьи языков в древней Передней Азии были представлены

¹⁴ Некоторые общие явления отделяют периферийные группы от центральных (в периферийных — сохранение древнего имперфектива, отчасти сохранение свистящих в местоимениях и в показателе каузатива, некоторые общие элементы морфологии и лексики; в центральных — новый перфектив с суффиксальным спряжением, имеющийся, впрочем, и в южнопериферийных, ряд других общих черт в морфологии и лексике); другие явления отделяют северные группы от южных (общие для северных языков черты лексики, общие изменения в фонетике; общая для южных языков черта более длительного сохранения древних особенностей в фонетике, более широкое распространение в них внутренней флексии, так называемое ломаное множественное число имен).

¹⁵ Неясна языковая принадлежность древнеэфиопского, от которого дошли надписи III в. н. э.

три ветви: анатолийская, фрако-фригийская и индо-иранская (индийская и иранская группы)¹⁶.

(1) **Анатолийские языки.** Сюда относятся языки древней Малой Азии: 1) хеттский собственно, или «неситский», или хеттский клинописный (письменные памятники XVII(?)—XIII вв. до н. э.); 2) близкий ему лидийский (письменные памятники V—IV вв. до н. э.); 3) палайский (известный по глоссам и небольшим отрывкам в хеттских-неситских текстах); 4) лувийский (письменные памятники того же времени) и близкий ему язык (или даже его диалект), условно называемый «хеттским-иероглифическим» (памятники XV(?)—VIII вв. до н. э.); 5) ликийский (близкий лувийскому, письменные памятники V—IV вв. до н. э.). Вероятна принадлежность к той же ветви языков карийского (письменные памятники VIII—IV вв. до н. э.), писидийского (полтора десятка надгробных надписей начала нашей эры) и сидетского, от которого дошло несколько коротких надписей IV—III вв. до н. э.

Неясна принадлежность неотожествленного языка надписи с о. Лемнос (VI в. до н. э.) и близкий ему этрусский язык в Италии (как известно, по традиции этруски считались выходцами из Малой Азии — из Лидии), а также еще некоторых древних языков бассейна Эгейского моря.

(2) **Фрако-фригийские языки.** На территории древней Малой Азии имеются надписи VIII в. до н. э. — I—II вв. н. э. на фригийском языке. К этой же ветви индоевропейских языков предположительно относится современный (и древний) армянский язык; спорно отнесение к этой ветви албанского (в Албании на Балканах)¹⁷. Неясно, принадлежал ли язык кочевых киммерийцев, проникших из северного Причерноморья в Иран, Армению и Малую Азию в VIII—VII вв. до н. э., к этой или к индо-иранской ветви.

¹⁶ Другие ветви индоевропейских языков: кельтская (языки бретонский, валлийский, ирландский, гэльский, или горно-шотландский, и вымершие галльский и кельто-иберийские языки Пиринейского полуострова), италийская (оскско-умбрский, латинский и др., и потомки латинского — романские языки: португальский, испанский, каталонский, провансальский, французский, сардинский, итальянский, ретско-фриульский, румынский, молдавский), германская (английский, фризский, голландский, фламандский, немецкий, исландский, норвежский, датский, шведский и вымерший готский), балтийская (литовский, латышский и вымерший прусский), славянская (русский, украинский, белорусский, лужицко-сербский, польский, чешский, словацкий, словенский, сербохорватский, новомакедонский, болгарский), греческая (греческий), «тохарская» (два вымерших языка в китайской Центральной Азии).

¹⁷ В древности к этой же ветви, возможно, принадлежали языки фракийцев и даков на территории современных Болгарии и Румынии и др. Центром распространения фрако-фригийских языков, как можно предположить, явилась территория племен археологической трипольской культуры на Украине (III—начало II тысячелетия до н. э.).

(3) **Индо-иранские языки.** В середине II тысячелетия до н. э. отдельными глоссами и собственными именами засвидетельствован в пределах хурритского языкового ареала неизвестный язык индо-арийской группы индо-иранских языков. В I тысячелетии до н. э. в Переднюю Азию временно откочевывают некоторые племена скифов, язык которых, судя по собственным именам, принадлежал к северо-восточной подгруппе иранской группы индо-иранской ветви индоевропейских языков. Остатком скифского языка является современный осетинский.

В Иране, по крайней мере с IX в. до н. э., были распространены языки западной (мидийский, парфянский) и юго-западной (древнеперсидский) подгрупп иранской группы языков. Далее к востоку, в Средней Азии и Афганистане, в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. (и, вероятно, уже во II тысячелетии до н. э.) были распространены языки северо-восточной подгруппы: авестский, хорезмийский, согдийский, бактрийский, сакские и др.¹⁸, еще далее на Восток, в Индии — языки индийской группы: древнеиндийский (ведический, позже классический санскрит, еще позже среднеиндийские диалекты — пракрыты).

К индо-иранской ветви принадлежит в настоящее время множество современных языков: к индоарийской группе — хиндустани (хинди и урду), бенгальский, маратхи, ория, пенджаби, раджастхани, сингальский (на Цейлоне) и др., а также цыганский; к промежуточной группе — дардские говоры Кашмира и кафирские говоры Афганистана и Пакистана; к северо-восточной подгруппе иранских — осетинский, ягнобский (в Таджикистане, потомок согдийского), ряд языков Памира, афганский (пушту), мунджанский и др.; к западной подгруппе — талышский (у Каспийского моря, остаток мидийского), курдский (по-видимому, язык омидянившихся кутиев или хурритов), белуджский (у Индийского океана) и др.; к юго-западной — персидский, татский (в Азербайджане и Дагестане) и таджикский.

2. Из перечисленных языков в настоящей книге будут разобраны следующие:

Шумерский (см. выше, I — гл. II).

Эламский (см. выше, II — гл. III).

Хурритский и *урартский* (см. выше, IV — гл. IV). В приложении к гл. IV даны краткие сведения о *протохеттском* (см. выше, III).

Семитохамитские языки (см. выше, VII) — общие сведения (гл. V). Более подробно будут рассмотрены семитские языки:

¹⁸ А также, вероятно, неизвестные нам языки промежуточной подгруппы.

А) аккадский (гл. VI) и Б) аморейский, угаритский, с приведением некоторых данных о древнеханаанейском (гл. VII), древнееврейском и арамейских (гл. VIII).

Интересующихся другими языками древнего Ближнего Востока можно отослать к работам, приведенным в краткой библиографии.

§ 5. Структурная классификация языков древней Передней Азии. Языки эргативного строя

1. Языки шумерский, эламский, хурритский и урартский принадлежат к типу агглютинативных, для которых характерно то, что каждое грамматическое отношение выражается отдельным показателем и что показатели располагаются друг за другом в определенной последовательности; корень и основа слова, а также показатели в принципе (если отвлечься от комбинаторных фонетических изменений, возникающих только в определенной фонетической обстановке) неизменны.

В синтаксическом отношении для всех этих языков характерна эргативная конструкция. Сущность ее заключается в отсутствии грамматической категории прямого объекта (дополнения).

2. В знакомых нам исторически засвидетельствованных индоевропейских языках всякое действие может грамматически рассматриваться либо с точки зрения субъекта этого действия, либо с точки зрения его объекта. Этим двум точкам зрения соответствуют два залога переходных глаголов — активный (действительный) и пассивный (страдательный); в первом случае исходным пунктом и грамматическим подлежащим является логический субъект действия (*человек кладет палку* — логический субъект действия является и грамматическим подлежащим и выражен именительным падежом как падежом подлежащего, объект действия выражен специальным объектным падежом — винительным, глагол согласуется с подлежащим = логическим субъектом); во втором случае исходным пунктом и грамматическим подлежащим является логический объект действия (*человеком положена палка* — логический субъект действия выражен косвенным падежом, логический объект действия является грамматическим подлежащим и поэтому выражен именительным падежом, глагол согласуется с подлежащим = логическим объектом).

В языках эргативной конструкции, где нет категории грамматического прямого объекта, не могут существовать залоги, так как в глаголе оказывается невозможным отдельно охарактеризовать действие с точки зрения его логического субъекта без учета точки зрения логического объекта действия. То, что

мы рассматриваем как объект действия, для эргативных языков является субъектом состояния, хотя и наступившего в результате данного действия. Поэтому он выражается падежом субъекта состояния (абсолютным)¹⁹, соответствующим нашему именительному, даже когда логически является одновременно объектом какого-либо действия.

Действительно, в глаголах состояния (непереходных) субъект (подлежащее) выражен в эргативных языках абсолютным падежом, так же как и в наших языках подлежащее выражено в этих случаях именительным падежом (*человек лежит*, шум. **lú i-ná*). Но в глаголах действия (переходных) абсолютным падежом, соответствующим нашему именительному, в языках эргативного строя выражается не логический субъект действия, а логический субъект состояния, наступающего в результате этого действия, т. е. то, что с точки зрения нашего восприятия есть логический объект (*человек кладет палку*, шум. **lú-e ġidru i-b-ġar-e*). Логический же субъект действия выражается особым, так называемым эргативным падежом (шум. **lú-e*). В этом отношении эргативная конструкция сходна с нашим пассивным залогом, с которым ее часто и смешивают (*человеком положена палка* — логический объект в именительном падеже). Однако существенная разница заключается в согласовании глагола. В нашем пассивном залоге господствует точка зрения логического объекта: он является грамматическим подлежащим, стоит в именительном падеже, и глагольная форма согласуется именно с ним (и только с ним), а падеж логического субъекта действия, выступающего как косвенное дополнение, является косвенным, и с ним глагольная форма не согласуется. В эргативной же конструкции одновременно отражены обе точки зрения — как точка зрения логического субъекта наступившего состояния (он же объект действия); поэтому о б а субъекта можно рассматривать как подлежащее, и поэтому глагольная форма может согласовываться с обоими субъектами, чего не может быть в конструкции пассивного залога.

Так, глагольная форма в шумерском предложении **lú-e ġidru i-n-ġar*, соответствующем нашему *человек положил палку* или *человеком положена палка*, не является ни действительным, ни страдательным залогом. Она не может быть действительным залогом, так как в прямом (абсолютном) падеже стоит логический объект *ġidru* 'палка', а логический субъект стоит в квази-косвенном (эргативном) падеже на *-e* (*lú-e* 'человек'). Но она не может быть и страдательным залогом, так как в этом

¹⁹ Этим же падежом выражается имя вне связи с глагольным действием; в индоевропейских языках эту функцию обычно также несет именительный падеж.

случае глагол должен был бы согласовываться с логическим объектом, т. е. с грамматическим подлежащим, — со словом, стоящим в прямом падеже; между тем субъектный показатель класса лиц *-n-* в глаголе согласуется со словом *lú-e* 'человек', а не с *ġidru* 'палка'.

Также и глагольная форма в шумерском предложении **lú-e ġidru i-b-ġar-e*, соответствующем нашему *человек кладет палку* или *человеком кладется палка*, не является ни действительным, ни страдательным залогом. Она не может быть действительным залогом по той же причине, что и глагольная форма в первом примере, — так как в прямом (абсолютном) падеже стоит логический объект *ġidru* 'палка', а логический субъект стоит в другом падеже на *-e*. Но она не может быть и страдательным залогом, так как хотя формант лица субъекта *-b-* (класс вещей) в глаголе согласуется с *ġidru* 'палка', как при страдательном залоге, но зато второй формант лица субъекта *-e* в той же глагольной форме согласуется с *lú-e* 'человек', как если бы это был действительный залог.

Абсолютный падеж *ġidru* — прямой падеж и соответствует здесь не нашему винительному, а нашему именительному падежу, выражая не объект, а субъект (а именно, субъект наступившего состояния). Но и эргативный падеж здесь не является косвенным, так как с ним согласуется глагол, и он выражает субъект (а именно, субъект действия).

Таким образом, глагольная форма переходного глагола в эргативных языках залогово-нейтральна и соответствует обоим нашим залогам — и активному, и пассивному, и обычно характеризуется субъектно-объектным или, точнее, двусубъектным спряжением²⁰.

Поэтому во всех эргативных языках переходные и непереходные глаголы отличаются и формально: первые обычно обладают субъектно-объектным (или, точнее, двусубъектным), вторые — субъектным спряжением.

Конечно, это лишь принципиальная схема, и в ходе развития отдельных языков возникают различные осложняющие ее детали.

²⁰ Это наиболее простой случай; существуют также, например, языки с чисто-«объектным» спряжением переходного глагола, т. е. согласующие глагол только с субъектом состояния, и языки с согласованием глагола не только с субъектом действия и прямым объектом, но и с косвенными объектами. Иначе говоря, как указал Влч. В. Иванов, глагол можно понимать как предикат, который может быть многоместным: *я иду* — одностный предикат, т. е. *иду (я)*; *я убиваю белку* — двухместный предикат, т. е. *убиваю (я, белка)*; *я даю тебе книгу* — трехместный предикат, т. е. *даю (я, ты, книга)*. Глагол может согласоваться со всеми теми словами, которые занимают соответствующие места при предикате, или только с частью их. Употреблять не только термин «объект», но и термин «субъект» мы, строго говоря, при таком понимании глагольной структуры не имеем права.

3. Резюмируя, можно отметить следующие основные и наиболее обычные и характерные черты языков эргативного строя: 1) в них нет категории прямого дополнения, и соответственно: а) не может существовать винительного падежа, б) не может существовать активного и пассивного (действительного и страдательного) залогов, в) один и тот же абсолютный падеж соответствует нашему именительному при непереходных и нашему винительному при переходных глаголах; 2) категория действия противопоставляется категории состояния, и поэтому: а) при глаголе действия нашему именительному соответствует особый эргативный падеж, б) непереходные и переходные глаголы формально различаются, в) переходные глаголы, как правило, имеют субъектно-объектное (двусубъектное) спряжение.

Примечание. Интересующихся существующими теориями эргативного строя можно отослать к сборнику «Эргативная конструкция предложения» (М., 1950), составленному Е. А. Бокаревым, в особенности ко вступительной статье А. С. Чикобавы. Здесь мы только вкратце скажем, что большинство западных исследователей пыталось насильственно подогнать эргативную конструкцию либо под схему активного, либо (чаще) пассивного залога.

4. Наиболее убедительным образом возникновение эргативной конструкции предложения можно объяснить из существования доглагольного состояния. Действительно, в эламском языке непереходный глагол неотличим от имени в роли сказуемого; следы подобного же положения вещей довольно ясно заметны в шумерском, хурритском, древнесемитских и других семитохамитских языках. Предположим, что первоначально не существовало не только особого непереходного, но и вообще никакого специфически оформленного глагола. Тогда глагольное содержание должно было передаваться именным²¹ предложением; при этом следует учесть, что если не было глагола, то тем более не было и залогов, а следовательно и глагольное имя было нейтральным в отношении залога. Иначе говоря, не было причастий *ударяющий* и *ударяемый*, а было только имя действия *удар*; не было и непереходного причастия, например *лежащий*, а только имя состояния *лежание*.

Если мы теперь представим именованное предложение, в котором субъектом является *человек*, а предикатом (сказуемым) то обстоятельство, что он *лежит*, то это возможно было выразить только путем простого сопоставления: *человек — лежание* (так как если мы возьмем, например, определительную конструкцию *человека лежание*, то в ней логическим субъектом

²¹ Понятие «имени» здесь условно: поскольку не существовало противопоставления имени глаголу, постольку, в сущности, неправомерно говорить не только о глаголе, но и об имени как таковом.

будет уже не *человек*, но *лежание*, что не соответствует нашей первоначальной предпосылке).

Допустим, однако, что нам нужно при этих же условиях выразить не состояние, а действие. По аналогии с *человек — лежание* = «человек находится в состоянии лежания», «человек лежит», конструкция *человек — удар* обозначала бы «человек находится в состоянии удара», что равно могло бы означать «человек ударяет» или «человека ударяют». Поэтому имя действия *удар* требует либо определения: *человек — удар врага* = «человек находится в состоянии удара, принадлежащего или относящегося к врагу» = «человека ударил враг» (или, что то же, «человек ударен врагом» — посессивная конструкция), либо обстоятельственной характеристики, выражаемой той или иной формой местного показателя (локатива): *человек — удар у врага*, или *от врага*, и т. п. = «человек находится в состоянии удара, исходящего от врага» = «человека ударил враг», или, что то же, «человек ударен врагом» — эргативная конструкция (в самом деле, эргативный падеж обычно восходит к тому или иному локативному или инструментальному показателю). Так возникает залогово-нейтральная конструкция, выражающая действие и отражающая как его субъект, так и объект, или, что то же, субъект действия и субъект наступившего состояния.

Если субъектами действия и состояния являются 1-е или 2-е лицо, то они должны выражаться местоимением 1-го или 2-го лица в соответственном падеже. Теперь уже достаточно, чтобы эти показатели местоимений, вследствие частоты употребления с глагольным именем, приросли к нему, чтобы получить финитную (спрягаемую) форму глагола с личным субъектным (для непереходного глагола) и двусубъектным, иначе субъектно-объектным, спряжением (для переходного глагола). 1-е и 2-е лицо глагола будет выражено показателями, восходящими к личным местоимениям (соответственно в прямом падеже — для субъекта состояния и косвенном — для субъекта действия). 3-е лицо глагола будет выражено чистой основой глагольного имени. Если в языке имеются классы имен (например, показатели класса одушевленных и неодушевленных предметов), то в 3-м лице к глагольной основе могут прирастать классные показатели соответствующего местоимения: *человек* (одушевленное существо) — *удар у него* (одушевленного существа).

Что дело происходило, по-видимому, именно таким образом, видно из того, что в некоторых языковых семьях форманты глагольного спряжения не могут быть возведены к праязыковому прототипу, так как выработали у себя финитные формы глагола самостоятельно, а язык-основа находился в доглагольном состоянии.

Следует оговориться, что наряду с развитием собственно эргативной конструкции возможна и сходная, но возникающая на другой почве. В ходе фонетического развития языка финитная форма глагола может по чисто фонетическим причинам потерять конечные показатели и превратиться в чистую основу; в этом случае процесс возникновения личных показателей начнется снова, и при этом снова может возникнуть нечто внешне сходное с эргативной или посессивной конструкцией (так в новоиранских и новоиндийских языках).

§ 6. Структурная классификация языков древней Передней Азии. Языки номинативного строя

1. Семитохамитские и индоевропейские языки принадлежат к типу флективных, для которых характерно, что показатели могут выражать целые комплексы отношений (например, одновременно число, род и падеж — так, в русском нулевой показатель в слове *собак* выражает множественное число, женский род, родительный или винительный падеж, и в то же время формально совпадает с нулевым показателем единственного числа мужского рода именительного падежа); различные показатели поэтому обычно не скапливаются при слове. Корень и основа подлежат в этих языках изменениям, имеющим грамматическое значение (внутренняя флексия).

В синтаксическом отношении для семитских и индоевропейских языков характерна номинативная конструкция, т. е. наличие категорий прямого объекта, выражаемого специальным винительным падежом, активного и пассивного залогов и единого падежа грамматического подлежащего, т. е. субъекта состояния в непереходных глаголах, субъекта действия в активном залоге переходного глагола, логического объекта действия в пассивном залоге переходных глаголов. Все глаголы согласуются только с подлежащим.

2. Нужно оговориться, что эта характеристика вполне верна только для наиболее типичных индоевропейских языков, — более поздние индоевропейские и семитохамитские языки теряют флексию; все семитохамитские и, по-видимому, древнейшие индоевропейские языки сохраняют значительные элементы агглютинации, обладают развитой системой местоименных показателей объекта при глаголе, до известной степени эквивалентной объектному компоненту субъектно-объектного спряжения, а древнейшие из них не имеют пассивного залога и сохраняют и другие важные пережитки эргативной конструкции, в частности, обладают особой беспадежной (абсолютной) формой для имени, не связанного с глагольным действием.

На примере семитских языков, вероятно, можно будет выявить один из путей образования номинативной конструкции, а именно, из эргативной (см. об этом в гл. V, § 8).

ГЛАВА II

ШУМЕРСКИЙ ЯЗЫК

§ 1. Общие сведения о месте и времени распространения

1. Из всех несемитских языков древней Передней Азии шумерский представлен наибольшим числом памятников и более других изучен. На нем имеет смысл остановиться несколько подробнее, так как, несмотря на исключительное своеобразие шумерского, в нем наблюдается и изучено много явлений, встречающихся и в большинстве других языков древней Передней Азии, менее исследованных. Однако в грамматике шумерского языка еще много неясного, нет также достаточно полного шумерского словаря.

2. Шумерский язык был распространен в Двуречье Евфрата и Тигра, от линии, проходящей у совр. Багдада, к югу до Персидского залива. Насколько и когда он был распространен как живой язык севернее этой линии, трудно сказать.

3. Время появления шумерского языка в Двуречье остается неясным. Аллювиальные, заболоченные низовья Евфрата и Тигра долгое время были необитаемыми. Сейчас имеются довольно убедительные данные в пользу того, что названия населенных пунктов (топонимика) Шумера не всегда шумерского происхождения; в самом шумерском языке имеется некоторое количество слов, которые, возможно, не шумерского, но и не семитского происхождения. Поэтому вероятно, что шумерскому населению в низовьях Тигра и Евфрата предшествовало какое-то другое.

4. Существует теория, что шумеры пришли с Востока, с гор Ирана и из Средней Азии. Однако доводы в пользу этого пока недостаточно убедительны. Сами шумеры связывали свое происхождение скорее с юго-востоком, с островами и побережьем Персидского залива. Первые шумерские поселения (с этимологизируемыми на основе шумерского языка названиями) возникают в начале IV тысячелетия до н. э. на крайнем юге страны. Письменные памятники известны в Шумере с последней четверти IV тысячелетия; около 3000 г. до н. э. за-

свидетельствовано «ребусное» использование знаков письменности (см. ниже, § 2, п. 3), и из этого видно, что язык уже был шумерским. Фактически, можно проследить само сложение письменности, и нет оснований предполагать, что она первоначально была создана для какого-то другого языка и лишь заимствована для шумерского. Поэтому вероятно, что в Южном Двуречье говорили по-шумерски с прото-письменного периода, а судя по преемственности культуры, вероятно и значительно раньше, по крайней мере с середины или с начала IV тысячелетия до н. э.

В III тысячелетии до н. э. различное положение существовало на юге страны (к югу от Ниппура — Шуруппака) и к северу от этого центра. Южнее Ниппура и Шуруппака семитских имен собственных до XXIV—XXIII вв. практически не встречается, севернее же они были распространены уже и раньше, а в дальнейшем число их все увеличивается. Эта северная часть страны называлась по-шумерски Ки-Ури, а по-аккадски сначала Варум, а позже, по столице государства, основанного в XXIV в. до н. э. Саргоном Древним, — Аккад. Центральная, а затем и южная часть стала тогда называться Шумером¹; ранее общим названием всей шумеро-язычной территории было просто Страна — *Kalam*. Народ шумеров также не имел самоназвания; жители назывались каждый по своей общине — «человек Ура», «человек Урука», «человек Лагаша»; все жители Двуречья, независимо от языка, назывались «черноголовыми» — [*saġ-ġiġa*]; так называли себя и семитоязычные жители Двуречья (акк. *šalmāt kaġkadim*).

5. Постепенно, двигаясь с севера на юг, семитский аккадский язык вытесняет архаичные и, видимо, в живой речи сильно различавшиеся общинные шумерские диалекты. Еще в XXI в., при «Царстве Шумера и Аккада» (так называемой III династии Ура), шумерский язык был официальным языком канцелярий по всему государству. Но в живом обиходе уже в это время аккадский язык проник до самого юга страны. Шумерский язык сохраняется, по-видимому, в болотах низовий Тигра и Евфрата до середины II тысячелетия до н. э., но примерно с XVI—XV вв. и здесь перестают давать детям шумеро-язычные имена. Однако шумерский продолжает сохраняться как язык религии и отчасти науки на всем протяжении периода существования аккадского языка и клинообразной письменности, и в качестве такового изучается и за пределами Дву-

¹ Пишется по-шумерски знаками KI.EN.GI. Распространено мнение, что это слово надо читать фонетически: **Keġi(r)*, что и является прототипом диалектной (?) формы *Šumer*. Однако нет достаточно убедительных свидетельств диалектного перехода *k > ġ*, поэтому написание KI.EN.GI лучше рассматривать как составную идеограмму (§ 2, п. 3) с чтением *Šumer*.

речья, в странах, где была распространена клинопись. Окончательно шумерский язык был забыт только во II—I вв. до н. э.

6. Хотя шумерский язык был вытеснен семитским аккадским, но физического вытеснения одного народа другим не произошло; не изменился антропологический тип (вариант средиземноморской расы, сосуществовавшей с арменоидным, или ассириидным, вариантом балкано-кавказской расы), не произошло почти никаких существенных изменений в культуре, кроме обусловленных развитием социальных условий. По существу позднейшие вавилоняне — тот же народ, что и шумеры (с некоторой примесью окрестного семитского населения), но сменивший язык.

§ 2. Шумерская письменность

1. В период новокаменного века (неолита) различные племена мира делают попытки графической фиксации сообщений в виде пиктографии. Пиктографическая запись состоит из рисуночной композиции, отмечающей основные вехи сообщения, или из нескольких отдельных рисунков, которые должны напоминать о важнейших моментах передаваемой информации. Например, можно нарисовать лодку с людьми под тотемическим знаком «черепахи», три солнца и животных, перевернутых вверх ногами, и это должно означать, что группа людей из рода «черепахи» отправилась в лодке на охоту и убила таких-то животных. Можно все эти изображения связать одной линией, чтобы показать связь изображений между собой, как составляющих одну мысль, одно сообщение. Пиктография не является еще письмом, так как не передает дословного содержания речи, а является лишь напоминанием передающему или воспринимающему сообщение; последнее можно выразить в любых подходящих словах, с любым порядком слов и даже на любом языке². Пиктограмма имеет значение только вся целиком, а отдельные знаки ничему в языке не соответствуют и не составляют системы графических обозначений каких-либо конкретных элементов речи.

2. Древнейшей засвидетельствованной шумерской записью является таблетка Государственного Эрмитажа □ 15000, которую можно датировать приблизительно 3200—3100 гг. до н. э. Она содержит четыре рисуночных знака, но эти знаки не составляют уже комплекса; каждый из них имеет самостоятельное значение, напоминая об одном определенном понятии (является идеограммой).

От времени около 3000 г. (археологический слой «Урук IV» на грани начинающегося археологического периода «Джем-

² Напоминательные (мнемонические) средства могут быть и не графическими (например, узелки на веревке, зарубки и т. п.).

дет-Наср») до нас дошел целый архив документов из древнего Урука (совр. Варка). Это — архив хозяйственных документов: перечни разных выдач и поступлений, состоящие из цифр и из знаков, обозначающих каждый какое-либо конкретное понятие или предмет. Однако и здесь нет еще попытки передавать связную речь как таковую, и здесь знаки носят напоминательный, мнемонический характер. Это видно, например, из того, что порядок знаков безразличен. Для того чтобы написать, скажем, «4 черных козы», можно написать «III КОЗА ТЕМНОТА», или «III КОЗА ТЕМНОТА», или «III ТЕМНОТА КОЗА», или «III ТЕМНОТА КОЗА». То обстоятельство, что цифры ставятся всегда в одном и том же месте комплекса (в начале), объясняется не передачей порядка слов речи, а удобством подсчета цифр. Ни порядок слов в речи, ни язык не переданы, хотя писец, конечно, связывал в уме каждое понятие с определенным словом.

Однако такой способ графической передачи сообщений был удобен только для перечней и т. п., так как он не воспроизводил связной речи. Сколько-нибудь сложного сообщения передать было нельзя, поскольку далеко не все понятия поддаются непосредственному графическому воспроизведению, и совсем невозможно передать рисунками служебные слова, частицы, местоимения, грамматические показатели, неэтимологизируемые из родного языка имена собственные.

3. Для выхода из такого положения шумеры стали применять различные вспомогательные приемы: либо вводили условные значки, обозначающие понятие символическим, а не рисуночным (пиктографическим) способом, например рисовали тотемический значок общины или символ ее богини вместо ее названия; либо передавали одно понятие рисунком для другого по ассоциации, как, например, в приведенном выше случае понятие «черный» с помощью знака ТЕМНОТА — рисунка небосвода с черточками под ним , или понятия «ходить» и «приносить» при помощи рисунка НОГА ; либо передавали одно понятие двумя или более знаками [составные идеограммы, например: ЖЕНСКИЙ ПОЛОВОЙ ОРГАН+ГОРА (что означает «ЖЕНЩИНА+ЧУЖЕЗЕМНАЯ СТРАНА») = «рабыня»].

Но особо плодотворным оказался четвертый прием — реbusный. Хотя письмо еще не передавало никакого языка, и каждый знак передавал не слово, а только наминал о п о н я т и и (являлся и де о г р а м м о й), однако практически, поскольку каждый знак передавал в контексте какое-нибудь

одно понятие или предмет или же группу понятий, постольку этот знак всегда воспроизводился при чтении одними и теми же словами шумерского языка. Поэтому существовала возможность передавать с помощью знака не только само понятие, но также и звучание, связанное с этим понятием: идеограмма могла, таким образом, становиться логограммой, знаком для слова вместе с его конкретным звучанием; а это звучание можно было уже применить и для чисто фонетической передачи даже такого слова или показателя, которые не поддавались воспроизведению непосредственно в виде рисунка. Так, уже в архивах слоя «Урук IV» (около 3000 г. до н. э.) появляются знаки, передающие слова по фонетически-реbusному принципу, например, варианты знака, обозначавшего ТРОСТНИК (gi, gi_4), — для gi_4 'возвращать'. Несколько позже, в архивах слоя «Урук III/II» и синхронных слоях городища Джемдет-Наср на севере страны (около 2900 г. до н. э.) реbusные знаки (логограммы) начинают изредка применяться и как фонетические знаки (с и л л а б о г р а м м ы) для передачи грамматических форман-

тов; например, не только знак СТРЕЛА, шум. *ti* применяется для слова *ti(l)* 'жизнь', но и значок ЯЗЫК (изображающий, по-видимому, кожаный язычок и первоначально соответствовавший шумерскому слову *te*, 'язык') применяется для передачи грамматической связки *-te* '(они) суть'.

Этому приему способствовало то, что в шумерском очень много односложных слов.

4. Уже на стадии идеографии почти всякий знак имеет более одного значения, так как он не только выражает п о н я т и е, не определяя, каким именно словом оно должно быть выражено, но при этом обыкновенно может передавать даже не одно понятие, а целый пучок ассоциативно связанных понятий; например, рисунок темного небосвода может означать «ночь», «темнота», «черный», «беда», «болезнь» и т. п., рисунок ноги — «ходить», «стоять», «приносить». Поэтому и при развитии логографии каждый знак получает целую группу понятийно связанных словесных значений, например,

рисунок ноги передает основы *du, ará, gin* 'ходить', 'идти', *gub* 'стоять', *túm* 'приносить', знак клиновидного колышка — *gag* 'наконечник', *rü* 'забивать', 'всаживать', *dá* 'клин', *dū* 'строить'³. По той же причине знаки, получившие впослед-

³ Позже некоторые внешне близкие между собой знаки различались путем диакритических черточек, например: ХОДИТЬ,

вии фонетическое значение (силлабограммы), часто также получают не одно, а несколько фонетических звучаний (явление полифонии).

5. С другой стороны, как видно из предыдущих примеров, одно и то же звучание может передаваться разными знаками в зависимости от того, с каким понятием оно связывается (явление омофонии). Так, *du* 'ходить' пишется знаком НОГА, а *dù* 'строить' пишется знаком КОЛЫШЕК. Таким образом, принцип передачи слов (логография) не вытеснил идеографического принципа.

Это было чрезвычайно важно, так как в шумерском языке было огромное количество одинаково звучащих основ (возможно, различавшихся музыкальными тонами). На письме же они могли различаться, только будучи переданы разными знаками, в зависимости от обозначаемого ими понятия. В транслитерации, совершенно условно, мы обозначаем такие омофоны различными показателями, в порядке приближительной частоты встречаемости знака, например: *du*, *dù*, *dū*, *du₄*, *du₅*, *du₆*, *du₇*, *du₈* . . . *du₂₃* и т. д.⁴

6. В результате конкретное чтение знаков шумерского письма на стадии чистой идеографии и логографии не всегда можно было однозначно определить. Это явление повсеместно встречается в ранних видах письменности и вызывает у сторонних наблюдателей впечатление недостоверности расшифровки (отсюда, например, в наше время ожесточенная критика расшифровки Вентрисом крито-микенского линейного письма «В»). Но следует учитывать, что первоначально письмо применялось к узкому, вполне определенному, кругу сообщений, прежде всего к хозяйственным записям, приближительное содержание которых могло быть предположено заранее. Например, хотя написание ТЕМНОТА КОЗА могло бы в принципе означать и «черный цвет козы», и «козы ночью», и «козья беда» и т. д., однако, конечно, никто не сомневался, что в хозяйственном перечне это значит «черная коза». Таким именно образом советскому ученому А. А. Вайману удалось раскрыть содержание многих текстов подобного рода.

7. Еще более облегчается правильное чтение, если в письме выражаются грамматические показатели, позволяющие установить правильную грамматическую конструкцию предложе-

ПРИНОСИТЬ, ПОДОШВА, ОСНОВАНИЕ. В действительности по происхождению это разные знаки (босая и обутая нога!).

⁴ Таким образом, знаки акцентов и цифровые показатели не указывают на какое-либо различие в произношении или ударении. Всякое лишь недавно впервые установленное звуковое чтение знака, еще не зарегистрированное в издаваемых время от времени таблицах, получает в транслитерации значок *x*.

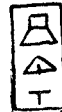
ния. Однако до этого дело дошло не скоро; в архиве Джемдет-Насра одно силлабографическое написание встречается едва ли не на тысячу идеографических или логографически-ребусных; еще долго не пытались строго соотносить порядок расположения знаков с порядком слов и грамматических показате-

телей в речи. Обычно рисунок типа БАРАН=шум. UDU означает «баран», «бараны», «барана», «барану», «баранов» и т. д. без воспроизведения грамматических показателей. Гораздо реже встречаются ребусные логографические написания слов, например для собственных имен: так, ПЕРО(?) — РЕШЕТКА(?) означает имя [Enlil] '(Бог) Энлиль'. ПЕРО(?) передает здесь слово *en* 'высокий', 'жрец', 'владыка'; РЕШЕТКА(?) — *il* 'воздух'; точно так же знак СТРЕЛА означал *ti* 'стрела' и *ti(l)* 'жизнь'.

Имеются уже, однако, очень рано и смешанные идеографическо-фонетические написания, например для неэтимологизируемого имени общины *Lagaša*: оно пишется знаками ŠIR, BUR, где ŠIR, возможно, священный значок светового божества *šir*, а BUR — видимо, изображение каменного сосуда *bur*; ŠIR.BUR было одновременно составной идеограммой с чтением *buru₄* для лагашской священной (?) птицы ворона; к этой комбинации знаков прибавляется знак со слоговым значением LA⁵.

Или можно было написать 'старейшины (это) суть' знаками ДОМ — КУЧА ЗЕРНА (?) — ЯЗЫК, причем рисунок

здания на возвышении означал *éš* 'дом', но также *ab* 'окно', 'отдушина', рисунок кучи зерна (?) означал *ba* 'выдача', 'выдавать'; а знак языка , как мы видели, читался *eme_x* 'язык'; все вместе можно было прочесть [*aba-me*] 'отцы (старейшины это) суть'. Но писцы, несколько не смущаясь, могли переставить эти знаки и в другом порядке, например, вместо АВ.ВА.МЕ написать ВА.АВ.МЕ. И долго еще большинство грамматических показателей оставляют вообще без обозначения. Чтобы отделить данную, связанную между собой, группу знаков от других, обводили ее рамкой:

8. Постепенно число фонетических знаков для передачи грамматических формантов все увеличивается, и примерно

⁵ Комплекс ŠIR.BUR+LA=*Lagaša*, однако, объясняется и иначе: ŠIR.BUR считается составным знаком для слова *gaša* (?) 'ворон' (?), употребленным здесь в фонетическом (логографическом) значении.

с 2500 г. (со времени правления Эанатума в Лагаше) обозначают почти все⁶ грамматические показатели и служебные слова, как правило, соблюдая порядок слов и показателей, соответственно живой речи. Только теперь графическая передача сообщений становится письменностью в собственном смысле слова, т. е. строго установленной системой графических обозначений, передающих речь и ее элементы — слова, слоги, отдельные звуки.

Письменность эта носит логографически- (или идеографически-) силлабический, иначе словесно-слоговой характер: основы всех слов пишутся почти исключительно знаками в их идеографическом (или логографическом) значении, и только форманты, а также служебные слова и т. п. — с помощью знаков в их фонетическом (слоговом) значении. Так как словесный знак сам по себе не дает указания на произношение слова и, будучи связан непосредственно с целым ассоциативным пучком понятий, многозначен, то при передаче гласных формантов слоговыми знаками одновременно передают и последний согласный основы: например, [gub-a]⁷ 'стоящий' пишется НОГА-*ba*, чтобы отличить от [gin-a] 'идуший', что пишется НОГА-*na* (в обычной транслитерации *gub-ba*, *gin-na*⁷, где слоги *-ba* и *-na* являются фонетическими комплексами и к идеограмме, передающей основу, и одновременно выражают формант причастия *-a*). Первоначально знак НОГА (*gub*, *gin*) мог передавать любую форму соответствующего глагола, например, *gina* 'идуший', *gineda* 'чтобы идти', *munegin* 'туда пришел' и т. п. Но с середины III тысячелетия знак начинает передавать только основу слова, и [gina] пишется *gin-na*, [gineda] — *gin-né-da* (или, чаще, *gine-da*), [munegin] — *mu-né-gin*. Таким образом, любое шумерское слово в форме чистой основы передается идеограммой-логограммой, имеющее же форманты — сочетанием знака в идеографическом (логографическом) значении для основы со знаками в слоговом значении для формантов, причем знак для гласного суффикса содержит одновременно и указание на последний

⁶ Важное исключение составляет ряд формантов, содержащих согласные *-n* или *-m* в конце слога; эти согласные в данный период по-прежнему на письме не передавались, и это часто затрудняет для современного читателя определение грамматической формы слова.

⁷ Транскрипции, раскрывающие структуру слова или вообще не следующие написанию подлинника, даны в квадратных скобках. Без квадратных скобок дана транслитерация, соответствующая орфографии подлинника или совпадающая с ней. Транслитерация каждого знака оригинала отделена от транслитерации соседнего знака дефисом. Ради унификации все языковые примеры как на шумерском, так и на других языках даются курсивом, хотя в специальной литературе для шумерского языка принята обычно транскрипция прямым шрифтом в разрядку.

согласный основы. Этим приемом не передается какое-либо удвоение этого согласного: *mu-na-né-túm-mu* надо читать [munanetumu], *gin-na* надо читать [gina], имя *Lugal-zag-gi-si* надо читать [Lugal-zage-si].

9. Такой способ письма обеспечивал достаточно надежное чтение и делал возможным запись текста любого содержания. Двусмысленность идеограмм, правда, сохранялась, так как далеко не во всех случаях имелись гласные суффиксы, при написании которых могли возникать фонетические комплексы; но в большинстве случаев правильное чтение всегда можно было выбрать по контексту, — конечно, при условии свободного владения языком⁸.

10. Тем не менее мы и до сих пор не знали бы произношения громадного числа шумерских основ, передающихся только понятными знаками, если бы до нас не дошли шумеро-аккадские силлабарии — списки логограмм, чтение которых раскрыто с помощью знаков в фонетическом чтении, а также шумеро-аккадские словари. Эти силлабарии и словари развились из шумерских орфографических справочников, составившихся еще с конца IV тысячелетия до н. э.; возникали они в период шумерско-аккадского двуязычия и в пору вымирания шумерского языка как пособие для аккадоязычных писцов II—I тысячелетий до н. э.

Однако следует отметить, что эти силлабарии и словари, во-первых, не охватывают всего словарного запаса шумерского языка и часто не могут разрешить наших сомнений относительно чтения шумерских слов в сложных случаях; для многозначных логограмм они в лучшем случае дают их различные чтения и значения, но не всегда помогают решить, какое из них следует выбрать в каждом данном контексте; во-вторых, они отражают только позднюю стадию развития шумерского языка; в-третьих, отражают только языковую норму, принятую в официальных писцовых школах и канцеляриях того периода, когда они создавались, в то время как в живых диалектах и в старых местных писцовых школах многое отклонялось от этой нормы; в-четвертых, нередко дают противоречивые све-

⁸ Некоторым подспорьем служили появившиеся в конце первой половины III тысячелетия детерминативы — непроемлемые знаки, обозначающие категорию понятия. В шумерском имеются детерминативы деревянных, тростниковых, металлических, каменных предметов, выючных животных, пицци и специально мяса, благовоний, птиц, рыб, овощей, божеств, территорий, рек и каналов, мужских и женских профессий. Некоторые из детерминативов пишутся перед словом, другие после него. В транслитерации детерминатив обозначается транскрипцией знака в его логографическом чтении, написанной над строкой. Например: ^dingir-*En-lil*, или, сокращенно, ^dEn-*lil* (читается [Enlil]) означает '(бог) Энлиль', а EN.LIL.ki, или *Niburu*^{ki} (читается [Niburu]) означает '(город) Ниппур'.

дения, отражая разные локальные и разновременные писцовые традиции. Поэтому при нынешнем состоянии наших знаний возможны неуверенность и колебания в чтении и понимании отдельных шумерских контекстов. Транскрипция шумерского текста почти всегда в какой-то степени отражает субъективное мнение исследователя по поводу чтения и толкования ряда знаков. В тех случаях, когда точное произношение шумерского знака в данном случае неизвестно или почему-либо безразлично, в транслитерации применяется его наиболее обычное значение, но оно пишется прописными буквами (например, DU может читаться *du*, *ará*, *gub*, *gin* или *túm*)⁹.

§ 3. Периодизация истории шумерского языка

1. Шумерский язык памятников 2800—2500 гг. до н. э. относится к архаическому периоду (тексты дошли главным образом из Ура, совр. Телль-аль-Муқаййар, и Шуруппака, совр. Фара). Судить о языке этого времени трудно, так как еще не все грамматические форманты были выражены, а звучание основ всегда скрыто за идеографическими написаниями. Порядок знаков далеко не всегда соответствует порядку слов и формантов. Все же кое-какое представление о языке этого периода у нас имеется, особенно для более поздних его этапов (архив из Шуруппака). До нас дошли почти исключительно хозяйственные и учебные тексты; от конца периода дошли немногочисленные, очень короткие строительные надписи правителей, а также редкие юридические документы.

2. Памятники с 2500 по 2300 г. до н. э. относятся к старому шумерскому периоду. Это преимущественно хозяйственные документы, а также строительные надписи, главным образом из Лагаша, реже из Ура, Урука, Адаба, Ниппура и других центров; имеется несколько надписей исторического содержания и юридических документов.

Существующие грамматические очерки старошумерского языка, основанные исключительно на материале памятников этого периода (А. Даймея, Э. Солльберже), мало удовлетворительны, так как тексты однообразны, бедны формами, а многие важные форманты в них все еще не выражены по орфогра-

⁹ В этом же случае для составных логограмм в транслитерации выписывается прописными буквами обычное значение каждого элемента логограммы, причем эти элементы соединяются между собой точками (например: EN.LÍLki = *Niburu*^{ki}, KI.SU.LU.ÚB.GAR = *uġnim*); если же составная логограмма представляет собой лигатуру или содержит знаки, расставленные в порядке, обратном порядку чтения, то ее элементы соединяются между собой знаком +, когда они стоят рядом (например: GAL + LÚ = *lugal*), или знаком X, если один элемент знака вписан в другой (например: KA X ŠU + ŠA = *buzúr*, GÁ X ME + EN = *men*₄).

фическим или фонетическим причинам (§ 2, п. 8, прим. 6). Изучению языка этого периода мало помогают позднейшие вавилонские силлабарии.

3. Количество памятников переходного периода (2300—2200 гг. до н. э.) очень невелико; это период господства Аккадской династии, когда в канцеляриях больше применялся аккадский язык.

4. Новошумерский период в развитии шумерского языка (2200—2000 гг.) представлен многочисленными строительными надписями правителей Лагаша и царей III династии Ура («Царства Шумера и Аккада»); в том числе имеются длинные надписи религиозного содержания в стихотворной форме; дошло также небольшое число других религиозно-поэтических текстов. Но основную массу памятников, исчисляемых десятками, если не сотнями тысяч, составляют документы архивов царских хозяйств (из Лагаша — совр. Телло, или Телль-Лух, из Уммы — совр. Джѳоха, из Циллуш-Дагана — совр. Дрѳехем, или Дурайхим, из Ура и др.). Язык этого времени сравнительно хорошо изучен (грамматика А. Фалькенштейна для текстов Гудеи, правителя Лагаша).

5. Позднешумерский период охватывает памятники от 2000 г. до конца существования живого шумерского языка. К этому периоду, помимо многочисленных хозяйственных и юридических документов, относятся дошедшие до нас записи разнообразных литературных текстов — эпических песен, гимнов, заклинаний, поучений, басен, пословиц и т. п. (преимущественно из храмового хранилища в Ниппуре). Язык этого времени имеет уже явные следы двуязычности его носителей — влияние аккадского языка нередко наблюдается в лексике и грамматике; нередки прямые грамматические ошибки аккадоязычных писцов¹⁰. Первая строго научная грамматика шумерского языка, принадлежащая А. Пѳебелю, хотя и стремилась охватить все периоды шумерского языка, во многом базировалась на материалах позднего периода, точно так же и последний обзор шумерской грамматики А. Фалькенштейна; специально язык позднего периода почти не изучался.

6. Шумерские памятники, составлявшиеся после 1600 г., — царские надписи, религиозные и научные тексты относятся условно к «послешумерскому» периоду. Писцы этого времени по большей части калькировали текст с аккадского,

¹⁰ Среди позднешумерских памятников следует отличать, с одной стороны, тексты, написанные в период 2000—1800 гг., а также тексты (главным образом литературные), хотя и переписанные даже в более поздний период, но являющиеся копиями новошумерских произведений или памятников начала позднешумерского периода, и, с другой стороны, тексты, составленные после 1800 г.; последние носят следы поздних местных диалектных особенностей и далеко зашедшего разрушения языка.

не понимали многих категорий шумерской грамматики (например, смешивали классы имени, переходное и непереходное спряжения, абсолютный и эргативный падежи; двойной показатель родительного плюс эргативного падежей *-(a)ke* воспринимался ими как показатель родительного падежа). Нередко тексты составлялись по материалам силлабариев и словарей, и их лаконичные указания понимались превратно. Зато от этого периода дошли двуязычные тексты (билингвы), которые очень помогли на первых порах раскрытию шумерского языка. Но в настоящее время для изучения собственно шумерского языка «послешумерские» тексты дают мало.

7. Наилучшим грамматическим обзором шумерского языка в целом является краткий очерк А. Фалькенштейна, из которого нами, между прочим, взяты многие примеры. Существует ряд специальных грамматических монографий, особенно по шумерскому глаголу. Есть исследования по шумерской грамматике и на русском языке (А. П. Рифтин, В. В. Струве, И. Т. Канева).

§ 4. Основные сведения по фонологии и фонетике

1. Звучание слов шумерского языка нам известно на основании фонетических передач логограмм слоговыми знаками в вавилонских силлабариях. Они воспроизводят ново- и позднешумерскую фонетику, причем неадекватно, как вследствие недостаточности средств передачи звуков клинописными знаками вообще (например, в конце слога клинопись не различает глухих согласных от звонких)¹¹, так и вследствие отсутствия ряда звуков шумерского языка в аккадском.

2. В ходе развития шумерского языка фонетика его менялась. Это видно из того, например, что в аккадской письменности два разных шумерских знака применяются в древнейший период (соответствующий по времени старошумерской ступени развития шумерского языка) безразлично для слогов *ga*, *ka* и *ka*, а в более поздний старовавилонский период один из них применяется только для *ga* и *ka*, а другой для *ka*; три разных знака употребляются в староаккадский период для слога *ta*, для слога *ša* и для слогов *sa*, *sa*, *za*, но в старовавилонский период первый из них применяется для *ša*, второй — для *sa*, а третий — для *sa* и *za* (а также для удвоенного и реже простого *ssa*, *sa*). Это объясняется тем, что старошумерский звук *k* стал произноситься в новшумерский период как *g*, а звук *k'* (которого не было в аккадском, и поэтому знаки для слогов, содержащих этот звук, в старо-

аккадский период оказывались лишними) стал произноситься как *k*, и что старошумерское *s'* (близкое к *t*) стало произноситься *š*, а *š* стало произноситься *s* и т. п. Это подтверждается также разным фонетическим обликом слов, заимствованных из шумерского в аккадский в старошумерский период, с одной стороны [преимущественно общераспространенные слова, часто бытового характера, например, шум. *gišgu-za*, ст.-шум. **kusa* 'стул' > акк. **kussa'um* > *kussām*; шум. *gazi*, ст.-шум. **kasi* 'растение горчица' > акк. **kasi'um* > *kasūm*; шум. *kungal*, ст.-шум. **k'unkal* 'курдючный баран' > акк. *gukkallum*; шум. *ensi(-ake)*, ст.-шум. **enšī(-ak'e)* 'правитель' > акк. **inšīakum* > *iššakkum*], и в новшумерский, с другой [преимущественно слова технического и книжно-религиозного характера, например, шум. *gab-diba*, ст.-шум. **kap-tipa* > акк. *gabdibbum* 'парапет'; шум. *kisal*, ст.-шум. **k'išal* 'храмовый двор' > акк. *kisallum*; шум. *gi-na* 'правильный', 'регулярный', ст.-шум. **kina⁴*, *kena*, *kenum* (от глагола *ge(n)* < **ke(n)*, может быть, из ст.-акк. *kīnum* 'истинный', 'правильный?') > акк. **gina'um* > *ginūm* 'регулярный жертвенный дар'; 'налог в пользу храма' и т. д.]¹².

Из сопоставления форм заимствованных слов, по комбинаторным фонетическим изменениям и т. п., можно все же реконструировать довольно надежный список шумерских согласных звуков, хотя нет полной уверенности в том, что этот список — исчерпывающий. Что касается гласных, то можно предполагать, что их было, как и в аккадском, четыре: *a*, *e*¹³, *i* и *u*, хотя некоторые исследователи предполагают наличие в шумерском большего числа гласных¹⁴. В старошумерском, по-видимому, были также назализованные (носовые) гласные.

3. У шумеров различался еще особый «женский» язык (*eme-sal*, акк. *ummisallu*, или *lišān šilīti* 'язык распри'¹⁵), встречающийся в гимнах богиням и в эпических текстах в речах богинь, женщин и служителей богинь (позднее и в других случаях). Он отличается от основного шумерского языка (*eme-KU*)¹⁶ в фонетическом отношении, и лишь незначи-

¹² В отдельных случаях старое произношение отразилось в вариантных чтениях силлабариев и в спорадических фонетических написаниях вместо логограмм в самих шумерских текстах: *guru_g||ku-ru* 'большое вместилище', *dugud_g||dukud* 'тяжелый' и др.

¹³ Слоговые знаки с гласным *i* обычно обслуживают и слоги с гласным *e*.

¹⁴ Так, в старошумерском лагашском диалекте А. Пёбель насчитывает, кроме назализованных, шесть гласных *i*, *e*, *u*, *ē*, *a*, *o*. Поздние греческие транскрипции (из шумеро-греческого силлабария III—II вв. до н. э.) передают шум. *u* как *o*, *ω*, но это является отражением не шумерского, а поздневавилонского произношения.

¹⁵ Чем объясняется такое название, неясно. Условно обозначается ES.

¹⁶ Условно обозначается EK. Вероятно, вместо *eme-KU* надо читать *eme-gir_x* со значением 'правильный, или родной, язык' (?).

¹¹ Возможно, это отражение фонетического явления, реально существовавшего в шумерском.

тельно — в лексическом. По-видимому, у шумеров «мужское» произношение было для женщин табуировано, что засвидетельствовано этнографией у многих народов, например у чукоч, где наблюдается точно такое же соотношение между «мужским» и «женским» языками, как и у шумеров¹⁷. Многие, особенно бытовые, шумерские слова в аккадском заимствованы именно из «женского» языка, например, *šamallûm* 'торговец-разносчик', шум. ЕК *šaġan-lá* 'несущий вьюк с кувшином', шум. ЕС **šama(n)-lá*.

Чтобы передать «женское» произношение, тексты пишутся почти без логограмм, т. е. основы слов выписываются фонетическими, слоговыми знаками. Это очень затрудняет понимание «амесальных» текстов, так как ступшевывается различие между омонимами, имеющими различное значение (в *eme-KU* они пишутся разными логограммами).

Древние шумеры различали также ряд жанровых и профессиональных языков («правильный», «высокий», «избранный», «искаженный», «язык моряков», «язык пастухов» и т. п.).

4. Согласные шумерского языка были, по-видимому, следующие (для старошумерского — гипотетически):

Старошумерские (ЕК)	Новошумерские (ЕК)	Женский язык (ЕС) ¹⁸
*w	(утеряно)	m
*p	b	b
*p'	p	p; b?
*t	d	d; z (перед e); слог <i>du</i> иногда пишется особым знаком <i>du₅</i> = акк. <i>tu</i>

¹⁷ Как нам указал Вяч. Вс. Иванов, у чукоч и у индейцев племени яна в Калифорнии мужское произношение для женщин возможно при дословной передаче речи мужчин (например, в сказках); вместе с тем мужчины племени яна могут говорить по-женски, когда они обращаются к женщинам; у этого племени мужской язык применяется только при разговорах мужчин с мужчинами (и поэтому имеет более торжественный характер, так как число ситуаций, в которых употребляется мужской язык, меньше числа ситуаций, в которых употребляется женский). Таким образом, более разговорный характер женского языка (по сравнению с мужским) подтверждается этнографическими параллелями.

Возможно, что в основе «женского языка» лежит какой-то местный территориальный диалект.

¹⁸ Гласные ЕК соответствуют в ЕС, по-видимому, следующим: *a* > *a*; *e* > *a*, *i* (возможно, в зависимости от ударения); *i* > *e* (ЕК *kiri₆* 'сад' > ЕС *ke-re*, ЕК *ġiri* 'нога' > ЕС *me-re*, ЕК *inim* 'слово' > ЕС *e-ne-əm*, ЕК *sig₄* 'кирпич' > ЕС *še-eb*, ЕК *diġir* 'бог' > ЕС *dēm-me-er*); *u* > *e*. Значительные изменения в огласовке вызваны соседством губных звуков: *ewen 'господин', 'жрец' > ЕС (*u*)*mun*, *sipa* 'пастух' > ЕС *su₅-ba*, *ġiš* 'дерево' > ЕС *tu*.

*s	z	z (редко š) ²⁰
*t'	t	t
*s'	š	š (на конце нередко отпадает)
*š ¹⁹	s ¹⁹	s, š, z ²⁰
*k	g	d, b ²¹ (в начале слова g)
*k'	k	k (слог <i>ka</i> иногда пишется особым знаком <i>ka₄</i> = акк. <i>ka</i>)
*ġ	ġ (g, m) ²²	m
*h	h = чит. γ? ²³	h = γ? ²⁴
*h	(утеряно)	(утеряно)
*l	l	l
*l ²⁵	*l ²⁵	*l ²⁵
*r	r	r

¹⁹ Вероятно существование еще одного сибиланта *s₄.

²⁰ Возможно, что наличие разных отражений звука в ЕС свидетельствует о том, что графика скрывает и в ЕК две различные фонемы (или более). Так, ЕК *zi(d)* 'правый' > ЕС *zi*; ЕК *zi* 'живень', 'душа' > ЕС *ši*. Ср. колебания в передаче слов ЕК в силлабариях, а также колебания в употреблении некоторых логограмм: *^dNidaba*, *^dNisaba* (имя богини); *tuš*, *suš* 'сидеть', *šub*||*sub₄* 'лежать', 'падать', *šaġ*||*saġ* 'свинья', *ešer*||*eser* 'асфальт'.

²¹ ЕК *g* > ЕС *g*, как правило, только в начале слова; случаи ЕК *g* > ЕС *g* в середине слова следует, возможно, отнести за счет непоследовательно выдержанного в текстах «женского» произношения: так, ЕК *ša(g)* 'сердце', 'середина' закономерно > ЕС *šab*, но ЕК *a-ša(g)-ga* 'на поле' > ЕС *a-ša(g)-ga*, хотя *ša(g)* и здесь этимологически 'середина' (*a-ša(g)* 'воды середина' → 'орошенное поле'). Чем объясняется различная передача ЕК *g* в других позициях (ЕС *d*, *b*), — неясно, возможно, наличием двух фонем и в ЕК.

²² Вавилонские силлабарии передают этот звук через *g*, *m* или *n* (в разных словах), эламские транскрипции — как *h*. В заимствованиях этот звук отражается как *n*, *g*, (*n*)*g*.

²³ Звонкое произношение *h* в новошумерском вероятно, в частности, ввиду отдельных случаев чередования *h*||*l* (где *l*, возможно, = *t* твердое) и *h*||*r* (*hum*||*lum* 'быть изобильным', **nitaġ-dam* > *nitalam* 'супруг', *huš*||*ruš* 'свирейный' и др.). Однако аккадские заимствования (даже очень старые) передают *h* как *h* глухое. Это, вероятно, объясняется тем, что в старошумерском звонкого *h* еще не было, а в аккадском оно если существовало, то исчезло до 2300 г. Ср. префикс наклонения: ЕК *hē-* [γe-(?)], *ga-* > ЕС *dē-*, *da-*.

²⁴ Встречающиеся написания *s* *g*, может быть, указывают на звонкое произношение *h* = *γ*.

²⁵ Вероятно существование двух *l*: *l* мягкого и *l* твердого. Так, [*Enlila*] < [**En-lil-ak*] пишется *^dEn-lil-lá*, но [*Enlila*] < [**En-lil-ra*] пишется при помощи другого знака: *^dEn-lil-la*. Именно твердое *l*, вероятно, чередуется с *h* = *γ* и, возможно, с *r*: *rib*||*lib* 'превосходящий' и др.

В ряде случаев новошумерское *l* возникло из *n* под влиянием губного звука или другого *l*: *nu-bānda* 'надзиратель' > **labanda*, *šudun* 'ярмо' > *šu₄-dul₄*, *udun*||*udul* 'очар' (акк. *atūnum*), *nagal*||*lagal*, *lagar* 'род жреца', **Kanam* > *Kalam* 'Страна', 'Шумер', ЕС *Kanaġ*.

*m
*n

m²⁶
n²⁶

ḡ (в начале слова m)
ḡ²⁷

В транслитерации по знакам и в транскрипции шумерских слов принято всегда только новошумерское произношение.

5. Долгих звуков (в том числе удвоенных согласных) в шумерском языке не было, за исключением возникавших в комбинаторных условиях (явление ассимиляции).

6. Чрезвычайно важное фонетическое правило: в пределах одной двусложной основы возможен только один какой-либо гласный: *gaba* 'грудь', *ama* 'мать', *amar* 'детеныш', 'теленок', *urū* 'община', 'город', *nimun* 'семя', *eger* 'спина', 'зад', *erē* 'раб', *erēn* 'воин', 'работник'²⁸, *šembe* 'благовоение', *iti(d)* 'месяц', *ḡiri* 'нога', *libiš* 'гнев'. Это, вероятно, очень древнее, но все же уже вторичное явление, скрывающее характер первоначальной огласовки основы.

Сочетание разных гласных в одной основе указывает либо на словосложение, либо на заимствование [*Niburu* 'город' Ниппур'; *Buranun* 'Евфрат' — словосложение *bur-a + nun*, вероятно, 'бездна (букв. 'выкопанная') великая'; *Eredu* 'город' Эреду' < **ere₄* // *uru* 'город' + *dū(g)* 'добрый'; *uḡken* 'народное собрание' < *uḡ* 'племя' + *ken* 'круг'; *ni-is-kum* 'породистый осел' < акк. *niskum* 'отборный' и т. д.].

Чрезвычайно любопытно параллельное употребление основ с разной огласовкой, но с одним значением: *sír*, *sar* и *sur* 'ткать', *dab₃* и *dīb* 'держат', 'хватать' и др. Возможно, здесь наблюдаются следы диалектных различий²⁹.

Гласный *-e* и (менее последовательно) *-a* в формантах в соседстве с губным согласным *b*, *p* или *m* или со слогом, содержащим гласный *u*, дает *-u*.

7. Взрывные *d*, *g* и изредка другие согласные (*b*, *r*, *ḡ*), очень редко *ḡ*, в ES также *ḡ*) в исходе слога обычно не

²⁶ Конечные *-m*, *-n*, по-видимому, давали назализованный гласный, откуда колебания в транскрипции силлабариев: GIM = *gim*, *gin₇*, *gi₁₈*, *idim* // *idin* 'тяжелый', *alam* // *alan* 'статуя', *gašan* // *gašam* 'госпожа', чит. **gī*, **idī*, **alā*, **gašā*. Конечное *-m* иной раз чередуется с *-b*: *lilim* < **lilmim* // *li-li-ib* 'разбойник'. Чередование *-b* > *-m* встречается в глаголе.
²⁷ Случай EK *n* > ES *n*, возможно, объясняются непосредственно выдержанным в текстах «женским» произношением.

²⁸ Обычно неточно транскрибируется *egir*, *erī*, *erīn*; это объясняется отсутствием различия гласных *e* и *i* в большинстве вавилонских слоговых знаков, которыми передано произношение в силлабариях.

²⁹ Некоторые колебания такого рода объясняются иначе. Так, шум. *ara(d)*, *uru(d)* и *ēr*, *erē* 'раб' — заимствование двух различных вариантов аккадского слова: *ṣardum*, *ṣarad-*, *urad-* (корень *ṣrd*) и **īardum*, **īarad-*, *irad-* (вариантный корень *īrd*) 'спущенный, низведенный (с гор)'. Другой случай: соответствие EK *en* (< ст.-шум. **ewen*) = ES *aman-* (в имени божества *Amānki*, EK *Enki*) представляет собой сохранение архаической закономерной формы, в то время как обычное соответствие EK *en* = ES *unin* есть результат позднейшего огубления под влиянием *m*.

произносятся; в старошумерском *-n*, *-m* в исходе слога, по-видимому, дают вместе с предыдущим гласным назализованный гласный.

Двусложные основы, оканчивающиеся на гласный, имеют тенденцию к его утере.

8. Любопытно, что реконструируемая схема согласного состава старошумерского языка первой половины — середины III тысячелетия до н. э. очень близка, как мы увидим, к согласному составу хурритского языка II тысячелетия, по-видимому, не первичному, а являющемуся результатом развития. Возможно, что это следствие наличия древнейшего субстрата, общего для хурритского и шумерского языков. Впрочем, следует заметить, что явление неразличения глухих и звонких в качестве отдельных фонем, а различение в лучшем случае только придыхательных и непридыхательных было распространено по всей Передней Азии III—II тысячелетий, захватывая область бытования таких неродственных языков, как хеттский-неситский на крайнем северо-западе и эламский на крайнем юго-востоке. Это явление исчезло, по-видимому, под влиянием главным образом семитских языков.

Вероятность субстратного происхождения шумерского фонетического состава и весьма обычные в шумерском отпадении конечных согласных и ассимиляция гласных внутри основы показывают, что фонетика шумерского языка — результат какого-то значительного изменения более раннего фонологического строя. Это делает еще менее вероятными надежды на установление материального родства шумерского с каким-либо из современных языков.

§ 5. Имя

1. В морфонологическом отношении для шумерского имени характерны лексические морфемы следующих типов:

а) СГСГС или ГСГС (С — согласный, Г — гласный), например: *gašan* 'госпожа', *libiš* 'гнев', 'сердце', *duḡud* 'тяжелый', *eden* 'степь', *amar* 'теленок';

б) СГСГ или ГСГ, например: *gaba* 'грудь', *ḡiri* 'нога', *udu* 'баран', *uzu* 'гусь', **ada* 'отец', — обычно с вариантом типа (С)ГС: *gab* 'грудь', *ḡir* 'нога', *uz* 'гусь', *a(d)* 'отец';

в) СГС или ГС, например: *mar* 'лопата', 'мотыга', *ša(g)*, *šā* 'сердце', *u(d)*, *u₄* 'день', *an* 'небо'. Многие из этих основ восходят к типу (С)ГСГ, так, *uḡ* 'племя' имеет вариант *ukū* и, вероятно, **uḡū*; *uz* 'гусь' восходит даже к *uzu(g)*;

г) СГ или Г, например: *tī* 'стрела', *mā* 'лодка', *lū* 'человек', *ki* 'земля', *é* 'дом', *a* 'вода', 'семя', *a* 'отец'. По крайней мере некоторые из них восходят к типу (С)ГС и даже (С)ГСГ,

например, а 'отец' < *ad* < **ada*, *ki* < **kin*(?)³⁰, *é* < **hai*; однако в большинстве случаев конечный согласный, если он существовал, то отпал в глубокой древности, и следов его обнаружить не удастся;

д) реже основы типа СГССГ(С) и т. п.;

е) часто встречаются удвоенные основы, обычно со стяжением: **bár-bár* > *babbar*, *dili-dili* > *didli* (см. ниже, п. 2).

Наиболее вероятно, что первичными типами именной основы (равной корню) являются типы СГС, ГС; типы ГСГС, (С)ГСГ (с повторением того же по качеству гласного) являются его развитием [в ряде случаев со вторичным упрощением до ГСГ, (С)ГС > (С)Г]; тип же СГСГС, вероятно, результат старого словосложения, где уже успела произойти ассимиляция гласных (так, и в более поздних словосложениях мы можем наблюдать то же явление: *gi-lam* 'плод' > *gilim*). То же касается основ СГССГ и более сложных (*gidri* 'палка' < **giš-dar-a*).

2. Для характера шумерского словообразования, по-видимому, большое значение имел характер ударения.

Наряду с вероятно существовавшим в шумерском языке мелодическим ударением (музыкальными тонами) в нем имелось и силовое ударение³¹. В именах оно лежало на первичном слоге комплекса (С)ГС, поэтому во вторичных образованиях типа (С)ГСГ оно находилось на первом слоге, а во вторичных образованиях типа ГСГС и ГСГ, где первый гласный носил характер протезы, ударение лежало на втором слоге: *'giri* 'нога', *'libiš* 'гнев', *'kalag-a* 'сильный', но **i'zid* > *zi(d)* 'мукá', *e'den* 'степь', *U'tu* 'бог Солнца', **e'wen* > ES *u'mun* 'высокий, верховный жрец', 'господин', *a'mar* 'теленок' (ср. ES *Mullil* < **U'mun-lil*, акк. *'Marduk* 'бог Мардук' < шум. *a'mar-u'tu(-k)* 'теленок солнца').

³⁰ В некоторых основах, оканчивающихся на гласный, можно предполагать отпадение конечного согласного в глубокой древности. Так, слово *ki* оканчивается на гласный, и следов согласного окончания в текстах не обнаруживается. Но аккадский язык сохранил, по-видимому, народное шумерское наименование богини, жены бога Энки—[*En-ki(-ak)*]—'владыка земли'—в форме *Damkina*, что можно этимологизировать как [*dam-ki(n)-a(k)*] 'жена земли'; в письменно засвидетельствованных шумерских текстах она называется *a'Dam-gal-nun-na* [= *dam-gal-nun-a(k)*] 'жена большого, великого'.

³¹ Открыто и обосновано А. Фалькенштейном (см. А. Falkenstein, *Das Sumerische*, S. 31). Попытка исторически объяснить различие в месте ударения принадлежит нам. Как предложил нам считать Вяч. Вс. Иванов, можно думать, что в шумерском (как и в современном китайском) монотоническое (силовое ударение) характеризует многосложный комплекс, состоящий из двух и более морфем (= слогов), каждая из которых на предшествующей стадии истории языка (а отчасти и на той стадии, когда уже возникло силовое ударение в многосложных комплексах) характеризуется своим тоном. Таким образом, сосуществует политоническое слоговое и монотоническое словесное ударение.

Наиболее распространенным типом основ были имеющие ударение на первом слоге, поэтому и удвоенные основы, а также основы, явившиеся результатом словосложения, и целые лексикализованные словосочетания получают ударение на первом слоге: *'dili-dili* 'по одному' > *'didli*, *'ki-sikil* 'чистое место' → 'девушка', *'gi-lam* > *'gilim* 'плод', *'nam-a-zu* 'врачебное искусство'.

Это приводит к стяжению лексикализованных словосочетаний и к дальнейшей нивелировке огласовки: *'gi-lam* > *'gilim* 'плод', *'giš-dar-a* 'дерево отломанное' > *'gidri* 'палка', 'скипетр', **a'na-m-ġu* 'что есть мое?' > *'nam-ġu* 'что такое?'³².

3. Словосложение, таким образом, широко применяется в шумерском словообразовании. Напротив, набор словообразовательных аффиксов крайне беден³³, едва ли не единственным словообразовательным суффиксом является *-a* для образования некоторых прилагательных: *kalag-a* (пишется KAL.GA) 'сильный' (собственно *-a* есть показатель причастия, см. ниже, § 15, пп. 1—3). Некоторые имена, постоянно участвующие в словосложении, превратились в словообразовательные префиксы, например, *nam* 'судьба'³⁴ для образования имен абстрактных, выражающих свойство имен одушевленных: *lugal* 'хозяин', 'военный вождь', позже 'царь' (словосложение [*lu+gal*] 'человек большой'), [*nam-lugal-a(k)*] 'власть или достоинство военного вождя'; *ní(g)* 'вещь' для образования прочих имен абстрактных: *en* 'жрец', [*nig-en-a(k)*] (пишется *nig-en-na*) '(земля, выделенная для содержания жречества)', [*mí-ús-a*] (пишется *mí-ús-sa*) 'зять' [букв. 'женщина—(рядом) стоящий'], [*ní(g)-mí-us(-a)-a(k)*] (пишется *ní(g)-mí-ús-sa*) 'приданное'; *šu* 'рука', *ní(g)-šu* 'имущество'. Ср. еще *ki* 'место': *sikil* 'чистый', *ki-sikil* 'девушка' и, может быть, *ama* 'мать': [*ama-siki(-ak)*] 'старуха' (букв. 'мать шерсти').

Некоторые из этих словосложений восходят к группе «определяемое—определение, выраженное именем в родительном падеже»: [*nig-en-a(k)*], другие — к группе «определяемое—приложение» или «определяемое—прилагательное».

Самые древние словосложения имеют порядок «определение—определяемое», причем определение не имеет при себе показателя родительного падежа (*dumu-sag* 'ребенок-голова' → 'первородный сын'; [**uġ-ken*] > *uġken* 'племя-круг' → 'на-

³² Местоименные (и, вероятно, падежные) показатели передвигают ударение на предпоследний слог: [*'nam-maġ*] 'величие', [*nam-maġ-'ane*] 'его величие'; *gašan* 'госпожа', *ga'san-bé* 'их госпожа'.

Глагольные формы несут ударение на основе.

³³ Возможно, это след происхождения шумерского из языка изолирующего типа.

³⁴ Этимология А. Фалькенштейна: *nam* < [*ana-am*] 'что [это] есть?' кажется нам неудовлетворительной, особенно имея в виду, что *nam* обычно управляет родительным падежом.

родное собрание³⁵). Новые словосложения по этому типу не образуются; для них характерен порядок «определяемое—приложение» или «определяемое—определение, выраженное именем в родительном падеже» с соответственным показателем.

4. Число заимствованных слов в шумерском невелико. Характерны заимствования, по мнению А. Фалькенштейна, из неизвестного языка-субстрата: *zabar*, ст.-шум. **sipar* 'медь', позже 'бронза', (*t*)*ibira* 'медник'.

Несколько больше заимствований из семитского — аккадского. Они также характерны. Это, во-первых, старшумерские заимствования, относящиеся к стеному быту и отчасти к предметам, чуждым природе Шумера: *na-kád* < сем. *nākidum* 'старший пастух', *ga-ba-ra* < сем. *kaparrum* 'подпасок', *maš-ga-na* < сем. *maškānum* 'стоянка', 'лагерь', 'поселок', *dam-ḥa-ra* 'открытое сражение', 'битва на открытом месте' < сем. *tamhārum* 'схватка', *rā-gaba* 'говец' < сем. *rākibum* 'ездок', *dam-gāra* 'торговый агент' < сем. *tamkārūm* 'странствующий торговец'; *ara(d)*, *uru(d)*, *erè* 'раб' < сем. *ardum*, **īardum* 'раб', собственно 'низведенный (с гор)'; *ma-da* 'страна' < сем. *mātum* 'страна', 'равнина (плодородная)'; *sa-tu* < сем. *ša(d)-du'um* '(голая) гора', 'платогорье'; *ga-ra-an* (ст.-шум. **karā*) 'лоза' < западносем. **karmum* 'виноградник', *šum* < сем. *tūmum* 'чеснок'.

Во-вторых, аккадские слова, заимствованные позже, уже в период двуязычия. Для них характерно, что они заимствовались не в форме чистой основы, а в форме аккадского именительного падежа, и нередко дублируют уже имеющиеся в шумерском слова: *ru-ūḥ-ru-um* '(народное) собрание' < акк. *ruḥrum* / шум. *uḥken*; *mi-ik-tum* 'приниженный', 'падающий (ниц)' < акк. *miktum* / шум. *šub[lu-gala(k)] / ukū*; *ni-is-kum* 'породистый осел-самец' < акк. *niskum* 'отборный' / шум. *dūr*; сюда относятся также термины для новых понятий: *ḥa-za-nim* < акк. *ḥaz(i)ānum* 'общинный надзиратель', 'староста'.

Почти все заимствованные слова, кроме самых древних (*zabar*, *tibira*, *šum*, *erè*³⁵), не имеют логограмм, а пишутся фонетически (силлабограммами).

5. Родов в шумерском языке нет, но имеются классы: класс имен одушевленных, или, точнее, социально-активных (свободные люди, боги, рабы как личности, персонифицированные животные, предметы и понятия), и класс имен неодушевленных, или, точнее, социально-пассивных (животные, предметы, понятия). К этому же классу социально-пассивных относятся имена, обозначающие людей и богов, если они выражают групповое единство (коллективное множественное).

³⁵ *erè* 'раб' имеет составную логограмму, что также указывает на сравнительно позднее восприятие этого слова шумерским языком (период «Джемдет-Наср», ок. 3000—2800 гг. до н. э.).

Особых формантов эти классы не имеют, а выявляются по согласованию с местоимениями и глаголами.

Различение пола достигается либо применением различных слов: *gu(d)* 'бык', *áb* 'корова', либо добавлением слова, характеризующего пол: *dumu* 'ребенок', *dumu-nita(h)* 'ребенок-мужчина' → 'сын', *dumu-mi* 'ребенок-женщина' → 'дочь'; *digir-ama* 'бог-мать' → 'богиня'; *dam* 'супруг', 'супруга', **nitah-dam* > *nitalam* 'муж'.

6. Падежные отношения выражаются особыми отделимыми показателями, представляющими нечто среднее между падежными формантами и послелогами³⁶; согласования, в смысле постановки согласуемых слов в одном падеже с повторением падежных показателей при каждом из них, не существует: падежные показатели скапливаются в конце синтагмы — группы «определение—определяемое» — и относятся ко всему комплексу, например: *digir-gal-ra* 'бог—великий—дат. пад.' = 'великому богу'; *lugal-kalam-ma-ka* [= *lugal-kalam-ak-a(k)*] 'царь—страна—род. пад. — род. пад.' = 'царя страны'; *lugal-kalam-ma-ra* [= *lugal-kalam-a(k)-ra*] 'царь—страна—род. пад. — дат. пад.' = 'царю страны'; *ḡeštu(g)-daḡal(a)-nè-ta* 'мудрость (букв. 'ухо')—широкий—его-исход. пад.' = 'его обширной мудростью'. См. об этом также ниже, п. 7.

Выражаются следующие падежные отношения:

Падежи	Показатели
(1) Абсолютный ³⁷	нулевой
(2) Эргативный ³⁸	-e
(3) Родительный ³⁹	-a(k)
(4) Местный (локативный) ⁴⁰	-a

³⁶ По крайней мере некоторые из них (показатель комитатива -*da*, показатель аллатива -*še*) первоначально являлись независимыми именами существительными, соединяемыми с именем, к которому они относятся, по древнему типу «определение—определяемое»: *lugal-da* первоначально 'вождь—сторона (рука, бок)' > 'при вожде', 'с вождем'.

³⁷ Падеж субъекта состояния, а также имени, не находящегося ни в каких грамматических отношениях с другими именами, например в перечислении, в обращении; со связкой -*m(e)* — в роли сказуемого.

³⁸ Падеж субъекта действия. После гласного чаще всего ассимилируется ему, превращая его в долгий (что графически не всегда выражено).

³⁹ Помимо принадлежности выражает и другие логические связи имени, например, материал: *alan-zabar-ra* [= *alan-zabar-a(k)*] 'статуя бронзы' = 'бронзовая статуя'; -*a* может быть поглощено предыдущим гласным, -*k* звучит только в случае присоединения дальнейших гласных показателей.

⁴⁰ Выражает нахождение в чем-либо, в числе чего-либо или движение во что-либо (в пространственном и временном смысле): *è-a* 'в доме', 'в дом'; *u₄(d)-da* [= *ud-a*] 'в день', 'во время', материал: *[eren-a]* 'из кедра', и иногда действие или состояние, возникающее из чего-либо: *saḥar-(r)ja* 'из пыли'. Впрочем, в этом случае А. Фалькенштейн видит ассимиляцию: *[saḥarra]* < **saḥar-ta*.

(5) Дательный ⁴¹	-ra
(6) Совместно-инструментальный (комитативный) ⁴²	-da
(7) Исходно-отложительный (аблативный) ⁴³	-ta
(8) Направительный (аллативный) ⁴⁴	-(e)šè, после гласного часто -èš
(9) Местно-направительный (локативно-терминативный) ⁴⁵	-e
(10) Сравнительный (эквативный) ⁴⁶	-gi
(11) Причины (каузальный) ⁴⁷	-akeš

⁴¹ Употребляется только при именах социально-активного класса, для имен социально-пассивного класса заменяется одним из пространственных падежей. В старо- и новшумерском после гласного обычно опускается, позже дает -r.

⁴² Указывает, что действие происходит или состояние имеет место вместе с кем-либо (чем-либо) или с помощью кого-либо (чего-либо): *lugal-da* 'с вождем', 'при помощи вождя', 'при вожде', 'у вождя'. С указательным местоимением *-bè* (*-bè-da*) заменяет союз «и» (вообще, собственно союзов в шумерском нет; начиная с новшумерского периода заимствуются аккадские сочинительные союзы *и* и *-ma*). Иногда чередуется с локативом-терминативом.

⁴³ Указывает, что действие происходит от чего-либо (в том числе и во временном смысле — «после, с момента чего-либо»), из чего-либо или из-за чего-либо, с помощью чего-либо, изредка и в чем-либо: *kur-bè-ta* 'из его гор', 'от его гор' и т. д. В старо- и новшумерском иногда остается невыраженным (вряд ли по фонетическим причинам, как думает А. Фалькенштейн, скорее как пережиток более древнего состояния языка, ср. § 12, п. 7; § 17). Позже иногда чередуется с показателем комитатива.

⁴⁴ Выражает, что действие направлено (в пространственном или временном смысле) к чему-либо или происходит у чего-либо, или доходит до чего-либо, или предназначено для чего-либо, или происходит в качестве чего-либо: *kur-šè* 'к горам', 'до гор', 'для гор', 'в качестве гор'; *lù-šè i-nšì-n-sám* 'у человека купил'. Иногда может иметь и инструментальное значение. Не всегда выражается в старо- и новшумерский период.

⁴⁵ Выражает, что действие или состояние имеет место при чем-либо, около чего-либо, или направлено в окрестности чего-либо: *ká-e* 'у ворот', 'к воротам'. Этимологически связан с показателем эргативного падежа, но грамматически отличается от него характером согласования с глагольными показателями. Фонетические изменения — как у показателя эргатива.

⁴⁶ Выражает уподобление или сравнение: [*a-gi*] 'как вода'. Обычно пишется знаком -GIM с чтением *-gin*₇, *-gi*₁₈, *-gim*, *-gimi*, но позже также *-gi*₄-*in*, *-gi*-*im* (возможно, исходная старшумерская форма [**-giwin*] > [**-gim*] и [*-gi*]).

⁴⁷ Соединение показателей родительного и аллативного падежей *-ak* и *-šè* со значением «по причине», «ради». Очень редкий падеж. При присоединении комитативного показателя последний вводится между *-ak*- и *-šè*.

7. Падежные показатели, как уже указывалось, размещаются в конце синтаксического комплекса, который мы условно будем называть синтагмой имени, и состоящего из определяемого, приложения, определения, выраженного прилагательным, и определения, выраженного родительным падежом имени.

Все члены этой синтагмы размещаются в указанном порядке, в форме чистой основы; определительное придаточное предложение также может быть членом синтагмы. В самом конце размещаются местоименный показатель (указательный или притяжательный), показатель множественного числа *-ene* (см. ниже, п. 9) и все падежные показатели.

Отдельный член синтагмы может в свою очередь представлять собой группу «определяемое—определение». В этом случае соответственный падежный показатель родительного падежа также выносится в конец всего комплекса.

Местоименные и падежные показатели и показатель множественного числа размещаются при этом в порядке, обратном порядку слов, к которым они относятся. Примеры:

*lugal-kalam-ma-ke*₄ [= *lugal-kalam-ak-e*] 'царь страны (действующее лицо)';

lugal-kalam-ma-ra [= *lugal-kalam-a(k)-ra*] 'царю страны';

ama-dišir-ré-ne-ra [= *ama-dišir-ene(-ak)*⁴⁸-*ra*] 'матери богов' (дат. пад.);

é-šir-su^{ki}-ka-né [= *é-šir-su(-a)k-ané*] 'его храм (города)

Гирсу' (= 'его храм в городе Гирсу') [= дом—Гирсу—род. пад.—его];

é-lugala-na [= *é-lugala(-a)n(e)-a(k)*] 'дом его хозяина'

[= дом—хозяин—его—род. пад.];

é^d-Nin-šir-su-ka-ka [= *é-nin-šir-su(-a)k-ak-a*] 'в храме (бога)

Нингирсу' [= храм—владыка—Гирсу—род. пад.—род. пад.—в];

si pa(d)-udu-siki-ka-ke₄-ne [= *si pa(d)-udu-siki(-a)k-ak-ene*]

⁴⁸ Показатель родительного падежа *-ak* не выражен по фонетическим причинам, см. выше, п. 6, прим. 39.

Образование множественного числа

Тип множественности	Класс соц. акт.	Класс соц. пасс.
Коллективное (групповое единство)	<i>lú</i> 'люди'	<i>udu</i> 'бараны'
Определенное	<i>lú-(e)ne</i> 'определенные, конкретные, известные или ранее упомянутые люди'	(нет)
Инклюзивное ¹	<i>lú-lú</i> 'люди (включая всех, имеющих в виду)'	<i>udu-udu</i> 'бараны (включая всех, имеющих в виду)'
Инклюзивно-определенное	<i>lú-lú-(e)ne</i> 'люди (включая всех определенных, конкретных, известных или ранее упомянутых людей, которые имеются в виду)'	(нет)
Распределительное	<i>lú-dili 2-dili, lú-didli</i> 'люди, каждый по отдельности'	<i>udu-dili-dili, udu-didli</i> 'бараны, каждый по отдельности'
Сортовое	(нет)	<i>udu-há</i> 'бараны разного рода'

Примечания. 1. Инклюзивное множественное употребляется только в тех случаях, когда каждая конкретная единица, включенная в множество, сохраняет для говорящего свою индивидуальность. Поэтому, например, *bāra(g)-bará(g)-Šumer-ra* [= *bāra-bará(g)-Šumer-a(k)*] означает: '(все) святилища Шумера, (каждое в отдельности)'. «Святилища» вообще, напротив, будут обозначены в качестве группового единства единственным числом: *bará(g)*; в данном случае отличить, имеется ли в виду единственное число или множественное, можно будет только по контексту. Но в то время как *lú* 'человек' согласуется по классу имен социально-активных, *lú* 'люди' (вообще, не отдельные индивидуальности) согласуется по классу имен социально-пассивных.

В случае наличия прилагательного удваивается не существительное, а прилагательное к нему: *diġir-gal-gal-ene* '(все) великие боги'. Удвоение основы прилагательного само по себе может означать усиленное обладание данным качеством: *babbar* '(чисто) белый' < **bār-bār*.

2. *dili* означает 'один'.

'пастухи рунных баранов' [=пастух—баран—руно—род. пад.—род. пад.—мн. ч.⁴⁹];
ur-saġ-ug₅-ga-ì-me-ša-ke₄-eš [=ursaġ-ug₅-a-imeš-(a)akeš]

'по причине того, что герои мертвы' [=герои—мертвые—суть—показатель номинализации спрягаемой формы глагола—показатель падежа причины];
alam-Gù-dé-a-ensí-Lagaša^{ki}-lú-é-ninnu-in-dù-a-ke₄
 [=alam-Gudea-ensí-Lagaša-lú-é-ninnu-indù(-a)-ak-e]

'для статуи Гудеи, правителя Лагаша, который построил Храм пятидесяти' [=статуя—Гудеа—правитель—Лагаша—человек—храм—пятьдесят—построил—показатель номинализации спрягаемой формы глагола—род. пад.—локативно-терминат. пад.].

Здесь в цепочке опущены три показателя родительного падежа ввиду скопления в конце ее слишком большого числа показателей: *ensí(-ak)* 'правитель', этимологически [**en-si(-ak)*] 'жрец закладки (храма)', *ensí Lagaša(-ak)* 'правитель Лагаша', и *é-ninnu(-ak)* 'храм пятидесяти'.

Как видно из этих примеров, показатели падежей всегда прилепляются последовательно, по принципу агглютинации. Вся синтагма составляет нечто вроде инкорпорированного слова-комплекса.

8. Для уточнения падежных отношений служат имена существительные в роли предлогов в сочетании с падежными показателями. Имя-предлог является определяемым в том или ином падеже, управляемое слово — определением в родительном падеже. Падежные показатели к имени-предлогу, естественно, ставятся в конце всего комплекса: *ša(g)-...-ak-a* 'внутри' [*ša(g)* 'сердце'], *ki-...-a(k)-ta* 'от' [*ki* 'место', 'земля'], *igi-...-ak-a* 'перед' [*igi* 'глаз', 'лицо'], *eger-...-a(k)-šè* 'сзади' [*eger* 'спина', 'зад'], *ugu-...-a(k)-šè* '(сверху) на' [*ugu* 'темя'], *diri(g)-...-a(k)-šè* 'сверх' [*diri(g)* 'большой'] и т. д. Число подобных комбинаций очень велико.

Вместо управляемого имени таким способом может управляться и номинализованный глагол (см. § 15, п. 6): *u(d)-u(d)-...-a(-a)* 'когда', 'в то время как', *u(d)-...-a(-ta)* 'после того как' [*u(d)* 'день', 'время'], *nam-...-a(-a)* 'из-за' [*nam* 'судьба'] и т. д.

9. Весьма своеобразно образуется в шумерском множественное число. Прямое противопоставления множественного числа

⁴⁹ Дальнейшее накопление показателей невозможно, даже если бы это выражение стояло не в абсолютном, а в дательном падеже. Показатель *-ra* во всяком случае в нем не мог бы быть выражен (см. выше, п. 6, прим. 41); кроме того, в цепочке обычно не бывает более трех показателей грамматических отношений одновременно.

единственному нет; выражается не множественность вообще, а множественность коллективная (групповое единство), множественность определенная, множественность обобщающая (инклюзивная), множественность распределительная (отдельных единиц), множественность сортовая. Некоторые категории множественности существуют для обоих классов, другие для какого-нибудь одного (табл. 1, стр. 59).

Синтаксическое место различных показателей множественности различно. Показатель *-ene* подчиняется правилам для падежных и местоименных показателей и встает в одну цепочку с ними: *ama-diğir-ene(-ak)-ra* 'матери богов' [= мать—бог—показатель мн. ч.—род. пад.—дат. пад.]; *sipa(d)-udu-siki(-a)k-ak-ene* 'пастухи рунных баранов' [= пастух—баран—руно—род. пад.—род. пад.—показатель мн. ч.].

Показатель *dili-dili > didli* является существительным-приложением, а показатель *-hâ* — прилагательным; оба всегда стоят непосредственно после слова, к которому относятся: *ša(g)-dub-dili-dili(-ak)*⁵⁰ 'по (отдельным) табличкам' [= сердце—табличка—один—один—род. пад.].

По происхождению *ene*, возможно, указательное местоимение, по всей вероятности, первоначально заменявшее повторение имени; *dili* значит 'один', *hâ*, может быть, этимологически связано с *(h)u*, *(h)â* 'десять' и значило 'многий' (А. П. Рифтин).

10. Имя прилагательное либо никак формально не отличается от существительного (*gal*, *nun* 'большой', *dû(g)*, *du*₁₄ 'хороший', *kal(ag)* 'сильный'), либо имеет показатель *-a* (который, собственно, свойствен причастиям, см. ниже, § 15); *tu(r)-ra* [= *tur-a*] 'больной', собственно 'тот, в которого вошел (дух)', *gu-la* [= *gul-a*] 'главный' и т. д., *kalag-ga* [= *kalag-a*] 'сильный'. От существительного нельзя образовать прилагательного, и оно заменяется существительным в родительном падеже: *ê-sig₄-ga* [= *ê-sig₄-a(k)*] 'дом кирпичика' → 'кирпичный дом'. В шумерском вообще нет относительных прилагательных.

11. Система числительных представляет смешение пятиричной, десятиричной, двадцатиричной и шести- или шестидесятиричной систем.

Число «один» выражается разными словами — *dili*, *deš*, *aš*, *gè*, возможно, в зависимости от исчисляемого объекта. Так как числительные всегда скрыты за цифровыми обозначениями, то установить чтение в каждом отдельном случае трудно. Остальные числительные до десяти, а также десятки до шестидесяти⁵¹ следующие:

Краткая форма

- 2 — *min*
- 3 — *peš*, *eš₅*, **uš*⁵²
- 4 — **lim*
- 5 — *i*
- 6 — *i-aš*
- 7 — *i-min > umun*
- 8 — ?
- 9 — **i-lim*
- 10 — *u* (*hû*, *hâ*, *a₆*)
- 20 — **ni-aš > niš*
- 30 — **uš-u > ušu*
- 40 — **ni-min > ni(mi)n*
- 50 — **ni-min-u > nin-u*
- 60 — *geš*

Пространная форма

- min-a*
- *eš₅-a*, **uš-a > ušu*
- *lim-a > limu*
- i-a*
- usu*
- *i-lim-a > i-limu*

Как видно, если не считать этимологически неясного *usu*⁵³ 'восемь', все числительные от пяти до девяти основаны на пятиричном числении, числительные «двадцать», «сорок» и «пятьдесят» — на двадцатиричном. Сопоставление двух числительных может быть как их сложением (**nimin-u* = 40 + 10 = 50), так и умножением (*uš-u* = 3 × 10 = 30, *geš-u* = 60 × 10 = 600).

Числительные от 11 и выше неизвестны. Особые обозначения имеют числа 60, 600 (60 × 10), 3600 (60 × 60): *geš*, **ner* (и *geš-u*) и *sar*, или *šar*. Последнее слово означает 'круг'. Для 100 и 1000 особых обозначений, по-видимому, не было (они обозначались, вероятно, как 60 + 4 × 10 и 600 + 6 × 60 + 4 × 10). По крайней мере есть специальные цифры для 60, 600 и 3600, но нет цифр для 100 и 1000 (если не считать цифр для емкости сыпучих тел в архаических текстах).

Порядковые числительные образовывались путем постановки количественного числительного со связкой *-am* или с показателем родительного падежа *-ak* и связкой *-am* или *-am-a*: *mina-kam* [= *min-ak-am*] 'второй', *mina-kam-ma* [= *min-ak-am-a*], плеонастически *mina-kam-ma-ka* [= *min-ak-am-ak-a*]⁵⁴.

⁵² Реконструируемая вариантная форма к *eš₅* с огублением гласного под влиянием *p* (<*w?): **weš*, *peš > *uš*, **puš*.

⁵³ Из **i-wuš-a*?

⁵⁴ Ср. *a-râ-min* 'два раза (хода)', *a-râ-mina-kam* 'второй раз' (букв. 'ход'), *mina-kam-ma-šè* 'во второй раз', *II gû-un-ta* 'по два таланта (весовая единица)', *II gû-un-ku(g)-ta* 'по два таланта серебра', *igi-VIII-gâl* 'одна восьмая'. Некоторые дроби выражаются специальными словами: *šu-ri-a* 'половина', *bân* '30/60', *šanabe* '40/60', *kiğusila* '50/60'. Обозначения для дробей 10/60 и 20/60 заимствованы из аккадского: *šuš* < акк. *šuššum* 'шестой', *šušana* < акк. *šuššān* 'два шестых'.

⁵⁰ См. выше, п. 6, прим. 39.

⁵¹ В ES числительные 1—3 другие, чем в ЕК: *did*, *ima*, *amuš* (фонетический вариант к *peš*, *uš*?)

§ 6. Местоимение

1. Самостоятельные личные местоимения употребляются редко: только если нужно подчеркнуть лицо логическим ударением; в других случаях лицо выражается только в глаголе.

	Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л.	[<i>ḡae</i>] ⁵⁵ , ES <i>te</i>		[<i>mēde</i>] ⁵⁶
2-е л.	[<i>zae</i>] ⁵⁵ , ES <i>zé</i>		[<i>mēzē</i>] ⁵⁶
3-е л.	[<i>ane</i>] ⁵⁷ , поздн. и ES [<i>ene</i>] ⁵⁷		[<i>anene</i>], поздн. и ES [<i>enene</i>] ⁵⁸

Эти местоимения склоняются по образцу имени существительного (основа *ḡa-*, *za-*, *a/ene-*: *ḡa-ra* 'мне'; *ḡa-kam* [*ḡa-(a)k-am*] 'мое (это) есть', ср. франц. *le mien*; *e-ne-ra* 'ему').

Для более эмфатического выделения и подчеркивания личные самостоятельные местоимения могут соединяться со связкой (ср. § 8, пп. 3—4).

2. Притяжательные местоимения выражаются суффиксами:

1-е л.	<i>-ḡu</i> > <i>-mi</i>
2-е л.	<i>-zu</i>
3-е л.	{ [<i>-(a)ne</i>] (соц. акт.) ⁵⁹ [<i>-bé</i>] (соц. пасс.)

Для выражения притяжательного местоимения 3-го лица множественного числа (кроме множественного определенного)⁶⁰ служит притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа имен социально-пассивных: *-bé*.

3. Указательные местоимения существуют как самостоятельные [(*e*)*ne*], [*hur*, *ur*], так и суффиксальные, чаще всего *-bé*, что означает не только «его», но и «этот»; реже *-e*, [*-(e)ne*].

⁵⁵ Это, вероятно, первоначально были формы эргатива, однако они употребляются и в абсолютном падеже. Новошумерские формы *ḡā*, *zā* следует рассматривать не как первичные формы абсолютного падежа, а как фонетическое развитие форм *ḡae*, *zae*; они также употребляются как в эргативном, так и в абсолютном падеже.

⁵⁶ Первоначально—форма местоимения с глагольной связкой (см. ниже, § 8, п. 3).

⁵⁷ Употребляется только с классом имен социально-активных или в случае олицетворения. Пишется *a-ne*, *e-ne*. Для имен социально-пассивного класса применяются указательные местоимения (*b*)*ur*, (ES *ur*) и *ne* (< **nen*? — А. Фалькенштейн).

⁵⁸ Образовано по типу множественного определенного в имени (§ 5, п. 9).

⁵⁹ Пишется *-(a)-NI*, читать *-(a)-né* [= *-(a)ne*].

⁶⁰ Формы множественного числа не вполне ясны; 1-е л. мн. ч. 'наш' — *-me*, может быть, читать [**-ḡe*]?; 2-е л. мн. ч. засвидетельствовано только в позднем языке: [*-zu(e)ne*]; 3-е л. мн. ч. социально-активного класса при определенной множественности [*-(a)ne*], в остальных случаях 3-е л. мн. ч. совпадает с 3-м л. ед. ч. социально-пассивного класса *-bé*. Притяжательные местоимения множественного числа 2-го и 3-го лица образуются, по-видимому, путем прибавления показателя определенной множественности [*-ene*] к форме единственного числа.

4. Вопросительные местоимения: [*a'ba*] 'кто?', [*a'na*] (ES *te*, или *ta*) 'что?' (ударение на втором слоге, с поглощением местоимением первого гласного следующей далее глагольной формы).

Прочие вопросительные местоимения образуются из [*aba*] и [*ana*] с прибавлением соответствующего падежного показателя.

5. Об относительных местоимениях см. ниже, § 15, п. 6.

§ 7. Глагольная основа

1. Глагольная основа в шумерском языке ничем структурно не отличается от именной основы. От многих имен легко образуются и глаголы, например, *sikil* 'чистый' и 'быть чистым', 'делать чистым'; *ḡi(g)* 'черный' и 'быть черным', 'делать черным'. Подобно именной основе глагольная основа обычно совпадает с корнем и неизменна, если не считать комбинаторных фонетических явлений.

2. Глагольная основа не только залогово-нейтральна, но и переходность и непереходность в ней не выражены; одна и та же основа может выражать непереходный глагол и переходный глагол; последний будет иметь каузативное (побудительное, заставительное) значение по отношению к первому или первый будет иметь пассивное значение по отношению ко второму, например, *gub* 'стоять', но и 'ставить' и 'быть поставленным'. Однако переходные и непереходные глаголы различаются по характеру спряжения (см. ниже, § 13).

3. Редупликация (удвоение) основы глагола имеет грамматическое значение (см. ниже, § 13, п. 9).

4. Для расширения запаса глагольной лексики шумерский язык не имеет никаких словообразовательных средств; зато широко применяются устойчивые лексикализованные словосочетания, состоящие из постоянного объекта с глаголом (см. ниже, § 14).

§ 8. Глагольная связка

1. Древнейшим типом образования спрягаемой формы глагола, по крайней мере непереходного, было присоединение личных показателей 1-го и 2-го лица к имени состояния; 3-е лицо совпадало с именной основой.

В дошедших до нас старошумерских и новошумерских памятниках так спрягается только глагол *te* 'быть', однако в поэзии сохранился этот тип спряжения и для других непереходных глаголов⁶¹.

⁶¹ Более редки и спорны по характеру аналогичные формы от переходных глаголов. Поскольку народные поэтические тексты дошли только от позднешумерского периода, постольку в старо- и новошумерских па-

2. Глагол *те* приобретает при этом энклитический характер, присоединяясь к подлежащему — имени или местоимению, или к их синтагме. В 3-м лице он получает стяженную форму *-m* с облегчительным гласным *-a-* после предшествующего согласного; затем это *-a-* появляется и после гласного, однако более характерны случаи, где после гласного связка звучит *-m* (*m* может при этом исчезнуть, дав, по-видимому, назализацию предшествующего гласного, графически не отмечаемую).

По видам и временам связка *те* 'быть' не изменяется.

3. Спрягается энклитическая связка «быть» следующим образом:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	ст.-шум.	позднешум. ⁶²	ст.-шум.	позднешум.
1-е л.	[-mē]	[-men]	[-mēdē]	[-menden]
2-е л.	[-mē]	[-men]	[-mēzē]	[-menzen]
3-е л.	-ām, [-ā] ⁶³	[-ām]	[-me]	[-meš]
	(после согласного)	(после согласного)		
	~	-m, -ām		
	(после гласного)	(после гласного)		

4. Глагольная связка с ослабленным предикативным значением придает слову, при котором оно стоит, характер пояснения или подчеркивает его. Так, часто при именном приложении: *ensī lū gēštū-daḡala-kam* [= *ensī lū-gēštū-daḡal-ak-ām*] 'правитель, человек разума обширного'; *dumu^aBa-U-imin-nam* 'дочери (богини) Бабы, а именно семь (дочерей)'⁶⁴; *^aNin-ḡir-su^aUtu-ām mu-gub* '(Бог) Нингирсу, (а он был) солище, встал'; *Ē-ninnu me-bé gal-gal-la-ām* [= *Ē-ninnu(-ak) me-bé* (ср. § 16, п. 3) *gal-gal-(a-)ām*] '(именно) на великие обряды «Храма пятидесяти» [= храм—пятьдесят—род. пад.—обряды—их—великие—в—связка]. Нередко такая связка ставится после номинализованной формы глагола (ср. § 15, п. 6).

5. Наряду с энклитической связкой встречается и нормальное спряжение глагола *те* 'быть' (см. § 9—13).

мятников этот тип спряжения не встречается. Хотя эти формы образуются совершенно идентично аккадскому стиву (см. гл. V, § 7; гл. VI, § 6), но маловероятно, чтобы они появились впервые в позднем языке под аккадским влиянием, имея в виду, что глагол *те* 'быть' спрягается по этому же типу уже в самых древних памятниках шумерского языка (около 2900 г. до н. э.).

⁶² В новошумерском встречаются как ранние, так и поздние формы.

⁶³ Пишется *-AN*, читать *-am_s* или *[-ā]*.

⁶⁴ Связка *те* согласуется с групповым единством, поэтому стоит в единственном числе.

1. В связи с развитием специальных показателей падежных отношений вырабатывается более сложная структура спрягаемой формы глагола (первоначально, вероятно, переходного, но затем также и непереходного), в которой отражены различные пространственные и субъектно-объектные характеристики действия, а также характеристики глагола с точки зрения реальности или нереальности действия (наклонения).

При этом шумерский язык строго различает спряжение переходных и непереходных глаголов (см. ниже, § 13).

Глаголы движения часто спрягаются по образцу переходных глаголов, во всяком случае в позднешумерском.

2. Спрягаемая форма шумерского глагола состоит из неизменной основы, агглютинативной цепочки префиксов и более краткой цепочки суффиксов. Весьма распространена терминология, согласно которой только один из цепочки префиксов (второй по месту), без наличия которого, как уже было давно установлено, не может (кроме случаев § 8, п. 1) существовать спрягаемой формы глагола, обозначается как префикс собственно; все показатели между ним и глагольной основой обозначаются при этом как инфиксы⁶⁵. Само образование шумерского глагола рассматривается как случай инкорпорации. Такая терминология не может считаться правильной, так как инфиксами называются форманты, вводимые внутрь основы⁶⁶. Поэтому в шумерском глаголе все показатели, помещающиеся перед основой, следует называть префиксами.

3. Префиксы шумерского глагола могут занимать шесть позиций в агглютинативной цепочке, а суффиксы — две позиции (см. табл. 2).

Не существует таких глагольных форм, в которых все шесть префиксальных позиций были бы заняты, однако какие бы показатели в глаголе ни имелись, они всегда размещаются относительно друг друга в порядке этих позиций.

^{64a} Стройная, но, с нашей точки зрения, слишком сложная и абстрактная концепция шумерского глагола Т. Якобсена (1965) здесь еще не могла быть учтена.

⁶⁵ Другие исследователи (А. Фалькенштейн) различают «преформативы», «префиксы спряжения и префиксы», «пространственные инфиксы» и «глагольные инфиксы», что соответствует префиксам 1-й, 2-й, 3—5-й и 6-й позиций. Т. Якобсен на месте 1-й и 2-й видит четыре позиции.

⁶⁶ Инкорпорацией называется языковой прием сочетания неоформленных глагольно-именных основ в единое слово-синтагму, грамматические отношения внутри которого выражены преимущественно порядком размещения основ; такое слово-синтаagma рассматривается в предложении как одно слово, и если имеет форманты, то общие для всего слова-синтагмы. Шумерский глагол, кроме составного, представляет одно слово, не состоящее из соединения нескольких глагольных или именных основ, в отличие от синтагмы имени.

1	2	3	4	5	6	R	1	2
Показатели наклонений	Показатели общей направленности действия	Пространственные (косвенно-объектные, обстоятельственные) показатели (отражающие надежные отношения в предложении)	Субъектно-объектные показатели	Основы	Показатель долженствования <i>-e(d)-</i> , вторично употребляемый для выражения будущего времени		Субъектно-объектные показатели	

§ 10. Наклонения ⁶⁷

1. Наклонения, выражаемые префиксом на 1-й позиции:
- Нулевой показатель — изъявительное наклонение
- na-* } ⁶⁸ — подтвердительное, или подчеркивающее, наклонение
- ša-* }
hē- ⁶⁹ } — пожелательное наклонение, или наклонение намерения (имеет также подтвердительное значение ⁷¹; в этом значении *hē-* употребляется и с 1-м лицом)
- ga-* (с 1-м лицом) ⁷⁰ }
ū- — наклонение допущения и просьбы ⁷²

⁶⁷ Термин «наклонение» понимаем как характеристику действия с точки зрения реальности или ирреальности в самом широком смысле.

⁶⁸ Оба показателя выражают одно и то же наклонение; форма *ša-*, хотя и встречается в литературных текстах ЕК, вероятно, восходит к ES. Огласовка ее меняется в зависимости от огласовки следующего слога: *ša-ba-*, *ša-mu-* (*šu-mu-*), *ša(-i-e)ra-*, но *ši(-i)-*, *š(i)-inga-*, *ši-bē* > *ši-im-mi-*. Этот префикс в форме *šu-*, *ši-* легко смешать с элементами составных глаголов *šu*, *igi* (пишется *ŠI*), см. ниже, § 14. Возможно, встречается двойной префикс *ša-na-*, если только *-na-* здесь не является префиксом 3-й позиции.

⁶⁹ ES *dē-*. Огласовка префикса *hē-* меняется в зависимости от огласовки следующего слога. Кроме поздних текстов употребляется (во 2-м и 3-м лице) только в несовершенном виде (для переходного глагола).

⁷⁰ ES *da-*. В единственном числе при этом показателе лицо субъекта отдельным формантом не выражается, поэтому отнести эту форму к тому или иному виду невозможно.

⁷¹ Возможно, относительно позднее явление (под влиянием аккадского, см. гл. VI, § 6, п. 1, прим. 70). Другие исследователи, напротив, считают это значение префикса *hē-* исконным.

⁷² Употребляется в форме совершенного вида. Примеры употребления: *ū-na-tu(d)* [= *ū(-i)-n+a-tu(d)*, см. ниже] 'если (если бы) ему ро-

ni-
[nā-] ⁷⁴
[bara-]

— отрицательное наклонение ⁷³
 — запретительное наклонение
 — наклонение категорического отрицательного утверждения или пожелания ⁷⁵.

Некоторые наклонения употребляются либо только с совершенным, либо только с несовершенным видом.

2. Императив в состав наклонений не входит, а представляет собой особую спрягаемую форму, в которой вся цепочка префиксов превращается в цепочку суффиксов, расположенных в том же порядке:

Повествовательная форма: 1—2—3—4—5—6—R (—1—2)

Императивная форма: R—2—3—4—5—6

Пример: *[ni-n+a-b-du(g)]₄* 'он ему это сказал', *[du(g)]₄-ni-n+a-b* 'скажи ему это'.

§ 11. Показатели общей направленности действия

1. На 2-й позиции могут находиться следующие показатели общей направленности действия глагола; *i-* (или *i-?*) ⁷⁶, *ni-*, *al-*.

О точном значении этих префиксов существуют различные мнения ⁷⁷.

дился', 'допустим, (перед тем) ему родился', 'поскольку ему родился' (следующее за тем действие, логически связанное с глаголом в наклонении *ū-*, выражается несовершенным видом и нередко пожелательным наклонением); *ū-na-du(g)₄* [= *ū(-i)-n+a-e-du(g)₄*] 'ты сказал бы ему (чтобы произошло действие, обозначенное следующим глаголом)' = 'пожалуйста, скажи ему'.

⁷³ Показатель отрицания *ni-* применяется и с именами. С новошумерского периода *ni-ba-*, *ni-bē-* > *la-ba-*, *le-bē-*.

⁷⁴ Назализация предположительна; графически она не выражается, за исключением позднешумерских сочетаний *na-ba-* > *nam-ba-*, *na-bē-* > *nam-bē-*, *na-mi-* > *nam-mi-*. Однако подобные написания, по-видимому, можно встретить и при префиксе *na-*, и практически различать оба префикса в тексте приходится только по смыслу.

⁷⁵ Наряду с перечисленными имеются и другие, в том числе подвижный элемент *-nga-* (перед 1-й, 2-й или 3-й позицией). Он выражает, что действие или состояние имеет место одновременно с другим действием: *niš ga-e i-zu-a-ḡu ū za-e in-ga-e-zu* 'что я знаю, то и ты знаешь' (см. ниже, § 15, п. 7; союз *u* — заимствование из аккадского); *mina-kam-ma-šē in-ga-nam-mi-na-ab-bē* [= *inga-na-mi-n+a-b-e(-e)*] 'во второй раз опять-таки воистину ему это говорит (он)'; *hē-in-ga-è(d)* 'пусть вместе явятся', 'выйдет вместе с ним'.

⁷⁶ В старошумерских текстах пишется: в диалекте Лагаша *e-* перед слогом с открытым гласным, NI-[*=i-*] перед слогом с закрытым гласным; в диалекте Адаба-Шуруппака чаще всего *a-*; позднее пишется NI-[*=i-*] в любом открытом слоге, *ib-*, *in-* и т. п. в закрытом (в зависимости от характера следующего префикса).

⁷⁷ По А. Фалькенштейну, префикс 2-й позиции *ni-* не может быть употреблен, если 3-я позиция занята пространственным показателем в 3-м лице социальнопассивного класса (кроме локативно-терминатив-

2. Общая направленность действия не обязательно должна быть передана приведенными выше префиксами, а может быть выражена одним лишь соответственным локативным или локативно-терминативным префиксом (см. § 12). Но в этом случае последний выдвигается со свойственной ему 3—5-й на 2-ю позицию (см. ниже, § 12, пп. 5—6).

Во всяком случае наличие префикса на 2-й позиции обязательно в любой спрягаемой форме глагола (исключение см. § 8, п. 1). В связи с этим префиксы 2-й позиции носят также название «префиксов спрягаемой формы глагола».

§ 12. Пространственно-падежные показатели

1. Эти показатели повторно выражают пространственные и косвенно-объектные отношения, существующие в предложении и обычно уже отраженные соответственными падежными показателями при имени.

2. Каждый такой показатель состоит из двух частей: собственно падежного показателя и лично-местоименного показателя, указывающего на класс или лицо того имени, которое в предложении стоит в данном падеже. Таким образом, шумерский глагол содержит не только субъектно-объектные личные показатели (см. ниже, § 13, пп. 3—8), но и косвенно-объектные и обстоятельственные личные показатели. Иными словами, можно сказать, что он спрягается не только по лицам субъекта действия и субъекта состояния (прямого объекта), но и по лицам всех косвенных объектов и обстоятельств, выраженных именами в пространственных падежах внутри предложения.

3. Порядок пространственно-падежных префиксов относительно друг друга должен быть следующий: 1) локативный или дательный префикс ⁷⁸, 2) комитативный префикс, 3) аблативный префикс, 4) аллативный префикс, 5) локативно-терми-

ного), а *i-* не может быть употреблен, если 3-я позиция занята пространственным показателем в 1-м лице. В остальных случаях, по его мнению, префикс *mi-* употребляется в более торжественной речи и в тех случаях, когда в центре внимания говорящего — лицо социально-активного класса. Есть и другие объяснения, например, *mi-* — движение к говорящему, *i-* — нейтральное или от говорящего и др. По В. В. Струве, *mi-* обозначает действие в свою пользу, *e-/i-* — в пользу другого или нейтральное.

Префикс *i-* поглощается гласным префикса 1-й позиции.

Префикс *al-* выражает состояние (или, реже, действие) в его общем виде, не соотношенное с какими-либо пространственными или объектными отношениями. При нем ни одна другая префиксальная позиция не может быть занята. В старых текстах этот префикс не встречается.

⁷⁸ Формы локативного и дательного префиксов смешаны: для одних лиц применяется форма префикса локативного падежа, для других — дательного; в обоих случаях префиксы обычно относятся к дательному падежу в предложении, реже — к локативному, для отражения которого в глаголе чаще применяются префиксы локатива-терминатива.

нативный префикс. Однако сколько бы ни было косвенных объектов и обстоятельственных выражений внутри предложения, в глаголе может быть занято отражающими их показателями не более трех позиций (с 3-й по 5-ю).

Родительный и эквативный падежи в глаголе не отражаются, зато в нем отражается отношение редкого элативного (исходного) падежа *-re* (со значением «прочь из», «вон», «наружу»), обычно не отмечаемого показателем при имени. Место этого редкого префикса — перед префиксом аблатива или после него, при этом он может стоять и при трех уже наличных пространственно-падежных показателях. Пример: *é-egar-ta ba-ra-è-dé* 'из дома и стен он должен выйти вон'; *ba-ra-an-ta-zì(g)-ge-en-na-aš* [= *b+a-(n+)ra-n+ta-zig-en-a-š(è)*] 'чтобы ты поднялся наружу'; *ma-ra-da-ra-ta-è(d)* [= *m(u)-a+ra-(b+)da-(b+)-ra-ta-èd*] 'он для тебя вместе с тем прочь вышел' (ср. ниже, п. 8).

4. Формы этих префиксов приведены на табл. 3 ⁷⁹.

В живом языке были возможны различные стяжения: [*mi-n+e-n-ġar*] > *munġar*, [*mi-me+da-n-ġar*] > *meda(n)ġar* и т. п. Ср. ниже, п. 9.

5. Как уже указывалось (§ 11, п. 2), локативный и локативно-терминативный показатели ⁸⁰ могут передвигаться и на 2-ю позицию, выражая общую направленность действия вместо префиксов *i-*, *mi-* и *al-*; *ba-*, *bé-* на 2-й позиции идентичны по значению сочетанию префиксов 2-й и 3-й позиций *i-m+a-*, *i-m+e-* ⁸¹. Если локативно-терминативный префикс стоит на 2-й позиции, то все позиции с 3-й по 5-ю остаются незанятыми, так как локативно-терминативный префикс — всегда последний в цепочке пространственно-падежных префиксов.

6. Префикс *ba-* на 2-й позиции может также выражать безличную форму глагола: *ba-ġar* 'положено' ('*man hat gelegt*').

7. В живом языке происходили различные сдвиги значений пространственно-падежных префиксов. Так, дательные префиксы замещаются локативными, а локативные — локативно-терминативными и т. д.; спорадически встречаются и другие случаи несоответствия между падежным показателем, реально

⁷⁹ Опускаем здесь и ниже редкие и падежно не засвидетельствованные формы префиксов 1-го и 2-го лица множественного числа.

⁸⁰ Для 3-го лица социально-пассивного класса. Могут ли передвигаться на 2-ю позицию префиксы социально-активного класса, — неясно, так как *na-* на 2-й позиции неотлично от утвердительного *na-* на 1-й позиции *+i-* на 2-й позиции (*na-i-* > *nā-*, см. § 11, прим. 77), а *ne-* на 2-й позиции неотлично от *i-* (то и другое пишется N1-, что можно читать и *i-*, и *né-*). Во всяком случае *na-* ≠ *i-n+a-*, хотя *ba-* = *i-m+a-*.

⁸¹ Возможно, что и другие пространственно-падежные префиксы могут выдвигаться на 2-ю позицию (если написания *ba-da-*, *ba-ta-*, *ba-ra-*, *ba-ši-* являются графической передачей префиксов *b+da-*, *b+ta-*, *b+ra-*, *b-ši-*, стоящих в абсолютном начале глагольной формы, как склонен думать А. Фалькенштейн, однако это сомнительно).

Глагольные префиксы 3—5-й позиций

Лицо \ Падеж	Локативный	Дательный	Комитативный	Аблативный	Элативный	Аллативный ¹	Локативно-терминативный
1-е л. ед. ч.	-a- ²		-da- ²	-ta- ²		-ši- ²	-(e-)
2-е л. ед. ч.		-(e-)ra- -(e-)re- ³	-(e-)da-	-(e-)ta-		-(e-)ši-	- ³
3-е л. ед. ч. соц.-акт.	-n-a-		-n-da- ⁴	-n-ta- ⁴		-n-ši- ⁴	-n-e- (пишется -NI-).
3-е л. ед. ч. соц.-пасс. и мн. ч.	-b-a- > -m(m)-a- ⁵		-b-da- > -m-da- ⁶	-b-ta- > -m-ta- ⁶	-b-ra- > -ba-ra-	-b-ši- > -m-ši- ⁶	*-b-e- > -m-e > -(m)m-i- ⁵ > -n-e/i-(?) ⁷ (пишется -NE-)
1-е л. мн. ч.	*-me-a- ²		-me-da- ²				
3-е л. соц.-акт. опред. множ.	-(e)ne(-a)-		-PI- ⁸ (?)				-(e)ne(-c)-

Примечания. 1. В старошумерском показатель аллативного падежа -šè-, позднее -ši-.

2. Префиксы 3-й позиции 1-го лица требуют префикса *mi-* на 2-й позиции; **mi-a- > ma*, **mi-me-da- > me-da-*.

3. Форма *-(e-)re-* имеет тенденцию дифференцироваться как показатель 2-го лица локатива-терминатива (действие аналогии: локативно-дательные показатели *-a-*, *-(e-)ra*, *-n-a-* и т. д., локативно-терминативные *-(e-)*, *-(e-)re-*, *-n-e-*.

4. Звук *-n-* в конце слога, по-видимому, дает в старошумерском, а частично и в новошумерском назализацию предшествующего гласного, графически не выражаемую (ст.-шум. [**ida-*, **ita-*, **iše-*] > *e-da-*, *e-ta-*, *e-šé-*).

5. Так после префикса *i-* на 2-й позиции.

6. В старошумерском дает назализацию (?) предшествующего гласного, графически не выражаемую. В новошумерском возможны три формы: 1) *-b-da-*, *-b-ta-*, *-b-ši-*; 2) *-m-da-*, *-m-ta-*, *-m-ši-*; 3) *-mma-da-*, *-mma-ta-*, *-mma-ši-*. Однако эти последние формы могут рассматриваться и как *-(m)m-a-* (лок.-дат.) + *-(m-)da-* и т. п. Выбор форм зависит отчасти от определенных фонетических, отчасти от еще не ясных условий.

7. После *mi-* и *ba-* на 2-й позиции (по А. Фалькенштейну, явление диссимиляции губных).

8. В старошумерском пишется знаком PI, чтение которого неясно.

употребленным при имени, и его отражением в глаголе. Архаическим явлением следует считать случаи, когда падежное отношение выражено лишь в глаголе, но не при имени в предложении.

8. При некоторых глаголах существуют застывшие падежные префиксы, наличествующие независимо от того, есть ли данное падежное отношение в предложении; например, глагол *è(d)* 'выходить' всегда употребляется с префиксом *-ta-*; глагол *kar* 'похищать', 'удирать (с похищенным)' — почти всегда с префиксом *-da-*; глагол *sám* 'покунуть' — с префиксом *-šè-*. Ср. ст.-шум. *lú-šè e-šè-sám* и н.-шум. *lú-ta in-ši-in-sám* 'у человека купил'.

9. Показатель *-n-* в старошумерском, а иногда и позже, перед согласным графически не выражается, по-видимому, потому, что он как согласный не произносился, а давал лишь назализацию предыдущего гласного. Часто не выражается перед согласным и *-b->m-*.

§ 13. Переходность и непереходность. Вид. Спряжение

1. Показатели, стоящие на 6-й префиксальной и 2-й суффиксальной позициях, связаны между собой, поэтому их целесообразно рассматривать вместе. Они передают лицо субъекта действия и субъекта состояния (при переходном глаголе — прямого объекта), но эти субъектные показатели размещаются по-разному в зависимости от переходности или непереходности глагола и от его вида.

2. Непереходные глаголы, по-видимому, нейтральны в отношении вида; в глаголах переходных различаются вид совершенный (перфектив, традиционное название — Praeteritum) и вид несовершенный (имперфектив, традиционное название — Praesens-Futurum). Вид совершенный выражает, что действие рассматривается как завершенное (безразлично — в прошедшем, настоящем или будущем); в виде несовершенном действие, также независимо от времени, рассматривается как незавершенное — потому ли, что оно еще длится или длилось в момент, к которому относится повествование, или вообще еще не начиналось.

Виды различаются по характеру и по размещению субъектных (субъектно-объектных) показателей.

3. В непереходных глаголах 6-я префиксальная позиция не занята⁸². Субъектные показатели — те же, что для связки

⁸² Она может быть, по-видимому, занята показателем каузатива *-n-* (менее надежно засвидетельствован такой же показатель *-b-*), что превращает непереходный глагол в каузативный переходный: [*mi-šī(g)*] 'является черным', [*nā-(i)-šīg-e*] 'пусть не делает черным' (спрягается по типу переходных). Впрочем, не все исследователи признают существование каузатива, и данная форма объясняется также иначе.

'быть' (см. выше, § 8, п. 3) ⁸³; они помещаются на 2-й суффиксальной позиции:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	ст.-шум. позднешум.		ст.-шум. позднешум.	
1-е л.	[-ē]	-en	[-ēdē]	[-enden]
2-е л.	[-ē]	-en	[-ēzē]	[-enzen]
3-е л.	(нулевой показатель)		-e ⁸⁴	-eš ⁸⁴

4. Эти же показатели выражают субъект состояния (т. е. прямой объект) и при совершенном виде переходного глагола ⁸⁵,

Таблица 4

Показатели прямого объекта совершенного вида переходного глагола

Лицо	Единственное число				Множественное число			
	ст.-шум.		позднешум.		ст.-шум.		позднешум.	
	позиции							
	6-я префиксальная	2-я суффиксальная	6-я префиксальная	2-я суффиксальная	6-я префиксальная	2-я суффиксальная	6-я префиксальная	2-я суффиксальная
1-е л.	—	-ē	—	-en	—	-ēdē	—	-enden
2-е л.	—	-ē	—	-en	—	-ēzē	—	-enzen
3-е л.	~ -	—	-n- (?)	—	~ -	-e ¹	-n- (?)	-eš ¹
соц. акт.								
3-е л. соц. пасс.	графич. ноль ²	—	-b- > -m- (?)	—	графич. ноль ²	— ³	-b- > -m-	— ³

Примечания. 1. Форма определенного множества социально-активного класса.

2. Характер развития должен был здесь отличаться от характера назализации при 3-м лице социально-активного класса: здесь ожидается *-b-, в первом же случае ~ - < * -n-; позднее -m- // -b- и -n- восстанавливаются, каждый показатель на своем месте. По мнению А. Фалькенштейна, в позднем языке и -b- > -m- может дать -n- (в порядке диссимилиации) после губного на предшествующей позиции.

3. Форма всякого множественного числа 3-го лица, кроме определенного множества социально-активного класса.

⁸³ Так же спрягается глагол «быть», когда он не имеет энклитического характера: *i-me-en*, *i-me-en*, *i-me*; *i-me-en-de-en*, *i-me-en-zē-en*, *i-me-eš*.

⁸⁴ Только для определенного множественного социально-активного класса.

⁸⁵ При двусубъектном (субъектно-объектном) спряжении. Однако существует и односубъектное спряжение, при котором прямой объект остается в глаголе невыраженным. Так, например, всегда спрягается глагол *dij* 'строить'.

однако для 3-го лица вместо нулевого показателя, возможно, применяется показатель *-n/b-* на 6-й префиксальной позиции, а для 3-го лица определенного множества социально-активного класса *-n-* и, кроме того, суффиксальный показатель *-eš* (см. табл. 4).

5. Субъект действия совершенного вида переходного глагола отражается показателями на 6-й префиксальной позиции (для 3-го лица определенного множества социально-активного класса на 2-й суффиксальной позиции ставится еще суффикс *-eš*). Но так как на этой же 6-й префиксальной позиции в совершенном виде переходного глагола отражается и прямой объект 3-го лица ⁸⁶, то следует иметь в виду следующее.

Субъект действия 1-го лица имеет нулевой показатель, поэтому при наличии прямого объекта в 3-м лице на 6-й позиции, видимо, бывает отражен только этот последний.

Если субъектом действия является 2-е лицо, то при наличии прямого объекта в 3-м лице показатель субъекта действия *-e-* передвигается на дополнительную позицию ба.

Что касается субъекта действия 3-го лица, то при наличии прямого объекта в 3-м лице выражается что-нибудь одно — либо субъект действия, либо прямой объект (обычно, по крайней мере в позднем языке, субъект) ⁸⁷:

Таблица 5

Лицо	Показатели субъекта действия совершенного вида	С прямым объектом 3-го лица	
		соц. акт.	соц. пасс.
1-е л.	(ноль)	-n-	-b-, -m-
2-е л.	-e-	-n-e	-b-e-
3-е л.	{ соц. акт. -n-* соц. пасс. -b-	-n- -n-(или -b-, -m-)	-b-, -m- (или -n-) -b-, -m-

* Во множественном определенном *-n-...-eš* (односубъектная форма без выражения прямого объекта).

В старошумерском формы 2-го лица субъекта действия с прямым объектом 3-го лица надежно не засвидетельствованы; все остальные формы показателей на 6-й префиксальной позиции, как правило, графически дают нуль показателя, так как *-e-* поглощается предыдущим гласным, а *-n-* и *-b- > -m-* дают назализацию предыдущего гласного или, во всяком случае, графически не выражаются.

⁸⁶ Показатели прямого объекта (субъекта состояния) 1-го и 2-го лица в совершенном виде переходного глагола отражаются, как сказано выше, на 2-й суффиксальной позиции.

⁸⁷ Это можно рассматривать как односубъектное спряжение.

6. Если, таким образом, в совершенном виде переходного глагола субъект действия выражается показателем на 6-й префиксальной позиции, а субъект состояния (прямой объект действия) — показателем на 2-й суффиксальной позиции (кроме 3-го лица), то в несовершенном виде наоборот: субъект действия выражается суффиксом на 2-й суффиксальной позиции. Поэтому для прямого объекта остается 6-я префиксальная позиция, где объектные показатели несовершенного вида должны совпадать с показателями субъекта действия совершенного вида. Однако обычно в несовершенном виде выражается только субъект действия, но не прямой объект⁸⁸.

Показатели субъекта действия для несовершенного вида переходного глагола следующие:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	ст.-шум.	позднешум.	ст.-шум.	позднешум.
1-е л.	[-ē]	-en	[-ēde]	[-enden]
2-е л.	[-ē]	-en	[-ēze]	[-enzen]
3-е л.	-e	-e	-(e)ne ⁸⁹	[-ene] ⁸⁹

⁸⁸ Если принцип двухсубъектного (субъектно-объектного) спряжения выдерживается последовательно, то ряд форм совершенного и несовершенного вида не может быть различим. Действительно, если (поль), -e-, -n- и -b- выражают в совершенном виде соответственно 1-е, 2-е и 3-е (соц.-акт.) и 3-е (соц.-пасс.) лицо субъекта действия и в несовершенном виде выражали бы то же лицо прямого объекта, а -en, [-enden], [-enzen] выражают в совершенном виде соответственно 1-е и 2-е ед. ч., 1-е мн. ч. и 2-е мн. ч. прямого объекта и в несовершенном виде выражали бы то же лицо субъекта действия, то окажутся неразличимы следующие формы:

[*mu-ġar-en]	'я тебя положил' и *'ты меня кладешь',
[*mu(-e)-gar-en]	'ты меня положил' и *'я тебя кладу',
[*mu-n-gar-en]	'он (соц. акт.) меня (тебя) положил' и *'я (ты) его (соц. акт.) кладу (кладешь)',
[*mu-b-gar-en]	'он (соц. пасс.) меня (тебя) положил' и *'я (ты) его (соц. пасс.) кладу (кладешь)',

и точно так же с суффиксами [-enden] и [-enzen]. Тем не менее такие дублетные формы как будто засвидетельствованы.

Однако, как правило, формы несовершенного вида образуются по односубъектному спряжению, выражая лицо только субъекта действия. Относительно часто субъект состояния (прямой объект) может быть выражен в несовершенном виде переходного глагола, если субъектом действия является 3-е лицо, так как в этом случае не имеет места смешение форм, ибо показатель 3-го лица субъекта действия несовершенного вида (-e на 2-й суффиксальной позиции) не совпадает с 3-м лицом прямого объекта совершенного вида (-n-, -b- на 6-й префиксальной позиции). Поэтому формы *tu-n-ġar-e* 'он кладет его (соц. акт.)' и *tu-b-gar-e* 'он кладет его (соц. пасс.)' нельзя спутать с формами совершенного вида, лишенными показателя -e во всех случаях. Выражался ли показатель 1-го и 2-го лица прямого объекта при 3-м лице субъекта действия в несовершенном виде, сказать иногда трудно, так как для 1-го лица прямого объекта показатель прямого объекта нулевой, а для 2-го лица показатель -e может поглощаться предшествующим гласным.

⁸⁹ Только для определенного множественного социально-активного класса.

Позднешумерские субъектно-объектные форманты

Число	Лицо	Субъект действия переходного глагола совершенного вида		Субъект действия переходного глагола несовершенного вида		Субъект состояния				
						прямой объект переходного глагола совершенного вида		прямой объект переходного глагола несовершенного вида (формы сомнительные)		субъект непереходного глагола
		6-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция
Единственное	1-е л.	(ноль)	—	—	-en	—	-en	?	—	-en
	2-е л.	-(e-)	—	—	-en	—	-en	-(e-)	—	-en
	3-е л. соц. акт.	-n-	—	—	} -e	-n-(?)	—	-n-	—	} (ноль)
	3-е л. соц. пасс.	-b->-m-	—	—		-b-(?)	—	-b-	—	
Множественное	1-е л.	-me	—	—	-enden	—	-enden	?	—	-enden
	2-е л.	?	?	—	-enzen	—	-enzen	?	?	-enzen
	3-е л. соц. акт. опред.	-n-	-eš	—	-ene	-(n-?)	-eš	?	?	-eš
	3-е л. прочее	-b-	—	—	-e	-b-(?)	—	-b-	—	(ноль)

Примечание. В суффиксальных показателях всех парадигм гласный -e- может быть поглощен предыдущим гласным; после губного звука *b*, *p*, *m* или слога, содержащего гласный *u*, гласный суффикс -e- > -u-.

Старошумерские субъектно-объектные форманты

Число	Лицо	Субъект действия переходного глагола совершенного вида		Субъект действия переходного глагола несовершенного вида		Субъект состояния				
						прямой объект переходного глагола совершенного вида		прямой объект переходного глагола несовершенного вида (формы сомнительные)		субъект непереходного глагола
		6-я префиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я префиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я префиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	6-я префиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция	2-я суффиксальная позиция
Единственное	1-е л.	(ноль)	—	—	-ē	—	-ē	?	—	-ē
	2-е л.	-(e-)	—	—	-ē	—	-ē	?	—	-ē
	3-е л. соц. акт.	~ -	—	—	-e	~ -	—	~ -	—	(ноль)
	3-е л. соц. пасс.	графич. ноль	—	—		графич. ноль	—	графич. ноль	—	
Множественное	1-е л.	?	—	—	-ēdē	—	-ēdē	?	—	-ēdē
	2-е л.	?	—	—	-ēzē	—	-ēzē	?	?	-ēzē
	3-е л. соц. акт. опред.	~ -	—	—	-ene	~ -	-e	?	?	-e
	3-е л. прочее	графич. ноль	—	—	-e	графич. ноль	—	графич. ноль	—	(ноль)

Примечание. Назализация графически не выражается. Изменения гласного e — как в позднешумерском.

Парадигма глагольного спряжения

Переходный глагол *ġar* 'класть', 'ставить'

Совершенный вид									Несовершенный вид						Непереходный глагол <i>nà(d)</i> 'лежать'
лицо, число	без объекта	«меня»	«тебя»	«его» (соц. акт.)	«его», «их» (соц. пасс.)	«нас»	«вас»	«их» (соц. акт. опред. множ.)	без объекта	«его» (соц. акт.)*	«его» (соц. пасс.)	«нас»	«вас»	«их» (соц. акт. опред. множ.)	
1-е л. ед. ч.	<i>tu-ġar</i>	—	<i>tu-ġar-en</i>	<i>tu-n-ġar</i>	<i>tu-b-ġar</i>	—	<i>tu-ġar-enzen</i>	<i>tu-ġar-eš</i>	<i>tu-ġar-en</i>	—	—	—	?	—	<i>tu-nàd-en</i>
2-е л. ед. ч.	<i>tu(-e)-ġar</i>	<i>tu(-e)-ġar-en</i>	—	<i>tu-n-e-ġar?</i>	<i>tu-b-e-ġar?</i>	<i>tu(-e)-ġar-enden</i>	—	<i>tu(-e)-ġar-eš</i>	<i>tu-ġar-en</i>	—	—	—	?	—	<i>tu-nàd-en</i>
3-е л. { ед. ч. (соц. акт.) ед. ч. (соц. пасс.) мн. ч.	<i>tu-n-ġar</i>	<i>tu-n-ġar-en</i>	<i>tu-n-ġar-en</i>	<i>tu-n-ġar</i>	<i>tu-b-ġar</i> (<i>tu-n-ġar</i>)	<i>tu-n-ġar-enden</i>	<i>tu-n-ġar-enzen</i>	<i>tu-n-ġar-eš</i>	} <i>tu-ġar-e</i>	? <i>tu-n-ġar-e</i>	? <i>tu-b-ġar-e</i>	* <i>tu-me-ġar-e?</i>	?	—	<i>tu-nàd-en</i>
	<i>tu-b-ġar</i>	<i>tu-b-ġar-en</i>	<i>tu-b-ġar-en</i>	<i>tu-n-ġar</i> (<i>tu-b-ġar</i>)	<i>tu-b-ġar</i>	<i>tu-b-ġar-enden</i>	<i>tu-b-ġar-enzen</i>	<i>tu-b-ġar-eš</i>							
1-е л. мн. ч.	<i>tu-me-ġar</i>	—	* <i>tu-me-ġar-en</i>	?	?	—	?	* <i>tu-me-ġar-eš</i>	<i>tu-ġar-enden</i>	?	<i>tu-b-ġar-enden</i>	—	?	—	<i>tu-nàd-enden</i>
2-е л. мн. ч.	?	?	—	?	?	?	?	?	<i>tu-ġar-enzen</i>	?	?	?	?	—	<i>tu-nàd-enzen</i>
3-е л. мн. ч. (соц. акт) опред.	<i>tu-n-ġar-eš</i>	—	—	—	—	—	—	—	<i>tu-ġar-ene</i>	? <i>tu-n-ġar-ene</i>	? <i>tu-b-ġar-ene</i>	* <i>tu-me-ġar-ene?</i>	?	—	<i>tu-nàd-eš</i>
Старошумерские формы															
1-е л. ед. ч.	<i>tu-ġar</i>	—	<i>tu-ġar-ē</i>	<i>mū-ġar</i>	<i>tu-ġar</i>	—	<i>tu-ġar-ēzē</i>	<i>tu-ġar-e</i>	<i>tu-ġar-ē</i>	—	—	—	?	—	<i>tu-nàd-ē</i>
2-е л. мн. ч.	<i>tu(-e)-ġar</i>	<i>tu(-e)-ġar-e</i>	—	* <i>tu-n-e-ġar?</i>	* <i>tu-b-e-ġar?</i>	<i>tu(-e)-ġar-ēdē</i>	—	<i>tu(-e)-ġar-e</i>	<i>tu-ġar-ē</i>	—	—	—	?	—	<i>tu-nàd-ē</i>
3-е л. { ед. ч. (соц. акт.) ед. ч. (соц. пасс.) мн. ч. (соц. акт.) опред.	<i>mū-ġar</i>	<i>mū-ġar-ē</i>	<i>mū-ġar-ē</i>	<i>mū-ġar</i>	<i>mū-ġar</i>	<i>mū-ġar-ēdē</i>	<i>mū-ġar-ēzē</i>	<i>mū-ġar-e</i>	} <i>tu-ġar-e</i>	? <i>mū-ġar-e</i>	?	?	?	—	<i>tu-nà(d)</i>
	<i>tu-ġar</i>	<i>tu-ġar-ē</i>	<i>tu-ġar-ē</i>	<i>tu-ġar</i>	<i>tu-ġar</i>	<i>tu-ġar-ēdē</i>	<i>tu-ġar-ēzē</i>	<i>tu-ġar-e</i>							
	<i>mū-ġar-e</i>	—	—	—	—	—	—	—	<i>tu-ġar-ene</i>	? <i>mū-ġar-ene</i>	?	?	?	—	<i>tu-nàd-e</i>

* Возможна также форма 'он кладет тебя' — *tu-e-ġar-e*, 'они кладут тебя' — *tu-e-ġar-ene* и т. п.

7. В сводном виде показатели субъекта и объекта на 6-й префиксальной и 2-й суффиксальной позициях могут быть представлены в виде таблицы 6 (для позднешумерского периода).

Для старшумерского периода см. таблицу 7.

Из табл. 6 и 7 видно, что личное спряжение в шумерском глаголе действительно является двусубъектным: показатели субъекта состояния (иначе говоря, субъекта непереходного и прямого объекта переходного глагола) практически одни и те же — если отвлечься от второстепенных различий, то вопрос только в их размещении.

Наряду с двусубъектным встречается и односубъектное спряжение — не только для непереходного глагола, где оно само собой разумеется, но в ряде случаев и для переходного (выражается только субъект действия).

8. В целом личное субъектно-объектное спряжение шумерского глагола может быть представлено в виде парадигмы глаголов *gar* 'класть', 'ставить' и *na(d)* 'лежать' (для простоты мы берем глагольные формы, в которых префиксы, кроме субъектных, представлены только на 2-й префиксальной позиции, где они для спрягаемых форм глагола обязательны), см. табл. 8.

Приведенная парадигма носит условный характер и реконструируется несколько неуверенно, так как графика не всегда позволяет различать многие формы, к тому же имеют место различные фонетические изменения, стирающие специфику отдельных форм.

9. Как мы видели, категория вида выражается в шумерском языке (только для переходного глагола) путем различного размещения субъектных (субъектно-объектных) показателей.

Грамматическое значение, близкое к видовому, имеет также р е д у п л и к а ц и я о с н о в ы глагола. Она выражает множественность объектов действия: *giš-a tu-(b-)tūm-tūm* 'из числа деревьев (много различных) принес', множественность субъектов состояния, или многократность самого действия: *tu-gin-gin* 'ходил' (неоднократно или взад и вперед). Для глаголов, основа которых оканчивается на гласный, редупликация основы может выражать вид несовершенный. Это объясняется тем, что характерный для несовершенного вида суффиксальный гласный *-e* у этих глаголов поглощается гласным основы, и глагольная форма теряет свою видовую характеристику. Поэтому для этих глаголов форма несовершенного вида нередко заменяется близкой по значению формой, выражающей многократность действия, т. е. формой с редулицированной основой: *tu-ra-ab-mū-mū* [= *tu-e+ra-b-mū-mū*] 'его тебе вырастят', *tu-né ba-ḡá-ḡá* 'имя ее будет установлено'.

Форма несовершенного вида (и формы с редуцированной основой) может выражать также возможность или долженствование.

При редукации основа подвергается нередко различным сокращениям: *ḡar* 'власть', удвоенная форма *ḡá-ḡar*, *ḡá-ḡá*.

10. В нашем обзоре формантов шумерского глагола мы пропустили формант *-e(d)-*, помещаемый на 1-й суффиксальной позиции. По-видимому, обычно он указывает, что действие или состояние не совершилось и не совершается, но имеет быть совершённым. Поэтому при форме совершенного вида этот показатель редок.

Собственно категория грамматического времени чужда шумерскому языку. Действие, совершённое в прошедшем, может быть выражено не только совершенным видом, но и несовершенным, если оно еще длилось в момент, к которому относится повествование. Действие, не завершённое в настоящем, обычно выражается несовершенным видом. Действие, которое совершится в будущем, обычно выражено несовершенным видом, но может быть выражено и совершенным видом, если необходимо подчеркнуть именно завершённый характер этого будущего действия, или если оно будет завершено к тому моменту в будущем, к которому относится повествование. Оно может быть выражено дополнительно показателем *-e(d)-*, по-видимому, в том случае, если нужно подчеркнуть, что это не вообще некое незавершённое (или завершённое) действие, а именно конкретное действие, которое имеет совершиться и должно непременно произойти.

Особенно охотно показатель *-e(d)-* употребляется при переходных глаголах, для которых нет другого способа выразить, что состояние не является завершённым.

§ 14. Составные глаголы

1. Характерным явлением шумерского языка являются составные глаголы, в которых глагольное понятие выражается не глагольной основой самой по себе, а глагольной основой вместе с постоянным объектом (прямым или косвенным)⁹⁰. Так, составной глагол *ṣu...-ti* означает 'брать', *ṣu* — здесь 'рука', а *ti* отдельно от *ṣu* в засвидетельствованную памятниками эпоху не употребляется и отдельного значения не имеет⁹¹.

⁹⁰ Этот «внутренний» объект может быть выражен именем существительным (*igi...-du₃* 'глядеть' — *igi* 'глаз', *ṣu...-ti* 'брать' — *ṣu* 'рука') или субстантивированным прилагательным (*gal...-zu* 'быть мудрым' — *gal* 'великий', 'великое', *zu* 'знать').

⁹¹ Глагол *ti < til* 'жить', 'быть живым' сюда не может относиться. А. Фалькенштейн производит *ti* в *ṣu...-ti* от **tiḡ* — вариантная форма глагола *te(n)* 'приближать(ся)'. Однако этимология эта не вполне на-

В других случаях глагольная основа имеет и самостоятельное значение, но вместе с постоянным объектом получает значение совершенно иное, например, *du₃ < du_h* означает 'держат', 'открывать', но *igi...-du₃* означает не 'открывать глаза', а 'глядеть'.

2. Такой составной глагол может иметь и два постоянных объекта, например, *saḡ-ḡiṣ...-ra* 'убивать' (*saḡ* 'голова', *ḡiṣ* 'дерево', *ra < ra_h* 'ударять'), *gaba-ṣu...ḡar* 'быть соперником', 'состязаться', 'сопротивляться' (*gaba* 'грудь', *ṣu* 'рука', *ḡar* 'власть').

3. Если понятие, выражаемое составным глаголом, — переходное, то он может иметь помимо постоянного и реальный прямой объект (субъект состояния), а также косвенный объект, по отношению к которым постоянный объект обозначается как «внутренний». Так, составной глагол *ig...-ki_d* (букв. 'дверь отворять') означает просто 'открывать' и может иметь при себе любой реальный объект, например, 'путь' и т. п.

4. «Внутренний», или постоянный, объект грамматически рассматривается как прямой объект (субъект состояния) в абсолютном падеже; при этом глагол может спрягаться как переходный даже в том случае, если понятие, которое выражает составной глагол в целом, — непереходное: например, глагол *ḡiri i-tag-tag-e* 'бежит' (букв. 'нога-трогает', несовершенный вид).

5. «Внутренний», или постоянный, объект может логически быть и косвенным объектом; в этом случае он отличается от реального косвенного объекта тем, что при нем не ставится никаких падежных показателей, т. е. грамматически он тоже стоит в абсолютном падеже. Например, *ki...-tūm* 'хоронить', букв. 'земля (землю)-нести', а не 'в землю нести', что звучало бы **ki-a tūm*; *saḡ-ḡiṣ...-ra* 'убивать', букв. 'голова (голову)-дерево-ударять', а не 'голову деревом ударять', что звучало бы **saḡ ḡiṣ-ta* (или *ḡiṣ-ṣē*) *ra(h)*; *mī...-du(g)₄* 'мягко, дружелюбно говорить', букв. 'женщина (женщину)-говорить', а не 'подобно женщине говорить', что звучало бы **mī-gi₁₈ du(g)₄*; *ṣu...-tag* 'прикоснуться', 'украсить', букв. 'рука (руку)-тронуть', а не 'рукой тронуть' и т. п.

По-видимому, это пережиток древнейшего периода, до возникновения системы падежных показателей⁹².

дежна, и во всяком случае отдельное употребление *ti* в этом значении не было распространено.

⁹² Однако и «реальный» косвенный объект с падежным показателем может составлять с глагольной основой лексическую единицу, близкую по характеру собственно составному глаголу с неоформленным «постоянным» (так называемым виртуальным) косвенным объектом.

«Внутренний», или постоянный, объект ставится непосредственно перед цепочкой префиксов глагола; после него и до цепочки префиксов может ставиться относящееся к нему прилагательное, которое в таком случае переводится как наречие, относящееся к глаголу в целом; например, от глагола *igi...-bar* 'глядеть' (*igi* 'глаз', *bar* не имеет самостоятельного значения) можно образовать форму [*igi-zi(d)-mu-n+ši-n-bar*], (где *zid* прилагательное 'добрый', 'благой', 'правильный'), что означает 'на него он благожелательно взглянул'. Точно так же *gù...-dè* 'звать', 'призывать', 'провозглашать', 'кричать', *gù-nun-di* (*di* здесь вариант к *dè*) 'громко возгласить' (*gù* 'голос', *nun* 'великий'); *mí-zi(d)-du(g)*₄ 'благожелательно говорить' и т. п.

§ 15. Глагольные имена.

Номинализация спрягаемой формы глагола

1. В шумерском языке имеется два способа образования глагольных имен: 1) чистая основа (или основа + *-ed*) и 2) основа (или основа + *-ed*) с суффиксом *-a*.

2. Чистая основа выражает причастие действия. Присоединение суффикса *-e(d)*, по-видимому, выражает незавершенность действия (?) или неизбежно предстоящий его характер: *ġar* 'кладущий', 'клавший', *túm* 'приносящий', 'принесший', *dù* 'строющий', 'построивший', ^a*Nam-tar* 'решающий (букв. отрезающий ?) судьбу' (имя божества); *dù(-ud)* 'строющий', 'имеющий построить'; *nam-tar-re* [= *nam-tar-e(d)*] 'решающий судьбы', 'тот, кому предназначено решать судьбы'.

3. Суффикс *-a* имеет относительный характер: *túm-a* собственно 'то, что относится к приносящему или принесению', *dù-a* 'то, что относится к строящему или построению', *gin-a* 'то, что относится к хождению'. Отсюда развилось двойное значение этой формы:

1) имя действия или состояния: *túm-(m)a*, *túm-a* 'принесение', *dù-a* 'постройка', *gin-(n)a*, *gin-a* 'хождение'. Присоединение суффикса *-ed* придает имени действия целевой характер или характер долженствования (супин, инфинитив цели): *túm-mu-da* (< **túm-ed-a*) 'то, что должно быть принесено' или '(чтобы) принести', *dù-da* [= *dù(-e)d-a*] 'имеющее быть построенным' или '(чтобы) строить'; *gin-né-da* '(чтобы) идти';

2) причастие состояния: *túm-(m)a*, *túm-a* 'принесенный', *dù-a* 'построенный', *gi(n)-na*, *gin-a* 'идуший'. С суффиксом *-ed*: *èd-(d)è-dam* [= *èd-ed-a-am*] 'выходящий', 'имеющий обыкновенно выходить'⁹³.

⁹³ Начиная с новошумерского периода конечное *-a* может переходить в *-e*. В связи с этим происходит смешение форм типа [*gar-e(d)*] и [*gar-a*]. Форма [*-ed-a*] еще раньше переходит в [*-ede*].

4. Точно так же образуются глагольные имена и от составных глаголов, в том числе с прилагательным при «внутреннем» (постоянном) объекте: *gaba-šu-ġar* 'соперник', *gù-nun-di* 'громогласный', *igi-nu-du* 'незрячий', *ki-áġ(a)* 'любящий' (и 'любимый'), *gù-dé-a* 'призванный' и т. п.

5. Глагольные имена в старошумерском (отчасти и позже) согласуются нередко как глаголы. Так, логический субъект действия, выраженного глагольным именем, может стоять в эргативе (или, возможно, здесь еще нет различия между эргативом и локативом-терминативом; иногда логический субъект глагольного имени стоит в комитативе). Аналогично и логический прямой объект может быть выражен абсолютным падежом. В дальнейшем синтаксическое различие между глагольными и другими именами стирается.

6. Относительный показатель *-a*, который мы встречаем в имени и причастии состояния, употребляется также при спрягаемой форме глагола придаточного предложения, заменяя собой относительное местоимение «который»⁹⁴.

Спрягаемая форма глагола с показателем *-a* рассматривается как именная, и к ней могут присоединяться надежные показатели, играющие роль подчинительных союзов, сообразно характеру придаточного предложения, например: [*mu-n+a-n+e-n-ġar*] 'он ему там положил'; [*mu-n+a-n+e-n-ġar-a*] 'который ему там положил' (букв. 'относящийся к «он-ему-там-положил»'); [*mu-n+a-n+e-n-ġar-a-šè*] 'чтобы он ему там положил' (букв. 'для «он-ему-там-положил»'); [*mu-n+a-n+e-n-ġar-a-ta*] 'после того, как он ему там положил' (букв. 'от «он-ему-там-положил»') и т. п.

Таким образом, спрягаемая форма глагола трактуется как глагольное имя и склоняется (конструкция, по всей вероятности относящаяся еще к тому состоянию, близкому к доглагольному, о котором говорилось в § 8, п. 1). Придаточное предложение в целом рассматривается как единый член главного предложения (поэтому, в частности, надежные показатели *-šè*, *-ta* и т. п., стоящие при глаголе придаточного предложения, могут найти отражение в цепочке префиксов глагола главного предложения).

⁹⁴ Содержание нашего относительного местоимения может, кроме того, плеонастически быть выражено значащим существительным (чаще всего *lú* 'человек' для имени социально-активного класса, *ní(g)* 'вещь' для имен социально-пассивного класса): *ensí lú é in-dù-a* 'правитель, который построил храм', букв. 'правитель, человек «храм-построил» (+ относительный показатель)'; *ní(g) — máš-ġi₆-ke₄ — ma-ab-túm-a-ġá* [= *ní(g) — máš-ġi₆-(a)k-e — m(u)-a-b-tum-a-ġ(u)-a(k)*] 'того, что мне принесло ночное видение', букв. 'вещи «видение-ночи (род. пад. + эргат. пад.)-мне-его-принесло» (+ относительный показатель)-моей'.

7. Лицо, к которому относится глагол придаточного предложения⁹⁵, может быть дополнительно выражено притяжательным местоимением, присоединенным к номинализованной форме глагола (так называемое притяжательно-местоименное спряжение): [mi-n + a-n + e-n-ġar-a-(a)ne] 'тот, который ему там положил' или 'тот, которого он ему там положил'⁹⁶.

8. Тот же оборот с притяжательным местоимением может быть применен и при глагольном имени, что и является, очевидно, первоначальным случаем, из которого развилось притяжательно-местоименное спряжение номинализованной формы глагола: *dib-(b)a-(a)ne* 'его хватание' > 'он, (который) схватил', *ri-ba-ne* [= *rib-ane*] 'его превосходство' > 'он превосходит'. «Притяжательно-местоименное спряжение» предикативного глагольного имени может заменять собой и глагол главного предложения.

§ 16. Общие сведения о синтаксисе

1. Предложение делится на две основные части — именную в начале и предикативную в конце.

2. Порядок слов в пределах предложения в значительной мере зависит от логического ударения, однако обычный порядок членов именной части предложения следующий: субъект действия переходного или субъект состояния непереходного глагола (и его определения, образующие слово-комплекс, или синтагму, с падежными показателями на конце), косвенные объекты и обстоятельственные выражения⁹⁷ (каждое имя опять-таки может иметь определения, с которыми оно образует слово-комплекс), субъект состояния переходного глагола (прямой объект)⁹⁸.

⁹⁵ Чаще всего так выражается субъект действия или состояния, но может быть выражен и косвенный объект: *m(u)-a-b-tim-a-ġu* 'то, что (он) мне принес', а не 'то, что я принес' (букв. 'мне-его-принес-мое').

⁹⁶ Особенно часто этот оборот употребляется, когда нужно поставить номинализованную спрягаемую форму глагола в локативе, так как показатель локатива *-a* нельзя присоединить непосредственно к показателю номинализации *-a*: [mi-n + a-n + e-n-ġar-a-(a)ne] 'тот, который ему там положил' (букв. 'его «он-ему-там-положил»'); [mi-n + a-n + e-n-ġar-a-(a)ne]-a] 'при том, что он ему там положил' (букв. 'в его «он-ему-там-положил»').

⁹⁷ Наречия образуются из застывших форм имени в косвенном падеже (особенно на *-ēše*: *hul-šē* 'радостно'), или имени с указательным местоимением (*gibil-bē* 'снова'), или с тем и другим: *u(d)-b(ē)-a* 'тогда' от *u(d)* 'день', *gibil-bē-šē* 'снова'; реже выделяются лексически, не имея специального оформления. Прямая речь выделяется энклитической частицей [-*eše*].

⁹⁸ Затем может стоять сравнение, выраженное эквативным падежом,

3. Наряду с обычным случаем постановки определения после определяемого (с показателем родительного падежа *-ak*) в застывших архаических словосочетаниях встречается обратный порядок слов (определение—определяемое, без выражения родительного падежа специальным показателем: *uġken* 'народное собрание', собственно [*uġ + ken*] 'народ + круг' вместо 'круг народа'); приложение может выноситься вперед и в других случаях: *ama* 'Nazi' 'мать-Нази' (Нази — имя богини).

В случае если определение выделяется логическим ударением, оно тоже выносится вперед вместе с показателем родительного падежа, а к определяемому присоединяется притяжательное местоимение, указывающее на определение: *ē-a(k) ġiš-hur-bē* 'дома, чертеж его' = 'чертеж дома'.

4. Придаточное предложение занимает место внутри главного сообразно своему характеру. Определительное придаточное предложение занимает место определения и включается в слово-комплекс вместе со словом, которое оно определяет. Придаточные предложения, характеризованные падежными показателями, занимают место соответствующих косвенных объектов и обстоятельств.

§ 17. Проблема генеалогической классификации шумерского языка

Нет, пожалуй, такой семьи языков на земном шаре, с которой не пытались генетически связать шумерский язык⁹⁹. Действительно, несмотря на большое своеобразие своей грамматики, шумерский язык обнаруживает черты структурной близости со многими языками.

Менее всего значения для генеалогических сопоставлений имеет эргативная конструкция, так как она распространена в языках всех частей света, и то же касается деления имен на классы одушевленных и неодушевленных. Но и ряд частных структур шумерского языка имеет аналогии в других языках: так, полиперсональное спряжение встречается в кавказских, чукотско-корякских, кетском, венгерском, многих языках североамериканских индейцев и других; цепочки префиксов, включающие косвенно-объектные и пространственные показатели, имеются в картвельских, абхазо-адыгских, хаттском (протохеттском) и других языках, а подобные же суффиксальные цепочки — в хурритском и урартском и др.; именные слово-комплексы инкорпоративного характера хорошо из-

⁹⁹ С тюрко-монгольскими, угро-финскими, суданскими, кавказскими, тибето-бирманскими, китайским, семитохамитскими, индоевропейскими, банту, дравидскими, мон-кхмерскими, малайско-полинезийскими, этрусским и др. См.: V. Christian, *Die sprachliche Stellung des Sumerischen*, — «Babyloniaca», XII, 3—4, Paris, 1932.

вестны в палеоазиатских и ряде североамериканских языков, музыкальные тоны распространены в сино-тибетских языках, в суданских, в древнейших индоевропейских языках и мн. др.

Нельзя, в частности, отрицать большой структурной близости шумерского языка с рядом кавказских. Но как бы значительна она ни была, она не свидетельствует о родстве, пока нельзя выявить и материальной близости.

Кроме того, следует считаться с тем, что ряд грамматических особенностей шумерского языка — в частности, столь характерные глагольная и падежная системы — явно выработались уже на почве самого шумерского, а не унаследованы от какого-либо языка-основы, так как в ряде случаев прослеживаются следы более простой структуры (непереходный глагол как имя-предикат, с одними только личными показателями 1-го и 2-го лица; беспадёжное определение, предшествующее по месту определяемому; беспадёжное выражение пространственных отношений). Следовательно, структурное сходство с кавказскими языками как раз в этих чертах грамматики не может быть генетическим.

В материальном отношении также было немало попыток сблизить шумерский с другими языками (так, Ф. Хоммель нашел ряд сходно звучащих слов в шумерском и урало-алтайских; но часть его сопоставлений была основана на ошибочном чтении или толковании шумерских слов, а другая часть — на внешнем сходстве звучаний, не составлявших систему); к тому же он сравнивал факты отдельных урало-алтайских языков, не пытаясь выявлять общие праформы¹⁰⁰. Большинство тех же недостатков имеют и сопоставления шумерского с грузинским у М. Церетели.

При нынешнем состоянии наших знаний ни материал грамматических формантов шумерского языка, ни материал таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства¹⁰¹, названия частей тела и т. п., не обнаруживают никаких систематических соотношений с аналогичным материалом других языков, в том числе и кавказских. Возможно, это связано с тем, что первоначальная фонетическая система шумерского языка оказывается сильно разрушенной и сглаженной под влиянием ассимиляции гласных и утери конечных звуков, — по всей вероятности, отчасти вследствие воздействия какого-то субстрата.

Поэтому в настоящее время шумерский язык приходится считать изолированным, и родство его с каким бы то ни было другим языком — неустановленным.

¹⁰⁰ Возможно, в некоторых случаях дело касается миграции древних культурных терминов.

¹⁰¹ За исключением распространенных международных «детских» слов 'отец' — *a* < *ad* < *ada* и 'мать' — *ama*.

ГЛАВА III

ЭЛАМСКИЙ ЯЗЫК

§ 1. Общие сведения о названии и расселении эламитов

1. Эламом в древности называлась низменная, а в средней и верхней части — горная долина рек Каруна и Керхе, вливавшихся в высохшую теперь лагуну Персидского залива восточнее р. Тигра — нынешняя иранская область Хузистан. По-шумерски эта страна обозначалась идеограммой NIM^{ki} (ср. *nim* 'высокий'); чтение ее неясно — **Nim* или **Elam*?; аккадцы называли эту страну 'Elamtum, древние евреи — 'E^lam (может быть, этимологизируя это наименование по связи с глаголом акк. 'elū, др.-евр. 'alā 'быть высоким'). Древние персы называли страну эламитов (H)ūja, откуда совр. «Хузистан».

В самих эламских текстах страна называется *Hatamti*, встречается и *Hal-tamti* — форма, возможно, более архаичная (ср. элам. *hal* 'страна')¹. Термин *Hatamti* сопоставляется также с названием одного из эламских городов-государств III тысячелетия до н. э., передаваемым в шумеро-аккадских текстах как *A-dam-DUN*^{ki 2}.

В III тысячелетии до н. э. известен целый ряд эламских городов-государств: Шушен (Сузы), Аншан (Анчан), Симаш, Б/Парахсе (позже Мархаши), Адамдун, Хамази (или Хамачи?) и мн. др.

Во II тысячелетии до н. э. важнейшими составными частями Элама были Шушен (Шушун) и Анчан; эламские цари неизменно указывают эти два города в своей титулатуре. Шушен — это Сузы греческих авторов, хорошо исследованное городище в центре Элама, поселение, восходящее к IV тысячелетию до н. э.; местонахождение Анчана остается спорным.

¹ Предлагалось также чтение *Hapirti*. Остается сомнительным наличие в эламском глухого **l*, чередующегося с **ll*, *t*: **Ha^lamti* > *Hal tamti*, *Hatamti*; из этой же предполагаемой формы выводили и акк. 'Elamti(m), воспринятое, вероятно, как родительный падеж от 'Elamtum.

² Знак DUN может читаться *dun* или *šul*.

2. Древнейшие эламские тексты (с начала III тысячелетия до н. э. — написанные особой местной иероглификой, с XXIII в. до н. э. — написанные клинописью) происходят из Суз. Однако есть основание думать, что эламский язык в древности был распространен гораздо шире. Надпись III тысячелетия до н. э., сделанная линейным эламским иероглифическим письмом, найдена в районе современного порта Бушир в Фарсе на юге Ирана (древний Лиян), а хозяйственные документы с эламским иероглифическим письмом найдены, помимо Суз, также и на городище Тепе-Сиялк, в самом центре Ирана. Имея в виду возможную лингвистическую связь эламского языка с дравидской семьей языков (см. ниже, § 9), наиболее западный представитель которых — язык брахуи, — распространен среди ираноязычного населения в Белуджистане³, можно предполагать, что племена, по языку родственные эламитами и дравидам, в IV—III тысячелетиях до н. э., а может быть и позже, были распространены по всему Ирану, по крайней мере в его южной части. К этому можно добавить, что следы дравидской топонимики (правда, не датированной каким-либо определенным периодом), по-видимому, обнаружены на Аравийском полуострове, а следы примеси дравидоидной (южноиндийской) расы отмечены, как утверждают некоторые исследователи, в ряде районов южного Ирана⁴. Древнегреческий историк Геродот (V в. до н. э.) называет население совр. Белуджистана (и, возможно, также иранской области Мекран, расположенной с ним по соседству с запада) «азиатскими эфиопами». Археологические данные как будто указывают на связь населения этих районов в III—II тысячелетиях до н. э. с культурой индской долины — высокоразвитой «городской» цивилизацией Мохенджо-Даро и Хараппы, также, возможно, дравидской по этнической принадлежности населения.

Древние шумеры еще в глубокой древности тоже имели культурные связи не только с Эламом, но и с более восточными областями; шумерский эпос сообщает о торговых и других связях Энмеркара и Лугальбанды, правителей Урука (традиционная дата — ок. 2700 г. до н. э.), с городом-государством Араттой, расположенном «за семью горами» по ту сторону

³ Область, разделенная между Пакистаном, Афганистаном и Ираном.

⁴ Брахуи в антропологическом отношении, по-видимому, представляют смешение индосредиземноморской и дравидоидной (южноиндийской), а по некоторым данным — и веддоидной рас. Дравидоидная раса занимает, по классификации Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина, промежуточное положение между европеоидной и экваториальной большими расами; индосредиземноморская относится к европеоидной большой расе, а веддоидная — к экваториальной (Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, *Основы антропологии*, М., 1955, стр. 357—393). Следы большой экваториальной расы наблюдаются в краниологическом материале эпохи бронзы даже в Средней Азии (данные В. В. Гинзбурга).

Элама; в надписях середины и конца III тысячелетия до н. э. нередко упоминается страна Маган (откуда к шумерам привозили на кораблях черное дерево и другие ценные породы деревьев, а также диорит и др.) и расположенная еще дальше по Персидскому заливу или Индийскому океану страна Мелуха, откуда привозили золотой песок. Хотя в позднейшее время вавилоняне отождествляли эти две страны с Африкой, однако следует учитывать, что в III тысячелетии существовала прямая морская связь между Маганом и Мелухой и Шумером, в то время как начиная со II тысячелетия до н. э. все товары из расположенных далее к востоку стран не довозились до Ирака, а переваливались на Бахрейнских островах. Вследствие этого вавилоняне могли утратить правильное представление о местонахождении Магана и Мелухи; но, по-видимому, в шумерский период под Мелухой разумелась дравидская Индия. Как известно, произведения ремесла индской культуры и подражания им найдены в Шумере и Аккаде в слоях середины и конца III тыс. до н. э. Найдена даже шумерская печать переводчика с мелухского (*eme-bal Me-luh-ha*).

Все эти данные во всяком случае свидетельствуют о давних и прочных контактах между Шумером, — а стало быть и Эламом, — и расположенными к востоку цивилизациями. Это имеет важное значение для оценки генетических связей также и эламской культуры и эламского языка с другими областями древнего мира.

3. К северу от Элама, в горах Загроса, жили в III—II тысячелетиях до н. э. касситы (акк. *kašši*, греч. *kossaioi*), луллубеи и кутии (акк. *ḫuti*). Высказывалось мнение о близком родстве касситского языка с эламским, но, хотя известно около сотни касситских слов, это предположение остается недоказанным. Исходя из чередования этнических названий — акк. *lullu*, *nullu*, *lullub/p-um*, *lullumē*, хурр. и хетт. *lul(l)a-ḫe/i* (ср. ур. *lulu* 'враг', 'чужак'), высказывали предположение, что *-b/p* и *-me* являлись луллубейскими суффиксами множественного числа, сопоставимыми с эламскими суффиксами множественного числа *-p* и *-me*, и на этом основании предполагали, что и луллубейский язык был близок эламскому; эламский суффикс *-p* предлагали видеть и в названии племен каспиев (греч. *kaspioi*), живших в I тысячелетии до н. э. у юго-западного угла Каспийского моря; при этом считали, что этноним **kas/š-p* тождествен наименованию касситов. Однако никаких других данных о языке луллубеев и каспиев нет⁵. Формы *lullu-b/p-*, *lullu-mē* могли попасть в аккадский через эламское посредство.

⁵ Для луллубейского языка известно еще около полдюжата слов и имен собственных в аккадской (несомненно, очень искаженной) передаче.

О языковой принадлежности кутиев судить трудно, хотя нам известно два-три десятка имен собственных; культура Курдистана и южного Азербайджана, где, по всей видимости, жили кутии, была в этот период ближе к культуре восточного Закавказья, чем Иранского нагорья; возможно, что и по языку кутиев следует скорее отнести к северовостокавказской группе.

§ 2. Эламская письменность. Аккадская клинопись. Периодизация истории эламского языка

1. Древнейшие эламские хозяйственные тексты на глиняных плитках («таблетках») написаны особым линейно-иероглифическим, до сих пор не дешифрованным письмом, по типу очень близким к шумерскому письму эпохи Джемдет-Наср.

Однако оно современно не этим, еще также рисуночным и линейным шумерским письменам, а текстам шумерского раннединастического периода (2700—2400 гг. до н. э.), когда уже применялась клинопись словесно-слоговой типа. Поэтому эламская иероглифика едва ли может быть прямым ответвлением шумерской, хотя ее создатели, несомненно, знали о существовании и, может быть, о принципах шумерской письменности и тем самым, конечно, испытали ее косвенное влияние.

Развившееся позже эламское словесно-слоговое линейно-иероглифическое письмо применялось и для царских надписей (наиболее поздняя — двуязычная, клинописная и линейная, надпись Кутик(?)-Иншупинака, которую предположительно можно датировать около 2200 г. до н. э.). Надпись прочтена В. Хинцем.

С XXIII в. до н. э. в Эламе начинает применяться клинопись шумерского и староаккадского типов, причем как для шумерского и аккадского, так и для староэламского языка (древнейший памятник — договор Нарам-Суэна, царя Аккада, с правителями городов-государств Элама на староэламском языке).

2. Вплоть до конца II тысячелетия до н. э. для эламского языка применялась общая для ряда языков Передней Азии этого периода аккадская клинопись, отличавшаяся от шумерской следующими чертами:

а) не только грамматические форманты и служебные слова, но и любые слова могут писаться и большей частью пишутся фонетически, т. е. знаками в их словесном значении;

б) вырабатываются новые слоговые значения клинописных знаков как на основе шумерских логографических чтений, так и на основе аккадских чтений шумерских гетерограмм (см. следующий пункт). Возникают слоговые знаки для передачи специфически аккадских звуков (*ta* < шум. *da*, *tu* < шум. *tun* и т. п.). Если в шумерской клинописи слоговое значение придавалось преимущественно зна-

кам для слов, состоявших из одного открытого слога (*ba*, *tu*, *na*, реже *ib*), то теперь из логографических чтений все шире выводятся слоговые значения, передающие закрытый слог (типа *ag|k|k*, *id|t|t*, *uz|s|s* и т. д., а также типа *dal*, *šar*, *dib|p*, *gub|p* и т. д.). В закрытых слогах конечные звонкие, эмфатические и глухие согласные не различаются.

При этом существуют следующие правила:

(1) слог, начинающийся и кончающийся согласным и содержащий краткий гласный, может писаться либо одним знаком (*dal*, *šar*, *dib|p*, *gub|p*), либо двумя (*da-al*, *ša-ar*, *di-ib|p*, *gu-ub|p*); чтение в обоих случаях тождественно;

(2) открытый слог с долгим гласным либо может писаться так же, как слог с кратким гласным, т. е. одним знаком (*ba* = [*ba*] и [*bā*], *tu* = [*tu*] и [*tū*]), либо к нему присписывается знак для соответствующего отдельно стоящего гласного (*ba-a* = [*bā*], *tu-ū*, *tu-u* = [*tū*]);

(3) любое шумерское слово или выражение может быть употреблено и в аккадском (или, соответственно, эламском) тексте, причем читается не по-шумерски, а в аккадском (или, соответственно, эламском) переводе, являясь логограммой, или, точнее, гетерограммой аккадского или эламского слова. При этом может быть употреблена либо только основа шумерского слова (особенно в случае глаголов), либо все слово со всеми формантами, причем последние могут быть употреблены правильно или быть взяты из шумерского языка чисто механически и не соответствовать требуемой в данном аккадском (или эламском) контексте грамматической конструкции;

(4) после гетерограммы может (но не должен) быть выписан последний знак того аккадского (или эламского) написания, которое могло бы заменить гетерограмму, если бы слово было написано слоговым образом [например: *KI^{tim} // er-še-tim* = *eršetim* 'земли' (род. пад.); *TUŠ^{ab} // uš-ša-ab* или *it-ta-ša-ab* = *uššab* 'сидит', *ittašab* 'сел'; *KUR^ū // šā-du-ū* = *šadū* 'гора' и т. п.] — явление фонетического компонента;

(5) детерминативы применяются так же, как в шумерском, но чаще всего при гетерограммах и именах собственных. Начиная со II тысячелетия до н. э. вырабатываются особые детерминативы для мужских и женских имен собственных (в транслитерации условно обозначаются в первом случае как ^m или ^f, во втором — как ^f или ^{SAL}).

3. Эламские тексты, написанные этой системой клинописи, по языку относятся к староэламскому периоду (середина III — конец II тысячелетия до н. э.; преимущественно надписи царей).

4. От начала I тысячелетия до н. э. эламских текстов, по-видимому, не дошло; среднеэламские тексты (тоже в основном надписи царей) появляются примерно с конца VIII в. до н. э.

Язык этих текстов грамматически отличается от старозламского, отчасти приближаясь к более изученному новозламскому.

Ареал эламского языка в этот период (а возможно, уже и раньше) сильно сократился. Начиная примерно с 1000 г. центральные районы Ирана были заняты племенами, говорившими на индоевропейских языках индоиранской ветви (иранской подветви); уже в IX—VII вв. можно предполагать, что восточные части эламской территории были заняты персами. Так, цари-Ахемениды уже в VII—VI вв. были «царями Анчана».

Примечание. Обычно считается, что персидские племена двинулись вдоль Загросских гор с северо-запада на юго-восток, следами чего являются этнонимы: «Парсуа» (к югу от оз. Урмия-Резайе; по нашему мнению, севернее совр. г. Сулеймание), засвидетельствованный ассирийскими надписями конца IX—середины VII в. до н. э.; «Парсуаш», или «Парсамаш», который локализируют в северо-восточном Эламе, засвидетельствованный в VII в. до н. э. (Кир I, царь Парсуаша, упомянут ассирийским текстом около 640 г. до н. э.), и «Парса» (Персида, совр. Фарс к юго-востоку от Элама), засвидетельствованный вавилонскими текстами середины VI в., Бисутунской надписью 521 г. до н. э. и Геродотом (V в. до н. э.).

Однако локализация Парсуаша — Парсамаша в северо-восточном Эламе не выдерживает критики. Впервые эта страна упомянута в надписи ассирийского царя Шамши-Адада V (823—810 гг. до н. э.), причем в ней говорится о том, что весь Элам был охвачен смутой, «от Парсамаша до Бит-Бунакки». Очевидно, что так обозначены крайние пределы территории Элама. Поскольку Бит-Бунакки находился на крайнем северо-западе Элама, между Надиту и Тиль-Хумби, где-то между верховьями рек Керхе и Диялы, то очевидно, что Парсамаш следует искать на крайнем юго-востоке Элама, т. е. в Фарсе-Персиде. Тем самым здесь же надо искать и Парсуаш, который вместе с Анчаном и неизвестной страной Пашери перечисляется в числе союзников Элама в эламо-ассирийской войне 689 г. до н. э. В надписи Ашшурбанапала, упоминающей около 640—635 гг. до н. э. Кира I, царя Парсуаша, эта страна названа рядом с Худимери, а эта область, как мы знаем из ассирийского письма NABL, 521, об. 24, была расположена на берегу Персидского залива; там же нужно искать и Парсуаш, упоминаемый в письме NABL, 1309 в связи с событиями середины VII в.

Таким образом, страна «Парсамаш — Парсуаш» (из иран. *Parsava* через эламское посредство: в эламском иранские слова с основой на *-ah* и *-a* приобретают окончание *-š*) уже с конца IX в. до н. э. совпадала с позднейшей Парсой — Персидой — Фарсом и была, очевидно, заселена персами. Ассирийская провинция Парсуа в Загросских горах, севернее района г. Сулеймание (а В. Ф. Минорский сопоставляет современную крепость Кала-Песве, лежащую на переходе из долины восточного Заба в долину р. Кадер-чай), завоеванная ассирийцами в IX в. и оставшаяся в составе державы до ее падения (имеются упоминания середины VII в.), очевидно, не имеет к этому отношения. Топонимические названия этого типа были весьма распространены в Иране: кроме *Parsamaš*, *Parsuaš* = **Parsava*, *Pārša* в Персиде и *Parsua* = **Parsava* в районе гор Загроса, ср. еще *paršiol* из иран. **Parsavya* 'парсавцы', у Страбона к северу от Мидии, у Каспийского моря, и у Птолемея — в горах Гиндукуша (возможно, тот же этноним, что название афганцев-пуштунов, *pašīō* < **parsava*), а также *Parḍava* 'Парфия' (юго-западная форма, по ср. элам. *Parsuma* 'Парфия' из северо-западного **Parsava*). Очевидно, вероятность того, что Парсуа в Загрос-

ских горах является следом прохождения здесь персов, не больше, чем вероятность того, что таким следом является этноним пуштунов. Было предложено объяснять все эти топонимические термины из иран. **pars-*, **parsav-* 'бок', 'ребро' со значением «окраина, край».

Э. А. Грантовский в специальных исследованиях (*Иранские имена из приурмийского района в IX—VIII вв. до н. э.*, — «Древний мир. Сборник в честь акад. В. В. Струве», М., 1962; *Древнеиранское этническое название *Parsava — Pārša*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», XXX, Иран, Турция, М., 1961, стр. 5 и сл.) задается целью показать, во-первых, что персы действительно двинулись с северо-запада через загросскую Парсуа и северо-восточный Элам в Персиду, а во-вторых, что указанные топонимические термины происходят от этнонимов со значением «бокастый», «крепкобокий». В пользу первого предположения он приводит некоторые имена собственные из Южного Азербайджана и Курдистана в передаче ассирийских текстов IX—VIII вв. до н. э.; эти имена, по его мнению, свидетельствуют об их принадлежности к юго-западному, т. е. к персидскому, диалекту иранского. Однако предлагаемые им этимологии не всегда убедительны. Второе же положение он подкрепляет многочисленными примерами из индоиранских языков, которые должны свидетельствовать о широком распространении основы **pars-*, **parsav-* в индоиранских личных и этнических именах собственных. Не берясь оспаривать этого материала, я все же хотел бы привлечь внимание к трем вопросам, недостаточно разъясненным Э. А. Грантовским: 1) почему, если термин **Parsava*, *Pārša* искони являлся самоназванием персов, а не топонимическим названием, перенесенным также на обитающее здесь население, термин этот принадлежит не юго-западному (персидскому) диалекту иранского, а северо-западному (мидийскому), или же северо-восточному? По-персидски он должен был бы звучать **Parḍava*, **Pārḍa*; 2) почему все топонимы и этнонимы, образованные от основы **pars-*, **parsav-*, относятся к окраинным районам Иранского нагорья? 3) почему, если еще в IX—VIII вв. персидские племена находились в Южном Азербайджане, область на крайнем юго-востоке Элама уже в IX в. называлась *Parsamaš*? Заметим, что знакомство ассирийцев IX в. с Персидой не удивительно: в начале VII в. им была известна Индия (*Sindā*), Испания (*Tarsisu*) и Бактрия (? — письмо NABL, 1240).

5. Если письмо старозламских текстов ничем (кроме мелких особенностей, свойственных местным писцовым школам) не отличается от письма вавилонских аккадских текстов соответствующего периода, то в среднеэламский период применяется особый, эламский вариант клинописной системы, имеющий следующие характерные черты:

а) формы знаков значительно упрощаются;

б) знаки для закрытых слогов (преимущественно для слогов типа *i*+согласный) приобретают значение знаков для одних согласных, например, *taššup* 'люди', 'народ' пишется *taš-šu-īp*, т. е. *taš-šu-p*;

в) гетерограммы выделяются в тексте специальным детерминативом гетерограмм (условная транслитерация *ID^G*). Сами гетерограммы в этот период редки, и происхождение некоторых из них трудно объяснить (например, *ID^GGUL* для слова «дом», «род» шумерский или аккадский прототип не известен);

г) появляется специальный детерминатив-выделитель, который ставится не только перед именами собственными, но и перед именами нарицательными, которые хотят особо выделить.

6. Среднеэламские тексты прекращаются около середины VII в. в связи с завоеванием Элама Ассирией в конце 640-х — начале 630-х годов до н. э.⁶ С конца VII — начала VI в. начинается новоэламский период развития языка. Язык этого времени претерпевает сильнейшие изменения в грамматическом строе, теряя многие ранее наиболее характерные для эламского черты (например, правило переноса классовых показателей, см. § 5, п. 6). Начиная с конца VI в. до н. э., в связи с персидским завоеванием, эламские тексты буквально наводнены персидской лексикой.

Основные группы текстов этого периода следующие: а) документы царского ремесленного хозяйства из Суз — предположительно около 550 г. до н. э.; б) эламские версии трехязычных надписей персидских царей — Ахеменидов, в синтаксическом, а иногда и в лексическом отношении в значительной мере представляющие кальку персидской версии, — с 522 г. до н. э. по середину IV в. до н. э.; г) документы царского хозяйства и царской сокровищницы из столицы Ахеменидской державы — Персеполя (Фарс), конец VI — середина V в. до н. э.

Письменность новоэламских текстов, если не считать некоторой эволюции внешних форм знаков, существенно не отличается от поздней среднеэламской.

В науке долгое время не было единства мнения по поводу наименования языка новоэламских текстов. Предлагались обозначения «туранский», «скифский», «мидийский» (Ж. Опперт), «язык ахеменидских надписей второго рода», «сузский» (Ф. Вейсбах), «новосузский», «мидский» (Н. Я. Марр). В связи с находкой многочисленных старо- и среднеэламских текстов генетическая связь языка «ахеменидских надписей второго рода» с языком древнего Элама была установлена со всей бесспорностью, и теперь общепринятым обозначением их языка является термин «новоэламский» (впрочем, американский исследователь Г. Г. Пейпер предпочитает обозначение «царский ахеменидский эламский»).

7. Послеахеменидских письменных памятников на эламском языке нет, но вполне возможно, что он продолжал существовать в устном употреблении. Во II в. до н. э. существовало независимое или полунезависимое государство Элимаида, включавшее Элам, однако неясно, являлось ли оно продолжением государственности Элама или другого царства — Эллипи, рас-

⁶ Автономия эламского государства была восстановлена с 620-х по 550-е годы до н. э., но текстов этого времени до нас, по-видимому, не дошло. Вероятно, Элам в это время находился под верховной гегемонией Мидии.

положенного в VIII—VII вв. до н. э. несколько севернее, на касситско-мидийской территории, и имевшего, по-видимому, уже тогда ираноязычное население. Но во всяком случае цари Элимаиды, от которых дошли только надписи на монетах, пользовались для этих надписей греческим и арамейским языками, греческим же языком пользовались в автономном полисе Селевкии на Эвлее, в который были преобразованы древние Сузы.

Однако арабские авторы еще в X в. н. э. сообщали о том, что в Хузистане говорят на языке, «который не похож ни на персидский, ни на арабский, ни на еврейский». Если это только не был какой-либо сильно отличавшийся от персидского иранский диалект (подобно курдскому, белуджскому и т. п.), то это мог быть последний остаток эламского.

Высказывалось предположение, что эламский язык оказал некоторое влияние на персидский язык в качестве субстрата.

8. В настоящем очерке мы будем основываться преимущественно на старо- и среднеэламских материалах. Кроме краткого грамматического очерка, помещенного Ф. Борком в «*Reallexikon der Vorgeschichte*» под редакцией Эберта, систематической грамматики старо- и среднеэламского языка не существует. К сожалению, Ф. Борк был нередко склонен к поспешным выводам, и на его грамматический очерк не во всем можно полагаться. Часто мало достоверны интерпретации и таких эламитологов, как Г. Винклер, Г. Хюзинг и особенно Ф. В. Кёниг. Более существенны работы позднейших исследователей, однако они касаются преимущественно частных вопросов эламской лексики и грамматики. Для основательного суждения о старо- и среднеэламском языке нужны тщательные, всеобъемлющие и обстоятельные исследования, которые никем еще не произведены. Поэтому мы вынуждены говорить о строе эламского языка очень кратко, и при этом необходимо сразу же оговориться, что все приводимые данные нуждаются в тщательной проверке и многие из них могут не подтвердиться.

Мы избрали для нашего очерка старо- и среднеэламский язык, а не новоэламский, по той причине, что характерные и типичные черты эламской грамматики предстают в новоэламском сильно разрушенными, и к тому же этот язык находился под сильнейшим, искажающим картину, влиянием персидского языка. В очень многих случаях мы не в состоянии судить, представляет ли то или иное явление, зафиксированное новоэламскими текстами, действительно достояние эламского языка или результат калькирования писцами персидского (может быть, и арамейского) оборота.

Грамматический очерк новоэламского языка Ф. Вейсбаха (1890 г.), не говоря уже о более ранних попытках, совершенно

устарел и ни в какой мере не пригоден для изучения эламского. Недавно (1955 г.) появилась подробная новоэламская грамматика Г. Г. Пейпера, однако и она не может считаться вполне удовлетворительной. Восприятие ее затруднено широким применением модных, необычных лингвистических терминов; в терминологии Г. Г. Пейпера разобраться трудно, но хуже то, что он просмотрел некоторые самые коренные особенности эламской грамматики, например формальное разделение эламских глаголов на переходные и непереходные.

Главным недостатком работы Г. Г. Пейпера является полный отказ от учета материала не только старо- и среднеэламских, но и всех новоэламских текстов, помимо надписей. Поэтому целый ряд языковых явлений, не достаточно документированных в ахеменидских надписях, остается необъясненным, а следов некоторых грамматических отношений, характерных для староэламского (например, переноса классных показателей, ср. ниже, § 5, п. 6), Г. Г. Пейпер и не пытался искать в своем материале. Этим объясняется наличие многих оставшихся для него непонятными форм.

Значительным шагом вперед являются грамматические работы В. Хинца, И. Фридриха, Р. Лабата и Р. Т. Хэллока.

При составлении настоящего грамматического очерка я широко пользовался рукописью неопубликованной грамматики эламского языка г-жи Э. Рейнер, любезно предоставленной мне для ознакомления, за что приношу ей горячую благодарность.

§ 3. Фонология и фонетика эламского языка

1. Графика новоэламского периода не различает глухих и звонких согласных; графика более ранних периодов с точки зрения передачи ею фонологической системы слабо изучена, поэтому нам приходится главным образом исходить из того, что дает новоэламское письмо.

2. В последнем графически различаются 11—13 согласных⁷: *p*, *t*⁸, *s*, *š*, *c*⁹ [графически соответствует аккадскому *s*

⁷ Долгота (удвоение) согласных в эламском, видимо, является частью лишь графическим, частью комбинаторным явлением.

⁸ Возможно, что знаками для *t* передаются две разные фонемы: переднеязычная и латеральная (глухое *l* или ретрофлексное *l*); так, форма *Hatamti* 'Элам' чередуется с формой *Haltamti* (правда, это слово, возможно, этимологизируется как *hal* 'страна' + *tamti*); н.-элам. глаголы *hutta-* (всегда с удвоением, что нехарактерно для эламской орфографии) соответствует ср.-элам. *hutta-* 'делать' и *hutta-* 'посылать' (Э. Рейнер).

⁹ В староэламском передается аккадскими знаками SA, SI, SU, которые в староаккадском читались как [ša, ši, šu] и [ša, ši, šu]. Староэламское (и отчасти среднеэламское?) *s* перед согласным > š. Позже согласный *s* передается аккадскими знаками Š/ZA, ŠI, ŠU.

и эмфатическому *z*, но, несомненно, передает аффрикату «ц» или «ч»; при передаче персидских и других иранских слов соответствует *č* (правда, также и *z*); в русской транскрипции условно передаем как «ч»), *j* (= «й»), *k*¹⁰, *h*¹¹ (графически соответствует аккадскому заднеязычному *ḫ*, но, по-видимому, является придыханием; в новоэламском, возможно, уже не произносилось), *m*¹², *n*, *r*¹³, *l*¹⁴, в более раннее время, по-видимому, также *w*, и три гласных: *a*, *i*, *u* (наличие *e*, по крайней мере в новоэламском, сомнительно; может быть, речь идет о графическом варианте *i*). Возможно, что этот небольшой набор гласных определяется характером графики, восходящей к аккадскому письму, передающему аккадскую же фонологическую систему с ее четырьмя гласными; некоторые исследователи (например, Г. Хюзинг) полагают, что число эламских гласных было больше, включая, в частности, *o*, а может быть, и *ï* и др., однако это весьма недостоверно. Различение долгих и кратких гласных, возможно, отсутствовало; во всяком случае оно не получает адекватного графического выражения.

Нередко встречаются случаи чередования *u* и *i*, например *sunki-// sunku-* 'царь', *tiri-// turu-* 'объявлять', 'знать'; неударные гласные вообще неустойчивы в средне- и особенно в новоэламском; чередуются написания *a*, *e*, *i* и *i*, *e*, *u* (вероятно, во всех этих случаях следует читать редуцированный гласный *ə*); конечный гласный в новоэламском, возможно, полностью или частично отпадает.

Существуют дифтонги (*ai*, *au*, *eu*), которые имеют тенденцию к упрощению: *mauri-* > *marri-* 'хватать' и т. п.

В отличие от аккадского в эламском возможно сочетание двух согласных в начале и конце слога; для передачи этого явления аккадская клинопись не дает адекватных средств, поэтому на письме в таких случаях добавляются графические гласные (в том числе и в начале слова — Э. Рейнер).

§ 4. Словообразование

1. Для эламского языка характерна лексическая морфема (корень), содержащая один или чаще два согласных и один

¹⁰ Возможно, было придыхательным.

¹¹ Часто отпадает, особенно в новоэламском.

¹² Позже *m* передается также и иноязычное *v*; однако можно полагать, что в эламском существовали не две фонемы [m] и [w] (графически *m*), а только одна фонема (Г. Пейпер), скорее всего **w*.

¹³ Часто чередуется с *n*.

¹⁴ Может чередоваться с *r*, особенно в староэламском; *l*, может быть, чередуется также с *t* (непоследовательная графическая передача глухого латерального *l* или ретрофлексного *l*?). Однако это сомнительно.

или два гласных. Основа обычно совпадает с корнем. Первый гласный основы неизменяем; однако в глагольных формах (по крайней мере в новоэламском) второй (конечный) гласный некоторых основ подвержен чередованиям, закономерность которых еще неясна¹⁵.

2. В эламском языке употребительно словосложение: *lan-šiti-mm(e)-a* 'сейчас', ср. *šiti* 'время' (?); *sima-taha* 'давать', а также частичная редупликация корней: *peši-* 'строить', *perši-* 'быть построенным', *kuti-* 'охранять', *kukta-* то же.

3. Уже в среднеэламском засвидетельствовано очень большое количество аккадских заимствований (*palak-me* 'работа' < акк. *palāhu* 'работать'; *tupi*, *tuppi-me* 'надпись' < акк. *tuppu(m)* 'таблетка' < шум. *dub*; *man-na-t* 'дань' < акк. *mandattu(m)* и мн. др.), а также довольно значительное количество заимствований из шумерского, хотя последние установить труднее (может быть, сюда относятся *sima-taha* 'давать' < шум. *sim-a* 'давать' и *daḥ-a* 'прибавлять'?; *tahu-* 'помогать' < шум. *daḥ-a*?). В новоэламском языке ахеменидских надписей и персепольских таблечек (но еще не в сузских таблечках середины VI в. до н. э.) чрезвычайно много иранских заимствований, особенно персидских (*šaššam* 'власть' < перс. *xšaçaam*, *tanaš* 'племя' < перс. **dana*); и хотя некоторые имеют форму, возможную и в северо-западных (мидийских) и северо-восточных иранских диалектах, но и они, вероятно, заимствованы через персидский (*tenumtatti-ra*, *pirra-mataram* 'законодатель' < иран. **dēnadāta*, *framātaram*; *kur-taš* 'раб' < иран. **gr̥da*; *racikara* 'винодел' < иран. *razakāra* и мн. др.).

§ 5. Имя

1. Имена разделяются на два класса (лиц и вещей) и могут иметь два числа (единственное и множественное).

2. Имена класса лиц имеют в единственном числе показатель *-k* или *-r*. Ряд исследователей полагает, что разница между ними — в определенности и неопределенности (*-k* — показатель определенного единственного числа, *-r* — показатель неопределенного единственного числа?). По Э. Рейнер, *-k* — форма «локутива», соотносящая имя с говорящим¹⁶, а *-r* — форма «делокутива», соотносящая имя с третьим лицом.

Во множественном числе класс лиц имеет показатель *-p*.

3. Имена класса вещей могут не иметь никакого показателя или показатель *-me*, на ранних этапах развития языка употребляемый только в тех случаях, когда данная основа в прин-

¹⁵ По В. Хинцу, последний (тематический) гласный относится не к основе, а выражает вид совершенный (*-a*) и вид несовершенный (*-i*).

¹⁶ Например, *-k* в выражении *rutu hani-k u-r-e* 'жена любимая моя' можно объяснить тем, что жена принадлежит говорящему.

ципе была бы применима и для имен класса лиц (Э. Рейнер). Более сомнительно существование показателей класса вещей *-t* и *-n* (< **-m*?; тогда по отношению к последней форме *-me* является формой с наращением? Ср. ниже, п. 10). Во всяком случае, даже если признать существование показателей *-t*¹⁷ и *-n*, следует заметить, что эти формы, как и формы вообще без показателя, могут согласовываться с именами и глаголами, имеющими показатель *-me*. Очень рано разница между именами, оформляемыми различными показателями класса вещей, стирается (обычно сохраняется только *-me*)¹⁸.

4. К классу вещей относятся: 1) имена предметов; 2) имена абстрактные, в том числе образованные от имен класса лиц при помощи показателя *-me*; 3) коллективное множественное (имя группового единства) от имен обоих классов. Специального множественного числа класс вещей не имеет (в качестве такового нередко функционируют имена с показателем *-me*).

5. Показатели *-k*, *-r* и *-p*, присоединяясь к согласному, обычно имеют при себе соединительный гласный *-i-*, получая форму *-ik*, *-ir*, *-ip*, а показатель *-me* иногда имеет при себе, по-видимому, соединительный гласный *-u-*, что дает форму *-umme*. Возможно, что соединительные гласные — чисто графические.

6. Классные показатели являются важнейшим средством синтаксической связи между частями предложения.

Определение ставится всегда (кроме некоторых местоимений) после определяемого, причем классный показатель получают либо обе части определительной конструкции [и определение, и определяемое¹⁹: *ruhu-r riša-rra* 'человек большой'; *katru paha-r hal-Hatamti-r* 'князь (?), владеющий страной Элам' (букв. 'могущественный страны Элам'); *meni-k Hatamti-k* 'держатель (?) Элама'; **ak-(i)p napp-ip* 'все боги'], либо один классный показатель обслуживает всю определительную конструкцию в целом. В этом случае определительная конструкция в целом получает классный показатель определяемого: *ruhu riša-rra* 'человек большой'; *temti napp-ip-ir* 'владыка богов'; с местоимением: *att-u-r-e* 'мой отец' (< **atta u-r-e*); *hutta-k-u-me* 'мое деяние' (вместо **hutta-k-me u-me*); *ruhu hani-k Peja-k-ikk-e* '(я) человек, любимый богини Пейак'. Термины родства и нередко имена собственные самостоятельного классного показателя не

¹⁷ По Э. Рейнер, форма на *-t* — форма «аллокутива», соотносящая имя со вторым лицом.

¹⁸ В новоэламском показатель *-t* (в форме *-ta*) имеет абстрагирующее-обобщающее значение и присоединяется преимущественно к местоимениям и частицам, в частности для образования наречий.

¹⁹ Ср. *napp-ir riša-r-* 'бог великий', *riša-r napp(-ip)-ir* 'великий (величайший из) богов'.

имеют, но определительная конструкция, где такое не-
оформленное имя является определяемым, получает показа-
тель класса лиц: **atta u-r-e* 'отец мой'. Если опреде-
ляемым является имя класса вещей, не имеющее классного
показателя, то для определительной конструкции доста-
точно поставить определение после определяемого без вся-
ких связующих показателей: *iḥši kik-ip* 'светоч (?) небес'.
Эта конструкция позже распространяется, по-видимому,
и на имена класса лиц. Переносы классных показателей
могут иной раз создать довольно сложную картину:

takki-me Nahhunte-utu rutu hani-k u-r-e-me
 ↑ ↑ ↑ ↑
 '(за) жизнь Наххунте-уту, жены любимой моей'

[где *-r* в *u-r-e* относится к *rutu* 'жена', создавая опреде-
лительную конструкцию 'жена моя' = *rutu u-r-e*, причастие от
глагола *hani-k* имеет показатель *-k* согласно § 6, п. 4а, а конеч-
ное *-me* указывает на то, что выражение *rutu hani-k ure* является
определением к слову *takki-me* 'жизнь']

e nap(p) paḥa-pp-e ak-p-ip napp-ip-ip -
 'о, боги, (самые) могучие (из) всяких богов!'

[где определительная конструкция *nap(p) paḥa-pp-e* имеет
только один общий классный показатель имен прилагатель-
ных во множественном числе, а другая определительная кон-
струкция **ak-(i)p napp-ip* имеет два показателя (вероятно,
по причине синтаксической перестановки определения и опре-
деляемого, характерной для местоимений), а второе *-(i)p*
в слове *napp-ip-ip* (и *ak-p-ip*) связывает одну определительную
конструкцию с другой].

7. Классный показатель играет также роль предика-
тивной связки: *u šak N.-k-e-k* 'я — сын N.', где слово *šak*,
как термин родства, не имеет при себе показателя класса
лиц, но он повторен затем в виде *-k-e* при определении —
'сын такого-то', а последнее *-k* играет роль предикативной
связки, согласуемой с классным показателем имени; *u Un-
taš-GAL šak Humpanumena-k-e sunki-k Ancan-Sušun-k-a*
'я Унташ-GAL, сын Хумпанумены, царь Анчана и Суз',
где *-k* — классный показатель, повторяющийся при сказуе-
мом и при определении к сказуемому [конечное *-a*, по-ви-
димому, имеет относительный характер²⁰: букв. 'царь, ко-
торый (является царем) Анчана (и) Суз']; *pet-ir Naramsuen-
-irra pet-ir u-r-e* 'враг Нарамсуэновский (т. е. враг акад-
ского царя Нарам-Суэна) — мой враг'; *nan-ip ker-ip sunki-p*
'говорят (букв. говорящие) слуги царя'; здесь классный по-

²⁰ Или является союзом?

казатель множественного числа повторяется при двух со-
гласуемых словах (сказуемом и подлежащем), но также
и при определении к одному из них, согласно п. 6.

8. Именные классные показатели могут присоединяться
также к (обобщающе-) неопределенному местоимению (**ak-ip*,
akka-r-e) и (в новоэламском) к указательному местоимению
hure, а также и к отрицанию *in-*: *in-k(-e)* 'я не', *in-r(-e)*
'он не', **in-me* > *imme*, *inni* 'они не' и т. д. В новоэлам-
ском обычна неизменяемая форма отрицания *inni* (Э. Рей-
нер).

9. В новоэламском система классных показателей в ос-
новном разрушена. Показатели *-k* и *-r* применяются для
имен класса лиц, играющих роль подлежащего, но непосledo-
вательно (*-r* для 1-го и 3-го лица; *-k*, по-видимому, только
в заставших идиоматических выражениях); классных пока-
зателей *-n* и *-t* не существует; показатель *-p* во множе-
ственном числе может применяться и для класса вещей;
показатель *-ta* превратился в «обобщающий» суффикс, обра-
зующий наречия (и, возможно, деепричастия в глаголе).
Показатель *-(um)te* применяется в основном для образова-
ния имен абстрактных (*sunki-me* 'царская власть', *tuppi-me*
'надпись', *šaparak-umme* 'битва' и т. п.).

Система переноса классных показателей как средство уста-
новления определительной или предикативной синтаксической
связи в новоэламском разрушена; имеются отдельные пере-
житочные случаи.

10. Классные показатели могут иметь наращения:

- 1) *-i/e* с неясным значением;
- 2) *-a* — относительная частица, постепенно превращаю-
щаяся в словообразовательный формант? ²¹;
- 3) *-a* — с удвоением предшествующего согласного классного
показателя выражает притяжание (аналогично русскому суф-
фиксу *...ский*): *sunki-kk-a* 'царский', *naramsueni-rr-a* 'на-
рамсуэновский' и т. д. ²².

11. Синтаксические связи, соответствующие падежным от-
ношениям, выражаются двояким образом:

- 1) субъектно-объектные и определительные отношения
(т. е. отношения абсолютного, эргативного и родительного
падежей) выражаются только синтаксически (субъект в начале
предложения, предикат в конце, объект перед сказуемым;
определение после определяемого);

²¹ В то время как одни исследователи полагают, что в новоэламском
окончания *-i, -a* существуют только графически (или совпали в *-ə*), В. Хинц
придает гласным *-i* и *-a* в предикативных словах на *-k, -r* и *-p* (см. ниже,
§ 6, п. 1) значение формантов вида несовершенного и вида совершенного.
Другие исследователи считают *-a* союзной энклитикой.

²² В новоэламском конечное *-a* нередко, по-видимому, дает *-ə* (графи-
чески обычно *-i*).

2) пространственные отношения выражаются энклитическими послелогоми или сочетанием нескольких послелогов²³: *-ma* 'на', 'в', *-(h)ati-ma* 'в', 'внутри', *-lin/ma* 'для', *-n* 'за', 'после' (ст.-элам.), *-(i)l-lina* 'ради', *-(i)kku* (н.-элам. *-ikki*) 'у', 'к', 'на', 'в направлении к...', *-(i)m-ma*, *-(in)-ni*, *-ja* 'из (материала)', *-itaka* 'с', 'над', *-appuka* 'перед', *-rutaš* 'против', *-ahta* 'для', *-supaka* 'о', *-mar*, *-(i)kki-mar* 'от', 'после того, как...' (н.-элам.), *-intikka* 'по причине', *-šara*, *-šara-ma* 'на', 'над' (?) и др. Послелого, по всей вероятности, имеют именное происхождение.

В новоэламском имеется специальный послелог *-na*, выражающий родительный падеж (при пережиточном сохранении и старой определительной конструкции). Спорадически встречается и объектная форма имени на *-(i)n*, *-(u)n* — вероятно, возникшая из послелога *-n*.

12. Прилагательные не имеют особых формантов, кроме притяжательных прилагательных [суффиксы *-kka*, *-rra*, множественное число *-ppa*, см. выше, п. 10 (3)].

13. Произношение числительных (кроме *ki-r* 'один') неизвестно, так как они всегда пишутся цифрами; порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-umte*.

§ 6. Предикативные слова

1. Простейшее сказуемое состоит из основы (именной или глагольной)²⁴ плюс классный показатель (играющий роль предикативной связки, ср. § 5, п. 7). Такое сказуемое выражает состояние и соответствует как именному, так и глагольному сказуемому (непереходному глаголу). Неperеходное сказуемое может быть выражено также причастием состояния или герундивом (см. ниже, п. 2в)²⁵.

Для выражения 2-го лица добавляется особый показатель *-t(i/a)*, который, возможно, перенесен в непереходное спряжение по аналогии из спряжения переходного глагола, или, по Э. Рей-

²³ При глагольных формах послелого применяются для выражения синтаксического подчинения.

²⁴ Глагольная основа в эламском обычно двусложная, причем второй слог всегда открытый (ср. также § 4, п. 1). Это, по всей вероятности, вторичное явление, — первичной надо считать односложную основу типа *SG*, *GS*, *SG* и *G* (ср. гл. II, § 5, п. 1). В отношении переходности и непереходности, а также, конечно, активности и пассивности глагольная основа нейтральна.

²⁵ Как в старозламском, так и в новоэламском формы спряжения непереходного глагола применимы и к именному сказуемому: *nikaš sunki-p-ut* 'мы — действительно цари'; *šal-ut* '(мы) — действительно звать'. В единственном числе: *u sunki-k-ət* 'я — действительно царь' (окончание *-ut* выражает здесь, по-видимому, подтвердительное наклонение).

нер, является аллокутивным показателем класса лиц. Такова простая повествовательная форма непереходного сказуемого²⁶.

Переходное сказуемое состоит в простейшем виде (в простой повествовательной форме) из глагольной основы и показателя субъекта действия. Как переходные рассматриваются и глаголы движения (во всяком случае в новоэламском).

Для примера возьмем глагол *kuši-* 'строить', 'быть построенным' в переходном спряжении:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>kuši-hu</i> > <i>kuši-h</i> > <i>kuši</i>	<i>kuši-h-h(u)</i>
2-е л.	<i>kuši-(a)t(i)</i> > <i>kuši-(a)t</i>	<i>kuši-h-t(ə)</i>
3-е л.	<i>kuši-ši</i> > <i>kuši-š</i>	<i>kuši-h-š(i)</i> ²⁷

2. Характер глагольного действия может уточняться различными показателями, образующими агглютинативную суффиксальную цепочку (см. табл.)²⁸:

Таблица

R	1	2 (а и б)	3	4	5
Основа	Прямой объект (субъект состояния)	Вид?	Герундивный или причастный показатель	Предикативный показатель (показатель лица субъекта действия или состояния)	Наклонение

²⁶ Г. Пейпер рассматривает новоэламское соответствие этой формы как форму «ремотива», которому он предположительно приписывает значение действия, происходящего перед действием, изложенным в «декларативе», т. е. в повествовательной форме. В действительности приведенные им примеры показывают, что во всех случаях «ремотив» переводится на европейские языки либо непереходным глаголом, либо страдательным залогом переходного, т. е. представляет собой глагол состояния. (Ввиду отсутствия залогов в эламском глагол следует рассматривать как непереходный и в том случае, когда он переводится на европейские языки страдательным залогом: глагольная основа в эламском нейтральна в отношении категории переходности и непереходности).

²⁷ Гласные окончания, возможно, обусловлены только законами графтики. Формы новоэламского спряжения значительно более стертые:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>kuši</i> ; (<i>kušija</i>)	* <i>kuši-h(?)</i>
3-е л.	<i>kuši-š</i>	<i>kuši-š</i>

(1-е л. *kušija* < *kuši-h* + относительный суффикс *-a*? 2-е л. ед. и мн. ч. *kuši-n-tə*, вероятно, восходит к парадигме герундива, см. ниже, п. 2в. Форма 1-го л. мн. ч. *kuši-(h)ut* должна, по Э. Рейнер, рассматриваться как форма наклонения на *-ut*).

²⁸ Как и в шумерском, не все позиции бывают заняты; нумерация позиций передает только относительный порядок размещения формантов.

а) Первая позиция бывает занята только в том случае, если на второй позиции стоит показатель *-ma-*; в противном случае прямой объект выражен в предложении (соответствующим существительным перед глагольной формой и обычно еще и дополнительно — проклитическим местоимением), но в самой глагольной форме не отражен.

Объект (субъект состояния) может быть выражен на первой позиции (1) местоимением: *peṣṣi-(i)r-ma-h* 'основывал его я'; *miši-(i)r-ma-k* 'разрушен он', *tahh-u(n)-ma-n* '(так как) делает меня он' (в новоэламском примеров нет: здесь местоименный объект во всех случаях выносится вперед, перед глагольной формой); (2) именем (в том числе и с определением): *sunki-me hutta-GUL-Makištarra-na-ma-(n)-ra* '(так как) царскую власть исполнял род М.'; (3) прямой речью (с глаголами говорения): *tiri-mite-š-taššu-p-appa-peti-p-u-me-na-inni-tiri-ma-n-pe-hupe-pe-halpi-š-ma-n-ka* '(так как) я приказал (*tiri-...-ma-n-ka*): «Разбейте (*mite-š*) воинов (*taššu-p*), которые (*app*) враждебны (*peti-p*), (ибо) моими (*u-me-na*) не (*inni*) называются ('поскольку (не) называются — герундив *tiri-ma-n-pe*), этих (*hupe-pe*) убей (*halpi-š*)!»' (новоэламский пример)²⁹.

б) На второй позиции может стоять показатель локативного происхождения *-ma-* или показатель *-nu-*; значение их не вполне выяснено; видимо, *-ma-* выражает несовершенный вид³⁰

²⁹ Эти конструкции, довольно широко распространенные в новоэламском, сопровождаются нарушением ожидаемой грамматической формы: мы встречаем такие формы, как *ELma-ntə-...-na(?)-n-tə* (2-е лицо — 'ты, может быть, подумаешь'), вместо ожидаемой *ELma-...-ma-ntə*; *tiri-š-...-ma-ra* [3-е лицо — 'поскольку он сказал'] вместо ожидаемого *tiri-...-ma-n-rə*; *nan-rə-...-ma-ra* [3-е лицо — 'говорит'] вместо ожидаемого *na-...-ma-n-ra* и т. д. Другими словами, предикативный (лично-классовый) показатель помимо нормальной четвертой позиции ставится здесь и на позицию перед прямой речью, причем показатель берется не из герундивного, а из повествовательного спряжения. Необходимость знать лицо говорящего еще до введения прямой речи вполне естественно приводит к этому явлению.

И. Фридрих и за ним Г. Пейпер и Э. Рейнер рассматривают здесь элемент *manka* (1-е л.), *m/nantə* (2-е л.), *manrə* (3-е л.) как особую спрягаемую частицу, указывающую на предел прямой речи; таковым этот элемент, действительно, и становится в новоэламском; но сопоставление со староэламскими формами, где на той же позиции в глагол вводится прямой объект в виде местоимения и даже имени, показывает, что старое объяснение Ф. Борка, которому мы здесь следовали, исторически более правильно. Следует учитывать, что прямая речь нередко и в других языках (шумерском, эламском, урартском, аккадском) рассматривается как прямой объект, а субъект говорения ставится в эргативном падеже.

³⁰ Вопрос о выражении видов в эламском вызывает споры; так, если В. Хинц видит выражение несовершенного и совершенного в наращениях *-i*, *-a* к конечным глагольным формантам, то Г. Пейпер видит в первом случае «тематические» гласные, составляющие часть основы, а во втором — предположительно энклитический союз (?).

(согласно Р. Т. Хэллоу). Возможен оттенок будущего времени.

Строго говоря, здесь две позиции, так как показатели *-ma-* и *-nu-* могут встречаться в одной и той же глагольной форме.

в) На третьей позиции может стоять показатель причастия состояния *-k* или герундивный показатель *-n*, выражающий цель, причинность, результативность или условность, например: *šaparāk-umme hutta-ma-n-ra* 'чтобы сражение делать'; *suta-ma-n* 'поскольку я молю'; *tur-na-m-pə* [**tur(u)-ma-n-pə*] 'чтобы не знали'; *kut-ma-m/n-pə* 'если бы унесли'; *ELma-n-rə* 'если подумает'; в герундиве обычно употребляется глагол *na-* 'говорить'.

Герундив, в том числе и от переходного глагола, спрягается (с некоторыми особенностями) как непереходное сказуемое³¹. Так же может спрягаться и причастие состояния в роли предиката (но уже только в непереходном значении):

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1-е л.	<i>hutta-k</i>	<i>hutta-n-k(a)</i>	<i>hutta-k-pə</i>	?
2-е л.	<i>hutta-k-t(ə)</i>	<i>hutta-n-t(a)</i>	?	?
3-е л.	(класс лиц)	<i>hutta-k-r(ə)</i>	<i>hutta-n-r(a)</i>	<i>hutta-k-pə hutta-n-pə</i>
	(класс вещей)	<i>hutta-k</i>	<i>hutta-n</i>	

г) На четвертой позиции стоит классный или личный показатель субъекта (ср. выше пп. 1 и 2в).

д) На пятой позиции может стоять показатель наклонения:

-ne — пожелательное наклонение (ст.-элам. *-le*)

-na — значение неясно, возможно, близкое к пожелательному

-a } — сослагательное наклонение (показатели сказуемого

-ta } придаточного предложения)³².

-ut, н.-элам. *-at* (Э. Рейнер) — значение неясно, вероятно подтверждающее.

³¹ Как указывалось выше (п. 1), чистая глагольная основа с этими же показателями также может выступать в роли непереходного сказуемого. В новоэламском обычной формой непереходного сказуемого 1-го — 3-го лица единственного числа независимо от класса является форма *hutta-k*, множественного числа 3-го лица — *hutta-p*.

³² В новоэламском в сослагательном наклонении переходного спряжения, как кажется, в 1-м лице присоединяется суффикс *-r* — пережиток классного показателя в роли определительной связки (? — ср. выше, § 5, п. 6 и сл.), в 3-м лице присоединяется суффикс *-ta*, *-tə* (впрочем, В. Хинц считает *-ta*, *-ti* формантами плюсквамперфекта). В непереходном спряжении сослагательное наклонение может, по-видимому, выражаться суффиксом *-a* или *-ta*. Суффикс *-ta*, *-tə* (этимологически, вероятно, связанный с классным показателем *-t* класса вещей), возможно, служит и для образования деепричастий.

3. Императив совпадает со 2-м лицом повествовательной формы (в новоэламском — с 3-м лицом).

4. В эламском языке имеются следующие типы глагольных имен:

а) причастие состояния, образуемое из основы и классного показателя (в единственном числе — всегда показателя имен класса лиц): *hani-k* 'любимый', *kuši-k* 'построенный', (*kuši-r* то же?). Множественное число — *hani-p*, *kuši-p*. Тем самым оно совпадает с непереходным предикатом. Классный показатель причастия, как правило, не переносится на согласуемые с причастием слова, например: *rutu hani-k u-r-e* 'жена любимая моя';

б) причастие действия (или имя действующего лица), образуемое из основы и генинированного классного показателя с относительным показателем *-a*: *kuši-kk-a*³³ 'строющий', 'построивший', *hani-kk-a* 'любящий'. Множественное число — *kuši-pp-a*;

в) герундий, или имя цели, образуемый из основы с герундивным показателем *-n*: *kuši-n* 'долженствующий или могущий быть построенным'. Герундий часто заменяет спрягаемую форму глагола. Множественное число — *kuši-n-pə*;

г) имя абстрактное может быть образовано от именной или глагольной основы при помощи классного показателя *-me*, *-umte*.

Глагольные имена могут, как и финитная форма глагола, иметь суффиксальные показатели не только на четвертой позиции (классный показатель), но также на второй и третьей (видовой и герундивный), а также относительно-сослагательный показатель *-a* на пятой позиции.

Герундий, особенно с показателем несовершенного вида *-ma-* и относительным показателем *-a*, играет роль инфинитива или имени действия: *kuši-ma-n-a* 'строить', 'постройка'; *tiri-ma-n-a* 'говорить', 'говорение'.

5. Четкое разделение непереходного спряжения (как глагольного, так и именного предиката, формально никак не различающихся) и переходного спряжения (глаголов действия, движения, говорения и т. п.) и возможность включения объектного показателя или самого прямого объекта в спрягаемую форму переходного глагола указывают на то, что эламский по своей синтаксической структуре — язык эргативного строя, хотя эргативный падеж (как и другие падежи, выражающие субъектно-объектные и определительные отношения)³⁴ не имеет особых показателей.

³³ В новоэламском эта форма встречается и для обозначения имени действия: *iti-kkə* 'ложь' ← 'лгущее (слово)'.

³⁴ В новоэламском — только выражающие субъектно-объектные отношения.

Глагольная основа нейтральна в отношении переходности и непереходности; поэтому переходное спряжение является каузативом по отношению к непереходному (*kuši-k* 'построен', *kuši-h* 'построил'; *pari-k* 'дошел', *pari-š* 'довел', 'достиг').

§ 7. Местоимение

1. Эламский язык знает следующие личные местоимения:

	Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л.	<i>hu</i> > <i>u</i>	Инклюзивное 'мы с тобой'	<i>ela/u</i>
		Эксклюзивное 'мы с ним'	<i>nuku</i> > <i>nika/u</i> ³⁵
2-е л.	<i>nu</i> > <i>ni</i>		<i>num</i>
3-е л.	<i>he</i> > <i>e, i</i>		<i>ap, ape</i> ³⁶

(для 3-го л. — и другие указательные местоимения, ср. п. 4).

2. В староэламском роль местоимений 3-го лица класса лиц играют также местоименные проклитики (Э. Рейнер):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	(<i>u</i> ?)	—
2-е л.	<i>n-</i>	—
3-е л.	<i>r-</i>	<i>p-</i>

Проклитические местоимения обычно употребляются резумптивно, т. е. в случаях, когда подлежащее или объект, выражаемый этим местоимением, уже до этого выражен именем или самостоятельным местоимением.

При присоединении послелогов проклитическое местоимение может быть повторено суффиксально: *r(i)-ukku-r-ir* 'к нему' (также *ukku-r-ir*; ср. *lina-numin* 'ради вас').

Так же может выражаться и субъект при причастии или герундии: (*i*)*n-kali-k-t(i)* (2-е лицо причастия состояния); (*u*)*r-tumpa-n-r(a)* (3-е лицо герундия); (*i*)*p-taha-m/n-pe* (3-е лицо множественного числа герундия).

При переходном глаголе местоименная проклитика выражает объект: *ir hutta-h* 'сделал его'³⁷.

3. Личные местоимения могут выражать субъект, предикат, объект (прямой и косвенный) и определение. В связи с этим в староэламском специальных объектных и притяжательных

³⁵ В новоэламском только одна форма *nikə*.

³⁶ Форма *apir* мне неясна (по Э. Рейнер, выражает косвенный объект).

³⁷ В качестве проклитических местоименных элементов в староэламском при глаголе, как указывает Э. Рейнер, встречаются следующие: *i, ir, in, ip; u, ur, un, up*. Классификация их неясна; либо *u, ur, un, up* выражают 1-е лицо, а *i, ir, in, ip* — 3-е лицо, либо *i, in, u, un* выражают класс вещей, *ir, ur* — класс лиц, а *ip, up* — множественное число. Другое возможное объяснение: *u, un* — 1-е лицо (?), *ir, ur* — 3-е лицо класса лиц, *i, in* — 3-е лицо класса вещей (?), *ip, up* — множественное число.

местоимений не существовало, и роль местоимения выявляется только синтаксически.

По-видимому, несколько позже появляются личные самостоятельные местоимения так называемых объектных форм:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>in</i>	<i>nikip</i>
2-е л.	<i>nin</i>	<i>nitip</i>
3-е л.	<i>(i)r, in</i>	<i>arin, arin</i>

Наряду с ними в качестве объектных продолжают применяться и формы *u, ni, i* и т. п. По всей вероятности, *-n* здесь возникло из комитативного послелога *-n*.

Притяжание в новоэламском наряду со староэламским синтаксическим способом³⁸ выражается родительным падежом, иногда от абстрактной формы с суффиксом *-me/i*. Не объяснены новоэламские объектные формы местоимения 1-го лица *inap, inapank(u)*³⁹.

Родительный падеж образуется в новоэламском по типу: 1-е л. ед. ч. — *u-na, me-na > inə-nə*, 3-е л. — *arə-nə* и т. д.

4. Роль указательных местоимений (частично и личных местоимений 3-го лица) играют формы, образованные от местоименных основ *(h)e/i-*, **(h)u(h)-*⁴⁰ и *a-*. Система их наиболее ясна в новоэламском (Г. Пейпер):

Для класса лиц		Для класса не-лиц	
Ед. ч.	Мн. ч.	(нейтральны в отношении числа)	
<i>(h)e/i</i>	<i>a-p(p)e/i</i>	<i>(h)e/i</i>	
<i>(h)ure/i-r</i>	<i>(h)ure/i-p(e)</i>	<i>(h)ure</i>	

Указательные местоимения для близких предметов:

Указательные местоимения для дальних предметов:

По всей вероятности, формы *hure-r, hure-p* для класса лиц — не первоначальные; местоименной основой надо считать **(h)u(h)-*.

³⁸ При этом личное местоимение в роли притяжательного суффикса определяется к определяемому слову, иногда с плеонастическим вынесением того же местоимения еще и перед ним: *u liparure* 'мой слуга' (ст.-элам. **lipa-r u-rə*); IDGNUMUN-*ni* 'твой род' (ст.-элам. *NUMUN *ni*).

³⁹ Э. Рейнер видит в *inap* форму родительного падежа, употребляемого в объектном значении в порядке калькирования древнеперсидского оборота.

⁴⁰ Эта основа, конечно, отличалась от местоимения 1-го лица *(h)u*,

5. Указательно-относительное местоимение для класса лиц — *ak(k)a* [неизменяемое, но в н.-элам. мн. ч. *ak(k)a-p*]. Роль относительного местоимения для класса вещей играет *arra*. Оба очень употребительны в новоэламском (под влиянием древнеперсидского), где превращаются в род *nota genitivi*.

§ 8. Служебные слова

1. Часть наречий не имеет специфического оформления, а совпадает с именем (прилагательным), нередко имеющим застывший классный показатель: *amak* 'сколько?', *sap* 'когда?', 'после того как'. Нередко наречия образуются от имен, местоимений и послелогов при помощи сослагательного суффикса (или именного суффикса класса вещей) *-ta*: *šašša-ta* 'издревле' (*šašša* 'прежний'), *hure-ta* 'это' (в адвербиальном значении; ср. *hure* 'тог'); *appuka-ta* 'раньше' (ср. *appuka* — послелог 'до').

2. Отрицание выражается частицей *in-* (см. выше, § 5, п. 8), запрещение — частицей *aini > ani, anu*. Запретительная конструкция требует герундивной формы сказуемого, при этом, по Э. Рейнер, класс лиц не получает показателя *-r*.

3. В староэламском сочинение большей частью бессоюзное; в средне- и новоэламском обычен союз *a-ak* (так графически; читать *ak, a'ak* или *ajak*) 'и', в новоэламском также *kutta* и мн. др.

§ 9. Проблема генеалогических связей эламского языка

1. В XIX в. делались попытки, по существу донанучные, связать эламский язык с «туранскими» (т. е. урало-алтайскими, тюрко-монгольскими), исходя из наличия агглютинации и единичных слов, по звучанию сходных со словами отдельных тюркских языков. Эти попытки были возрождены в наше время М. Ширэлиевым⁴¹ и И. Алиевым⁴², также без достаточных оснований.

В начале XX в. эламитологи нередко пытались связать эламский язык с хурритским, однако достаточно убедительных оснований приведено также не было; сопоставления н.-элам.

⁴¹ М. Ширэлиев, И. В. Сталинин *дилчилийэ даир эсэрлэри вэ азэрбайчан дили тарихинин месэллэри*, — «Известия АН АзССР», 2, 1953, стр. 67 (со ссылкой на неопубликованные работы И. Алиева).

⁴² Хотя И. Алиев в своей книге «История Мидии» (Баку, 1960, стр. 49 и сл.) формально отказался от этих попыток, он все же на стр. 107, прим. 2, пытается вывести некоторые азербайджанские слова (общетюркского словарного фонда) непосредственно из эламского, минуя историю тюркских языков.

(заимств.?) *humaniš* 'город' с хурр. *u/omini* 'страна' и элам. *patin* 'область' с ур. *patari* 'город', 'община' недостаточно убедительны, а совпадения хурр. *atta* 'отец', *amma* 'мать' с элам. *atta* 'отец', *amma* 'мать' относятся к области международных детских слов. Некоторые сопоставления оказались просто ошибочными (элам. *rutu* 'жена' и хурр. *rù-ti*, читать *aš-ti!*).

Пока недостаточно убедительны и сопоставления некоторых эламских слов и грамматических форм с касситскими (в том числе и в моей книге «История Мидии», стр. 121, прим. 2, приведенные, впрочем, весьма предположительно). О сопоставлении эламских суффиксов множественного числа с лубейскими и «каспийскими» см. выше, § 1, п. 3.

Лишено основания отождествление эламского языка с мидийским, выдвинутое в середине XIX в. Ж. Оппертом и в 20-х годах XX в. Н. Я. Марром (и поддержанное затем некоторыми азербайджанскими учеными, совмещавшими это отождествление с поисками генеалогического родства непосредственно между эламским и современным азербайджанским, минуя общетюркский язык-основу).

Сопоставления с кавказскими языками до сих пор шли почти исключительно по линии структурного сходства и также пока не привели к достаточно убедительным результатам⁴³.

2. Единственной гипотезой, в пользу которой можно привести некоторые показательные факты, является гипотеза эламо-дравидского родства.

Общий характер морфологического⁴⁴ строя дравидских

⁴³ Фонологический состав большинства кавказских языков с его обилием согласных (до семи десятков и более!) не имеет ничего общего с эламским; предполагавшийся общий тип перехода $l > t$ отвергается в настоящее время как кавказоведами, так и эламитологами.

⁴⁴ Фонологический строй дравидских языков много проще, чем кавказских, и в этом отношении близок эламскому. Отсутствие фонематического различия между глухими и звонкими взрывными, характерное для дравидских языков и, по-видимому, исконное для этой языковой семьи, типично и для эламского; но, как мы уже указывали, это явление было распространено по всей древней Передней Азии и поэтому не может служить дифференциальным признаком. То же касается и таких отдельных фонетических явлений, встречающихся в дравидских и в эламском, как фонема \tilde{w} , чередования $m // v$ (санскр. из ст.-дравид. *dravida* ~ совр. тамил. *tamiṛ*), $i // u$ и протетическое i перед r (элам. *riša-rra // irša-rra* 'большой'); ретрофлексные l и r/l могут быть сопоставлены с предполагаемой эламской ретрофлексной или латеральной фонемой $t//l$. Дравидские, подобно эламскому, по-видимому, имели первоначально только одну аффрикату s . В то же время дравидские языки имеют ряд фонем, отсутствующих в эламском (например, носовые корреляты $k, č, č̣, č̣̣ - η, ñ, ŋ, ɳ$, церебральные $ʃ, ʃ̣ // r$); конечно, средствами эламско-аккадской графики эти звуки не могли бы и быть переданы, однако если бы они существовали, то, вероятно, их можно было бы обнаружить благодаря наличию графических псевдо-омони-

языков не противоречит увязке их с эламским; для них, как и для эламского, характерна грамматически неизменная основа, как для имени, так и для глагола, и суффиксальная агглютинация.

Дравидские языки обладают номинативной конструкцией (которая, как кажется, начинала слагаться и в новозламском), но некоторые явления могут рассматриваться как пережиток конструкции эргативной (отсутствие страдательного залога, кроме поздних описательных оборотов, формальное различие переходных и непереходных глаголов, архаические формы спряжения именного сказуемого в языке курух-ораон, отчасти в гонди).

Схождения между дравидскими языками и эламским в области морфологии имени и глагола ограничиваются общностью некоторых структурных особенностей и совпадением отдельных формантов, которое может быть и случайным; наряду с этим имеется много структурных особенностей и формантов, которые не совпадают. Последнее можно было бы во многих случаях объяснить самостоятельным развитием после расхождения от общего языка-основы, но только в том случае, если бы удалось доказать, что наличные схождения представляют собой систему; к сожалению, современное состояние наших знаний не позволяет нам судить об этом.

Именные классы в дравидских языках — те же, что в эламском, и для класса вещей также не различаются единственное и множественное число; но это явление столь широко распространено в самых различных языковых семьях, что считать его дифференциальным признаком нельзя. Классных показателей в дравидских языках нет⁴⁵, но они могли быть утеряны (мы уже упоминали, что они начинают отмирать и в эламском к середине I тысячелетия до н. э., а дравидские языки впервые письменно засвидетельствованы со времени около смены эры). Большинство дравидских языков выработало мужской и женский род в пределах класса лиц, но, по-видимому, вторично (например, в тамильском — местоименные показатели мужского рода *-an*, женского рода *-a*!).

Далее, в дравидских отсутствуют исконные фонемы $s, š, h$; в отличие от эламского нет слов, начинающихся с r, l ; таким образом, без специальных исследований по сравнительно-исторической фонетике говорить о родстве дравидского фонологического строя с эламским или об отсутствии такого родства пока преждевременно.

⁴⁵ Перенос местоименных показателей на предикат в ряде дравидских языков (гонди, курух) представляет собой аналогию явлению перенесения классных показателей в эламском. Ср. также факультативные формы множественного числа адъективизированной формы родительного падежа (брахуи): *bāva-na* 'отца', *bāva-nā-k* и *bāva-nā-f-k* 'отцовы', где *-f*, может быть, реликт перенесенного классного показателя множественного числа (элам. *-p*).

Некоторые форманты падежей в дравидских языках могут быть увязаны с эламскими послелогами. Прямой падеж, как и в эламском, имеет нулевое оформление. С эламским послелогом *-n*, давшим в дальнейшем винительный падеж, может быть сопоставлен дравидский общекосвенный (на *-a* или *-n*) и винительный [брахуи *-e*, *-in*, парджи и курух *-(i)n*, гонди *-in*, каннада *-a*, *-anni*, телугу *-ni*]; с новоэламским родительным послелогом *-na* может быть сопоставлен родительный (брахуи *-nā*, парджи *-in*, тамил. *-in*); с эламскими направительными послелогами *-(i)kki*, *-ukku* — дательный (в наиболее архаическом дравидском языке куи — послелог дательного падежа *-ki*, в других — падежное окончание: парджи *-ug*, гонди *-k*, курух *-ge*, каннада *-ige* < **-uke*, тамил. *-ukku*); ряд падежных отношений локативного характера передается в дравидских языках, как и в эламском, при помощи послелогов, возникших из самостоятельных слов; нередко, как и в эламском, встречаются двух- и трехсложные послелоги.

Наиболее близкие сходства между дравидскими языками и эламским, кажущиеся едва ли случайными, наблюдаются в области местоимений. Они доходят до полного совпадения. Например, личные местоимения:

	Элам.	Брахуи	Тамил.
Ед. ч. 1-е л.	(<i>h</i>) <i>u</i> , косв. <i>u-n</i>	<i>i</i>	<i>ē-n</i> (косв.)
2-е л.	<i>ni</i> , <i>nī</i>	<i>nī</i>	<i>nī</i>
Мн. ч. 1-е л.	инкл. <i>ela</i> , <i>elu</i> экскл. <i>nika</i> , <i>niku</i>	<i>nān</i>	{ <i>nām</i> <i>ām</i>

Эламское личное местоимение 1-го лица множественного числа инклюзива *ela* можно сравнить с дравидским обобщающим местоимением *ella*, *ēlō*.

Дравидские указательные местоимения, как и эламские, образуются от трех основ (указание на различные степени отдаленности) — **e/i*, **o/u* и **a*; для множественного числа класса лиц применяется местоимение тамил. *ave* (брахуи *ēf-k*, *ōf-k* для обоих классов), что можно бы связать с эламским *ape*. Производные местоимения и местоименные наречия образуются, как и в эламском, преимущественно от основы *a-*.

В роли притяжательных местоимений выступает родительный падеж от личных (в брахуи).

В области глагола трудно ожидать большого сходства, так как образование глагольной структуры из доглагольного состояния прослеживается в эламском довольно отчетливо, а следовательно весьма вероятно, что (если между эламским и дравидскими языками действительно имеется родство) отхождение эламского от общего языка-основы произошло раньше

выработки современной глагольной системы дравидских языков⁴⁶. Однако некоторые — немногие — черты дравидского глагола допускают сближение с эламским (неизменяемость основы, образование 2-го лица и др.).

Большинство дравидских языков, кроме курух и брахуи, имеют наряду с отрицательной частицей **ille* (ср. элам. *in-*) особую отрицательную форму глагольного спряжения (показатель *-a-*). В эламском такой формы нет.

Больше сходства можно было бы ждать в области глагольной формы и действительно, если в эламском мы встречаем *-k*, *-kka* как показатели причастий (и имен действия), то тот же элемент (с комбинаторными и историческими разновидностями) мы встречаем в качестве форманта причастия в тамильском, каннада, курух и брахуи (в языках группы «дравид» собственно — тамильском и каннада — также и в качестве форманта инфинитива); причастие прошедшего времени в большинстве дравидских языков имеет показатель *-ta* (с вариантами), который можно сопоставить с эламским показателем *-ta*, рассматриваемым некоторыми исследователями (Ф. Вейсбах, В. Хинц и др.) как перфектный, а другими — как сослагательный. Для образования прошедшего времени финитных форм глагола в дравидских языках также используется элемент *-t/-d-*.

Для глагольного словообразования характерно, как и в эламском, сочетание именной и глагольной или двух синонимичных или близких по значению глагольных основ.

В области лексики сравнения крайне затруднены, так как специфический характер дошедших до нас эламских текстов не позволяет выявить многие из таких важнейших слов основного фонда, как числительные, названия частей тела и др.; мало мы знаем и терминов родства (такие слова, как *amma* 'мать', *atta* 'отец', наличные и в дравидских, в счет, разумеется, не идут). Сравнительный словарь дравидских языков был опубликован лишь в самое недавнее время, и вопросы исторической фонологии и реконструкций прадрavidских форм находятся еще в стадии разработки; между тем, очевидно, что эламскую лексику можно было бы сравнивать лишь с этими праформами, но отнюдь не с современным словарным составом, в котором можно предположить неизвестные нам, далеко идущие фонетические изменения и различного рода новообразова-

⁴⁶ Ср. замечание Ж. Блока: «Глагольная система дравидских языков. — И. Д.) не может быть возведена к единому прототипу. . . по-видимому. . . система флексий местоименного характера выработалась вторично» (J. Bloch, *The Grammatical Structure of Dravidian Languages*, Poona, 1954, p. 59). Следует отметить, что в дравидских языках противопоставление имени и глагола имеет менее ясный характер, чем в большинстве других языков; это характерно и для эламского.

ния и иноязычные заимствования. Отдельные сопоставления могут быть предложены, хотя нет никаких доказательств, что это не случайные совпадения:

элам. <i>hani-</i> 'любить'	дравид. * <i>in-</i> (сев.-др. * <i>en-</i>) 'приятный', отсюда брахуи <i>hanēn</i> 'сладкий', 'приятный' и, может быть, <i>han-ing</i> 'сожителство-вать'
элам. <i>ketu-</i> 'разрушать', 'выкалывать (глаз)'	дравид. <i>ketu-</i> , <i>kettu-</i> 'гибнуть', 'уничтожаться', брахуи <i>ketu-</i> 'уничтожать'
элам. <i>nan</i> 'день'	дравид. <i>nāl</i> 'утро', 'рассвет', 'день'; <i>naḷ</i> , брахуи <i>nan</i> 'ночь'
элам. <i>pari-</i> 'доходить', 'достигать'	дравид. <i>pari-</i> 'бежать', 'избегать'
элам. <i>tiri-</i> , <i>туру-</i> 'говори-ть', 'объявлять'; 'знать', 'понимать'	дравид. <i>teri-</i> 'быть узнаваемым, понятным'; ср. брахуи <i>tir-</i> 'брат', 'понимать' — к <i>tin-</i> ?
элам. <i>titu-</i> 'лгать'	дравид. <i>tī</i> 'зло'; тамил. <i>titu</i> 'зло', 'порок'
элам. <i>tunu-</i> 'давать'	дравид. <i>tir-</i> , брахуи <i>tir-</i> , <i>tin-</i> 'да-вать'

Несомненно, что можно было бы найти и больше сходжений, но пока они остаются очень редкими и не составляют системы закономерных соответствий, и поэтому их практически приходится рассматривать как случайные.

3. Все эти данные заставляют прийти к заключению, что родство эламского с дравидскими остается недоказанным. Все же можно признать допустимой гипотезу, согласно которой эламский, быть может, — очень раннее и довольно дальней ответвление от общедравидского языка-основы; или же что общедравидский язык-основа и эламский восходят к одному общему прототипу. Эта гипотеза заслуживает во всяком случае проверки: по-видимому, пока нет достаточно убедительных данных, безусловно противоречащих этому предположению, а некоторые факты могут оказаться подтверждающими его, хотя основные сближения — структурного свойства, а материальные факты пока еще весьма разрознены, и некоторому количеству материальных аналогий противостоит значительное количество расходящихся явлений. Весь этот вопрос надлежит исследовать более обстоятельно.

ГЛАВА IV

ХУРРИТСКИЙ И УРАРТСКИЙ ЯЗЫКИ

§ 1. Общие сведения о времени и месте распространения

1. Хурритский и урартский — чрезвычайно близкие между собой языки, поэтому их целесообразно рассматривать вместе.

2. Относительно времени появления хурритов в Передней Азии существуют две противоположные точки зрения: согласно одной, они являются автохтонами Армянского нагорья, северной Сирии и северной Месопотамии, а также западных предгорий Загросских гор между Месопотамией и Ираном, или, по крайней мере, обитали здесь со времени начала письменности (т. е. с III тысячелетия до н. э.); нередко им приписывается создание позднеолитических и энеолитических культур Передней Азии, например, культуры Телль-Халаф (конец V—начало IV тысячелетия до н. э.); согласно другой точки зрения, хурриты появились в этом районе только в конце III—начале II тысячелетия, скорее всего — с севера, с Армянского нагорья или из Закавказья и с Кавказа.

Нет единства мнения и в отношении того населения, которое предшествовало хурритам на указанной территории. Согласно одному мнению, уже в V—IV тысячелетиях Сирию и Северную Месопотамию, так же как Палестину и Аравию, населяли семиты; по другому мнению, семиты появились здесь примерно одновременно с хурритами, в III тысячелетии до н. э. Если одни исследователи считают, что хурритам предшествовали несемитские племена субареев, то другие рассматривают акк. *subari'um*, *šubarū* 'субарей' как деноминативное обозначение от топонимического термина *Subartum*, *Subartu*, шум. *Su-bir₄*, где *bir₄*, возможно, означает 'степь'¹, при этом термин «субарей» рассматривается как синоним слова «хуррит» (термин «субарей» встречается преимущественно в аккадских текстах, «хуррит» и т. п. — в хурритских, в том числе и аккадоязычных, и также в хеттских, древнееврейских).

¹ Пишется идеограммой EDEN 'степь'. Для словообразования ср. гл. II, § 5, п. 3.

3. Следующие факты считаются твердо установленными:

а) От второй половины III тысячелетия до н. э. до нас дошли две надписи староаккадским письмом, одна из Навара в долине р. Диялы (самый южный из восточных притоков р. Тигра), другая из Уркиша²; первая на аккадском языке, но от имени хурритского царька Арижена, другая по-хурритски, от имени хурритского царька Тишари.

б) В шумерских хозяйственных документах III династии Ура (ок. 2100—2000 гг. до н. э.), преимущественно из Ниппура, встречаются довольно многочисленные хурритские имена. В первой половине и особенно в середине II тысячелетия до н. э. они встречаются также в Эламе (Сузы); к востоку от р. Тигра в Аррапхе и Нузе; в Месопотамии — в Ашшуре³, в различных городах Вавилонии, в Мари, в Шубат-Эллиле (совр. Шагер-базаре?), в Митанни; в Сирии — в Алалахе, Катне, Угарите, Тунипе и других городах; в Палестине. Однако почти повсюду хурритские имена — в меньшинстве, иногда в ничтожном меньшинстве; большинство они составляют только в Аррапхе и Нузе, в Алалахе и некоторых других городах Северной Сирии; есть все основания думать, что они составляли большинство в Митанни, хотя члены царской династии и некоторые другие лица носили здесь (а также в отдельных мелких городах-государствах Сирии и Палестины), как полагают, индо-арийские имена^{3а}. Итак, можно думать, что между 1800 и 1200 гг. до н. э. хурритское население составляло большинство в ряде районов Северной Сирии, в Северной Месопотамии и к востоку от р. Тигра южнее Ассирии; помимо этого, отдельные группы хурритов распространились в это время и в окрестных районах⁴. Северная граница распространения хурритов неясна.

Одним из районов, где хурритское влияние в начале II тысячелетия, а может быть и раньше, было очень сильным, был район юго-восточной и восточной Малой Азии (Киццувадна,

² Местонахождение Уркиша спорно (в северной Месопотамии?).

³ Вопрос о том, был ли Ашшур первоначально хурритским поселением и принадлежит ли к хурритскому языку некоторые из имен ранних ашшурских правителей, сохраненные ассирийскими хронологическими списками, остается открытым. Во II тысячелетии до н. э. хурритоязычные имена составляли в Ашшуре небольшой процент. Если аккадский язык документов из Аррапхи и Нузы (а отчасти и Алалаха) содержит сильнейшие следы хурритоязычности писцов, то язык ассирийских документов содержит весьма мало данных, которые позволяли бы думать о хурритском субстрате. Следует отметить, что в документах храмового хозяйства крепости Гасур, стоявшей в XXIII—XXII вв. до н. э. на месте позднейшей хурритской Нузы, хурритских имен не обнаруживается.

^{3а} Роль индо-арийского элемента в Митанни часто преувеличивается.

⁴ Участвовали ли хурриты в гиксосском завоевании Палестины и Египта (конец XVIII—начало XVI вв. до н. э.) — неясно. Основная масса гиксосов, по-видимому, была семитской.

область с лувийским населением) и верхнего Евфрата; здесь еще в период хеттского Нового царства (XIV—XIII вв. до н. э.) были распространены хурритские культы, оказавшие очень сильное влияние на культы хеттов; весьма значительно число хурритских заимствований и в хеттский-«неситский» язык, особенно в области религии, мифологии и культуры⁵ и преимущественно заметно в текстах, составленных писцами хуррито-лувийской области.

в) Термин *hurwo-ḫe*, *hurro-ḫe* (хурр., см. § 3, п. 6) — прилагательное, по-видимому, относящееся к языку, а не к стране. Хеттские источники II тысячелетия до н. э. называют ряд хурритских государств⁶, важнейшим из которых было Митанни (в Ассирии и Вавилонии Митанни и наследовавшие ему государства нередко назывались Ханигальбат или, реже, Халигальбат).

От II тысячелетия дошло довольно много хурритских текстов, наиболее ранние (XIX—XVIII вв. до н. э.) — из Мари; огромное письмо почти в 500 строк на хурритском языке от царя Тушратты к фараону Аменхетепу III (начало XIV в.) дошло из Митанни в египетском Тель-амарнском архиве; небольшое число хурритских текстов, написанных аккадской слоговой и местной квази-алфавитной клинописью, дошло из Угарита (XIV в.); но наибольшее число хурритских текстов, преимущественно культового и мифологического содержания (к сожалению, по большей части фрагментированных) дошло из хеттского царского архива на городище Богаз-кёй в Малой Азии. Последняя группа памятников датируется XIV—началом XII в. до н. э.

г) Источники I тысячелетия до н. э. не называют хурритов по имени; не дошло также и хурритских текстов этого времени, однако продолжавшееся существование хурритского народа видно из собственных имен, сохраненных для некоторых районов главным образом ассирийскими источниками. Массовое заселение Северной Сирии и Северной Месопотамии арамеями, происшедшее в конце II и начале I тысячелетия до н. э., продвижение армено-фригийских племен (мушков и, может быть, урумов), занявших в конце XIII и в XII в. до н. э., после падения Хеттского царства, Каппадокию, Малую Армению и западную часть долины р. Арацани-Мурадчая, и следовавшее

⁵ Хурритоязычным (а не индоевропейским, как полагает Г. Б. Джакин) было, по всей вероятности, и население Хайасы-Анци в Высокой Армении, в верховьях р. Евфрата (Карасу); хайасцев, с легкой руки П. Кречмера и Г. А. Капанцяна, на основании созвучия с арм. **hayo* — «армянин» нередко считают предками армян, однако без достаточных оснований.

⁶ Особого государства или города Хурри, предполагавшегося ранее исследователями, по-видимому, не существовало. Ср. хетт. *ḫurlas udne* «страны хурритов».

вскоре после этого возвышение Урартского государства на территории Армянского нагорья, привели к разрыву сплошной территории хурритоязычного населения на отдельные ареалы. На основании ономастических данных можно предполагать, что в начале I тысячелетия до н. э. хурритоязычными оставались следующие мелкие государства: (1) Гузана (совр. Телль-Халаф) в Северной Месопотамии (завоевана Ассирией в IX в. до н. э.); (2) Хубушкиа, буферное государство между Ассирией и Урарту в долине р. Бохан-су; (3) Шубриа, или Шуприа, в Сасунских горах (последние два государства имели во всяком случае правящие династии, носившие хурритские имена). Менее ясно, были ли хурритоязычными (4) государство Диауэхи (Тао) в долинах р. Чорох и, может быть, верховьев Евфрата (Карасу) и (5) государство Манна к югу от оз. Урмии (Резайе). Предполагаемый хурритский характер некоторых имен собственных, засвидетельствованных ассирийскими источниками для районов совр. Курдистана и Иранского Азербайджана, в том числе и для Манни, следует, с нашей точки зрения, пока считать сомнительным. Вообще наличие хурритов к востоку от гор Загроса в какую бы то ни было эпоху представляется нам не доказанным. Разнообразные горные племена, жившие в начале I тысячелетия до н. э. в современном Курдистане и Армянском Тавре, могли быть по языку хурритами, кутиями, луллубеями или урартами — наличного материала пока недостаточно для суждения об этом.

д) Название «Субарту», ранее (середина III тысячелетия до н. э.) обычно применявшееся к областям Северной Месопотамии и окружающим горным районам (по-видимому, независимо от этнической принадлежности жителей), а позже — преимущественно к Митанни и другим хурритоязычным государствам, в I тысячелетии начинает в аккадском языке применяться как синоним высокого стиля к названию «Ассирия».

е) Египетские источники (по-видимому, начиная с Нового царства, т. е. с XVI в. до н. э.) называют жителей Палестины и Сирии *ḥ'r-* (с огласовкой, как показал У. Ф. Олбрайт, *ḥuru-*).

ж) В Библии в числе древних (доеврейских) насельников Палестины (в том числе и Эдома, т. е. района южнее Мертвого моря) названы между прочими и *ḥōrī* (закономерная для древнееврейского форма из более древнего **hurri*). Однако немногочисленные приводимые в Библии имена «хоритов» оказываются семитскими. По-видимому, небольшие группы хурритов, попавшие в Палестину, возможно в связи с племенными передвижениями во время гиксосского завоевания Египта, рано семитизировались, хотя и сохранили свое племенное обозначение вплоть до первых столетий I тысячелетия до н. э.

з) По-видимому, хурриты сохранялись в отдельных районах Армянского нагорья еще по крайней мере в VI—V вв. до н. э., а может быть, и позже. Перечисляя народы, обитавшие здесь в его время, Геродот называет помимо армяниев также саспиров, алародиев и матиенов. Так как саспиры, по-видимому, не кто иные, как картвелоязычные племена [*saspeiroi* из предполагаемого картв. **Sa-sper-o* 'страна сперов' (ср. область Спери на р. Чорохе)], а алародии несомненно соответствуют урартам, то матиены не могут быть никем иным, кроме хурритов. (Ср. вариантное название Митанни — *Maiteni*). По данным Геродота, страна матиенов примерно соответствует Тао и Манне (они живут в верховьях р. Галиса, из их страны текут реки Аракс и Гинд, т. е., вероятно, Дияла, — восточный приток р. Тигра). От матиенов получило свое название и оз. Матиана, или Мантиана, как именовали оз. Урмию (Резайе) античные писатели еще много позднее. Таким образом, территория матиенов разорванным полукольцом опоясывала территорию армяниев (живших в Малой и западной части Великой Армении) и алародиев-урартов (живших в восточной и северо-восточной части Армянского нагорья). Это более или менее соответствует нашим представлениям о расселении хурритов в I тысячелетии до н. э. по ассирийским данным (ср. пункт г).

4. Близко родственными хурритам по языку были, по-видимому, горные племена уруатри и др., населявшие во второй половине II тысячелетия до н. э. Армянское нагорье (страны Наири), части которого в течение довольно длительного времени (во всяком случае в XV—XIV вв.) входили в состав Митаннийского, а затем Хеттского государств. В начале I тысячелетия до н. э. здесь создается государство Муцацир (Ардини) и Урарту (Бианили)⁷. Официальные надписи, составлявшие первоначально на ассирийском диалекте аккадского⁸, затем сменяются в Урарту надписями, написанными на местном языке, условно называемом урартским, или ванским (распространенное название «халдский»⁹ ошибочно). Язык этот (по мнению И. И. Мещанинова и Г. А. Меликишвили, засвидетельствованный в двух близких вариантах, которые Г. А. Меликишвили считает ванским и муцацирским говорами), как удалось в настоящее время установить, очень близок к хурритскому. Новейшие исследования показали, что урартская письменность

⁷ По-аккадски это государство называлось *Ur'artu*, *Uratu*, по-древнееврейски — *ʿArarat* (но еще в рукописях Кумрана *wrrt*, т. е. *ʿUrārat*), на местном языке — *Biainilā*, мн. ч. от самоназвания *biaina*.

⁸ В Муцацире ассирийский диалект наряду с урартским языком являлся официальным, возможно, до конца существования этого государства.

⁹ Оно восходит к ошибочной интерпретации прилагательного *ḥaldinā* 'принадлежащий богу Халди'.

восходит к хурритским канцелярским традициям II тысячелетия до н. э., переработанным под ассирийским влиянием.

До нас дошло свыше 400 урартских исторических, строительных и культовых надписей и менее десятка писем. Большая часть надписей — короткие, однако от царей Аргишти I и Сардури II дошли довольно пространные анналы; есть и еще несколько относительно содержательных надписей. Наиболее поздние из них относятся, по-видимому, к рубежу VII и VI вв. до н. э., после чего Урарту было покорено Мидией. Урартские надписи встречаются по всей территории завоеванных урартами областей — от Евфрата до района южнее Урмии, от г. Муша до Севанского озера и южных границ Грузии.

Есть основание думать, что урартский язык сохранился в районе Вана еще в течение нескольких столетий. В остальных районах Армянского нагорья (в некоторых из них и в период урартского владычества он был, по всей вероятности, распространен лишь как официальный язык) урартский, как и хурритский, был вытеснен армянским, видимо, в течение второй половины I тысячелетия до н. э.

5. По мнению Г. А. Меликишвили, общий облик собственных имен, засвидетельствованных урартскими надписями для южных частей центрального Закавказья, заставляет думать о языковом родстве центральнозакавказского населения первой половины I тысячелетия до н. э. с урартами. Он полагает, что хурритский языковой ареал доходил до района Эрзурума-Карса, а урартский уходил к северу за линию р. Аракса. Однако характерный для закавказской топонимики этого времени элемент *-iu*, кажется, не находит параллелей в хурритском и урартском.

6. Как хурритский, так и урартский язык до сих пор исследованы недостаточно. Грамматика хурритского языка стала во всех своих главнейших чертах ясной после исследований Л. Мессершмидта, Ф. Борка, И. Фридриха, А. Гётце и в особенности Э. А. Спайзера¹⁰, однако грамматический анализ лексически недостаточно ясных контекстов сильно затрудняется несоответствием между применявшейся хурритами аккадской графикой и нормами хурритского языка. С хурритской же лексикой дело обстоит гораздо хуже, чем с грамматикой —

¹⁰ Подробнейшее и основательно аргументированное исследование Э. А. Спайзера является основным для всякого изучающего хурритский язык; оно положено в основу и настоящего очерка. К сожалению, оно имеет тот существенный недостаток, что не учитывает эргативный характер глагольной конструкции в хурритском языке, а рассматривает ее как пассивную; при этом Э. А. Спайзер считает возможным видеть категорию залогов в хурритском языке, в действительности в нем не существующую. Различие причастий действия, состояния и результата действия не является еще доказательством наличия залогового деления глагольных форм вообще.

нам до сих пор известно всего около 250 хурритских слов, и связанный перевод хурритских текстов возможен далеко не во всех случаях; многое и в таких переводах остается спорным.

Благодаря работам М. Церетели, И. Фридриха, А. Гётце, И. И. Мещанинова и Г. А. Меликишвили мы можем со значительной долей уверенности читать урартские военно-исторические тексты стандартного содержания; известно большинство основных, ходовых для простого повествовательного текста, грамматических форм и до 300 слов соответствующей семантики. Однако тексты иного характера, например культовые или эпистолярные, как правило, почти или совсем не поддаются переводу. Это лишь отчасти объясняется тем, что не интерпретирована лексика подобных текстов; одной из важнейших причин является полная неясность, господствовавшая до последнего времени в отношении тех грамматических форм и категорий, которые редко встречаются в повествовательных исторических текстах. Скучность и однообразие дошедшего до нас урартского языкового материала не позволяли достаточно точно проверить контекстами значение подобных форм. К тому же, хотя с самого начала было ясно, что урартский язык должен стоять в какой-то связи с хурритским, однако характер этой связи не удавалось определенно выявить, в частности, потому, что разнородный характер лексики в хурритских и урартских памятниках (преимущественно культово-придворной для хурритского, преимущественно военной и строительной для урартского) не позволял сопоставить словарный состав обоих языков и выявить закономерности соответствий.

Однако нам, по-видимому, не только удалось выявить эти закономерности, но и установить почти полную тождественность (в историческом плане) подавляющего большинства грамматических категорий в хурритском и урартском языках. Таким образом, в ряде случаев грамматическая категория, слабо засвидетельствованная в урартском, место которой в грамматической системе было неясно, нередко оказывается вполне ясной в хурритском. Это позволило уточнить значение многих урартских форм, до сих пор на основании скудных собственно урартских материалов не объясненных или неправильно объяснявшихся, и представить в несколько ином свете, чем до сих пор предполагалось, всю систему урартской грамматики. Настоящий очерк опирается на эти наши исследования, пока опубликованные еще не полностью.

7. Ни хурритский, ни урартский язык исторической периодизации пока не поддаются. Лишь коротенькая древнейшая хурритская надпись из Уркиша довольно сильно отличается по языку, в некоторых отношениях приближаясь к урартскому; остальные хурритские тексты, несмотря на различие в местных орфографических правилах и отдельные элементы местных язы-

ковых особенностей (впрочем, довольно незначительных)¹¹, представляют собой памятники одного языка на одной и той же исторической ступени развития. Также и между урартскими текстами IX и VII вв. нет существенных языковых различий, если не считать двух-трех текстов, имеющих незначительные особенности диалектного характера (Г. А. Меликишвили).

§ 2. Графика хурритского и урартского языков

1. Для хурритского языка использовалась аккадская клинопись, принципы которой были подробно изложены выше (гл. III, § 2, п. 2). Гетерограммы в хурритском не употреблялись (кроме имен собственных) — письмо было чисто слоговое. Это сильно затрудняет интерпретацию хурритских текстов, так как шумерские гетерограммы, общие для всех основных видов клинописи и хорошо понятные, могли бы быть опорными точками и для понимания остального контекста.

Клинописные пошибы, применявшиеся для хурритского языка, относятся к так называемой аккадско-хеттской (северомесопотамско-сирийской) разновидности аккадской клинописи. В различных местах и в разное время для хурритского языка применялись различные клинописные орфографии, в частности, для передачи свойственных хурритскому, но отсутствующих в аккадском фонем. Основные черты различных хурритских орфографий следующие:

В Мари, в Северной Месопотамии и Вавилонии XIX—XVIII вв. до н. э., в ранних текстах из Аррапхи и Нузы (XV в.), в слоговых текстах из Угарита (XIV в.) удвоение глухих согласных графически не передавалось; различались слоги *ta, te, ti, tu* от *da, di, du; ka, ka₁, ki, ku* от *ga, gi, gu; pa* от *ba* (но не различались **pi* от *bi* и т. д.); звуки [h] и [γ], [u] и [o] графически не различались. Звук [z] передавался в Мари и Угарите как *š*¹², в ранней Аррапхе, в Северной и Южной Месопотамии — как *z*.

В Митанни XIV в., в большинстве городов Сирии XV—XIV вв., в поздних текстах Аррапхи и Нузы (XIV в.) и в Богаз-кёе глухие согласные передавались как удвоенные, а слоговые знаки для глухих и звонких безразлично могли обозначать как *te*, так и другие, и они различались только по позиции (так, *di* после глухого согласного или в начале слова читалось [ti], а *ti* после гласного или звонкого согласного читалось [di] и т. д.). Так же, путем удвоения написа-

¹¹ По-видимому, удается выделить три близких хурритских говора: центральнозападный (Митанни, Северная Месопотамия и Сирия), северный (Малая Азия) и восточный (Аррапха-Нуза).

¹² В староаккадском соответствующие знаки применялись для межзубного [θ].

ния, различались [h, s] от [γ, z] (неудвоенное написание). В Митанни и Богаз-кёе знак GI читался *ké*, отличаясь по значению от KI = *ki*; в Митанни, помимо того, знаки GU и U означали *ku* и *u*, а знаки KU и U означали *ko* и *o*; в других сочетаниях *u* от *o* не отличалось.

Для слогов *wa, we, wi, wo, wu* во всех орфографических системах использовался специальный знак PI (иногда он применялся и для *aw, ew, iw* и *iw*, но чаще в этих случаях писались знаки AV, IV, UV); наряду с этим для слогов [*wa, we, wi, wo, wu*] всюду, хотя и реже, применялись и силлабограммы *ba, be* и т. д. или *pa, pe* и т. д., еще реже — *te* и т. д. Звук *f* различные орфографии передают по-разному; в Богаз-кёе огласовка слогов с *f* различалась путем подписывания знаков *a, e, i, u* (*ú, bu*) под знаком PI. Ранние орфографии первой группы (Мари и т. д.) пишут PI, VI, BU в начале слога и PI между гласными; митаннийская орфография и близкие к ней передают *f* между гласными как удвоенное *w*, угаритская — так же, как ранняя группа.

Следует помнить, что ни одна из разновидностей аккадской клинописи не различает глухих и звонких (и эмфатических) в конце слога — устанавливая точное чтение здесь приходится только по этимологическим основаниям.

Для хурритской орфографии характерно кроме того написание лишних гласных. Полногласные написания применяются:

а) в случае скопления двух согласных в начале или конце слога. Такое скопление нормально не может быть передано средствами аккадской клинописи. Примеры: [*teyib* > *tyib*] пишется *te-hib, it-hib, ut-hib*; [*hawr-ne*] — *ha-wu-ur-ne*;

б) для различения согласного и гласного начала, например: *it-hib* = [*tyib* < *teyib*], но URU A-ak-ka-te-ne-we = [*Akkade-ne-we*]; *ti-i-ha-ni* = [*tiyani*], но *te-hu-u-u-ša* = [*tyoša*];

в) для различения *i* и *e*¹³, *u* и *o*, например: *pa-aš-ši-i-id-he* = [*passidh/ye*]; *ti-i-ha-ni-i-ten* = [*tiyaniden*], но *ú-ni-e-it-ta* = [*unetta*]¹⁴; *šu-ú-ta* = [*šú-da*], но *šu-u-we* = [*šo-we*]¹⁵;

г) для передачи дифтонгов, например: *e-ti-i-ta* = [*edijda*], и, возможно, дифтонгоидных призывков, например: *e-en-na-šu-uš, e-e-en-na-šu-uš* = [**ennašus*]; в Богаз-кёе без удвоенного написания *e!*.

¹³ Для гласного *e*, как во всех разновидностях аккадского письма, используются знаки для слогов с гласным *i*; особые знаки существуют только для отдельного (начального) *e*, а также для слогов *še* и *te* и реже *be, zé, hé, me*; но и здесь можно было писать *ši, ti, bi, zi* и т. д.

¹⁴ Так же может передаваться и неопределенный редуцированный гласный, ср. чередование написаний *še-e-ha-la, še-ha-a-la, še-ha-la-a, ši-ha-a-la* = [*šəya'lá*].

¹⁵ Ср. в Мари *i-wa-a-ru* = [*e₁w^aro*]; лишнее *a* здесь добавлено, чтобы подчеркнуть чтение *wa* предшествующего знака, так как он может также читаться *wi, wo, wu*; возможно, что здесь *w+a=w+ноль*.

Некоторые случаи применения лишних гласных трудно объяснить; но они, видимо, не выражают долготы гласного.

2. До нас дошли помимо текстов, написанных аккадской слоговой клинописью, также хурритские тексты, написанные угаритской квази-алфавитной письменностью. Эта письменность различает знаки для согласных с произвольным или нулевым гласным (например, знак *b* может читаться *ba*, *bi*, *be*, *bu* или *b*), и лишь для согласного ' (гортанный взрыв) различаются отдельные знаки для сочетаний 'а, 'и, 'и (он же 'е, а также а', и', е', и'). Так как в хурритском гортанного взрыва как отдельной фонемы не было, то последние три знака применялись в хурритских текстах для гласных в абсолютном начале слова или после другого гласного; в других случаях огласовку слова в тексте, написанном угаритской клинописью, установить можно только этимологическим путем. Зато, поскольку угаритская система согласных фонем была богаче аккадской, угаритское письмо позволяло выразить некоторые хурритские согласные звуки, для передачи которых в аккадском слоговом письме не было средств. Так, *w*, *z*, *γ* (*g*) передавались специальными знаками, *s* — знаком для межзубного *t*; *v* и *f* передавались знаками для *b* и *p*.

3. В настоящее время можно считать доказанным, что угаритская клинопись восходит не к ассирийскому пошибу аккадского письма, а к одному из хурритских, группы митаннийского. Она сохранила (непоследовательно) особенности написания гласных, свойственные хурритской орфографии, например: ^m*Me-i-nu-a* = [*Minua*], *e-ú-ri-i-e* = [*ewriǰ*], *šá-tú-ú-li* = [*šatuvlǝ*] и т. д.,

Исключительно важную роль в угаритской графике играют встречающиеся полногласные написания, раскрывающие присутствие *e*, *a*, *i* или *e* > *ǝ* и т. п., часто неразличимых при написаниях неполногласных.

В то же время угаритские писцовые школы испытали сильнейшее ассирийское влияние. Оно сказалось прежде всего в применении шумерских, а отчасти и аккадских гетерограмм, облегчающих понимание текстов, а также в некоторых других особенностях (отсутствие специальных знаков для сочетаний с согласным *w* и знаков для *o*¹⁶, наличие специальных знаков для «эмфатических» согласных и др.)¹⁷.

¹⁶ Знаки для слогов *se* и *se* *i* не различались (кроме *še/ši* и *te/ti* и изредка *be/bi*, *ke₁/ki* и *hē/hi*) или различались лишь путем добавления отдельного знака для гласного. Графические средства не позволяли также различать слогов *a'*, *e'*, *i'*, *'a*, *'e*, *'i*, слогов *bu* и *pu*, *da* и *ta*, *de_x* и *tē*, *tí* и *hi*, *za* и *ša*, а равно звонких, глухих и «эмфатических» согласных в конце закрытого слога.

Характерной особенностью угаритской графики является использование слоговых знаков GA, GI, GU для *ja*, *jē*, *jū*.

¹⁷ И. И. Мещанинов в своей работе 1958 г., опираясь на довольно

§ 3. Фонология и фонетика хурритского и угаритского языков

1. Хотя явное сходство отдельных слов хурритского и угаритского языков было замечено уже давно, однако фонетические закономерности соотношений между ними до недавнего времени не были установлены, так как фонологический строй обоих языков сильно различается, и свести эти различия в систему не удавалось. Для угаритского (так же как и для кавказских, а равным образом и для семитских языков) характерно наличие «троек» согласных — глухого, звонкого и эмфатического, или сопровождающегося гортанным взрывом (смычногортанного), и отсутствие не только долгих гласных (как в хурритском, шумерском и др.), но и долгих (удвоенных) согласных; для хурритского же (подобно старошумерскому, см. выше, гл. II, § 4, п. 8, и дравидским группы «дравида», см. выше, гл. III, § 9, п. 2) характерно наличие «пар» согласных — простого (который может быть глухим в начальной позиции или звонким после гласного или звонкого согласного) и удвоенного.

Нами было высказано предположение, что в хуррито-угаритском языке-основе наличествовали «тройки» согласных, как в угаритском, но в двух вариантах — простом и удвоенном,

редкие чередования написаний ^m*š-pu-ú-i-ni-še* || ^m*š-pu-ú-i-ni-iš*, *e-di-ni* || *e-din*, а также на чередование полногласных написаний типа *ba-a* и неполногласных типа *ba*, выдвинул теорию о том, что в угаритском знак для открытого слога мог читаться так же, как согласный без гласного, например: ^a*Te-e-i-še-e-ba-a* = алфавитное написание ^a*Te-i-še-e-b-a*, но ^a*Te-i-še-ba* = слоговое написание. Однако чередование полногласных и неполногласных написаний обычно для всех видов клинописи и не доказывает неслогового чтения знаков. В самом деле, написание *te* может чередоваться с *te-e* (но, например, не с *tú*, или с *tú-e*, или с *te-u*) именно потому, что и *te* и *tú* — слоговые знаки и не обозначают просто согласного *t*. Что касается конечных написаний, то аккадская клинопись имела достаточные средства для передачи закрытых слогов без внесения дополнительной двусмысленности в чтение знаков (которую мы должны были бы признать, если знак NI = *ni* и *n* и т. п.). Вся система угаритской орфографии настолько тесно связана с хурритской и ассирийской, что ее нельзя рассматривать в отрыве от них. Сходное явление в еламской клинописи, где знаки для закрытых слогов приобрели значение только согласных, не представляет полной аналогии, так как написания типа *du-iš* для *tuš* не создавали двусмысленности ввиду отсутствия в еламском дифтонгов в подобной позиции (таким образом, *du-iš* нельзя было прочитать **tuiš*). Между тем в угаритском чтение *n* для *na*, *ni*, *nu* создало бы двусмысленность в чтении. Правда, конечный гласный в формантах эргативного падежа *-šə*, объекта 3-го лица в переходном глаголе *-ba* этимологически необъясним, но реальность его иногда подтверждается вызванным им передвижением ударения. В то же время нельзя не отметить, что в угаритском письме отсутствует большинство силлабограмм типа «гласный + согласный». Видимо, требуются дальнейшие исследования.

как в хурритском; в то время как урартский потерял удвоение согласных, но сохранил их качество, хурритский — возможно, под влиянием древнейшего переднеазиатского субстрата — утерел различие глухости и звонкости, а также гортанный взрыв. Вероятность такой утери, быть может, подтверждается и наличием в хурритском омонимов; они могли возникнуть в результате совпадения первоначально фонетически различившихся основ (например, *kad-* ‘сообщать’ и *kad-* ‘лежать’, *keldi* ‘добрая весть’, ‘благополучие’ и *keldi* ‘лес’).

Это предположение позволило нам свести фонетические соотношения между хурритским и урартским языками в некоторую систему (хотя отдельные соотношения еще не засвидетельствованы совсем или засвидетельствованы слабо ввиду скудости материала).

2. Для уточнения урартской фонетики мы привлекли также иноязычные передачи урартских собственных и географических имен; это позволило как уточнить произношение некоторых урартских звуков, так и выявить дополнительно урартские фонемы, которые в аккадской клинописи не имеют специальных обозначений, а выражаются слоговыми знаками для акустически сходных звуков.

3. Мы знаем с достоверностью, что как в хурритском, так и в урартском были фонемы, для выражения которых аккадская клинопись была не приспособлена, но пока еще не можем сказать с уверенностью, все ли дополнительные фонемы нами выявлены. С этой оговоркой можно реконструировать следующую схему хурритской и урартской фонологических систем:

Гласные: хурр. *a*, *e*₁, *e*₂¹⁸, *i*, *o*¹⁹, *u*, *ə*²⁰
 ур. *a*, *e*, *i*, *o*¹⁹, *u*, *ə*²⁰

¹⁸ По-видимому, в хурритском было два *e*; одно из них пишется в Митани *e-e-*, а в Мари и Богаз-кёе — *e-*; в урартском ему, видимо, соответствует *i-*; другое пишется в Митани *e-*, а в Мари и Богаз-кёе — *i-*; в урартском ему соответствует *e-*.

¹⁹ Для передачи этого звука в Митани имелись, как уже упоминалось, специальные знаки *U* = [o] и *KU* = [ko] (в отличие от *U* = [u] и *GU* = [ku]); в других сочетаниях слоги с гласным *o* обслуживались знаками для слогов с гласным *u*, но и иногда к ним приписывался дополнительно знак *U* = [o]. В других хурритских орфографических системах, а также в урартской фонеме *u* и *o* графически не различались. В урартском наличие *o* выявляется для ряда слов благодаря сопоставлению с хурритским или благодаря иноязычным передачам. По-видимому, *o* было более распространено в урартском, чем *u*. Однако в дальнейшем мы будем транскрибировать хурритские и урартские слова всюду через *u*, и лишь в тех случаях, когда нужно подчеркнуть действительное иное произношение, будем писать *u/o* (что означает: графически *u*, читать *o*).

²⁰ Наличие редуцированного *ə* обнаруживается в хурритском благодаря колебаниям в написаниях, например: *še-e-//še-//ša-//ši-*, в урартском преимущественно по этимологическим соображениям (написание *e//i*

Согласные — даем традиционную транскрипцию, основанную на вавилонском произношении соответственных силлабограмм, с отмеченными в примечаниях поправками; о фонологическом толковании этих данных см. ниже:

Хурритский: *p//b*, *pp*, *w*, *ww*, *m*
t//d, *tt*, *z*²¹, *š(š)*²¹, *s*, *z*, *zz*, *n*
l, *ll*
r
j
k//g, *kk*, *γ*²², *h(h)*

Урартский: *b*, *p̄*, *p*, *w*, *v*²³, *m*
d, *t*, *t̄*, *š*, *š*, *z*, *s*, *n*
l
r
j
g, *q* (или *k*), *γ*²³, *h*

4. Хурритское *p//b* (*p* — в абсолютном начале и после глухих согласных, *b* — после гласных и звонких согласных) может восходить к звукам **p* и **b* языка-основы и, вероятно, к смычогортанному **p'*²⁴. Хурритское *pp* (всегда глухое) может восходить к удвоенному **pp* или **bb* (и, вероятно, **pp'*) языка-основы. В урартском качество согласного сохраняется, но удвоение не сохраняется: хурр. *paba-*, вариант *pappā-* ‘гора’ (< **baba-*, **babba-*) ~ ур. *baba-nā*, *bam-nā* ‘гора’. Для существования *p̄* [*p'*] в урартском ср., например, ур. *Tu-špā* ~ греч. Θουπ-, арм. *Tosp*, но ур. *Šupa* ~ греч. Σοφ-, арм. Տօր^h- и др.

соответствует разным хурритским неударным гласным, не только [e] и [i], но также [a], [o]). Редуцированный гласный чаще всего передается слоговыми знаками для слогов, содержащих *i/e*, а там, где слоги с *i* могли графически различаться от слогов с *e*, — при помощи знаков для слогов, содержащих *e*. В урартском все конечные граф. *-e/i* — редуцированные [ə].

²¹ Условно передаем как *z*, *šš* звуки, передаваемые в первой группе хурритских орфографий как, соответственно, *z* и *š*, а во второй — как *š-*, *-š-* и как *š-*, *-šš-*. В тех случаях, когда наличный материал не позволяет судить о том, произносилось ли *š* как *š* или как *z*, мы пишем *š*.

²² Условно передаем как *γ* звук, передававшийся во второй группе хурритских орфографий как *h* неударное.

²³ Урартская графика не различает *b* и *v*, *γ* и *h*. В дальнейшем мы будем во всех случаях писать *b* и *h* и лишь в тех случаях, где необходимо указать действительно иное произношение, будем писать *b/v* и *h/γ* (что означает: графически *b*, *h*, читать *v*, *γ*).

²⁴ Есть некоторые основания предполагать, что хурритские *p//b*, *t//d* и *k//g* были всегда либо придыхательными, либо сопровождалась гортанным взрывом. То же верно в отношении *š* и *z*.

Хурритское *w* передается графически либо специальным слоговым знаком, либо сочетанием другого гласного со знаком для (неслогообразующего) *u*; последний графический прием характерен и для урартского, ср. хурритский формант родительного падежа *-we*, *-ú-e* и соответствующий урартский формант *-ú-e* = *[-wə]*. Написанием *-ú*, *-úw-wu*, *-úw-wu-ú* (в угаритском письме *-p*), по-видимому, передается глухой вариант этого же звука²⁵, т. е. *f* (может быть, с удвоением, как и другие глухие звуки в хурритском: *ff*); в урартском в соответствующих случаях встречаем написание *-bi*, *-be* в абсолютном конце слова (и, вероятно, в начале), удвоенное написание *-u* в конце слога: хурритское окончание 1-го лица глагола *-af(f)*, *-if(f)*, ур. *-(ú-)bi/e*, *-ú-ú* (*šá-tú-ú-bi* 'я взял', *šá-tú-ú-ú-li* 'я взял их' читать *[satuv(ə)]*, *[satuvlə]*). Ср. ур. *Bi-a-i-ni* *[*V(i)ā'nə-?]* ~ арм. *Van*.

Хурр. *t/d* и *tt* и ур. *d*, *t*, *t* так же относятся к исходным простым и удвоенным **d*, *t'*, *t*, *dd*, *tt'*, *tt*, как хурр. *p/b* и *pp*, ур. *b*, *p*, *p* к соответствующим губным. Ср. хурр. окончание 1-го лица непереходного глагола *-tta*, ур. *-də*; хурр. окончание 3-го лица множественного числа глагола *-ido*, ур. *-itu/o*; хурр. *tan-* 'делать', ур. *tan-* 'создавать'; хурр. *edi*, ур. *edə*; хурр. *teae* 'большой', ур. *teae* 'большой' и др.

Несколько сложнее дело обстоит с переднеязычными сибилантами и аффрикатами. Прежде всего не вполне ясно их произношение. Хурритское глухое (удвоенное) *š* (графически *šš*) в угаритской клинописи передается знаком для межзубного *t* *[θ]*; сами использованные для этой фонемы аккадские слоговые знаки *ša*, *še*, *ši*, *šu* и т. д. первоначально и в аккадском (на периферии еще и во II тысячелетии до н. э.) передавали не звук *š* (русск. «ш»), а *t* *[θ]*. В урартском ему соответствует звук, транслитерируемый как *š*, но иноязычные транскрипции урартских имен довольно недвусмысленно указывают, что он произносился *[s]*: хурр. *šawala* 'год', форманты *-š*, *-šše* соответствуют ур. *šālə*, *-šə*, *-šə*; для произ-

²⁵ Предположение Э. А. Спайзера о существовании в хурритском звука *v* как особой фонемы не кажется нам убедительным. Поскольку и для *w* в слоговом письме бесспорно засвидетельствовано использование наряду со специальным знаком *Pi* также и знаков для слогов с *p/b*, нет основания полагать, что отдельные написания типа *-bi*, *-pa* для надежных окончаний *-we*, *-wa* являются попыткой передать не *w*, а *v*; хотя Э. А. Спайзер указывает на то, что чередование написаний *w/b* встречается и в начальной позиции, он не приводит примеров (в отличие от чередования *w/p* = *[f]*). Остается один случай написания имени божества *Kumarwe* в угаритском квази-алфавитном письме как *kmrb* (а не **kmrw*); но здесь *v* могло возникнуть из *w* под влиянием сонорного [также в случае дательного (?) падежа *hmr-b-n*]. Это подтверждается тем, что формант дательного падежа *-wa* дает в урартском *[-wə]*, а не *[-*və]*, что писалось бы **-bi*.

ношения ур. *š* как *[s]* см. ур. *Tušpa* ~ арм. *Tošp* и мн. др.; в аккадских передачах мы встречаем для ур. *š* в вавилонском диалекте *s*, в ассирийском *š*, которое, по-видимому, тоже читалось как *[s]*. Звонкий коррелят хурритского *š* — согласный *ž* (графически *š* или *z*, в угаритском письме передается особым вариантом знака *š*). Мы условно читаем его как «ж», хотя, возможно, это межзубный *[ʃ]* или смычногортанный *[ʒ]*. В урартском он совпал с *s*, ср. хурр. формант *-až-*, ур. *-aš-*, хурр. *haž-* 'слышать', ур. *haš-*.

Урартское *s*, по всей вероятности, произносилось как шипящее. У нас имеются всего два соответствия урартского *s* в хурритском, причем не совпадающих: ур. *sə'lā* 'дочь' ~ хурр. *šala* 'дочь' (где точное значение *š* неясно — графически это может быть, во всяком случае, и *s*, и *ž*), и урартский формант прилагательных *-usi* ~ хурр. *-(u)zzi*. Если не считать, что начальное *š* в слове *šala* передает тот же звук, что *zz* между гласными (так как удвоение не может быть передано в начале слова)²⁶, то остается предположить, что урартское *s* соответствует двум исходным звукам. Один из этих звуков — хурритское *zz*, очевидно, глухой, как все хурритские удвоенные²⁷. Однако не исключено, что урартское *s* могло быть и звонким, если доверять сопоставлению ур. *pulusi* 'стела' с арм. *puluž* (Н. Я. Марр). Таким образом, возможно, что здесь имело место совпадение в урартском *s* (*[š]* или *[š, ž]*) двух звуков, которые в хурритском сохранились по отдельности.

Неясно положение и с аффрикатами. Таковыми в урартском несомненно являются *š* (в армянских передачах *ç*, например, *Šupa* ~ *Сор^h*) и, вероятно, *z* [в армянских передачах *ç* («дз») ²⁸ и *ǰ* ²⁹]. Первому в хурритском соответствует графическое *s*, ср. хурр. *pis-*, ур. *piš-* 'веселиться'. Хурритских соответствий для урартского *z* не выявлено, но для него остается только хурритское *z*. Произношение как хурритского *s*, так и хурритского *z* неясно; в исходной для хурритского форме аккадского письма знаки *sa*, *si*, *su* и т. п. пере-

²⁶ Это предположение маловероятно, так как ожидалось бы и в этом случае одиночное написание *z*, а не *š*.

²⁷ Э. А. Спайзер не склонен считать хурр. *zz* особой фонемой, отличной от *z*; однако он готов согласиться с Бранденштейном в том, что хурр. *ha-az-zi-zi*, *ha-zi-iz-[z]i* представляет заимствование из акк. *hašisu* 'мудрый', 'памятливый'; но в таком случае *zz* соответствует акк. *[s]*, а формы *hazzizi*, *hazizzi* либо являются вариантами диссимилиации (**hassissi* > **hazissi*, **hassizi*), либо просто орфографически неточными написаниями вместо **ha-az-zi-iz-zi*.

²⁸ Однако *ç* могло развиться на армянской почве из *z*. Примеры: ур. *Alzi* ~ арм. *Atčni-k^h*, ур. *Zabaħa* ~ арм. *Jawax-k^h*.

²⁹ Есть и другие соображения, заставляющие думать, что в хуррито-урартском языке-основе были не только аффрикаты типа *[tš]*, *[dž]*, но и аффрикаты типа *[tš]*, *[dž]*.

давали слоги не с согласным [s], а с согласными [š, š], а аккадский «эмфатический» s, акустически близкий к аффрикату с [ts], передавался знаками za, zé, zi, zu и т. п. Но следует заметить, что староаккадские знаки sa, si, su и т. п. были использованы и в староэламском для аффрикаты типа «ц», «ч» (c); что же касается звонкой аффрикаты [š], если таковая существовала в хурритском, то не было бы другого способа передать ее, как только при помощи знаков za, zé, zi, zu и т. п. Поэтому, имея в виду соотношение с урартским, мы вполне можем допустить, что хурритское графическое s есть глухая аффриката š (возможно, [ts]), а графическое z — звонкая аффриката [š] или [dž].

Является ли хурритское ll глухим вариантом l, или просто удвоением его — неясно, но первое предположение кажется нам более вероятным. В урартском, где удвоений нет, мы в обоих случаях имеем l (примеры ниже). Удвоенные rr³⁰, а также mm и nn, по-видимому, отдельными фонемами в хурритском не являлись (в урартском они дают r, m, n).

С хурритскими k//g и kk и урартскими g, k(q), k дело обстоит так же, как с остальными взрывными — они восходят к *g, k', k и *gg, kk', kk, ср. хурр. ag-, ур. ag//j- 'вести', хурр. ke, ур. g//jэ 'храмилще', хурритская местоименная основа akk-, ур. ak- и мн. др.; однако урартское g имело тенденцию перед и между гласными переходить в j (ср. хурритские комбинации формантов -ig-ar- и ур. -uj-ar-, -ij-ar-), а урартскому k [k'], по-видимому, соответствовало в хурритском не k/g, а графическое h; хурр. haw(u)r- 'земля' ~ qaw'rā. Вероятно, это был звук, отличный от хурр. h ~ ур. h, но тот же, что в хурритском слове heshi 'трон', где мы встречаем параллельные написания keshi, keski, т. е., вероятно, нечто вроде [kh], что вполне соответствует предполагаемому [k'] в языке-основе.

Не исключено, что в последнем, как и в ряде кавказских языков, существовала еще группа заднегортанных [q, q'

³⁰ Единичный случай употребления знака Rl вместо ожидаемого he [ye] в хурритском, может быть, указывает на язычковое произношение r [R], однако возможно и другое объяснение (редкий формант прилагательного? ср. ур. in-eri-hэ 'божественный'). Как в хурритском, так и в урартском r практически не встречается в начале слова (кроме одного-двух сомнительных случаев в Богаз-кёе и заимствованных из аккадского слов в хурритском, и имени Ru'sā в урартском; но и в последнем случае, как показывают аккадские транскрипции, в живой речи произносилось Ur'sā); в хурритском r, по-видимому, произносилось со слабым дрожанием и легко выпадало, что имело место и в урартском, — ср. акк. (из ур. архаич.) Turišrā, ур. Tušrā. Помимо того, в урартском r, как кажется, произносилось с придыханием и имело тенденцию к сонантизации с поглощением последующего неударного гласного.

и т. д.); но если такие фонемы существовали, то они совпали как в хурритском, так и в урартском с заднеязычными.

Пара h, hh графически передает в хурритском звонкий и глухой язычковые (?) спиранты (в угаритском квази-алфавитном письме передаются как g [=γ] и h). Наличие обоих этих спирантов также и в урартском выявляется не только из хуррито-урартских соответствий, но и из греческих транскрипций: ур. Kulha [K'olha] ~ греч. Κόλχ-ις 'Колхида', но ур. Kumaha [K'o(m)maha] ~ греч. Κομμαγ-ηνη.

В хурритском предположительно существовало и придыхательное h, судя по чередованиям написаний ^aKu-ū-šu-uh и ^aKu-ū-šu-, hi-ja-ri-, ja-ri- и a-a-ri-, которые предполагают чтение *Kuzoh, *h'jari-. Неясен характер урартской фонемы, графически передаваемой при помощи аккадского знака для слогов с гортанным взрывом³¹.

5. Таким образом, можно предположительно восстановить следующий состав согласных для хурритского и урартского языков (восстановление — теоретическое и не во всех случаях аргументировано примерами):

Хурритский:

[p//b, pp, f ³¹ , w ³¹ , m]	(графич. p//b, pp, ww, w или u, m)
[t//d, tt, s?, z, z, c, š, n]	(графич. t//d, tt, š?//zz, šš, š//z, s, z, n)
[l?, l]	(графич. ll, l)
[r ^h]	(графич. (r))
[j]	(графич. j или i)
[k//g, kh, kk, h, γ]	(графич. k//g, k//h, kk, hh, h)
[h?]	(графич. h)

Урартский:

[p, p', b, v, w, m]	(графич. p, p, b, b//u, u, m)
[t, t', d, š?, (ž?), s, c, (č?), š, (j?)]	(графич. t, t, d, s, (š?), š, s, (š?), z, (z?))
[l]	(графич. l)
[r ^h //r]	(графич. r)
[j]	(графич. g//i, j)
[k, k', g?, h, γ]	(графич. k, k, g?, h, h)
[h?]	(графич. ')

Фонетические соответствия таковы (формы языка-основы даются предположительно):

Язык-основа	хурр.	ур.
*p, *p', *b	[p//b]	[p, p', b]
*pp, *pp', *bb	[pp]	[p, p', b]
*f (или *v?)	[f]	[v] ^{31a}

³¹ И v комбинаторно?

^{31a} И w комбинаторно?

*w начальное	[w]	[w]
*w между гласными	[w]	выпадает ³²
*t, *t', *d	[t/d]	[t, t', d]
*tt, *tt', *dd	[tt]	[t, t', d]
?	[s, z]	[s] (графич. š)
?	[s̄]	[š?] (графич. s)
?	[sʔ] (графич. zz?)	[š?] (графич. s)
?	[c, ʃ] (графич. s, z)	[c, ʃ] (графич. s, z)
*lʔ, *l	[lʔ, l]	[l]
*k, g	[k/g]	[k, g/j]
*k'	[h/k]	[k']
*kk, *gg	[kk]	[k, g/j]ʔ

Остальные согласные в хурритском и урартском совпадают.

6. Многие фонемы хурритского языка претерпевают разнообразные комбинаторные изменения. Так, конечные («тематические», см. § 4, п. 3) гласные могут изменять качество (-i/e > -o- перед *h, γ*, > -a- перед -tta и -lla) или отпадать (-a отпадает перед формантом родительного падежа -we: *Nuza* 'город Нуза', род. пад. *Nuz-we*³³ и перед соотносительной частицей *ne*: *paba* 'гора', *pab-ne*, а после *l, r, n* — также и перед соотносительной частицей *na*: *sawala* 'год' **sawal-na* > *sawal-la*; очень часто -a отпадает в абсолютном конце слова: **Galgamiš-us-lla* 'Гильгамеш их (сделал)' — через ступень **Galgamiš-ulla* > *Galgamišul(l)*; -i/e отпадает после *l, r, n* перед соотносительной частицей -ne: *nihari* 'приданое', **nihari-ne* > *nihar-re* и т. д.)³⁴, наблюдается монофтонгизация дифтонга -ae, -ai > -ě: *fahrae* > *fahre* 'добрый'.

При присоединении энклитики, начинающейся с согласного, к согласному же окончанию между этими двумя согласными возникает вспомогательный гласный.

Наиболее важные комбинаторные изменения хурритских согласных: а) ассимиляция -n в частицах -ne, -na предшествующему *l, r* или *n* с выпадением промежуточного гласного (см. выше); б) ассимиляция форманта эргативного падежа -uš согласному присоединяемого местоименного показателя и, может быть, некоторых частиц: **Mane-s-lla* 'Мане их (сделал)' > *Manella* и т. д.; в) ассимиляция формантов родительного

³² За исключением падежных окончаний родительного и дательного падежей во множественном числе (хурр. -we, -wa, ур. -wə, -wə). Между двумя однородными гласными *w* в урартском выпадает бесследно (хурр. *sawala* 'год' ~ ур. *šālā*), в других случаях может быть заменен согласным *j* во избежание звиния (хурр. формант -ewa ~ урарт. -eja, -e'ja-).

³³ Ср. в глаголе *tan-oz-i-wa-af* 'я не сделал' > *tanoziuf* (пишется *ta-a-nu-ši-uw-wu*, ср. ниже, прим. 35).

³⁴ Аналогичные стяжения наблюдаются и в глаголе: **kul-i-l-e* 'я скавал бы' > *kulle*, **tad-ug-ar-i-l-ewa* 'проявил бы любовь' > *tadugar-rewa*; аналогично и в урартском: **š|zad-itu|o-me* > *š|zatu|o-me* 'дали мне'.

и дательного падежей -we и -wa предшествующему согласному (с изменением качества согласного, если последний — губной): **Hebat-we* 'богини Хебат' > *Hebatte*, **Tessob-we* 'бога Тешуба' > *Tessoppe*, *attai-w-wa* 'твоему отцу' > *attaippa* [но: **zen(a)-if-we* > *zeniffe* 'моего брата']³⁵; ср. также -aš-ta (комбинация формантов) > -aš-ta, **Tessob-ta* 'к богу Тешубу' > *Tessob-da* и т. п.

Для восточного диалекта характерны метатезы *l, r, n*: *e₁wri* 'царь', 'господин' > *e₁rwi*.

7. В урартском согласный состав слова мало подвержен комбинаторным изменениям. В области гласных обычна монофтонгизация дифтонгов³⁶: *Biai'na-wə* > *Biā'nawə* и даже *Bi'na-wə*; ср. **ai-št-a-ibə* 'прыгнул' > *aiš'tibə*. Формант -ae обычно сохраняется (нередко со вставкой *j*: *tar'ae*, *tar'aje* 'могучий'), но при присоединении форманта -ni/e монофтонгизируется: **ha-i-l-ae+n(ə)* > **ha-i-l-ai-nə* > *hai'lānə* 'чтобы взял его'. Неударное *a* дает редуцированный гласный: хурр. *'sawala* 'год', *'haw(u)r* 'земля', *ša'la* 'дочь' > ур. *'šālə* 'год', *qəw'rā* 'земля', *sə'lā* 'дочь'; **ha-u-l-ewa* > *ha-u-l-e(j)ə* (пишется *ha-u-li-e*) 'если бы взял', но **ha-u-l-ewa-lla* > *ha-u-l-e(j)a-lə* (пишется *ha-u-li-a-li*) 'если бы взял их'; *šu'ri-(i)jə* 'его оружие', но *ulgu-š(e)-i'ja-nə* 'ради его жизни' (в этом случае — аналогично и в хурритском).

Неясно соотношение хурр. *Tessob* и ур. *Teišəbā* (имя божества) — может быть, из исходных форм **Teisob*, **Teišəbā*, ср. ниже, § 4, п. 3.

Звук *w* между гласными выпадает (см. выше, § 3, п. 5, прим. 32).

Наиболее существенные комбинаторные изменения в урартском связаны с фонемой *r*. Перед ударным гласным *a* после *r* появляется звук ' [=hʔ], выражаемый графически «разрывом слогов» (*tar-a-e* 'могучий'). Неударный гласный после *r* выпадает, по-видимому, с сонантизацией *r*: *pa'r-u-b|və* 'я увел', но **'par-ito* > *'parto* 'увели'; если далее следует *l*, то *r* ему ассимилируется: **šep-u'j-ar-u-l-e* > *šepu'jalə* 'разрушает'. Аналогичные явления, хотя менее последовательно, наблюдаются с *l*.

8. Правила ударения в хурритском не выяснены; вероятен перенос ударения к концу под влиянием присоединения некоторых частиц.

В урартском редукция неударных гласных и восстановление ударных позволяет в ряде случаев выяснить место ударения. По-видимому, в большинстве случаев оно лежало

³⁵ Пишется *še-e-ni-iw-wu-ū-e-*; -ū- выражает здесь *w*, глухой характер *f* передан путем удвоения *w*. Иначе объясняет это явление Э. А. Спайзер.

³⁶ Практически каждая форма с дифтонгом имеет вариант без дифтонга (*ai > ā*, *'ač > 'ā*, *ač > əč > i*, *e_i > ē*, *(ə)iə > i*).

на предпоследнем слоге, но в известных случаях передвигалось на один слог вперед, а в ряде имен, оканчивающихся на *-ā*, лежало на последнем слоге: см. примеры выше.

§ 4. Словообразование и лексика

1. Структура слова в хурритском и урартском языках идентична: слово содержит неизменяемый, обычно односложный корень, например: *ag-* 'вести', *ḥa-* 'брать', **gē-* (хурр. *ke*, ур. *g/jē*) 'хранилище' *tan-* 'делать', 'создавать', *e₂n-* (ур. **in-*) 'бог', **qawr-* (хурр. *ḥaw(u)r-*, ур. *qaw'rā*) 'земля', **e₁wr-* 'владеть', *man-* 'быть', *fah_r-* (хурр.) 'быть хорошим', *kuž^h* (хурр.) 'божество Луны'.

Корни с двусогласным окончанием вызывают сомнение в их первичном характере; возможно, последний согласный представляет собой какой-либо древний формант. Основы с двусогласным началом, по-видимому существовавшие в хурритском, вероятно, являются результатом вторичного стяжения под влиянием ударения.

2. Как именные, так и глагольные корни могут иметь наращенные, видоизменяющие значение слова пока еще неясным образом (ср. роль глагольных пород в семитских языках, гл. V, § 11). Нарращения эти следующие (звездочкой помечены наращенные, встречающиеся только при имени, двумя звездочками — только при глаголе, тремя звездочками — при имени и при глаголе)³⁷:

- (u)bad*** : хурр. *nir-ubad-ae* 'очень спешно' (*nir-ae* 'быстро').
- p/b**** : хурр. *urḥ-ub-* 'быть верным' (*urḥi* 'истинный'); ур. *ir-b-* 'отбирать' (*ir-* 'менять место').
- (a)t/d**** : хурр. *pašsi-d-ḥe* 'посол' (*pašs-* 'посылать'); ур. *pani-d-ḥə* (неизв.), *nul-d-* 'овладевать', *ub-ar-ad-uj-ar-*.
- ug*** , *-k/g**, *-q*** : хурр. *tad-ug-ar-* 'любить (?)', *tad-ar-až-k-a-e* 'любовно', (*tad-* 'любить'), *ag-ug-ar-* 'отправлять' (*ag-* 'вести'); ур. *lak-uj-* 'вредить', *šep-uj-ar-* 'портить', *kul-u(j)-ar-š-* 'бежать' (*kul-* 'оставлять') (формат каузатива).
- '*** : ур. *aš'-ul-* 'покидать'.
- ah*** , *-h*** : ур. *nar-ah-* 'усмирять (?)', *at-h-* 'находить'.
- u/oh/γ*** : хурр. *ḥis-u/oy-* 'оскорблять (?)'.
- al**³⁸ , *-u/ol*** , *-l**** : хурр. *te-u/ol-ae* 'очень много' (*te-ae* 'большой'), *tiγ-an-u/ol-* (*tiγ-*; оба неизв.); ур. *mak-ul-* 'бросать', 'стрелять', *ter-ul-* 'ставить', 'поднимать на ноги' (*ter-* 'класть', 'устанавливать'), *qab-q-ar-ul-* 'осаждают'.

³⁷ Иногда отнесение данных морфем к так называемым «наращенным» спорно.

³⁸ Хурр. *sawala*, ур. *šālā* 'год'; хотя параллельных форм без наращенных не сохранилось, но исходя из п. 1, корнем здесь надо считать **saw-*.

- am*** , *-m*** : хурр. *šur-am-* 'дать спешить', 'спешно посылать' (*šur-* 'спешить'), *sin-am-* 'удваивать' [*šin(i)* 'два']; ур. *taš-m-* 'брать в плен'.
- an*** , *-u/on*** , *-n*** : хурр. *keb-an-* 'посылать', *te-u/on-ae* 'много' (*te-ae* 'большой'), *pis-an-d-* 'радоваться' (*pis-* то же); ур. *ked-an-* 'посылать', *ušḥ-an-* 'даровать'.
- uppa*** : хурр. *tan-uppa-* (*tan-* 'делать').
- ar*** , *-r*** : хурр. *tad-ar-(a)e* 'любовь', *tad-ug-ar-* 'любить', (*tad-* то же); ур. *ub-ar-d-* 'повелевать', *qab-q-ar-ul-* 'осаждают', *šep-uj-ar-* 'портить'.
- tt*** : хурр. *ker-att-* неизв. (ср. *ker-ae* 'длинный').
- (a)ž*** , *-u/ož*** : хурр. *ḥaž-až-* 'прислушиваться' (*ḥaž-* 'слушать'), *nir-ož-ae* 'срочно' (*nir-ae* 'быстро'); ур. *qab-q-a(r)-š-* 'осаждают', *ḥarḥar-š-* 'разрушать' (ср. *ḥarḥar-*).

При одном корне может иметься от двух до четырех наращенных, например, хурр. *-an-d-*, *-ug-ar-*, *-ar-až-k-*, ур. *-uj-ar-*, *-ar-š-*, *-uj-ar-š-*, *-ar-ad-uj-ar-*.

3. Основа глагола либо совпадает с корнем, либо состоит из корня и наращенного. Основа имени имеет после наращенного еще один суффикс — тематический гласный.

Тематическим гласным чаще всего является *-i* или *-e* (графика не всегда позволяет различать их). Тематический гласный *-o*, по-видимому, свойствен именам состояния (глагольным). Гласный *-u* в качестве тематического не засвидетельствован надежно (но ср. хурр. *e₂ni*, ур. эрг. *inu-š* 'бог').

Особое положение занимает тематический гласный *-ā*, который обычно характеризует:

а) термины родства: хурр. **atta* 'отец'³⁹, *amma* 'мать', *žena* 'брат', *ela* 'сестра', *šala* 'дочь' (но *fudgi* 'сын', *asti* 'жена'), ур. *sālā* 'дочь';

б) географические понятия: хурр. *paba-* 'гора', *seja* 'вода', 'река' (но *ardi* 'город', *u/omini* 'страна', 'область', *awari/e* 'поле'), ур. *baba-nə* 'гора', *qaw'rā* 'земля', *mu'nā* 'река', *al'gā* 'межа (?)' (но *patarā* 'город', *sarā* 'сад', *ebanā* 'страна', 'область');

в) имена божеств (только в урартском): *Teišə'bā*, *Ḥu'bā*, *Que'rā*, *Tušp(u)we'ā* и мн. др. (ср. в хурр. *Tessob*, *Ḥebat*; на *-a* в хурритском только *Šawuška*)⁴⁰.

³⁹ Обычно в форме *attaj*, что следует рассматривать как застывшую форму *atta-ja* 'его отец'.

⁴⁰ В урартском большинство имен божеств имеет эту форму. Обратим внимание на имя *Tušp(u)we'ā*, образованное при помощи форманта *-ā* от архаического родительного падежа: *Tušp(u)we* < **Tušpa-we* '(богиня города) Тушпы'. В хурритском аналогичное имя божества *Kumar-we* — без *-ā*! Следует отметить, что урартский пантеон совершенно отличен от хурритского (основным местом почитания едва ли не единственного общего божества — Тешуба — был г. Кумме, или Кумену, на урартскоязычной территории). Имя богини *Ḥebat* (так, не **Ḥebad!*), образо-

Имена с тематическим гласным *-ā*, не входящие в эти категории (хурр. *sawala* 'год', *tīza* 'сердце'), в урартском дают редуцированный гласный, делающий их неразличимыми от имен на *-i/e*: хурр. *sawala* 'год', ур. *šālā*. Это, возможно, объясняется тем, что *-a* здесь в урартском было неударным. В остальных случаях, в отличие от хурритского, в урартском ударение, по-видимому, лежало на *-ā* (обратить внимание на редукцию гласного в предшествующем слоге!)⁴¹.

Что *-ā* здесь является неорганическим элементом, видно из того, что оно отсутствует в хурр. *haw(u)r* 'земля'.

В хурритском засвидетельствовано небольшое число имен без тематического гласного: *haw(u)r* 'земля', *maṣ* 'близнец'. Возможно, что он здесь отпал по фонетическим причинам.

3. Словосложение слабо представлено в хурритском и урартском. Можно отметить именные словосложения: хурр. *att(a)-ar-d-i* 'дар отцу', *el(a)-ar-d-i* 'дар сестре' (сюда же урартское имя божества Луны — *Selardə*?) и глагольно-именные (урартские отыменные глаголы типа *abili-d-* 'объединять', где *abili*, по-видимому, именной или местоименный элемент, а *-d-* глагольный; однако эти формы могут быть объяснены и иначе).

4. Морфологическое словообразование представлено именами абстрактными на *-ssei* (хурр.), *-šə* (ур.) и довольно многообразными суффиксами прилагательных (см. ниже, § 5, п. 8).

Префиксация хурритскому и урартскому языкам неизвестна.

5. Словарный запас хурритского и урартского языков весьма сходен. Из установленных хурритских слов 20% являются общими с урартскими. Если же отбросить специфическую культовую и культурную терминологию (10—15%), а также заимствования (ок. 5%), то процент повысится до 25; а если учесть, что лексика дошедших до нас хурритских и урартских текстов совершенно различна, то, по всей вероятности, окажется, что число совпадающих слов в хурритском и урартском было значительно большим.

6. Из числа заимствований легко выявляются шумерские и аккадские в хурритском: шум. *zu₁₁-luma* 'финик' > хурр. *zilumpa*, акк. *tamkārūm* > шум. *dam-gār* 'торговец' > хурр. *tamgar-se* 'торговля', акк. *šalm(um)* 'изображение', 'статуя' >

важное в нарушении фонетических правил, видимо, указывает на ее нехурритское происхождение (Э. А. Спайзер сопоставляет сем. **Ḥaḥḥat* 'Ева'). Многие хурритские божества были заимствованы у местного населения Передней Азии, особенно у шумеров и аккадцев.

⁴¹ Кроме слова *babana*, где в урартском, по-видимому, рано застыла определенная форма с частицей *-ne* (результат постоянного употребления слова 'гора' с названиями гор?) — до переноса ударения на тематический гласный, ср. вариант ур. *banna* < **babna*?

хурр. *zalam-se*, акк. *šarrum* 'царь' > хурр. *žarra*, шум. *dub* > акк. *tuppum* > хурр. *tuppi* 'документ', акк. *šinni peri(m)* 'зуб слона' > хурр. *šinniperohḫe* 'из слоновой кости'⁴² и др. В специфической лексике коневодства имелись заимствования из индо-арийского; к ним относят также хурр. *marianne* 'знатный', 'колесничий', но ср. ур. *mari-* 'знатный' [структура: *mari-anne* или *mari-an-(in)ne*?].

В урартском число выявляемых заимствований незначительно. Можно отметить *kubuše* 'шлем' из акк. *kubšu* 'шапка', и *aršibi* — имя собственное лошади, по-видимому, «Орел» — индоевропейского (?) происхождения, международное слово, распространенное с древности до нашего времени по всему Ближнему и Среднему Востоку и, может быть, занесенное при движении первой волны индоиранцев через Кавказ — ср. авест. *ərəzifya-*, др.-перс. (в греческой передаче) **rziḫa-*, др.-инд. *r̥ṣiṣyā-*, арм. *arçvi*, груз. *arçiv-i*, бацб. *arçiv*, инг. *arçi*, лак. *b-arzu*.

7. Довольно значительное число хуррито-урартских слов наблюдается в армянском; в подавляющем большинстве случаев это заимствования из хуррито-урартского субстрата в армянский, но не исключена возможность и отдельных случаев обратного заимствования — из индоевропейского протоармянского в урартский. Ср. ур. *šure-* 'оружие' ~ арм. *sur* 'меч', ур. *šari-* 'сад', может быть ~ арм. *šar* 'дерево', хурр., ур. *ewri-* 'царь', 'господин' ~ арм. *awri-ord* 'незамужняя госпожа' [ср. *w(o)rd* 'ребенок'], ур. *ulṭu* 'верблюд' ~ арм. *uṭt* и др. Однако есть тенденция преуменьшать число урарто-армянских этимологий; так, например, арм. *avan* 'село' из иран. *āvahana* 'селение', а не из ур. *ebanə* 'страна', 'область'.

Более сомнителен, ввиду отсутствия достаточно обстоятельных исследований, вопрос о возможной хуррито-урартской лексике в грузинском; любопытны урартские (или хурритские) слова, сохранившиеся в припевах грузинских народных песен: *ivri Arale...*, *tari Arale...*, *ari Arale* (А. Сванидзе), хурр.- ур. *ewri Arale...*, *tarae Arale...*, *ari Arale* 'царь Арале, могучий Арале, дай, Арале!' и в выражении *tav-da qira* 'вниз головой', собственно 'головой (на) *qira*', где *qira* ~ ур. *qirā*, *qawrā* 'земля'. Грузинское божество Квириа, несомненно, идентично урартскому божеству *Querā* (Г. А. Меликишвили).

Можно поставить вопрос и о возможности заимствований из древнейшего грузинского и других кавказских языков в урартский (влияние на хурритский маловероятно).

⁴² Сомнительно, является ли хурр. *hjarohḫe* 'зодотой', 'золото' (по-видимому, с [h] в начале) заимствованием из акк. *hurāšum* (или из западносемитского **hurāšu*, позднее фин. **hārāš*, ср. греч. χρυσός).

1. Хуррито-урартское имя не имеет ни родов, ни классов. Различается единственное и множественное число.

2. Множественное число⁴³ выражается формантами *-a-* или *-až-*, заменяющими тематический гласный единственного числа. В хурритском возобладали элемент *-až-*, в то время как *-a-* встречается пережиточно⁴⁴. В урартском, напротив, *-až-* встречается лишь как пережиток⁴⁵, а основную роль играет формант *-a-*. Множественное число абсолютного падежа образуется в урартском путем присоединения предикативного местоименного элемента 3-го лица множественного числа *-lə* (хурр. *-lla*) к форме единственного числа; в хурритском оно получает окончание *-až* в случае присоединения местоименных энклитик, в противоположном случае совпадает с единственным числом.

3. Падежные отношения выражаются суффиксальными показателями послеложного происхождения; многие из них находятся на разной стадии превращения из имени в послелог и из послелога в падежный показатель. Так, в хурритском *edi* 'вещь', 'нечто' еще является именем, хотя начинает уже применяться в наречной и послеложной функции (*edi-j(ə)-da* 'к его вещи' → 'ради'); в урартском *-eda* превратился уже в показатель направительного падежа, вытеснивший почти целиком более древний показатель *-ta > -tə*; однако и в этом языке *eda* встречается также и в качестве отдельного слова, принимающего свои падежные показатели.

Непервоначальный характер падежных показателей виден и по ряду других признаков. Так, в урартском не все показатели падежных отношений требуют согласования, т. е. повторения показателя при приложениях и прилагательных-определенных; в обоих языках в случае присоединения суффиксальных (или энклитических) притяжательных местоимений и соотносительно-определяющей энклитической частицы *-ne* (хурр. мн. ч. *-na*) показатели падежных отношений ставятся после этих элементов, а не непосредственно после основы имени⁴⁶.

⁴³ Множественное коллективное (групповое единство) может быть выражено, в особенности для неодушевленных предметов, и формой единственного числа. Однако форма множественного числа, в соответствии с отсутствием в хурритском и урартском категории грамматических классов, может быть применена не только к лицам, но и к вещам.

⁴⁴ В соотносительной частице *-ne*, мн. ч. *-na*.

⁴⁵ В архаической форме направительного падежа множественного числа *-aštə*, ср. хурр. *-asta < *-až-ta*.

⁴⁶ Показатель качественного падежа в хурритском, возможно, ставится и после предикативной связки *-n* (?).

О своеобразном явлении переноса падежных показателей в хурритском, напоминающем перенос классных показателей в эламском (гл. III, § 5, п. 6), см. ниже, п. 7.

Число падежей в хурритском и урартском различно⁴⁷, но основные падежи и их показатели совпадают.

Для выражения некоторых падежных отношений применяются двойные показатели, например, в хурритском — для относительно-инструментального (*-ta-n*), в урартском — для субессивно-аблативного (*-pej-nə*), предостоятельно-аблативного (*-kai-nə*) и, может быть, для локативно-направительного (*-a-šə < *-a-ša/i?*).

Падежные отношения могут уточняться предлогами и послелогами именного происхождения, которые в некоторых случаях и при себе имеют падежные показатели (хурритский предлог *edi-da* 'ради', урартский послелог *edi-nə* 'из-за' и др.).

Падежные показатели — одни и те же для единственного и множественного числа, но во множественном числе они претерпевают различные изменения комбинаторного характера под влиянием формантов *-a-* и *-až-*.

4. В урартском языке родительный падеж интенсивно вытесняется формой притяжательного прилагательного на *-inə*; обе формы употребляются параллельно: *erelə Arququ-i-nə*, *erelə Kamaniu-i*, *erelə Lueruniu-i* 'вождь (племени) Аркуки, вождь (племени) Каманиу, вождь (племени) Луэруни'. Выражение притяжания при помощи прилагательного вместо родительного падежа — явление, общее для древних индоевропейских и для других языков Малой Азии и Кавказа: оно известно в ликийском, лувийском и хеттском-иероглифическом, нахских, лезгинских, армянском (где окончание род. пад. мн. ч. *-ç* восходит к окончанию притяжательного прилагательного *-sk-*).

5. Склонение имени в хурритском и урартском можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

6. Очень важную роль в хурритском и урартском языках играет соотносительно-определяющая частица *-ne*. Она указывает, что имя, при котором она стоит, является определенным, — либо в качестве единичного или заранее известного, или ранее упомянутого, либо в качестве опреде-

⁴⁷ Так, в хурритском показатель отложительного падежа употребляется только вместе с показателем направительного, отсутствуют урартские локативно-направительный падеж (направление движения внутрь чего-либо; этот падеж и в урартском редок и чередуется с локативным), субессивный (нахождение под чем-нибудь), субессивно-аблативный (движение из-под чего-нибудь), предостоятельный (нахождение перед чем-либо) и предостоятельно-аблативный (движение от точки перед чем-либо); в урартском нет хурритского совместного (комитативного) падежа.

Падежные показатели

Падеж	Хурритский		Урартский	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Абсолютный	—	-aš ¹	—	-lā
Эргативный	-š ²	-(a)zūš	-šā	-a-šā
Родительный	-we	-(a)ze	-(w)ə (арх.); -i ³ < V-(j)ə	-a-wə
Дательный	-wa	-(a)za	-(j)ə ³	-a-wə
Направительный (аллативный)	-da < *-ta	-(a)sta	*-tā (вышло из употреб- ления); -(j)edā, -(i)dā ³	-aštā (редко); -a-(i)dā
Отложительно-ин- струментальный (аблативный)	-da-n < *-tā + n ⁴	(не засвид.)	-nā	-a-nā
Локативный	-a, -(j)a	(не засвид.)	-a	-ā ⁵
Локативно-направи- тельный	(нет)	(нет)	-ašā	-āšā ⁵
Качественный (на- речный, асшивный, стативный)	-a ⁵	(не засвид.)	-ā ⁵	(не засвид.)
Совместный (коми- тативный)	-ra	-(a)zura	(нет)	(нет)
Субессивный	(нет)	(нет)	-pei	(не засвид.)
Субессивно-абла- тивный	(нет)	(нет)	-pei-nā	(не засвид.)
Предстоятельный	(нет)	(нет)	-ka(i)	-a-ka(i)
Предстоятельно-аб- лативный	(нет)	(нет)	-ka(i)-nā,	(не засвид.)

Примечания. 1. Форма -aš употребляется только в том случае, если следует местоименная энклитика. В противоположном случае неопределенное множественное не отличается по форме от единственного, а определенное получает частицу -na, см. ниже, § 5, п. 6.

2. После согласных — -uš.

3. Формы зависят от тематического гласного; с ним возможны стяжения до -ē, (-ā, -ō) (род. п.), -ī, -ā, -ō (дат. п.) и т. п.

4. Подобно урартскому аблативу -nā хурр. -da-n может также иметь значение 'относительно' и 'по причине', а также характеризовать логический объект глаголов желанья и чувствования ['просить', 'требовать (чего-либо)', 'радоваться (чему-либо)', 'любить (что-либо)']; ср. также оборот *tea(e) attaiw-we-ne-da-n* 'большой отца твоего-от' = 'больше твоего отца'. Этот же (?) показатель -dan встречается при глаголе без -ne-, которое указывало бы на перенос падежного показателя (§ 5, п. 7), и без номинализации глагола (§ 8, п. 4б).

5. Со слиянием падежного показателя с предшествующим тематическим гласным.

ляемого при определении; так, в урартском: *Hal-di-nā uštābā* 'бог Халди (заранее известный) выступил'; *Rusā-nā ... alusē Tušpā-i pātara* 'Русса (царь, известное лицо)..., правитель Тушпы города'; *Hal-di-(i)nā pura-nā* 'Халдиев раб' [но *purā aštub/vā* 'в раба (качественный падеж) превратил']; *ina-nā esi-ne-nā* 'с этого места'⁴⁸.

В хурритском частица -ne- ставится и при определении, и при определяемом, или даже только при определении: *ew(e)r-ne Lullue-ne-we* 'господин (страны) Луллу'; *Mizir-re-we* (< **Miziri-ne-we*) *u/omin(i)-ne-we, allae* 'Египта страны гос-пожа'; *zu/ō-we-ne edi-if-we* 'относительно меня' (букв. 'меня, вещи моей'); *tuppi nihar-re-we* 'документ приданого'. Она может употребляться и при отдельно стоящем, но определенном по своему содержанию имени: *Muz(u)-ne* 'Близнец', 'der Zwilling' (имеется в виду богиня Хебат); ур. *Ardi-nā* 'город Муцадир', собственно 'Город', 'die Stadt' (ср. хурр. *ardi* 'город'), *Argištā-ḫi-ne-lā* 'город Аргиштихинили', собственно 'Аргиштиевы', 'die Argištischen'.

Во множественном числе в хурритском эта частица приобретает форму -na, причем -na чаще всего употребляется при отдельно стоящем слове, характеризуя его как форму множественного определенного: *tiwe-na* '(определенные) слова'; однако она употребляется и для выражения определенности в определительной конструкции: *Sawuška-we-na-(a)z-us sije-na-(a)z-us* 'воды (богини) Шавушки (сделали, эрг. пад.)'.

К сожалению, в урартском графика не позволяет без специального, чрезвычайно тщательного анализа отличать соотносительно-определятельную частицу -nā от аблатива -nā и от суффикса притяжательных прилагательных -(i)nā. Дело еще более осложнялось слабой изученностью урартского синтаксиса, и в особенности вопросов согласования. Вследствие этого частица -nā принималась за показатель именительного падежа (И. Фридрих, Г. А. Меликишвили), или предполагалось, что она преимущественно или исключительно употребляется с абсолютным падежом (И. М. Дьяконов). В настоящее время можно считать установленным, что частица -nā употреблялась в урартском со всеми падежами, и что существовало, параллельно неопределенному склонению, где падежные показатели присоединялись к основе имени, также определенное склонение, где падежные показатели, претерпевая некоторые фонетические изменения, присоеди-

⁴⁸ Однако это правило не распространяется на абсолютный падеж прилагательных, образуемых при помощи суффикса -h/ye: хурр. *Tug-ris-ḫe ew(e)r-ne* 'тугришский господин'; ур. *Rusā-nā Argištā-ḫā* 'Русса Аргиштиев (сын)', хотя и Аргишти является заранее известным лицом, подобно Руссе. Но в косвенном падеже: *Rusā-i Argištā-ḫi-ne-i* 'Русс, Аргиштиева (сына)'.

нялись к соотносительно-определяющей частице *-ne-* (см. табл. 2, графу I) и местоименно-определенное склонение, где падежные показатели присоединялись к определяющему имя притяжательному местоименному суффиксу (см. табл. 2, графу II).

Таблица 2

Урартское определенное и местоименное склонения
(в единственном числе)

Падеж	I	II	
		(1-е л.)	(3-е л.)
Абсолютный	<i>-nə</i> (мн. ч. <i>-nelə</i>)	<i>-ukə</i>	<i>-i, -jə*</i>
Эргативный	<i>-nešə</i>	?	?
Родительный	<i>-nej</i>	?	<i>-jei</i>
Дательный	<i>-najə</i>	<i>-ukəjə</i>	<i>-ijə</i> (мн. ч. <i>-jei</i>)
Аллативный	<i>-nēdə</i>	<i>-ukēdə</i>	<i>-jaidə, -jēdə*</i>
Аблативный	<i>-nenə</i>	<i>-ukanə</i>	?
Локативный	<i>-nia</i>	?	?
Локативно-направительный	<i>-našə</i>	?	?
Качественный	?	?	?
Сублативный	<i>-nepēi</i>	?	?
Сублативно-аблативный	<i>-nepēinə</i>	?	?
Прелативный	<i>-nekai</i>	?	?
Прелативно-аблативный	<i>-nekatnə</i>	?	?

* В зависимости от тематического гласного (*-i, -e*).

Что касается хурритского языка, то в нем частица *-ne* может иногда стоять и после падежного показателя.

7. Своеобразным явлением хурритского языка является перенос соотносительно-определяющих частиц и падежных показателей с определяемого на определения. Так, «божества города Хатти... женские» звучит: *en(i)-na ardi-ne-we-na Hatti-ne-we-na ... astu/ohhe-na*, где определяющая частица множественного числа *-na* переносится на все определения к слову «божества» — *en(i)-na* (при этом определения в родительном падеже сами имеют свою соотносительно-определятельную частицу *-ne*). Если определяемое стоит не в абсолютном падеже, то переносится на определения и его падежный показатель: *Mizir-re-we-ne-s ewri-s* 'Египта господин (эрг. пад.); точно также и показатель множественного числа: *en(i)-na-(a)z-us atta-nne-we-na-(a)z-us* 'боги отца (эрг. пад.)'.

Этот прием является средством подчеркнуть синтаксическую связь определяющей конструкции. Переносимый показатель, как правило, должен быть сопутствуем соотноси-

тельно-определяющей частицей, именно и выражающей наличие определяющей связи.

Все эти показатели могут переноситься также и на глагол определяющего придаточного предложения, получающего при этом специальную номинализованную форму с суффиксом *-(s)se*: *tuppi nihar(i)-re-we ar-u/oz-af-(s)se-ne-we* 'документ приданого, которое я дал'.

В урартском данное явление не наблюдается, кроме, может быть, одной застывшей культовой формулы: *hutiadə Haldi-edə ewri-edə... inaštə Biainaštə* 'обратился я к (богу) Халди, царю, к богам Бианили'. Однако здесь можно видеть и простое согласование: 'к богам бианским', или 'к богам-бианцам', рассматривая *biainaštə* как направительный падеж множественного числа от прилагательного⁴⁹ *biainə*.

8. Прилагательные в хурритском и урартском могут не иметь никаких показателей, отличаясь от существительных только синтаксически; однако гораздо чаще применяются специальные морфологические показатели для образования прилагательных. Эти средства образования прилагательных могут быть представлены в виде таблицы (см. табл. 3).

Наряду с этими формантами прилагательных широко применяются и форманты, по своему происхождению причастные и причастно-герундивные; см. ниже, § 8.

9. Числительные для урартского языка неизвестны⁵⁰. Для хурритского известны лишь следующие числительные:

1 — ?

2 — *sin*; ср. *sine* < **sin-ae* 'дважды'? *sinisella* 'то же?' *sin-a-he-l(l)a* 'второго сорта', *sinarbu* 'двухлетний'.

3 — *kig*? (сомнительно); ср. *kigarbu* 'трехлетний' (?).

4 — *tumni*; ср. *tumnarbu* 'четырёхлетний', *tumnadu* 'четырёхколесный'.

7 — *šinda, šitta*, ср. *šindarbu* 'семилетний'.

9 — *nizi*?

10 — *eman*, ср. *emandu* 'десятка', *emanduh/ylu* 'десятник'.

30 — *kizi*? (сомнительно).

10 000 — *nu/obe*, ст.-хурр. *inu/obe*.

⁴⁹ Этническое название *biainə* 'урарт' само по себе грамматически является прилагательным, поэтому 'бианский', 'урартский' тоже должно было звучать *biainə*, а не **biainina*.

⁵⁰ Кроме *atibə* '10 000' и *šišə* 'два', видимо < **šin-šə*, ср. *šiš(ə)-ti-nə* 'во второй раз (?)', букв. 'двойка (?) по имени' и *šiš-uča-nə*, по-видимому, с тем же значением (аблатив от прилагательного *na-u/ohə*?). «Единый» — ур. *š-usə*, откуда 'один', вероятно, **šə*.

Форманты прилагательных

Значение	Хурритский	Урартский
Прилагательные принадлежности, особенно этнической и географической, в урартском — также прилагательные-отчества ¹	- <i>hə</i> [- <i>γe</i>] ²	- <i>hə</i> [- <i>γə</i>]
Прилагательные, выражающие материал или качество ³	- <i>u/oḥḥe</i> , - <i>aḥḥe</i>	- <i>u/oḥə</i> < * <i>-u/oḥa</i>
Относительные прилагательные, прилагательные принадлежности ⁴	-(<i>i</i>) <i>nne</i> ⁴	-(<i>i</i>) <i>nə</i> ⁵
Прилагательные, выражающие свойство ⁶	- <i>uzzi</i> , - <i>zzi</i>	- <i>usə</i>

Примечания. 1. Хурр. *lulla-ḥe* 'луллубейский', *ḥurru/o-ḥe*, *ḥurwo-ḥe* 'хурритский', *ḥlb-ḡ* = [*ḥalba-γe*] 'алеппский', *ninwa-RI* = [*ninwa-γe?*] 'виневийский'; ур. *diau-ḥə* 'таоский', *etiu-ḥə* 'этивский', *melitea-l(ə)-ḥə* 'принадлежащий к числу жителей (города) Мелитеа', *Sardurə-ḥə* 'сардуриев (сын)', *šure-š(ə)-ḥə* 'оружейный' (*šurə* 'оружие'), *uri-š(ə)-ḥə* 'склад' (**uri-šə* 'орудие' к глаголу *ur*-'возделывать') и мн. др.

2. В основах на *-i/e* тематический гласный перед [-*γe*] переходит в *-o-*.

3. Хурр. *hijar-u/oḥḥe* 'золотой', *šinniper-u/oḥḥe* 'из слоновой кости', *tur-u/oḥḥe* 'мужского пола', *ast(i)-u/oḥḥe* 'женского пола', *rabahḥe* 'горный' (также *rab-an-(a)ḥḥe*); ур. *šuhə* 'новый', *taraḥuḥə* '(слишком?) большой'.

4. Хурр. *urb-ar-inne* 'мясник', 'резник' и др. Этот суффикс исключительно продуктивен в урартском, где прилагательные на -(*i*)*nə* могут образовываться от любого имени, вытесняя форму родительного падежа или свободно чередуясь с ней.

5. Формы *-anne*, *-inne*, быть может, зависят от тематического гласного. Так и в урартском тематические гласные *-a*, *-u* обычно поглощают *-i* в *-ina*.

6. Хурр. *astuzzi* 'женский', *ur(u)ḥ-(z)zi* 'справедливый', 'свойственный справедливости', *žen-iff-uzzi* 'свойственный моему брату'; урарт. *inuzə* 'таковой', LUGAL_n-*usə* 'свойственный царю'; AD-*sə* 'отцовский'; ср. субстантивированное *alusə* 'правитель'.

§ 6. Местоимение

1. Личные местоимения хурритского и урартского языков известны нам далеко не полностью.

В хурритском личные местоимения могут быть независимыми или зависимыми. Первая группа применяется для подчеркнутого выделения местоимения, если оно является субъектом действия или состояния, а также в косвенных падежах. Вторая группа применяется для выражения субъекта состояния, выраженного именным или глагольным предикатом, или для косвенного объекта (в урартском).

В урартском имелась, по-видимому (кроме косвенно-объектных), только первая группа личных местоимений, в то время как вторая, сохранявшаяся в хурритском лексическую самостоятельность, превратилась в урартском в чисто глагольные форманты. Их тесная связь с предикатом также и в хурритском заставляет рассматривать их в разделе «Глагол». Здесь мы будем рассматривать только независимые личные местоимения.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа образуется в обоих языках супплетивно:

	Хурритский	Урартский
Абсолютный	<i>iste</i>	<i>ješə</i>
Эргативный	* <i>iḥa-s</i>	<i>ješə</i> ⁵¹
Родительный	<i>zo-we</i>	?
Дательный	* <i>zū-wa?</i>	<i>šūki</i> ⁵²
Направительный	<i>zū-da</i>	?

Личное местоимение 2-го лица единственного числа известно только для хурритского:

Абсолютный	?
Эргативный	<i>we-s</i>
Родительный	<i>we-we</i>
Дательный	<i>we-wa</i>

Личное местоимение 3-го лица в хурритском неизвестно, по-видимому, существовала только зависимая энклитическая форма, звучавшая *-ta* или *-te*. В урартском засвидетельствовано независимое личное местоимение 3-го лица в абсолютном падеже — *ta-nə*, соответствующее хурритскому указательному местоимению *tanne* (см. ниже).

2. Притяжательные местоимения выражаются в обоих языках энклитическими приставками:

⁵¹ Из **ješ(ə)-šə*.

⁵² Из **su/o-ḡkə(jə)* по местоименному склонению (§ 5, п. 6).

	Хурритский	Урартский
	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-iww [-if] ⁵⁴	-iww-aš [-if-aš]
2-е л.	-w -v ⁵⁷	?
3-е л.	-i'ja, -ij(ə) ^{59, 60}	-ij-aš

3. Указательные местоимения различаются в обоих языках. Хурритский употребляет *andi* для указания на близкие предметы и *anni* для указания на более далекие. Кроме того, имеется местоимение *manne* || *mana*⁶¹. В урартском используются: основа *ina-* в трех возможных сочетаниях — *in-ukə* 'этот мой', 'этот близкий', *inə* (так в абсолютном падеже; ср. аблатив *ina-nə*) 'этот', *ina-nə* 'этот определенный', — и основа **ika-* (засвидетельствована форма *ik-uka-nə* 'тот определенный', 'тот самый'). От этих форм можно было образовывать адъективированные формы: *in-usə* 'такой', *ik-uka-ḥə* 'такой (же)' и т. п.

Важную роль в урартском играет указательно-относительное местоимение *alə* 'вот который', 'вот что', помещаемое перед словом, к которому оно относится: *alə UDUSISKUR meš s/zad-u-b/və* 'жертвоприношения, которые я совершил'. Это же местоимение вводит прямую речь⁶².

Неясно значение местоименной (?) основы хурр. *nuwe*.
4. Остальные местоименные основы — общие для хурритского и урартского. Это основы *akku-*, *agu-*; (*i*)*ja-* || *je-*; *u/oli-*; и *awe-*, **awa-* (хурр.), *ai-*, *ā-* (ур.).

⁵³ Судя пока только по двум не вполне надежным примерам, формы единственного числа могли обслуживать и множественное число.

⁵⁴ С поглощением тематического гласного.

⁵⁵ Перед дальнейшими энклитиками, под ударением.

⁵⁶ Без ударения. Эту форму следует, вероятно, анализировать как возникшую из **-uv-kai*; *-uv* — закономерное соответствие хурр. *-if*, если учесть довольно обычное чередование хурр. *i* || ур. *u*.

⁵⁷ Пишется *-w* или *-b* в Митанни, *-b* в Богаз-кёе; следует учитывать сомнительность существования [v] в хурритском.

⁵⁸ Единичный и сомнительный пример ANŠU.KUR.RA^{meš}-ū-ū 'твои (?) лошади'.

⁵⁹ Старохурритское *-a*. Э. А. Спайзер постулирует еще форму *-di*, засвидетельствованную только в Угарите; нам она кажется сомнительной (может быть, здесь вариант показателя направительного падежа?).

⁶⁰ Без ударения.

⁶¹ Э. А. Спайзер указывает на характерное для хурритского, но еще не объясненное чередование окончаний *-e* || *-a* в местоимениях: *ja-* || *je-*, *-ma-* || *-me-*, *-lla-* || *-lle-*, *awenna* || *awenne*, *mana* || *manne* и др.

⁶² Ср. в старохурритской надписи Тишари *halli* с тем же значением. Обычно различают *alə* — местоимение и *alə* — вводящее прямую речь, которое рассматривают как глагольную форму «сказал» (имея в виду, что имя говорящего ставится в эргативе, и прямая речь рассматривается как объект). Однако *alə* не укладывается в формы спряжения глагола. Полную аналогию представляет аккадская конструкция с вводящим прямую речь местоимением *ittā* и эламская конструкция с прямой речью как объектом глагола (гл. III, § 6, п. 2а).

Парные основы *akku-* и *agu-* применяются для противопоставления: *akku-s... agu-wa* 'один... другому'. В урартском засвидетельствовано местоимение *ak-ukə* 'тот самый'.

Местоимение (*i*)*ja-*, *je* применяется в хурритском как относительное (с присоединением далее соотносительно-определяющей частицы, зависимых личных местоимений и т. п.). В урартском местоимение *jei*⁶³ (пишется *gi-e-i*) применяется как неопределенное (с отрицанием: *ujə jei* 'никто').

u/oli- в обоих языках означает 'другой', 'не этот'.

Основа *awe-* дает целый ряд образований: неопределенное местоимение — хурр. *awe-nne/a*, ур. *ai-nei* 'кто-либо', хурр. *awe-sse*, ур. *ai-šei* 'что-либо'; относительно-местоименное наречие — хурр. *awes*, ур. *āšə* (предполагающее исходную форму **awas*) 'когда', ур. *awjə* 'там, где' (и 'куда-либо').

5. Значение возвратных и обобщающих местоимений передается в хурритском и урартском существительными, как и в других древневосточных языках (хурр. *istane* — возвратное, хурр. *ḥejaru-nna* 'каждый', 'каждые', хурр. *su(w)e*, ур. *šui* (?) 'совокупность', 'все').

§ 7. Глагол

1. Различие между хурритским и урартским глаголом сводится к пяти основным пунктам: 1) в хурритском непереходный глагол неотделим от именной (причастной) формы — он не спрягается, и местоименные показатели лица субъекта носят лексически самостоятельный характер: они могут выноситься за пределы собственно глагольной формы, в то время как в урартском показатели обоих субъектов (действия и состояния) составляют единую систему собственно глагольных формантов; 2) в хурритском повествовательная форма совершенного вида имеет специальный показатель и противопоставлен безвидовой форме «презенса», в то время как в урартском, напротив, именно повествовательная форма совершенного вида не имеет специального показателя; 3) в хурритском существует особая отрицательная спрягаемая форма глагола, в урартском не засвидетельствованная; 4) в хурритском не засвидетельствованы урартские формы результативных причастий; 5) в урартском порядок глагольных суффиксов несколько смещен по сравнению с хурритским.

Во всем остальном весьма сложная структура глагола идентична в обоих языках, если отвлечься от некоторых несущественных деталей преимущественно фонетического характера.

2. В обоих языках глагольные формы состоят из глаголь-

⁶³ Происхождение *-i* в местоимениях *jei*, *ainei*, *aišei* не объяснено.

Структура глагола

Язы- ки	Корень + суффиксальные позиции										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Хурритский	Нара- щения основы	Пока- затели вида	Пока- затель безобъ- ектности	?	Пока- затель мно- жествен- ности	Показатели переход- ности и непереходности	Пока- затели отрица- ния и под- тверж- дения	Показатель нереальных наклонений (общий)	Пока- затели накло- нений (2-я группа)	Пока- затели субъекта действия	Пока- затель множест- венности субъекта действия
	(см. § 4, п. 2)	-u/ož- -ed-	-t-	-st- -imbu-	-ido-	-i- -u/o-	-wa- -kk-	-l- (-n-, -r-)	-ewa -ae	-a/if -u/o -(j)a	-za
Урартский	Нара- щения основы	Пока- затели вида	—	?	—	Показатели переход- ности и непереходности	—	Показатель нереаль- ных на- клонений (общий)	Пока- затели накло- нений (2-я группа)	Субъектно- объектные показатели	
	(см. § 4, п. 2)	-ed- -(a)t-	—	-št-	(см. табл. 5)	-u-, -i- -o-, -a- -ia-	(-k-?)	-l-	-e(j)a- -a(i)-> -ā-	(см. табл. 5—6)	

ной основы (которая может включать наращение основы) и цепочки суффиксов по следующей модели (см. табл. 4).

(1) Структура корня и наращения основы была рассмотрена выше, § 4, п. 1—2. Нарращения основы играли, по-видимому, очень важную роль в уточнении семантики глагольного корня; как уже указывалось, ее можно, вероятно, сравнить с ролью пород в семитском глаголе, однако наличного материала недостаточно для определения значения отдельных наращений.

(2) В хурритском языке имеются три видо-временные формы: 1) вид совершенный, или повествовательная форма с показателем *-u/ož-* на 2-й позиции (Э. А. Спайзер рассматривает ее как прошедшее время и называет «перфектом», И. Фридрих характеризует ее как «претерит»); 2) безвидовая форма, или «презенс», с нулевым показателем на 3-й позиции; 3) вид несовершенный с показателем *-ed-* («будущее»).

В урартском языке также пока засвидетельствованы три видо-временные формы, но несколько иные: 1) повествовательная форма с нулевым показателем («аорист», по И. И. Мещанинову); 2) форма с показателем *-(a)t-* на 3-й позиции; она пока засвидетельствована только в одном весьма неясном эпистолярном тексте; предположительно она выражает длящееся действие и соответствует «презенсу»; 3) вид несовершенный с показателем *-ed-*⁶⁴. Урартский материал совершенно ясно показывает, что речь идет именно о виде, а не о времени.

(3) В хурритском языке на 3-й позиции может появляться показатель *-t-*, который характеризует глагол как непереходный или как не имеющий явно выраженного в предложении субъекта состояния (объекта). Однако встречаются формы непереходного глагола без показателя *-t-* на 3-й позиции.

В урартском 3-й позиции вообще нет⁶⁵, однако для большего удобства сопоставления с хурритским глаголом мы сохранили для глагола обоих языков единую нумерацию позиций. Отсутствие показателя *-t-* в урартском, очевидно, связано с более последовательным отражением переходности и непереходности на 6-й позиции.

(4) На 4-й позиции в хурритском языке могут стоять показатели *-st-*⁶⁶ и *-imbu-*⁶⁷, в урартском показатель *-št-*⁶⁸, выражающий законченность действия.

⁶⁴ Например, *bat-q-ed-u-l-i-nə* 'пусть восстановят ее'; *ašə pilə nek-ed-u-l-ə* 'когда канал станет разливаться'; *awjə... kulmə man-ed-u/o* 'где... богатство бывало'.

⁶⁵ Возможно, ур. *-(a)t-* на 2-й позиции этимологически связано с хурр. *-t-* на 3-й позиции.

⁶⁶ Элементу *-st-* в хурритском может предшествовать гласный *-a-*, *-e/i-* или *-o-*; правила употребления этих гласных неясны. В урартском гласный перед *-št-* повторяет гласный основы.

⁶⁷ Засвидетельствован в отглагольных именных образованиях.

⁶⁸ Примеры: в урартском *āšə uldə teš-u-l-ə* GUD III UDU *ḥaldi-(j)ə urb-u-l-e-nə ḥalulə ašḫ-u-l-e-nə* 'когда виноград поспевает,

(5) На 5-й позиции в хурритском может стоять показатель *-ido-*. Первоначальное его значение неясно: по-видимому, он передает множественный характер действия (повторный, или многократный, или многосубъектный), но с переходным глаголом он выражает в нереальных наклонениях множественное число субъекта действия.

В урартском 5-й позиции нет, а элемент *-ito-* включен в общую систему субъектно-объектных показателей.

(6) На 6-й позиции стоят показатели переходности (хурр. *-i-*, ст.-хурр. *-u-*, ур. *-u-* или *-i-*⁶⁹) либо непереходности (хурр. *-u/o-*⁷⁰, ур. *-a-* или *-u/o-*⁷¹). В хурритском эти показатели присутствуют только: 1) перед суффиксами на 7-й или 8-й позиции, 2) в причастиях. В урартском они присутствуют в большинстве случаев (кроме императива и некоторых форм наклонений).

Помимо показателей *-u-/-i-* для переходных глаголов и *-a-/-o-* для непереходных глаголов в урартском существует еще показатель *-ia-* для медиальных косвенно-объектных глаголов чувствования, например: *ḥaš-ia-l(ə)-mā* 'прислушались (для себя) они ко мне'⁷².

(7) На 7-й позиции в хурритском может стоять показатель *-w(a)-* или показатель *-kk-*. Первый из них превращает глагольные формы нереальных наклонений (например, пожелательного) в отрицательные. Значение второго спорно, но вероятно, что семантика этого форманта должна оправдывать помещение его на одну позицию с отрицанием. Поэтому мы

быка и трех баранов (богу) Халди пусть заколют, трапезу пусть устраивают' и ср. *aše* 'Halḏi-jə ašḥ-ašt-u-l-ə ḥalulə 'когда (богу) Халди устроят трапезу...'; [иц (?)] *Argišta-ḥi-ne-lə šid-u-b/və minā-nə pila ag-u-b/və* '[когда (?)] Аргитихинили я (по)строил, (то) от реки канал я отвел'; E.GAL *šid-išt-u-b/və* 'крепость я построил'.

⁶⁹ В целевом наклонении и в причастии *-i-*, в других случаях *-u-*.

⁷⁰ Графика наличных контекстов в повествовательной форме не позволяет различать *-o-* от *-u-*, но в контекстах нереальных наклонений засвидетельствовано *-o-*.

⁷¹ Обычно *-a-*, показатель *-o-* только в глаголе *man-* 'быть' и, по-видимому, в условно-пожелательном и, может быть, в некоторых других наклонениях. Графически во всех этих случаях показатель непереходности *-o-* нельзя отличить от показателя переходности *-u-*, но наличие именно *-o-*, а не *-u-* видно из сопоставления с хурритским.

⁷² Г. А. Меликишвили (см. глоссарий к его «Урартским клинообразным надписям») относит показатели переходности-непереходности к самой основе глагола. Однако глагольная основа урартского глагола сама по себе нейтральна в отношении категории переходности и непереходности; глагол, обычно употребляемый как непереходный, можно превратить в переходный (каузативный по отношению к первоначальному значению) путем замены показателя непереходности на показатель переходности, что видно на примерах: *naḥ-a-də* 'я вошел, пришел', *naḥ-u-b/və* 'я принес' и др. С другой стороны, гласные *-u-*, *-a* уже потому не могут быть отнесены к основе, что между ними и собственно основой (включая наращение) могут еще помещаться суффиксы на 2-й и 4-й позициях (*-ed-*, *-št-*).

склонны считать показатель *-kk-* подтвердительным. Э. А. Спайзер склоняется к пониманию его как итератива-дуратива. Он применяется, по-видимому, преимущественно с предикативно употребленными причастиями.

В урартском 7-й позиции нет, но ср. причастие цели *šip-i-k-ae*.

(8) На 8-й позиции в хурритском и в урартском может стоять показатель нереальных наклонений *-l(l)-*⁷³. Характер наклонения определяется сочетанием суффикса *-l-* или нулевого показателя на 8-й позиции с суффиксами на следующих позициях⁷⁴.

(9) На 9-й позиции в обоих языках могут стоять показатели наклонений 2-й группы: хурр. *-ewa*, ур. *-i/e(j)ə* и хурр. *-ae*, ур. *-a(i)*. О значении образуемых ими наклонений см. ниже.

(10) На 10-й позиции в хурритском следует показатель лица субъекта действия для переходных глаголов. Множественное число субъекта действия выражается показателем *-za*, занимающим 11-ю позицию.

Что касается показателя субъекта состояния при переходном глаголе, то он либо присоединяется после 11-й пози-

⁷³ В текстах из Богаз-кёя встречаются также показатели *-r-* и *-n-*, по-видимому, в том же самом значении — возможно, диалектные формы. Правда, и в Митанни встречаются формы *pis-u/o-nn-e-n* 'пусть я радуюсь' и *faḥr-u/o-nn-e-n* 'пусть будут хорошими' вместо ожидаемых форм **pis-o-ll-e-n* и **faḥr-o-ll-e-n*, но, может быть, это объясняется фонетическими причинами (близостью *-n*)? В урартском, который и в других отношениях, по-видимому, был ближе к митаннийскому, чем к другим хурритским диалектам, показатели *-r-*, *-n-* не засвидетельствованы.

⁷⁴ Э. А. Спайзер постулирует не показатели *-l-*, *-r-*, *-n-*, а показатели *-il-/-ol-*, *-ir-/-or-*, *-in-/-on-*, исходя главным образом из: а) формы *ḥaš-o-l-e-z* 'пусть будут услышаны', так как глагол *ḥaš-*, с его точки зрения, не может быть непереходным, а следовательно *-o-* перед *-l-* не есть показатель непереходности. Однако мы знаем, что и в урартском глагол *ḥaš-* 'слышать' не всегда рассматривается как переходный [*ḥaš-ia-l(ə)-me* 'прислушались ко мне' наряду с *ḥaš-u-b/və* 'слышал'], поэтому и в хурритском естественны колебания, ср. *ḥaš-*, *-i-l-i* 'пусть я услышу' и *ḥaš-až-i-wa-ll-i-lla-(a)n* 'и я пусть не стану их слушать!' (с формантом переходности *-i-* на своем нормальном месте — на 6-й позиции!). С другой стороны, в противность мнению Э. А. Спайзера, урартский материал показывает, что глагольная основа сама по себе нейтральна в отношении переходности и непереходности, поэтому показатель переходности при непереходном глаголе дает каузативное значение, а показатель непереходности при переходном — пассивное; б) формы *zal-i-kk-o-l-i/e*, где, по видимости, имеется и показатель переходности *-i-* перед *-kk-*, и показатель *-ol-*, в котором *-o-* вряд ли может быть показателем непереходности. Но здесь *-o-* надо, возможно, рассматривать как облегчительный гласный или как чисто графическое средство передачи сочетания **-kk-l-*. Так как эта форма неясна, то, быть может, это *-ol-* надо объяснять вообще не как показатель наклонения, а как что-то иное (тогда можно считать 7-ю и 8-ю позиции фактически одной позицией). К сожалению, значение этого глагола неизвестно.

ции, либо выносится вперед и присоединяется энклитически к какой-либо другой, предшествующей части речи.

В урартском на конце спрягаемой переходной глагольной формы стоят субъектно-объектные показатели, образующие единую систему. Однако урартский знает еще и косвенно-объектные суффиксальные местоимения (известны местоимения *-mā* 'меня' и *-nā* 'его'), сохраняющие подвижность: *ar-u-mā* 'дал мне'; *alu-š-mā* LUGALtuḫə... *ar-u-nā* 'тот, который (эрг. пад.) мне царство... дал'; *alu-š-nā tu(r-u)-l-ə* 'тот, кто ее разрушил бы'.

Показатели субъекта действия могут быть различными в зависимости от спряжения. Изъявительное наклонение относится к I спряжению; ко II спряжению относятся формы с показателями *-wa-* или *-kk-* на 7-й, а также с показателями *-l-* (*-r-*, *-n-*) на 8-й позициях и формы императива⁷⁵. Глагольные формы с показателями *-ewa-*, *-ae* на 9-й позиции не спрягаются по лицам субъекта действия (по крайней мере в хурритском; в урартском материал недостаточен для вывода).

В урартском существуют те же два спряжения, что и в хурритском, но некоторые формы перешли из II в I спряжение.

3. Для выражения состояния (непереходные глаголы) в хурритском используются причастные формы с присоединением энклитических личных местоименных показателей. В урартском существуют самостоятельные спрягаемые формы непереходного глагола, происхождение которых из причастных форм выявляется путем сопоставления с хурритским.

Субъект состояния непереходного глагола выражается в обоих языках следующим образом:

Хурритский		Урартский	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. ⁷⁶	<i>-tta</i> < * <i>-dda</i>	<i>-t/dilla</i>	<i>-də</i> ⁷⁷
3-е л.	1) <i>-(ноль)</i> 2) <i>-b</i> ⁸⁰	<i>-lla/e</i>	1) <i>-(ноль)</i> ⁷⁸ 2) <i>-lə</i> ⁷⁹

Эти же показатели служат в хурритском для выражения объекта действия (субъекта состояния) при переходном глаголе. Для 3-го лица единственного числа объекта действия при переходном глаголе применяется специальный энклитический

⁷⁵ Императив выражается присоединением личных формантов II спряжения при отсутствии суффиксов на 3-й—9-й позициях.

⁷⁶ Формы 2-го лица надежно не засвидетельствованы.

⁷⁷ Очевидно, *[-də]* < **-dda*.

⁷⁸ В глаголе *man-* 'быть'.

⁷⁹ *[-lə]* < *-lla*

⁸⁰ Архаичная форма, сохранившаяся только в собственных именах-предложениях.

показатель *-n*⁸¹, если он стоит непосредственно после глагольной формы, и *-ma/e*, если он вынесен вперед в предложение. В урартском, как уже указывалось, объектные показатели составляют одну общую систему.

4. Субъектные (в хурритском) и субъектно-объектные (в урартском) показатели при переходном глаголе следующие:

Таблица 5

I спряжение

Субъект действия	Хурритский	Урартский			
	без объекта ¹	без объекта	Объект		
			1-е л. ед. ч.	3-е л. ед. ч.	3-е л. мн. ч.
1-е л. ед. ч.	<i>-(a)f</i> ²	<i>-və</i> ³	—	(не употребл.) ?	<i>-v-lə</i> ⁴
2-е л. ед. ч.	<i>-u/o</i>	?	?	?	?
3-е л. ед. ч.	<i>-ja</i> ⁵ , <i>-a</i> ⁶	—	<i>-(ноль)-də</i> ⁷	<i>-(ноль)-nə</i> ⁸	<i>-a-lə</i> ⁹
1-е л. мн. ч.	<i>-(a)f-za</i>	<i>-v-šə</i> ¹⁰	—	(не употребл.) <i>-ito-nə</i>	?
3-е л. мн. ч.	<i>-(j)a-za</i>	<i>-ito</i> ¹¹	?	<i>-ito-nə</i>	<i>-ito-lə</i>

Примечания. 1. Объектные показатели см. выше, п. 3.

2. Пишется *-a-ū* в положительной форме (в Богаз-кёе, по-видимому, *-i-uw-wa* с отрицанием), т. е., вероятно, *-af* (*-if*) (и *-iffa* < *-if-wa*?). Гласный здесь, очевидно, не органический, основной показатель *-f*. Или читать *-av* (*-iv*) и *-ivva*?

3. Пишется *-be*, *-bi*, читать, вероятно, *-və*. Хурритское *-f*, как и *-n* для объекта 3-го л. ед. ч. и *-b* в непереходном глаголе, возможно, — усеченные формы, восходящие к **-fa* или **-fi*, **-ni*, **-ba*, **-bi*, по ср. прим. 17.

4. Пишется *-ū-ū-li/e*, читать *-vlə* < **-f-lla*.

5. В «презенте».

6. В других формах. В старохурритском объектная форма звучит *-(ноль)-m*.

7. Один сомнительный пример: *ulḫ-u-də* 'приказал (?) мне (?) (бог?)'. Ср. *ši-u-di-lə* 'послал нас'.

8. Пишется обычно *-ni*. Объектный характер этого *-nə* выявляется только из этимологических соображений, так как эта форма применяется и в тех случаях, когда объект уже выражен существительным, т. е. фактически как односубъектная. Ср. ст. хурр. *-(ноль)-m*.

9. Из **-a-lla*. Эта форма подтверждает, что форма на *-nə* является объектной.

10. Пишется *-ū-še*, *-ū-ū-še*.

11. Форма перешла из II спряжения. Пишется *-i-tū*.

⁸¹ Это же *-(e)n* встречается в нереальных наклонениях непереходного глагола, по-видимому, в качестве форманта 3-го лица единственного числа субъекта состояния.

II спряжение

Субъект действия	Хурритский	Урартский		
	без объекта (см. § 7, п. 3—4)	без объек- та	3-е л. ед. ч. объекта	3-е л. мн. ч. объекта
1-е л. ед. ч.	-i/e	-ə	-i/e-nə	-(i/e-)lə
2-е л. ед. ч.	-i/e	-ə	?	?
3-е л. ед. ч.	-i/e-(e)n*	-ə (в импера- тиве -i/enə)	-i/e-ni-nə	?
3-е л. мн. ч.	-id(o)...(-en)*	-(i)tinə	-(i)tini-nə	?

* Здесь -(e)n — объектный (субъектный для непереходных глаголов) показатель 3-го л. ед. числа, по крайней мере первоначально.

Из приведенной таблицы ясно видно, что урартские объектные форманты глагола -də(?)⁸², -nə, -lə восходят к хурритским полусамостоятельным объектно-местоименным энклитикам -tta, -(e)n и -lla.

5. Характерное явление для хурритского — местоименная связка -n (ед. ч.), -(l)la (мн. ч.), особенно широко применяемая в письме Тушратты из Митанни. Правила ее употребления довольно неясны⁸³. По-видимому, первичный случай ее употребления — с именным сказуемым: *adi-nin taže-n idd-u/oš-t-a*, букв. 'итак-вот подарок-(это) есть отправившийся' = 'итак, вот подарок отправился' (непереходный глагол является причастной формой!); *undu-ma-an žen(a)-iff-(e)n pass-u/ož-i* 'и-теперь-же брат-мой-есть посылающий' = 'и теперь же брат мой послал'; *undu-n Mane-n-an žen(a)-if-we pass-id-ħe* 'и-теперь-(это)-есть Мане-есть-же брата-моего посол' = 'и вот, это Мане является послом моего брата'. Затем эта связка имеет подчеркивающее-выделяющее значение: *asti-n žen(a)-if-we ar-u/ož-af* 'жену-(это)-есть брата-моего я-дал' = '(это) жену брата моего я дал', или 'это жена брата моего, которую я дал' (ср. *undu-ma-an žen(a)-if-we-n asti ar-u/ož-af* 'и-теперь-же брата-моего-(это)-есть жена, (которую) я-дал').

Эта связка не стоит непременно при слове, к которому относится; она ставится при первом существительном предложении, а также при служебном слове в начале предложения, если

⁸² И -di-lə < *-di-lla.

⁸³ Толкование Э. А. Спайзера не вполне удовлетворительно, так как он исходит, во-первых, из объяснения эргативной конструкции как пассивной, а во-вторых, из английского употребления связки *to be*.

по фонетическим причинам она может там стоять; если же соответствующее существительное лишь подразумевается в предложениях, то связка стоит при глаголе: *undu-ma-an ar-u/ož-av-un* 'и-теперь-же дал-я-ее'. Это местоимение-связка идентична показателю субъекта состояния -n (в старохурритском также -m) при переходном глаголе.

В других хурритских текстах (или в других диалектах) применение связки — нерегулярное; в урартском она вовсе не употребляется, но пережитком ее употребления является форма множественного числа абсолютного падежа на -lə, реликт применения местоименной связки множественного числа.

6. Образование различных наклонений в хурритском и урартском зависит от сочетания показателей на 7-й, 8-й, 9-й позициях и характера спряжения, отраженного на 10-й позиции (см. табл. 7).

В урартском имелись и другие наклонения, но наличный материал не позволяет еще установить их структуру и значение.

7. Отрицание в хурритском возможно выразить различными способами:

а) при помощи отрицательной частицы *uja* 'нет';

б) при помощи отрицательных и запретительных энклитических частиц -(j)ama, -wa, -ki и -lam, присоединяемых к глагольной форме;

в) при помощи показателя -wa- на 7-й позиции в цепочке суффиксов (отрицает пожелательное наклонение).

Для урартского пока засвидетельствована самостоятельная отрицательная частица *už* (граф. *ú-i*). Пожелательное наклонение отрицается самостоятельной частицей *mi* перед глагольной формой. Энклитических и суффилируемых показателей отрицания неизвестно.

§ 8. Глагольные имена

1. В хурритском имеются три причастия⁸⁴: причастие состояния с суффиксом -a, причастие действия (активное) с суффиксом -i⁸⁵ и причастие состояния как объекта действия (пассивное) с суффиксом -u (так графически; вероятно, читать -o). Установить практическую разницу между причастиями на -a и на -o (графически -u) нелегко, так как, хотя первое преимущественно образуется от непереходных, а второе — от переходных глаголов, однако имеются и видимые исключения.

⁸⁴ Примеры: хурр. *un-a* 'приходящий', *tad-ug-ar-i* 'любящий', *tad-ug-ar-i-dilla-n* 'любящие мы есть', *pass-i* 'посылающий', *tad-u/o* 'любимый'; ст.-хурр. *tašp-i* 'разрушивший'; ур. *aš-u/o* 'беглый', *kar-u/o* 'подчиненный', 'покоренный', *až-u/o* 'наступивший', *sud-ušt-u/o* неизв., *qab-q-ar-i-le-nə* 'окружающие его' (?).

⁸⁵ После показателя совершенного вида -ož- форма с -i употребляется и как причастие состояния: *pis-an-d-ož-i-tta* 'я был радовавшимся'.

Накло
(в скобках приведены показа

Наклонения	Хурритский							
	Позиции							
	5	6	7	8	9 ¹	10 ²	11	12 ³
Подтверди- тельное	?	-i- ⁴ -o-	} -kk	[-ol-] ⁵	—	-i/e-	?	-en
Запрети- тельное	(-ido-)	[-i-] ⁶ [-o-]		-wa/e	—	—	[-i/e] ⁶	—
Пожела- тельное	(-id-)	-i- -o-	—	-l-	—	-i/e-	—	-en
Условное	(-ido-)	[-i-] ⁶ [-o-]	—	—	-ewa-	—	—	-en
Должен- ствования	—	[-i-] ⁶ [-o-]	—	—	-ae-	—	(-za-)	-en
Условно- пожела- тельное	(-id-)	-i- -o-	—	-l-	-ewa-	—	—	-en
Косвенного приказанья	—	-i- -o-	—	-l-	-ae-	—	(-za-)	-en
Императив	(-id-)?	—	—	—	—	-i/e-	?	-en

Примечания: 1. Формы с суффиксом на этой позиции не спрягаются по лицам.

2. Приводим форму 3-го лица, ср. табл. 6.

3. Условно обозначаем как суффикс на 12-й позиции показатель субъекта состояния (объекта), имеющий тенденцию превратиться в чисто субъектный. Приводим форму 3-го лица.

4. Формант -i- выражает переходность, -o- (пишется по большей части -u-) — непереходность.

5. Один сомнительный случай, может быть, указывающий на то, что подтвердительный (?) показатель -kk- может сочетаться с разными другими наклонениями.

Эти же форманты употребляются и для образований от основ, не засвидетельствованных как глагольные, однако с тем же значением субъекта либо объекта действия, например: *ew(i)r-i* 'господин', 'владелец', 'царь', *ew(a)r-u/o* 'владение (рода)'.

В урартском засвидетельствованы пока только причастие действия на -i и причастие состояния на -u (читать -o?).

Упомянутые форманты -a, -u/o и -i являются фактически не показателями причастий, а показателями переходности—

нения
тели множественного числа)

Наклонения	Урартский							
	Позиции							
	5	6	7	8	9	10	11	12
	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—
Пожела- тельное	—	-u- ⁷ -o-	—	-l-	—	-i/e-	—	-nə
Намерения	—	?	—	—	-eja- ⁹	—	—	-nə
Должен- ствования	—	[-u-] ^{6,7} [-o-]	—	—	-a(i) ¹⁰	—	—	-nə
Условно- пожела- тельное (допущения)	—	-u- ⁷ -o-	—	-l-	-eja ⁹	—	—	-nə ¹¹
Цели	—	-i- ⁴ *o-	—	-l-	-a(i)-	—	(-(i)tə)	-nə
Императив	-it-	—	—	—	—	-i/e-	—	-nə

6. Формант фактически не выражен по фонетическим причинам.

7. Формант -u- выражает переходность, -o- — непереходность (форма с -o- реконструирована, графически не отличается от формы с -u-).

8. Форманты переходности и непереходности, по всей вероятности, не выражены по фонетическим причинам.

9. Безобъектная (неударная) форма -eja (пишется *Si-e*, *Si-i-e*), ударная -eja (пишется *-i-ja-*, *Si-a-*).

10. Спрягается по I спряжению.

11. Фактически зарегистрирован только объект 3-го л. мн. ч. -lə.

непереходности; поэтому можно сказать, что причастие в хурритском и урартском равно основе плюс показатель переходности или непереходности. Однако последний стоит в причастии не на своем обычном месте (на 6-й позиции) или не только на ней, а в конце всей формы (кроме отсутствующих здесь личных формантов субъекта действия), на 10-й позиции.

В хурритском причастии могут содержаться суффиксы всех позиций от 1-й до 7-й: *un-o-kk-a-lla* 'они про(ис)ходят', *in-ed-t-a* 'он придет', *pass-u/ož-i* 'посылавший'.

Причастные формы широко применяются в хурритском в роли предиката — в частности непереходные предикаты, как правило, формально являются причастиями на *-a* (после *-kk-* на 7-й позиции и в глаголе *man-* 'быть' встречаются формы на *-o*, если далее не следует дальнейших суффиксов).

В собственных именах, которые, как и в других языках Передней Азии, если не считать уменьшительных (обычно на *-ia*), всегда являются полными предложениями, хурритские причастия получают еще дополнительный показатель *-b*, вероятно архаический для живого языка, например: *Ag-i-b-Tessob* 'приводящий — (бог) Тешуб', *Un-a-b-Tessob* 'пришедший — (бог) Тешуб'.

Постоянное употребление форм на *-a-* с показателями субъекта состояния непереходного глагола, очевидно, и привело к вытеснению показателя непереходности *-o-* в повествовательных формах урартского глагола показателем *-a-*. Формы с *-a* закрепились здесь за окончательно сложившейся спрягаемой формой непереходного глагола, форма же на *-o-* (графически *-u*) — за собственно причастием состояния, а из спрягаемых глаголов — только за глаголом *man-* 'быть', в то время как в хурритском всякая спрягаемая форма непереходного глагола еще в сущности есть предикативное причастие⁸⁶.

Хурритскому причастному окончанию *-b* соответствует *-bā* в 3-м лице урартского непереходного глагола, что также указывает на возникновение спрягаемых форм непереходного глагола из именного предиката.

2. Оба языка имеют форму причастия цели на *-ae*, *-a(i)*. Она может употребляться в значении «сделанный чем-либо», в наречном значении, а также предикативно⁸⁷. От формы на *-ae* образуется целый ряд прилагательных, уже утративших всякую связь с глагольным значением, если они ее когда-либо имели⁸⁸.

3. По-видимому, только в урартском встречаются особые результативные причастия на *-urā* (от непереходных глаголов — читать *-ora?*), *-a(j)urā* (от переходных): *u-št-urā* 'приходивший', *man-urā* 'бывший', *ag/j-a-urā* 'проведенный', *šid-a-jurā* 'построенный' и т. д. — часто с глагольной связкой *manu/o*. Ср., быть может, в хурритском такие формы, как *amumihhuri* 'представитель(?)', *penihurum* (аккадизованная форма из **penihhuri*) 'землемер'.

⁸⁶ В урартском причастие, употребленное в предикативном смысле, обычно сопровождается глагольной связкой *man-u/o* 'есть', 'был'.

⁸⁷ Примеры: хурр. *tupp-ubad-a(e)-lla* 'действительно принявшим (?) их (был)'; наиболее часто наречное значение: *te-u/ol-ae* 'очень', *nir-ae* 'легко (?)'; ур. *ter-a(j)e* 'поставленный', *tu-a(j)e* 'очищенный', *ar-(e)d-ae* 'приносимое в дар' → 'дань', *did-aje* 'разделенное (?)' → 'доля (?)'.

⁸⁸ Хурр. *teae* 'большой', 'многочисленный', *kir-ae* 'долгий' (также в значении 'много', 'долго'); ур. *teae* 'большой' и др.

4. Важную, но несколько различную роль играет номинализующе-абстрагирующий формант *-(s)se/i* (хурр.), *-šā* (ур.).

В хурритском *-sse/i* применяется: а) с именными основами для образования имен абстрактных: *ewri||erwi* 'господин', 'глава рода', *erwi-sse* 'обязанности главы рода'; *zarra* 'царь', *zarra-sse* 'царская власть'; **tamgar* 'торговец', *tamgar-si* 'торговля'; *zalam-si* 'изображение'; б) со спрягаемыми глагольными формами в придаточных предложениях, номинализуя их; к такой номинализованной форме могут затем присоединяться падежные форманты, играющие роль подчинительных союзов: *ija-lle-nin zen-iff-us dube-na-man šuwa-lla-man keb-an-u/ož-a-sse-na* 'которые-их-воистину брат-мой-(эрг. пад.), (эти) таблички-же, все-их-же, которые-он-послал...' = 'эти таблички, которые мой брат воистину послал...' (*-man* здесь союз, который не имеет существенного значения для перевода; соотносительно-определятельная частица множественного числа *-na* повторяется после номинализованной формы глагола придаточного предложения; глагол является здесь определением, как бы стоящим в родительном падеже и выражает определительное придаточное предложение). Ср. еще: *ur-af-za-sse-na* 'которые мы желаем'; *tuppe niḥar-re-we* (< **niḥari-ne-we*) *ar-u/ož-af-sse-ne-we* 'документ приданого, которое я дал' (с переносом показателя родительного падежа на форму определительного придаточного предложения к нему); *zen-if-fa-lla-an keb-an-u/ož-af-sse-na* 'и (*-an*) те (*-lla*), которые я послал моему брату (*zen-if-fa* < **zen-if-wa*)'; в) для образования деэпричастий и наречий: *asti-n zen-if-fe ar-ož-af, zen-if-fe-ne-n tiža-(n)n-a šir-a-sse* 'жену-ее брата моего я дал, для желанья (букв. 'для сердца' или, точнее — 'в смысле сердца' — падеж состояния) моего брата-есть приятно' (о форманте *-n* в словах *asti-n*, *zen-if-we-ne-n* и *tiža-(n)n-a* см. выше, в § 7, п. 5). Слово *šir-a-sse*, собственно, деэпричастие, так как образовано от непереходного глагола *šir-* 'быть приятным'.

В урартском придаточные предложения вводятся специальными подчинительными союзами, поэтому *-šā* (очень продуктивный формант) встречается только в первом и третьем употреблении⁸⁹: *ušm-a-šā* 'могущество', *piš-u-šā* 'радость', *wert-u-šā* 'добровольно (?)', *bid-uj-a(r-u)-šā* 'на обратном пути'.

5. Близок по значению формант *-umme*, *-um* (хурр.), образующий имена действия или состояния (масдары) или инфинитивы: *fahr-umme* 'доброта', 'дружба', *tad-ug-ar-umme* 'любовь', *itt-ummi* 'выход', 'отправка', *taž-ummi* 'дарение' (от именной основы *taže* 'дар'!). В урартском эта форма пока засвидетельствована единичным и сомнительным примером⁹⁰.

⁸⁹ Всегда после гласного *-u/o-* или *-a-*, происхождение которого здесь неясно.

⁹⁰ Аллатив определенного склонения *sud-umme-nēda*.

Более распространена в урартском форма супина (инфинитива цели), образуемая при помощи форманта *-edə*⁹¹ (может быть, показателя направительного падежа?): *ar-edə* 'чтобы давать', *ḥa-idə* 'чтобы взять'. Неясно, можно ли связать с этой формой также и форму на *-di*, встречающуюся, возможно, и в урартском⁹², но более распространенную в хурритском: *ar-di* 'дар', *kel-di* 'благополучие' и т. п.

6. Хурритский образует еще имена профессий на *-uyl/i*: *zil-i-k(k)-uylu* 'свидетель'⁹³.

§ 9. Служебные слова

1. Для хурритского чрезвычайно характерно наличие служебных слов; они значительно менее употребительны в урартском. Служебные слова можно разделить на две категории: самостоятельные и энклитические⁹⁴ («ассоциативы», по Э. А. Спайзеру; только в хурритском).

2. К самостоятельным служебным словам относятся наречия⁹⁵ именного и глагольного (деепричастия) происхождения, а также союзы, не имеющие явной именной или глагольной этимологии: хурр. *šukku/o* 'затем' [ср. *šukkanne* 'далекий (?)'], *kiru/o* 'вновь' (ср. *kur-* 'возвращать'), *tissan* 'очень'; *inu/o* 'так как' (ср. урартскую местоименную основу *ina-?*), *undu* 'итак', 'теперь', *au* 'вот', *adi* 'итак', 'вот как', 'таким образом', *padi* 'даже (?)', *ai* 'разве', 'если', *inna* 'вот (?)' (ср. урартскую местоименную основу *ina-?*), *šuga* 'вместе с', *apat* 'то', 'таким образом' и др.; ср. также хурр. *ija* (§ 7, п. 7). Большинство этих служебных слов ставится в начале предложения.

К самостоятельным служебным словам относятся также немногочисленные предлоги и послелоги; в качестве таковых функционируют хурр. *edi*⁹⁶ 'ради', 'относительно', *ai* 'перед' и, возможно, *padi* с присоединенными показателями падежа.

⁹¹ *-idə* после основ на *a-*.

⁹² Все случаи сомнительны.

⁹³ Часто от заимствованных из аккадского слов: *ḥalzuylu* 'комендант крепости', от акк. *ḥalšu* 'крепость'; *maṣaruylu* 'стражник', от акк. *maṣṣaru* 'стража' (?), *manzadiuylu* 'прислужник'?, может быть, от акк. *manzazu* 'служащий' (?).

⁹⁴ Обозначение несамостоятельных служебных слов как энклитик — условное: Э. А. Спайзер справедливо указывает, что скопление ряда таких несамостоятельных элементов при одном слове делает маловероятным, чтобы они все были безударными, что характерно для энклитик.

⁹⁵ Для образования наречий см. также § 8, пп. 2 и 4.

⁹⁶ В хурритском еще ясно прослеживается именная значение *edi* ('вещь', 'дело', 'затем', 'затем уже 'нечто'); однако это имя грамматикализуется, и *zo-we-ne edi-ff-(w)e* (род. пад.) означает уже не 'моей вещи', а 'относительно меня' или 'ради меня'; *edā-(l)la-* (статив. пад.) — не

Об урартских наречиях см. выше, § 8, п. 4.

Урартский язык беден союзами. Известны сочинительные союзы — *e'i* 'а также' и, возможно, *mi* 'и ни' (?) и подчинительные союзы *ale/lu-* '(тот, который)' (склоняемое слово), *iu* (менее вероятно *ju*?) 'если', 'когда', *āšə* 'когда' (в относительном смысле: 'когда . . . , то . . .'). Число предлогов и послелогов также ограничено: известны предлоги *parə* 'до', *ka(i)* 'перед' и послелоги *edi-nə* 'из-за', 'ради', *edi-a* 'в направлении', *bə'di-nə* (ср. хурр. *padi*?) 'со стороны'. Энклитические послелоги *-edə*, *-ka(i)*, *-pe(i)*, *-ka(i)-nə* *-pe(i)-nə* мы рассматривали выше в связи с системой надежных показателей, § 5, п. 5. С точки зрения полного слияния со словом, к которому они относятся, их следует рассматривать как падежные показатели, но они не всегда подчиняются закону согласования с приложениями и прилагательными, и в этом смысле сходны с послелогами.

3. «Ассоциативы» (энклитические союзы) характерны только для хурритского, где они имеют чрезвычайно широкое применение⁹⁷.

Наиболее часто встречается энклитический союз *-an*, соединяющий два имени: *Kelija-n Mane-nn-an* '(Это) есть Келия и (это) есть Мане'; два глагола: *ḥa-šu-u-ša-ū-ū-n* (пишется *ḥa-šu-u-ša-ū-ū-n*) *pis-an-d-ož-(i)tta-an* 'я услышал это и порадовался'; или два предложения (в последнем случае — в значении «и затем», «и таким образом», «и вследствие этого»). Союз *-ma*, *-m* имеет примерно то же значение, что и *-an* (и, кроме того, противительное «но»), однако *-an* чаще употребляется в Митанни, а *-ma* — в Богаз-кёе и Мари.

Оба союза могли объединяться в форму *-man*⁹⁸ с противительным или пояснительным значением — 'но', 'же', 'то есть'.

Наряду с написаниями *-an*, *-man*, *-ma-an* встречаются и написания *-a-an*, *-a-a-an*, *ma-a-an*, которые Э. А. Спайзер рассматривает как несущие ударение. Имеют ли они другое значение, чем неударные формы, — неясно.

4. Служебную роль играют также энклитики подчеркивающе-выделительного характера, очень широко распростра-

'в качестве вещи они это есть', а 'ради чего это они'; ср. *edi-dan* 'ради', 'из-за', 'по причине' и т. д. В урартском самостоятельное употребление *edi* сохранилось в наречии и послелоге *edi-nə* 'оттуда', 'прочь', 'от' и в послелоге *edi-a* 'к', 'на', употребляемом в архаических оборотах с древней формой родительного падежа *-wə*.

⁹⁷ Характерно плеонастическое употребление союзов и т. п. в аккадских текстах, писанных хурритами (письма из Митанни, документы из Аррапхи и Нузы). Широкое применение «ассоциативов» — явление, свойственное малоазийскому языковому союзу, в частности всем индоевропейским анатолийским языкам.

⁹⁸ Однако в некоторых случаях *-man* надо рассматривать как *-ma-n* (с местоимением-связкой).

ненные в хурритском. Сюда относятся: *-mtata(n)* 'именно (этот, а не другой)', *-nin* 'именно, действительно (?)', *-(a)nni*, примерно с тем же значением. Эти энклитики (а также союзные энклитики *-ma*, *-man*) нередко присоединяются и к самостоятельным служебным словам: *ai-ma-nin* 'если же действительно', *undu-man* 'теперь же', 'итак' и т. п. К частям того же характера Э. А. Спайзер относит *-andi* и *-z*, применяемые преимущественно с нереальными наклонениями — по-видимому, с целью подтвердить неизбежность совершения желаемого или предполагаемого (?).

См. также об энклитиках отрицания выше, § 7, п. 7.

§ 10. Основные сведения о синтаксисе

1. Точно так же как в отношении шумерского и эламского, относительно хурритского и урартского можно сказать, что их морфологию трудно изучать без вопросов синтаксиса. Поэтому многие вопросы синтаксиса затрагивались нами выше, и теперь нам нужно только вкратце остановиться на общей структуре предложения.

2. Хурритское предложение (кроме случаев экспрессивной инверсии) открывается субъектом состояния, перед которым может стоять лишь самостоятельное служебное слово — самостоятельный союз или наречие, а также определение к субъекту состояния. Субъект действия обычно помещается после субъекта состояния; предложение завершается предикатом.

Определение, как правило, предшествует определяемому.

3. Характерной чертой хурритского предложения является обильное употребление энклитических союзов, которыми вводятся почти все главные и придаточные предложения; как уже указывалось, эти союзы присоединяются либо к начальному самостоятельному служебному слову, либо к существительному (обычно — к субъекту состояния). В ряде случаев при переводе на русский язык эти энклитические союзы можно опускать.

При бессоюзном сочинении двух глаголов или глагольных имен первое из них переводится как обстоятельственное слово ко второму: *tiwe-na... zen(a)-iff-us kad-u/ož-a-sse-na ur-i-ja-sše-na* 'вещи, ... брат мой (которые) упомянул, (которые) желает' = 'вещи, ... которые мой брат, (выше) упомянув, желает'. Близка по значению конструкция спрягаемой глагольной формы со следующим затем причастием с энклитическим союзом: *ħaz-ož-af-(u)n pis-an-d-u/ož-i-tt(a)-an* 'я услышал это, радующийся-я-и' = 'я услышал это, радуясь'; *anz-an(n)-u/oħ-u/ož-af kull-i-mān* 'я просил, говорящий-и' = 'я просил, говоря'. Если из двух спрягаемых глагольных форм только вторая имеет

при себе энклитический союз *-an*, то вторая форма выражает следствие действия первого глагола: *hijaruħħa-tta-n te-u/on-ae zen(a)-iff-us keb-an-u/o-en wur-d-i/e-n-itt(a)-an* 'золото-мне-есть много, брат-мой посылаешь-его, осведомлен-пусть(?)-буду-я-и' = 'золота много брат мой (пусть) посылает, и пусть я буду осведомлен (чтобы я был осведомлен)'. Если оба глагола соединены энклитическими союзами, то это выражает логическую последовательность или причинную связь событий: *mann-u/o-kk-a-ll(a)-an andi un-u/o-kk-a-l(la)-an* 'будут-они-и эти придут-они-и' = 'будет так, что они совершатся'; *mann-i-nin tiwe andi un-a-nin* 'сущая-воистину вещь эта приходящая-воистину' = 'и воистину будет так, что эта вещь совершится'.

4. Следует отметить особые случаи, когда логический объект выражается родительным падежом: так, логический объект (непереходного!) глагола *pis-* 'радоваться' ставится в родительном падеже.

5. Имена-предлоги (или послелог) *ai-* и *edi-* требуют родительного падежа⁹⁹, а те же имена-предлоги в сочетании с показателями дательного, направительного или отложительного падежей требуют дательного падежа управляемого имени: *zen(a)-if-we-ne aie* 'перед моим братом'; *en(e)-if-wa ai-da* 'перед моего бога'; *attai-ffa* (< **attai-w-wa*) *edi-(j)-da* 'в отношении твоего отца'; *tiwe-wa-n edi-(j)-da-n* 'из-за слова (твоего)'.

6. Весьма любопытным материалом для изучения хурритского синтаксиса являются тексты, писанные хурритами по-аккадски, но с калькированием хурритских синтаксических конструкций. Таковы в особенности юридические документы из Аррапхи и Нузы. Так, например, писец хочет сказать: «Пока Зиблигиаше жива, сыновья Зиге должны почитать ее», а пишет: *adu Zilibkiaše baltu u mārē ša Zige ipallahšunuti*, т. е. 'пока Зиблигиаше жив (!) и сыновья Зиге будет почитать их (!)'.

Здесь обращает на себя внимание, во-первых, путаница между мужским и женским родом, что объясняется отсутствием родов в хурритском («жив» вместо «жива»); во-вторых, излишний с точки зрения аккадского языка союз *u*, передающий хурритский союз *-an* или *-man*; в-третьих, путаница в субъектных и объектных показателях: «(она) будет почитать их» вместо «(они) будут почитать ее». Действительно, для хурритского характерно, что показатель субъекта действия стоит в конце глагольной формы, а субъект состояния может быть вынесен

⁹⁹ При этом соотносительно-определятельная частица *-ne* ставится после показателя родительного падежа, и переноса показателей не происходит (впрочем, примеры единичны).

В начало; в аккадском же, напротив, субъект выражается префиксом глагола, а прямой объект — энклитическим суффиксальным местоимением. Для аккадского языка субъект, отражаемый префиксом глагола, и объект, выражаемый суффиксальным местоимением, — явления разнопорядковые, но для хурритского языка оба субъекта — субъект действия и субъект состояния (=прямому объекту) — равноправны и равноценны, что и способствует характерной ошибке хуррито-аккадских писцов. Это еще раз показывает эргативный характер конструкции хурритского предложения¹⁰⁰.

7. Значительно более простому синтаксису урартского языка исследователи уделяли мало внимания, и он изучен гораздо хуже.

Синтаксис урартского предложения несколько отличается от хурритского. Прежде всего в урартском совсем нет столь важных для хурритского и придающих хурритской речи столь своеобразную окраску энклитических союзов. Но и самостоятельных союзов в урартском очень мало — сочинение в нем обычно бессоюзное; подчиненные предложения вводятся союзами *iu*, *āša*, *alə* (последнее слово может принимать различные падежи сообразно характеру придаточного предложения); глагол придаточного предложения специфически никак не оформляется. Насколько можно судить по короткой старохурритской надписи Тишари, это явление — архаическое, поскольку и здесь мы встречаем аналогичное положение вещей.

При переходном глаголе в урартском субъект действия стоит обычно перед субъектом состояния. Определение, как и в хурритском, чаще всего — за исключением случаев интонационной инверсии и т. п. — стоит перед определяемым.

Вопросы согласования совершенно еще не исследованы.

8. Г. А. Меликишвили указал на то, что в надписях Мехер-Капусы и в Келяшинской билингве (найденной на территории древнего Муцацира) встречаются переходные глаголы в 3-м лице множественного числа субъекта действия, совпадаю-

¹⁰⁰ Напротив, Э. А. Спайзер (*Introduction to Hurrian*, § 246) видит в этом доказательство наличия пассивной конструкции в хурритском. Он приводит в доказательство и другие факты, которые, однако, вовсе не характерны для пассива в языках номинативного строя; большинство из них совпадает с характерными признаками эргативной конструкции, приведенными нами выше, на стр. 29 сл. В частности, если бы конструкция предложения в хурритском была пассивной, то естественно было бы, чтобы хурритоязычные писцы передавали ее по-аккадски породой N или стативом (см. гл. VI, § 4, п. 7; § 6, п. 1 и 4ж), вполне адекватно передающими содержание пассивного залога, но смешения объекта с субъектом не могло бы иметь места. Напротив, если рассматривать хурритский глагол как эргативный, или субъектно-объектный, иначе говоря, имеющий два равноправных субъекта: действия и состояния, то смешение субъекта с объектом в аккадских глагольных формах становится вполне понятным.

щие по форме с 3-м лицом единственного числа, вместо ожидаемых форм с суффиксом множественности *-itu/o*. Он полагает, что это — особенность муцацирского диалекта урартского языка. Можно в этой связи отметить, что суффикс *-itu/o* относится, собственно, ко II спряжению, и в I спряжение попал вторично и, вероятно, сравнительно поздно (см. выше, § 7, табл. 5 и 6). Поэтому предположение о том, что это явление было свойственно не всем урартским диалектам, вполне правдоподобно.

9. Обилие союзов и энклитик в хурритском языке (§ 9) и явление переноса падежных показателей (§ 5, п. 7) делают общий облик хурритского предложения совершенно не похожим на облик урартского; вероятно, это должно было в значительной мере приводить к утере взаимопонимания между носителями обоих языков, несмотря на большую их близость как в области лексики, так и морфологии.

§ 11. Генеалогические связи хурритского и урартского языков

С самого начала изучения урартского, а затем и хурритского языка высказывались предположения о родстве этих языков с кавказскими. Однако эти предположения не были подкреплены достаточно основательным анализом. Так, Ф. Борк еще в 1909 г. со всей решительностью высказался за отнесение хурритского (тогда именовавшегося митаннийским) к числу кавказских, и при том как звена, соединяющего картвельскую группу с северокавказской (к которой он относил как абхазо-адыгские, так и нахские и дагестанские, не расчленивая их). Он пытался установить факты материального родства между хурритским и кавказскими в области лексики и морфологии. Однако эти попытки были преждевременными, так как, с одной стороны, Ф. Борк был еще очень далек от правильного толкования самой хурритской лексики и морфологии, а с другой — привлекал сравнительный материал кавказских языков без всякой дифференциации и без достаточного понимания многих грамматических явлений этих языков. В дальнейшем подобные попытки были оставлены.

В отношении урартского языка положение о родстве его с кавказскими, выдвигавшееся еще с середины XIX в., долгое время имело совершенно априорный характер. В 1921 г. Н. Я. Марр, издавая свой перевод урартских анналов Сардури II, пытался дать толкование этому тексту на основании этимологических сближений с кавказскими языками, преимущественно с грузинским. Но сближения, предлагавшиеся им, носили произвольный характер; в сущности, в его подходе содержалась логическая ошибка, так как для установления этимологических связей необходимо прежде бесспорно уста-

новить самые факты изучаемого языка и убедиться в том, что его взаимоотношения со сравниваемыми языками составляют систему; в противном случае вместо выявления закономерностей выхватываются отдельные случаи внешнего сходства то с одним, то с другим языком, без всякой гарантии того, что это сходство органично. К тому же Н. Я. Марр нередко игнорировал бесспорно установленные факты в области чтения отдельных клинописных знаков и их групп. Тем не менее мысль Н. Я. Марра о необходимости при изучении урартского языка исходить из характерной для кавказских языков конструкции была правильной. Этот же подход позволил вскоре М. Церетели (при консультации А. Гётце) на материале того же текста определить эргативный характер урартской конструкции предложения и вследствие этого значительно продвинуть понимание урартского языка. В дальнейшем изучение урартского (в работах И. Фридриха; А. Гётце, в более поздних работах И. И. Мещанинова) пошло по линии комбинаторного выявления внутренних закономерностей самого урартского языка на материале собственно урартских текстов. Этот метод оказался наиболее плодотворным. При этом для объяснения отдельных особенностей урартской грамматики привлекались и структурные аналогии из кавказских языков, опять-таки прежде всего из грузинского (в работах Г. А. Меликишвили и особенно Г. В. Церетели).

Однако хотя структурная близость урартского языка к кавказским была установлена вне всякого сомнения, но фактов материального родства между урартским и кавказскими языками (в первую голову с наиболее часто привлекавшимся для сравнения грузинским) установлено не было. Отдельные случаи словарного заимствования в счет, разумеется, не идут. Поэтому постулированная тбилисской школой кавказоведов генеалогическая схема, в которую включались также хурритский и урартский языки, носила чисто априорный характер. Согласно этой схеме, кавказские (или, по терминологии этой школы, иберийско-кавказские) языки генеалогически входят в более обширную языковую общность — «хеттско-иберийскую», включающую, наряду с кавказскими, также шумерский, эламский, хурритский, урартский, протохеттский и другие древние языки, а из современных — возможно, эргативный баскский язык в Пиренеях. За пределами тбилисской школы схема эта не нашла признания, тем более что в число «хеттско-иберийских» иногда включались заведомо индоевропейские языки Малой Азии — малоизученные до тех пор лидийский, ликийский, лувийский и др. и даже хорошо изученный хеттский-клинописный («неситский»).

В развернувшейся в 1954—1955 гг. дискуссии Е. А. Бокарев, И. М. Дунаевская, И. М. Дьяконов и С. С. Какабадзе

выступили против хетто-иберийской гипотезы. Мною, в частности, высказывалось мнение: 1) что хотя непосредственная принадлежность отдельных древневосточных языков к числу кавказских принципиально и возможна, однако до сих пор не приведено никаких убедительных фактов материального родства этих языков с кавказскими и 2) что предположение о вхождении всех несемитских языков древней Передней Азии в некое высшее по сравнению с кавказским «хеттско-иберийское» языковое единство, включающее эти древневосточные языки наряду с кавказскими, необходимо доказать и что шумерский, эламский, хурритский и протохеттский родственны между собой, однако это не только не доказано, но и ничем не аргументировано.

В том же 1954 году польский кавказовед Я. Браун вместе с Г. А. Климовым сделал доклад, в котором привел факты, которые могли свидетельствовать о родстве урартского языка с группой нахских языков¹⁰¹. В начавшихся исследованиях сопоставления все еще не выходили за пределы гипотетического, однако работа в этом направлении представляется плодотворной. Ее продолжил, с привлечением хурритского, автор настоящей книги. Результаты кажутся обнадеживающими, хотя еще неокончательно доказательны. Наряду с расхождениями в ряде важных моментов удалось найти несколько десятков лексических и морфологических соответствий, нередко четко закономерных, главным образом между хуррито-урартским и нахскими (чечено-ингушским, бацбийским) или лезгинскими (лезгинским, агульским, рутульским, цахурским) и, что особенно ценно, общенахско-дагестанским. Фонологический строй последнего в реконструкции Е. А. Бокарева оказался разительно сходным с независимо реконструированным нами для общехуррито-урартского. С другими кавказскими связь не нащупывается.

В совершенно другом направлении работает Г. Б. Джаукян. Он рассматривает урартский как находящийся в боковом родстве с праиндоевропейским и стремится соответственно этимологизировать урартский корнеслов. Но, как кажется, Г. Б. Джаукян недооценивает степени близости между урартским и хурритским, а его данные об урартском словообразовании часто неточны.

Если родство хурритского и урартского с нахско-дагестанскими подтвердится, то это поставит урартоведов и кавказоведов перед существенными теоретическими выводами, имеющими значение как для кавказского языкознания, так и для истории Закавказья и Передней Азии.

¹⁰¹ Эти наблюдения были развиты Ю. Д. Дешериевым; к сожалению, он пользовался не всегда достоверными данными для урартского.

ХАТТСКИЙ (ПРОТОХЕТТСКИЙ) ЯЗЫК

1. Хаттским, или протохеттским, языком (ср. хетт.-несит. *hattili* «по-хаттски») называется язык коренного населения города и области Хатти (хетт.-несит. *Hattusas udne* 'хеттов страна') вокруг нынешнего городища Богаз-кёй, восточнее Анкары, в Малой Азии. Тем же термином LU URU *Hatti* 'люди города Хатти' называло себя население Хеттского царства XVIII—XIII вв. до н. э., в особенности граждане столицы — города Хатти-Хаттусас. Однако основным языком Хеттской державы был не хаттский, а иной, и притом индоевропейский, язык, который местные жители называли неситским по имени другого старого культурного центра страны — Несы (ср. хетт.-несит. *nasili*, *nesumnili* 'по-неситски'). В науке он обычно называется «хеттский-клинописный», или «хеттский-неситский»¹.

2. Вообще в науке господствует большая терминологическая путаница в отношении терминов «хеттский», «хаттский» и т. п. Объясняется она следующим.

Еще в XIX в. было обнаружено, что в древнеегипетских источниках времени Нового Царства (XVI—XII вв. до н. э.) в качестве главного врага и соперника Египта в Азии (т. е. в Палестине и Сирии) называется царство *ht'* (условное чтение «Хета»), которое тогда же было сопоставлено с названием одного из народов Палестины: др.-евр. *hitti* < **hatti* в Библии, что в различных европейских переводах передается как Хетаїοι (греч.), *Hittites* (англ.), *Hethiter* (нем.), хетяе, хетяене (русск.). В XIX в. этот же термин был обнаружен и в ассирийских надписях в форме *māt Hatti* 'страна Хатти'; так называли ассирийцы все области к западу от излучины Евфрата, включая сюда Малую Азию, Сирию и Палестину. Естественно, что Хеттское царство и народ хеттов искали в Сирии. Поэтому, когда в конце XIX в.

в Сирии и юго-восточной Малой Азии стали находить надписи особым иероглифическим письмом, резко отличным и от вавилоно-ассирийской клинописи, и от египетской иероглифики, его приписали народу великой державы, соперничавшей в Сирии с Египтом, — *ht'*, или, как его теперь стали чаще всего называть, хеттам.

Между тем в начале XX в. было раскопано в Малой Азии городище Богаз-кёй, причем выяснилось, что в древности (XVII—XIII вв. до н. э.) этот город и был столицей Хеттской державы, соперничавшей с Египтом, и назывался *Hatti*, или *Hattusas*. Вполне понятно поэтому, что теперь стали называть «хеттским» неизвестный язык, на котором было написано большинство документов богазкёйского клинописного архива. Этот язык был впервые интерпретирован в 1915 г. Б. Грозным, который установил и его индоевропейский характер. Это открытие произвело сенсацию в науке, и за короткое время появилась огромная литература по новому языку и проблеме его места в индоевропейской семье. Поэтому, когда в 1919—1920 гг. Э. Форрером и независимо от него Б. Грозным было обнаружено, что хотя население царства *Hatti* — Хеттской державы — действительно считало себя хеттами, но языком *hatti*-они называли не свой язык, а более древний язык местного населения той же территории, то оказалось уже невозможным переменить укоренившееся название для только что открытого индоевропейского языка. Поэтому Э. Форрер предложил называть древний язык «собственно хеттским», или «протохеттским», а Б. Грозный — «хаттским» (в отличие от «хеттского»). В науке для него утвердились названия «хаттский», или «протохеттский» (последнее не совсем удачно, так как тот язык, который в науке называется «хеттским», с ним генетически не связан)².

Что касается языка северосирийских и восточномалозападных иероглифов, то выяснилось, что он (во всяком случае в I тысячелетии до н. э.) был отличен от хеттского (т. е., собственно, неситского) языка клинописных табличек из Богаз-кёя. Последний стали поэтому называть «хеттским-клинописным» в отличие от «хеттского-иероглифического».

² Высказывавшееся время от времени предложение о наименовании в дальнейшем не неситского (хеттского-клинописного), а хаттского (протохеттского) языка хеттским, хотя и оправдано происхождением термина, тем не менее совершенно неприемлемо, так как внесло бы еще большую путаницу в терминологию. Обозначение «хетты» и «хеттский» уже прочно закрепилось в научной литературе за неситами и индоевропейским неситским языком и встречается в тысячах исследований. По той же причине неприемлем и термин «хеттско-иберийские языки» применительно ко всем неиндоевропейским и несемитским языкам Передней Азии, если бы даже было доказано единое происхождение всех этих языков, что маловероятно.

¹ Однако этот язык засвидетельствован и от периода, предшествующего завоеванию Несы Хеттской державой.

На самом деле, «хеттский-иероглифический» язык I тысячелетия до н. э., по-видимому, является одним из диалектов лувийского языка³, родственного, но далеко не идентичного неситскому, или хеттскому-клинописному.

Исторически можно установить, что термин *hatti*- и различные производные от него применялись в древности, в разное время, к следующим понятиям:

1) к городу акк. *Hatti*, хетт. *Hattusas*, ныне городище Богазкёй. Условное научное обозначение — «город Хатти», «город Хаттуса(с)».

2) к языку древнейшего населения этого города и его области. Условное научное обозначение — «хаттский», или «протохеттский», и соответственно «хатты», или «протохетты» для говорившего на этом языке населения;

3) к самой области этого города, а затем и к царству, имевшему этот город своей столицей. Условное научное обозначение — «Хеттское царство»;

4) к населению этого царства, преимущественно состоявшего из людей, говоривших на хеттском-неситском, или хеттском-клинописном языке. Условное научное обозначение — «хетты»;

5) после падения Хеттского царства (на грани XIII и XII вв. до н. э.) — ко всему населению бывшей территории этой державы, включая Малую Азию, Сирию и Палестину (так в ассирийских, урартских, поздневавилонских, позднеэламских источниках). В науке термин *hatti* в столь широком смысле не применяется, хотя родственное хеттам по происхождению индоевропейское население этой территории начала I тысячелетия до н. э. нередко называется «поздним хеттским», а за одним из языков этого населения, записывавшимся «хеттскими иероглифами», все еще часто сохраняется обозначение «хеттского-иероглифического» языка;

6) нами было высказано предположение, что под тем же общим термином *hatti*- (ур. *hate*-) подразумевались в это время, в числе прочих народов упомянутой территории, также и фригийско-армянские племена, проникшие сюда с Балкан в период падения Хеттского царства, и что отсюда (через посредство впоследствии арменизованных урартов) возникло самоназвание армян — *hayo*- (< **Nathy-os*).

3. Язык древнейшего (III—начало II тысячелетия до н. э.) населения северо-восточной Малой Азии внутри излучины р. Галиса (совр. Кызыл-Ырмак) — хаттов, или протохеттов, — сохранен нам, помимо некоторого количества упоминаемых в иноязычных текстах топонимов, личных имен и имен божеств, лишь сравнительно небольшим количеством культовых текстов

³ Лувийский язык также известен из материалов клинописного богазкёйского архива. Языковая принадлежность древнейших «хеттских иероглифических» надписей неясна.

из богазкёйского архива⁴. В том числе имеется около полудесятка протохеттско—хеттско-неситских билингв и несколько десятков одноязычных текстов, по большей части коротких и сильно фрагментированных. Тексты написаны слоговой клинописью почти без гетерограмм, что очень затрудняет понимание; к тому же есть основание думать, что по крайней мере некоторые из текстов были записаны неситскими писцами по памяти без четкого понимания их значения, иногда даже с ошибками в словоделении. К этим трудностям присоединяется еще одно обстоятельство. Дело в том, что хеттский вариант аккадской клинописи, которым записаны эти тексты, позволяет различать всего 13 согласных (*m*, *p*⁵, *n*, *t*⁶, *s*⁷, *c*⁸, *k*⁹, *h*, *l*, *r*, *w* [и *f*?]¹⁰, *j* — последний не во всех случаях) и четыре гласных (*a*, *i*, *u*, *e* — последний не во всех случаях). Между тем у нас есть основания думать, что протохеттская фонологическая система, по крайней мере исторически, была значительно богаче¹¹. Поэтому с фонетической точки зрения клинописные записи хаттского языка, видимо, в высшей степени неточны.

Все это ставит почти непреодолимые препятствия интерпретации хаттского языка, тем более что грамматическая структура и характер отражаемых в языке грамматических категорий, по-видимому, весьма существенно отличаются от грамматических категорий, существующих в индоевропейском хеттском-неситском языке, и от его грамматической структуры; поэтому и билингвы дают лишь слабую опору для раскрытия хаттской грамматики.

⁴ А также отдельными морфемами и словами хеттского-неситского языка, не этимологизируемыми из индоевропейского корнеслова. Впрочем, следует заметить, что хотя число хеттских-неситских слов, пока (или вообще) не выводимых из индоевропейского словарного фонда, достаточно велико, однако до сих пор лишь в единичных случаях удавалось доказать хаттское происхождение таких слов.

⁵ Используются шумеро-аккадские слоговые знаки для сочетаний *c b* и *p*.

⁶ Используются шумеро-аккадские слоговые знаки для сочетаний *c d*, *t* и *t*.

⁷ Используются шумеро-аккадские слоговые знаки преимущественно для сочетаний *c š*.

⁸ Используются шумеро-аккадские слоговые знаки для сочетаний *c z* и отчасти *š*.

⁹ Используются шумеро-аккадские слоговые знаки для сочетаний *c g*, *k* и *k*.

¹⁰ Используется знак *PI* = *wa*, для *f* (?) с подписанными диакритическими *a*, *i*, *u*, *y* для слогов *fa*, *fi*, *fu*, а также слоговые знаки для сочетаний *c p* (А. Камменхубер).

¹¹ Особо следует обратить внимание на колебание в написании некоторых слов *c k* и *c h*, *c t* и *c z* [с], *c w* и *c p*. Эти явления могут иметь причиной и факты «хеттской-клинописной» фонетики; но во всяком случае их наличие заставляет подозревать существование также и хаттских (протохеттских) фонем, не получивших своего особого графического выражения.

По всем этим причинам естественно, что многолетние работы в области хаттского языка Э. Форрера, И. Фридриха, Э. Лароша, А. Камменхубер, И. М. Дунаевской и других все еще мало подвинули его понимание.

Установлено значение около 150 слов; в области грамматического строя известные успехи достигнуты А. Камменхубер и советским исследователем И. М. Дунаевской, опубликовавшей ряд работ по хаттскому глаголу; сейчас И. М. Дунаевская работает над проблемой хаттского имени, но ее исследования по этому вопросу еще не опубликованы. Для настоящего очерка мы широко пользовались ее консультациями.

4. В формообразовании хаттского имени можно установить наличие около 20 разных префиксов и примерно столько же суффиксов. Их значение пока окончательно не установлено; можно только основываться на переводе соответствующих форм в билингвах, однако нет никакой гарантии, что в хеттском-неситском тексте отражены во всех случаях те же грамматические категории, что и в хаттском. Поэтому мнения исследователей относительно значения именных аффиксов во многом расходятся.

Существенно, что субъектно-объектные отношения (в том числе и категория эргативного падежа) в хаттском, по-видимому, не находят отражения в именных формантах.

Приводим важнейшие именные префиксы и суффиксы с указанием их предположительных значений, как они даются различными исследователями:

- a-* — артикль?
- i-* — артикль, или местоименный показатель 3-го л. ед. ч.?
- wa-/pa-* — артикль, или местоименный показатель 2-го л. ед. ч., или/и показатель (артикль?) множественного числа (группового единства, коллективности)?
- le-* — формант множественного числа (определено довольно надежно; но, может быть, одновременно содержит указание на притяжательное отношение?).
- si/e-* — то же, для женского рода?¹²
- am-* — инструментальный показатель? (Ларош).
- es-* — объектный падеж множественного числа? (Форрер, Ларош, Камменхубер)¹³.

¹² Или, скорее, для другого именного класса.

¹³ Или, скорее, субъектно-объектное местоимение 3-го лица (коллективного множественного?).

- n (-an, -un)* — родительный падеж (Ларош); общекосвенный¹⁴ (Дунаевская).
- tu* — отложительный (аблативный) падеж (Ларош); род локативного падежа? (Форрер).
- a* — локативный падеж?
- pi* — локативный падеж?
- pi/e* — союз «и», «но» (Ларош).
- ma* — союз??
- i/jel* — словообразовательный суффикс принадлежности или происхождения (определено, по-видимому, вполне надежно).
- (a)h* — показатель женского рода?
- it* — то же?
- lil* — показатель мужского рода?

Впрочем, наличие грамматического рода в хаттском более чем сомнительно. Окончания *-ah* и *-lil* следует, вероятно, рассматривать не как показатели грамматического рода, а как словообразовательные элементы для имен, выражающих обозначения существ женского и мужского пола.

Показатели грамматических классов в хаттском надежно не выявляются и, возможно, при имени отсутствовали¹⁵.

¹⁴ Не считая локативных падежных отношений.

¹⁵ Некоторое представление о характере проблем, встающих при анализе хаттского имени, дают следующие примеры (для настоящей книги любезно предоставлены нам И. М. Дунаевской):

«Текст хаттского ритуала, не имеющего неситского перевода, опубликованный в Keilschrifturkunden aus Boghazkoi (KUB), I, 17, дает известное основание для создания гипотезы об общем характере хаттских именных формантов.

Встречающиеся здесь каждый раз в начале периода отдельно стоящие, не связанные с какими-либо лексемами, форманты *nū-*, *nū-pa-* или *nū-wa-*, *nū-pā-si* или *ni-pa-li* могут быть восприняты как сочетание союза *ni* (ср. неситское *ni*; оно имеет ареальное распространение в Малой Азии и индоевропейские соответствия, см. J. Friedrich, *Heithitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952, стр. 152, однако можно допустить распространение его и в хаттском — может быть, под хеттским влиянием — особенно, если учесть свойство неситского *ni-* притягивать к себе частицы и энклитические местоимения) с классными показателями местоименного характера (*-wa-*) и различающимися в зависимости от класса (?) показателями множественного числа (*-si*, *-li*). Интересно, что в предложении, которое введено сочетанием *ni-pa-li*, при ряде слов встречаются префиксы *pa-(wa-)* и *li-(lē-)*, а в предложении, которое введено сочетанием *nū-pā-si*, засвидетельствованы префиксы *pa-(wa-)* и *si-*. Оба анализируемые предложения (KUB, I, 17, 12—16, и KUB, I, 17, 22—27) различаются только этими формантами и формой подлежащего или дополнения (в первом предложении — *kat-i* 'царь', во втором — *kat(i)-ah* 'царица'); кроме того, в одном случае имя существительное *kat-i* в первом предложении имеет префикс *-t-*, который отсутствует в параллельном тексте. В качестве образца связанного хатт-

5. О хаттском местоимении нам практически до сих пор ничего не известно.

6. Структура хаттского глагола может считаться в самых общих чертах выясненной после работ И. М. Дунаевской. Согласно этому автору, в хаттском глаголе имеется цепочка префиксов из семи позиций и цепочка суффиксов из двух (или более) позиций.

Предположительное значение префиксов видно из прилагаемой табл. 1. Значение суффиксов (-a, -an, -i, -u, -ni и др.) остается невыясненным.

Таблица 1

Структура префиксальной части хаттского глагола

Позиции	1	2	3	4	5	6	7	R
Значение	Отрицание	Нерезальное наклонение, 1-я группа	Нерезальное наклонение, 2-я группа	Объект ¹	Локативно-направительные показатели	?	Объект ¹	Основа
Форманты	txs- ²	te-tu-	te-tu-	-h- -s- -p-(?) -wa-	-t/za- ³ -ka- -sa e i-	-a- -ja-	-h-, ha- -n-	

Примечания. 1. Возможно, также выражает и субъект переходного глагола: *a-n-ti-u* = хетт.-нес. *arta* 'стойт', но *a-n-ta-h-a* = хетт.-нес. *anda daiš* 'положил (их)', (*a*)-s-ta-zil = хетт.-нес. *wai* 'плачет', но (*a*)-s-ta-h-hil = хетт.-нес. *išuwaw* 'он насыпал (их)'.
2. Символ x обозначает любой гласный.
3. Соответствует хеттскому-неситскому направительному превербу *anda: tas-te-ta-(n-?)niw-a* = хетт.-нес. (*E-ri*) *anda lē wizzi* '(в дом) пусть не войдет'.

7. Наиболее вероятным представляется тесное родство хаттского (протохеттского) с абхазо-адыгскими (северозападно-кавказскими) языками, хотя, разумеется, для окончательного

скового текста полезно привести оба упомянутых отрывка (предложения?) в слитно-аналитической транскрипции:

ni-pa-li taparna kurku-p-enna pa-(k)kat-enna li-(k)kat-i ijašsu lē-wa-t-kat-i lē-p-inū lē-p-(a)kkū lē-w-ar-un es(-)tapartilis

nū-pā-si taparna kurku-w-enna kat(t)-aḥ-n-a-li kāt(a)-aḥ ijašsu si-wa-kat(t)-aḥ se-p-inu sē-w-(a)kkū se-w-ur-u es(-)tāpartilis».

суждения об этом материале пока еще слишком мало¹⁶. Структурная близость их во всяком случае очень велика. Для абхазо-адыгских языков, так же как для хаттского, характерно широкое применение префиксации как в имени, так и в глаголе; в последнем и характер размещения, и грамматическое значение префиксов весьма близки к тому, что мы, по-видимому, наблюдаем в протохеттском. Однако имеются и некоторые указания не только на структурное сходство, но и на материальную близость формантов — насколько можно судить о действительном звучании фонем, скрытых за клинописной графикой. Так, можно сделать следующие сопоставления:

А. Имя:

- a-* абх.: показатель имени, не детерминированного притяжательным местоимением
абаз.: артикль
убых.: детерминирующий элемент в предложении
хатт.: артикль?
- i-* абх.: притяжательное местоимение 3-го лица мужского рода (для класса лиц)
хатт.: то же?¹⁷
- n* убых.: общекосвенный (и родительный) падеж (кабард. *-m*)
хатт.: то же
- (-)wa(-)* абх.: показатель множественного числа класса лиц (*-wa*)
хатт.: показатель множественного числа? (*wa-*)

Как для хаттского, так и для абхазо-адыгских характерно отсутствие специального эргативного падежа при общем эргативном характере конструкции предложения (субъектно-объектное спряжение, формальное отличие переходных и непереходных глаголов, отсутствие залогов и т. п.).

Б. Глагол:

Общая структура абхазского предиката отличается от предиката в других абхазо-адыгских языках, но структура адыгейского (и кабардинского) глагола весьма напоминает протохеттскую. Так, в адыгейском имеется цепочка префиксов из девяти позиций, хотя одновременно их бывает занято значительно меньше, при этом «сколько бы глагольных пре-

¹⁶ Неубедительной представляется работа Ю. Месароша, который пытался видеть в убыхах, — небольшом абхазо-адыгском народе, переселившемся в XIX в. с Кавказа в Турцию, — прямых потомков протохеттов и пытался толковать протохеттский языковой материал непосредственно с помощью убыхского.

¹⁷ Ср. абх., убых. *u-*, адыг. *v-*, местоименный префикс 2-го лица, с хаттским префиксом того же (?) значения *wa-*.

фиксов ни было в наличности в данной форме глагола, порядок этих наличных префиксов всегда остается таким же, каким он был бы в максимально возможной, наибольшей по числу префиксов форме»¹⁸. Различаются префиксы объектные и субъектные, локативные, направительные, переходности и непереходности. Всего насчитывается более 70 разных префиксов. Число объекта выражается суффиксально. Спряжение полиперсональное (отражает субъект действия и состояния и косвенные объекты). Время, как, по-видимому, и в хаттском, не выражается. С помощью префиксов, выражающих пространственные или личные отношения, в адыгейском могут быть образованы сложные глагольные основы. Аналогичным образом в состав глагольной формы могут быть включены и самостоятельные слова. Подобный пример полисинтетичности, по-видимому, есть и в хаттском.

Ввиду обилия префиксов в адыгских языках легко подобрать и формально аналогичные хаттским, но сопоставления эти остаются спорными из-за сомнительности фонологических характеристик хаттских формантов и недостаточной выясненности их значения. Отметим лишь личные форманты (субъектные при непереходном, субъектные и объектные при переходном глаголе):

	Абхаз.		Убых.		Адыг.	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	s-		h-	s- š(i)-	s-	t-
2-е л.	u- (м. р.) b- (ж. р.)	š ^o -	u- š ^o (i)	v-	sw-	
3-е л. класса лиц	i- (м. р.) l- (ж. р.)	} də- ¹⁹ r-	Классных показателей	Классных показателей	не имеет	не имеет
3-е л. класса вещей	i-, a-					
или указательное местоимение	} (вторичные формы)		} ji- wa-		} mx- ²⁰ (h)a	

Как мы видели, в хаттском личные субъектно-объектные показатели (в большинстве случаев, по-видимому, 3-го лица) звучат *n-*, *h-(ha-)*, *s-*, *p|b-(?)* и *wa-*, что, быть может, можно

¹⁸ Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, *Грамматика адыгейского литературного языка*, М.—Л., 1941, стр. 357.

¹⁹ Только для субъекта состояния.

²⁰ Символ *x* обозначает исторически различные гласные > э. Для абхазо-адыгских языков реконструируется фонологическая система с одним гласным э — дальнейшие различия в гласных, видимо, вторичного происхождения.

сопоставить с абхазо-адыгскими формантами *mx-*, *ha-* и *wa-* (или сравнивать хатт. *wa-* с абх. *u-||b-* 2-го лица?)²¹.

8. Степень структурной близости между хаттским и картвельскими (южнокавказскими) языками меньше, чем с абхазо-адыгскими; так, хотя и эти языки в области глагола применяют сложную систему префиксации и суффиксации, однако принципы ее несколько иные, чем в хаттском. Субъектно-объектные показатели выражаются преимущественно префиксально, но 3-е лицо (субъектный показатель) и показатель множественного числа 1-го и 2-го лица — суффиксально; из других отражаемых в глаголе грамматических категорий префиксально выражаются только показатели направленности действия.

Падежная система картвельских языков почти не имеет видимых точек соприкосновения с хаттским.

С другой стороны, некоторые хаттские морфемы находят аналогии именно среди картвельских: так, показателем 3-го лица является *-h-*, *-h-*, *-s-*, как, по-видимому, и в хаттском; распространен хорошо известный и в хаттском словообразовательный суффикс принадлежности и происхождения *-el*²²; в сванском имеются префикс абстрактных имен *li-* и префикс множественного числа (может быть, имеющий притяжательное происхождение) *la-*, которые могут быть увязаны с хаттским префиксом *le-*, и т. п.; ср. также мегрельское отрицание *tas* с хаттским *txs*, грузинское *is* 'он' с хаттским *es(-)*?

9. Всех этих скудных данных недостаточно для окончательного решения вопроса о генетических связях хаттского (протохеттского) языка. Очень большая степень структурной близости этого языка с абхазо-адыгскими и некоторая степень структурной близости с картвельскими могли бы объясняться как результат длительного сосуществования и образования «языкового союза», как в случае тайского и кхмерского языков; но и тайский, и кхмерский языки относятся каждый к хорошо определяемой конкретной языковой семье, между тем как хаттский, если признать его неродственным кавказским,

²¹ Для возможного родства хаттского с абхазо-адыгскими языками следует обратить внимание также на следующие факты: а) на хаттский характер ономастики племен касков, или кашков, занимавших во II тысячелетии до н. э. северо-восточную Малую Азию (район Понта, на востоке примыкающий к Колхиде, — Г. Г. Гиоргадзе); б) на сходство этнонимов *kas/šk-* и *abešla-* (одно из племен той же группы) с др.-груз. *kašag*, др.-русс. *косога* 'черкес', 'адыгеец' и с греч. 'Αφίλα, лат. *Absilae*, др.-груз. *Ap'sil-eti* — название племени (в грузинском — области) в районе р. Кодор (лат. *Absillis*) в Абхазии (Г. А. Меликишвили). Ср. также самоназвание абхазов — *a-ap's-wa* (*-wa* — множественное число).

²² Однако и в анатолийских языках имеется соответствующий формант *-l*, которому придается индоевропейская этимология.

окажется совершенно изолированным: нет никакой другой семьи, к которой этот язык мог бы быть отнесен с малейшей степенью вероятности²³. К этому следует прибавить те, хотя и очень скудные, данные, которые, как указано выше, возможно, указывают не только на структурное, но и на материальное родство хаттского с абхазо-адыгскими, а может быть, — и с картвельскими. К сожалению, бедность графических возможностей хеттской клинописи при исключительном богатстве абхазо-адыгского (и картвельского) консонантизма в высшей степени ограничивает возможность сопоставления корнеслова и даже морфологии.

При всем том не следует исключать возможность того, что хаттский язык либо прямо относится к числу абхазо-адыгских (северо-западнокавказских) языков, либо занимает промежуточное место между ними и картвельскими (южнокавказскими) языками²⁴. Но во всяком случае нет никакого основания относить его к числу более общего «хеттско-иберийского» единства в качестве ветви одного порядка с кавказскими языками в целом. Необходимо, в частности, отметить, что хаттский язык, проявляя черты сходства с абхазо-адыгскими и, может быть, с картвельскими языками, не проявляет никаких черт сходства с языками северовостокавказскими (в противоположность хурритскому и урартскому).

²³ Конечно, возможности изолированного положения хаттского исключать нельзя.

²⁴ Если признать, что северозападные кавказские и южные кавказские языки, наряду с северовостокавказскими, составляют ветви одной кавказской языковой семьи.

ЧАСТЬ II

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ И ИХ МЕСТО В СОСТАВЕ СЕМИТОХАМИТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

§ 1. Общие сведения

1. Наиболее важное место среди языков древней Передней Азии занимают семитские языки, составляющие ветвь более обширной семитохамитской семьи языков¹. Согласно наиболее убедительной из современных классификаций, эта семья состоит из пяти ветвей: 1) семитской, 2) египетской, 3) берберо-ливийской, 4) кушитской и 5) чадской, или чадско-хамитской².

¹ В Библии все известные древним евреям соседние народы разделяются на потомков Сима (Šēm), Хама (Ĥām) и Яфета (Ĭrāt), трех сыновей предка человечества — Ноя (Nō'āḥ). Распределение народов было произведено в основном по политическому принципу (к сыновьям Сима отнесены дружественные, к сыновьям Хама — враждебные, к сыновьям Яфета — нейтральные народы), но большинство народов, по языку родственных евреям, попало в число сыновей Сима (более или менее случайно). Отталкиваясь от этой древней классификации, европейский ученый Шельцер (XVIII в.) ввел термин «семитские» языки для языков, родственных древнееврейскому. Когда обнаружилось более отдаленное родство с семитскими также древнеегипетского и берберского, для них был применен термин «хамитские» языки (поскольку египтяне и другие народы Африки отнесены в Библии в числе других к сыновьям Хама). Ранее «хамитскими» предлагали называть народы Африки вообще, так же как «яфетическими» — народы Европы. Н. Я. Марр в начале своей деятельности пытался установить родство между семитскими языками и кавказскими (а также некоторыми другими), которые он, соответственно, назвал «яфетическими», как третью ветвь «ноахической» семьи языков. В ходе дальнейшего развития его теории «яфетическими» стали называться языки определенной стадии развития (до-номинативной). В настоящее время термин «яфетические» языки не применяется.

² Состав семитохамитской семьи языков определялся в прошлом разными исследователями по-разному. Еще в 60-х годах XIX в. (Р. Лепсиус) сюда были отнесены, помимо семитских, древнеегипетский, кушитские и берберские языки, причем последние три ветви обычно объединялись под общим названием «хамитских» (в действительности такое объединение не оправдано, так как о с о б о г о единства этих трех групп между собой, помимо о б щ е г о семитохамитского единства, нет). Иногда к этим языкам присоединялся и язык хауса. В начале XX в. была выдвиг-

Сейчас рассматривать в историческом плане семитские языки в отрыве от других языков той же семьи было бы так же неправильно, как изучать историческую грамматику, скажем, латинского или старославянского, не учитывая санскрита и хеттского. Поэтому в настоящем очерке мы коснемся не только семитских языков древней Передней Азии, но и места семитской языковой ветви в семитохамитской семье в целом.

2. Для лучшего понимания взаимоотношения между отдельными семитохамитскими языками удобно, помимо классификации по ветвям и группам, ввести еще и диахроническую классификацию по степени их структурного развития и этапам отхождения от типа первоначальной структуры.

3. Древнейшая ступень — общее семитохамитское состояние на ступени семитохамитского языка-основы. При современном уровне науки установлено бесспорное родство между собой семитохамитских языков, но хотя делаются по-

нута так называемая хамитская теория, видным сторонником которой был известный немецкий лингвист-африканист К. Мейнхоф. Согласно этой теории, европеоиды-хамиты якобы являются в Африке пришлым населением. В угоду этой теории Мейнхоф частично подменял лингвистический критерий принадлежности к семитохамитской семье расовым, что заставило его отнести к числу хамитских языков не только язык негроидов-хауса, действительно родственный языку семитов, берберов и т. д., но и бантоидный язык фуль, нилотский язык масаи и даже нама (готтентотский), исходя главным образом из антропологического типа их носителей, а также внешних структурных признаков языка, вроде наличия грамматических родов. Хауса, фуль, масаи, нама и др. нередко относили к особой ветви «хамитоидных» языков, таким образом, разделяя семитохамитскую семью на три ветви: семитскую, хамитскую (древнеегипетский, берберо-ливийские и кушитские) и «хамитоидную» (хауса, фуль и т. д.); другие исследователи отрицали родство «хамитоидных» языков, в том числе и хауса, с семитохамитскими. Лишь в 50-х годах было окончательно установлено лингвистическое место языков хауса (Дж. Гринберг, Д. А. Ольдерогге) с одной стороны, и фуль и прочих — с другой, а также выяснено, что древнеегипетский, чадские (хауса), кушитские и берберо-ливийские языки не составляют особой хамитской ветви, а являются четырьмя ветвями единой языковой семьи, равноправными с семитской ветвью. Впрочем, классификация семитохамитских языков еще не во всем ясна. Так, недавно О. Рёсслер предложил рассматривать берберо-ливийские языки как одну из групп семитской ветви («ливийско-семитская» группа, в отличие от остальных семитских языков, которые он объединяет в «восточно-семитскую» или «азиатско-семитскую» группу).

Возможно, что кушитскую ветвь надо разделить на две ветви, нижнекушитскую, близкую к берберским, и верхнекушитскую, близкую к восточночадским языкам. Применимость самого термина «семитохамитские языки» в настоящее время некоторыми учеными оспаривается, так как не существует хамитских языков, противостоящих семитским. Предлагались другие термины — «протосемитские» языки, что двусмысленно, так как может быть отнесено к семитским языкам на ранней ступени, или «афро-азиатские» языки, что несколько неопределенно. Поэтому мы пользуемся старым термином.

пытки установления общей прасемитохамитской фонологической структуры и общего словарного фонда (М. Коэн и др.), однако полностью научно обоснованной систематической реконструкции праформ этой ступени дать еще невозможно; только гипотетически можно реконструировать и грамматическую структуру семитохамитского праязыка. Некоторые соображения по этому поводу будут приведены ниже.

Можно предположить, что семитохамитский праязык на раннем этапе являл очень архаичные черты грамматического строя; существовало четкое деление предиката на переходный (глаголы действия) и непереходный (глаголы состояния и именные предикаты); возможно наличие эргативной конструкции предложения (см. ниже, § 8, п. 4); значительное развитие имела система местоимений. Корень слова был, по всей вероятности, односложным, в основном типа С+Г+С, хотя начинали складываться и трехсогласные корни; имя, возможно, имело грамматические классы.

Районом исторического существования семитохамитского языка-основы следует считать область Сахары, во времена неолита еще вполне пригодную для обитания человека (Д. А. Ольдерогге). Согласно этой гипотезе, к концу древнейшего периода (VI—IV тысячелетия до н. э.), в связи с наступившей засушливой эпохой и с истощением пастбищ Сахары вследствие нерационального выпаса скота древнейшими пастушескими племенами, начинается расселение племен в разных направлениях и разделение семитохамитского языка-основы на пять ветвей. Очень условно отождествляя волны расселения с ветвями семитохамитской языковой семьи, можно, совершенно предварительно, представить себе картину их распространения следующим образом:

Общесемитохамитский язык-основа рано разделился на две части — северную, от которой произошли берберо-ливийские, семитские и древнеегипетский языки, и южную, давшую начало кушитским и чадским языкам.

Одна волна выселения — чадская — была направлена на юг, в район оз. Чад и на территории между этим озером и р. Нигер. Вторая волна, направленная на восток, привела к заселению долины Нила племенами древнеегипетского языка.

Затем от южной группы носителей языка-основы отделилась кушитская ветвь вместе с волной переселения, направленной на юго-восток, в сторону современных Судана, Эфиопии, Сомали и Кении³, а от северной — семитская; миновав долину Нила, прасемиты не позже V—IV тысячелетий до н. э. проникли в Переднюю Азию и расселились в Сирийской степи

³ Маленькое кушитское племя праку живет даже еще южнее — в Танзании.

и на Аравийском полуострове — в области, в климатически-хозяйственном отношении близкой к их прародине.

Последняя ветвь семитохамитских языков, берберо-ливийская, продолжая занимать территорию Сахары, продвинулась также к северу и северо-западу, в районы Средиземноморья⁴, и на запад, к Атлантическому океану и на Канарские острова⁵. (Одна группа берберов — туареги, говорящие на языке тамашек, значительно позже продвинулась из Сахары на юг, на средний Нигер и даже на его правый берег).

В своем продвижении племена семитохамитского языка смешивались с местным населением, нередко значительно более многочисленным. Это привело к тому, что на семитохамитских языках стали говорить люди, принадлежащие к самым различным антропологическим расам: к двум малым расам европеоидной большой расы — к средиземноморской⁶ и балканокавказской (ассироидной, арменоидной)⁷ и к двум малым расам экваториальной большой расы — к эфиопской⁸ и негроидной⁹. В лингвистическом отношении наличие мощного местного субстрата способствовало расхождению отдельных языков от первоначального языка-основы и далеко идущим изменениям в фонетике, словарном составе и грамматике. Особенно сильные изменения под влиянием субстрата испытали верхнекушитские и чадские языки.

Центральное место в семитохамитской семье занимают берберо-ливийские языки, предположительно сохраняющие в настоящее время наибольшее число черт, общих для всей семьи; многие черты грамматики особенно близко роднят берберо-ливийские языки с одной стороны — с кушитскими, с другой — с семитскими; в лексическом отношении они ближе всего к семитским, хотя тут не всегда просто отделить общие слова от заимствованных из арабского, и к древнеегипетскому (выявлено не менее 100 общих слов и корней, хотя часть из них, возможно, относится к числу заимствований); дальше всего от берберо-ливийских, по-видимому, чадская ветвь.

Древнеегипетский словарь, если не считать двух-трех сотен семитских заимствований, содержит не менее одной-двух сотен слов, достоверно общих с семитскими; в лексическом отношении он, по-видимому, близок и к берберским и кушитским, но здесь выявлено пока не так много общих слов, главным образом

⁴ Возможно, также на Пиренейский полуостров, если подтвердится предположение о родстве древних иберов этого полуострова с берберами.

⁵ Вымершие аборигены Канарских островов — гуанчи — вероятно, принадлежали к числу народов берберо-ливийской ветви языков.

⁶ Берберо-ливийцы, древние египтяне, семиты.

⁷ Семиты.

⁸ Кушиты, часть южных семитов, переселившиеся из Аравии в Африку.

⁹ Чадцы.

ввиду слабой исследованности кушитских языков; есть общая лексика у древнеегипетского и с чадскими языками, стоящими пока несколько особняком. В структурно-грамматическом отношении древнеегипетский резко отличается от других семитохамитских языков, хотя морфологический материал является общим (ближе всего, пожалуй, к берберо-ливийскому).

Значительное грамматическое своеобразие наблюдается и в чадских языках, отчасти, возможно, за счет сохранения очень древних особенностей, но в значительной мере вследствие исторических и субстратных изменений.

Кушитские языки грамматически ближе к семитскому и берберо-ливийскому типу, но также претерпели сильные видоизменения и имеют много новообразований, особенно верхнекушитские, которые, быть может, следует выделить в особую ветвь или объединить со всеми или некоторыми чадскими языками.

Семитская ветвь, по-видимому, сохраняет наряду с берберо-ливийской много первоначальных черт в фонетике, грамматике и корнеслове.

На этапе разделения ветвей, на грани древнейшего периода, в семитохамитских языках (во всяком случае в семитских, египетском и берберских, может быть, и в остальных) окончательно вырабатывается начавшая складываться еще прежде того характерная система трехсогласных корней с грамматической полярностью функций между согласными, несущими на себе корневое значение, и гласными, выражающими грамматические категории и уточняющими значение корня. Многие первоначально двусогласные корни действием аналогии были подогнаны под общую трехсогласную корневую схему.

4. Следующей ступенью структурного развития семитохамитских языков является древнее состояние. Для этой ступени характерны: значительная степень сохранности первоначального фонетического строя, хорошая сохранность сложившейся глагольной и именной внешней флексии, создание очень развитой системы внутренней флексии. В пределах семитской ветви складываются отдельные языки, пока еще настолько близкие друг к другу, что, надо полагать, между ними было возможно взаимопонимание. Ранее других, по всей вероятности, выделились периферийные языки — сначала аккадский на северо-востоке, затем южнопериферийная группа языков, — сохранившие многие наиболее архаичные черты, чем, вероятно, объясняется близость этих двух групп языков между собой в ряде отношений¹⁰. Одновременно

¹⁰ Южнопериферийная группа, по всей вероятности, выделилась несколько позже, чем аккадская, так как она разделяет со всеми центральными языками черту наличия перфектива с суффиксальным спряжением (§ 7), а с южноцентральной группой — наличие ломаного множественного в имени существительном с подгонкой не только глагольных, но и всех

центральносемитские разделяются на группы северноцентральных и южноцентральных (арабских) диалектов, еще тесно связанные между собой. Из семитских языков древнего состояния письменно засвидетельствованы:

(1) Севернопериферийная группа: аккадский язык (староаккадский диалект III тысячелетия до н. э., старовавилонский и староассирийский диалекты первой половины II тысячелетия до н. э.).

(2) Северноцентральная группа¹¹: древнеханаанейский, аморейский¹² и угаритский языки (или диалекты) II тысячелетия до н. э.

(3) Южноцентральная группа: классический арабский язык I тысячелетия н. э.¹³

(4) Южнопериферийная группа: языки (или диалекты) минайских, сабейских, катанских и хадраутских южноаравийских надписей I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. (на грани среднего состояния?).

Таким образом, южные группы сохранялись на ступени древнесемитского состояния гораздо дольше, чем северные. Следует, однако, отметить, что арабский язык, сохраняя и даже развив еще более, чем другие древнесемитские языки, такие характерные черты древнего состояния, как почти неизменившаяся общесемитская фонологическая система, стройная система внутренней и внешней флексии¹⁴, в то же время выработал много грамматических новшеств (широкое применение внутренней флексии для образования множественного числа имени¹⁵, новые словообразовательные схемы, начатки

именных корней под консонантную схему (см. ниже, § 3, прим. 47). Поэтому выделение южной группы следует отнести к моменту после разделения центральносемитской группы на северноцентральный и южноцентральный диалекты, но до утери всеми центральными языками старого имперфектива (§ 6, п. 2—6) и перехода $s > h$.

¹¹ Все засвидетельствованные языки относятся к ханаанейской подгруппе языков. Вторая северноцентральная подгруппа — арамейская — на этой ступени не засвидетельствована, и, может быть, как отдельная подгруппа, противостоящая ханаанейской, еще не сложилась.

¹² Сохранились собственные имена-предложения.

¹³ Язык доисламской поэзии и Корана, искусственно сохраняемый как литературный язык арабов и позже.

¹⁴ Это связано с ослаблением силового ударения в арабском, благодаря чему он избежал многочисленных стяжений и выпадений гласных, характерных для других семитских языков. Слабость силового ударения в арабском видна также из того, что он выработал метрическую систему стихосложения (счет размера по долготам слогов) вместо тонической, распространенной в других семитохамитских языках (счет ударений).

¹⁵ Эта черта (наряду с лексикой), быть может, более всего сближает арабский с южнопериферийными языками, где она также наблюдается. Она имеется также в берберских, кушитских и чадских языках, но, по-видимому, не как пережиток общесемитохамитского состояния, а как ре-

системы времен в глаголе и т. п.). Поэтому привычная для семитологов прошлых поколений ориентация на арабский язык, как фонетически, грамматически и лексически наиболее близкий к прасемитскому состоянию, представляется неправильной¹⁶.

Из других языков семитохамитской семьи в древнем состоянии засвидетельствован, по-видимому, староегипетский (III тысячелетие до н. э.); к сожалению, — поскольку гласные египетской письменностью не фиксировались, — характер флексии в староегипетском неясен¹⁷.

Другие семитохамитские языки на древней ступени неизвестны.

5. В среднем состоянии семитохамитских языков начинается утеря флексии, особенно именной, и переход к аналитическому строю; происходят значительные фонетические упрощения (в аккадском языке последнее явление наблюдается уже в старовавилонском и староассирийском диалектах). Языковые группы дробятся далее, однако в пределах одной группы обычно еще возможно известное взаимопонимание.

Из языков среднего состояния в письменных памятниках засвидетельствованы:

(1) Севернопериферийная группа: аккадский язык (ново- и поздневавилонский и новоассирийский диалекты I тысячелетия до н. э.)¹⁸.

зультат параллельного развития процесса охвата лексики внутренней флексией.

¹⁶ В истории семитологии арабский язык долго играл ту же роль, что санскрит в индоевропейском языкознании; в обоих случаях пришлось отказаться от взгляда на эти языки как на наиболее близкие к языку-основе. Лишь в фонетическом отношении классический арабский, действительно, весьма архаичен.

¹⁷ Как известно, лишь для немногих слов новоегипетского диалекта (II тысячелетие до н. э.) удается восстановить характер огласовки благодаря аккадским и более поздним греческим передачам и благодаря позднейшим коптским формам. Однако и для более раннего периода удается, на основании коптского, все же установить число и долготу или краткость (редко качество) гласных в основных типах слов, а также и место ударения; но восстанавливаемое таким образом языковое состояние не старше рубежа III и II тысячелетий до н. э. (Э. Эдель); поэтому наличие гласной внешней флексии, соответствующей семитской, для староегипетского языка III тысячелетия до н. э. не исключено, хотя в среднеегипетском ее уже не было. Следует отметить, что значительная перестройка грамматической структуры древнеегипетского языка под влиянием посессивной конструкции предложения носит принципиально иной характер, чем перестройка новосемитохамитских языков под влиянием утери внешней флексии и появления категории времени, и не должна заставлять относить древнеегипетский язык в целом к новой ступени.

¹⁸ Средневавилонский и среднеассирийский диалекты и «младовавилонский» письменный язык конца II тысячелетия до н. э., отчасти и новоассирийский диалект занимают положение, промежуточное между древним и средним состоянием.

(2) Северноцентральная группа:

ханаанейская подгруппа: древнееврейский, моавитский, финикийский языки I тысячелетия до н. э.

арамейская подгруппа: арамейские языки (от языка староарамейских надписей IX—VII вв. до н. э.¹⁹ и «имперского арамейского» языка ахеменидских канцелярий VI—IV вв. до сирийского III—XV вв. н. э.).

(3) Южноцентральная группа: поздние средневековые арабские диалекты²⁰.

(4) Южнопериферийная группа: ге'эз (древнеэфиопский, язык семитских колонистов в совр. Эфиопии), I тысячелетие н. э.

Из других семитохамитских языков языками среднего состояния, по всей вероятности, следует считать новоегипетский²¹ (II—начало I тысячелетия до н. э.) и, может быть, язык нумидийских надписей (берберо-ливийской ветви) IV—III вв. до н. э.—начала н. э.²².

6. Для нового состояния семитохамитских языков характерна коренная перестройка фонологической системы и ломка грамматического строя каждого языка в отдельности, выработка новых грамматических средств и категорий (в частности, категории времен) и сохранение взаимопонимания лишь в пределах близких диалектов одного языка.

Севернопериферийный аккадский и ханаанейская группа северноцентральных семитских языков вымерли еще на ступени среднесемитского состояния²³. Из других семитских языков на ступени новосемитского состояния находятся живой арамейский диалект Ма'лулы (Сирия) и так называемый

¹⁹ Наиболее древние арамейские надписи стоят на грани среднего состояния, сохраняя еще некоторые черты древнего.

²⁰ Ранние средневековые арабские диалекты в значительной мере утратили внешнюю флексию, но еще во многом сохраняли близость к классическому языку. Таким образом, по уровню развития они были близки к языку древнейших арамейских надписей.

²¹ Можно предполагать, что и «классический» среднеегипетский язык по уровню развития должен быть отнесен к ранней стадии среднего состояния.

²² Надписи очень скудны по содержанию. Поэтому в дальнейшем мы не будем их учитывать.

²³ Исключение составляет так называемый и в рит, или «ново-древнееврейский». Сохраняясь в течение многих столетий в качестве мертвого литературного языка и языка взаимопонимания разноязычных приверженцев иудаистической религии, древнееврейский язык (семитский язык среднего состояния) в настоящее время введен в качестве официального языка государства Израиль и широко используется в прессе, в школе, в государственной практике и в быту. Однако он значительно увеличил, пополнил и отчасти изменил словарь, а многие грамматические категории его были переосмыслены под влиянием главным образом бытовых языков евреев Европы и Америки.

новоассирийский (иначе, новосирийский)²⁴, принадлежащие к арамейской подгруппе северноцентральная группы, живые арабские диалекты и ряд языков Эфиопии (амхарский, тигре, тигринья, или тиграи, харари, гураге), острова Сокотра (сокотри) и южной Аравии (бесписьменные диалекты мехри, шахри и др.), принадлежащие к южнопериферийной группе.

К языкам нового состояния относятся также коптский (последний этап развития древнеегипетского, вымерший в XVI в. н. э.) и все живые несемитские языки семитохамитской семьи — берберские; нижнекушитские: бедауйе, галла, сомали, 'афар (сахо, данакли), верхнекушитские: агау, каффа и многие другие языки кушитской ветви; хауса и другие языки чадской ветви.

7. Для семитских языков устанавливается около 300 слов, общих для всех четырех групп; число слов или корней, общих для семитохамитской семьи в целом, точно не установлено, но вряд ли оно больше нескольких десятков. Только единичные слова обнаружены пока во всех пяти ветвях; по мнению М. Коэна, имеется до сотни корней, общих для трех ветвей, и свыше 500 корней, которые встречаются не менее чем в двух ветвях семитохамитских языков. Однако список М. Коэна содержит очень много весьма нерегулярных и сомнительных соответствий, часто при этимологических сопоставлениях встречаются ссылки на метатезы, нередко представляющиеся произвольными, а исходный материал не всегда вполне убедителен и достоверен (по крайней мере для древнесемитских языков); много слов редких и, видимо, поздних по происхождению. Все же к числу общесемитохамитских слов можно отнести, например, такие, встречающиеся в языках трех-четырех ветвей, как сем. *mā'- 'вода', др.-егип. *mjw*, копт. *moū*, берб. **m-*, куш. (сомали) *māh-* 'течь', 'текучая вода', *m-ān* 'море'; сем. *p-* 'рот', куш. *af*, чадск. *afi* 'кусочек', 'глоток'; сем. **sap-t*-(*lap-t*) 'губа', др.-егип. *sp-t*, чадск. *lēbo*; сем. **li|aš-ān-* 'язык', др.-егип. *ns* (**las* > копт. *las*), берб. (ташельхит) *i-ls*, чадск. (хауса) *ha-lši* < **ha-lsi*, чадск. (хауса) *lāsā* 'лизать'; сем. **mut-* 'мужчина', др.-егип. **mt*, чадск. *mutum*; сем. **'ab-* 'отец', др.-егип. **b-t* 'семья', берб. (тамашек) *abba* 'отец', куш. (сомали) *abbo*, *aḏ*, чадск. (хауса) *'uba*; сем. **'imm-* 'мать', др.-егип. *mw-t*, копт. *maau*, берб. (ташельхит) *imma*, чадск. *'uwa*, *'umma*; сем. *imn* 'правый', 'южный', др.-егип. *imn* 'правая сторона', 'запад', чадск. (хауса) *iamma* 'запад'; сем. **mut* 'умирать', др.-егип. *mw-t*, берб. *immut*, чадск. (хауса) *mutu*; сем. **'li* 'подниматься'

²⁴ Носители этого языка рассеяны в Ираке, Иране, СССР и других странах.

др.-егип. $i'r/l \parallel > r/lj$, копт. *ale* 'подниматься', берб. (бени снус) *āli* 'залезать', (тамашек) *ali* 'висеть', (зуауа) *ali* 'подниматься', куш. ('афар) *al* 'высокий', 'вершина', (сомали) *al* 'гора'; сем. **hll* 'радостно петь', др.-егип. *hnw* 'кричать от радости', куш. (агау, билин) *halaj* 'петь'; сем. **ink* 'сосать', др.-егип. *s-nk*, куш. (сомали) *nug(?)*; сем. **njk*, 'соіге', др.-егип. *nk*, берб. (тамашек) *enki* то же, куш. (бедауйе) *nek^{wi}* 'быть беременной'; сем. **si* 'делать', берб. *asi* 'брат' (?), куш. (сидамо) *as* 'делать', чадск. (хауса) *sa* 'клясть', 'пробуждать'; сем. **piri-* 'плод', др.-егип. *pr-t*, *prj* 'оплодотворять', куш. (бедауйе) *firi* 'производить потомство', 'расцветать'; сем. **u/irk* 'быть зеленым, желтым, др.-егип. *i'k-t* 'овощ', берб. *ayray* 'желтый', *uray* 'золото'; сем. **kr* 'звать', берб. *yer*, чадск. (хауса) *kira* то же(?) и др. До сих пор окончательно не установлены закономерности звуковых соответствий между отдельными ветвями семитохамитских языков, и поэтому восстановление праформ, являющееся основным средством сравнительно-исторического исследования языков, все еще невозможно; вследствие этого сравнение их носит приблизительный характер, распространяясь преимущественно на очевидные факты морфологии и лишь частично на лексику. Сравнение морфологических явлений облегчается тем, что далеко не все фонемы семитохамитских языков участвуют в образовании морфологических средств языка, и поэтому их исследование не требует выяснения всей системы фонетических соответствий.

Здесь мы имеем существенное различие между индоевропейской и семитохамитским языкознанием. Для индоевропейистики, где вопросы фонетических соответствий разработаны до деталей, характерно именно то, что исследователь оперирует преимущественно данными лексики, так как этот материал, несмотря на далеко идущие фонетические изменения, сохраняется в своем существе, в то время как материал морфологических формантов с изменением грамматического строя и морфологии стирается и исчезает. Однако если сравнивать только те индоевропейские языки, в которых грамматический строй не подвергся еще существенным изменениям по сравнению с первоначальным состоянием, то и материал формантов обычно хорошо поддается сравнению. Это относится и к исследованию других языковых семей. В некоторых случаях форманты в течение известного времени даже меньше подвержены фонетическому изменению, так как оно грозило бы уничтожением их функциональной дифференциации. Так как в образовании формантов обычно участвует меньшее количество фонем языка, чем в образовании лексического материала (корней), и к тому же семантические сдвиги значений для формантов, естественно, являются меньшими, чем для знаменательных слов, то при

неработанности вопроса о фонетических соответствиях в данной группе языков сопоставление только формантов оказывается более легким, чем сопоставление лексики.

Следует также учесть давность расхождения: семитохамитское языковое единство распалось по крайней мере 6—8 тысяч лет назад, следовательно, нельзя ожидать, чтобы в настоящее время существовало более 5—20% общей для всех семитохамитских языков лексики основного фонда, что составляет ничтожную долю всего словаря в целом.

Вот почему для семитохамитских языков на нынешнем уровне развития науки сравнение грамматических формантов играет ведущую роль. Следует отметить, что материал формантов представлен такими фонемами (преимущественно *m*, *n*, *s*, *h*, *l*, *t*), которые имеются во всех языках этой семьи, в то время как другие фонемы свойственны только одной какой-либо группе или ветви и иногда являются результатом таких изменений первоначального фонологического состава прасемитохамитского языка-основы, о которых при современном состоянии наших знаний мы не всегда осведомлены.

Рассмотрим теперь основные факты фонологии и сравнительной морфологии семитохамитских языков, привлекая лексический материал только в области местоимений, где лексический элемент почти неотделим от грамматического.

§ 2. Фонология

1. Фонологические системы семитохамитских языков различных ветвей довольно сильно отличаются друг от друга, что и не удивительно, поскольку большинство языков засвидетельствовано только на ступени нового состояния. Тем не менее имеется и немало общих черт.

2. Первоначальный гласный состав, по-видимому, во всех языках был *a*, *i*, *u*, *ā*, *ī*, *ū*²⁵, однако в новосемитохамитских количество гласных увеличилось.

3. Характерные особенности согласных:

(1) Наличие троичных групп согласных — звонкий, глухой и «эмфатический» (последний может быть фарингализованным²⁶, как в арабском и, по-видимому, в берберских, смычногортанным, как в эфиопском и частично в хауса, или церебральным, как в некоторых кушитских). Система «троек» может пронизывать всю фонологическую систему согласных, распространяясь на взрывные и проточные [в семитских: *p*,

²⁵ Так уже в прасемитском; но возможно, что на его раннем этапе были лишь слогаобразующие сонанты *m*, *n*, *l*, *r*, *g*, *h*, *y* и гласные *a*, *i*.

²⁶ Произносится на низком тембре с отведением корня языка вниз и вглубь, к задней стенке зева.

р(?)²⁷, b (соответственных проточных губных в семитохамитских нет)²⁸; t, t, d, s, s, z; t²⁹, t̄ (или d̄)³⁰, d̄³¹; s̄, s̄, l (или l̄³², l̄³³, l); k, k̄³⁴, g (соответственных проточных заднеязычных нет); аналогично в берберском языке: t, d, d; s, z, z; k, γ, g³⁵; в чадском языке хауса: p, b³⁶, b; t, d³⁶, d; s, ts', z; k, k, g³⁷; j', или же проявляется лишь для отдельных групп согласных [в древнеегипетском k, k̄, g; в кушитском языке бедауе церебральный ряд d, t, s̄ наряду с альвеолярным рядом d, t, s; в кушитском языке сомали t, d', d; k, k, g].

(2) Наличие неслогообразующих џ, i (в транскрипции обычно w, j), функционально играющих роль согласных [первоначально во всех семитохамитских языках].

(3) Наличие язычковых фрикативов h, γ(?)³⁸ [сохраняются в семитских, частично или вовсе исчезают в берберских³⁹, кушитских и чадских; в древнеегипетском только h].

(4) Наличие фарингальных (образуемых сужением надгортанного пространства) звуков h, ' [сохраняются в семитских, древнеегипетском, отчасти в кушитских]. В новосемитохамитских нередко совпадают с h, '.

(5) Наличие, наряду с фрикативным придыханием h, гортанного взрыва ' как особой согласной фонемы (семитские, египетский, чадские).

(6) Отсутствие первичных аффрикат⁴⁰ (их первоначально не было в семитских, берберских; в семитских они появ-

²⁷ Наличие р или р' в прасемитском сомнительно. Предположение о его существовании основано на отдельных соответствиях типа акк. p // араб. b вместо обычного акк. p // араб. f и на наличии р и нерегулярных чередований b//f в кушитских. Возможно, сем. *p = [f].

²⁸ Фонема џ (как и i), функционально являясь согласным, по артикуляции является неслоговым сонантом.

²⁹ Соответствует англ. th [θ].

³⁰ Араб. z.

³¹ Соответствует англ. th [θ].

³² Глухой l.

³³ «Эмфатический» или смычногортанный l, акустически близкий к γ. В арабском перешел в d. Впрочем, наличие этого ряда латеральных признается не всеми семитологами.

³⁴ Транскрибируют также q, так как этот звук артикулируется не совсем там, где k (глубже).

³⁵ Кроме того, в берберском имеется ряд «эмфатических» фонем вторичного происхождения.

³⁶ Образуются на струе вдыхаемого воздуха.

³⁷ k, k̄, g в хауса имеются в трех вариантах: простом, патализованном и огубленном. Огубленные заднеязычные, вероятно, были и в прасемитохамитском.

³⁸ Первичный характер семитского γ очень спорен.

³⁹ Берб. γ исторически соответствует сем. k (иначе q), а не γ.

⁴⁰ Северосемитский s, видимо, получил вторично характер аффрикаты ts̄ или ts', так как передается аффрикатами в эламском, древнеперсидском, урартском, древнеегипетском и в традиционном чтении древнееврейского.

ляются лишь в некоторых очень поздних диалектах, возможно, под влиянием субстратов; неясно, были ли аффрикатами египетские t, d⁴¹, хотя они обычно и рассматриваются как č, j; аффрикаты есть в чадских и отчасти в кушитских и других новосемитохамитских языках).

4. По-видимому, первичный состав семитохамитских согласных был довольно близок реконструируемому составу согласных семитского языка-основы⁴²; последний представляется условно в следующем виде:

Губные	m	b	p(?)	p		
Переднеязычные						
зубные	n	d	t	t	z	s
межзубные					d̄	t̄ (или d̄)
шипящие						s̄
дрожащие					r	
латеральные					l	s̄ (или l)
Среднеязычные (??)						s̄ ⁴³
Заднеязычные		g ⁴⁴	k ⁴⁴	k ⁴⁴		
Язычковые					γ(?)	h
Фарингальные						h
Ларингальные						h

Кроме того, имелись неслогообразующие гласные џ, i, функционально играющие роль согласных.

К сожалению, согласный состав других семитохамитских языков (преимущественно зарегистрированных на ступени новосемитохамитского состояния), являя картину многих утерь

⁴¹ Во всяком случае они не имеют ничего общего с семитскими междузубными проточными t, d. Первоначально это, вероятно, были палатализованные [t' (k')] и [d' (g')], откуда затем > [č], [j].

⁴² Следует, однако, учесть возможность того, что некоторые группы звуков первоначально представляли собой лишь варианты одной фонемы. Кроме того, необходимо оговорить, что строгая артикуляционная классификация фонем невозможна по недостатку данных, и поэтому приходится придерживаться традиционной и явно устаревшей схемы.

⁴³ Звук, условно обозначаемый нами как s, надежно засвидетельствован только в группе местоимений и в каузативном показателе глагола. Основанием для его выделения являются следующие фонетические соответствия:

*s > акк. s, североцентр. сем. s, араб. s, новые южнопериф. s.

*š > акк. š, североцентр. сем. š, араб. š, новые южнопериф. s, остальные семитохамитские, по-видимому, s.

*s̄ > акк. s̄ || s̄, североцентр. сем. s̄ (> s), араб. š, новые южнопериф.: s̄, s̄, остальные семитохамитские, по-видимому, s (хауса l?; др.-егип. š/s̄?).

*s̄ > акк. s̄ || s̄, североцентр. сем. h, араб. h, ' в сочетании st > st, южнопериф. h, ' (сабейский, эфиопский) или s (прочие), др.-егип. s, в сочетании *sk- > j, другие семитохамитские языки s (и иногда h). Артикуляция s̄ совершенно неясна.

⁴⁴ По-видимому, также в лабиализованном варианте: g^w; k^w; k^w(?).

и вторичных образований, которые, как уже указывалось, пока делают невозможным реконструкцию фонетического развития и окончательное установление звуковых соответствий. Так, в древнеегипетском нет «эмфатических», кроме *k*, ряд фонем совпало (например, сем. *s*, *š*, *š* и, может быть, *š* и *t* совпали в *s*; сем. *d* и *t*, видимо, совпали в *d*); появились новые фонемы: *h* (из палатализованных *h*, *h*?; в ранних текстах передавалось знаками для *š*), *d* (палатализованное *d'*, позже, видимо, аффриката типа *j*, *š*, развившаяся из *g* и, может быть, из *γ*, *ʕ*, однако применялась для передачи семитских переднеязычных эмфатических и *z* в заимствованных словах и, наоборот, передавалась как *š* и т. п. в семитских), *t* (палатализованное *t'*, позже, видимо, аффриката типа *č*, *s*, возникшая из *k*), *f* (из *p*, иногда из *s*?); в берберских возникают новые фонемы *d*, *z*, *ž* и т. д., в чадских — аффрикаты *j*, *č*, *ts*, одноударное *r*, нет *γ*, *h*, *h*; «эмфатические» *b*, *d* образуются на вдохе и т. п.; в кушитских также исчезают многие специфические семитохамитские фонемы и возникают новые; кроме того, и наличные общие фонемы не всегда соответствуют этимологически тем же звукам семитских языков.

§ 3. Корень и основа. Словообразование

1. Во всех работах по семитскому языкознанию указывается на характерную особенность семитских языков, которая заключается в том, что корень здесь состоит из одних согласных (в подавляющем большинстве случаев — трех, редко двух, четырех или пяти, причем четырех- и пятигласные корни имеют явно вторичное происхождение). Гласные же вместе с некоторыми согласными аффиксами либо уточняют значение корня, либо передают грамматическую категорию:

араб. *kataba* 'он написал', *kātaba* 'он переписывался', *'a-ktaba* 'он заставил написать', *ʔa-ktub-u* 'он пишет', *ʔu-kātib-u* 'он переписывается', *ʔu-ktib-u* 'он заставляет написать', *kātib-u-n* 'пишущий, писец', *mu-kātib-u-n* 'переписывающийся', *mu-ktib-u-n* 'заставляющий написать', *ma-ktūb-u-n* 'написанный', *ma-ktab-u-n* 'место, где пишут, канцелярия' и др.;

акк. *i-pūur* 'он открыл', *i-paṭṭar* 'он открывает', *pāṭir-u-m* 'открывающий', *paṭ(i)r-u-m* 'открытый', *u-ša-pṭir* 'он заставил открыть', *mu-ša-pṭir-u-m* 'заставляющий открывать', *na-pṭar-u-m* < **ma-pṭar-u-m* 'то, чем открывают, ключ' и др.;

др.-евр. *kāṭab* 'он написал', *ʔi-ktōb* 'он пишет', *hi-ktīb* 'он заставил написать', *kōṭēb* 'пишущий' и др.

2. Эта общая формулировка, характеризующая семитский корень, полностью верна, однако, только для арабского и южнопериферийных семитских языков, где она распространяется как на все глагольные, так и на все именны корни,

например: араб. *kalb-u-n* 'собака', *kulaṭb-u-n* 'собачка'; *kilāb-u-n* 'собаки'; *baḥr-u-n* 'море', *biḥār-u-n*, *biḥūr-u-n* или *'abḥār-u-n* 'моря'; *bāb-u-n* 'дверь, ворота', мн. ч. — *'abūāb-u-n*; *baīt-u-n* 'дом', *biṭūt-u-n* 'дома'; *'aḥ-u-n* 'брат', *'iḥū-ān-u-n* 'братья'. Здесь различная огласовка имени является грамматически значащей, представляя собой внутреннюю флексию. В арабском это явление распространяется, вплоть до настоящего времени, даже на заимствованные слова: *bank-* 'банк', мн. ч. — *bunūk-*; *ʔurnāl-* 'журнал', мн. ч. — *ʔarānil-*.

Однако в северосемитских языках можно выделить две различные группы слов в отношении характера их образования. Глаголы и отглагольные имена и здесь настолько пронизаны внутренней флексией, что установить какой-либо корневой гласный для них невозможно, и корень устанавливается в составе одних только согласных. Но имена, не связанные с глаголом, имеют постоянную огласовку корня (кроме редких случаев, например, когда они служат для образования отыменных глаголов)⁴⁵, например: *kalb-u-m* 'собака', мн. ч. *kalb-ū*; *bāb-u-m* 'дверь, ворота', мн. ч. *bāb-ān-ū*; *biṭ-u-m* 'дом', мн. ч. *biṭ-āt-u-m*; *'aḥ-u-m* 'брат', мн. ч. *'aḥ(h)-ū*. Правда, и в этих языках данная группа имен может в некоторых случаях менять огласовку, например: др.-евр. *'kālāb* 'собака', *kal'b-ō* 'его собака', мн. ч. *kālā'b-īm* 'собаки'; *'āḥ* 'брат', мн. ч. *'āḥ-īm*; однако здесь играют роль ударение и комбинаторные фонетические явления, и во всех случаях можно выявить первичную огласовку (в данном случае **kalb-*, **'aḥ-*). Огласовка, таким образом, не представляет собой в данном случае внутренней флексии; за вычетом вариаций, вызванных комбинаторными фонетическими условиями, она является постоянной частью корня, а не посторонним корню грамматическим инфиком. Поэтому нет оснований считать, что корень здесь **kilb*, **būb*, **h/h*, а не *kalb*⁴⁶, *bāb-*, *'aḥ-*.

⁴⁵ Например, акк. *biṭāt-u-m* 'ночевать' от **baīt-* 'дом'. Переогласовка первичных имен для образования производных различного рода существует как явление в северосемитских языках лишь в зачаточном виде. В арабском, напротив, отыменные глаголы и прилагательные можно образовывать почти от любого имени: ср. *kalb-u-n* 'собака', *kaliba* 'он кусался, бесился', *kallaba* 'он дрессировал', *kalib-u-n* 'бешеный', *kallāb-u-n* 'царь', *mu-kallib-u-n* 'дрессировщик собак', *mu-s-ta-klib-u-n* 'взбесившийся, разъярившийся'.

⁴⁶ Правда, следует отметить, что, например, в древнееврейском единственное число образуется от основы **kalb-*, а множественное от основы **kalab-*. Но грамматико-семантическую нагрузку (выражение множественного числа) несет не огласовка, а окончание *-im*. Наличие двух основ для образования единственного и множественного числа, характерное в древнееврейском и других северноцентральных семитских языках для одной определенной группы имен (с огласовкой по типу **pars-*, **pirs-*, **purs-*), нельзя признать первичным явлением. Независимо от происхождения второго *-a-* в огласовке, первый *-a-* и здесь принадлежит к корню.

Число таких имен в семитских языках довольно велико, и охватывает, по существу, весь основной словарный фонд в области имен (см. также п. 11). Сюда входят корни типа C+Г, C+Г+C, C+Г+C+C, C+Г+C+Г+C и некоторые корни с четырьмя согласными при двух гласных.

С одним и двумя согласными⁴⁷:

акк.⁴⁸ p-+ 'рот', p-ān- 'лицо', 'id- < *ia-d-+ 'рука', 'ab-+ 'отец', 'aḥ-+ 'брат', 'em < *ham-+ 'тесть', 'is- < *iṣ-+ 'дерево', 'dal-t-+ 'дверь', *šan-t-+ 'год', 'il-+ 'бог', 'bin-+ 'сын', 'is-āt-+ 'огонь', 'tin-+ 'два', 'liš-ān-+ 'язык', 'šum-+ 'имя', 'mut-+ 'мужчина', 'dām-+ 'кровь', 'bāb-+ < *ba'-ba'-+ 'дверь', 'kāt- < *kāt- 'рука', 'mā-+ 'вода', 'kīs- 'кошель'; и удвоенные (полностью и частично): pas-pas- 'утка', kakkab- < *kab-kab-+ 'звезда', kak-kaḍ- < *kad-kad- 'голова', lillid- < *lid-lid- 'половозрелая самка животного', 'tīt- < *ti't- < *ti'-ti'- 'глина', 'bābūt- < *bu'-bu'-t- 'голод', 'gulgul-t-+ 'череп', 'šarr- < *šarr-+? 'царь, вождь', 'baḥk- 'комар', 'kall-āt- 'невеста', 'šinn-+ 'зуб', 'libb-+ 'сердце', 'umm- < *imm-+ 'мать', 'summ-at- 'горлица' и др.

С тремя согласными: корни этой группы, как правило, имеют вторым или третьим согласным либо полугласные *u*, *i*, или гортанный взрыв (так называемые слабые согласные), либо сонорные *m*, *n*, *l*, *r*⁴⁹; те и другие согласные либо восходят к слогаобразующим сонантам *u*, *i*, *a*, *m*, *p*, *l*, *r* (и таким образом на раннем этапе общесемитохамитского такие корни содержали только два собственно гласных)⁵⁰, либо являются наращениями первоначального корня. Примеры:

'kalb-+ 'собака', 'karb-+ 'внутренность', 'ekl- < *haki-+ 'поле', *'ahl-+ (родовое) жилище, община, 'aḥ-+ 'месяц', 'tēm- < 'tām-+ 'совет', 'мысли', 'zēr- < *zar-+ 'семя', 'kūl- < *kaul- 'молчание', 'ūm- < *iaum-+ 'день', 'nēš- < *n/laīt-+ 'лев', 'bīt- < *baīt-+ 'дом', 'mār- < 'mar'- 'сын', 'in- < *ain-+ 'глаз', 'erš-et- <

⁴⁷ Ввиду преобладания трехгласных корней в семитских языках наблюдается определенная тенденция рассматривать и эти корни как трехгласные, проявляющаяся особенно в образовании множественного числа: акк. 'ab-u-m 'отец', 'aḥ-u-m 'брат', мн. ч. 'abbū, 'aḥḥū; араб. 'ab- 'отец', мн. ч. 'abāh-āt-; араб. 'aḥ-u-n 'брат', мн. ч. 'iḥu-ān-u-n; сем. dal-t- 'дверь', акк. мн. ч. правильно dal-āt-u-m, но др.-евр. dalāt-ō: ср. в ж. р. 'aḥā-t- 'сестра' (как будто из *'aḥa'-t-) и вариантную форму араб. 'ilāh-, араб. 'elāh-, др.-евр. 'ēlōh < *ilāh- 'бог' (ср. акк. 'il-, др.-евр. 'ēl 'бог'). Корень *p- — единственный типа C+Г.

⁴⁸ Приводим примеры из аккадского, однако большинство соответствующих слов является общесемитскими (помечены +), а некоторые известны более чем в одной ветви семитохамитских языков или даже являются общесемитохамитскими (помечены ++).

⁴⁹ Исключения редки, например, акк. kasp- 'серебро', видимо, от глагола *ksp 'ломать на кусочки, крошить'?

⁵⁰ В этом предположении удается, как я постараюсь показать в другом месте, построить достаточно стройную и непротиворечивую единую теорию семитского именного и глагольного корнеобразования и корневых моделей.

*arš-+ 'земля', kāš- < ka's-+ 'чаша', šamš-+ 'солнце', rēš < *ra's-+ 'голова', kibr- 'берег', rīm- < ri'm-+ 'дикий бык', tīš- < *tiš-+ 'девять', zīb- < di'b-+ 'волк', būr- < *bi'r-+ 'колодец', 'uḡn-+ 'ухо', 'ešr- < *asar-+ 'десять', kapp- < *kanap-+ 'крыло', 'ḥatan-+ 'зять', 'ḥamiš-+ 'пять', 'atān-+ 'ослица', 'šamā-+ 'небо', 'šalāš- < talāt-+ 'три', 'anān-t- 'сопротивление', 'tām-t- < *tiḥām-t- 'море', 'emūk- < *amūk-+ 'мощь', 'batūl-t-+ 'девушка', 'ebūr- < *abūr-+ 'жатва', 'šarūr- 'сияние', 'taḥūm- 'межа', gam(m)āl-+ 'верблюд' и др.

Есть и некоторое количество четырехгласных корней: 'akrab-+ 'скорпион', 'arnab-+ 'заяц', 'šeleb- < *ta'lab-+ 'лисица', 'puršu- < *parjūt-?+ 'блоха', 'ḥumšir- 'мышь', 'puršum- 'старик'.

Перечисленные слова сохраняют свой корень, включая гласный, во всех семитских языках⁵¹, за сравнительно немногими исключениями, объясняющимися, вероятно, вторичными причинами⁵²: общесем. *bin- 'сын', амор. bin- || bun-, общесем. *imm-, акк., араб. 'umm- 'мать' (огубление); общесем. laš-ān-, акк. lišān-, араб. lišān- 'язык'; араб. riḡt- < *ragl- 'нога', др.-евр. ragl-. Но в пределах одного языка корень, как правило, и в этих случаях сохраняет свой гласный, который во всяком случае не является внутренней флексией.

3. Таким образом, если мы придем к выводу, что первоначальным типом семитского именного корня был тип C+Г+C или, реже, C+Г+C+Г+C, то мы вряд ли ошибемся. Во всяком случае гласный первоначально входил в именной корень, как это имеет место вообще во всех языках мира. Что касается местоимений, то здесь даже самые последовательные сторонники понимания семитского корня, как чисто согласного, не отрицают корневого характера входящих в них гласных.

4. Сложнее обстоит дело с глаголами, а также с отглагольными именами, составляющими едва ли не большую часть словарного запаса семитских языков. Здесь внутренняя флексия насильно пронизывает все формы, и установить корневой гласный не представляется возможным. Кроме того, все корни здесь — трехгласные (и изредка четырех- и пятигласные), по видимости, без определенной закономерности в отборе третьих корневых, за исключением действия правила несовместимости некоторых однородных по артикуляции согласных

⁵¹ В южносемитских — в основной форме единственного числа.

⁵² В связи с этим высказывается мнение о первичной недифференцированности качества гласных в семитохамитских языках или о наличии только двух гласных: *a*, *ā* и *e*, *ē*. Однако при этих условиях еще не могла бы выработаться характерная для семитохамитских языков развитая гласная флексия, требующая четкого качественного различения гласных; а эта флексия выработалась в весьма глубокой древности. Поэтому система шести гласных *a*, *i*, *u*, *ā*, *ī*, *ū* должна быть отнесена уже к позднему этапу общесемитохамитского состояния.

в одном корне⁵³. Мало того, правило трехсогласия и чисто согласного состава корня распространяется в значительной мере и на другие семитохамитские языки, помимо семитских, несмотря на то что трехсогласность там труднее выявлять вследствие исторических изменений фонологии.

Тем не менее есть некоторые данные, указывающие, во-первых, на то, что и глагольный корень первоначально был по большей части двусогласным, и во-вторых, на то, что он содержал корневой гласный.

5. Прежде всего, о первоначальном двусогласии глагольного корня. Весьма значительный процент составляют глагольные корни, в которых один из корневых согласных — «слабый», т. е. *ʕ* или *l*, а также *n*, формантное происхождение которого, по крайней мере в начале корня, общепризнано⁵⁴. По-видимому, «слабые» корневые согласные, *ʕ* и *l*, а также *n* прибавлялись для подгонки двусогласных корней под трехсогласную схему, необходимую для размещения гласных инфиксов по известным стандартным моделям (случай действия аналогии). Это видно из неустойчивости положения таких согласных в корне⁵⁵, из замены одного из трех корневых согласных в синонимичных глаголах в одном⁵⁶ или в разных языках⁵⁷, из случаев наличия форм

⁵³ Точнее, в первичной ячейке корня. См. ниже, п. 7.

⁵⁴ Предполагается, что начальный *n*- применяется для образования глаголов от звукоподражаний и для выражения направленности действия (В. фон Зоден). В древнеегипетском глаголы с начальным *n*- нередко, по-видимому, отыменные. При образовании каузатива и отглагольных имен с префиксом *m*- этот *n*- в древнеегипетском отпадает. Начальный *n*- употребляется, как в семитских (например, в аккадском), так и в древнеегипетском, для образования четырехсогласных и пятисогласных вторичных глагольных корней от первичных удвоенных [в аккадском — от частично удвоенных дву- и трехсогласных, как *narrur*- 'разбегаться', *naharmut*- 'погибнуть (?)', в египетском — от полностью удвоенных двусогласных, как *nhrhr* 'радоваться' (ср. *nhr-nhr* с тем же значением — аналогия образования трехсогласных с первым коренным *n*-), а также для образования пятисогласных корней из четырехсогласных (результат древнего словосложения? Например, акк. *nabalkut*- 'переходить', 'нарушать')].

⁵⁵ Для примера возьмем несколько корней, наудачу выбранных из словаря: 1) акк. *grr* 'бежать зигзагами', 'извиваться', др.-евр., араб. *grr* 'тащить' и т. п. // др.-евр., араб. *gr* 'отклоняться в сторону', 'гостить' (ср. др.-евр. *grš* 'иагонять'); 2) др.-евр. *grr* 'нападать' // акк., др.-евр., араб. *grl/ʕl* 'враждовать', 'возбуждать вражду', 'готовиться к битве'; 3) др.-евр. *gar-ʕn*, араб. *ʕir-ʕn* 'горло', араб. *gar-gar-t* 'шея', двусогласный корень **gar* // др.-евр. *gērā* 'жвачка', корень *grlʕ*? (ср. южносем. *gr* 'глотать', 'хлебать'). Ср. также, например, акк. *hrr* и *hri* 'конать', *rdd* и *rdi* '(пре)следовать' и др.

⁵⁶ Например, акк. *ʕabāl*- 'нести, приносить', *tabāl*- 'приносить', *zabāl*- 'тащить', *nabāl*- 'сносить'.

⁵⁷ Например, акк. *ndi* 'клясть' ~ араб. *ndi* 'платить выкуп'; ср.

с двумя корневыми согласными вместо трех, образованных, однако, от трехсогласных корней (с одним «слабым» согласным), причем нет видимых фонетических причин для отпадения «слабого» согласного (например, имена действия и некоторые отглагольные имена от аккадских глаголов с первым корневым *ʕ*: *ʕašāb-u-m* 'жить', 'сидеть' — *šub-t-um* 'жилище'; *ʕabāl-u-m* 'нести' — *bil-t-um* 'дань'; *ʕalād-u-m* 'рожать' — *lillid-u-m* < **lid-lid-u-m* 'половозрелая самка'; и императивы от этих же глаголов: *šub* 'живи', 'садись', *bil* 'принеси')⁵⁸.

В некоторых случаях глаголы с первым корневым *ʕ* образовались от соответственных двусогласных корней не во всех семитских языках; так, в аккадском есть существительные *šuttum* < **šun-t-u-m* 'сновидение', *šittum* < **šin-t-u-m* 'сон', но нет соответствующего глагола **ʕašān-u-m*, засвидетельствованного, однако, в других семитохамитских языках. Глаголы с первым корневым *l* являются в большинстве случаев лишь разновидностью глаголов с первым корневым *ʕ* и обычно чередуются с ними (например, в старовавилонском диалекте **ʕard-u-m* 'раб', букв. 'низведенный', но в староассирийском наряду с этой формой также *ird-u-m* < **ʕard-u-m*); в североцентральных языках глаголы с первым *ʕ* почти полностью совпали с глаголами с первым *l*.

По-видимому, императив и имена действия от глаголов с первым корневым *ʕ* сохраняют первичную форму корня — из двух согласных с кратким гласным между ними (В. фон Зоден).

Другую категорию первичных корней, по-видимому, составляли корни из двух согласных с долгим гласным между ними (пустые, или *mediae infirmae*) или после них (недостаточные, или *ultimae infirmae*). В этом случае для подгонки под трехсогласную схему в середине — или, соответственно, в конце — вставлялся согласный *ʕ* или *l*, в зависимости от качества первичного гласного (который в свою очередь мог зависеть от переходности или непереходности глагола, см. ниже, § 6, п. 5—6)⁵⁹. Степень последовательно-

др.-егип. *df(j)* 'клясть', *wđj* то же, *ndj* 'низвергать'; акк. *ndn* 'давать' ~ др.-егип. *wđn* 'жертвовать'.

⁵⁸ Аналогично от глаголов с первым корневым *n*: акк. *našār-u-m* 'хранить', 'соблюдать', *nadān-u-m* 'давать', императив *ušur*, *idin* (*din*); др.-евр. *nāṭon* 'давать', императив *tēn*.

⁵⁹ Если бы корень был действительно с самого начала трехсогласным, то ожидалось бы и здесь существование вариантов *i-12u3*, *i-12i3*, *i-12a3*, в зависимости от переходности, в соответствии с § 6, п. 6 (обозначаем цифрами согласные корня). Мы получили бы в этом случае разные формы огласовки независимо от того, был ли вторым корневым согласным *ʕ* или *l*. Но в действительности корневой согласный всегда соответствует огласовке, т. е. не существует

сти подгонки под трехгласную схему в различных семитских языках различная — наибольшая в арабском, однако и здесь последовательность не полная, ср. корень *mūt* 'умирать': араб. *māta* 'умер', *ja-mūt-u* 'умрет', *maūt-u-n* 'смерть'; акк. *i-mūt* 'умер', *i-mu'at* (вместо ожидаемого **i-maūat*) 'умирает', *mu'āt-u-m* (вместо ожидаемого **maūāt-u-m*) 'умирание', *mūt-um* < **maūt-u-m* 'смерть'; или корень *kān* 'быть прочным, верным'; *u-kān* (вместо ожидаемого **u-kaūan*) 'он утверждает' и т. п. Формы *i-mu'at*, *mu'āt-u-m*, *u-kān* не являются результатом действия какого-либо непреложного фонетического закона, ср. *'aūāt-u-m* 'слово', *iūalid* 'рожден', где *ū*, *ūū* удерживаются между гласными; трудно сказать, восходят ли формы *i-mu'at*, *mu'āt-u-m* к реально существовавшим, но исчезнувшим формам **i-maūat*, **maūāt-u-m* или являются результатом неполной подгонки первичного корня **mūt* под трехгласную схему. Форму *u-kān* вообще трудно возвести к **u-kaūan* — нет даже промежуточной формы **u-ku'an* (вместо нее встречаем асс. *u-ka'an*).

В древнееврейском и арамейском языках «пустые» глаголы фонетически также невозводимы к трехгласной схеме (так, **kaāta*, **kaāmta* должны были бы дать **kām*, **komtā*, между тем 'он встал' звучит по-древнееврейски *kām* (< **kama*), 'ты встал' — *kamtā* (< **kamtā*).

«Слабый» корневой согласный *'*, *ū*, *ī* может быть в глаголе реальным корневым согласным, и тогда сохраняется во всех формах (акк. *i-š'al* 'он спросил', *u-parri* 'рассеял')⁶⁰, кроме тех, где он не мог сохраниться по общим фонетическим правилам (акк. *īmūr* < **i-'mūr* 'он увидел'); но может и не существовать реально, отражаясь только в том или

глаголов с огласовкой *u* и с согласным *ī* на втором месте или глаголов с огласовкой *ī* и с согласным *ū* на втором месте. Это означает, что второй корневой согласный при переходе на трехгласную схему выбирался в соответствии с уже существовавшей в двусогласном корне огласовкой, имевшей грамматическое значение. То же верно и в отношении глаголов с третьим «слабым» корневым согласным.

С другой стороны, если бы гласный зависел только от переходности или непереходности, т. е. являлся бы только гласным инфиксом, то он не должен был бы быть долгим, так как гласная флексия здесь в принципе представлена в виде кратких гласных. Форма *i-mūt*, *ja-mūt-u* с долгим *ū* (из предполагаемого **ja-mūit*) вряд ли вызвана фонетическими причинами, так как в аккадском *ū* + гласный дает краткий *u*, а в арабском такая комбинация фонем вообще теоретически должна сохраниться. Вероятно, долгота обусловлена тем, что флективная огласовка двусогласного корня, каким такой корень был первоначально, требовала уже в то время долготы гласного, в целях метрического уподобления соответственной форме от трехгласного корня.

⁶⁰ Действительно корневыми бывают и согласные *n*, *ū*, *ī*.

ином качестве гласного при подгонке двусогласного корня под трехгласную схему (акк. *i-bāš* 'посрамился'; в арамейском, однако, ' в этом корне произносится).

Интересно, что одни и те же глаголы в одних языках выступают с реальным корневым согласным *'*, *ū*, *ī*, в других — как «пустые» глаголы. Так, в древнеегипетском *mwt* 'умирать' — трехгласный корень, а в аккадском и древнееврейском — «пустой»; напротив, в древнееврейском и арабском глагол *ryh* 'быть широким, свободным, легко дышащим' относится к трехгласному корню, в аккадском он относится к категории «пустых», а в арабском имеется в обоих вариантах; точно так же *šyh* 'кричать' относится в древнееврейском к правильным глаголам, а соответствующий глагольный корень в аккадском, угаритском и арабском (*ših*) — «пустой». Это указывает на то, что подгонка двусогласных глагольных основ под трехгласную схему происходила уже после общесемитского языкового этапа и в разных языках по-разному.

Аналогично обстоит дело с глаголами, где «слабым» является конечный корневой согласный. И здесь полного соответствия ожидаемым для трехгласного корня схемам обычно не бывает (ср., например, от корня **bnī* 'строить' инфинитив в аккадском: ст.-вав. диалект *banīm*, ст.-асс. диалект *banā'-u-m* вместо ожидаемого и фонетически возможного **banāi-u-m*, ср. окончание относительных прилагательных на *-āi-u-m* в том же диалекте).

Наконец, явно возникли из двусогласных корней такие глагольные трехгласные корни, в которых третий корневой согласный повторяет второй (*verba secundae geminatae*). Это видно не только из наличия нерегулярных форм, но и из чередования последнего корневого согласного с другими, например, акк. *dbb* 'говорить' ~ др.-евр. *dbr*; акк. *šll* 'брат в плен' ~ араб. *šlb* < **šlb* и др. Видеть здесь случай ассимиляции или диссимиляции нет оснований.

Как мы уже упоминали, в несемитских языках семито-хамитской семьи трудно выявить действительное первоначальное положение вещей, так как, находясь ныне уже в новом состоянии, они успели претерпеть значительные фонетические изменения. Глаголов, по видимости двусогласных, в них очень много, однако иногда удается восстановить их первичный трехгласный облик. Так ли это во всех случаях — можно судить только по самому древнему из несемитских языков этой семьи — древнеегипетскому.

6. В древнеегипетском реально существует распространенный тип глаголов с двумя корневыми согласными. Их нельзя принять за глаголы со средним или конечным кор-

певым согласным *ɟ* или *l*, выпавшим по фонетическим причинам.

Глаголы со средним *ɟ*, *l* в древнеегипетском (в староегипетском диалекте) полностью подогнаны под трехсогласную схему и всегда (кроме случаев, вызванных закономерными фонетическими правилами или орфографическими причинами) сохраняют *ɟ* и *l* (например, *mwt* 'умирать')⁶¹.

Глаголы с третьим корневым *ɟ* или *l* выдают непоследовательность образования различных форм свой первичный характер и в древнеегипетском; в ряде случаев это отыменные образования от относительных прилагательных на *-j*. По формообразованию они также отличаются от собственно двусогласных.

7. Таким образом, первоначальное существование двусогласных глагольных корней в семитохамитских языках не подлежит сомнению. Однако большинство глаголов все же имеет три корневых согласных, не относящихся к числу «слабых» (*ɟ*, *l*, ' и *n*).

Тем не менее, можно показать, что и эти глаголы, по крайней мере во множестве случаев, восходят к двусогласным корневым ячейкам. Тщательное изучение корней показывает, что обычно главную смысловозначительную роль несут только два согласных (обычно первый и второй, реже — второй и третий)⁶². Мы уже приводили пример акк. *ɟabāl-u-m* 'нести', 'приносить', *nabāl-u-m* 'сносить', *tabāl-u-m* 'нести', 'приносить' и *zabāl-u-m* 'тащить' и случаи перемены местами «слабого» и «сильного» согласного; ср. также акк. *parās-u-m* 'разделять', *parās-u-m* 'пробивать насквозь', *parāḥ-u-m* 'отделять', 'прорезать', *parāk-u-m* 'преграждать', *parā'-u-m* 'перерезать', *parār-u-m* 'расходиться в стороны', 'рассеиваться'; *parāš-u-m* 'лететь' и *naparšud-u-m* 'удирать', 'убегать'. Часто еще более явно выступает это явление при сравнении разных языков; примеры приводились выше.

Прекрасным примером развития корней являются случаи вторичных образований от именного корня **laš-* 'язык', сохранившегося в древнеегипетском, берберо-ливийских и чадских; в семитских, с формантом определенной единичности, он дает *liš-ān-*, но в араб. *lašš-ān-*, эфиоп. *laš-ān-*, *lašš-ān-*, так как языковое сознание еще воспринимает *-ān* как формант и ощущает необходимость в ином, третьем

корневом согласном⁶³. От этого именного корня образуются глаголы: хауса *lāsā* 'лизать', араб. трехсогласный глагол *lahisa* 'он лизал, лакал' и четырехсогласный глагол *lahyasa* 'он лизал'; ср. др.-егип. *n/lšb* 'вкусать', 'жевать', по образцу которого образуется, видимо, и *nḏb* 'пить', 'глотать' от первичного *ḏb*.

Все это показывает, что в основании семитохамитского трехсогласного глагольного корня, по-видимому, всегда лежит первичная двусогласная корневая ячейка.

8. Труднее доказать, что эта ячейка первоначально содержала не только два согласных, но и гласный: внутренняя гласная флексия полностью вытеснила его во всех семитохамитских языках; в языке хауса, с наиболее далекой от семитского типа глагольной огласовкой, последний гласный глагольной основы неустойчив (*tafi* 'пошел', *tafo* 'пошел сюда', *buga* 'побил', *bugu* 'побит'); относительная же устойчивость первого гласного легко может оказаться вторичным явлением при более тщательном историческом исследовании⁶⁴.

Тем не менее мы беремся утверждать, что первоначальный семитский глагольный двусогласный корень содержал гласный, исходя из аналогии с именным корнем, — поскольку исторически глагол всегда в конечном счете возникает из нерасчлененного комплекса, содержащего черты также и имени, — и из некоторых соображений в связи с моделями основообразования.

Однако встают вопросы: 1) каковы причины появления и преобладания трехсогласного глагольного корня в семитских языках; 2) что представляет собой этимологически третий «сильный» корневой согласный, каков тот материал, который пошел на образование трехсогласных корней?

9. Прежде чем ответить на эти вопросы, надо уяснить себе возможные пути развития характерной семитской внутренней флексии. Предположим, что она, как это наиболее обычно и в других языках мира, возникала из внешней. Обычный путь ее возникновения таков: присоединяемый гласный формант вызывает ассимиляцию гласного соседнего, корневого слога (обычно неударного), и затем становится излишним, так как соответствующая грамматическая категория уже отражена изменением корневого гласного, и отпадает. Такой путь возможно в ряде случаев предположить и в семитохамитских языках. Так, например, из хаусанского типа образования имени орудия путем одновременной префиксации форманта *ta-* и суффиксации относительного фор-

⁶¹ Разница между обоими типами графически обычно не выявлена, но обнаруживается по различному отражению огласовки на позднем этапе развития языка.

⁶² Также и в древнеегипетском: *š'* и *š'd* 'резать', **g'j*, '*g*' и *bg*' 'переворачиваться' (о лодке), *bšš* и *išš* 'плевать', *hwj*, *nh* и *dnḥnh* 'защищать' (Э. Эдель).

⁶³ Ср. выше, прим. 47 об образовании множественного числа от двусогласных имен.

⁶⁴ Хаусанские глагольные основы исторически восходят к отглагольным именам различных огласовок («масдарам», см. п. 13).

манта *-i* (например, *ma-bud-i* 'ключ' от *bud'a* 'открывать') мог бы возникнуть семитский тип имени орудия с префиксом *ma-* и внутренне-флективной огласовкой последнего слога корня *-i-* (например, др.-евр. *mappēš* < **ma-npīš-* 'молот' от *npš* 'разбивать')⁶⁵. Но далеко не все случаи внутренней флексии в семитохамитских языках с легкостью объясняются таким образом⁶⁶, особенно когда она распространяется на первый слог корня, причем мы не имеем основания предполагать утерю ранее существовавшего префикса, как в арабском пассиве *kutīla* 'он убит' при *katala* 'он убил'. Однако следует отметить, что если в основе имеются два гласных, то во втором от конца слоге огласовки мы встречаем, как правило, либо гласный *-a-*, либо нулевую ступень гласного, а гласные *-u-* и *-i-* встречаются во втором от конца слоге огласовки основы по большей части только в формах, образованных от других отглагольных имен, имеющих этот гласный в своем единственном, т. е. как бы первом от конца слоге. Так, в аккадском в отглагольных именах с двусложной огласовкой корня гласный *i* во втором слоге от конца основы вообще не встречается, а гласный *u* встречается редко и, по крайней мере в некоторых случаях, несомненно в поздних образованиях⁶⁷. К поздним образованиям относится и арабский пассив *kutīla* (ср. еще в араб. *katīl* < **katīl-*); такие формы образовывались тогда, когда ни один гласный в глагольном корне уже не воспринимался языковым сознанием как прин-

⁶⁵ Этим мы не хотим сказать, что хаусанский тип сохранил древнюю форму, явившуюся исходной для семитских; напротив, образование типа *ma-bud-i* в хауса, несомненно, вторичное, а *-i* < **-ii-* является обычным семитохамитским относительным формантом («нисба»). Мы берем эту форму лишь как модель возможной древней конструкции. Сама эта модель была возможна только при нулевом прямом падеже.

⁶⁶ Если, например, огласовка перфектива переходных глаголов *i-prus* (или императива *purus*, который нередко считается исходной формой для образования перфектива) объясняется ассимиляцией с ранее существовавшим суффиксом переходности **-u-*, то почему то же явление не наблюдается в имперфективе переходных глаголов *i-parras*? Потому ли, что это формант не переходности, а вида?

⁶⁷ Так, мало распространенные типы субстантивированных прилагательных типа акк. *ṣuḥār-* 'юноша' и уменьшительно-уничижительных типа акк. *ṣuḥīr-* < **ṣuḥaīr-* 'мальчишка' должны быть признаны вторичными уже потому, что они образованы от чрезвычайно редких для северосемитских языков отыменных глаголов (**ṣaḥār-* 'малый', 'юный', **ṣaḥār-* 'быть малым', *ṣuḥr-* 'малость', и т. п.); это явление полностью распространилось на первичные имена только в более поздних южносемитских языках. Инфинитивы производных пород (см. § 11) типа *purrus-*, *ṣuprus-* следует считать вторичными ввиду сохранения в ассирийском диалекте форм *parrus-*, *ṣaprus-*, и т. п. Ср. также имена живых существ: *lu'āl-* 'лисица' || *la'lab-*, *ḡurāb-* 'ворон' || акк. *'ārib-*, *dubāb-* 'муха' || *dubb-*, где огласовка *lu2ā3*, несомненно, вторичная (имена уменьшительные).

ципально неизменный, и вся система языка была насквозь пронизана внутренней флексией. Но можно думать, что, по крайней мере первоначально, гласная внутренняя флексия захватывала только последний слог корневой части слова, если только не возникала под влиянием префикса.

В некоторых случаях возможно, что третий корневой огласный, будучи первоначально формантом, агглютинативно присоединялся после предшествующего гласного форманта, который тем самым автоматически превращался во внутреннюю флексию.

10. Возникновение всеобъемлющей системы развитой внутренней флексии в семитохамитских языках следует во всяком случае отнести к глубокой древности⁶⁸, когда форма чистой основы имени (абсолютная) была наиболее обычной именной формой — нормальным выражением прямого падежа (см. об этом ниже, § 4, п. 7). Когда возникли формы склонения с гласной внешней флексией (особенно именительный падеж на *-u-*), эта постоянная внешняя флексия должна была бы предохранять корень отглагольного имени от внедрения в него каких-либо дополнительных гласных формантов.

11. Причиной своеобразия семитохамитского корня следует считать именно это раннее возникновение обильной, развитой и всеобъемлющей системы внутренней флексии. В составе корневой ячейки СГС гласный, — в большинстве случаев, вероятно *a*, — имел меньшее значение в качестве смыслоразличительного средства, чем согласные, и был заменен гласным внутренне-флективной огласовки. Но это означало, что корнеобразование как средство лексического обогащения было чрезвычайно ограничено по своим возможностям: число возможных корней стало равняться числу комбинаций согласных по два⁶⁹.

⁶⁸ Здесь нет возможности подробно останавливаться на детально разработанной теории словообразования и словоизменения в семитских языках, выдвинутой Е. Куриловичем. Но, в частности, теория огласовок глагольного корня, предложенная этим автором, не имеет отношения к постулируемому нами древнему корневому гласному глагольного корня, так как Е. Курилович оперирует с вполне сложившимся семитским корнем, в отношении которого огласовка выступает уже только в морфологической функции, а гипотетический корневой гласный вытеснен. Что касается самой концепции семитского слово- и формообразования, выдвигаемой Е. Куриловичем, то, с нашей точки зрения, к ней следует отнести во многом критически, так как мы не можем согласиться с предлагаемой им относительной датировкой ряда языковых явлений (см. ниже, § 6, п. 3 сл.).

⁶⁹ По общему для первоначальных семитохамитских языков правилу, сохраняющемуся даже во многих новосемитохамитских языках, слог не может начинаться с гласного, а также начинаться или замыкаться двумя согласными (т. е. СГ и СГС являются единственными возможными типами слога). По всей вероятности, это правило распространялось первоначально и на корневые слоги. В другом месте я постараюсь показать, что вообще структура семитского корня связана с законами слогаобразования.

Если при этом учесть фонетическую несовместимость сходных по артикуляции согласных в одном корне и вероятность того обстоятельства, что некоторые согласные в прасемитохамитском фонематически не различались, т. е. представляли собой не более как разновидности произношения одной и той же фонемы ⁷⁰, то окажется, что число возможных корней не могло превосходить двух-трех сотен. Ясно, что необходимо было не только расширение лексического запаса на основе прежнего корнеслова (что происходило за счет уточняющей лексическое значение функции внутренней флексии), но и расширение самого корнеслова. Так как словосложение семитохамитским языкам уже с древнейших времен было почти несвойственно (кроме редупликации), то расширение лексики пошло за счет увеличения корневого запаса путем наращивания двусогласных корневых ячеек до трехсогласных корней.

12. Значительно труднее ответить на вопрос, откуда брался этот третий корневой согласный.

По-видимому, путей образования третьих корневых согласных было несколько:

(1) Формальное наращение «слабых» согласных *ʔ*, *h*, *l*, *n*.

(2) Редупликация корня — полная или сокращенная.

(3) Расширение корня за счет первоначальных грамматических формантов.

Здесь, как и в ряде других случаев, аналогией могут служить явления языка хауса: *za* 'идти', *zaikake* 'неожиданно отвратиться'; *haɕ* 'подыматься', *haɕra* 'вскарабкиваться', *kama* 'держаться', *kamata* 'долженствовать'; ср. др.-егип.: *š*, *š'd* 'резать', *wš*, *wšr* 'быть пустым'. Значение этих первоначальных формантов ныне установить невозможно. По-видимому, в образовании третьих «сильных» корневых

⁷⁰ Это видно из наличия серий сходных по значению корней, образованных с помощью акустически и по артикуляции близких согласных. Так, ср. в арабском серии корней: *ksr*, *ksf*, *ksm* (первичный корень *k/kaš-ʔ*); *kt*, *ktl*, *ktl* (< **ktl*) (первичный корень *kaʔ-ʔ*); *jd*, *jd*, *jd*, *jz*, *jz*, *jz* (первичный корень *gaʔ/z-ʔ*).

Все эти корни имеют значение «отрезать», «отламывать», «отрубать», «убивать», «разделять» и т. п. Ср. в акк. *kāt-* (< **kāt-ʔ*) 'рука' и глаголы *kšš* 'отрезать', *ksp* 'разламывать', *gdm* 'кастрировать', *gzz* 'стричь' и т. п. Возможно, это указывает на то, что семантика «отрезания рукой» была первоначально связана с одним или несколькими близкими корнями, состоявшими из одного заднеязычного и одного переднеязычного согласного, причем различие качества этих согласных (звонкий, «эмфатический», глухой) не было фонематическим. Объяснить расхождение этих корней комбинаторными фонетическими явлениями, по-видимому, не представляется возможным. Сюда же, быть может, нужно отнести спордическое явление неточного соответствия корней между разными семитскими языками: акк. *šbr* ~ араб. *šbr* 'быть малым'.

согласных играло роль явление фонематизации первоначально нефонематических различий в произношении (отсюда такие варианты корней, как акк. *prk* 'прорезать', *prk* 'преграждать', *pr* 'отрезать' и т. п.), а также метатеза, например, *npš* // *nšp* 'дышать', 'дуть' ⁷¹. Однако, принимая гипотезу метатезы, следует каждый раз попытаться объяснить ее причины, остерегаясь произвольного сопоставления корней, делаемого лишь на основании необоснованного предположения о спонтанных метатезах, чем особенно грешат семитохамитские этимологии М. Коэна ⁷².

(4) Расширение корня за счет согласных, имевших экспрессивное значение, как араб. *lahisa* (< **lahiša*) 'он лизал' при **laš* 'язык'.

(5) По-видимому, имело место также расширение корня за счет консонантизации слогаобразующих сонантов, превратившихся в дополнительный корневой согласный. Таким же путем образовывалось, по-видимому, большинство четырех- и пятисогласных глагольных корней (помимо случаев простой редупликации двусогласного корня).

13. От глагольных корней в семитохамитских языках образуется громадное количество производных существительных (особенно имен действия, так называемых *масдаров*), и прилагательных. Они образуются по определенным схемам огласовок, причем каждая схема имеет определенное семантическое значение. Приведем некоторые из них (преимущественно из аккадского языка), обозначив корневые согласные цифрами.

Тип **1a23**: отглагольные имена, выражающие продукт или результат действия: 'акл-' 'хлеб' ('кл' 'есть', 'кушать'), 'малк-' 'совет' ('млк' 'советовать').

Тип **1i23**: отглагольные имена, выражающие конкретные понятия, связанные с глагольным действием: *šipr-* 'посылка',

⁷¹ Наиболее трудны для объяснения те корни, в которых дополнительный корневой согласный, по-видимому, средний, как акк. *pṛr* 'развязывать', 'освобождать' и *pšr* 'развязывать', 'распускать', которые сопоставляются с упоминавшейся серией *prs*, *prš*, *prk*, *prk*, *pr*, *prg* с первичным значением *'отделять'. Здесь трудно обойтись без гипотезы метатезы, но как ее объяснить?

⁷² Соотношения корней могут быть весьма сложными, и объяснение их простой метатезой не всегда решает вопрос. Так, например, мы имеем др.-егип. *nf* 'воздух', *nšf* 'дышать', общесем. *napš-* 'душа' (и отыменный глагол *npš* 'дышать'), *nšp* 'дуть', др.-евр. *nšm* 'тяжело дышать', общесем. *npḥ* 'раздувать огонь'. Что является здесь первичной корневой ячейкой? Имея в виду др.-егип. *nf*, скорее всего *nap-*, откуда *napš-* и отыменный глагол *npš* и с метатезой *nšp* с вариантом *nšm* (др.-егип. *nšf*, видимо, заимствование из семитских). Однако *npḥ* сюда не относится, так как акк. *puḥpuḥḥi* 'тяжелое дыхание в бою' показывает, что этот корень — звукоподражательный, и основная корневая ячейка в нем **puḥ-*. Но в таком случае не следует ли также считать звукоподражательными корни *npš*, *nšp*, *nšm*?

'работа' (*špr* 'приказывать', 'посылать'), *širk-* 'подарок' (*šrk* 'дарить'), *mīl-* < **mil-* 'половодье' (*ml* 'наполнять'); в женском роде: *dīk-t-* 'резня' (*duk* 'убивать'), *šim-t-* 'судьба' (*šim* 'решать судьбу'), *hidūt-* < **hidu-(a)t-* 'радость' (*hdū* 'радоваться').

Тип 1a23: отглагольные имена, по-видимому, вариант модели 1i23: *dumk-* 'благо', *murš-* 'болезнь', *šurk-* 'покража', *šurp-* 'сожжение'; *nuk(u)r-t-* 'вражда', *pul(u)ḥ-t-* 'страх' (*dmk* 'быть хорошим', *mṛš* 'быть больным', *šrk* 'красть', *šrp* 'сжигать', *nkr* 'враждовать', *plḥ* 'бояться, почитать, работать').

Тип 1a2a3: причастия состояния или же отглагольные прилагательные, выражающие качество или размер: *ḥal(a)k-* 'пропавший'; *šeḥ(e)r-* < **šaḥar-* 'малый', *rap(a)š-* 'широкий', *ma'(a)d-* 'многочисленный', *qaḥ(a)r-* 'дорогой', *'išar-* < **īšar-* 'прямой', *tāb-* (< **taḥab-?*) 'хороший'.

Тип 1a2i3: причастия и прилагательные состояния: *dam(i)k-* 'хороший', *lab(i)r-* 'старый', *kaš(i)d-* 'захваченный', 'пойманный'; 'находящийся в состоянии держания (в активном и пассивном смысле)', *par(i)s-* 'разделенный', *šal(i)l-* 'уведенный в плен', *kīn-* < **kaḥin-* 'установленный', 'постоянный', *zīz-* < **zaḥiz-* 'разделенный', *'ešš-* < **ḥadit* 'новый'. В женском роде часто субстантивизируется, выражая состояние или качество: *damik-t-* 'благо', *kitt-* < **kaḥin-t* 'истина'.

Тип 1a2u3: причастия и прилагательные качества (цвета, недостатка и т. п.): *mar(u)š-* 'больной', *lemn-* < **lamun-* 'плохой', *kar(u)b-* 'близкий', *rūk-* < **raḥuḥ-* 'далекий', *ḡar(u)k,* 'желтый', 'зеленый', *da'(u)m-* 'темно-красный', 'коричневый'. В женском роде, субстантивизируясь, выражают качество: *lemutt-* < **lamun-t-* 'зло'.

Важно отметить, что типы 1a2a3, 1a2i3 или 1a2u3 представляют собой неотъемлемую часть парадигмы любого глагола в качестве его причастия состояния. Всем приведенным словам соответствуют глагольные корни, хотя частично и отыменные (в том числе *'dš* < **ḥdt* 'обновиться', *urk* 'позеленеть', *lmn* 'плохо проявить себя' и т. д.).

Тип 1a2a3 (в женском роде 1a2a3-t-): имена действия (масдары, инфинитивы) от глаголов в первичной породе (см. § 11): *'alāk-* < **halāk-* 'хождение', 'ходить', *kašād-* 'достижение', 'захватывание', 'достигать', 'захватывать', *'eber-* < **'abār-* 'переход', 'переправа', 'переправляться' и т. д. В женском роде — отглагольные абстрактные имена: *'alāk-t-* 'путь', 'поведение', 'образ действий', *'aḡāt-* (корень **ḥuḥ* или **ḥu'*) 'речь', 'слово', 'вещь', *'eber-t-* < **'abar-t-* 'противоположная сторона (реки)'.

Тип 1a2i3: в аккадском — вариант предыдущего типа или субстантивированный тип 1a2i3 (причастие состояния); в других семитских языках — масдары (эфиопский) или пассивные причастия (арамейский): акк. *maḥīr-* 'цена' (*mḥr* 'встречать',

'принимать', 'получать'), *zakīp-* 'кол' (*zkp* 'забивать в землю', 'выращивать из земли'), *ḥasīs-* 'слух', 'память' (*ḥss* 'помнить'); араб. *kaḥīl* 'убитый'.

Тип 1a2ū3: в аккадском — редкое образование, соответствующее по содержанию субстантивированному пассивному причестию (отсутствующему в языке как особый постоянная категория); в других языках (древнееврейский, отчасти арамейский) — пассивное причастие: акк. *ba'ūl-* 'подданный' (глагол *b'l* 'владеть', производный от имени *ba'l-* 'господин', 'домовладыка'); *karūb-* 'благословенный'; др.-евр. *kaṭūb* 'написанный'.

Тип 1a2i3: во всех семитских языках — причастие действия (активное причастие), составная часть глагольной парадигмы: акк. *kāšid-* 'достигающий', 'схватывающий', *šābit* < **šābit* 'берущий', 'хватающий', *šā(i)id-* 'охотящийся', *bāni(i)-* 'строющий'; др.-евр. *dōḇer* 'говорящий', *ḥōrēg* 'убивающий'; араб. *kaṭīl-* 'убивающий' и т. п.

Тип 1a22a3: во всех семитских языках — имя профессии: акк. *'errēš-* < **ḥarrāt-* 'земледелец' (**ḥrt* 'врезать', 'пахать', 'возделывать землю'), *nappāḥ-* 'кузнец' (*nph* 'раздувать огонь', 'разжигать'); араб. *sarrāf-* 'медник', *ḥaṭṭām-* 'палаточник'. Под эту схему подводятся и заимствованные слова: араб. *mallaḥ-* 'морьяк', 'матрос', восходящее через арамейский и аккадский к шум. *mā-lāḥ* '(на) ладье (*mā*) ходящий (*lāḥ*)'. Менее ясно происхождение араб. *naḡjār-* 'плотник', акк. *na-gar-*, *naggār-*, *nangār-*, др.-егип. *nḡr*, шум. *nagar*. Какой язык является здесь первичным, а какие заимствовали это слово, — неясно.

Тип 1a12i3: форма, параллельная типу 1i23: *'ikrib-* < **īa-krīb-* 'молитва' (*krb* 'благословлять'), *'iptir-* 'выкуп' (*ptr* 'освободить', 'открывать', 'развязывать')⁷³.

Тип 1a12a3: имена места: *tarbaš-* 'скотный двор' [*rbs* 'лежать (о скоте)'], *tābal-* < **īa'bal-* 'суша' [корень 'bl].

Тип 1a12a3: имена действия (и иногда — имена действующего лица) к возвратной породе с показателем -t-: *tamḥār-* 'схватка' (*mḥr*, в возвратной породе 'встречаться'), *tanatt-* < **tan'ād-t-* 'слава' (*n'd* 'славить'); *tamkār-* 'торговец' (**mkr* 'торговать').

Тип 1a12i3: во всех семитских языках — имена действия и результата действия от редуцированной породе глагола: *tamšil-* 'подобие', 'уподобление' (*u-maššil* 'уподобил', корень **mṭl*), *tašlil-t-* 'кровля' (*u-šallil* 'покрыл кровлей') *tašlī-t-* 'мольба' (*u-šallī* 'умолял') *tarbī-t-* 'порождение', 'воспитание' (*u-rabbī* 'вырастил').

⁷³ Префикс *īa-* применяется и для расширения первичных одностепенных корней: сем. *īad-* 'рука' < **d-*, **īam-* 'море' < **m-*, ср. *mā-* 'вода'.

Тип **ma12a/i3**: весьма продуктивный тип, выражающий во всех семитохамитских языках имя места и времени, а также имя орудия: акк. *mūšab*- < **maštab*- 'жилище' (**uṭb* 'жить', 'сидеть'), *markas*- 'центр' (*rks* 'связывать', 'скреплять'), *maška*- 'водоной' (*ški* 'поить'), *naptar*- < **naptar*- 'ключ' (*ptr* 'открывать'), *nereb*- < **maṣra/ib*- 'проход', 'перевал' (**ṣrb* 'входить'), *narkab-t*- < **markab-t*- 'колесница' (*rkb* 'ездить'); араб. *maktab*- 'кабинет', 'канцелярия' (*ktb* 'писать'), *madrās-at*- 'школа' (*drs* 'учить'), *maṣrib*- 'запад' (*ṣrb* 'входить', 'заходить'); др.-евр. *migdōl* < **magdāl*- 'башня' (*gd* 'быть или делать большим'), *mərkābā* < **markab-at*- 'колесница'; др.-егип. *msdr* 'ухо' (*sdr* 'спать'), *mzwr* 'место питья' (*zwr* 'пить'), *mnḥ* 'одежда' (*wnḥ* 'одевать'); куш. (бедауйе) *mdir* 'убийство' (*dir* 'убивать'), *m-mhag* 'подметание', 'метла'; чадск. (хауса) *makaranta* 'школа' (*karanta* 'писать'), *mabud*'i 'ключ' (*bud*'e 'открывать'), *ma'ayna* 'место, где взвешивают зерно' (*ayna* 'измерять').

Ограничимся этими немногими примерами. В действительности число семантических типов основ в семитских языках огромно; можно сказать, что ни одна схема огласовки не является случайной, а имеет значение определенного семантического типа. Конечно, в живом языке различия между типами стираются и не всегда выдерживаются вполне четко⁷⁴.

14. Однако все это касается только отглагольных имен, в том числе и образованных от отыменных глаголов. Помимо них, как мы видели, существуют имена первичного именного фонда. Для этой последней группы имен тип огласовки не имеет семантического значения. В этом легко убедиться, сопоставив список первичных имен, приведенный на стр. 194 сл., с указанными выше семантическими типами огласовки.

Так, тип **1a23** означает продукт и результат действия, но сюда нельзя отнести *kalb*- 'собака', *karb*- 'внутренность', *ayn*- 'глаз' и т. д.

Тип **1i23** означает конкретные понятия, связанные с глагольным действием, но сюда нельзя отнести **dib*- 'волк', *kibr*- 'берег', **tis*- 'девать' и т. д.

Тип **1a22a3** означает имя профессии, но сюда нельзя отнести *gammāl*- 'верблюд' и т. д.

Эти примеры можно значительно умножить (ср. типы 1u23, 1a2a3, 1a2i3, 1a2a3, 1a2u3). Многие типы огласовки вообще не совпадают в группе первичных имен и в группе отглагольных семантических типов.

То обстоятельство, что имена первичной группы не являются отглагольными в отличие от второй группы, в южносемитских

языках скрадывается легкостью создания отыменных глаголов, которые здесь могут быть образованы практически от любого имени, и поэтому нелегко бывает сказать, в каком случае первичным является имя, а в каком — глагол. К тому же здесь и первичные имена меняют огласовку при образовании множественного числа, уменьшительных и различных производных. Особое положение группы первичных имен сказывается здесь только в том, что они, как и в северосемитских языках, по значению не укладываются в схему семантического типа соответственной огласовки.

Но в северосемитских языках, как мы уже указывали, в именах первичной группы огласовка, как правило, неизменная, отыменные глаголы образуются труднее и по большей части не в виде первичной глагольной породы (см. ниже, § 11), и в большинстве случаев имена первичной группы здесь вообще не имеют отношения к глаголу. Это — особая группа имен по характеру своего словообразования; особенность ее заключается прежде всего в сохранении первичного корневого гласного.

15. Огромные возможности для словообразования, которые давало семитским языкам сплошное проведение системы внутренней гласной флексии, делали ненужным другие типы словообразования.

Широко распространена, правда, также и суффиксация формантов без изменения огласовки основы, но таких формантов очень мало. Сюда относятся: *-ān*- конкретизирующего значения (акк. *rabi(i)*- 'большой', 'главный', *rabi*-*ān*- 'градоначальник', 'голова'; *šulm*- 'привет', 'благополучие', *šulm-ān*- 'поздравительный подарок') и формант относительных прилагательных, указывающий также на место происхождения (так называемая нисба) *-i*- с вариантами *-ai*-, *-aii*-, *-āi*-: акк. *maḥr-i*- 'первый', 'передний'; *aššur-i*-, *aššur-āi*- 'ассирийский', 'ассириец', *šubar-i*- 'субареец', *ēkall-ī-t*- 'дворцовая женщина', 'гаремная женщина' и т. д. См. также § 4, п. 2 о функции показателя женского рода.

Но, например, словосложение в исторически засвидетельствованных семитских языках практически неизвестно; почти не возникает даже новых редуPLICATION, которые, однако, широко распространены в других языках семитохамитской семьи. В семитских языках отсутствуют и приемы обогащения глагольной лексики с помощью предложных или локативных превербов или поствербов. Все богатство образования основ создается исключительно внутренней гласной флексией в сочетании с внешней аффиксацией небольшого числа формантов, по-видимому местоименного происхождения, этимологию которых, однако, в настоящее время установить трудно.

16. Здесь мы не коснулись собственно глагольного осново-

⁷⁴ Подробнее см.: J. Barth, *Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen*, 2. verm. Ausg., Leipzig, 1894; J. Kuryłowicz, *L'apophonie en sémitique*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.

образования, которое будет рассмотрено специально ниже, в § 11. Принципы его сходны с образованием основ отглагольных имен.

§ 4. Имя

1. В семитских языках сохранились следы, возможно свидетельствующие о существовании сложной системы именных грамматических классов: древнейшие суффиксальные грамматические классные показатели лексикализованы, т. е. в исторически засвидетельствованных семитских языках составляют часть именной основы или даже корня. Так, можно предполагать, что формант *-b* был показателем класса вредных животных. Ср. общесемитские слова: *kalb*- 'собака', **di'b*- 'волк', **ta'lab*- 'лисица' (араб. *ta'lab*-), но также уменьш. **tu'āl* (др.-евр. *šū'āl*), *dubb*- 'медведь', *'arnab*- 'заяц', *'akrab*- 'скорпион', *dubb*- (уменьш. *dubāb*-) 'муха'; ср. также *yurāb*- и др. 'ворон'. Характерны также конечные *-r*, *-l* для названий домашнего и дикого скота.

2. Однако эти следы наблюдаются, по-видимому, преимущественно в языках семитской ветви, где их сохранению способствовала более последовательно проведенная тенденция к трехсогласности корня. Видимо, очень рано на месте многоклассной возникла столь типичная также для некоторых кавказских, шумерского, дравидских и других языков система двух классов — социально-активного и социально-пассивного; при этом, возможно в связи с условиями патриархального пастушеского быта, наименования женщин были отнесены к социально-пассивному классу, вследствие чего двухклассная система имени превратилась в двуродовую, с мужским и женским родом. Однако если в индоевропейских языках различие между мужским и женским родом семантически трудно объяснимо, то в семитских языках это различие остается семантически довольно четким: к женскому роду (показатель *-t*, *-at*) относятся, помимо имен существ женского пола⁷⁵, имена со значением единичности⁷⁶ [араб. *naml*- 'муравьи', *naml-at*- '(отдельный) муравей'], уменьшительные (акк. *nār-t-u-m* 'речка'; часто в именах собственных), имена, обозначающие предметы социально-пассивные

⁷⁵ Акк. *šarr*- 'царь', *šarr-at*- 'царица', *'aḥ*- 'брат', *'aḥāt*- 'сестра', *kaššār*- 'колдун', *kaššār-t*- 'колдунья' и т. п., и также в других семитских языках (араб. *šā'ir*- 'поэт', *šā'ir-at*- 'поэтесса'). Но ряд древнейших слов, обозначающих существа женского пола с иной социальной функцией, чем соответствующее существо мужского пола, выражается словами от другого корня, причем без показателя женского рода: *'ab*- 'отец', **'imm*- 'мать'; араб. *ḥāmil*- 'беременная', *ḥimār*- 'осел', *'atān*- 'ослица' и мн. др. По всей вероятности, эти имена когда-то отнесли к социально-активному классу.

⁷⁶ Ср. русский суффикс *-ин*: *травя*—*травинка*, *солома*—*соломинка*.

по своему характеру (объекты деятельности: акк. *zitt*- < **zaiḏz-t*- 'доля', *lubuṣ-t*- 'одежда', *šalam-t*- 'труп', *tarbī-t*- 'отпрыск', 'потомок', 'воспитанник')⁷⁷, абстрактные понятия (акк. *damik-t*- 'благо', *'urp-at*- 'облако', *puluḥ-t*- 'страх') и др.

Ряд имен женского рода не имеет показателя *-t*, и их отнесение к женскому роду выявляется только из согласования. Сюда относятся: 1) имена существ женского пола с особой социальной функцией: *'umm*- 'мать', **rahl*-, **laḥr*- 'овца', *'atān*- 'ослица'; 2) названия парных и четных частей тела (**'aiṇ*- 'глаз', **'uḡn*- 'ухо', **'iād*- 'рука', *šinn*- 'зуб' и т. д.); 3) названия местностей, дорог, многих природных явлений (акк. *ḥarrān*- 'дорога', 'путь', 'караван', *nār*- 'река', араб. *šams*- 'солнце', *'ard*- 'земля', ср. акк. *'erš-et*-); 4) названия некоторых других предметов; в этом случае род имени часто колеблется.

3. Если показателем женского рода является аффикс *-t* (*-at*); в дальнейшем обычно > *-ā* > *-a*), то показателем мужского рода — *-u*, *-ū*; последний наблюдается в семитских языках лишь пережиточно⁷⁸, но довольно хорошо сохраняется в древнеегипетском и кушитских⁷⁹.

4. Падежные форманты хорошо засвидетельствованы лишь в семитских языках древнего состояния. Поскольку в египетском гласные графически не обозначались, а берберо-ливийские, чадские и кушитские дошли до нас только в новом состоянии, трудно сказать, существовало ли склонение в общесемитохамитском языке-основе и какой оно носило характер⁸⁰; однако, судя по некоторым данным, оно существовало, притом в форме, близкой к засвидетельствованной в древнесемитских. Из числа последних староаккадский знает шесть падежей: неоформленный (ноль) или **-a*, именительный *-u*, родительный *-i*, винительный *-a*, дательно-локативный *-(i)š* (< *-(i)š*) и локативный *-u*. В других древнесемитских языках засвидетельствованы (полностью или пережиточно) те же

⁷⁷ Ср. бедауйе: *šā* 'корова' мужского рода, *šā* 'говядина' женского рода.

⁷⁸ Например, в местоимении 3-го л. м. р. **su-u-?*

⁷⁹ Для берберо-ливийских языков характерны префиксы *t...* (ж. р.), **u...* > *u...* > *ə...* (м. р.); оба — из древнейшего артикля; для женского рода чаще всего одновременно употребляется и суффикс *-t*; в других языках обычно суффиксальное положение этих аффиксов.

⁸⁰ В новосемитохамитских в большинстве случаев морфологически выраженных падежей нет, а в кушитских развились новообразования в области средств передачи падежных отношений. Однако, например, в языке бедауйе восстановление в винительном падеже не сохранившихся в прямом падеже окончаний *-t* имен женского рода, *-b* < **-u* имен мужского рода указывает на существовавший здесь ранее формант винительного падежа **-a*; в этом языке имеется также формант родительного падежа *-i*, *-ī* (< **-ia?*), несомненно, одного происхождения с семитским формантом того же падежа.

падежи, кроме локативного на *-и* (в арабском только три: именительный, родительный и винительный).

5. Функциональный характер именительного падежа, однако, отличается от характера аналогичного падежа в современных индоевропейских языках. Отличие заключается в том, что именительный показатель *-и* в древнесемитских языках оформляет только субъект; все другие функции, которые несет именительный падеж в индоевропейских языках, — наименование без конкретных грамматических связей (например, в обращении, перечислении и т. п.), оформление определяемого в прямом падеже при определении его родительным падежом и оформление именного предиката — первоначально лежали в древнесемитских языках на особой форме чистой основы (иногда с показателем *-а*), аналогичной абсолютному падежу языков с эргативной конструкцией (см. ниже, п. 7). Учитывая четкое формальное разделение переходных и непереходных глаголов в древнесемитских языках, связь непереходного глагола с именным предикатом, а также то обстоятельство, что формант именительного падежа совпадает с формантом локатива, представляется весьма вероятным, что в весьма недавнем для древнесемитских языков прошлом падеж на *-и* был исключительно падежом субъекта переходного глагола, т. е. эргативом. Это подтверждается и анализом истории глагола. Лишь постепенно, с вовлечением непереходных глаголов в систему переходного спряжения, эргативный падеж получил функцию оформления субъекта вообще, т. е. номинатива. Дальнейшую стадию этого процесса мы наблюдаем в арабском, где формант *-и* применяется и в тех случаях, когда ранее имя ставилось в неоформленном падеже.

Форма винительного падежа является, вероятно, разновидностью абсолютного падежа для субъекта состояния (на *-а*), получающей объектное и также локативное значение⁸¹.

6. Что касается родительного падежа на *-и*, то он связан, вероятно, с показателем относительных прилагательных на *-i-*, *-āi-* — вполне живым и продуктивным формантом семитских и древнеегипетского языка, следы которого обнаруживаются и в других семитохамитских языках. По значению этот падеж, вероятно, был первоначально общекозвенным; он всегда употребляется после любых предлогов; во множественном числе он обслуживает также и прямой объект вместо винительного (в арабском языке, в единственном числе группы так называемых двухпадежных имен, наоборот, формант винительного падежа *-а* обслуживает и родительный падеж).

⁸¹ Винительный падеж широко употребляется во всех семитских языках не только как падеж прямого объекта, но и как падеж места и времени: акк. *ḥarrān-a illik* 'шел по дороге', *'ūt-a* 'сейчас', 'сегодня' (от *'ūt-и* 'день'). О субъектно-объектных падежах см. гл. I, § 5—6.

7. Особой категорией семитохамитского имени являются состояния. Сущность этой категории в языках различных ступеней будет видна из дальнейшего изложения, происхождение ее связано с древнейшей падежной системой.

Первоначально, как мы можем предполагать, в семитохамитских языках существовали следующие падежи:

- 1) абсолютный падеж (чистая основа или форма на *-a*⁸²), оформлявший именной предикат, субъект непереходного предиката, имя, определяемое другим именем и местоимением, и имя без синтаксических связей;
- 2) локативно-эргативный падеж **-и*;
- 3) общекозвенно-родительный падеж **-i*;
- 4) локативно-дательный падеж **-(i)s*, **-(a)s*.

Субъект состояния (объект переходного глагола) оформлялся либо чистой основой (или классным показателем имен социально-пассивных **-t*), либо окончанием *-а*, которое в дальнейшем дифференцировалось в качестве винительного падежа.

Со включением глаголов непереходного действия (см. ниже, § 6, п. 6) в систему спряжения переходных глаголов локативно-эргативный падеж **-и* стал исполнять функцию падежа субъекта как действия, так и состояния, иначе говоря, функцию именительного падежа. Таким образом, форма чистой основы (абсолютный падеж) потеряла первоначальную падежную функцию и превратилась в особую форму имени — неопределенное состояние (*status indeterminatus*), несущую функции оформления именного предиката, имени в прямом падеже, определенного другим именем или местоимением, и имени без синтаксических связей. В дальнейшем происходила дифференциация этой формы в зависимости от функции. Нагляднее всего это видно на примере аккадского.

В чистом виде неоформленное имя сохраняется здесь в функции именного предиката и имени без синтаксических связей — *status indeterminatus* собственно (иначе *status praedicativus*). В арабском эта форма была вытеснена формой *status rectus* (см. ниже).

В функции определяемого имя с самого начала могло иметь разную форму, смотря по тому, стояло ли оно в прямом, первоначально неоформленном падеже (на самой ранней ступени это был падеж объекта, выступающего в эргативных языках как субъект состояния), или в общекозвенно-родительном. При

⁸² Древнейшие шумерские заимствования из аккадского (более старые, чем древнейшие засвидетельствованные памятники аккадского языка) имеют форму чистой основы (или форму с окончанием *-а*), и то же верно в отношении аккадских географических и собственных имен. Между тем ожидалось бы, что должны заимствоваться имена в форме прямого падежа, как это обычно для всех языков. Следовательно, беспадежная форма, вероятно, и была прямым падежом.

этом, поскольку определительная конструкция несла на себе только одно главное ударение, лежавшее на определении, постольку форма определяемого имела тенденцию сокращаться, испытывая различного рода стяжения. Эта стяженная, безударная, лишь частично склоняемая форма имени в функции определяемого другим именем носит название с о п р я ж е н н о г о состояния, или *status constructus*. Она хорошо засвидетельствована в древнеегипетском и во всех семитских языках (в арабском она начала сначала полностью склоняться и, в связи со слабым развитием в этом языке силового ударения, почти не подвергалась стяжениям). В берберских ныне существует иная система состояний: с в о б о д н о е состояние со среднеберберским, уже не осмысляемым, артиклем и п р и с о е д и н и т е л ь н о е состояние, *status annexus*; в последнем стоит определение, а также подлежащее, если оно следует за сказуемым.

Иное распределение ударений господствовало при определении имени местоимением, в условиях семитохамитских языков — суффиксальным, поэтому и форма определяемого имени в этом случае несколько отличалась от обычного *status constructus* (п р е д м е с т о и м е н н о е состояние, *status pronominalis*); в аккадском некоторые имена в *status pronominalis* имеют полное склонение.

В противоположность несклоняемой форме имени — *status indeterminatus* — и неполностью склоняемым формам — *status constructus* и *status pronominalis* — формы собственно склонения имени объединяются под названием *status rectus*⁸³.

8. Выражение определительного отношения в семитохамитских языках также своеобразно. При определении одного имени существительного другим именем существительным обычно бывает возможен один из трех случаев:

а) определяемое стоит в форме *status constructus*, а определение следует непосредственно после него в форме родительного падежа: акк. *šar mā-t-i* 'царь страны', *kal(a)b šarr-i* 'собака царя';

б) определяемое стоит в форме *status rectus*, а определение, стоящее в родительном падеже, вводится «частицей родительного падежа», возникшей из указательного местоимения (*nota genitivi*): акк. *tu*, позже *ša*, араб. *dī*, др.-егип., бербер. и чад. *n*, *n-*, *-n* и др.): акк. *šarr-u ša mā-t-i* 'царь страны', *kalb-u ša šarr-i* 'собака царя';

⁸³ С утерей внешней именной флексии в языках среднесемитского состояния форма *status rectus* стала несклоняемой и в качестве таковой называется *status absolutus*. Среднесемитский *status absolutus* продолжает отличаться от более или менее стяженных форм *status constructus* и *status pronominalis*. В арамейских диалектах различается еще о п р е д е л е н н о е состояние — *status determinatus* или *emphaticus*, но первоначально это, собственно, не состояние, а имя с постпозитивным определенным артиклем.

в) для логического подчеркивания определения оно выносится вперед (обычно с «частицей родительного падежа»), а определяемое сопровождается «подхватывающим» местоименным притяжательным суффиксом, указывающим на определение (т. е. стоит в *status pronominalis*): акк. *ša mā-t-i šarru-ša* 'страны, царь ее', *ša šarr-i kalab-šu* 'царя, собака его'. Вариантом является арамейская конструкция *kalb-eh dī malk-ā* 'собака его, царя' и т. п.

Наиболее древним типом, безусловно, является первый; это видно, в частности, из того, что *nota genitivi* образуется от различных местоименных основ в разных семитохамитских языках.

9. Еще одним своеобразным явлением в области морфологии семитского имени является «мимация» и «нунация» («танвиин»).

К имени в форме *status rectus* (но ни в коем случае не к форме неопределенного, сопряженного или предместоименного состояния) на древнейшей ступени семитских языков присоединялась энклитическая местоименная частица *-n(a/i)* (в арабском и арамейском) или *-m(a)* (в других семитских). Значение этой частицы в настоящее время неясно. По аналогии с другими семьями языков можно предполагать, что она выражала категорию определенности (определенный артикль), и именно поэтому не встречалась при предикативном употреблении имени (*status indeterminatus*) и когда имя было иначе определено (*status constructus*, *status pronominalis*). Но уже на древней ступени формы с мимацией или нунацией были обобщены на все случаи употребления *status rectus*, утратив функцию оформления определенности. Такое положение мы застаем, например, в старовавилонском диалекте аккадского; затем аккадский язык потерял и самую мимацию (во множественном — еще на староаккадской стадии); примерно то же самое произошло и в северноцентральных языках (но здесь мимация или нунация была очень рано утеряна как раз в единственном числе, в то время как во множественном она вошла в состав форманта множественного числа и сохранилась). Взамен этого центральносемитские и южнопериферийные языки выработали новый определенный артикль [араб. *al-*, др.-евр. **ha(n)-* или **ha(l)-*, араб. **(h)ā*, сабейский и др. **(h)ān*]. При этом арабский сохранил и нунацию в *status rectus*⁸⁴, которая, противопоставляясь теперь форме с определенным артиклем, превратилась в показатель неопределенности — неопределенный артикль; поэтому определенный артикль *al-* несовместим в арабском с нунацией; последняя, разумеется, невозможна и в *status constructus* и *status pronominalis*.

⁸⁴ А сабейский и другие древние южнопериферийные языки — мимацию.

Семитохамитские числительные

Семитские	Древне-египетские	Коптские	Берберские	Купитские (бедауйе)	Чадские (хауса)
1 — 'ahad-, uahid-, *'ašt-	w ^c	—	iggen	engal, gal	daia
2 — tin-	sn	sn-	sin, sen	mallo < *ma-lhau/m ⁸⁵	biu
3 — talāt-	hmt	šomənt	kərad/t	'mhai	uku
4 — 'arba'-	(i)fdw	ftou	okkoz	faḍig < *šadig?	fuḍu
5 — *hamiš-	dju	tiu	summus	*asi	biar
6 — *šidt-	s-, srs	sou	*sids?	—	šidda < *sidda
7 — sib'-, sib'-(?)	sfh	sašf	sa' < *sab'-(?)	—	bakui
8 — tamāni-	hmnw	šmun	tam < *tāman-(?)	—	takūas
9 — tiš'-	psdw	psit	təz < *tis'-(?)	—	tara
10 — 'asar-	mdw	mēt	mərau-	tamin	goma

85 Именное образование с префиксом *ma-*: «двойка».

10. В семитохамитских языках первоначально существовало три числа имени: единственное, двойственное и множественное.

Двойственное число почти все новосемитохамитские языки утратили. Оно образовывалось с помощью формантов *-ā-* для именительного и *-ai-* первоначально для косвенных падежей, обычно с нунацией или мимацией: акк. *-ān*, *-ēn* < **-aiŋ(i)*; др.-евр. *-āi(i)m*, араб. *-āni*, *-aiŋi*; др.-егип. *-j* (**-āi*; присоединяется к показателю рода); следы двойственного числа сохранились и в некоторых других семитохамитских языках.

Наиболее древним типом образования форм множественного числа, по-видимому, является удлинение гласного родового или падежного показателя единственного числа (с мимацией или нунацией, либо без нее) или же вставка долгого *-ā-*: м. р. — акк. им. п. *-ū*, род. п. *-ī* (и мн. ч. отдельных единиц *-ān-ū*, *-ān-ī*); ханаан. (угаритск.) *-ū-ma*, *-ī-ma*; араб. *-ū-na*, *-ī-na*; др.-егип. *-w* (**-ā-ū*); берб. *-an*, *-ən*; хауса (наряду с многими другими типами образования множественного числа) *-u-na*; ж. р. — акк. *-ā-t-um*, *-ā-t-im*; ханаан. *-ā-t-u*, *-ā-t-i*; араб. *-ā-t-un*, *-ā-t-in*; др.-егип. *-wt* (**-ā-ūat*); берб. *-in* < **-a(h)in* < **-ā-t-in*.

11. Об образовании прилагательных см. § 3, пп. 13 и 15.

12. Свидетельством глубокой древности момента разделения ветвей семитохамитского языкового единства является отсутствие единообразия в числительных (см. табл. 1).

Числительные 6—9 образуются в бедауе по типу «пять и один», «пять и два» и т. д. В чадских некоторые числительные первого десятка, по-видимому, заимствованы из других африканских языков, а начиная с десятков — из арабского; арабские формы числительных вытесняют местные и в берберском языке.

§ 5. Местоимение

1. Личные местоимения имеют субъектные, притяжательные и объектные (а также косвенно-объектные), при этом как самостоятельные, так и энклитические (суффиксальные). Основы этих местоимений в большинстве семитохамитских языков восходят к общим прототипам⁸⁶.

2. Самостоятельные местоимения нередко вводятся специальным указательным элементом (*'an-* для семитских местоимений, *in-* и *nt-* для древнеегипетских, *n-*, *nt-* для берберских, *an-*, *'a-* для кушитских).

3. Притяжательные, объектные и косвенно-объектные самостоятельные местоимения из семитских языков сохранились как система только в аккадском (см. гл. VI), и мы здесь не

⁸⁶ В дальнейшем изложении для простоты всюду опускаем местоимения двойственного числа (они имеются в некоторых семитских и древнеегипетском, другие языки двойственное число местоимений утратили).

будем их рассматривать специально (см. табл. 4—5⁸⁷ и гл. VI, § 5, п. 1—2). Но зато мы обратим внимание на древнеегипетские самостоятельные местоимения, что важно для понимания первоначального строя семитохамитских языков⁸⁸.

В «классическом» египетском имеется два типа самостоятельных местоимений: независимые и зависимые, и один тип суффиксальных:

Ед. ч.	Независимые	Зависимые	Суффиксальные
1-е л.	<i>ink</i>	<i>wj</i>	<i>-j</i>
2-е л.	м. р. <i>nt-k</i>	<i>kw</i> , позже <i>tw</i>	<i>-k</i>
	ж. р. <i>nt-t</i>	<i>tm</i> , позже <i>tn</i>	<i>-t</i>
3-е л.	м. р. <i>nt-f</i>	<i>sw</i>	<i>-f</i>
	ж. р. <i>nt-s</i>	<i>sj</i> ⁸⁹	<i>-s</i>
Мн. ч.			
1-е л.	<i>in-n</i>	<i>n</i>	<i>-n</i>
2-е л.	<i>nt-tn</i>	<i>tn(w)</i>	<i>-tn</i>
3-е л.	<i>nt-sn</i>	<i>sn(w?)</i>	<i>-sn</i>

Функциональное различие между ними заключается в следующем: суффиксальное местоимение выражает принадлежность, а также подлежащее большинства глагольных форм; «независимое» местоимение выражает подлежащее именного предиката⁹⁰; «зависимое» местоимение выражает объект глагола и подлежащее непереходной по происхождению глагольной «формы качества и состояния», а также адвербиальных и инфинитивных оборотов и могло также являться субъектом при именном предикате⁹¹. Другими словами, если мы

⁸⁷ Следует иметь в виду, что простое сравнение древнесемитских форм с формами других семитохамитских языков дает недостаточное представление о степени их близости, так как сравниваемые несемитские языки находятся на ступени нового состояния.

⁸⁸ Самостоятельные местоимения других семитохамитских языков (притяжательные, объектные, косвенно-объектные), кроме личных в прямом падеже, мы оставим в стороне, так как они обычно представляют результат вторичных образований.

⁸⁹ Имеется также местоимение *st*, где *-t* (формант, часто встречающийся в семитохамитских языках в подобных случаях) связан с показателем *-t* социально-пассивного класса. Оно имеет значение местоимения среднего рода «это», «оно».

⁹⁰ В одной конкретной глагольной форме (*sdm-f* однократного действия будущего времени) оно может также служить для подчеркивания субъекта глагола, уже выраженного в глагольной форме; вероятно, это вторичное явление.

⁹¹ В грамматиках древнеегипетского языка указывается, что функцию сказуемого (вернее, указания на лицо сказуемого) несет только притяжательное суффиксальное местоимение. Однако существуют две параллельные конструкции именного (причастного) предложения, которые грамматики рассматривают практически как равнозначные (различающиеся стилистически): 1) *ink nfr* '(это) я добр(ый)', *ink š'd dr-t-f*

подойдем к древнеегипетскому языку с меркой тех языков, которые рассматривались в предыдущих главах, то мы должны прийти к выводу, что именно «зависимое» местоимение является в древнеегипетском языке личным местоимением в прямом падеже (который можно было бы, по образцу соответственных падежей в эргативных языках, назвать абсолютным, так как он выражает и субъект состояния и прямой объект действия), а «независимое» местоимение употребляется как эмфатически подчеркнутое личное⁹².

Личные «независимые» местоимения вводятся особой частицей *in-*, *nt-*⁹³.

Существенно, что личное местоимение в прямом падеже («зависимое») не может выражать подлежащего глагольного предиката, кроме «формы качества и состояния». Эту функцию несут только суффиксальные местоимения.

Суффиксальные местоимения вообще выражают в древнееги-

'я — отрубивший хобот его'; 2) *h' sw* 'радующийся он'. Таким образом, в первом случае выступает «независимое» местоимение, во втором — «зависимое»; оба рассматриваются как выражающие субъект. Однако, если мы сравним соответствующие семитские конструкции, то окажется, что здесь в именном предложении самостоятельное местоимение может быть и субъектом, и предикатом; именно это сделало возможным образование «формы качества и состояния» (§ 7) — аккадского «статива» и, очевидно, идентичного ему древнеегипетского «старого перфекта», или «псевдопартитива», состоящих из причастия и энклитически присоединенного к нему личного местоимения прямого падежа: акк. *hā'ir 'atta* 'ты — супруг' и ср. *hā'irāta* 'ты супруг' (как выражение супружеского состояния); *šarr-u-m 'anāku* 'царь — я' и *šarrāku* 'я царь', 'я имею свойство быть царем'; *'annū šū* 'этот — он', 'он это'; в среднесемитских языках после имен и даже после местоимений 1-го и 2-го лица лично-указательное местоимение приобретает характер связки: акк. N. *'ahū'a šū* 'N. — мой брат он'; др.-евр. *'attām halālē harbī hēmā* 'вы — пораженные мечом-моим (они)'; *'ānī hū* 'я это!'. Надо полагать, что и в древнеегипетском так называемые зависимые местоимения могли первоначально в именном предложении быть и субъектом, и предикатом, что и сделало возможным образование «формы качества и состояния». Поэтому, каково бы ни было языковое восприятие этой формы в дальнейшем, конструкция др.-егип. *h' sw* может, вероятно, генетически рассматриваться и как имеющая местоименный предикат: «радующийся — он».

⁹² Любопытно, что в древнейшем египетском диалекте — староегипетском — формы «независимых» местоимений могут свободно чередоваться с еще одной группой самостоятельных местоимений: 2-го л. м. р. *wt* [**kuwāt(i)*], 2-го л. ж. р. *mt* [**kimāt(i)*], 3-го л. м. р. *swt* [**suwāt(i)*], 3-го л. ж. р. *stt* [**sitāt(i)?*]. Эти местоимения в принципе совпадают со следующей группой аккадских: 1-го л. *iāti*, 2-го л. м. р. *ku(u)āti*, 2-го л. ж. р. *ki'āti* (но ср. берб. суфф. *-kim*, мн. ч. *-kun-t*), 3-го л. м. р. *šu(u)āti*, 3-го л. ж. р. *ši'āti*. Но эта группа местоимений выражает в аккадском: 1) прямой объект, 2) притяжание. Видимо, до образования специального объектного-винительного падежа субъектные и объектные местоимения в семитохамитских языках не различались.

⁹³ Эта же частица вводит нередко и подлежащее при причастно-глагольном сказуемом.

петском: 1) притяжание⁹⁴, 2) подлежащее глагольного предиката (кроме «формы качества и состояния»). Из этого следует, что суффиксальные местоимения по своему характеру суть местоимения косвенного (родительного) падежа.

Из изложенного видно, что в древнеегипетском в прямом падеже первоначально стояло подлежащее именного предиката и глагольной «формы качества и состояния», а также объект действия, а подлежащее глагола действия (а также непереходных глаголов, подведенных под схему спряжения переходных) стояло в косвенном, а именно в родительном падеже. Другими словами, в древнеегипетском господствовала не номинативная, а посессивная конструкция, являющаяся (см. Введение, § 5, п. 5) разновидностью эргативной⁹⁵.

К этому вопросу мы еще вернемся позже при рассмотрении глагола⁹⁶.

4. В семитологии принято отличать личные (субъектные) показатели в глаголе (глагольные форманты) от суффиксальных притяжательных, объектных и косвенно-объектных местоимений. Суффиксальные притяжательные местоимения могут стоять при имени или при предлогах (возникших из имени) в качестве их определения. Объектные суффиксальные местоимения употребляются при глаголе, и только потому не относятся к числу личных глагольных формантов, что без субъектных личных показателей спрягаемая форма глагола (по крайней мере в 1-м и 2-м лице) существовать не может, в то время как возможны глагольные формы без местоименного показателя объекта и тем более без местоименного показателя косвенного объекта. Но по происхождению субъектные личные форманты в глаголе тоже восходят к местоимениям; а так как в настоящей главе мы касаемся прежде всего генетических вопросов, то мы имеем право рассматривать их в одном ряду с другими местоименными показателями. В таком случае мы можем различать в семитохамитских языках аффиксальные местоимения пяти типов: 1) префиксальные (префиксально-суффиксальные) личные субъектные местоимения, 2) суффиксальные личные субъектные местоимения (местоимения прямого падежа), 3) суффиксальные притяжательные местоимения (местоимения родительного падежа), 4) суффиксальные объектные местоимения, 5) суф-

⁹⁴ Сюда же относится и выражение логического объекта при инфинитивах переходных и логического субъекта при инфинитивах непереходных глаголов.

⁹⁵ В советской литературе на это обратила внимание М. Э. Матье.
⁹⁶ Семитское личное местоимение прямого падежа (выражающее любое подлежащее, а также предикат) представляет по форме аналогию древнеегипетскому «независимому», так как тоже вводится специальной указательно-местоименного происхождения частицей 'an- (в 1-м и 2-м лице); в берберских оно даже вводится в некоторых случаях той же частицей nt-, что и древнеегипетские «независимые» личные местоимения.

фиксальные косвенно-объектные местоимения (местоимения дательного падежа).

(1) Префиксальных личных местоимений нет в древнеегипетском языке. Это связано с существовавшей в этом языке посессивной конструкцией, вследствие чего лицо субъекта глагольной формы выражалось здесь суффиксальным притяжательным местоимением. В остальных языках формы префиксально-суффиксальных личных субъектных местоимений следующие:

	Ед. ч.	Семитские (реконстр.)	Берберские (ташельхит)	Чадские (хауса)	Кушитские (бедауйе)
1-е л.		'a-	(ноль)-...-aγ ¹	i- или ноль ²	a-
2-е л.	м. р.	ta-	t-...-t	ka	te-...-a
	ж. р.	ta-...-ī	t-...-t	ki	te-...-i
3-е л.	м. р.	ia-	i-	ia	*(i)i-
	ж. р.	ia-/ta- ³	t-	ta	ti-
	Мн. ч.				
1-е л.		na-	n-...	ni	ni-
2-е л.	м. р.	ta-...-ū	t-...-m	ku	te-...-na
	ж. р.	ta-...-ā/-na	t-...-m-t	ku	te-...-na
3-е л.	м. р.	ia-...-ū	(ноль)-...-n	su	(e)-...-na
	ж. р.	ta-/ia-...-ā/-na	(ноль)-...-n-t	su	(e)-...-na

Примечания. 1. Ср. ниже, табл. 2.

2. В in, na и т. д., где n(a) — основа вспомогательного глагола.

3. Ряд семитохамитских языков колеблется между формантом ia- и формантом ta- для выражения 3-го лица единственного числа женского рода, причем формант ta- применяется если субъект является существом женского пола, а формант ia- — если субъект является лишь грамматически именем женского рода; так в берберском (ташельхит), в староассирийском диалекте аккадского и др.

(2) Суффиксальные личные местоимения прямого падежа существуют только в семитских и древнеегипетском⁹⁷ (и пережиточно в одном из берберских диалектов), во всех случаях обозначая субъект глагольной формы, выражающей наступившее и длящееся состояние (из семитских языков это положение сохранилось явственно только в аккадском, но, по видимому, первоначально существовало и в остальных языках; впоследствии эта форма во всех семитских языках, кроме аккадского, начинает означать вид совершенный вообще). В аккадском языке эти личные показатели отличаются от самостоятельного личного местоимения прямого падежа только отсутствием указательного элемента 'an-. См. табл. 2.

(3) Суффиксальные притяжательные местоимения присоединяются либо непосредственно, либо посредством «частицы родительного падежа» n- (t-), в бедауйе -(i)u- и т. п.:

⁹⁷ Ср. ниже, § 7.

Суффиксальные личные местоимения прямого падежа

Число	Лицо и род	Семитские языки					Древнеегипетский		Берберский
		самостоятельная форма	суффиксальная форма				самостоятельная форма («зависимые»)	суффиксальная форма	суффиксальная форма
			(реконстр.)	(реконстр.)	(акк.)	(эфиоп.)			
Единственное	1-е л.	*'an-aku ¹	*(-a)ku	-aku	-kū ²	-tu ²	wj < *kwj (?)	-kwj	-ey < *-akku
	2-е л. { м. р. ж. р.	*'an-ta < *'an-ka	*-ta < *-ka	-ata ²	-ka ²	-ta ²	tw < kw	-tj	-ed < *-'atta
		*'an-ti < *'an-ki	*-ti < *-ki	-ati ²	-kī ²	-ti ²	tn < tm	-tj	-ed < *-'atti
3-е л. { м. р. ж. р.	*suu-	*(-)³	(-) ³	(-) ³	(-) ³	sw	(-w) ³	(-) ³	
	*šii-	*(-at) ³	(-at) ³	(-at) ³	(-at) ³	sj	(-tj) ³	(-et < *-at) ³	
Множественное	1-е л.	*naḥnu/a	*-nu/a	-anu	-na	-nā	n	-wjn	не сохранились
	2-е л. { м. р. ж. р.	*'an-tumu < *'an-kumu	*-tumu < *kumu	-atunu	-kətmū	-tum	tn	-tjwnj	
		*'an-tin(n)a < *'an-kin(n)a	*-tin(n)a < *kin(n)a	-atina	-kən	-tunna	tn	-tjwnj	
3-е л. { м. р. ж. р.	*ḡumu	*(-ū) ³	(-ū) ³	(-ū) ³	(-ū) ³	sn	(-w) ³		
	*šin(n)a	*(-āt > -ā) ³	(-ā) ³	(-ā) ³	(-ā) ³	sn	(-tj) ³		

Примечания. 1. Так в аккадском, и так следует постулировать первоначальную форму. В древнееврейском 'anōkī, 'anī имеет -ī под влиянием суффиксальных местоимений; араб., арам. 'anā, вероятно, усеченная форма; в мехри hu < *ku — та же форма без частицы 'an-.

2. Происхождение этих форм следует реконструировать, по-видимому, следующим образом: *'an-ki > *'an-ti под влиянием палатализации и предшествующего зубного; форма 'an-ta < *'an-ka — результат аналогии; отсюда суффиксальные формы -ta, -ti и по дальнейшей аналогии -tu (в акк. -ata, -ati и т. д. под влиянием аналогии с -aku; в эфиопском и других южнопериферийных семитских, по-видимому, сохранились древнейшие формы, с сокращением -aku до -kū по аналогии). Обратить внимание на переход -ki > -š в южносемитских новой ступени (мехри и др.) и сохранение в этих же языках древнейшей формы самостоятельного личного местоимения прямого падежа 1-го лица hu < *ku, ср. др.-егип. -kwj, wj.

3. В 3-м лице в глагольной (первоначально — причастной) форме, выражающей наступившее и длящееся состояние, местоимения не присоединяются. В скобках приведены формы единственного и множественного числа, имеющие именное происхождение (показатели рода и числа).

	Семитские	Древне-египетский	Берберские (ташельхит)
Ед. ч.			
1-е л.	-ī, -īa	-j	-i, -n-i
2-е л.	м. р. -ka	-k	-k', -n-k'
	ж. р. -ki	-t	-m(<*kim), -nem
3-е л.	м. р. *-su	-f	-s, -n-s
	ж. р. *-ši	-s	-s, -n-s
Мн. ч.			
1-е л.	*-na/u/i	-n	-na, -n-na, -t-na
2-е л.	м. р. *-kutu	-tn	-un, -nn-un, -t-un
	ж. р. *-kina	-tn	-um-t, -nnem-t, -t-um-t (-n-kun-t)
3-е л.	м. р. *-sumu	-sn	-sən, -n-sən, -t-sən
	ж. р. -šina	-sn	-sən-t, -n-sən-t, -t-sən-t

	Чадские (хауса)		Кушитские (бедауйе)
	самост.	суффикс.	
Ед. ч.			
1-е л.	nā-wa, tā-wa	-na	-ū
2-е л.	м. р. nā-ka, tā-ka	-ka	-ū-ka
	ж. р. nā-ki, tā-ki	-ki	-ū-ki
3-е л.	м. р. nā-sa, tā-sa	-sa	-ū-s
	ж. р. nā-ta, tā-ta	-ta	-ū-s
Мн. ч.			
1-е л.	nā-mu tā-mu	-mu	-ū-n
2-е л.	м. р. nā-ku tā-ku	-ku	-ū-kna
	ж. р. nā-ku tā-ku	-ku	-ū-kna
3-е л.	м. р. nā-su tā-su	-su	-ū-sna
	ж. р. nā-su tā-su	-su	-ū-sna

(4) Суффиксальные местоимения, выражающие прямой объект глагола, отсутствуют в древнеегипетском и в чадском языке хауса⁹⁸. В кушитском языке бедауйе они вводятся элементом *-he-b-*, *-hō-*:

	Семитские (аккад.)	Берберские (ташельхит)	Кушитские (бедауйе)
Ед. ч.			
1-е л.	-ni	-īi	-hē-b-a (ж. р. -hē-b-i)
2-е л.	м. р. -ka	-k	-hō-ka
	ж. р. -ki	-kim	-hō-ki
3-е л.	м. р. -šu	-t ¹	-hō-s
	ж. р. -ši	-s-t	-hō-s

⁹⁸ В этих языках объектные местоимения не являются суффиксальными.

Самостоятельные личные место

Число	Лицо и род	Семитские языки	Древнеегипетский ¹		
		древнее состояние ²	древнее состояние	новое состояние	
				староегипетский	коптский
реконстр. общесем. форма	«зависимые»	«независимые»			
Единственное	1-е л.	'an-āku	*kwj > wj	in-k	anok
	2-е л. { м. р.	*'an-ka > 'an-ta	kw > tw	nt-k	əntok
	{ ж. р.	*'an-ki > 'an-ti	*kim > tm > tn	nt-t	ənto
3-е л. { м. р.	*sum(a)	sw	nt-f	əntof	
	{ ж. р.	*ši(a)	sj	əntos	
Множественное	1-е л.	*nahna/ū	n	in-n	anon
	2-е л. { м. р.	*'an-kumu > 'an-tumu	tn(w)	nt-in	əntōtan
	{ ж. р.	*'an-kina > 'an-tina		nt-sn	əntow
3-е л. { м. р.	*sumu	sn(w?)			
{ ж. р.	šina				

Примечания. 1. Ср. также табл. 2.

2. Для сравнения приведем формы нового состояния для магрибско-арабского: āna, ənta, ənti, hūca, hūja; hna, əntum, hum.

3. Превратилось в местоимение «среднего рода» — «это, оно».

4. В других диалектах nak.

(Семитские)

(Берберские) (Кушитские)

Мн. ч.				
1-е л.		-ni'āt(i) ²	-(n)a	-hō-n
2-е л.	{ м. р.	*-kumū > -kunū >	-kun	-hō-kna
	{ ж. р.	-kunūti		
3-е л.	{ м. р.	*-kināt(i) ²	-kun-t	-hō-kna
	{ ж. р.	*-sumū > -šunū >	-tən ³	-hō-sna
	{ ж. р.	-šunūti		
		*-šināt(i) ²	-tən-t ³	-hō-sna

Примечания. 1. Первоначально, очевидно, объектный показатель; сама местоименная основа *-s > -h(?) не сохранилась.

2. Остальные семитские языки, кроме аккадского, утратили показатель -t, -ti.

3. По аналогии с единственным числом.

Имена в прямом падеже

	Берберо-ливийские ¹		Чадские		Кушитские	
	древнее состояние	новое состояние	древнее состояние	новое состояние	древнее состояние	новое состояние
	—	ташельхит	—	хауса	—	бедауйе сомали
НЕИЗВЕСТНО	nki ⁴ kii kimi nt-a/ə nt-ə-t		ни kai ke *si ita		anī bar-ū-k ba(r)-t-ū-k bar-ū-s ba(r)-t-ū-s	ana, anī ada, adī ū (usa-, isa-) ai (iija-)
	nkunna (ж. р. nukən-ti) kunna kunəmti nitni nitənti		му ku su		hanin bar-ā-k(na) ba(r)-t-ā-k(na) bar-ā-s(na) ba(r)-t-ā-s(na)	{ anna (ЭКЛ.) { inna (ИНКЛ.) aid-in ai

(5) Местоимения дательного падежа имеются только в аккадском языке древней ступени и в берберских. В аккадском характеризуются показателем направленности действия (?) -m, а во множественном числе — показателем дательного падежа -š, (<-s), присоединяемого к тем же основам. См. гл. VI.

5. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что префиксальные показатели действующего лица глагола не сходны ни с местоимениями, выражающими прямой падеж, ни с объективными, ни с притяжательными. (Особенно следует отметить префикс 'a- 1-го лица, имеющий аналогии только в местоимении 1-го лица дательного падежа в аккадском: -a-m, и [a-3-го лица). Поэтому представляется вероятным, что они отражали косвенный, а не прямой (абсолютный) падеж, но при этом не винительный и не родительный падеж, а другой; учитывая то, что было сказано выше (§ 4, п. 5) о происхождении семитского именительного падежа (ср. также ниже, § 6—8, о структуре глагола), следует думать, что это еще одно указание на господство в прасемитохамитском эргативной конструк-

Самостоятельные объектные местоимения

Число	Лицо и род	Семитские (староаккадский)		Древнеегипетские (староегипетские «эмфатические», совпадают по значению с «неза- висимыми», см. табл. 3)	Чадские ¹ (хауса), прямой объект	Кушитские ¹ (сомали), прямой объект
		прямой объект и род. пад.	косвенный объект			
Единственное	1-е л.	<i>iāti</i>	<i>iāš(im)</i>	<i>wj</i>	<i>ni</i>	<i>ī</i>
	2-е л. { м. р. { ж. р.	* <i>ku'ā</i> > <i>kāti/a</i> <i>kāti</i>	<i>kāš(im)</i> <i>kāš(im)</i>	* <i>kw</i> t > <i>tw</i> t <i>tmt</i>	<i>ka</i> <i>ki</i> }	<i>kū</i>
	3-е л. { м. р. { ж. р.	* <i>su'ā</i> > <i>šu'āti</i> <i>šāti, (šu'āti)</i>	<i>šu'āš(im)</i> <i>šāš(im), (ši'āšim)</i>	<i>swt</i> <i>stt</i>	* <i>si</i> <i>ta</i> }	<i>ū</i>
Множественное	1-е л.	<i>ni'āti</i>	<i>ni'āš(im)</i>	НЕИЗВЕСТНО	<i>mu</i>	<i>na</i>
	2-е л. { м. р. { ж. р.	* <i>kumū</i> > <i>kunūti</i> <i>kināt(i)</i>	<i>kunūš(im)</i> (неизв.)		} <i>ku</i>	} <i>idin</i>
	3-е л. { м. р. { ж. р.	* <i>sumū</i> > <i>šunūti</i> <i>šināt(i)</i>	(неизв.) (неизв.)		} <i>su</i>	} <i>ū</i>

¹ Вероятно, образовались вторично по образцу суффиксальных.

Самостоятельные притяжательные местоимения

Число	Лицо и род	Семитские ¹ (староаккадские)	Чадские (хауса)	Кушитские (бедауйе)
Единственное	1-е л.	<i>iā'um</i>	<i>nā-wa, tā-wa</i>	<i>ani-i-ī</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	1) * <i>ku'ā'um</i> > <i>kūm</i> 2) * <i>'in-kū</i> > новоасс. <i>'ikkū</i> ² (неизв.)	<i>nā-ka, tā-ka</i>	<i>bar-i-ū-k</i>
		3-е л. { м. р. ж. р.	* <i>su(μ)ā'um</i> > <i>šūm</i> (неизв.)	<i>nā-ki, tā-ki</i>
Множественное	1-е л.	<i>ni'ā'um</i> > <i>nūm</i>	<i>nā-mu</i>	<i>hann-e-(i-)e</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	1) (неизв.) 2) * <i>'in-kumū</i> > * <i>'in-kunū</i> > новоасс. <i>'ikkanū</i> ² (неизв.)	<i>nā-ku</i>	<i>bar-ē-i-ū-kna</i>
		3-е л. { м. р. ж. р.		1) * <i>sumūt</i> > <i>sunūt</i> 2) * <i>'in-sumū</i> * <i>'in-šunū</i> > новоасс. <i>'iššanū</i> ² (неизв.)
			<i>nā-su</i>	<i>bar-ē-i-ū-sna</i> <i>ba(r)t-ē-i-u-sna</i>

Примечания. 1. См. также стр. 223 и § 5, п. 3.

2. Ср. эти формы с египетским «личным самостоятельным» местоимением? Или с предлогом *ina* 'в'?

ции, которая лишь в древнеегипетском была вытеснена органически близкой к ней посессивной конструкцией⁹⁹.

6. Семитохамитские языки обладают весьма разнообразными основами указательных и других местоимений, однако о них мы будем говорить ниже в связи с конкретными языками.

Укажем лишь на распространенность местоименных основ *'an-* // *han-* с вариантами и основ с согласными **s-*, **d-*, а в несемитских — *n-*. Основа *'ai(i)-*, широко употребляемая в семитских языках для образования вопросительно-неопределенного местоимения «какой», «который», быть может, связана с относительным формантом *-āi(i)-*, *-ii(i)-* (см. § 3, п. 15).

Особенно продуктивен в древнейший период, по-видимому, был местоименный элемент *ma*. В доисторический период на его базе образовался префикс многочисленных отглагольных существительных, а также суффикс — показатель «мимации», далее, союз *-ta* в аккадском и в самостоятельной форме, возможно, арабское отрицание *mā* и древнеегипетские псевдоглаголы-отрицания *im*, *im*¹⁰⁰. Однако в исторических засвидетельствованных семитохамитских языках элемент *ma* (тот же или другой?) используется лишь для вопросительных (вопросительно-неопределенных) местоимений: староакк. *mapp-* «кто?», *mīn-* «что?», др.-евр. *mī* «кто?», *mā* «что?», араб. *map* «кто?», *mā* «что?», др.-егип. *m* «кто?», «что?», берб. (ташельхит) *mī-t* «кто?», *ma(-t)* «что?», кушитск. (сомали) *ma* частица вопроса, *ma-ha*, *ma-hei* «что?», чадск. (хауса) *mi-* «что?».

§ 6. Глагол. Вид. Переходность и непереходность

1. Проблема образования глагола принадлежит к труднейшим вопросам семитохамитского языкознания.

При большом разнообразии глагольных образований в различных семитохамитских языках для всех засвидетельствованных языков древнего и среднего состояния и даже для большинства языков нового состояния в глаголе характерно различие по форме категорий переходности и непереходности и совершенного и несовершенного вида. Глагол спрягается по лицам субъекта; при переходных глаголах может иметься и показатель объекта в виде суффиксального местоимения.

Времен семитохамитский глагол первоначально не имел. Обычно этот факт оговаривается в любой грамматике семитохамитского языка, однако это не мешает, по традиции, идущей

⁹⁹ Последнему могло содействовать то обстоятельство, что родительный падеж в прасемитохамитском был, очевидно, обжекосвенным и потому мог вытеснять другие косвенные, в том числе локативные падежи.

¹⁰⁰ См. также ниже, § 12, п. 4.

еще от XVII в. и являющейся результатом механического переноса категорий латинской грамматики на другие языки, обозначать видовые формы как «времена». При исследовании эта привычка рассматривать виды как времена часто препятствует четкому отграничению видовых категорий от собственно временных и затуманивает общую картину.

2. Прежде чем подойти к принципам структуры семитохамитского глагола вообще (по поводу чего существуют различные теории), нам придется ознакомиться с различными типами образования его спрягаемых форм, существующими в отдельных языковых ветвях и группах.

Для удобства сравнения мы будем называть формы совершенного и несовершенного вида единообразно — перфективом (*aspectus perfectivus*) и имперфективом (*aspectus imperfectivus*), хотя общепринятыми для отдельных языков являются другие термины, традиционные и в сущности неправильные, например «претерит» и «презенс» в аккадском, «перфект» и «имперфект» в других семитских языках, «фактум» и «фиенс» в берберо-ливийских, «перфект» и «презенс» в кушитских и т. д. Кроме того, обратим внимание на форму юссива, служащую для выражения различных категорий пожелания, возможности и т. п., а также императива. Во всех случаях (кроме императива) мы будем для сравнения брать 3-е лицо единственного числа субъекта.

3. Если пока отвлечься от вопроса о непереходных глаголах, а также от древнеегипетского языка, где обычного для семитохамитских языков префиксального спряжения (§ 5, п. 4(1)) вообще нет¹⁰¹ и глагольные формы развились из именных определительных конструкций (см. § 7), то все типы семитохамитского переходного спряжения можно свести к нескольким простейшим типам. При этом следует учитывать, что для семитской ветви характерен трехсогласный корень глагола; двусогласных глагольных корней здесь формально нет, поскольку они рассматриваются как трехсогласные с одним корневым «слабым» согласным (*h*, *i*), а их словоизменение подогнано под тип словоизменения трехсогласных корней. В других же семитохамитских языках двусогласные глагольные корни иногда составляют подавляющее большинство, трехсогласные же нередко оказываются заимствованными из арабского или других семитских языков. Состояние исследованности несемитских языков рассматриваемой семьи в настоящее время обычно

¹⁰¹ Оно утеряно также в ряде новосемитохамитских языков, как, например, в кушитском языке галла, в новоассирийском и т. д. В кушитских языках бедауйе и сомали старое префиксальное спряжение также в значительной мере уступило место суффиксальным новообразованиям, которых мы, однако, не будем затрагивать, касаясь только существенных для нашей темы глаголов с архаическим префиксальным спряжением.

не позволяет установить, являются ли двусогласные глагольные корни исконными или они (что, по-видимому, более обычно) сократились в результате действия комбинаторных фонетических условий. Однако пример древнеегипетского показывает, что наряду с трехсогласными корнями, в том числе и с одним «слабым» корневым согласным, существовали и действительно двусогласные глагольные корни.

С учетом особенностей, которые это обстоятельство вносит в спряжение глагола в несемитских языках семитохамитской семьи, можно свести все типы древнего семитохамитского переходного спряжения к четырем основным:

	Императив	Юссив
1) Тип хауса ¹ (<i>kira</i> 'звать')	* <i>kira</i>	<i>ja kira</i>
2) Аккадский тип (он же берберо-ливийский и старокушитский) ² (<i>prs</i> 'разделять')	' <i>p(u)rus</i>	<i>i-prus</i> ³
3) Южнопериферийный тип (<i>ktl</i> 'убивать')	*' <i>k(u)tul</i>	*' <i>ja-ktul</i>
4) Центральносемитский тип (<i>ktl</i> 'убивать')	<i>k(u)tul</i> ⁶	*' <i>ja-ktul</i>
	Перфектив	Имперфектив
1) Тип хауса ¹ (<i>kira</i> 'звать')	<i>ja(-n) kira</i>	<i>ja-na kira-ḡa</i>
2) Аккадский тип (он же берберо-ливийский и старокушитский) ² (<i>prs</i> 'разделять')	<i>i-prus</i>	<i>i-'pa(r)ras</i> ⁴
3) Южнопериферийный тип (<i>ktl</i> 'убивать')	*' <i>ka'tal(a)</i>	*' <i>ja-katal</i> ⁵
4) Центральносемитский тип (<i>ktl</i> 'убивать')	*' <i>katal(a)</i>	*' <i>ja-ktul-u</i>

Примечания. 1. В большинстве случаев форма императива в хауса вытеснена юссивом. Следует заметить, что хаусанские глагольные формы, по-видимому, являются составными из глагольного имени (например, *kira*) и префиксальных спрягаемых форм вспомогательного глагола **n(a)*, с редукцией основы до нуля в юссиве.

2. Совпадение аккадского типа с берберо-ливийским и кушитским было замечено О. Рёсслером, который, однако, значительно упростил вопрос, сопоставив аккадский имперфектив *i-parras* с берберским *i-farras* и кушитским (бедауйе) (*je*)-*fandig*. Однако, как указал А. Клингенхен, опираясь на специальные берберологические работы, в действительности форма *i-farras* является не имперфективом, а воз-

никла из усилительной породы, соответствующей акк. *ū-parris* (см. § 11). По мнению А. Клингенхена, куш. (*je*)-*fandig* также не является аналогией к акк. *i-parras*, а представляет собой форму, образованную по аналогии с формой двусогласных глаголов, гораздо более распространенных в кушитских языках: (*i*)*e-n-dīr*, где это *n* является вторичным (сложение с вспомогательным глаголом: *'*ja-'an dīr*?; ср. и в хауса *ja-na kira-ḡa*). Эта ошибка О. Рёсслера привела к тому, что все его построение было отвергнуто его критиками. В действительности, с аккадским имперфективом нужно сопоставлять формы берберо-ливийского имперфектива («фиенс»), образуемого путем присоединения тех же субъектных показателей к основе с другой огласовкой, чем в перфективе, например: перфектив *i-rdāl* 'он взял', *i-gmī* 'он искал', *i-ndu* 'он сбил масло', имперфектив *i-rdāl*, *i-gmāḡ*, *i-nda*. Прототипы этих пар форм можно реконструировать примерно по типу *'*ja-rtu/il*, *'*ja-gmī*, *'*ja-ndū* || *'*ja-r(a)tal*, *'*ja-g(a)maḡ*, *'*ja-n(a)daḡ*, что вполне соответствует аккадскому типу. Что касается бедауйе, то здесь А. Клингенхен не прав. Даже в основной породе переходных глаголов не во всех случаях наблюдаются формы с *-n-* в имперфективе, а в производных породах (ср. § 11) таких форм нет вообще. Если предполагать, что формы (*je*)-*fandig*, (*i*)*e-n-dīr* восходят к *'*ja-fad'dig*, *'*ja-d'dir* и т. п., то нет причин не рассматривать исходные формы кушитского имперфектива как вполне аналогичные аккадскому. Варианты в огласовке имперфектива, как мы увидим ниже, не имеют решающего значения и обусловлены особыми факторами; существенно, что имперфектив образуется, по сравнению с перфективом, от другой, более полногласной основы при тех же субъектных показателях спряжения, а это именно и характерно для «аккадского» типа.

К подобной же разнице в огласовке основы можно возвести разницу в огласовке префикса, характеризующую различие между перфективом и имперфективом в языке 'афар: перфектив *ī-*, имперфектив *ja-*, где огласовка, относившаяся первоначально к основе, перенесена на префикс, в том числе и префикс трехсогласных глаголов (преимущественно или во всех случаях заимствованных). В сомали, где сохранилось ничтожное число глаголов, еще спрягающихся по старому префиксальному типу, преимущественно непереходных, положение не вполне ясное. Так, от глагола «быть» перфектив: 3-е л. ед. ч. *ī-īl*, мн. ч. *ī-īlēn*, имперфектив: 3-е л. ед. ч. *ī-āl*, мн. ч. *ī-ālēn*, от глагола «знать» перфектив: 3-е л. ед. ч. *ī-ī-qin*, мн. ч. *ī-ī-qānēn*, имперфектив: 3-е л. ед. ч. *ī-ī-qān*, мн. ч. *ī-ī-qānān*. И здесь представляется вероятным предположение о том, что форма перфектива изначально была неполногласной, а форма имперфектива — полногласной; однако трудно объяснить форму множественного числа перфектива *ī-ī-qānēn* (ожидалось бы *'*ī-qnēn* или *'*ī-ī-qin-ān*; но, возможно, здесь имеется случай действия аналогии).

3. Форма юссива в аккадском употребляется только в сочетании с частицами прямого и отрицательного пожелания: *l-i-prus* < *'*lū i-prus*; *aḡ i-prus*, а также в условных предложениях, где грамматические пособия смешивают его с перфективом. Берберо-ливийский юссив совпадает с перфективом; в кушитских — форма вторичного образования.

4. Вопрос об исконности удвоения второго корневого согласного в аккадском имперфективе спорен. Нам форма *i-parras* кажется вторичной; исходная форма *'*i-paras* по законам аккадской фонетики должна была бы дать *'*i-pras* и тем самым совпасть с имперфективом с огласовкой на *a* (ср. *i-lmad* 'он выучился'). Для сохранения дифференцирующей огласовки необходимо было перенесение ударения и превращение ударного слога в закрытый, отсюда форма *i-parras*.

5. Как показал А. Клингенхен, эфиопская форма *ja-kattal* и форма мехри *ī-tōber* восходят к *'*ja-katal*, *'*ja-'tabar*.

6. Араб. (*u*)*ktul*.

Как видно из этого сопоставления, императив и юссив образуются во всех типах одинаково. Но видовые формы — перфектив и имперфектив — образуются по-разному.

В хауса они образуются путем соединения личного местоимения с глагольной основой *n*; *na*; используются разные основы: для перфектива (как и в аккадском типе) используется неполногласная, для имперфектива — полногласная основа.

Также и в аккадско-берберско-старокушитском типе для перфектива и для имперфектива используется префиксальное личное спряжение при разных основах — неполногласной *-p(u)rus*¹⁰² для перфектива (она же основа императива) и полногласной *-paras* для имперфектива. Юссив совпадает по форме с перфективом.

В южнопериферийном типе схема та же, однако для перфектива используется другая форма, без личного префикса спряжения (в 1-м и 2-м лице она спрягается путем суффиксации). Юссив сохраняет прежнюю форму и поэтому уже не совпадает с перфективом.

И, наконец, в центральносемитском типе при сохранении формы юсвива не только перфектив, но и имперфектив получает другую форму, а именно совпадающую с юссивом (плюс формант *-u*).

Традиционное объяснение этого расхождения типов таково: существовало две формы: *katala* и *ja-ktul* // *ja-ktul-u*, причем в аккадском по неизвестным причинам форма *katala*, она же **pa(r)ras*, приняла несвойственное центральносемитскому перфективу префиксальное спряжение, и обе формы, также по неизвестным причинам, обменялись своими значениями. Как обычно в традиционной семитологии, за исходную точку брался арабский, т. е. центральносемитский тип, а несемитские языки семитохамитской семьи вообще не принимались во внимание.

За последние десятилетия семитология отказалась от этого объяснения, которое, в сущности, ничего не объясняет и к тому же находится в противоречии с фактами. В самом деле, форма центральносемитского перфектива *katala* не имеет аналогий в других семитохамитских языках и к тому же акк. *i-parras* не сводимо к форме *katala*. Вообще считать форму, независимо от семантики, первичным и постоянным фактором, а семантику — вторичным и переменным, очевидно, неправильно.

Крупнейший польский индоевропеист Е. Курилович, исходя из теоретических соображений, выведенных из истории развития глагола в других языках, обосновал недавно точку зрения, согласно которой первоначально является аккадский

тип. Е. Курилович отметил, в частности, что эфиопский, арабский и древнееврейский юссив сохранил явные следы своего былого перфективного значения¹⁰³. Следовательно, можно предположить, что и в центральносемитских формах *katala* вытеснила ранее существовавшую форму перфектива типа акк. *i-prus* = *ja-ktul*. Откуда появилась форма *katala*, мы увидим ниже, в § 7.

Таким образом, южнопериферийный тип первоначально полностью совпадал с аккадско-берберско-старокушитским; особняком остается только образование центральносемитского имперфектива *ja-ktul-u*, противостоящего всем остальным типам. Этому обстоятельству Е. Курилович также пытался дать объяснение¹⁰⁴, однако оно плохо согласуется с фактами и не может быть принято.

¹⁰³ Следы эти следующие: а) в древнееврейском после частицы *wa-* (*wāw consecutivum*), а иногда (в поэтических текстах) и без нее, юссив передает совершенный вид; б) в арабском с частицей категорического отрицания *lam* юссив выражает совершенный вид (*lam ja-ktul* 'отнюдь не убил'); точно так же в условных предложениях (как и в аккадском), свободно чередуясь в этом случае с перфективом; в) он чередуется с перфективом также в пожеланиях. Следует, однако, отметить, что, выдвинув эту точку зрения в своей работе «Esquisse d'une théorie de l'apophonie en sémitique» (стр. 1), Е. Курилович в своей новой работе «L'Apophonie en sémitique» от нее отказался. Теперь Е. Курилович полагает, что аккадский утерял общее перфективное значение глагольной формы с суффиксальным спряжением *katala* (которая превратилась только в форму предиката состояния) в результате выработки особой формы вторичного «перфекта» с префиксальным спряжением, *i-p-ta-ras*, взявшего на себя часть функций перфектива (стр. 48). Однако, во-первых, аккадский «перфект» имеет совершенно специфические функции, почти не совпадающие с функциями общесемитохамитского перфектива, а во-вторых, несомненно, образовался позднее формы с суффиксальным спряжением в ее специально аккадской (и, как мы полагаем, общесемитохамитской) функции предиката состояния. Далее, Е. Курилович считает форму *ja-prus-u* исконно повествовательной формой имперфектива, в аккадском вытесненной породной формой дуратива **ja-parras*, но не во вполне ясным причинам сохранившейся в своей вторичной функции сослагательного наклонения (стр. 53 сл.), с чем также невозможно согласиться, в частности потому, что порода с удвоением второго корневого согласного существует в аккадском сама по себе и также имеет свои аффиксально спрягаемые формы перфектива (*u-parris*) и имперфектива (*u-parras*). См. ниже, гл. VI, § 6, а также И. М. Дьяконов, *Семитохамитские языки*, М., 1965, стр. 80, прим. 2. Однако от относительной датировки тех или иных семитских грамматических форм зависит и реконструкция истории всей системы семитского словообразования и словоизменения с помощью внутренней флексии. К тому же Е. Курилович совершенно не учитывает показаний других семитохамитских языков, что представляется нам методически неправильным. Поэтому теория семитской апофонии, предложенная Е. Куриловичем, при всей ее стройности вызывает ряд сомнений.

¹⁰⁴ Е. Курилович был склонен объяснять форму центральносемитского имперфектива как возникшую из существительного с префиксом *ja-* в предикативном значении, но стоящего в именительном падеже на *-u*; личные формы для 1-го и 2-го лица (*a-ktul-u*, *ta-ktul-u*

¹⁰² А также, как мы увидим ниже, **-p(i)ris*, **-p(a)ras*.

4. Наряду с теорией Е. Куриловича за последнее время были выдвинуты и другие теории для объяснения семитохамитских типов спряжения глагола, из которых наиболее важные принадлежат О. Рёсслеру и А. Клингенхебену. Оценка этих теорий тесно связана с вопросом о переходном глаголе, который мы до сих пор не затрагивали.

О. Рёсслер обратил внимание на тот факт, что в южно-периферийном семитском языке мехри только переходные глаголы образуют имперфектив по типу **ia-par(r)as*, и то же, по его мнению, относится к берберо-ливийским языкам¹⁰⁵. Иное положение с переходными глаголами. В мехри переходные глаголы образуют имперфектив по типу **iu/i-pras* и так же образуют юссив. Таким образом, если для переходных глаголов юссив совпадает в мехри со старым (исчезнувшим) перфективом, то для переходных глаголов он совпадает с имперфективом.

В связи с этим О. Рёсслер восстанавливает следующую, с его точки зрения, первоначальную схему:

	Императив	Юссив	Перфектив	Имперфектив
Переходные глаголы		<i>*purus</i>	<i>*ia-prus</i>	<i>*ia-prus-u</i>
Непереходные глаголы		<i>*pu/iras</i>	<i>*iu/i-pras</i>	<i>*ia-prus-u</i>
			<i>*ia-parras</i>	<i>*iu/i-pras</i>

Примечание. Формант *-u* в форме **ia-prus-u* О. Рёсслер рассматривает как особый формант повествовательной формы («нарратива»), в отличие от «консекутива» (т. е. юссива), который этого форманта не имел. Для сопоставительных целей он это *-u* практически игнорирует, так как оно сохранилось, в сущности, только в одном языке — в арабском (и в аккадском как показатель как показатель предложения обоих видов, т. е. как раз не в собственно нарративных формах!). Предположение о первоначальном существовании нарратива на *-u*, очень облегчающее О. Рёсслеру объяснение арабского имперфектива, по существу ничем не подтверждается.

и т. д.) он объясняет действием аналогии со старым имперфективом. Но, хотя в семитских языках действительно встречаются имена, образованные по типу *ja-12u3-u*, однако они очень редки, и, исходя из их значения, трудно объяснить, почему бы они могли стать обычной формой выражения предикатива; тем более что формант *-u* в арабском именем предикате — явление вторичное. Скорее следует предположить, что форма *ja-ktul-u* проникла в главное предложение из придаточного, где она находит удовлетворительное объяснение (см. ниже, § 10, п. 4). Как показывают некоторые аналогии, эта форма, как и форма юссива, вероятно, была первоначально видово-нейтральной, что и позволило использовать ее в центральносемитских языках для имперфектива.

¹⁰⁵ В это наблюдение О. Рёсслера надо внести коррективы, указанные выше в прим. 2 на стр. 230 сл. Берберские переходные глаголы не имеют формы *i-farras* потому, что это — имперфектив, а первоначально порода типа D (см. § 11), всегда переходная по своему существу. Кроме того, в мехри, по-видимому, по крайней мере часть переходных глаголов тоже имеет полногласный имперфектив.

Аккадскую форму переходного имперфектива **ia-parras* О. Рёсслер объясняет действием аналогии.

Однако эта схема не может выдержать критики. В самом деле, во-первых, она не согласуется с фактами аккадского языка, где древнейшей формой перфектива переходных глаголов следует считать не **ia-prus-u*, а **ix-pras*¹⁰⁶, а переходных глаголов — не **ia-prus-u*, а **ia-prus*; во-вторых, она не согласуется с фактами берберских языков, где форма *i-farras* восходит к другой парадигме, а форму имперфектива («фиенс») *i-fras*, далеко не ограничивающуюся только переходными глаголами, по всей вероятности, следует возвести (по крайней мере для переходных глаголов) к **ia-parras*; в-третьих, она не согласуется с фактами кушитского языка бедауйе, образующего перфектив переходных глаголов по типу *(l)e-ngād*¹⁰⁷, а имперфектив (вторично?) по типу *(l)e-ngadi*; в-четвертых, наконец, первоначальная связь юссива с перфективом переходных глаголов, установленная Е. Куриловичем, делает маловероятным исконный характер наблюдаемой нами в мехри связи этой формы в переходных глаголах с имперфективом.

О. Рёсслер полагает, что в центральносемитских языках в переходном глаголе форма имперфектива **ia-prus(-u)* была подогнана под форму юссива *ia-prus* под влиянием аналогии с переходным глаголом, где, с его точки зрения, юссив **iu/i-pras* искони совпадал с имперфективом **iu/i-pras(-u)*. Однако это объяснение принять нельзя по следующим основаниям: 1) переходные глаголы встречаются гораздо чаще переходных и играют гораздо более важную роль в языке, а потому перестройка переходного глагола по образцу переходного маловероятна; 2) первичность связи юссива именно с перфективом весьма вероятно не только по соображениям, приведенным Е. Куриловичем, но и потому, что противопоставление переходного юссива **iu/i-a-pras* переходному перфективу **ia-prus* не подтверждается фактами: в самом деле, в аккадском юссив переходных глаголов совпадает с перфективом, в мехри старого перфектива просто нет,

¹⁰⁶ Качество гласного в форманте мы не предприняем. Что именно эта форма — первоначальная, в этом можно наглядно убедиться, проследив развитие целого ряда переходных глаголов в аккадском. Типы **i-pris*, **i-prus*, которые О. Рёсслер считает первоначальными, «легитимными», поскольку они, с его точки зрения, совпадают с берберскими формами, в ряде случаев оказываются более поздними [ст.-асс. *i-blat* 'он жил', ст.-вав. *i-bšal* 'он поспел' (о пище), *i-krab* 'он приблизился', *i-slam* 'он примирился' при нормальных литературных формах *i-blut*, *i-bšil*, *i-krīb*, *i-slim*].

¹⁰⁷ Автор грамматики бедауйе, Л. Рейниш, считает эту форму восходящей к форме с префиксом *-t-*, но не дает обоснований этому своему мнению, которое не кажется нам убедительным.

и сказать, расхотился ли он для непереходных глаголов по форме с юссивом, невозможно, а в берберском расхождение форм непереходного и переходного глаголов является мнимым: форм переходного имперфектива **ia-parras* не существует, а огласовка *i-fras* для непереходного перфектива (где *э*, а часто и ноль < *u*, *i* или *a*) может восходить к формам с огласовкой последнего слога на *a*.

К точке зрения О. Рёсслера присоединился И. Фридрих и другие. Однако она была затем подвергнута серьезной критике А. Клингенхебеном, поддержанным С. Москати.

По мнению А. Клингенхебена, семитохамитский язык-основа имел первоначально только одну глагольную форму, но в двух произношениях — сокращенном (Allegro-Aussprache: **ia-pru/i/as*) и полногласном (Lento-Aussprache: **ia-paru/i/as*)¹⁰⁸. Никакого семантического различия между ними первоначально не было, почему в дальнейшем форма **ia-pru/i/as* могла в одних языках закрепиться за перфективом, а в других — за имперфективом. Однако предположение о том, что различие в форме предшествует различию в семантике, едва ли может быть принято. К тому же мы знаем на примере других языков (см. выше, гл. II—IV), что если для непереходных глаголов безвидовые формы спряжения обычны, то для переходных глаголов различие совершенного и несовершенного видов относится к глубокой древности.

5. Мы предлагаем следующую реконструкцию прасемитохамитского типа структуры глагольных форм:

	Императив	Перфектив-юссив	Имперфектив	Безвидовая глагольная форма придат. предложения ¹
Переходный глагол	<i>*purus</i>	<i>*ia-prus</i>	<i>*ia-paras</i>	<i>*ia-prus-u</i>
Непереходный глагол	<i>*p̄cras²</i>	<i>*īx-pras²</i>		<i>*īx-pras-u</i>

Примечания. 1. Об этой форме см. ниже, § 10.

2. Вопрос об огласовке первого слога мы не предпрещаем, условно обозначая гласный символом *x*. Возможно, что этим гласным мог быть не только **i*, но и **u*.

Другими словами, формы непереходного глагола были безвидовыми (как в шумерском).

¹⁰⁸ При этом А. Клингенхебен ссылается на хауса, где *iā tafi* означает 'он идет, шел и т. д.', а *ja tafi* 'он должен, может идти'. Однако форма *iā tafi* относится к той же парадигме, что и *ki-ka tafi* 'ты, женщина, пошла', *su-ka tafi* 'они пошли', и, следовательно, является не примером Lento-Aussprache, а результатом фонетического изменения форманта нарративного прошедшего. Форма *ja tafi* — юссив. Впрочем, А. Клингенхебен допускает также возможность включения разных именных основ в глагольную парадигму.

В аккадском выработался имперфектив непереходных глаголов, получивший форму *i-parru/is*, по аналогии с переходным, и произошло расчленение форм глагола придаточного предложения по видам: перфектив *i-prus-u*, *i-pras-u*, имперфектив *i-parras-u*, *i-parri/us-u*.

В южнопериферийных семитских языках выработался новый перфектив именного происхождения по типу *para/i/us(a)*, остальные же формы (в том числе и юссив) остались без изменений¹⁰⁹.

В центральносемитских языках тоже выработался новый перфектив именного происхождения по типу *para/i/us(a)*, но была утеряна и старая форма имперфектива. Причины этого явления представляются нам в следующем виде: форма юссива, а также форма глагола придаточного предложения **ia-prus-u* являлись безвидовыми (как и поныне в мехри)¹¹⁰, а поэтому могли выражать и несовершенный вид. С возникновением нового перфектива *para/i/us(a)*, применявшегося как в главных, так и в придаточных предложениях, форма юссива (= неполногласной форме старого перфектива без окончания) и форма глагола придаточного предложения (= неполногласной форме старого перфектива с окончанием *-u*) оказались чисто имперфективными; таким образом, в имперфективе, наряду с модальными неполногласными формами, осталась одна асимметричная полногласная форма изъявительного наклонения переходного глагола **ia-parras*; она и была вытеснена следующей по частоте формой глагола придаточного предложения **ia-prus-u*; действительно, в арабском форма *ja-ktul-u* обслуживает имперфектив как в главном предложении, так и в придаточных (кроме целевых, имеющих особую форму глагола *ja-ktul-a*). В главном предложении она вытеснила старую форму имперфектива **ia-paras*, **ia-katal*. Этому вытеснению должна была содействовать аналогия с непереходным глаголом, который уже и раньше имел в имперфективе¹¹¹ неполногласную форму **īx-pras*.

Что касается берберо-ливийских языков, то, имея в виду, что все они находятся в новом состоянии, проследить, даже

¹⁰⁹ В эфиопском, как и в аккадском, форма *ja-kattal* распространилась в имперфективе и на непереходные глаголы; оба юссива, **ia-prus* и **īx-pras*, сохранились.

¹¹⁰ Учитывая происхождение форманта *-u* при глаголе как номинализующего (полностью аналогичного шумерскому *-a*, хурритскому *-sse*), мы должны признать его очень древним, поэтому вероятно, что он был общесемитским. Правда, в аккадском форма глагола придаточного предложения *i-prus-u* уже является не безвидовой, а перфективной, так как ей противостоит форма имперфектива придаточного предложения *i-parras-u*; однако последнюю форму, подобно форме непереходного имперфектива *i-parri/us*, следует считать вторичной.

¹¹¹ Поскольку в функции перфектива эта форма была вытеснена новой формой *pari/us(a)*.

предположительно, историю их структуры гораздо труднее. Вероятно, однако, что они в общем сохранили древнюю схему структуры, но с различными изменениями под действием аналогий и стяжений¹¹² (поэтому на месте переходного имперфектива **ia-paras* мы встречаем форму *i-fras* и т. п.).

6. Мы рассмотрели простейшую схему, однако в действительности дело обстоит сложнее. Так, аккадский язык наряду с переходными глаголами обычного типа *i-prus*, *i-parras* 'разделять' имеет также переходные глаголы типа *i-pkid*, *i-pakkid* 'поручать', *i-šdih*, *i-šaddih* 'шествовать' (для переходного глагола с объектом, выражающим место), типа *i-rpuđ*, *i-rappuđ* 'бежать' (по чему-либо, с винительным падежом) и типа *i-lmađ*, *i-lammađ* 'выучить (что-либо)', а также непереходные глаголы типа *i-mruš*, *i-marruš* 'заболеть' и типа *i-ħlik*, *i-ħallik* 'пропасть', 'погибнуть' (помимо архаического типа *i-blat* 'оживать'). В других семитских языках, как, например, в арабском, также наблюдается значительное разнообразие форм.

Однако, несмотря на происшедшие семантические сдвиги, нарушающие первоначальную картину, можно попытаться классифицировать эти типы.

Переходный тип акк. *i-prus*, *i-parras* 'разделил', 'разделяет', араб. *ia-nšur(-u)*¹¹³ 'хранит' является основным типом, выражающим переходное действие.

Переходный тип акк. *i-šdih*, *i-šaddih* 'шествовал', 'шествует', *i-pkid*, *i-pakkid* 'поручил', 'поручает', араб. *ia-drib(-u)* 'ударяет', первоначально, по-видимому, использовался для глаголов движения, а также для глаголов скоропреходящего мгновенного или же поверхностного действия.

Переходный тип акк. *i-rpuđ*, *i-rappuđ* 'побежал', 'бежит' был вариантной формой для глаголов движения.

Переходный тип акк. *i-lmađ*, *i-lammađ* 'обучился, узнал', 'обучается, узнает', араб. *ia-ħta'(-u)* 'режет', *ia-'lam-u* 'знает

¹¹² По законам берберской фонетики форма имперфектива **i-fəras* смогла стянуться в **i-fras*, и тогда различие между перфективом и имперфективом и между переходным и непереходным глаголом стерлось и поддерживалось вторичными средствами. Ср. инновации также в кушитских.

¹¹³ Для арабского мы даем ниже только форму имперфектива (и юссива), так как перфектив здесь имеет позднейшее происхождение, и его огласовка не имеет прямой связи с огласовкой имперфектива. Косвенная связь все же наблюдается, так как новый перфектив также имеет различную огласовку, в зависимости от переходности или непереходности. Таким образом, перфектив переходного глагола может иметь одинаковую нормальную огласовку типа *našara*, *ḍaraba*, *ḥaṭa'a*, но разную огласовку имперфектива, в зависимости от типа, к которому принадлежал старый перфектив-юссив; перфектив непереходного глагола имеет огласовку либо типа *ħazina*, либо типа *karuma*, имперфектив — большей частью типов *ia-'lam-u* и *ia-krum-u*.

не имеет ясного семантического объяснения; в значительной части глаголов этого типа огласовка вызвана фонетическими комбинаторными условиями (соседство с фарингальными согласными и т. п.), однако для некоторой части глаголов огласовка этого типа такому объяснению не поддается¹¹⁴.

Непереходные глаголы в аккадском выражают, собственно, не состояние, а переход в состояние (ингрессив): *i-mruš* 'заболел', *i-marruš* 'может или должен заболеть', 'заболевать', 'заболеет'; *i-ħlik* 'погиб', 'пропал', *i-ħallik* 'пропадает', 'пропадет', 'может или должен пропасть, погибнуть' (ср. *i-prus* 'разделил', 'разделит', *i-parras* 'делил', 'делит (разделяет)', 'будет, может или должен делить'). Собственно состояние выражалось особой предикативной формой прилагательного или причастия состояния. Это положение вещей можно признать первоначальным, и именно поэтому, очевидно, непереходные глаголы в аккадском получали огласовку глаголов движения, вытеснившую древнейшую общесемитскую непереходную огласовку типа акк. арх. *i-blat* 'он жил'¹¹⁵, араб. *ia-ħzan(-u)* 'он печалится'¹¹⁶, др.-евр. *ii-ħbad* 'он становится тяжелым', эфиоп. (юссив) *ia-lbas* 'оделся (бы)', мехри *ii-tbōr* < **ia-tbār* 'он разламывается'.

7. Остается вопрос — чем объясняется само первичное различие в огласовке? Прежде всего, несомненно, что перфектив и имперфектив были образованы от разных основ¹¹⁷. Однако это не объясняет различий огласовок внутри каждой из этих видовых форм.

Очевидно, как всякая внутренняя флексия, она должна была возникнуть из внешней¹¹⁸, однако ее возникновение от-

¹¹⁴ Е. Курилович видит в этом типе медиальные глаголы.

¹¹⁵ Так как имперфектив для непереходных глаголов, вероятно, вообще является вторичным, то он и не сохранил в аккадском иной огласовки, кроме перенесенной с переходных глаголов движения.

¹¹⁶ Более редкая огласовка арабского имперфектива непереходных глаголов типа *ia-krum(-u)* 'он является щедрым' возникла, возможно, под влиянием перфектива *karuma*. В других семитских языках огласовка имперфектива непереходного глагола сохраняет только первоначальную огласовку.

¹¹⁷ От каких именно — в настоящее время трудно сказать. Попытки О. Рёсслера и А. Клингенхебена связать аккадский имперфектив *i-parras* с именами профессий типа **parras-*, **parräs-* нельзя считать удачными, так как эти формы образуются только от глаголов, выражающих профессиональную деятельность, а от других глаголов их образовывать нельзя. Я скорее склонен связывать форму имперфектива с именем действия типа акк. *paräs-*.

¹¹⁸ Ср. в мехри: имперфектив 2-го л. м. р. *tetōber*, 2-го л. ж. р. *tetiber* 'ты сломаешь' < **ta-'iabar*, **ta-'iabar-i*. Развитие следует представить следующим образом: **ta-'iabar-i* > **ta-'iabar-i* > **ta-'iabar* и далее > **ta-'iābar* > *ta-'iāber* под влиянием **ta-'tābar* > *ta-'tōber* в мужском роде.

носятся к столь древним временам, что надежно представить себе его механизм невозможно.

Примечание. Можно, однако, позволить себе вольность, высказав некоторые предположения, исходя из аналогий, которые дает, в частности, язык хауса.

Сделаем, прежде всего, весьма вероятное предположение, что первоначально глагол был двусогласным и гласный формант присоединялся в конце, после основы. Личный субъектный показатель был бы еще самостоятельной лексической единицей. Тогда мы должны были бы получить примерно следующую схему:

Переходные глаголы Непереходные (ингрес- сивные) глаголы	Перфектив-юссив	Имперфектив
	* <i>ja par-u</i>	* <i>ja par-a</i>
	* <i>ix par</i>	

При этом последний гласный, если он с самого начала не был формантом, то легко мог быть вытеснен таковым, что мы видим на примере глагола хауса: *ja fita* 'вышел'; *ja buga* 'побил'; *ja buga ši* 'побил его'; *ja bugi mutum* 'побил человека'; *ja bugu* 'побит'; *ja tafo* 'пришел (сюда)'.¹¹⁹

Мы видим, что переходность выражается формантами *-e*, *-i*, непереходность или пассивность — формантом *-u*, движение (в зависимости от направления) — формантом *-o*. Переходные глаголы, если объект прямо не указан, могут совпадать по форме с непереходными, имея формант *-a*. Конечно, это, очевидно, не первоначальный семитохамитский тип, а выработавшийся в чадских языках вторично, но мы можем рассматривать его как некую модель. Примерно в таком же роде можно представить себе и изменения первоначального семитохамитского глагола. Так, все глаголы безразлично могли бы иметь корневую огласовку *-a-*, переходный перфектив — показатель *-u* (скажем, под влиянием обычного объектного местоимения 3-го лица *-su*), а в глаголах движения — показатель *-i* и т. п. При переходе к трехсогласному корню путем наращенного дополнительного согласного элемента, гласный формант или последний корневой гласный мог автоматически окантаться внутри корня (правда, хауса тут не дает полной аналогии, так как при наращении глагольной основы с помощью элементов *-t-*, *-r-* и т. п., носящих характер, близкий к показателям пород, см. § 11, гласные форманты остаются здесь на конце наращенной основы). Далее мы получили бы перфектив переходного глагола **ja par-u-s* > **jarirus* > **iaprus* (ср. § 3, п. 9), имперфектив **ja par-a-s* и непереходный глагол **ix par-s* > **ixpr-s* по правилам слогообразования, см. прим. 69. Все это, конечно, на данном этапе развития науки не более как чистые предположения.

Распределение типов огласовок по семантическим группам переходных и непереходных глаголов выдерживается в большинстве исторически засвидетельствованных семитских языков не строго: различные сдвиги значений, действие аналогии и разных комбинаторно-фонетических факторов рано привели к нарушению семантических границ между типами, и постепенно в языковом сознании им перестало придаваться значение, тем более что при номинативном строе языка формальное различение переходных и непереходных глаголов мало актуально.

§ 7. Именной предикат и развитие центральносемитского нового перфектива

1. В аккадских грамматиках в числе спрягаемых форм глагола обычно приводится и так называемый «пермансив», или «статив», выражающий состояние, наступившее как результат действия и длящееся. Статив спрягается суффиксально, аналогично центральносемитскому новому перфективу (так называемому перфекту)¹¹⁹.

В других семитохамитских языках также наблюдаются формы суффиксального спряжения глагола. Таковы, например, «слабые глаголы» кушитских языков (в галла вытеснившие полностью, в сомали — почти полностью, а в бедауйе — отчасти глаголы старого префиксального спряжения) и *verbum substantivum* языка бедауйе, затем «квалитатив» берберского кабилского языка (зуауа). В древнеегипетском все глагольные формы спрягаются суффиксально.

При рассмотрении места аккадского «статива» в общесемитохамитской грамматической структуре кушитские «слабые глаголы» не могут приниматься во внимание не только потому, что они функционально не имеют с ним ничего общего, представляя собой систему спряжения, включающую все видо-временные формы, но и потому, что сходство их с аккадским «стативом» — чисто внешнее¹²⁰. Следует также пока отложить в сторону большинство древнеегипетских глагольных форм, имеющих мало общего с семитским стативом и по форме образования, и по содержанию. Напротив, одна из древнеегипетских глагольных форм, так называемая форма качества, состояния и результата действия (ср. выше, § 5, п. 4(2)), иначе называемые «псевдо-партиципом», или (неудачно) «старым пер-

¹¹⁹ Не следует смешивать центрально- и южносемитский «перфект» (=перфектив с суффиксальным спряжением) с аккадским «перфектом» (форма, образованная от имперфектива с инфиксом *-t-* и выражающая последовательность действий).

¹²⁰ «Слабые глаголы» кушитских языков представляют собой сложение глагольной основы с префиксальным спряжением вспомогательного глагола «быть» (например, в бедауйе от глагола *dūr* 'посещать' образуются такие формы перфектива):

	Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л.	* <i>dūr + 'a-'an</i> > <i>dūr-ān</i>	>	* <i>dūr + na-'an</i> > <i>dūr-na</i>
2-е л.	{ м. р. * <i>dūr + ta-'an-a</i> > <i>dūr-ta</i>	}	* <i>dūr + ta-'an-na</i> > <i>dūr-tāna</i>
	{ ж. р. * <i>dūr + ta-'an-i</i> > <i>dūr-tai</i>		
3-е л.	{ м. р. * <i>dūr + ja-'an</i> > <i>dūr-ja</i>	}	* <i>dūr + ja-'an-na</i> > <i>dūr-jāna</i>
	{ ж. р. * <i>dūr + ta-'an</i> > <i>dūr-ta</i>		

Аналогичные формы образуются для имперфектива: **dūr + 'a-'ani* > *dūrani*, **dūr + te-'ani* > *dūrteni* и т. п.

Внешнее сходство с семитским новым перфективом велико, однако оно совершенно случайно. Аналогичным образом спрягаются некоторые глагольные новообразования в арамейских диалектах нового состояния.

фехтом», уже давно сравнивается с аккадским стативом, так как почти полностью совпадает с ним по значению и, по крайней мере внешне, сходна и по форме. За последние годы с аккадским стативом О. Рёсслер сравнивает также берберский квалитатив, предикативно выражающий свойство или качественное состояние, и кушитский *verbum substantivum*, т. е. соединение имени в роли предиката с местоименной связкой. Эта кушитская форма морфологически, впрочем, имеет мало общего с аккадским стативом. Остальные сравниваемые формы имеют следующее спряжение (см. табл. 6).

2. В настоящее время общепризнано, что перфективное употребление формы *katala* в центрально- и южносемитских языках является вторичным; не только в аккадском, но и в других семитских языках древней ступени эта форма была редка и, по-видимому, первоначально употреблялась для глаголов состояния, другими словами, была вполне аналогична не только по форме, но и по значению аккадской и древнеегипетской формам «качества и состояния, наступившего в результате действия», т. е. аккадскому «стативу», древнеегипетскому «псевдо-партиципу». Вытеснение старого перфектива с префиксальным спряжением формой *katala* (и, соответственно, *marida*, *karuma*, см. ниже), по всей вероятности, объясняется именно тем обстоятельством, что эта форма, выражая первоначально состояние как результат завершенного действия, была в сущности перфективной по своему характеру, а применение ее позволяло различать виды завершенный и незавершенный не только в глаголе действия, но и в глаголе состояния.

3. Но дело в том, что аккадский статив вовсе не является собственно глагольной формой. Подобно кабийскому квалитативу и кушитскому *verbum substantivum* он является формой имени (в частности, глагольного имени, в приведенном нами случае — причастия состояния *par(i)s-u-m* 'разделенный') в положении именного предиката — *status praedicativus* (поэтому без падежного показателя, *paris!*); в 1-м и 2-м лице к нему присоединяется краткая форма личного самостоятельного местоимения прямого (абсолютного) падежа (см. выше, § 5, табл. 2). И хотя форма «спряжения» причастия состояния в роли именного предиката встречается наиболее часто (по той простой причине, что причастие состояния является обязательной для всякого глагола формой глагольного имени, входящей в парадигму), однако точно так же в аккадском может «спрягаться» любое имя, например причастие действия: *pāris-āku*, *pāris-āta*, *pāris-āti*, *pāris*, *pāris-at* 'я являюсь разделяющим' и т. д.; *mu-ša-pris-āku*, *mu-ša-pris-āta*, *mu-ša-pris-āti*, *mu-ša-pris*, *mu-ša-pris-at* 'я являюсь заставляющим разделять' и т. д., и просто любое

Форма суффиксального спряжения

Число	Лицо и род	Древнеегипетский	Аккадский	Эфиопский	Арабский	Берберский (зуауа)
		«псевдо-партицип» <i>sḏm</i> 'слышать'	«статив» <i>prs</i> 'разделять'	«новый перфектив» <i>ḳtl</i> 'убивать'		«квалитатив» <i>bərrik</i> 'быть черным'
Единственное	1-е л.	<i>sḏm-kw(j)</i> , <i>sḏm-kw j</i>	<i>pars-āku</i>	<i>ḳatal-kū</i>	<i>ḳatal-tu</i>	<i>bərrik-əγ</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>sḏm-tj</i> <i>sḏm-tj</i>	<i>pars-āta</i> <i>pars-āti</i>	<i>ḳatal-ka</i> <i>ḳatal-kī</i>	<i>ḳatal-ta</i> <i>ḳatal-ti</i>	<i>bərrik-əd</i> ¹ <i>bərrik-əd</i>
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>sḏm-w j</i> ² <i>sḏm-tj</i>	<i>paris</i> <i>pars-at</i>	<i>ḳatala</i> <i>ḳatal-at</i>	<i>ḳatala</i> <i>ḳatal-at</i>	<i>bərrik</i> <i>bərrik-ət</i> ³
Множественное	1-е л.	<i>sḏm-wjn</i>	<i>pars-ānu</i>	<i>ḳatal-na</i>	<i>ḳatal-nā</i>	} <i>bərrik-it</i> ⁴
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>sḏm-t(j)wnj</i> <i>sḏm-t(j)wnj</i>	<i>pars-ātunu</i> <i>pars-ātina</i>	<i>ḳatal-kəmū</i> <i>ḳatal-kən</i>	<i>ḳatal-tum</i> <i>ḳatal-tunna</i>	
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>sḏm-w</i> <i>sḏm-tj</i>	<i>pars-ū</i> <i>pars-ā</i>	<i>ḳatal-ū</i> <i>ḳatal-ā</i>	<i>ḳatal-ū</i> <i>ḳatal-na</i>	

Примечания. 1. $-əd < *-atta < *-āta?$

2. Арх. *sḏm-j*.

3. $-ət < *-at$.

4. По мнению А. Клингенхебена, показатель *-it* перенесен из множественного числа императива мужского рода — формы, которая сама нуждается в этимологическом объяснении. Нам кажется более вероятным, что *-it* — архаический формант множественного числа прилагательных, родственный аккадскому форманту *-ūt-* (О. Рёсслер).

имя существительное: *šarr-āku*, *šarr-āta*, *šarr-āti*, *šar*, *šarr-at* 'я являюсь царем' и т. д.

4. Следует заметить, что причастие состояния может иметь в аккадском три различные формы: *paris-* 'разделенный, разделен', *maruṣ-* 'больной, болен' и *ḫalak-* 'погибший, погиб'. Как мы увидим ниже, причастие состояния — не то же, что пассивное причастие, поэтому, например, *kašid-* значит не только 'схвачен и находится в схваченном состоянии', но и 'схватил и находится в состоянии схватившего'. Поэтому можно с уверенностью сказать, что именно спрягаемая предикативная форма причастия состояния послужила прототипом нового центрально- и южносемитского перфектива, который также имеет три формы: для переходных глаголов тип *katala* 'убил', для непереходных — тип **mariša* 'болен, болел' и тип *karuma* '(был) щедр'¹²¹. Конечное *-a* здесь находило полную аналогию в староаккадских и аморейских формах имени в *status indeterminatus* на краткое *-ā* (И. Гельб)¹²².

5. Необходимо остановиться на вопросе о том, является ли спрягаемая форма имени в роли предиката общесемитохамитским явлением, или же «статив» аккадского, «псевдо-партицип» среднеегипетского, «квалитатив» берберского и *verbum substantivum* бедауйе являются параллельными и генетически не связанными образованиями. В упоминавшейся выше полемике между О. Рёсслером и А. Клингенхебеном первый считал это явление общесемитохамитским, второй — придерживался противоположного взгляда. Мы все же полагаем, что предикативное выражение категории состояния (не считая ингессива) в общесемитохамитском языке-основе всегда было именным, хотя, возможно, спряжение именного предиката и не было всеобщим явлением.

6. Существенно, что аккадский «статив» не есть простое стяжение именного предложения типа «разделен(ный) — я», «царь — я», происшедшее по интонационно-акцентным причи-

¹²¹ Правда, по аналогии с аккадским, следовало бы ожидать, что форма **mariša* была переходной, а *karuma*, *katala* — непереходными. Однако полного совпадения семантических схем огласовок в различных семитских языках нет. В аккадском форма *paris* в смысле переходности двусмысленна, так как может равно относиться и к переходному и к непереходному глаголам; возможно, последнее и было для нее первоначальным (так как вообще вероятно, что форма статива вначале образовывалась только от глаголов состояния). Форма *ḫalak* в аккадском — чрезвычайно редкая. Быть может, создав сначала непереходный новый перфектив по типу *maruṣa*, *karuma*, центрально- и южносемитские языки, перенесли его употребление на переходные глаголы, использовали для дифференциации аналогичную, но до сих пор почти не употребляющуюся форму *katala = ḫalak*.

¹²² Не сюда же ли следует отнести форму *status constructus* на *-a* в эфиопском? Объяснения ее как старого винительного падежа наталкиваются на многие трудности.

нам. Оно несет другую, особую грамматическую функцию¹²³. Прежде всего местоимение, стоящее в конце именного предложения, является в аккадском предикатом, а имя в начале именного предложения — субъектом, поэтому нет никакого основания ставить его в *status praedicativus*: нельзя сказать **paris 'anāku*, **šar(r) 'anāku*, но только *pars-u-m 'anāku*, *šarr-u-m 'anāku*. Следовательно, образование статива *par(i)s-āku*, *šarr-āku* должно было произойти в глубокой древности, до изменения синтаксического строя аккадского языка под влиянием шумерского, — тогда, когда предикат стоял в предложении на первом месте и когда имя в прямом падеже не имело форманта именного падежа *-u(m)*. Но даже самые древние аккадские имена собственные III тысячелетия до н. э., являющиеся по форме целыми предложениями, уже по большей части имеют шумерский порядок слов. К тому же возникновение статива должно было относиться ко времени, когда еще существовали нигде уже исторически не засвидетельствованные формы самостоятельных личных местоимений без указательного элемента *'an-*: **(ā)ku*, **k/ta*, **k/ti*¹²⁴. Но, относя образование статива к столь раннему времени, мы тем самым относим этот процесс к ступени общесемитского состояния. Таким образом, если это явление не общесемитохамитское (на что все же, по-видимому, указывают древнеегипетский «псевдо-партицип» и берберский квалитатив), то уж во всяком случае общесемитское, что видно также и из всеобщего распространения семитского нового перфектива.

При этом значение именного предложения с личным местоимением иное, чем статива: *šarr-u-m 'anāku* значит 'царь — это я' или в крайнем случае 'я — царь', а *šarr-āku* значит

¹²³ В предложении *lū ḫā'ir 'atta* 'пусть ты (будешь) супруг' (из эпоса) мы имеем поэтическую инверсию вместо *'atta lū ḫā'ir* [ср. в том же контексте: *'atta lū muī* 'ты пусть (будешь) мой муж']. К тому же и в этом предложении мы имеем дело с констатацией (желаемого) факта, а не с состоянием; напротив, **ḫā'irāta* значило бы 'тебе свойственно быть супругом, ты стал супругом и сохраняешь это качество и состояние'.

¹²⁴ Объяснение форм статива у А. Клингенхебена: *pars + ('an)aku*, *pars + 'atta*, *pars + 'anī(nu)* и т. д. неверно, так как: 1) непонятно, почему в одном случае отбрасывался начальный элемент, в другом — конечный, а в третьем — ничего не отбрасывалось; 2) формы *'atta*, *'atti* — поздние; в южносемитских языках мы имеем *'anta*, *'anti*, и даже еще в староаккадском ассимиляция *-n-* следующему согласному не была проведена последовательно, например, *šan-t-um* 'год' (позже *šattum*); 3) форма *'anīnu* — еще более поздняя, возникающая по аналогии с *'anāku* (в аккадском — не раньше конца II тысячелетия до н. э.); древняя форма — *nēnu* < **naḥnu*. Следовательно, формы статива *parsāku*, *parsāta*, *parsānu* и т. п. могут объясняться только как *paris + āku*, *paris + ta*, *paris + nu* (с долгим *-ā-* по аналогии в двух последних случаях), как они всегда и объяснялись.

я нахожусь в состоянии царя, мне свойственно быть царем'. В других семитских языках образование нового перфектива также не исключило существования именного предложения с местоимением в качестве одного из членов: араб. *'anta taḥtūd-u-n* 'ты (есть) — хвалимый'; араб. *kātel 'ānā* 'убивающий — (есть) я' (откуда в дальнейшем выработался новоарамейский презенс: *kāllin*).

7. Замещение глагольной формы совершенного вида формой первоначального именного предиката (в его частном случае предиката-причастия состояния) — явление, имеющее немало аналогий в истории языков. В этом отношении особенно характерен древнеегипетский язык, в котором в с е собственно спрягаемые глагольные формы — если они когда либо здесь существовали¹²⁵ — вытеснены формами, по своему происхождению именными.

В древнеегипетском все «спрягаемые» формы глагола состоят из глагольной основы (вероятно, глагольного имени типа причастия) и местоимения, присоединяемого либо непосредственно к глаголу, либо при помощи частиц и служебных слов. Лишь в «псевдо-партиципе» субъектные показатели можно рассматривать непосредственно как глагольные форманты, но выше мы показали, что вероятно именное происхождение и этой формы. В «псевдо-партиципе» глагольная конструкция возникла из сокращенного именного предложения: «я — слушающий (есмы)», или (что генетически то же самое)¹²⁶ из аппозитивной конструкции (имя и приложение): «я, слушающий», поэтому субъектные показатели лишь здесь восходят к местоимениям прямого падежа (М. Э. Матье). Во всех других древнеегипетских глагольных формах показатели субъекта — не собственно глагольные форманты, а местоимения, ничем не отличающиеся от притяжательных, т. е. мы имеем здесь дело с определительной («слушание мое» или «слышимый мой») и обстоятельственной конструкцией («слышимое для меня»). Поэтому, если субъект действия выражен в предложении не местоимением, а именем, то при глаголе особый формант, который являлся бы субъектным показателем, вообще не ставится: *sdm-j* 'я слушаю', *sdm-k* 'ты (м. р.) слушаешь', *sdm-t* 'ты (ж. р.) слушаешь'; *sdm-f* 'он слушает', *sdm-s* 'она слушает' [точно так же, как *pr-j* 'мой дом', *pr-k* 'твой

(м. р.) дом', *pr-t* 'твой (ж. р.) дом', *pr-f* 'его дом', *pr-s* 'ее дом'], но *sdm z'-j* 'слушает сын мой'. Как *sdm-f*, так и *sdm z'-j* равно являются определительными конструкциями¹²⁷. Из этого следует, как мы уже упоминали выше, что если субъект качества или наступившего состояния, выражаемого «псевдо-партиципом», в древнеегипетском стоит в прямом падеже, то субъект действия стоит в косвенном (родительном).

По образцу формы *sdm-f* в виде определительной конструкции образуются и другие «спрягаемые» глагольные формы древнеегипетского языка: *sdm-n-f*, *sdm-in-f*, *sdm-ḥr-f*, *sdm-k'-f* и т. д.

По мнению автора прекрасной работы о древнеегипетском глаголе, В. Вестендорфа, исходной формой для образования глагольной формы *sdm-f* является пассивное причастие^{127а} в роли предиката именного предложения: *mr sn* 'возлюблен брат', где логический субъект выражается определением к предикату в форме родительного падежа (в форме притяжания): *mr it sn* 'возлюбленный отца — брат', *mr-f sn* 'возлюбленный его — брат'. Форма эта была нейтральна в видовом отношении, но кроме нее имелось еще и причастие несовершенного вида: *mr sn* 'возлюблен (был) брат', но *mrr sn* 'любим брат'¹²⁸. Однако на письме (а частично, может быть, и в языке) эти две формы были различимы не всегда. По этой или иной причине в древнеегипетском выработалась другая конструкция: *mr-n-f* 'возлюблен для него', за которой и закрепилось перфективное значение, т. е. значение совершенного вида; при этом форма *mr-f* стала означать только вид несовершенный (имперфектив), а форма *mrr-f* — длительность или многократность действия.

При этом В. Вестендорф полагает, что первоначально перфектив выражался «псевдо-партиципом» равно для переходных и непереходных глаголов, а имперфектив — префиксальным спряжением типа акк. *i-prus*; затем для переходных глаголов «псевдо-партицип» уступил место форме *sdm-n-f*,

¹²⁷ Посессивный по своему происхождению характер древнеегипетской глагольной конструкции не подлежит никакому сомнению, поэтому несостоятельно предложенное О. Рёсслером объяснение суффиксального характера древнеегипетского спряжения простой перестановкой субъектного показателя в связи с предполагаемым изменением порядка членов предложения. К тому же и морфологически древнеегипетские субъектные суффиксы не имеют ничего общего с семитохамитскими субъектными префиксами.

^{127а} Скорее в основу финитной формы легли различные по огласовке формы глагольного имени, ср. **hmm*, **hšb* > др.-егип. *hmm*, (с палатализацией), но *hšb*!

¹²⁸ В этом мы не можем согласиться с В. Вестендорфом. В семитохамитских языках причастия, как правило, не имеют вида. Надо полагать, что это было причастие длительного (габитивного) действия или состояния, на что указывает и дальнейшее семантическое развитие этой формы.

¹²⁵ Если верна реконструкция «псевдо-партиципа» как (спрягаемого или неспрягаемого) именного предиката с глагольной связкой, то, очевидно, префиксальное спряжение ранее существовало и в древнеегипетском (1-е л. *sdmkwj* < **sdm-ku* + *'a-iw*, 3-е л. м. р. *sdm-j/w* < **sdm* + *'ja-iw*, и т. д.?). Это вероятно уже и потому, что оно несомненно существовало в общесемитохамитском, и нет основания думать, что древнеегипетский язык выделился из языка-основы еще на доглагольной стадии.

¹²⁶ Ср. применение предикативной связки в аппозитивных конструкциях в шумерском (гл. II, § 8, п. 4) и хурритском (гл. IV, § 7, п. 5).

а префиксальное спряжение — форме *sdm-f*; и наконец, эти формы вытеснили «псевдо-партицип» и имперфектив с префиксальным спряжением также и в непереходных глаголах. С этой реконструкцией согласиться нельзя. Правда, имея в виду, что все остальные ветви семитохамитской семьи обладают префиксальным спряжением, вполне вероятно, что им владел и древнеегипетский, но маловероятно, чтобы «псевдо-партицип», учитывая его характер и происхождение, когда-либо передавал совершенный вид переходного глагола¹²⁹. Превращение формы, передающей качество и наступившее состояние, в форму совершенного вида вообще теоретически мыслимо и практически наблюдается; но трудно представить себе, чтобы эта форма, раз начав выражать совершенный вид вообще, затем утратила бы эту функцию и вернулась бы к выражению только наступившего состояния. К тому же, как показано выше, эта форма в роли перфектива появляется в семитохамитских языках поздно и притом только в одной группе центральносемитских языков.

Конечно, мыслимо, что в древнеегипетском языке префиксальных форм вообще никогда не существовало, и в связи с выработавшейся здесь посессивной конструкцией спрягаемые формы глагола действия возникли непосредственно из доглагольной стадии (или во всяком случае до выработки префиксального спряжения) в виде форм *sdm-f*, *sdm-n-f*, т. е. именных определительных и обстоятельственных оборотов. Но более вероятно, что и в древнеегипетском, как и во всех семитохамитских языках, — и, следовательно, в общесемитохамитском языке-основе, — существовало префиксальное спряжение переходного глагола в перфекте типа **ia-prus* и имперфективе типа **ia-paras*. Исчезновение этого спряжения и вообще возникновение посессивной конструкции в древнеегипетском представляет собой загадку, которую нелегко разрешить¹³⁰.

¹²⁹ Некоторая тенденция развития в этом направлении, наблюдаемая и для аккадского статива, несомненно, является поздней и имеет место в условиях уже сложившейся системы глагола в том ее виде, в каком она исторически засвидетельствована.

¹³⁰ Отнюдь не настаивая на этом объяснении, мы можем предложить, например, следующее: как мы увидим ниже, весьма вероятно, что общесемитохамитский язык-основа был эргативным языком, и субъект переходного глагола стоял в косвенном падеже (а именно, в локативном падеже на *-u*). Поскольку родительный падеж играл роль общекосвенного (см. выше, § 4, п. 6), постольку, при не утерянном еще восприятии локатива-эргатива как косвенного падежа, могло произойти вытеснение его общекосвенно-родительным (или локатив-эргатив мог выработаться позже общекосвенного; сем.-хам. гласный *u* вообще возник позднее, чем *i*), в связи с чем могло утратиться (или первоначально могло вообще отсутствовать) ощущение различия между определительной и эргативной конструкцией.

§ 8. Проблема пассива и эргативной конструкции

1. Существовали ли в семитохамитских языках активный и пассивный залогов? Вопрос этот имеет чрезвычайно важное значение, так как от его решения зависит определение самого характера семитохамитских языков на их древнейшей стадии и путей их развития.

2. Предполагается, что широко развитая система пассива существовала в древнеегипетском. Так ли это — об этом нам придется говорить ниже. Затем, система пассива пронизывает всю структуру арабского языка, где любая причастная или спрягаемая глагольная форма имеет активный и пассивный варианты¹³¹. Почти так же обстоит дело в древнееврейском и староарамейском. Однако с другими семитохамитскими языками дело обстоит сложнее. В большинстве семитохамитских языков — кушитских, берберских, из семитских языков — в эфиопском и аккадском и в более поздних арамейских пассивное значение вторично получают возвратные формы глагола.

3. Складывается впечатление, что в семитохамитских языках первоначально пассива не было. Для того чтобы внести в этот вопрос ясность, необходимо обратиться к древнеегипетскому как древнейшему из языков, где предполагается существование развитого пассива.

В. Вестендорф, посвятивший монографию специально древнеегипетскому пассиву, пишет: «В египетском... противопоставление „актив — пассив“, во всяком случае в период возникновения суффиксального спряжения, отнюдь не было тем, что обычно видят в противопоставлении „формы действительной“ и „формы страдательной“. Пассив здесь вовсе не используется для того, чтобы передать логический объект в качестве грамматического подлежащего; актив отличается при той же глагольной форме от пассива только тем, что в одном случае действующее лицо (логический субъект) упомянуто, а в другом — нет. Речь, таким образом, не идет о различных формах с разной огласовкой, и синтаксически объект и субъект не меняются местами, как, например, в предложениях „отец любит брата“ и „брат любим отцом“; вопрос о том, следует ли обозначить форму как „активную“ или „пассивную“, зависит исключительно от того, обозначено ли или не обозначено действующее лицо. Но даже когда оно обозначено, оно играет лишь второстепенную роль, так как включается в виде родительного падежа в двучленное предложение, состоящее из пассивного причастия (в качестве предиката) и логического объекта (в качестве грамматического подлежащего). Употребление пассива первоначально не является стилистической категорией:

¹³¹ Так, перфектив пассива — *ktula*, имперфектив — *ju-ktal-u*, пассивное причастие — *ma-ktul-u-n* и т. д.

нельзя произвольно выбрать либо конструкцию „он любит брата“, либо „брат любим им“, ради того, чтобы подчеркнуть тот или иной член предложения. Выбор конструкции предписан наличием или отсутствием действующего лица; таким образом, пассив имеет первоначально грамматическую функцию, подобную пассиву в классическом арабском, который может быть употреблен только тогда, „когда о лице, которое производит действие, по тем или иным причинам нужно умолчать“¹³². Аналогия с арабским здесь не вполне уместна, так как в арабском пассив — особая глагольная форма с особой огласовкой; в древнеегипетском же пассив первоначально не особая форма, а особое употребление той же формы, которая обслуживает и актив, а именно — безлично. Таким образом, если отвлечься от причастных оборотов и позднейших типов пассива, возникших из безличных и рефлексивных форм, то можно сказать, что первоначально в древнеегипетском пассивного залога, противостоящего активному как выражающего точку зрения объекта и рассматривающего объект как грамматическое подлежащее, не было¹³³. Мы можем поэтому рассматривать и

¹³² W. Westendorf, *Der Gebrauch des Passivus in der klassischen Literatur der Ägypter*, Berlin, 1953, стр. 7.

¹³³ Следует остановиться на встречающемся в грамматиках утверждении о наличии в древнеегипетском пассива от непереходных (I) глаголов. Здесь в самой формулировке налицо логическая ошибка, так как пассив по определению есть форма, при которой логический объект выступает в качестве грамматического субъекта; но непереходный глагол, опять-таки по определению, не может иметь логического объекта. Наличие подобных форм в древнеегипетском лучше всего показывает, что египетский пассив — вовсе не страдательный залог. (Ср. эргативную конструкцию в хурритском, которую тоже воспринимает как пассивную!). Очевидно, в основе древнеегипетских глагольных форм лежит не пассивное причастие, которого, как и вообще пассива, в семитохамитских языках не было, а причастие состояния, как в аккадском (а также в шумерском и других эргативных языках). Ни в каком языке нельзя образовать выражение «выходимый по замыслу его» (др.-егип. *pr-w hr shr-f*), но можно образовать выражение «находящийся в состоянии выхода по его замыслу». Так и в аккадском причастие состояния *paris-* означает «разделенный», «разделен (и находится в разделенном состоянии)» и поэтому воспринимается как пассивное причастие, но это не всегда соответствует действительности. Так, *kasid-*, *ahiz-*, *šabit-* (близкие синонимы) означают не только «схваченный», «взятый», «схвачен», «взят», но и «схватил и продолжает (продолжающий) находиться в этом состоянии», т. е. «держачий», «держит (постоянно и будет держать)»; *lamid* означает не только «наученный», «научен», но и «знающий», «знает». Поэтому и спрягаемая «форма качества и состояния» (статив) может иметь не только пассивное, но в ряде случаев и активное значение. Напротив, значение причастия действия — всегда активное: *pāris-* «делящий», «разделивший», *āhiz-* «берущий», *lāmid-* «обучающий». Таково же, очевидно, и в древнеегипетском первоначальное различие между «активным» причастием действия и «пассивным» причастием состояния, а также образовавшимися из них глагольными формами.

семитский пассив как центральносемитское новшество. Не случайно его нет в архаичных периферийных языках — аккадском и эфиопском.

Из других семитохамитских языков нечто вроде пассива имеется в хауса (огласовка *-u* последнего слога глагольной основы). Однако и эта форма не вполне подпадает под определение пассива: она выражает также возможность применения действия: *ia dafu* «это можно сварить», «это варимо», и это значение, быть может, и является первоначальным по сравнению со значением «это сварено»¹³⁴. Согласно Б. Г. Лемешко, эта форма — не пассив, а статив. Таким образом, даже там, где в семитохамитских языках «пассив» налицо, он является первоначально формой выражения безличного действия, а не противостоит активу как форма, в которой логический объект выражается как грамматическое подлежащее.

4. Выше уже мы отмечали, что: 1) именительный падеж употреблялся при имени исключительно для выражения глагольного субъекта, но не при простом наименовании предмета; 2) он совпадает по форме и, по всей вероятности, связан по происхождению с косвенным падежом — локативом; 3) семитский винительный падеж также был первоначально одним из локативных и, вероятно, восходит к абсолютному падежу субъекта состояния; 4) в глаголе местоименный показатель субъекта действия (и, вероятно, лишь вторично — субъекта состояния, которое первоначально не выражалось глагольным

¹³⁴ В литературе отмечается идентичность образования статива в хауса и «пассива» в египетском (*sdm-w*), сходных также с формой хаусанского имени действия на *-da* (ср. связь причастия состояния и имени действия в шумерском)? В других семитских языках причастие состояния и близкие к нему глагольные имена имеют *ū/u* (или *ī/i*) в качестве внутренней флексии [так, причастия: др.-евр. *kātūl*, араб. *kaṭūl* и чаще *kaṭīl*, эфиоп. *ḫaddūs* «освященный», «святой» (порода D), араб. *maḫtūl*, акк. *paris-*, но ср. также *karūb-* «благословенный» и др.; аналогично и спрягаемые формы пассива — др.-евр. **kūtal(a)*, араб. *kaṭīl*, араб. *kaṭīla*, в акк. нет]. Уже разнородность огласовки указывает на вторичное развитие спрягаемых форм пассива. Пассивный имперфект образуется с префиксом *ju-*, заменяющим *ja-* действительного залога. Эта форма, вероятно, первоначально возникла в непереходных глаголах, откуда впоследствии, например в арабском, была вытеснена формой префикса активного переходного имперфектива. Вообще арабский имперфектив пассива *ju-ktal-u* по форме и по происхождению, вероятно, не что иное, как древняя форма непереходного ингрессива; др.-евр. пассивный имперфектив породы D *ja-kaṭtal* < **ju-kaṭtal*, несомненно, восходит к **ju-kaṭtal* и образован по аналогии с *ju-ktal*. В древнеегипетском вторичный пассив выработался из формы с безличным местоимением *tw*: *tw sdm-f* «некто слышит», *sdm-tw-f* «слышим (кем-то)». В берберских это же (по А. Клингенхёбену) **tiṭ* использовано в качестве формант производных возвратно-пассивных пород и включается внутрь глагольной формы: *i-tiṭ-zra* «увиден», *i-tiṭ-zri* «видим». Разумеется, эта форма не имеет никакого отношения к аккадскому «перфекту», выражающему последовательность действий (*i-p-ta-ras*).

предикатом) восходит не к прямому, а к косвенному падежу местоимения; 5) в египетском языке при глагольной «форме качества и состояния» господствовала конструкция прямого падежа, но при глаголах действия — не номинативная, а possessивная конструкция (т. е. конструкция, требующая постановки субъекта в косвенном, — в данном случае родительном падеже); 6) в непереходном (ингрессивном) глаголе, вероятно, не было видов, а категория собственно состояния вообще передавалась только именным предикатом. Теперь к этому мы можем прибавить, что 7) в семитохамитских языках, по-видимому, первоначально не было и противопоставления активного и пассивного залогов и что пассив развился здесь вторично из безличных и рефлексивных форм.

Все это означает, что и семитохамитские языки, по всей вероятности, первоначально обладали эргативной конструкцией предложения.

§ 9. Выражение объекта при переходном глаголе

1. Как уже говорилось выше (§ 5, пп. 1 и 4), объект при переходном глаголе выражается в большинстве семитохамитских языков суффиксальными местоименными показателями¹³⁵.

2. Тем не менее спряжение в семитских языках обычно не рассматривается как субъектно-объектное. Действительно, во-первых, местоименные объектные показатели по своей форме мало отличаются от притяжательных суффиксальных и даже от самостоятельных местоимений, а во-вторых, любая переходная глагольная форма мыслима и без объектного показателя. Однако, как мы видели (гл. II, § 13, пп. 6—7; гл. IV, § 7, п. 2), и в таких характерных языках с субъектно-объектным спряжением, как шумерский и хурритский, чисто субъектное спряжение сосуществует с субъектно-объектным. Поэтому если мы не ставим семитское переходное спряжение в один ряд с хурритским и шумерским, то это происходит не из-за формального отличия семитского спряжения от спряжения в этих языках, а потому лишь, что при номинативном типе семитской конструкции прямой объект носит уже совсем иной характер, чем, например в шумерском, — он не является субъектом состояния, равноправным с субъектом действия. Поэтому и присоединение объектного показателя к переходному глаголу носит в семит-

¹³⁵ Обычно они выражают только прямой объект, однако в берберских и аккадских (и в некоторых случаях — в арабском) при глаголе может быть выражен и косвенный объект, причем показатель в дательном падеже обычно ставится перед показателем в винительном: берб. (ташельхит) *fk-ii-t* 'дай мне его', акк. *idin-a(m)-šum* 'дай мне его'. В древнеегипетском и хауса объект выражается местоимениями, представляющими отдельные лексические единицы.

ских языках иной характер, чем в шумерском: если объект упомянут в предложении, то он по большей части не отмечается местоименным показателем при глаголе, и этот показатель появляется лишь тогда, когда является единственным в предложении обозначением объекта. Исключения редки. Однако возможность обозначения при глагольной форме в виде особого форманта не только субъекта, но и объекта действия является еще одной чертой, сближающей семитские языки, при их уже номинативном строе предложения, с языками эргативного строя.

§ 10. Наклонения

1. Наклонения в древних семитских языках выражались гласной внешней флексией, поэтому, с исчезновением этой флексии на средней ступени, наклонения либо вовсе перестали выражаться, либо сохранились только пережиточно.

2. Система наклонений хорошо сохранилась в классическом арабском и в аккадском. Здесь мы не будем касаться императива (см. выше, § 6, п. 3), так как это, как и в других рассмотренных нами языках, особая самостоятельная спрягаемая глагольная форма; под наклонениями же мы будем понимать лишь формы, модифицирующие характер действия, выражаемого основными спрягаемыми (видовыми) формами.

3. В арабском языке существует юссив (*ia-ktul*), употребляемый для выражения пожелания, запрещения, категорического отрицания, а также в условных предложениях (*li-na-ktul* 'давай убьем'; *lā ta-ktul* 'не убивай'; *lam 'a-ktul* 'я отнюдь не убил'; *'in ia-ktul* 'если он убил').

В аккадских грамматиках отмечаются формы прекатива (*l-i-prus* 'пусть он разделит' < **lū i-prus*), где это *l(ū)* — вторичное, и ветитива (*aī i-prus* 'пусть не разделит')¹³⁶, а также употребление перфектива («претерита») в условных предложениях.

Так как аккадский перфектив, как известно, по форме совпадает с арабским юссивом, то мы можем утверждать, что и в аккадском в сущности существует юссив типа *i-prus* (совпадающий с перфективом), употребляемый в чистой форме в условных предложениях (*šum-ma i-prus* < **šim/n-ma ia-prus* 'если разделит', ср. араб. *'in ia-ktul* < **šim/m ia-ktul* 'если убьет') и с соответствующими частицами при выражении положительного пожелания (*l(ū)-i-prus*, ср. араб. *li-na-ktul*) и отрицательного пожелания (*aī i-prus*).

4. Сослагательное наклонение (субъюнктив) в арабском (формант *-a*) и в аккадском языках (формант *-u*) представляют собой различные явления (А. П. Рифтин). В араб-

¹³⁶ Прямое запрещение выражается отрицанием имперфектива.

ском субьюнктив применяется не во всех придаточных предложениях, а специально в целевых, вводимых соответствующими модальными частицами (подчинительными союзами): *jalasa likai ia-ktub-a maktüb-a-n* 'сел, чтобы написать письмо'; *'u-rīd-u 'an 'a-šrab-a* 'мне хочется, (чтобы) пить'¹³⁷. По всей вероятности, этот формант -а восходит к именному объектному показателю -а (винительно-локативного падежа). В других придаточных предложениях применяется обычная форма имперфектива на -и.

Аккадский субьюнктив есть форма любого глагола придаточного предложения (кроме условного). По происхождению это — как в шумерском и хурритском — форма номинализации глагола придаточного предложения с помощью локативного падежного показателя -и (А. П. Рифтин)¹³⁸. В главном предложении слово, к которому относится придаточное предложение, стоит в форме определяемого имени (*status copstructus*) или имеет при себе «частицу родительного падежа» *tu, tat* (позднее *ša*). Развитие этой формы видно из сопоставления следующих конструкций:

'aūāt kabā'-i(-m) 'слово говорения' → 'слово, которое сказано';

'aūāt-u-m tat kabā'-i(-m) 'слово, которое говорения' → 'слово, которое сказано';

**'aūāt kabā'-u*¹³⁹ 'слово, (которое) в говорении' → 'слово, которое сказали';

'aūāt i-kbi'-u 'слово, (которое) он сказал';

'aūāt-u-m tat i-kbi'-u 'слово, которое он сказал'.

¹³⁷ Собственно, 'он сел, чтобы он написал письмо', 'мне хочется, чтобы я выпил'.

¹³⁸ В древнеегипетском языке, если глагол в придаточном предложении относится к имени в женском роде, то к основе глагола (которая, как уже упоминалось, по-видимому, является по происхождению причастием), присоединяется окончание женского рода (перед соответственным местоименно-притяжательными показателями, указывающими на субъект). Таким образом, если в изъявительном наклонении *sdm-f* 'он слышит' раскрывается как 'слышимый его', то в сослагательном наклонении *hm-t sdm-t-f* 'женщина, которую он слышит' раскрывается как 'женщина, слышимая его'. Здесь мы имеем непосредственное тождество глагольной формы с именной конструкцией. Несколько иначе обстоит дело в кушитском языке бедауйе, где мы встречаемся, как и в шумерском и хурритском (а первоначально, очевидно, и в семитских), с прямой номинализацией спрягаемой формы глагола в придаточном предложении (хотя и в несколько ином виде, чем в аккадском). Здесь придаточное предложение рассматривается как определение-прилагательное, и если относится к слову женского рода в главном предложении, то в целом получает окончание имен женского рода -t.

¹³⁹ Данная конструкция в таком виде уже не засвидетельствована, но ср. *'ina 'idā lā 'ugallib* 'при знании я не сбрил' = **'ina ša idi(i)-u lā 'ugallib* 'при(том), что я знал (т. е. умышленно) я не сбрил', Законы Хаммурапи, § 226.

5. Подтвердительное, или усилительное, наклонение (энергикус) имеется в арабском языке¹⁴⁰ и имеет формант -n или -nna (местоименного происхождения), присоединяемый к форме изъявительного наклонения.

6. К числу наклонений относят в аккадском также форму так называемого терминатива, или вентива. Но оно не является собственно наклонением, так как не модифицирует характер действия, а указывает на его направленность в сторону говорящего. Показатель его (-am после согласного, -nim после гласного) является местоименным суффиксом дательного падежа 1-го лица единственного числа. Вентив может образовываться и от императива.

7. В североцентральных семитских языках имеются остатки юссива¹⁴¹ и энергикуса. Более интересно положение в южнопериферийных языках, где, как уже упоминалось, сохранился старый имперфектив *ia-kattal*. Имеющаяся здесь форма субьюнктива-юссива совпадает по своей форме (*ia-ktal*) с аккадским юссивом-перфективом (*i-prus*) и с арабским юссивом (*ia-ktul*). По-видимому, это и есть старая форма перфектива, в изъявительном наклонении вытесненная во всех семитских языках, кроме аккадского, формой именного происхождения *katala*. По всей вероятности, форма *ia-ktul* выражала, наряду с совершенным видом, также и нейтральное в видовом отношении действие, вследствие чего оно и применялось также в юссиве. Характерно, что в арабском языке от перфектива *katala* наклонения не образуются.

Безвидовой характер формы *ia-ktul*, возможно, способствовал (как уже указывалось) употреблению ее и в придаточных предложениях (с «номинализирующим» показателем -и, утерянным в эфиопском вместе с другими конечными краткими гласными), откуда уже она и была перенесена также в главные предложения, где вытеснила в центральносемитских языках старую несимметричную форму имперфектива, соответствующую эфиоп. *ia-kattal*, акк. *i-parras*.

8. Таким образом, из известных нам семитских наклонений юссив есть первоначально особый случай употребления старого перфектива, аккадский и эфиопский субьюнктив и возникший из этой же формы новый центральносемитский имперфектив являются результатом хорошо известного нам по эргативным языкам древней Передней Азии явления номинализации спрягаемой формы глагола (с помощью локативного

¹⁴⁰ В несколько ином употреблении — и в южнопериферийных, древнееврейском и арамейском.

¹⁴¹ Ср. древнееврейский, где форма юссива (и «имперфекта» в перфективном значении) *'igāl* восходит к **'ia-gli*, а форма «имперфекта» в собственно имперфективном значении *'ig'lā* — к **'ia-gli'-u*.

показателя *-и*), а арабский субъюнктив — параллельной формой для целевых предложений, образованной с помощью локативно-объектного показателя *-а*; аккадский вентив (терминатив) вообще не является наклонением в собственном смысле слова и, вероятно, сопоставим с шумерскими глагольными формами на *ти-* и т. п.; энергикус имеет явно вторичный характер; другими словами, в общесемитохамитском состоянии языка наклонений, очевидно, не было.

Вторичный характер имеют наклонения и в других семитохамитских языках, там, где они имеются.

§ 11. Породы глагола

1. На основании изложенного выше видно, что семитохамитский глагол, для которого характерен флективный, а не агглютинативный способ выражения грамматических формантов, не накапливал в себе различных показателей пространственного и модального уточнения характера действия, так характерных для шумерского или хурритского глагола. Незвестны семитскому словообразованию, во всяком случае в исторический период, и такие способы расширения лексического значения глагольных корней, как словосложение (кроме редупликации), и различного рода приставки предложного происхождения, указывающие на направленность действия, и т. п. Семитохамитский глагол выработал другое средство расширения семантических возможностей, которое в русской и советской семитологии носит название «породы»¹⁴².

2. Породы — это производные лексико-грамматические образования, модифицирующие первичное значение глагола в отношении образа действия (или состояния) в качественном и количественном смысле или в смысле его направленности. Отчасти они соответствуют залогам — побудительному, среднему, возвратному, кроме основных — активного и пассивного, — которые в семитохамитских языках либо не выражаются вовсе, либо — вторично — представлены собственно залоговыми формами, могущими быть образованными от любой породы.

Каждая порода образует полную парадигму глагольных форм параллельно первичной форме (породе) глагола — перфектив, имперфектив, императив, имя или имена действия (масдары, инфинитивы), причастия.

¹⁴² Из старинного грамматического термина, лат. *stirps*. В настоящее время в западной науке они обычно носят названия модификаций основы или спряжений. То и другое обозначение неточно, так как, во-первых, каждая порода является не одной какой-либо модификацией основы, а целым набором форм, построенных нередко на разных основах, а во-вторых, спрягаются они все совершенно одинаково.

3. Основными средствами для образования пород в семитохамитских языках являются: 1) редупликация (удвоение) всего корня или его части (породы типа D); 2) аффиксация формантов *s-* (породы типа S), *m-*, *n-* (породы типа M, N) и *t-* (породы типа T). При этом в образовании глагольных форм производных пород используются основы, образованные с помощью иной огласовки, чем в основной породе (породе G). Существуют также породы, образуемые только с помощью иной структуры внутренне-флективной огласовки, чем в основной породе (породы типа A), а также породы, сочетающие в себе два и более типа (S+T, T+N, S+D, D+T и т. п.).

Значение отдельных пород несколько отличается по различным языкам и группам языков. Однако можно выделить некоторые основные значения, свойственные тому или иному типу породы.

4. Породы типа D (редуплицированные) обычно выражают интенсив или итератив (интенсивность, повторность или многократность), а также фактитив (действие, вызывающее состояние), декларатив (объявление чем-либо) и каузатив (побуждение к действию). Редупликация широко используется в связи с фактитивным значением этой породы для образования отменных глаголов. В семитских языках породы, построенные на полном или даже частичном повторении основы, мало распространены, зато большое распространение получила порода с упрощением редупликации основы до редупликации, или, вернее, удлинения только второго корневого согласного¹⁴³.

Примеры: акк. **i-nšik* 'поцеловал', *u-naššik* 'облобызал'; араб. *daraba* 'ударил', *darraba* 'сильно бил'; *'alima* 'выучил (что-либо)', *'allama* 'обучил'; *šadaqa* 'был правдивым', *šad-daqa* 'признал истинным, поверил'; *kalb-* 'собака', *kallaba* 'выдрессировал'.

Примеры на удвоение двух и трех корневых согласных: араб. *(i)ħšaṣṣana* 'был грубым, бесчувственным' (< **ħšaṣṣana?*, корень *ħšn*), *(i)'lankaka* 'был густым' (< **'alankaka*, корень *'lk*); полная редупликация применяется только к пержиточным двусогласным корням: араб. *zalzala* 'потрясать', и обычно рассматривается как четырехсогласный корень, а не как порода.

В других семитохамитских языках породы типа D также выражают по большей части итератив или интенсив:

куш. (сомали): *fēn* 'глодать', *fēnfēn* 'обглаживать со всех сторон'; *belbel* и *belel* 'пылать'; *dabar* 'связывать', *dabdabar* 'связывать друг за другом'; *jab* 'ломать', *jajab* 'разламывать на кусочки'; *bilig* 'блестеть', *bililig* 'сверкать'; (бедауйе):

¹⁴³ Реже — третьего, например, араб. *(i)sūdda*, *(i)sūdda* 'быть черным'.

ḏab 'бежать', *ḏaḏab* 'бегать взад и вперед', *guhar* 'украсть', *guguhar* 'красть неоднократно'; *rām* 'следовать', *rerām* 'идти гуськом друг за другом';

чадск. (хауса) *buga* 'бить', *bubbuga* 'избивать'; *kawo* 'приносить', *kakkawo* 'продолжать (или: продолжительно) приносить';

др.-егип.: *sn* // *snsn* 'присоединяться'; *ddj* // *nddd* // *ndddd* // *nddndd* 'длиться' (с несущественными различиями в семантике, но ср. итеративы *nmnm* 'двигаться взад и вперед', *wnwn* 'ходить кругом', *ndbdb* 'пережевывать' — к *ndb* 'жевать' — и т. п.).

5. Породы типа S¹⁴⁴ выражают каузатив (побуждение к действию) и иногда фактитив и декларатив.

Примеры: акк. *i-knuš* 'склонился', *u-ša-kniš* 'склонил'; *i-mḥaš* 'ударил', *u-ša-mḥiš* 'заставил ударить'; *i-šti* 'выпил', *u-ša-šti* 'напоил';

др.-евр. *šādōk* 'был праведным', *hi-šdik* 'признал правым'; *kādaš* 'был святым', *hi-kdiš* 'освятил, объявил святым'; *zākar* 'думал', 'помнил', *hi-zkīr* 'напомнил';

араб. *kataba* 'написал', *a-kataba* 'велел написать'; др.-егип. *nḥ* 'быть живым', *s-nḥ* 'давать жизнь', 'сохранять жизнь', 'питать'; *p* 'летать', *s-p* 'послать лететь';

берб. (ташельхит) *m̄yi* 'вырастать', *s(i)-m̄yi* 'выращивать' (и деноминативно: *aḡal* 'слово', *s-aḡal* 'говорить');

куш. (бедауйе) *debil* 'собирать', *se-debil* 'велеть собрать'; в сомали и в хауса аффикс *s-* выступает в виде суффикса: сом. *'un* 'есть', *'un-sī* 'кормить'; хауса *fita* 'выходить', *fita-s da* 'вынимать'.

6. Породы типа N, M создают возвратное (и взаимное) значение и в дальнейшем развиваются в сторону пассива.

Примеры: акк. **i-n-pašiš* > *ippašiš* 'намазался', **i-n-ḡalid* > *iḡalid* 'родился'; др.-евр. *mākar* 'продал', **la-n-makir* > *im-māker* 'продается'; араб. *kasama* 'разделил', *(i)n-kasama* 'разделился, был разделен'. В арамейском этого типа пород нет.

В древнеегипетском *n-* встречается почти только как средство расширения двусогласного корня (как нередко и в семитских). В берберских и кушитских обычно вместо пород типа N в роли возвратных и взаимных пород выступают породы типа M (в семитских этот формант широко используется для образования отглагольных имен, но не собственно глагольных форм): берб. (ташельхит) *rdu* 'быть удовлетворенным',

¹⁴⁴ Иногда полагают, что эти породы выходят к вспомогательному глаголу *'šī* 'делать'; однако чередование *š/|s/|h/|*, характерное только для форманта этой породы и для некоторых местоимений, указывает на его местоименное происхождение. Ср. образование каузатива в шумерском, гл. II, § 13, п. 3, прим. 82?

m-rdu 'быть взаимно удовлетворенным', 'быть в согласии'; *naḡ* 'убивать', *m-naḡ* < **m-naḡ* 'сражаться' (далее развивается в сторону пассива)¹⁴⁵; куш. *dīr* 'убивать', *mō-dār* 'содействовать в убийстве', с редупликацией *m-dedār* 'убивать друг друга'.

7. Породы типа T (с префиксацией, а затем часто с инфиксацией форманта *-t-*) первоначально, по-видимому, выражали перемену направления действия, отсюда возвратное и взаимное значения: акк. *īlī* < **īa-lī* 'поднялся', *ītelī* < **īa-lī-ta-lī* 'лишился'; *ūšī* < **īa-u-šī* 'вышел', *ittāšī* < **īa-u-ta-šī* 'отправился (прочь)'; *i-krib* 'приблизился', *i-k-ta-rib* 'встретился, схватился в битве'; *i-š'al* 'спросил', *i-š-ta'al* 'совещался'; араб. *'allama* 'он обучил', *ta-'allama* 'он обучался'; *'a-ikaza* < **sa-ikaza* 'он разбудил', *(i)s-ta-ikaza* 'он пробудился'; др.-евр. *šādōk* 'был праведным', *šiddēk* 'счел праведным', *hiš-t-ad-dēk* < **(h)it-šaddēk* 'оправдался'.

В арамейском широко распространенные породы типа T постепенно развивают пассивное значение. В аккадском из формы глагола с инфиксом *-t-* вырабатывается так называемый «перфект», выражающий последовательность действия.

В древнеегипетском есть лишь пережитки пород типа T; зато в берберских языках формы глагола с аффиксом *t-* получили очень важное значение. По-видимому, при том же исходном значении перемены направления действия здесь создаются габитативные формы (привычное или постоянное действие) и формы с пассивным значением. Из общенепереходного значения форм T вырабатывается вторичный имперфектив непереходных глаголов. В кушитских языках префикс *at-* имеет возвратное значение, из которого вырабатывается общенепереходное и пассивное.

8. Меньшее распространение имеют породы типа A — с долгим *-ā-* в первом слоге основы, первоначально, по-видимому, устремительно-целевые (конативные), но затем вырабатывающие и другие значения. Они обычны в южносемитских, редки в североцентральных и совершенно отсутствуют в аккадском.

Примеры: араб. *šadaqa* 'был правдив', *šadaqa* 'старался отнестись по справедливости', 'искренне относился'; *sabaka* 'обогнал', *sābaka* 'старался обогнать', 'соревновался'; *kataba* 'написал', *kātaba* 'переносился'; др.-евр. *sāḇab* < **sababa* 'повернулся', 'обошел', *sōḇēb* < **sabiba* 'окружил', 'постарался окружить', 'защитил'.

9. Различные средства порообразования могут сочетаться; в частности, породы типа T и N часто сочетаются

¹⁴⁵ В языке тамашек имеются две породы этого типа: возвратная с префиксом *nm-* и пассивная с префиксом *m-*.

с породами типа D и S для выражения возвратного действия к итеративу, каузативу и т. п. Так образуются в арабском возвратные породы к D: *ta-'allama* 'обучался' (к *'allama* 'обучил'); к S: *(i)s-ta-ikaza* 'пробудился' (см. выше); также к A и др.; в др.-евр. к D: *hišaddek* 'оправдался' и к A: *hit-hölel* 'вел себя глупо' (от *hālal* 'был глупым') и т. п. В аккадском сочетании пород T и N употребляется для выражения итератива (с оттенком перемены направления действия), поскольку тип D здесь в этом значении не употребляется: *ittanallak* < **ia-h-ta-na-llak* 'постоянно ходит (взад и вперед)'.
 То же и в других семитохамитских языках: бедауйе *aste-fajāk* < **at-se-fajāk* 'дать себя нагрузить' (возвратная к каузативу, S+T); ташельхит *s-mə-ggər* 'встретиться вместе' (возвратная к интенсивно-итеративному каузативу, S+D+M).

10. Происхождение видовых и других форм в парадигме производных пород, а также их огласовок, исследовано еще менее, чем та же проблема для основной породы.

Специальных внутренне-флективных показателей переходности и непереходности (типа различия в огласовках форм *i-prus*, *i-šdiḥ*, *i-mruš*, *i-lmad* для первичной породы, см. выше, § 6, п. 5—6) в производных породах нет¹⁴⁶. Перфектив и имперфектив первоначально образовывались от основ типа *-p(a)ris* и *-p(a)ras*; новый центральносемитский перфектив именного происхождения всюду образован от основ типа *p(a)ras(a) — k(a)tal(a)*.

Мы видели выше, что личный субъектный показатель при глаголе, возможно, имел две огласовки: *ia-* для переходных, *i/i-* для непереходных. В большинстве семитских языков в породах D, S и A (обычно переходных), напротив, закрепилась огласовка *i/i-*, в возвратных породах — *ia-* (в аккадском соответственно *'u-* и *'i-*).

Первоначальная парадигма производных пород имела, по-видимому, следующий вид:

	Перфектив-юссив	Имперфектив
D	<i>*i/i-parris</i>	<i>*i/i-parras</i>
S	<i>*i/i-sa-p(a)ris</i>	<i>*i/i-sa-p(a)ras</i>
N	<i>*ia-n-paris</i>	<i>*ia-n-paras</i>
T	<i>*ia-t-paris</i>	<i>*ia-t-paras</i>

Примечание. В породе T может быть метатеза и инфикация *-t-*: **ia-p-ta-ris*, **ia-p-ta-(r)ras*.

При этом удвоение второго корневого согласного в основах *-parris*, *-parras* породы D — другого происхождения, чем

¹⁴⁶ Это, очевидно, связано с тем, что первоначально часть пород всегда давала только переходные значения, а другая часть, напротив, только непереходные.

в форме имперфектива *i-parras* аккадской основной породы (G) и по аналогии — в форме имперфектива пород N и T: **ia-n-paras* > *ipparras*, **ia-p-ta-ras* > *ip-ta-ras*: в первом случае она является результатом упрощения редупликации **-paras-paras*, во втором — результатом действия ударения: **-paras-* > *'parras* (ср. § 6, п. 3, стр. 231, прим. 4).

В семитских языках, кроме аккадского, произошло вытеснение старого перфектива новым [основа *p(a)rasa — k(a)tala*], а перфектив с суффиксом *-u* (сослагательное наклонение), как и в первичной породе и по тем же причинам, занял в центральносемитских место имперфектива (однако в арабском, например, для возвратных пород D+T и A+T сохраняется огласовка на *-a-*, искони свойственная имперфективу: *ia-ta-kattal-u*):

	Перфектив	Имперфектив
D	<i>*kattala</i>	<i>*i/i-kattil-u</i>
S	<i>*sa-k(a)tala</i>	<i>*i/i-sa-k(a)til-u</i>
N	<i>*na-k(a)tala</i> , <i>*(i)n-katala</i>	<i>*ia-n-katil-u</i>
T	<i>*ta-katala</i> , <i>*(hi)t-katala</i>	<i>*ia-ta-katil-u</i> , <i>*ia-t-katil-u</i>
T+D	<i>*ia-kattala</i> , <i>*(hi)t-kattala</i>	<i>*ia-ta-kattil-u</i> , <i>*ia-t-kattal-u</i> и т. д.

Примечание. В форме T с метатезой и инфикацией *-t-*: *(i)k-ta-tala*, *ia-k-ta-til-u*.

В центральносемитских языках образуются пассивы производных пород от основ типа **kuti/ala* для нового перфектива (**kutti/ala*, **su-kti/ala* и т. д.) и от основ типа *-k(a)tala* для нового имперфектива; огласовка личного субъектного показателя *i/i-*.

Причастия действия (активные причастия) от всех производных пород образуются путем префиксации *mu-* к основе старого перфектива-юссива: **mu-parris-*, **mu-sa-pris-*, **mu-n-paris-* и т. д. В отношении образования имени действия и состояния (масдара) нет единообразия. В аккадском оно совпадает с причастием состояния и образуется по схеме **parrus-*, **sa-prus-*¹⁴⁷, **na-prus-*, **pi-ta-rus-* (восходит к причастиям состояния первичной породы типа *maruḥ-*), в древнееврейском — от основы нового перфектива с удлинением последнего гласного: *kattōl* < **kattāl-*, *ni-ktōl* < **na-ktāl-*, и т. п.; в арабском — преимущественно от основ типа *kitāl-*.

¹⁴⁷ Так в ассирийском диалекте; в вавилонском диалекте: *purrus-*, *šuprus-*.

§ 12. Служебные слова

1. Служебные слова образуются по большей части в различных языках семитохамитской семьи своими путями, поэтому можно отметить мало общего для всей семьи в целом.

2. В большинстве семитохамитских языков различаются древние, неотимологизируемые предлоги, и предлоги, возникшие из имен существительных. Они несколько различаются и в синтаксическом отношении (так, в аккадском ко второй группе предлогов могут присоединяться местоименные суффиксы, к первой — нет; но обе группы, как правило, управляют родительным падежом). В центральных и южносемитских к первой группе принадлежат проклитические предлоги *bi/a-* 'в', *li/a-* 'к' (и *ki/a-* 'как', 'подобно'; последний не всегда проклитический); в аккадском им соответствуют предлоги *'in(a)*, *'ana* (и *kī*), в древнеегипетском *m (im)* и *n*. Как пример предлогов второй группы можно привести акк. *'eli* (< **'al-* 'верхняя сторона') 'на', 'над', 'против'; *pān* 'перед' (*pān-* 'лицо'); *išti* 'с'; нередко они стоят в локативном падеже: *išt-u(m)* 'от' (*wišt-*, *'išt-* 'середина?'), *libb-u(m)* 'внутри' (*libb-* 'сердце') или сочетаются с первичными предлогами: *'ina libb-i(m)* 'внутри', 'в числе'.

3. Общими для всех семитских языков являются союзы *ca-* (проклитический) 'и' и *'aṣ* 'или'. В аккадском они оба совпали в *'ū*. Ряд союзов характерен только для отдельных групп языков.

4. Отрицание в семитских языках выражается обычно частицей *lā*, однако встречаются и другие частицы отрицания и запрещения [др.-евр., эфиоп., амхар. *'al*; араб., др.-евр., эфиоп. *'in*, *'ən*, *'ən*; акк., эфиоп. *'aṣ*; араб. *mā*; др.-егип. (*i)n*, *nn*, (*i)m*, и др.]¹⁴⁸.

§ 13. Порядок слов

1. Для большинства семитохамитских языков характерен следующий порядок слов: сказуемое — подлежащее — объект (так в южных и центральносемитских, древнеегипетском). В аккадском порядок слов шумерский: подлежащее — объект — сказуемое; обычно такой же порядок слов в кушитских (тоже под влиянием субстрата?).

2. О порядке слов в определительной конструкции см. § 4, п. 8.

¹⁴⁸ Согласно теории, разрабатывавшейся А. П. Рифтиным, отрицание возникает из указательных местоимений для дальних (невидимых) предметов. — Образование наречий см. по отдельным языкам.

ГЛАВА VI

АККАДСКИЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ СТУПЕНИ

§ 1. Общие сведения о времени и месте распространения

1. Аккадский язык в прежней литературе часто назывался ассиро-вавилонским или вавилоно-ассирийским; термином «аккадский» обозначался только староаккадский язык государства Аккад (XXIV—XXII вв. до н. э.). Однако в настоящее время установлено, что как вавилоняне, так и ассирийцы во все периоды называли свой язык аккадским (**'akkadijum*, *'akkadū*, *lišān 'Akkadī*), и это название сейчас общепринято для этого единственного языка севернопериферийной группы семитской ветви применительно ко всем периодам его существования.

2. Семитское население сосуществовало с шумерами Южного Двуречья с очень давних времен, на что указывают древнейшие семитские лексические заимствования в шумерском языке (см. гл. II, § 5, п. 4). В первой половине III тысячелетия до н. э. семитское население, говорившее на языке севернопериферийной группы, жило попеременно с шумерами в части Южного Двуречья, расположенной к северу от Ниппура; другие границы его обитания невыяснены, однако очень рано это же население имело также и в Мари на среднем Евфрате и в Ашшуре на среднем Тигре. Древнейшие письменные памятники, написанные клинописью по-семитски, относятся примерно к XXV—XXIV вв. до н. э. и происходят из городов северной части Южного Двуречья (шум. *Ki-Uri*, древнейшее семитское название *Ṣarūm*); в шумерских документах из того же района, а также из центральной части Южного Двуречья и в списках династий, относящихся к этому району и периоду, встречаются многочисленные семитские имена.

3. В конце XXIV в. Двуречье было объединено царем Саргоном Древним (*Sarru(m)-kin*), происходившим из района г. Киша. Саргон построил новую столицу на севере

страны — Аккадэ (*A-kà-de^{ki}*), по названию которой эта часть Южного Двуречья стала по-семитски называться Аккадом (*māt Akkadī*), а семитский язык Двуречья, соответственно, аккадским. В канцеляриях государства Саргона староаккадский язык в очень единообразной форме получил широкое распространение. Сохранившиеся памятники показывают, что перед нами, по-видимому, какой-то местный говор северной части страны, так как формы старовавилонского диалекта последующего периода не всегда можно возвести к староаккадскому; кое в чем последний ближе к староассирийскому.

После падения государства династии Аккада под натиском горных племен кутиев (конец XXIII — начало XXII в. до н. э.) и позже, после создания шумерскими царями г. Ура «Царства Шумера и Аккада» (III династия Ура, XXI в. до н. э.), официальным языком Двуречья вновь становится шумерский, однако дошли и надписи по-староаккадски (позднестароаккадский, имевший уже несколько изменившийся облик; в частности, произошла полная утрата *γ*, *h*, *h*, совпали *s* и *t*, *š* и *š*). В быту в это время шумерский язык быстро начинает вытесняться аккадским. Этот процесс завершается к XVI в. до н. э. Возникновение в XX—XVIII вв. до н. э. целого ряда мелких государств, династии которых принадлежали к племенам амореев, говорившим на диалектах северо-центральной (ханаанейской) группы семитских языков, не поколебало положение аккадского в Двуречье и даже почти не повлияло на его лексику.

4. Во II тысячелетии до н. э. весьма многочисленные аккадские памятники (литературные и религиозные произведения, письма, юридические и хозяйственные документы и т. п.) позволяют уже наметить диалектное дробление аккадского языка. Южное Двуречье до широт совр. Багдада — область распространения старовавилонского диалекта с северным и южным говорами; на среднем Тигре, а также в торговых странах, существовавших до начала XVIII в. в восточной части Малой Азии, был распространен староассирийский диалект; на среднем Евфрате, в Северной Месопотамии и (наряду с североцентральными семитскими диалектами), по-видимому, также в северной Сирии к западу от Евфрата была распространена еще мало исследованная группа говоров, более близкая к вавилонскому, чем к ассирийскому диалекту.

Старовавилонский диалект начала II тысячелетия лег в основу старолитературного языка; на других диалектах во все периоды писали почти исключительно только письма и деловые документы. В Ассирию старовавилонский диалект проник в качестве литературного с конца XIX в., в правление Шамши-Адада I, аморея, родом из Северной Месопотамии. Наряду с общей формой старовавилонского литературного языка

выделяется особый жанровый гимно-эпический диалект¹, обладающий рядом еще староаккадских черт.

5. Со второй половины II тысячелетия до н. э. начинается процесс разрушения внешней флексии, свидетельствующий о начале перехода аккадского языка в среднее состояние. В живом употреблении во второй половине II тысячелетия до н. э. были: в Вавилонии — средневавилонский, в Ассирии — среднеассирийский диалект; из всех периодов развития ассирийского диалекта именно в среднем проявляется наибольшая близость этого диалекта к вавилонскому, вероятно, в результате культурного влияния Вавилонии.

В этот же период в Вавилонии происходит собирание и канонизация религиозных и литературных сочинений и вырабатывается новая форма литературного языка, в лексическом отношении построенного преимущественно на старовавилонском и отчасти средневавилонском материале, но отражающего в основном средневавилонское (а позднее — нововавилонское) состояние морфологии — так называемый младовавилонский литературный язык. Этой формой аккадского языка пользовались в качестве литературной в течение всего остального времени применения клинописи; обычно он в большей или меньшей степени диалектно окрашен в зависимости от места и времени создания произведения; в Ассирии влияние местного диалекта на язык литературных произведений иногда бывает очень сильно выражено.

6. Примерно начиная с 1000 г. до н. э. средневавилонский переходит в язык среднего состояния — нововавилонский, употреблявшийся, помимо быта, лишь в письмах и юридических документах, а среднеассирийский — в новоассирийский. Последний к этому времени уже настолько разошелся с нововавилонским, что начало утрачиваться взаимопонимание, и ассирийские писцы не пользовались своим диалектом, когда писали в Вавилонию. На новоассирийском диалекте имеется, помимо писем и документов, также небольшое количество литературных и исторических произведений (например, исторические надписи ассирийских и урартских царей IX в. до н. э.).

В I тысячелетии до н. э. в Месопотамию проникают арамейские племена (в Южное Двуречье — также халдейские, языковая принадлежность которых невыяснена)². Распространению арамейского языка очень способствовали насильственные переселения жителей из конца в конец Ассирийской державы, охватившей в IX—VII вв. до н. э. всю Переднюю Азию. В VIII—VII вв. арамейский начинает проникать в быт ассирий-

¹ Возможно, даже два диалекта, из которых один свойствен религиозным гимнам и эпосам, другой — народным эпосам.

² Арамейская подгруппа североцентральной группы, или южно-периферийная группа?

цев и вавилонян и в ассирийские, а позже — в вавилонские канцелярии. Разгром Ассирийской державы мидянами и вавилонянами в 616—605 гг. до н. э. привел к тому, что ассирийцы вообще утратили аккадский язык. Вавилонский диалект продолжал существовать и позже, однако со времени персидского завоевания Вавилонии (539 г. до н. э.) — только в качестве официального языка нескольких самоуправляющихся привилегированных городов (Вавилона, Урука и др.). Но и здесь этот поздне-вавилонский диалект сосуществовал с арамейскими говорами и подвергся их сильному влиянию. Последние сочинения на аккадском языке (главным образом юридического и астрономического содержания) относятся ко времени смены эр.

7. В настоящей главе мы будем рассматривать аккадский язык древнего состояния, т. е. староаккадский, позднестароаккадский, старовавилонский и староассирийский диалекты. Укажем также основные отличия средневавилонского и среднеассирийского диалектов³.

§ 2. Письмо

1. Для аккадского языка была использована шумерская клинопись с некоторыми модификациями, подробно описанными нами выше, в главе об эламском языке (гл. III, § 2, п. 2; этот параграф следует перечитать и при изучении аккадского языка)^{3а}; именно от аккадцев эламиты и другие народы и восприняли клинопись.

2. Внешняя форма клинописи претерпевала за время существования аккадского языка различные и значительные изменения. В староаккадский период знаки по внешней форме ничем не отличались от принятых для шумерских текстов того же времени. В старовавилонский период вырабатывается беглый курсив, и одновременно направление письма меняется от вертикального, каким оно было в шумерское время, на горизонтальное, слева направо. Сначала табличку поворачивали только пока писали, желая уберечь текст на глине от размазывания при быстром письме; сам текст продолжал читаться вертикально (так еще при Хаммурапи, в XVIII в. до н. э.), но затем начинают и читать по горизонтальным строчкам. Старые тексты, в том числе и шумерские, также переписываются курсивом, но во все периоды для монументальных надписей иногда применялось и письмо, имитирующее пошиб времени дина-

³ Основные особенности аккадских диалектов среднего состояния — нововавилонского и новоассирийского — приведены в приложении к настоящей главе.

^{3а} Добавим, что в аккадском полногласные написания (*ba-a* и т. п.), видимо, выражают не просто долгий, но и ударный гласный,

сти Аккада и III династии Ура, еще сохранявший некоторые черты рисуночного письма.

Значительное упрощение форм знаков в курсиве было обусловлено тем, что для всех знаков в нем применялись сочетания только таких штрихов («клиньев»), написание которых было удобно для скорописи, а именно: , ,

 и ; штрихи типа , , и тем более и кривые линии были исключены; вместо четырех и более параллельных штрихов, нередко встречавшихся в старых формах знаков, стали проводить всего три, два или даже один. Таким

образом, знак руки (шум. *á*) превратился в , знак

рыбы (шум. *ha*) превратился в и т. п. Формы курсива значительно менялись с течением времени.

Набор знаков, применявшихся в роли слоговых в различные периоды, тоже несколько менялся (обычно чем позднее текст, тем больше разнообразных силлабограмм); менялись также количество и характер применявшихся шумерских гетерограмм (их много в староаккадских текстах, меньше в старовавилонских, но затем их снова становится больше, и чем позднее текст, особенно религиозный или научный, тем обычно больше гетерограмм).

Староассирийский курсив был самостоятельным развитием староаккадского письма, но не той его формы, которая применялась в канцеляриях династии Аккада, а какого-то местного варианта, о чем свидетельствуют иной набор знаков, используемых как силлабограммы, и другие особенности. Около 1800 г. до н. э., после Шамши-Адада I, бывшего, как уже указывалось, родом из Северной Месопотамии, староассирийское письмо вышло из употребления, и среднеассирийский курсив является уже не потомком староассирийского, а потомком клинописного пошиба северомесопотамско-хурритского типа, который гораздо ближе к вавилонскому и, как и он, по-видимому, непосредственно восходит к поздне-староаккадскому письму канцелярий III династии Ура. К среднеассирийскому близок и новоассирийский курсив, применявшийся не только для документов и литературных произведений, но и для монументальных надписей. Это — наиболее аккуратный и упорядоченный из клинописных пошибов. Во всех пособиях по аккадскому языку за основу изучения клинописи взят именно новоассирийский пошиб;

⁴ Только в ассирийских пошибах.

в публикуемых справочных таблицах знаки расположены в порядке клинообразных элементов знака (▷ раньше ◀, этот последний раньше ◁, ◁ раньше ∪)⁵.

§ 3. Фонология и фонетика

1. Фонологическая система староаккадского языка почти полностью воспроизводит систему фонем, постулируемую для общесемитского (см. гл. V, § 2, п. 4)⁶. Изменения были еще незначительны: так, *s*, *t* и *š* слились в один звук *š*; *d* и *z*, по-видимому, слились в *z* (по крайней мере они графически не различались), но *t* еще различалось от *s*, *š*; возможно, еще различались *h* от '⁷, *h* от ' (в некоторых позициях), но *γ* и ' по-видимому, совпали в '⁸.

Звуки *s* и *š* обозначались одними и теми же знаками, но отличались (хотя и нерегулярно) от *s*. Неясно, произошло ли уже и фонологически слияние *s* и *š*, и если произошло, то сохранилось ли *s* или *š*. По традиции мы транскрибируем эту фонему как *š*, однако ее переход в среднеавилонском и среднеассирийском диалектах в *l* перед зубным заставляет подозревать, что она произносилась как латеральная, т. е. *s*.

Обычная транслитерация не только староаккадских, но и шумерских текстов исходит из младовавилонского произношения знаков; оно не соответствовало староаккадскому. Наиболее важно расхождение в сибиллянтах. Происшедшие здесь с течением времени фонологические изменения лучше всего можно проследить по изменению значений шумерских силлабограмм;

⁵ В древних списках знаков — «силлабариях» — и в шумеро-аккадских словарях существовал свой, отличный порядок знаков, происхождение которого неясно. Все знаки имели свои названия, по большей части образованные от наиболее употребительных шумерских чтений данных знаков.

⁶ В староаккадском не различались графически *b* и *p*; *d*, *t* и *t*; *g*, *k* и *k* (позднее они не различались только в конце слога, а в начале слога в части сочетаний различались).

Начальный ' во все эпохи истории клинописи графически не выражается (лишь иногда, особенно в старовавилонском, выражается двойным написанием гласного: *i-ip-ru-us* = *'iprus*, или «разорванным» написанием: *iš-al* = *iš'al*, или при помощи знаков для согласного *h*). Позже двойные написания гласного типа *i-ip-ru-us* исчезают, возможно в связи с ослаблением начального гортанного взрыва).

⁷ Слог *ha*, *ha* писался особым знаком E ('à), в отличие от слогов 'a, 'a и *ya (обычно писался знак a): 'à-ru-uš = *harut* 'возделан', 'à-wa-a-ti = *haqāti* 'мои слова'. Но в исходе слога и в других фонетических комбинациях различие между ' и h, ' и h не прослеживается, да и в начальной позиции они не всегда последовательно различались.

⁸ Существование общесемитского *γ* вообще сомнительно.

Шумерские знаки (условное чтение)⁹	Староаккадское значение	Старовавилонское значение	Младовавилонское значение
ZA	za, ša, sà	za, ša, sà¹⁰	za, ša
ZĒ	zé, še	še, ši (zé, zī)	še, ši
ZI	zi, šī, sī	zi, šī, sī¹⁰	zi
ZU	zu, šū, sū	zu, šū, sū¹⁰	zu
ZŪ	zū, šu	šu (zū)	šu
SA	ša, ša¹⁰	sa	sa
SE ₁₁ (SIG)	še, še¹⁰, šī	(šī)	—
SI	ši, šī	se, si	se, si
SU	šu, šu, šu _x	su	su
ŠA	ta	ša	ša
ŠE	(не засвид.)	še	še
ŠI	tī	šī	šī
ŠU	tu	šu	šu
SĀ	sa?	(не употребит.)	(не употребит.)
SI ₁₈ (ŠĒ)	se?, si?	(» »)	(» »)
SU ₄	su	(» »)	(» »)

Из сопоставления чтения одних и тех же шумерских знаков для сибиллянтов в разные периоды можно сделать следующие выводы:

1) в староаккадском существовало семь сибиллянтов: *z*, *š*, *s*, *š*, *s*, *t* и *s*, но *z*, *š* и *s*, *š* и *s* графически не различались¹¹;

2) в дальнейшем¹² *t* > *š*, в результате чего звук *š* стало возможным передавать при помощи знаков, ранее использовавшихся для *t*; одновременно или несколько позже *s* также совпало с *š* (или, наоборот, *š* совпало с *s*), и поэтому эти-

⁹ О действительном шумерском чтении этих знаков см. гл. II, § 4, пп. 2, 4.

¹⁰ Знаки *sà*, *sī*, *sū* особенно охотно употреблялись для передачи удвоенного *ss*.

¹¹ Только графически. Это видно из того, что позже *z*, *š* и *s* различались, причем именно в тех случаях, где и в общесемитском (судя по сравнению с другими семитскими языками) было *z* (или *d*), *š* (или *š*, *t*) и *s*. Труднее доказать, что и совпадение *š* и *s* в *š* было в староаккадском тоже чисто графическим, а не фактическим. Однако это вероятно, судя по тому, что знаки SA, SI, SU стали позже использоваться для *s*, а не сохранили значение *š*, что было бы естественным, если бы в староаккадском они передавали бы именно и только *š*.

¹² Процесс перехода *t* > *š* начался рано. Этимологическое *t* почти всегда графически различается в староаккадском, однако спорадически встречается смешение *t* и *š*, *t* и *s*, главным образом в повдних копиях староаккадских надписей или в позднестароаккадских текстах, но все же изредка и в ранних текстах. По-видимому, в позднестароаккадское время (XXI в. до н. э.) переход *t* > *š* уже в основном завершился в диалекте Южного Двуречья, но на периферии различие *t* и *š* сохранялось еще до середины II тысячелетия до н. э.

монологическое *š* тоже стало обозначаться знаками для прежнего *t*, вследствие чего серия знаков, использовавшихся ранее для *š* и *š*, освободилась и стала использоваться для *z*, как звука, акустически наиболее близкого к *š*. Знаки, ранее использовавшиеся для *z*, *z* и *z*, стали теперь использоваться только для *z* и *z*, но так как этих знаков было больше, чем необходимо для передачи сочетаний с тремя основными аккадскими гласными фонемами, то знаки ZĒ и ZŪ дифференцировались и стали передавать сочетания с *š*, в отличие от ZĪ и ZU, используемых для сочетания с *z*.

3) Фонема *z* рано¹³ исчезла, слившись с *t* и *š* (или *š*).

Таблица 1

Аккадские согласные

Обще-сем.	Ст.-акк.	Позднестароакк., ст.-асс., периф.	Ст.-вав.
<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>
<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>
<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
<i>d</i>	<i>z?</i>	<i>z</i>	<i>z</i>
<i>t</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i> > <i>š</i> (или <i>š</i> ?)	<i>š</i> (или <i>š</i> ?)
<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i> (ср. <i>š</i>)	<i>š</i> (или <i>š</i> ?)
<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i> > <i>š</i> (или наоборот?)	<i>š</i> (или <i>š</i> ?)
<i>š</i>	<i>š</i> > <i>t</i> > <i>š</i> (или <i>š</i> ?)	<i>š</i> (или <i>š</i> ?)	<i>š</i> (или <i>š</i> ?)
<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>
<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
<i>γ</i>	<i>γ</i> >	'(γa->'e-)	'>' ('e->'e-)
<i>ḥ</i>	<i>ḥ</i>	<i>ḥ</i>	<i>ḥ</i>
<i>ḥ</i>	<i>ḥ</i>	'('a->'e-)	'>' ('e->'e-)
<i>ḥ</i>	<i>ḥ</i>	'?' (ḥa->'e-)	'>' ('e->'e-)
<i>h</i>	<i>h</i> >?	,	,
<i>u</i>	<i>u</i> (u-//i-)	<i>u</i> (ст.-асс. u-//i-)	<i>u</i> , ноль
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>
<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>
<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>l</i>
<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>

¹³ Уже в ранних староаккадских текстах нет полной последовательности в передаче *z*, хотя в местоимении 3-го лица мужского рода различие его от *t* и *š* обычно. См. также написания *u-SĀ-ri-ib* =

Уже в староаккадском, и более последовательно в поздне-староаккадском, ' и *h* стали окрашивать соседнее *a* и иногда *i* в *e*.

Процессы эти завершились в Южном Двуречье в старовавилонский период¹⁴, в периферийных диалектах еще позже, в связи с чем староассирийский и хетто-сирийско-хурритский силлабарии сохраняют староаккадские значения знаков (с некоторыми изменениями, например в староассирийском шумерское *SĀ* читается всегда как *sā*).

2. Таким образом, развитие фонологической системы в аккадских диалектах древнего состояния можно представить на таблице 1.

3. Наиболее существенные комбинаторные изменения:

А. Для гласных

Согласный ' (и, соответственно, *γ*, *h*) в староаккадском обычно окрашивает следующий за ним гласный *a* в *e*, если этот гласный стоит в первом закрытом слоге: **all*->'*ell*- 'светлый', но *alī-t* 'верхний', *na'āš-* 'жить (?)', *iū-sa-'mid* 'он поставил'; в других случаях переход *a*>*e* в соседстве с ', *h* происходит лишь изредка, спорадически: **ba'li*>*be'li*, *be'li* 'мой господин', *γārib*->'*erib*- и т. п.

В староассирийском согласный ' (а также *h*, *γ*>') всегда окрашивает в *e* соседнее *a*.

В старовавилонском¹⁵ в этих случаях имеет место гармония гласных, и все *a* в слове¹⁶ дают *e*: *ba'al-* 'владеть'>*bēl-*, *harāt-* 'возделывать'>'*erēš-*, **ia-ptah* 'открыл'>'*iptē*, **patāhum* 'открывать'>*petūm*, *all-at-* 'светлая'>'*ell-et-* (не **ellit-*, как часто ошибочно транскрибируется!).

Гласный *e* возникает также: 1) из *i* в закрытом слоге под влиянием следующего *r* или *h* во всех диалектах: **ḥaših* 'он [желает]'>*ḥašeh*, **iū-taḥḥir* или **iū-ta'ir* 'он вернул', 'обратил'>ст.-асс. *'uta''er*, ст.-вав. *'utēr*;

2) преимущественно в старовавилонском диалекте — из *a* (и редко из *i*) под влиянием соседнего *r* или *h* (иногда и *l*): *herūm* 'копать', *teḥūm* 'приближаться', *lemnum* 'злой' (из **ḥarā'um*, **taḥā'um*, **lamunum*). Это явление наступает, однако,

iū-sa-(γ)rib 'ввел' (корень **γrb*), *i-ba-SI₁₈* = *ii-ba(s)si(?)* 'существует', 'есть', *ni-SI₁₈* = *nisi(?)* 'люди' наряду с *u-SA-ri-ib* = *iū-sa-(γ)rib*, *i-ba-SE₁₁* = *ii-ba(s)si*, *ni-SE₁₁* = *nisi*. К XXI в. до н. э. процесс перехода *š*>*š*/*š* был, безусловно, давно завершен.

¹⁴ Сохранившийся ' в старовавилонском иногда передается графически при помощи *ḥ*; так же передается ' в иноязычных словах.

¹⁵ И обычно уже в позднестароаккадском.

¹⁶ Кроме форманта винительного падежа *-am* и долгого *ā*, возникшего из *i'ā*: *alī'āt* 'кроме'>'*elāt*. Ударное 'а в случае отсутствия непосредственного контакта с ' дает 'е лишь с середины старовавилонского периода: **ia-lakkaḥ* 'берет'>'*i-lakke* и лишь позже *'i-lekkē*.

не во всех случаях, а зависит, по-видимому, также и от качества других согласных в слове, особенно от присутствия эмфатических, плавных и сибиллянтов;

3) преимущественно в староассирийском диалекте — из *ia-* (кроме глагольного префикса)^{16а}: **iašarum* 'прямой' > ст.-асс. *'ešarum*, ст.-вав. *'išarum* (но **iašārum* 'быть прямым' > *'ešerum* и в старовавилонском!), и только в староассирийском диалекте¹⁷ — из **ia'*: **ia-gur* 'нанял' > ст.-асс. *'egur*, ст.-вав. *'igur*;

4) долгое *ē* возникает в староассирийском также из дифтонга *ai*: **aiṇum* 'глаз' > ст.-асс. *'eṇum*, ст.-вав. *'iṇum*;

5) гласный *e* встречается в некоторых заимствованных из шумерского словах.

Начальные сочетания *ia-*, *ii-*, *iu-*, особенно распространенные в глагольных префиксах, дают (')*i-*, (')*u-* [но в староаккадском сочетании *iu-* графически отличается от (')*u-*¹⁸ и, вероятно, еще и произносилось как *iu-*, так же как (')*i-* < **ia* еще произносилось *ii-*]: **ia-prus* > *ii-prus* > (')*i-prus*; *iu-parris* > (')*u-parris*.

«Слабые» согласные¹⁹, *u* и *i* в конце слога выпадают с удлинением предшествующего гласного: **ia-mur* 'он увидел' > вав. *'imur*, асс. *'emur*, **a-mur* 'я увидел' > *'āmur*; **a-mniū* 'я сосчитал' > *'a-mniū*; **a-bni* 'я построил' > *'a-bni*²⁰. Так как *-u* и *-i* в конце слога давали с предшествующим неоднородным гласным дифтонг, то в этих случаях, в связи с монофтонгизацией дифтонгов, происходит одновременно и изменение качества предшествующего гласного, а именно: **au*, **ui*²¹ > *ū* (в староаккадском и, может быть, в староассирийском **au*, видимо, еще давало *ō*, однако графические средства не позволяют установить этого с достоверностью), **ai* > ст.-вав. *ī*, ст.-асс. *ē*: **mauṭabum* 'жилище' > *mūšabum*; **ia-ūlid* 'он родил' > *'ūlid*; **šuišurum* 'сделать прямым' > *šūšurum*; **aiṇum* 'глаз' > ст.-вав. *'iṇum* (ст.-асс. *'eṇum*); **a-išir* 'я выпрямился' > ст.-вав. *'išir* (ст.-асс. *'ēšir*). Естественно, что изменяется качество гласного и в том случае, если выпавший гортанный взрыв возник из *'* или *h*: **ia-γrub* 'он вошел' > вав. *'irub*, асс. *'erub*, **a-γrub* 'я вошел' > *'erub* в обоих диалектах; **ia-lkaḥ* 'он взял' > *'i-lke*.

В сочетании «согласный+слабый согласный» происходит выпадение «слабого» согласного с удлинением предшествую-

^{16а} В староаккадском иногда и в глагольном префиксе.

¹⁷ И изредка в староаккадском.

¹⁸ *iu-* пишется знаком U, (')*u-* — знаками Ū или Ū̄.

¹⁹ В том числе и возникший из *h*, *'*, *γ*, *h*.

²⁰ Формы *'a-mniū*, *'a-bni* — чисто теоретические, см. выше, гл. V, § 3, п. 5.

²¹ Дифтонг *iu* надежно не засвидетельствован.

щего гласного: *mil'-um* 'половодье' > *mīlum*²²; **minu-um* 'счет' > *mīnum*, **mar'-um* 'сын' > *mārum*, status constructus *mār* (однако в староассирийском *mer'-um*, status constructus *mera'* с облегчительным гласным).

Два одинаковых гласных²³, разделенных слабым согласным *'*, *i* или *u*, могут стянуться в один долгий во всех диалектах. Графика не всегда позволяет выявить случаи, где стяжения нет.

Сочетания двух разных по качеству гласных в тех же условиях разделяются звуком-слогоразделителем (*glide*), который может быть *'*, *i* или *u* (в основном в зависимости от соседнего гласного), но начиная со старовавилонского периода подвергаются стяжению, хотя последовательно это явление наблюдается лишь начиная с младовавилонского периода. При этом сочетание другого гласного плюс *u* > *ū*²⁴, сочетание другого гласного плюс *i* > *ē* (или *i*), *u+a* > *ā*. Сочетания *ā+i/e*, *e+ā* стягиваются в *ē* лишь в определенных случаях²⁵. Сочетание *i+a* обычно не стягивается (кроме диалекта Мари, где оно дает *ē*; в младовавилонском дало *ā*)²⁶. Однако в высоком стиле старовавилонский сохраняет нестянутые формы. В ассирийском диалекте стяжения разнородных гласных не происходит.

Как и во всех древнесемитских языках, в аккадском нельзя начинать или кончать слог двумя согласными. Поэтому если такая комбинация должна была бы возникнуть (например, в status indeterminatus и status constructus имен типа *kalb-* 'собака', *rigm-* 'крик', *'uzn-* 'ухо'), добавлялся «облегчительный гласный», обычно путем повторения гласного, уже имевшегося в основе слова (*kalab, rigim, 'uzun*, но в староассирийском обычно *rigam, 'uzan*); в случае скопления трех согласных (в том числе в определительной конструкции со status constructus, произносившейся с одним главным ударением, т. е. как бы как одно слово) облегчительный гласный мог добавляться и после основы: **rigm+šu* 'его крик' > *rigim-šu*, но и *rigm^a-šu*; **tupp hubullim* 'документ долга' > *tuppə hubullim* (графически *tup-pi*).

²² Иначе в глагольных формах: **i-b'el* 'овладел' > *'ibēl*; но в *i-š'al* 'спросил' и др. сохраняется. Иногда также сохраняется третий корневой *'*: *pir'u(m)* 'отпрыск'.

²³ Обратить внимание: ст.-акк. *be'al* > *be'el, bēl*; ст.-акк. **ib'al* > *'ibēl* (граф. *i-be-el*); ст.-акк. **ibe'al* > *'ibe'el* (граф. *i-be-el*).

²⁴ Так, *ibni(i)-ū* 'построили' > *ibnū, iptē'-ū* 'открыли' > *iptū, ikla(i)-ū* 'удержали' > *iklū, rabi(i)-um* 'большой' > *rabū(m), rubā(i)-um* 'государь' > *rubū(m)*.

²⁵ Сочетание *ā+i/e*, кроме причастий типа *kā'in-* < **kāin-*; сочетание *e+ā*, кроме случаев конечного положения сочетания.

²⁶ *ikbi(i)am* 'сказал мне', реже — *ikbām*; *anni'atum* 'эти' (ж. р.), в Мари *anētum*.

Характернейшей чертой ассирийского диалекта является общее правило регрессивной ассимиляции неударного краткого *a* в открытом слоге основы гласному последнему слогу: вав. *'kaḫkad-um* 'голова', род. пад. *'kaḫkad-im*, вин. пад. *'kaḫkad-am*, асс. *'kakkud-um*, *'kakkid-im*, *'kakkad-am*; вав. *'i-lmad* 'научился', мн. ч. *'i-lmad-ū*, асс. *'i-lmad*, *'i-lmud-ū*; вав. *'i-p-ta-ḫid* 'поручил', асс. *'ip-ti-ḫid*.

Б. Для полугласных и согласных

Основы с первым корневым согласным *u*- в староаккадском и староассирийском чередуются с основами на *i*-: вав. *'uadum* 'раб', асс. *'urdum*, *'irdum* < **uadum*, **iardum*.

Сочетания *ui*- и *ūi*- имеют тенденцию к превращению в *'u-*, *'i-*, позже *ua-* > *'a-*; сочетания *ua-*, *ūi-* изредка переходят также в *ba-*, *bi-* и *ma-*, *mi-* (быть может, чисто графически); *-u* в конце слога (если этот звук здесь не выпадает с удлинением предшествующего гласного, что более обычно) и *-u* между гласными имеют тенденцию к превращению в *m* (однако, возможно, в действительности происходит, напротив, превращение *-m*, *-m-* > *-u*, *-u-*, что и приводит к графическому смещению *m* и *u*): *uṣṣir* 'отпустить' > *'uṣṣir*; *uṣ* 'слишком мал' > *'iṣ*, *mīṣ*; **uḫblum* 'приношение' > *biblum*; *uḫbilum* 'приносящий' > *bābilum*; *'uḫātum* 'слово' > *'amātum*; **uḫrum* 'светлый' > *namrum*; в *'uadum* 'раб' *ua-* сохраняется, но позже дает *'ardum*. Все это проявляется на древней ступени развития аккадского языка лишь спорадически; вначале *u* сохраняется перед гласным и между гласными, хотя есть данные, что уже ст.-вав. граф. *u*- равен нулю. В конце слога *u* дает дифтонг, сокращающийся в *ū* (примеры см. § 6, п. 6в и 8).

В староассирийском *ua-* регулярно дает *'u-*: *'uadum* 'раб' > *'urdum*.

Начальное *i-* никогда не сохраняется (кроме местоимений *iāti* и т. п., см. § 5, пп. 1, 2), причем *ia-*, *ii-* > *'i-* или *'e-* (см. выше, под А), *iu-* > *'u-*; между гласными *-i-* сохраняется только звук-слоγοразделитель, графически чередуясь с *'-* и *-u-*. В конце слога *-i* дает дифтонг, причем *ai*, *ii* сокращаются в *ī* (в ст.-асс. *ai* > *ē*), а *ui* — в *ū* (примеры см. выше).

О гортанном взрыве см. выше.

Согласные *n*, *b* и *p* ассимилируются следующему *m* на границе морфем: *'uṣṣab-ma* > *'uṣṣamma*; спорадически *b* > *p* в соседстве с сибилантами: *'ṣubat* 'жилище' (st. constr.) > *'ṣupat*; *'ṣibātum* 'шерсть' регулярно дает *'ṣipātum*.

Звук *m* > *n* в именном префиксе *ma-*, если в корне содержится губной, например: **ma-ḫrab-* 'проход', 'перевал' > *nḫreb-*, **ma-pḫar-* 'ключ' > *nḫḫar-* и т. д. Исключение: **ma-ḫtab-* 'жилище' > *māṣab-*.

В «мимазии» и в местоименных суффиксах дательного падежа *-m* начинает отпадать начиная со староассирийского и старовавилонского периодов; перед дальнейшими энклитиками оно восстанавливается, с последующим *-š*, *-k* или *-n* дает ассимиляцию: **iṣbatū-nim-šu* 'взяли мне [сюда] его' > *iṣbatūniššu*²⁷.

Перед переднеязычными и *g* звук *m* иногда переходит в *n* и затем ассимилируется: *tamgirtum* 'примирение', 'соглашение' > *tangirtum* > *taggirtum*.

Звук *n* ассимилируется²⁸ следующему согласному.

Согласные *d*, *t*, *z*, *ṣ*, *s* и *š* перед *š* (> *t* > *š*) дают *ss*; но *ś+š* и *t+š* дают *śś* > *šš*: *'uṣad+su* 'его раб' > *'uṣassu*, *'amāt-su* 'его рабыня' > *'amāssu*, *izūz+su* 'разделил его' > *izussu*, *karāš+su* 'его лагерь' > *karassu*, но *'akīš+su* 'я подарил его' > *'akīššu* > *'akīššu*, *talūt+su* 'его треть' > *'šaluššu*.

Удвоенные звонкие в вавилонском диалекте часто диссимилируются: *inaddin* 'он дает' > *inandin*, *inamdin*; *unabbī* 'он призвал' > *unabbī*.

4. Аккадский язык имеет сильное динамическое ударение. Если в слове есть долгие слоги²⁹, ударение лежит на том из них, который ближе к концу, но не на последнем; если все слоги короткие, — то как можно далее от конца; на последнем слоге ударение лежит лишь в том случае, если его гласный образовался в результате стяжения двух гласных³⁰, а также в глаголах со вторым «слабым» корневым согласным: *'iṣbat* 'взял', *'iṣbatū* 'взяли', *'iṣbat-ma* 'взял и', *'iṣbat-ka* 'взял тебя', *'iṣbatū-ka* 'взяли тебя', *'ṣabit* 'взял', *'ibnī* 'построил', *ib'nū* (< **ibnīū*) 'построили', *'itūr* 'вернулся' (корень *tūr*).

При суффиксации односложных энклитик ударение переносится на гласный предпоследнего слога (нередко с его удлинением), но не на облегчительный гласный, добавленный после основы имени: *'ṣar'rum-ma*, *'ṣar'ru-ma* 'царь же', *ka'lab-ka*

²⁷ Обычно считается, что локативные формы *ašrū'a*, *ašrukka*, *ašruššu* 'на мое место, на твое место, на его место' возникли из **ašrum-ja*, **ašrum-ka*, **ašrum-šu*. См. ниже, § 4, пп. 5, 8.

²⁸ Кроме сочетания *n+*, которое может дать также *nn*: **i-n-'amir* 'увиден', 'найден' > *innamir*; ассимиляция не наступает также в случаях, когда *n* является вторым корневым согласным (*kanšu* 'склоненный'), а в вавилонском диалекте — нередко и в том случае, если *n* является третьим корневым (**i-ndin-šu* 'дал ему' > *'iddinšu* наряду с *'iddiššu*). Очень редко наблюдается ассимиляция следующему согласному также *l* и *r*: *kilallān* 'оба', **kilall-(a)-t-ān* 'обе' > *kilattān*, *'arnum* 'грех' > *'annum*.

²⁹ Т. е. закрытые или содержащие долгий гласный. Теория ударения на первом слоге (Э. Рейнер) представляется неприемлемой.

³⁰ Первоначально только в тех случаях, когда ударение лежало на одном из гласных, подвергшихся стяжению: *ru'bā'um* < *rubā'um* 'правитель' > *ru'bā(m)*, затем по аналогии или под действием вспомогательного ударения, видимо, также и в других случаях: *'ibnī'ū* > *ib'nū* (но в поэзии чаще *'ibnū*).

'твоя собака', *ka'lbi-ka* 'твоей собаки', *ka'lab-kunu* 'ваша собака', *tup'pi-ka* 'твоего документа' (но *tuppa-ka* 'твой документ', пишется *tup-pa-ka*)³¹, *ikšu'dū-šu* 'достигли его', *illi'kū-nim* 'пришли сюда', *ikšu'dū-šu nuti* 'достигли их'. Исключение составляют местоименные суффиксы 1-го лица — притяжательный *-ī* и дательный *-a(m)*: *bēli* 'мой господин' (но *bēli-ia*, *bēli-ia* 'моего господина'), *išbat-am* 'взял мне (сюда)'.

В вопросительных предложениях ударение переносится на последний слог слова, являющегося предметом вопроса: *mannum 'annūtam 'i'pūš* 'кто-нибудь это разве делал?' (ср. *'i'pūš* 'сделал')³².

5. Сильное ударение, существовавшее в аккадском, приводит к стяжению огласовки слова, начинающему проявляться (не вполне последовательно) со староаккадского периода и затем вполне регулярно во всех более поздних диалектах. Так, неударный краткий гласный не последнего открытого слога рядом с ударным слогом всегда³³ выпадает (кроме тех случаев, когда в результате выпадения образовалось бы скопление двух согласных в конце слога или закрытый слог с долгим гласным): **kašidum* 'пойманный', 'схваченный' > *kašdum*, **marušum* 'больной' > *maršum*, мн. ч. **kaši'dūtum* > *kaš'dūtum*, **maru'sūtum* > *maršūtum* (но в status indeterminatus и status constructus *kašid*, *maruš*, в ж. р. *kašidum*, *ma'rustum*); *'iptakid* 'поручил', но **iptakidū* 'поручили' > *'ip'takdu*. Если ударный слог — долгий, то стяжения не происходит: *kāšidum* 'достигающий', 'хватающий', *da'mikta-ka* 'блага твоё', так как в противном случае образовался бы сверхдолгий слог (**kāš-dum*) или скопление двух согласных в конце слога (**da-mikt-ka*)³⁴.

Сильным ударением объясняется и стяжение двух гласных, разделенных слабым согласным (см. выше, стр. 273).

§ 4. Имя

1. Об именном словообразовании см. гл. V, § 3, пп. 1—2 и 13. Особо следует отметить имена абстрактные с суффиксом *-ūt*: *šarr-um* 'царь', *šarr-ūt-um* 'царская власть', 'царственность'.

³¹ В ассирийском диалекте, по-видимому, правила ударения были иными, поэтому *tuppašuni* 'их документ' > *tup'pašni* или *'tuppašni* (наряду с *'tuppa-šuni*, что характерно для старовавилонского диалекта), но *tuppi-šu* < **tuppa-šu* под влиянием регрессивной ассимиляции.

³² В поэзии перед паузой ударение, видимо, переносится на один слог ближе к концу и не в вопросительных предложениях.

³³ Он может сохраниться только перед *r*: *'labirum* 'старый', *'zikarum* 'мужчина', *'išarum* 'прямой'.

³⁴ Но после *'ū* неударный краткий гласный следующего слога в послеаккадский период может выпадать, а *'ū* > *u*: *'ūbil-am* 'принес мне' > *'ublam*. Возможен и морфологически обусловленный вдвойне долгий слог: *bēlum* 'владыка', st. constr. *bēl*; ср. *Su'en* > *Sin*, араб. *Sjn*.

2. Имя в аккадском имеет два рода — мужской и женский, и три числа — единственное, двойственное и множественное. О семантике женского рода см. гл. V, § 4, п. 2.

3. Формантом женского рода является *-t*: *bēl-um* 'господин', *bēl-t-um* 'госпожа'³⁵; а после основы имени, оканчивающейся на один долгий согласный, — *-at-* (в вавилонском диалекте при огласовке основы на *e* — *-et-*): *šarr-um* 'царь', *šarr-at-um* 'царица'; *'ell-um* 'чистый', *'ell-et-um* 'чистая' (ст.-асс. *'ell-at-um*). Окончание *-at-* встречается в ряде случаев и когда основа оканчивается на два согласных: *malk-um* 'князь', 'правитель', *malk-at-um* 'княгиня', но чаще в этих случаях между последними согласными основы вставляется облегчительный гласный: *'šipr-um* 'работа', *'šipir-t-um* 'произведение'. Выпавшие в результате стяжения гласные восстанавливаются: **damik-um* 'хороший', 'красивый' > *'damk-um*, ж. р. *da'mik-t-um*, **'lemun-um* 'злой' > *'lemn-um*, ж. р. *le'muttum* 'зло'.

4. Ряд слов женского рода не имеет форманта *-t*, но согласуется по женскому роду: древние названия существ с социально значимой принадлежностью к женскому полу: *'umm-um* 'мать', *'atān-um* 'ослица'; названия четных частей тела: *kāt-um* 'рука', 'кисть', **'iad-um* > *'id-um* 'рука', 'бок', *'in-um* 'глаз', *'ubān-um* 'палец'; слова *nār-um* 'река', *harrān-um* 'караван', 'дорога', *nišū* 'люди' (мн. ч.) и др., а также многие заимствованные слова — *ēkall-um* 'дворец', *haṭṭ-um* 'палка'; быть может, к числу заимствованных относятся также *'elepp-um* 'ладья', *'abull-um* 'городские ворота', *'agurr-um* 'обоженный кирпич' и др.

Род некоторых имен колеблется, например: *'gerr-um* 'путь', 'поход', *'abn-um* 'камень', *'urḥ-um* 'дорога', 'путь' (последнее слово согласуется в единственном числе по женскому роду, во множественном — часто по мужскому).

5. Имя в аккадском имеет четыре состояния — status rectus, status indeterminatus (praedicativus, absolutus), status constructus и status pronominalis, зависящие от синтаксической роли имени.

6. Имя, связанное падежными отношениями, т. е. выступающее в роли субъекта, прямого объекта, определения или же косвенного объекта либо обстоятельства (обычно управляемого предлогом), имеет форму status rectus — склоняемого состояния.

В единственном числе имя в status rectus первоначально имело пять падежей (одинаково для существительных и прилагательных):

³⁵ Первоначально, по-видимому, показателем женского рода было *-at-*, сократившееся до *-t-* под влиянием ударения на предшествующем слоге: так, в староаккадском еще встречаем нестянутую форму *'bēl-at-um* 'госпожа'.

Им. пад.	-u(m) ³⁶	ж. р.	-(a)t-u(m)
Род. пад.	-i(m) ³⁷	ж. р.	-(a)t-i(m)
Вин. пад.	-a(m) ³⁸	ж. р.	-(a)t-a(m)
Дат.-лок. пад.	-(i)s ³⁹	ж. р.	-(a)t-is
Лок.-адверб. пад.	-u(m) ⁴⁰	ж. р.	-(a)t-u(m)

В двойственном и множественном числе родительный падеж выступает в качестве общекосвенного, неся также функции винительного. Дательно-локативный и локативно-адвербиальный падежи во множественном числе употреблялись очень редко и, по-видимому, лишь в искусственно образованных формах⁴¹.

Двойственное число status rectus (для существительных и прилагательных):

Им. пад.	-ān ⁴²
Общекосв. пад.	-īn (вав.), -ēn (асс.)

В староаккадском и отчасти еще в староассирийском двойственное число применялось для любой пары предметов, причем как для существительных, так и для прилагательных; в старовавилонском — только для существительных⁴³, выражающих парные или четные по своей природе вещи [kāt-ān 'руки (кисти)', 'id-ān 'руки', 'бока', 'išd-ān 'основание', собственно 'стопы'; также šēr-ān 'ноги (животного)', 'ubān-ān 'пальцы'], а также в слове 'emūk-ān 'силы'.

³⁶ Падеж субъекта действия или состояния.

³⁷ Падеж определения, а также имени, управляемого предлогом.

³⁸ Падеж прямого объекта собственно переходных глаголов и глаголов движения; может выражать также обстоятельство места, времени и образа действия: bit-am 'в доме', 'ūt-am 'в день', 'ныне'; 'emūk-am 'силой', 'насилно'; kāt-am 'в доле'.

³⁹ Выражает прежде всего направление или цель: mu'āt-iš 'для умирания', 'на смерть', 'il-iš 'на бога (надейся)', затем также место и время: 'ina labir-iš 'в старое (время)'. В старовавилонском диалекте (кроме поэзии) выходит из употребления, применяется только для образования наречий от прилагательных: damk-iš 'хорошо'.

⁴⁰ Выражает место и время: kerb-um 'во внутренности', 'внутри' и т. п. Уже со староаккадского периода начинает вымирать, сохраняясь (кроме поэзии) главным образом в идиоматических выражениях, а также для образования наречий. Употребляется также плеонастически с предлогами: 'ina mēš-u 'в пренебрежении'.

⁴¹ Засвидетельствованы только в двойственном числе и во множественном женского рода.

⁴² С этой формой, быть может, по искусственной аналогии с единственным числом совпадал и локативно-адвербиальный падеж. В староаккадском и староассирийском для имен женского рода, имеющих формант -(a)t-, двойственное число звучало -īan, -īēn.

⁴³ С ними согласуются прилагательные во множественном числе женского рода.

Множественное число status rectus для существительных:

	Мужской род		Женский род
	Общее множественное	Множественное отдельных единиц ⁴⁴	
Им. пад.	-ū	-ān-ū	-āt-u(m)
Общекосв. пад.	-ī	-ān-i	-āt-i(m)
Дат.-лок. пад.	—	—	-āt-is ⁴⁵

Множественное число status rectus для прилагательных:

Им. пад.	-ūt-u(m)	ж. р.	-āt-u(m)
Общекосв. пад.	-ūt-i(m)	»	-āt-i(m)

В староаккадском мимация (см. гл. V, § 4, п. 9), по-видимому, еще сохраняет следы своей грамматической роли (так, имена нарицательные в качестве эпитетов богов мимации не имеют). В поздних староассирийских и старовавилонских текстах мимация выписывается не всегда и, видимо, чаще всего уже не произносилась. Но и в более ранних старовавилонских текстах мимация выдерживается строго во всех формах status rectus только в особо тщательно написанных официально-литературных текстах⁴⁶. Нунация в двойственном числе держится дольше.

Во множественном числе существительных мужского рода мимации нет даже в самых древних текстах.

7. Имя, выражающее предикат⁴⁷, имеет форму status indeterminatus или praedicativus.

В мужском роде единственного числа имя в status indeterminatus совпадает с чистой основой⁴⁸; если основа оканчи-

⁴⁴ Sarr-ū 'цари' (всякие вообще), šarr-ān-ū 'цари' (имеющиеся в виду, поименованные по отдельности, конкретные).

⁴⁵ Возможно, искусственная форма только литературного языка.

⁴⁶ Однако и здесь встречается, например, локативно-адвербиальный падеж без мимации.

⁴⁷ Форма status indeterminatus применяется также: 1) при категорических и исчерпывающих утверждениях: lā šanān 'без сравнения', šanat '(всего) год', '(ровно) год', 'ušet '(одно-единственное) верно'; ana dār, ana dūrim dār 'навсегда', 'на вечность вечную'; seher rabi 'от мала до велика'; ina kār kār-ma 'в каждом торговом стане'; tuḫal '(каждому) по грозди'; 2) для числительного 'istēn 'один', 'išti'at, 'istēt 'одна'; возможно, также для других числительных и мер при исчислении; 3) в собственных личных и географических именах: 'Aššur, '(город) Ашшур', Samaš 'бог солнца Шамаш', Zariḫ 'Косоглазый' (прозвище лица). Эти формы иногда различаются исследователями в качестве собственно status indeterminatus от форм предикативного употребления имени — status praedicativus; они не изменяются по лицам (см. ниже). Ср. также status praedicativus sinniḫ-at 'женщина', status indeterminatus sinniḫ.

⁴⁸ В староаккадских и староассирийских собственных именах, отражающих ступень развития языка более древнюю, чем самые древние староаккадские тексты, встречается status indeterminatus

ваются на два разных согласных, то между ними вставляется облегчительный гласный; гласный, выпавший в результате стяжения между двумя согласными, как правило, восстанавливается: *bēl-um* 'господин', st. ind. *bēl*; *šarr-um* 'царь', st. ind. *šar*; *kalb-um* 'собака', st. ind. *kalab*; **sarir-um* > *sarr-um* 'лживый', st. ind. *sar* (но **kaziz-um* 'разрезанный' > *kazz-um*, st. ind. *kaziz*); **damik-um* > *damk-um* 'хороший', st. ind. *damik*.

В женском роде единственного числа окончание status indeterminatus *-at* (в старовавилонском при огласовке слова на *e* — *-et*), кроме слов, не имеющих показателя женского рода.

Двойственное число status indeterminatus не употребительно⁴⁹, также вместо множественного часто употребляется единственное число, однако существует и специальная форма множественного числа: мужского рода *-ū*, женского рода *-ā*.

Если имя, стоящее в роли предиката, имеет субъектом 1-е или 2-е лицо местоимения, то status indeterminatus получает соответственные личные окончания:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>-āk(u)</i> ⁵⁰	<i>-ān(u)</i> (ст.-асс. <i>-āni</i>)
2-е л. м. р.	<i>-āt(a)</i> (ст.-асс. <i>-āti</i>)	<i>-ātun(u)</i>
2-е л. ж. р.	<i>-āt(i)</i>	<i>-ātin(a)</i>

В предложении в этих случаях местоимение отдельно не ставится.

8. Имя, определяемое другим именем существительным в родительном падеже без nota genitivi (см. гл. V, § 4, п. 8; также в локативно-адвербиальном), имеет форму status constructus.

В староаккадском (и пережиточно в более поздних диалектах, особенно в поэзии) имя в status constructus склоняется, хотя и не полностью; так, в единственном числе:

Им. пад.	— ноль (или <i>-u</i>)
Род. пад.	— <i>-i</i>
Вин. пад.	— ноль (или <i>-u</i>)
Дат.-лок. пад.	— <i>-iṣ</i>
Лок.-adv. пад.	— <i>-um</i> и <i>-u</i>

В двойственном числе:

Им. пад.	— <i>-ā</i>
Общекосв. пад.	— <i>-e</i>

на краткое *-a*: *'Ili-danna* 'мой бог — силён' (позже — *'Ili-dan*), *Tū-bēla* 'он — владыка' (позже — *Sū-bēl*); ср. *māhira lā iddinū-šum* 'равного не дали ему' (категорическое утверждение).

⁴⁹ Кроме староаккадского диалекта: мужской род *-ā*, женский род *-tā*.

⁵⁰ Формы без конечного гласного встречаются в староаккадском диалекте.

Во множественном числе существительных мужского рода:

Им. пад.	— <i>-ū</i>
Общекосв. пад.	— <i>-ī</i> .

Множественное число прилагательных мужского рода образуется на *-ūt*⁵¹; множественное число всех имен женского рода — на *-āt*; эти формы не склоняются.

В староассирийском и старовавилонском в отношении образования status constructus следует различать три группы имен:

А. В большинстве случаев status constructus образуется по правилам для status indeterminatus и не склоняется: *bēl-um* (корень *b'l*), st. constr. *bēl*; *šum-um* 'имя', st. constr. *šum*; *māhir-um* 'получающий', st. constr. *māher*; *kunukk-um* 'печать', st. constr. *kunuk*; *kalb-um* 'собака', st. constr. *kalab*; *rigm-um* 'крик', st. constr. *rigim* (ст.-асс. *rigam*), *'uzn-um* 'ухо', st. constr. *'uzun* (ст.-асс. *'uzan*); **damik-um* > *damk-um* 'хороший', st. constr. *damik*; *šarr-at-um* 'царица', st. constr. *šarr-at*; *malk-at-um* 'княгиня', st. constr. *malk-at*; *bēl-t-um* 'госпожа', st. constr. *bēl-et* (ст.-асс. *bēl-at*), *bil-t-um* 'дань', st. constr. *bil-at*; *murappiṣ-t-um* 'расширяющая', st. constr. *murappiṣ-at*, *'ālik-t-um* 'идущая', st. constr. *'ālik-at*.

Б. 1) При односложной основе, оканчивающейся на долгий согласный, 2) в словах женского рода от многосложных (кроме причастий) и части односложных основ с формантом *-t*, а также 3) обычно в словах от двусогласного корня, оканчивающихся на один согласный, 4) иногда в словах с третьим «слабым» корневым согласным, отпавшим с удлинением гласного в предшествующем слого, status constructus образуется в форме застывшего родительного падежа на *-i*⁵² и не склоняется: *ṭupp-um* 'таблетка', 'документ', st. constr. *ṭuppi*⁵³; **kīn-t-um* 'истина', st. constr. *kitti*; *kiš-t-um* 'подарок', st. constr. *kišti*; *napiš-t-um* 'дума', st. constr. *napišti* (но поэтич. *napišat* < **napiš-at*); *'ab-um* 'отец'⁵⁴, st. constr. *'abi*; *šum-um* 'имя', st. constr. *šumi*; **buṣi-um* > *būš-um* 'имущество', st. constr. *būši*.

В. В словах, где в последнем слого происходит стяжение гласных (см. выше, § 3, п. 3А, стр. 273), восстанавливается первоначальный гласный, поглощенный падежным окончанием; находившийся или предполагаемый между стянутыми гласными «слабый» согласный не восстанавливается: **uāṣi-um* > *uāṣūm* 'выходящий', st. constr. *uāṣi*; **bāni-um* > *bānūm* 'строющий',

⁵¹ В староаккадском — на *-ū*, т. е. совпадает со status indeterminatus.

⁵² Допустимо предположение, что это облегчительный гласный *ə*.

⁵³ Однако *šarr-um* 'царь', st. constr. *šar*.

⁵⁴ В староассирийском также *'abū*, ср. гл. V, § 3, п. 2, прим. 47.

st. constr. *bāni*; *rabi'um*, *rabūm* 'большой', st. constr. *rabi*; *tappa'um*, *tappām* 'товарищ', st. constr. *tappa* (ст.-вав. также *tappi*); **kabāi-um* > *kabā'um*, *kabūm* 'речь', 'приказ', st. constr. *ḫabā* (но в старовавилонском при выпавшем долгом гласном закрепилась старая форма родительного падежа со стяжением: **ka'ba'i* > *kabē* от *ḫabā'um*, *kabūm*; также от *rubā'um*, *rubūm* 'правитель' st. constr. ст.-асс. *'rubā*, ст.-вав. *ru'bē*).

Уже в старовавилонском и особенно позже формы без гласного на конце получают преобладание всюду, где в конце основы только один согласный, например: *'ab*, *šum*, *būš* и позже даже *bān*, *rab* вместо *'abi*, *šumi*, *būši*, *bāni*, *rabi*. При этом в группе Б (status constructus на *-i*) остаются только имена, перечисленные под пунктами (1) и (2). Почти все остальные имена образуют status constructus по типу (А), т. е. так же, как status indeterminatus (но *tappi*, *ḫabē*, *rubē*).

В двойственном и множественном числе сохраняются старовавилонские формы status constructus (дв. ч. *-ā*, *-ē*, мн. ч. *-ū*, *-ī*), однако для множественного числа мужского рода они малоупотребительны, и заменяются либо описательной конструкцией с nota genitivi (для существительных), либо единственным числом (для прилагательных).

9. Имя, определяемое суффиксальным притяжательным местоимением, стоит в status pronominalis.

Здесь следует различать следующие группы:

А. Форма status pronominalis совпадает в именительном и винительном падежах со status constructus, если основа оканчивается на один согласный, или на один согласный + *-at* женского рода, или на два согласных; в родительном, дательном-локативном⁵⁵ и локативно-адвербиальном падежах суффикс присоединяется к status rectus, причем в родительном — к окончанию без мимации и с переносом ударения на падежный показатель: *'bel-šu* 'его господин', *bē'li-šu* 'его господина'; *mal'kat-ka* 'твоя княгиня'; *mal'kassu* 'его княгиня' (*ss* < **t+s*), *malka'ti-ka* 'твоей княгини', *malka'ti-šu* 'его княгини'; *kalab-šu* 'его собака', *kal'bi-šu* 'его собаки'; *šep-iš-šu* (< **šep-is-su*), **šep-um-šu* > *šepuš-šu* 'к его ногам'.

Односложные основы женского рода с окончанием *-t* частично относятся к этому же типу: *šibassu* 'его процент' от *šibtum*.

Б. При окончании основы на удвоенный согласный (и реже — на два согласных) между основой status rectus и суффиксом вставляется в именительном и винительном падежах неударный гласный *-a*⁵⁶, в родительном — *-i* или ударный

гласный *-i*: *'tuppa-šu* 'его документ', *'tuppi-šu*, *tup'pī-šu* 'его документа'; *ri'gim-šu* (acc. *rigam/n-šu*), *'rigma-šu* 'его крик', *rig'mī-šu* 'его крика'. Формы дательного-локативного и локативно-адвербиального падежей образуются, как в группе А.

Слова женского рода с окончанием *-t* в большинстве своем относятся (в прозе) к этому же типу: *'kišta-ka* 'твой подарок', *'kišti-ka* 'твоего подарка', *'al'akta-šu* 'его хождение', *'al'akti-šu*, *'alak'ti-šu* 'его хождения'. Однако в поэзии status pronominalis от слов женского рода по большей части образуется по типу А: *ḫi'sat-ka*, *al'kassu* и т. п.

В. Слова с основой, оканчивающейся на выпавший (в результате стяжения) «слабый» согласный⁵⁷, а также слова *'abum* 'отец', *'aḫum* 'брат' и *'emum* 'тесть' имеют в status pronominalis полное склонение:

Им. пад. — *-ū*

Род. пад. — *-ī*

Вин. пад. — *-ā*

и т. д.

Примеры: *'aḫū-ka* 'твой брат', *'aḫī-ka*, *'aḫā-ka*; *našū-ka* 'твое несение' *naši-ka*, *našā-ka*.

В двойственном и множественном числе формы status pronominalis совпадают с формами status rectus без мимации или нунации и с удлинением гласного падежного форманта: *šē-rā-ka* 'твои ноги', косв. пад. *šēpē-ka*; *šarrū-ka*, *šarr-ān-ū-ka* 'твои цари', косв. пад. *šarrī-ka*, *šarr-ān-ī-ka*; *šarr-āt-ū-ka* 'твои царицы', косв. пад. *šarr-āt-ī-ka*; *ma'd-ūt-ū-ka* 'твои многочисленные', косв. пад. *ma'd-ūt-ī-ka*.

Присоединение притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа имеет свои особенности:

Ед. ч.

Им. пад.	<i>'bēl-ī</i>	<i>'tupp-ī</i>	<i>'aḫ-ī</i> ⁵⁸
Род. пад.	<i>bē'lī-īa</i>	<i>tup'pī-īa</i>	<i>aḫī-īa</i>
Вин. пад.	<i>'bēl-ī</i>	<i>'tupp-ī</i>	<i>'aḫ-ī</i>
Локат.-адverb. пад. ⁵⁹	<i>bē'lā-'a</i>	<i>tup'pū-'a</i>	<i>aḫū-'a</i>

Мн. ч.

Им. пад.	<i>šarrū-'a</i>	<i>šarr-ān-ū-'a</i>	<i>šarr-āt-ū-'a</i>	<i>ma'd-ūt-ū-'a</i>
Общекосв. пад.	<i>šarrī-īa</i>	<i>šarr-ān-ī-īa</i>	<i>šarr-āt-ī-īa</i>	<i>ma'd-ūt-ī-īa</i>

10. Прилагательные либо не имеют никаких специфических формантов, либо образуются от глагольных корней по

⁵⁵ Для прилагательных окончание дательного-локативного падежа — *-išši-*: *'ēr-išši-šu* 'в наготу его', 'голышом' от *'erum* 'голый'.

⁵⁶ В староассирийском подвергается ассимиляции гласному энклитики.

⁵⁷ Кроме основ на *-ii-* > *-i-* (нисба), которые обычно не склоняются.

⁵⁸ В младовавилонском *'aḫū-'a*.

⁵⁹ С дательного-локативным (при прилагательных) — по типу *'ēr-išši-īa*.

той или иной схеме огласовки, соответственно своей семантике (см. гл. V, § 3, п. 13). Особняком стоят относительные прилагательные (нисбы) на *-l-*, *-āl-*, выражающие главным образом принадлежность и происхождение: *'aššurī-um* 'ассирийский', со стяжением *'aššurū(m)*.

Прилагательные отличаются от существительных образованием множественного числа мужского рода: *šarr-ū damk-ūt-um* 'цари добрые', косв. пад. *šarr-ī damk-ūt-im*, но в женском роде *šarr-āt-um damk-āt-um*, *šarr-āt-im damk-āt-im*.

Степени сравнения образуются описательно. В качестве превосходной степени могут служить также причастия состояния от соответствующего глагола в усилительной (D) или каузативной (S) породе: *dunnin-um* 'усиленный', но также 'наиболее сильный', *šurbūm* 'увеличенный', 'вращенный', но также 'самый большой' — ср. *dann-um* 'сильный', *rabi(i)-um* 'большой', и глаголы *dnn*, *rb!*.

11. Числительные от 1 до 10 следующие⁶⁰:

М. р.	Ж. р.
1 — <i>'ištēn-um</i>	<i>*ištēt-um, *išti'atum</i>
2 — <i>šinā</i>	<i>šittā</i>
3 — <i>šalāš-um</i>	<i>šalaš-t-um</i>
4 — <i>'erbūm</i>	<i>'erbet-t-um</i> (ст.-acc. <i>'arba'-um, 'arbē-t-um</i>)
5 — <i>ḥamš-um</i>	<i>ḥamiš-t-um</i>
6 — <i>šešš-um</i>	<i>šediš-t-um</i>
7 — <i>sebūm</i>	<i>sebet-t-um</i> (ст.-acc. <i>šabūm, *šabē-t-um</i>)
8 — <i>samānū-m</i>	<i>samānū-t-um</i> (ст.-acc. <i>*šamāni'-um, *šamānī-t-um</i>)
9 — <i>tišū-m</i>	<i>tišī-t-um</i>
10 — <i>'ešrum</i>	<i>'ešer-t-um</i>

Числительные от 3 до 10 являются существительными. При исчислении преимущественно употребляется status indeterminatus.

Числительные от 11 до 19 являются сложениями единиц со словом «десять», например: **'ištēnšer, *'išteššer*, ж. р. *'ištēnšeret* и т. д.

Числительное 20 является двойственным числом от «десять»: *'ešrā*. По аналогии с ним образуются и остальные десятки: *šalšā* 'тридцать', *'erbā* 'сорок' и т. д.

Числительное 100 — *me'at-um, māt-um* (ст.-acc. *mētum*), числительное 1000 — *līm-um* (может быть < **līu-um*, от глагольного корня *lū* 'окружать', т. е. 'круг'). Другие сотни и

⁶⁰ Реконструируемые (а частично и засвидетельствованные) для староаккадского формы: 1 — **'ašti'an-um*, 2 — **'in-ān*, 3 — *talāt-um*, 4 — *'arba'-um*, 5 — **ḥamiš-um*, 6 — **sidš-um*, 7 — **šebi'-um(?)*, 8 — **tamāni-um*, 9 — **tiš'-um*, 10 — *'ašr-um*.

тысячи образуются путем постановки числительного для единиц в форме status constructus, а числительного для сотни и тысячи во множественном числе, чаще всего — в status indeterminatus: *šittā me'āt(im)* 'двести', *šinā līm(i)* 'две тысячи'.

Наряду с десятичными числительными имеются и заимствованные из шумерского шестидесятиричные: 60 — *šūš-um*, 600 — *nēr-um*, 3600 — *šār-um*; соответственно *šinā šūš* — 120, *šūš šār* — 216 000.

Порядковые числительные от 2 до 9⁶¹ образуются от количественных, в староаккадском по типу огласовки 1a2i3, в староассирийском по типу 1ā2u3 и другим, в старовавилонском — 1a2u3 (но 1a2i3 для 'второй': *šanūm, šanī-t-um*): *šalš-um, šaluš-t-um, ḥanš-um, ḥamuš-t-um* и т. п. Эта же форма используется для дробей с единицей в числителе: *šaluš-t-um* — $\frac{1}{3}$. Наряду с этим имеются и специальные обозначения для ряда дробей: $\frac{1}{2}$ — **mitl-um > mišl-um, bām-t-um, mutt-at-um*; $\frac{2}{3}$ — *šinēpi'āt-um* (шум.), или *šittā šalš-āt, $\frac{5}{6}$ — parasrab(i), parab*.

Имеются также особые способы выражения кратности⁶², разовости⁶³ и дистрибутивности⁶⁴.

§ 5. Местоимение

1. Личные самостоятельные местоимения в аккадском языке употребляются для логического выделения субъекта или объекта, а также предикативно; субъект без подчеркивания выражается только личными глагольными аффиксами, а объект — суффиксальными местоимениями. Формы личных самостоятельных местоимений изменяются по периодам и диалектам⁶⁵.

⁶¹ Порядковое числительное «первый» заменяется относительным прилагательным «прежний» — *maḥri(i)-um > maḥrū(m)*, но в значении числительного оно ставится перед определяемым им словом, а не после него, как обычные прилагательные.

⁶² Местоименный суффикс 3-го лица присоединяется к нисбе (?) от количественного числительного: *šalāši-šu* 'трижды', также с предлогом: *'adi šalāši-šu*.

⁶³ Местоименный суффикс, соответствующий лицу субъекта действия (позже — суффикс 3-го лица), присоединяется к нисбе (?) от абстрактного имени, образованного от числительного: *šalšūti-ja*, '(я) в третий раз', *šalšūti(š)-šu* 'в третий раз'; или же числительное ставится в дательном-локативном падеже: *šalāšiš*.

⁶⁴ Огласовка по типу 1u2u3ā'.

⁶⁵ Староаккадские формы засвидетельствованы неполностью. Следует отметить 3-е лицо: ед. ч. м. р. *šū*, ж. р. *ši*; в винительно-родительном падеже наряду с формами на *-t(i)* [*šu'āt(i), ši'āt(i)*] зарегистрирована форма *šu'a*.

Старовавилонские

Ед. ч.	прям. пад.	род. и вин. пад.	дат. пад.
1-е л.	'anāku	iāti	iāši(m) ⁶⁶
2-е л.	м. р. 'atta	kāta	kāšu/i(m)
	ж. р. 'atti	kāti	kāši(m)
3-е л.	м. р. šū	šu'ātu/i, šātu/i	šu'āšu/i(m), šāšu/i(m)
	ж. р. šī	šu'āti, šāti ⁶⁷	šu'āši(m), šāši(m) ⁶⁷
Мн. ч.			
1-е л.	nīnu	ni'āti	ni'āši(m)
2-е л.	м. р. attīnu	kunāti	kunāši(m)
	ж. р. attīna	kināti	kināši(m)
3-е л.	м. р. šūnu	šunāti	šunāši(m)
	ж. р. šīna	šināti	šināši(m)

Староассирийские

Ед. ч.	прям. пад.	общекосв. пад.
1-е л.	'anāku	iāti
2-е л.	м. р. 'atta	kuūāti
	ж. р. 'atti	kuūāti
3-е л.	м. р. šūt	šu'āti
	ж. р. šīt	ši'āti
Мн. ч.		
1-е л.	nēnu	ni'āti
2-е л.	м. р. attīnu	kunāti
	ж. р. attīna	kināti
3-е л.	м. р. šūnu	šunāti
	ж. р. šīna	šināti

2. В аккадском языке имеется также самостоятельное притяжательное местоимение, употребляемое для логического подчеркивания местоименного определения, а также предикативно. В других случаях местоименное определение выражается местоименными суффиксами. Формы самостоятельного притяжательного местоимения образуются по типу: «мой» — *i-ā'um* (ст.-вав. также *i-ām*), «моя» — *i-ātum* (ст.-вав. также *i-attun*), «мои» (м. р.) — *i-ā'ūtum* (ст.-вав. *i-a'ūtun*), «мои» (ж. р.) — *i-ātum* (ст.-вав. *i-ā(t)tun*) — от соответственных лично-местоименных основ: 1-е л. ед. ч. от *i(a)*-, 2-е л. ед. ч. от *ku-*, 3-е л. ед. ч. от *šu-*, 1-е л. мн. ч. от *ni-*, 2-е л. мн. ч. от *kunū-*, 3-е л. мн. ч. от *šunu-*, с приведенными выше окончаниями.

⁶⁶ Окончание *-im*, вероятно, вторичное, образованное по аналогии с формами суффиксальных местоимений: в староаккадском его нет (*su' āš 'ему'*).

⁶⁷ В поэзии также *ši'āti*, *ši'āšim*.

Самостоятельные притяжательные местоимения склоняются как существительные, и по крайней мере в староассирийском имеют свою форму *status indeterminatus*.

3. Суффиксальные местоимения существуют притяжательные, объектные и косвенно-объектные (родительного, винительного и дательного падежа); в старовавилонском диалекте:

Таблица 2

Суффиксальные местоимения

Лицо и род	Единственное число			Множественное число ⁵		
	притяж.	объектн.	косв.-объектн.	притяж.	объектн.	косв.-объектн.
1-е л.	-ī, -ia ¹ , -'a ²	-ni ³	-a(m), -ni(m) ⁴	-ni	-ni'āti	-ni'āši(m)
2-е л.	м. р. -ka	-ka	-ku(m)	-kunu	-kunāti	-kunūši(m)
	ж. р. -ki	-ki	-ki(m)	-kina	-kināti	-kināši(m)
3-е л.	м. р. -šu	-šu	-šu(m)	-šunu	-šunāti	-šunūši(m)
	ж. р. -ša	-ši	-ši(m)	-šina	-šināti	-šināši(m)

Примечания. 1. После имени в *status pronominalis* в родительном падеже.

2. После множественного числа имени в *status pronominalis*.

3. В староассирийском также *-ī*.

4. После форм глагола, оканчивающихся на гласный (но *taprusi + -m!*)

5. Долгота гласных всюду под сомнением.

В староаккадском 3-е лицо мужского рода единственного числа звучало *-š/su*, *-su*, *-sum*, женского рода — *-ša*, *-ši*, *-šim*. Притяжательные местоимения в староаккадском, а в поэзии и позже, встречались также в усеченной форме — *-k*, *-š*; *-kun(i)*, *-kin*, *-šun(i/a)*, *-šin*.

Формы множественного числа в старовавилонском диалекте представляют результат выравнивания парадигм под действием аналогии. В староаккадском окончание *-āti* для объектных суффиксальных местоимений не употреблялось; существовавшее же окончание *-āt* применялось только для 1-го лица и для 2-го и 3-го лица женского рода множественного числа: *-ni'āt*, *-kināt*, *-šināt*; в мужском роде *-kunu/i*, *-šunu/i*. В косвенно-объектных местоимениях множественного числа окончанием первоначально было не *-āšim* (где *-im* по аналогии с единственным числом), а *-āš(?)*.

В староассирийском диалекте выравнивание парадигмы пошло иначе, чем в старовавилонском. Здесь косвенно-объектные (дательные) местоименные суффиксы получили формы

-ni'āti, -kunūti, -kināti, -šunūti, -šināti, а объектные (винительные) — формы -ni'āti, -kunu, -kina, -šunu, -šina, что является упрощением староаккадской парадигмы -ni'āt, -kuni, -kindt, -šunu, -šināt. Совпадение объектных суффиксов с притяжательными — характернейшая особенность ассирийского диалекта всех периодов.

4. В качестве указательного местоимения употребляется личное местоимение 3-го лица (генетически — наоборот: личное местоимение 3-го лица по происхождению указательное).

Кроме того, для указания на близкие предметы применяется местоимение-прилагательное 'anni'-um, для указания на дальние предметы — местоимение-прилагательное 'ulli'-um (ст.-вав.) или 'ammi'-um (ст.-асс.). Они изменяются по родам, числам и падежам, как все прилагательные.

5. Важную роль играет определительное местоимение — nota genitivi, вводящее определение родительным падежом (если определяемое не стоит в status constructus) или придаточное предложение. Само это местоимение всегда стоит в status constructus.

В староаккадском оно склоняется следующим образом:

Ед. ч.	М. р.	Ж. р.
Им. пад.	<i>tū</i>	<i>tāt</i>
Род. пад.	<i>tī</i>	<i>tātī</i>
Вин. пад.	<i>tā</i>	<i>*tāt</i>
Мн. ч.		
Им. пад.	<i>tūt</i>	<i>tāt</i>
Род. пад.	<i>tūti</i>	<i>tātī</i>
Вин. пад.	<i>tūt</i>	<i>tāt</i>

Род, число и падеж зависят от рода, числа и падежа определяемого имени: 'in šan-t-im šališ-t-im'⁶⁸ *tātī D. šarr-ūt-am iddin-u-sum* 'в год третий, (в) который Д. царство дала ему' (*šan-t-um* 'год' — ж. р. род. пад.), 'in kār-im tī Akkadē 'у пристани Аккадэ' (*kār-um* 'пристань' — м. р. род. пад.); *tā tupp-am su'a (i)u-sa-ssak-ū-ni* 'того, кто надпись эту исторгнет...'; *nišī tāt D. (i)ikīšu-sum* 'людей, которых Д. подарил ему' (*nišū* 'люди' согласуется по женскому роду).

К концу III тысячелетия сохранились только формы единственного числа — м. р. *šu* или *ša*, ж. р. *šāt*, и множественного числа — м. р. *šūt* и ж. р. *šāt*; но позже и эти формы удержались только в идиоматических выражениях [*šūt reš-i* 'те, что (у) головы (царя)' = 'евнухи', *šāt mūš-i* 'те, что (принадлежат) ночи' = 'ночное время'], а в прочих случаях были вытеснены единой формой nota genitivi — *ša*.

⁶⁸ Вместо *tališ-t-im* (относительно поздний текст).

Несмотря на глухой сибиллянт *t*, это местоимение, очевидно, родственно южносемитскому *dū* и т. п., арамейскому *dī* и древнееврейскому указательному местоимению *zā* < **du* (?).

6. Вопросительные местоимения — *mann-um* 'кто?', *mīn-um* 'что?'⁶⁹ и '*ai(i)-um* 'какой', 'который?'. Эти местоимения склоняются как прилагательные (но *mann-um* и *mīn-um* не имеют множественного числа и женского рода). В староаккадском употребителен status indeterminatus — *man*, *mīn*.

Отсюда же образуются местоимения-наречия: *ana mīnim* 'для чего?' > *ammīnim* 'зачем', 'почему?', **mīn-(i)s* > *mīš* 'где?', **ai-is* > '*e'eš* 'куда?'. В староаккадском и староассирийском встречается также форма с наращенным локативным формантом — *um: mišum*, *miššum* со значением 'почему?'; ст.-вав. **mīn-šu* > *miššu* 'что (из) того?'

С отрицанием *lā* вопросительные местоимения означают 'никто', 'ничто', 'никакой'.

С частицей *-ma* или с удвоением эти же местоимения приобретают значение неопределенно-обобщающих: *mīnta* 'всякое', 'что-либо'; *matman*, *matma* 'всякий', 'кто-либо', '*ai(i)umma* 'какой-либо' (также '*ai(i)itumma* 'какая-либо', '*ai(i)ūtumma* 'какие-либо'). С отрицанием: *lā matman* 'никто'.

В ряде случаев вместо местоимений в обобщающем значении употребляются существительные в status constructus: *mala* 'полнота' = 'все, что...', 'сколько бы ни было...'; 'все, которые...'; *kala*, *gimir* (и другие) 'совокупность' → 'все'.

§ 6. Глагол

1. В аккадском глаголе различаются четыре спрягаемые формы: вид совершенный, условно называемый Praeteritum (в гл. V мы обозначали его как «старый перфектив») ⁷⁰, вид несовершенный, условно называемый Praesens (в гл. V — «старый имперфектив») ⁷¹, форма, выражающая последователь-

⁶⁹ В старовавилонском — обычно с переносом ударения под влиянием вопроса — *mīnūm*.

⁷⁰ Выражает завершенное действие или состояние, в особенности мгновенное (почему иногда называется Punctualis); обычная повествовательная форма.

С формой Praeteritum совпадает также юссив, имеющий три разновидности: 1) собственно юссив, выражающий сказуемое условного предложения; 2) пожелательная форма — Praecativus, с частицей (или аффиксом) *l(ū)*-, выражающая положительное пожелание или косвенное приказание, иногда также имеет оттенок будущего времени (только от глаголов действия); 3) запретительная форма — Vetitivus, выражающая отрицательное пожелание с частицей (или аффиксом) '*ai(-)* || '*e(-)*'.

⁷¹ Выражает незавершенное действие (Durativum) и наступление состояния, а также возможность и долженствование; с отрицательной частицей *lā* выражает отрицательное повеление.

	Переходные		Переходные и непереходные ¹		
	'разделять'		'поручать'	'бежать'	'учить(ся)'
Imperativum Praeteritum Praecativus Vetitivus Praesens Perfectum Infinitivus Particip. act. ⁴ Particip. stat.	<i>purus</i> (i)i-prus ³ l-i-prus 'aj-i-prus (i)i-'parras ³ '(i)i-p-ta-ras ³ parās-u(m) pāris-u(m) 'par(i)s-u(m) ⁵	<i>pikid</i> (i)i-pkid ³ l-i-pkid 'aj-i-pkid (i)i-'pakkid ³ '(i)i-p-ta-kid ³ pakād-u(m) pākid-u(m) 'pak(i)d-u(m) ⁶	<i>rupud</i> (i)i-rpud ³ l-i-rpud 'aj-i-rpud (i)i-'rappud ³ '(i)i-r-ta-pud ³ rapād-u(m) rāpid-u(m) 'rap(i)d-u(m)	<i>limad</i> ² (i)i-lmad ³ l-i-lmad 'aj-i-lmad (i)i-'lammad ³ '(i)i-l-ta-mad ³ lamād-u(m) lāmid-u(m) 'lam(i)d-u(m) ⁷	

Спряжение глагола в основной породе

Таблица 4

Число	Лицо и род	Imp.	Praet. ⁸	Praec. ⁹	Vetit. ⁹	Stativum
Единственное	1-е л.	—	'a-prus	<i>lu-prus</i> ¹⁰	'ai(-)a-prus ¹¹	<i>pars-aku</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>purus</i> <i>purs-ī</i>	<i>ta-prus</i> <i>ta-prus-ī</i> ¹³	—	'ē(-)ta-prus 'ē(-)ta-prus-ī	<i>pars-āta</i> ¹² <i>pars-ati</i>
	3-е л. { м. р. ж. р.	—	(i)i-prus <i>ta-prus</i> ¹⁵	<i>l-i-prus</i> <i>lū(-)ta-prus</i>	'ai(-)i-prus ¹⁴ 'ē(-)ta-prus	<i>paris</i> <i>pars-at</i>
Двойственное	2-е л.	<i>purs-ā</i>	* <i>ta-prus-ā</i>	?	?	<i>paris-tā</i> ¹⁶
	3-е л.	—	(i)i-prus-ā	?	?	<i>pars-ā</i>

Таблица 4 (продолжение)

Число	Лицо и род	Imp.	Praet. ⁸	Praec. ⁹	Vetit. ⁹	Stativum
Множественное	1-е л.	—	<i>ni-prus</i>	<i>lū(-)ni-prus</i> ¹⁷	* <i>ai(-)ni-prus</i> ¹⁸	<i>pars-ānu</i> ¹⁹
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>purs-ū</i> <i>purs-ā</i>	<i>ta-prus-ā</i> ²⁰ <i>ta-prus-ā</i>	—	'ē(-)ta-prus-ā 'ē(-)ta-prus-ā	<i>pars-ātunu</i> <i>pars-ātina</i>
	3-е л. { м. р. ж. р.	—	(i)i-prus-ū ²¹ (i)i-prus-ā	<i>l-i-prus-ū</i> <i>l-i-prus-ā</i>	'ai(-)i-prus-ū ²² 'ai(-)i-prus-ā ²²	<i>pars-ū</i> ²³ <i>pars-ā</i>

Примечания. 1. См. гл. V, § 6, п. 5.

2. Также *šabat*.

3. Начальное *i-*, по-видимому, не произносилось или > с конца староаккадского периода. В ассирийском диалекте формы Perfectum — '(i)p-ta-ras, ''ip-ti-kid, ''ir-tu-pud.

4. От непереходных глаголов не образуется.

5. Неударный гласный здесь и в аналогичных формах выпал уже в староаккадский период.

6. Также *bal(a)k-u(m)*, *kar(u)b-u(m)*.

7. Также (ст.-асс.) *bal(a)k-u(m)*.

8. По этому же образцу спрягается Praesens и Perfectum [Perf.: ед. ч. 2-е л. ж. р. — *ta-p-'ta-rs-ī*, мн. ч. 2-е л. — *ta-p-'ta-rs-ā*, 3-е л. м. р. — (i)i-p-'ta-rs-ū, ж. р. — (i)i-p-'ta-rs-ā].

9. Ср. § 6, п. 1, прим. 70.

10. Acc. *l-a-prus*.

11. Acc. *'ē 'a-prus.

12. Acc. *pars-āti*.

13. В IV типе ('i-lmad) acc. 'ta-lmid-ī.

14. Acc. 'ē (i)i-prus.

15. В староаккадском и староассирийском — только для существ женского пола, в других случаях — (i)i-prus; в старовавилонском последняя форма возобладала во всех случаях.

16. Форма засвидетельствована только в староаккадском.

17. Только в староассирийском; в вавилонском диалекте *lū(-)* заменяется когортативной частицей 'i(-).

18. Acc., вероятно, *'ē *ni-prus*.

19. Acc. *pars-āni*.

20. Ожидаемая форма **ta-prus-ū* вытеснена, по-видимому, формой двойственного числа.

21. В IV типе ('i-lmad) — acc. ''i-lmud-ū.

22. Acc. 'ē(i)i-prus-ū, 'ē(i)i-prus-ā.

23. Ст.-акк. *pars-ā?*

ность действий, условно называемая Perfectum ⁷² (не смешивать с центральносемитским перфектом, или «новым перфективом»), и повелительная форма — Imperativus, и три типа отглагольного имени: имя действия или состояния — Infinitivus, причастие действия — Participium activi ⁷³ и причастие состояния — Participium stativi, иначе называемое (неточно) Participium passivi, или отглагольным прилагательным состояния. Глагольные причастия, но не инфинитив, находясь в положении предиката, могут также изменяться по лицам; особенно распространено спряжение причастия состояния; эта форма выражает действующий результат действия (Stativum, или Permanivum).

2. В основной породе (G) различается четыре типа огласовок, в зависимости от переходности.

В 3-м лице единственного числа основной породы G ⁷⁴ эти типы переходного глагола образуются в различных видовых и именных формах по модели табл. 3.

3. Изменение спрягаемых форм по лицам, родам и числам дано в табл. 4. Приведен только обычный тип переходного глагола ('i-prus, 'i-parras). В других типах огласовка соответственно меняется.

4. Аккадский глагол образует следующие производные породы (см. гл. V, § 11):

а) порода T (I₂), образуемая с помощью инфикса *-t(a)-*, выражает перемену направления действия; это значение развивается в сторону значения возвратного залога [*mi-t-gur-* 'согласиться', 'объединиться', ср. *magār-* 'быть благосклонным', *ši-t-'ul-* 'совещаться', ср. *ša'āl-* 'спрашивать'] и габитативного (привычное действие) [*ši-t-mur-* 'постоянно почитать', *ši-t-kun-* 'создавать (нечто постоянное)', ср. *šamār-* 'хранить', *šakān-* 'класть', 'устанавливать'];

б) порода T + N (I₃), образуемая с помощью двойного инфикса *-ta-n(a)-*, выражающая итератив (постоянное, особенно различно направленное действие) [*'a-š-ta-na-ppar* 'я неоднократно, постоянно пишу', ср. *šapār-* 'посылать', *'ittanallak* < **iā-h-ta-na-llak* 'ходит взад и вперед', ср. *'alāk* < **halāk* 'идти'];

⁷² Выражает только что или в данный момент завершённое действие, а также действие, которое завершится в будущем, в особенности завершённое действие, наступившее как бы в качестве отражения какой-либо другой завершённой ситуации. В среднеавилонском и более поздних диалектах вытесняет в живом языке Praeteritum в роли формы совершённого вида в изъявительном наклонении.

⁷³ Причастие в аккадском языке вообще не имеет видового характера; однако иногда (особенно в среднеассирийском диалекте) для выражения совершённого вида к нему прибавляется суффикс *-anu(m)*. Причастие почти всегда синтаксически рассматривается как имя; напротив, инфинитив может управлять и винительным падежом как глагол.

⁷⁴ От нем. *Grundstamm*. Иначе обозначается как порода I₁.

в) порода D (II₁), образуемая путем удвоения второго корневого согласного, выражает наступление состояния (фактитив) или побуждение к нему (каузатив), а также действие, являющееся результатом другого действия; с помощью породы D образуются также отыменные глаголы [*dummuḫ-* 'сделать хорошим', *suḫḫur-* 'отвратить', *lummud-* 'обучить'; *šubbut-* 'удержать', *turrud-* 'прогнать', *ruggub-* 'крыть крышей', ср. *damāk-* 'быть хорошим', *saḫār-* 'поворачивать(ся)', *lamād-* 'учить (что-либо)', *šabāt-* 'хватать', 'держат', *tarād-* 'гнать', *rugb-u(m)* < *rukb-u(m)* 'крыша'];

г) порода D + T (II₂), образуемая при помощи инфикса *-ta-* и удвоения второго корневого согласного, имеет возвратное и безлично-пассивное значение по отношению к породе D [*šū-ta-bbū* 'насыщаться' (*šabū* 'быть сытым'), *pu-ta-ttur-* 'развязываться', 'распадаться' и 'быть освобожденным, развязанным' (*patār-* 'освобождать', 'развязывать')].

В другом варианте порода D + T имеет итеративное (вторительное) значение по отношению к D. В этом значении порода D + T имеет особую форму Praesens: *'u-p-ta-na-rras* и обычно обозначается как особая порода D + T + N (II₃);

д) порода S (III₁), образуемая при помощи префикса *ša/u-* (< **sa-*), выражает побуждение к действию, реже (от переходных глаголов в породе G) имеет фактитивное значение, еще реже применяется для образования отыменных глаголов [*šū-kšud-* 'дать поймать', *šū-mḫut-* 'повалить', 'привести к падению', *šū-škun-* 'класть', 'селить', *šū-knuš-* 'склонять', *šū-mruš-* 'сделать больным', *šū-lbur-* 'состариться' (ср. *kašād-* 'поймать', 'схватить', *makāt-* 'падать', *šakān-* 'класть', 'устанавливать', *kanāš-* 'склоняться', *marāš-* 'заболеть', 'быть трудным', *labār-* 'быть старым' (отыменный глагол к *labir-* 'старый?')];

е) порода S + T (III₂), образуемая при помощи префиксов *-š(u)-ta-*, возвратная, затем безлично-пассивная по отношению к породе S [*'u-š-ta-lpat* 'разрушается' (ср. *lapāt-* 'ударять', 'разрушать')].

Другой вариант этой же породы имеет возвратно-взаимное значение и не всегда является непосредственно производным от породы S. В этом значении породе S + T имеет особую форму Praesens [*(')u-š-ta-maggar* 'я соглашусь', *(')u-š-ta-marraš* 'я стараюсь' и т. д.].

Наконец, третий вариант этой же породы имеет итеративное значение по отношению к породе S. В этом значении форма Praesens этой породы имеет форму *'u-š-ta-na-pras*; данный вариант породе S + T обычно рассматривается как особая порода S + T + N (III₃);

ж) порода N (IV₁), образуемая при помощи префикса *n(a)-* (перед согласным этот префикс ассимилируется), имела первоначально возвратное значение [*nanmur-* < **na'mur-* 'встре-

чатся' (ср. 'amār- 'видеть'), но обычно воспринималась как пассивная по отношению к породе G ['*immahiš* (< **i-n-mahiš*) 'ударен', '*iḡalid* (< '*i-n-ḡalid*) 'родился', 'рожден']. От переходных глаголов образует ингессив ['*i-n-nadir* 'разгневался']; для некоторых глаголов (в частности, четырехсогласных) играет роль основной породы ['*ippariš* (< **i-n-pariš*) 'улетел', '*ippalis* (< **i-n-palis*) 'поглядел', *na-balkut*- 'переходить'];

в) породу N+T (IV₂) можно иногда понимать как возвратную к породе N с ингессивным значением ['*ittalbiš* (< **i-n-ta-lbiš*) 'оделся'], но чаще как итеративную к породе N. Praesens образуется с помощью тройного префикса *n(a)-ta-n(a)-* и рассматривается обычно как особая порода N+T+N (IV₃)⁷⁵.

Огласовка основы во всех видовых формах пород T, T+N, (включая и Praeteritum) и в большинстве форм пород N и N+T соответствует огласовке Praesens (имперфектива) основной породы G⁷⁶.

В породах D, D+T, S, S+T префиксы спряжения имеют огласовку -u-: ед. ч.: 1-е л. 'u-, 2-е л. м. р. *tu-*, 2-е л. ж. р. *tu-*...-ī, 3-е л. м. р. 'u- (ст.-акк. *iḡu-*), 3-е л. ж. р. *tu-*; мн. ч.: 1-е л. *nu-*, 2-е л. *tu-*...-ā, 3-е л. м. р. 'u-...-ū, 3-е л. ж. р. 'u-...-ā (ст.-акк. *iḡu-*...-ū, *iḡu-*...-ā). Огласовка — -a-...-i- в Praeteritum, -a-...-a- в Praesens.

Причастие действия образуется во всех производных породах при помощи префикса *tu-*, присоединяемого к основе Praeteritum; причастие состояния совпадает с инфинитивом.

5. Прежде чем рассмотреть основные формы производных пород, следует рассмотреть вопрос об образовании в них формы Perfectum.

В противоположность мнению автора основной аккадской грамматики В. фон Зодена, базирующегося на теории Б. Ландсбергера, аккадский «перфект» выработался не во всех поро-

⁷⁵ Наряду с перечисленными встречаются и редкие породы: и) порода S+D [в повзгическом языке: '*u-š-pariš* 'пустил лететь']; к) порода типа S+D, образуемая от корней со вторым корневым согласным *r*, *l*, *m*, *n*, ' (по всей вероятности, бывшими гласными сонантами *r*, *l*, *m*, *n*) и третьим корневым согласным, либо повторяющим второй, либо слабым [Praet. '*u-š-harrir*, Inf. *šu-harrur* 'стихать', '*u-š-kēn* 'пал ниц', Part. act. *tu-š-kēn-u(m)*]; л) порода D с полной редупликацией второго согласного + T: '*utelellī* (от корня **li*) 'приподнялся', инфинитив '*utlellū(m)* (по модели **putarrus-*, параллельно обычной породе D+T, инфинитив которой звучит *putarrus-*); м) порода типа D с удвоением последнего корневого согласного, образуемая от глаголов с первым корневым согласным *n* и последним корневым *r* или *l* [*n'r* 'спешить на помощь': Praes. '*in'arrar*, Praet. '*in'arrir*, мн. ч. '*in'arirrū*, Inf. *na'arruru*].

⁷⁶ Praeteritum породы N основного класса '*i-prus*, '*i-parras* имеет огласовку на -i- (*ipparis*, по аналогии с Praeteritum пород D и S; но Praesens *ipparras* по аналогии с G).

дах⁷⁷. Как мы уже указывали выше (гл. V, § 11, п. 7), он образовался из пород типа T, основным первоначальным значением которых было выражение перемены направления действия. При этом перфектив (Praeteritum) пород типа T стал играть роль формы, выражающей действие, последовавшее за выраженным основной породой. Поэтому в породах T, D+T, S+T и N+T нет особой формы Praeteritum — она совпадает с Perfectum, соответственно, пород G, D, S и N. Войдя в состав парадигмы основной породы G, форма с инфиксом -ta- в значении Perfectum распространилась по аналогии и на породы T, D+T, S+T, N+T и T+N, где она, таким образом, образуется при помощи двойного инфикса (или префикса) -ta-t(a)-, но все эти формы очень редкие и, как правило, поздние⁷⁸.

По аналогии с итеративной породой T+N сравнительно поздно были образованы итеративные формы к породам D, S и N. Однако они не образовали отдельных пород — существует только итеративная форма Praesens D+T, S+T и N+T.

С учетом этих замечаний мы можем перейти теперь к списку основных глагольных форм производных пород (см. табл. 5).

6. По этому образцу спрягаются все глаголы, имеющие три «сильных» корневых согласных, а также глаголы с первым «слабым» корневым согласным *n*, ' , *ḡ* и *l*, однако с некоторыми особенностями, обусловленными фонетическими причинами:

а) в глаголах с первым корневым *n* (Verba primae nūn) этот согласный ассимилируется последующему согласному всюду, где он с ним соприкасается, и в некоторых случаях отпадает в начальном положении: от *nakār*- 'сносить', 'уничтожать' — Praet. G **ja-nkur* > '*i-kkur*; Perf. G **ja-n-ta-kar* > '*i-tta-kar* и т. д.; Imp. G. '*ukur*, Imp. T. **i-t-kar*, Imp. T+N **i-tak-kar*; Inf./Stat. T **i-t-kur-*, Inf./Stat. T+N '*i-tak-kur-*⁷⁹;

б) в глаголах с первым корневым ' (Verba primae aleph) этот согласный в позиции перед следующим согласным всюду вы-

⁷⁷ Постулируемая В. фон Зоденом полная парадигма пород типа T и T+N приводит к предположению о формальном совпадении очень многих совершенно различных по значению форм. Так, по В. фон Зодену, существуют особые породы D+T и D+T+N, но все их формы, кроме одной (Praesens), совпадают, а часть форм совпадает еще и с формами породы D.

⁷⁸ До тех пор, пока эти формы не образовались, так называемый Perfectum пород G, D, S и N по существу еще нельзя рассматривать как часть парадигмы этих пород; их следует рассматривать как особый случай употребления Praeteritum пород T, D+T, S+T и N+T.

⁷⁹ Глагол *nadān*- 'давать' имеет в ассирийском диалекте следующие нерегулярные формы (в породе G): Praes. *i-ddan* (ст.-акк. *i-naddan*, вав. *i-naddin*), Imp. *din* (вав. '*idin*), Inf. *tadān-*, Part. stat. *tadin*.

Породы

	Praet.	Praes.	Perf.
G	'i-prus ¹	'i-parras ²	'i-p-ta-ras
D	'u-parris	'u-parras	'u-p-ta-rris
S	'u-ša-pris	'u-ša-pras	'u-š-ta-pris
N	*i-n-paris > > 'ipparis ⁶	*i-n-'paras > > 'ip'parras ⁷	*in-ta-pra/i/us > > 'ittapra/i/us ⁷

Породы

T + N	*i-p-ta-n(a)-ras ⁷ > > 'iptarras ⁷	'i-p-ta-'na-rras ⁷	(*ip-ta-ta-n-ras > > 'iptatarras) ⁷
T	(= Perf. G)	'i-p-'ta-rras ⁷	('i-p-ta-t-ras) ⁷
D + T	(= Perf. D)	1) 'u-p-ta-rras ⁸ 2) 'u-p-ta-na-rras ⁹	('u-p-ta-ta-rris)
S + T	(= Perf. S)	1) 'u-š-ta-pras ¹⁰ 2) 'u-š-ta-parras ¹¹ 3) 'u-š-ta-na-pras ¹²	('uš-ta-ta-pris)
N + T	(= Perf. N)	*i-n-ta-na-pras ¹³ > > 'ittanapas	(*i-n-ta-ta- -pra/i/us > 'itta-ta-a/i/us)

Примечания. 1. И, соответственно, 'i-pkid, 'i-rpuđ, 'i-lmad, см. табл. 3.

2. И, соответственно, 'i-pakkid, 'i-rappuđ, 'i-lammad, см. табл. 3.

3. И, соответственно, pikid, rpuđ, šabat, соответственно классу, но в классе 'i-lmad, 'i-lammad также limad.

4. Форма инфинитива отличается от формы причастия состояния только в породе G.

5. Также (редко): mar(u)š-um, rap(a)š-um. Статив, соответственно, paris, maruš, rapaš.

6. Такова огласовка для классов 'i-prus : 'i-parras, 'i-pkid и 'i-lmad. Для класса 'i-mgur : 'i-magur Praeteritum породы N — 'immagur (огласовка Praesens во всех случаях соответственно классу).

без инфиксов

	Imp.	1) Inf. 2) Part. stat.	Part. act.
	purus ³	1) parās-u(m) ⁴ 2) 'par(i)s-u(m) ⁵	pāris-u(m)
	parris (acc.) parris (bab.)	parrus-u(m) (acc.) purrus-u(m) (bab.)	mu-parris-u(m)
	ša-pris (acc.) šu-pris (bab.)	ša-prus-u(m) (acc.) šu-prus-u(m) (bab.)	mu-ša-pris-u(m)
	na-pris	na-prus-u(m)	*mu-n-paris-u(m) > > mupparsu(m)

с инфиксами

	*pi-ta-n-ras > > pitarras ⁷	*pi-ta-n-rus-u(m) > > pitarrus-n(m)	?
	pi-t-ras ⁷	pi-t-rus-u(m) ¹⁴	mu-p-ta-rs-u(m)
	pu-ta-rris	pu-ta-rrus-u(m)	mu-p-ta-rris-u(m)
	šu-ta-pris	šu-ta-prus-u(m)	mu-š-ta-pris-u(m)
	*ni-ta-pra/i/us > > 'itapra/i/us	*ni-ta-prus-u(m) > > 'itaprus-u(m)	*mu-n-ta-pris-u(m) > > muttapris-u(m)

7. С огласовкой как в Praesens G, сообразно классу.

8. Для обычной породы D + T.

9. Для итеративного варианта породы D + T.

10. Для обычной породы S + T.

11. Для возвратно-взаимного варианта породы S + T.

12. Для итеративного варианта породы S + T.

13. Для глаголов класса 'i-pkid форма Praesens пород N + T — *itta-napkid.

14. И диалектная форма pi-ta-rs-u(m).

падает с удлинением предшествующего гласного⁸⁰; так, от 'akāl- 'есть', 'кушать' Praet. G 'ī-kul (acc. 'ē-kul), Perf. G 'ī-ta-kal; образующаяся при словоизменении группа -a- обычно выпадает: Praes. G *i-'akkal > 'i-kkal (acc. 'e-kkal), Praet. D *u-'ahhiz (от 'ahāz- 'брат') > 'u-hhiz (но 'u'abbit от 'abāt- 'разрушать'). Корневой ' , открывающий начальный слог, окрашивает следующий гласный в a: Imp. G 'akul (вм. *'ukul), Imp. T 'atkal (вм. *'i-t-kal), Inf. T+N 'atalluk- (вм. *'i-tan-luk-) и т. д.⁸¹ Если корневой ' возник из ' , h или γ, то все a в слове > e (в вавилонском диалекте; в ассирийском — только в соседнем с ' слове): так, от 'erēb- < *'yarāb- Praet. G, 1-е л. 'ē-rub (< *'a-yrub), Praes. T+N 'ī-te-ne-rrub (acc. 'ē-ta-na-rrab)⁸², Praet. S 'u-šē-rib, Praes. S 'u-šē-rreb и т. д.;

в) в переходных глаголах с первым корневым u (Verba primae wāw) личный глагольный префикс перед корневым u, если последний примыкает к следующему согласному, меняет огласовку на долгое ū с исчезновением u: Praet. G. *'a-ūbil, *'ta-ūbil, *'ia-ūbil > (')ū-bil, tū-bil, (')ū-bil. При этом группа -ua- в Praes. G выпадает: *'a-ūbbal, *'ta-ūbbal, *'ia-ūbbal > (')u-bbal, tu-bbal, (')u-bbal⁸³. Перед инфиксом -ta- корневой согласный u ассимилируется и не окрашивает гласного глагольного префикса: Perf. G *'ia-u-ta-bal > 'i-tta-bal. Нерегулярно (непосредственно от корневой ячейки bl) образуются Imp. G и Imp. T: bil, tabal.

Словоизменение непереходных глаголов с первым корневым u в породах G и T совпадает с несущественными отклонениями⁸⁴ со словоизменением глаголов с первым корневым i⁸⁵. То же касается и переходных глаголов в породе S (только в вавилонском диалекте)⁸⁶;

г) для глаголов с первым корневым i (Verba primae jōd) характерен переход начального ia- > (')e-⁸⁷, а сочетания

⁸⁰ При этом в ассирийском диалекте *'ia'- > (')ē-, в вавилонском (')ī-. Обратить внимание на Praes. S: *'iu-ša-(a)kal > 'u-ša-kkal.

⁸¹ Нерегулярную форму при соприкосновении корневого ' (< *h) со следующим согласным дает глагол 'alāk- 'ходить': Praet. G 'i-llik, Perf. G 'i-tta-lak, Praes. T 'i-tta-llak, Praes. T+N 'i-tta-na-llak вместо ожидаемых форм *'i-lik, *'i-ta-lak, *'i-ta-llak, *'i-ta-na-llak. Аналогичные формы в некоторых случаях образуются от глагола 'ahāz- 'брат'.

⁸² В ассирийском этот глагол относится к типу 'i-prus, 'i-parras, в вавилонском — к типу 'i-rpuđ, 'i-rappud.

⁸³ Часть глаголов сохраняет слог -ua- в породе D: 'u-uaššir 'оставил' (позже 'u-maššer).

⁸⁴ Так, от uasām- 'годиться', 'быть достойным' Praes. G *'i-ysim > 'i-sim, Praes. G 'i-ssim. Но ср. от uatār- 'превосходить (по величине)' Perf. G 'i-ta-ti/er вместо ожидаемого *'i-te-ter.

⁸⁵ Prt. G 'iiter, Praes. G. 'itter.

⁸⁶ Prt. S 'ušēbil, наряду с 'ušābil (ст.-акк. и редко ст.-вав. правильно 'ušūbil).

⁸⁷ Вавилонский диалект колеблется между *'ia- > i- и *'ia- > e.

-i- > ī-, -ē-⁸⁸; при этом остальные a в слове обычно окрашиваются в e. Таким образом, парадигма Verba primae jōd почти не отличима от парадигмы Verba primae aleph с огласовкой e (но 1-е л. Praet., Praes. G *'a-išir, *'a-iašar > 'i-šir, 'i-ššer, acc. 'ē-šir, 'e-ššer; Stat. G 'išar, acc. 'ēšar);

д) некоторые изменения по фонетическим причинам испытывают и глаголы со всеми тремя «сильными» согласными. Так, конечный или средний корневой согласный r окрашивает в вавилонском диалекте, в присутствии известных других согласных⁸⁹, все a основы и префиксов в e: ta-šabbar 'ты сломаешь' > te-šebber, ta-karrīb 'ты приблизишься' > te-kerrib⁹⁰; конечный корневой согласный h или r во всех случаях и во всех диалектах окрашивает предшествующий i в e: 'u-uaššir 'оставил' > 'u-uaššer, haših 'желает' > hašeh. Первый корневой согласный d или t полностью ассимилирует себе согласный в инфиксе -ta-, а g (и позже k) — частично: *'id-ta-gal 'взглянул' > 'iddagal, *'it-ta-rad 'послал', 'прогнал' > 'itrad, *'ug-ta-mmīr > 'завершил' > 'ugdammer;

е) глаголы с первым корневым d, t, t, z, š, s дают метатезу в невидовых глагольных формах с инфиксом -t-: *'zi-t-kar 'скажи (определенно, навеки)' > tizkar, *'ši-t-but 'схватен' > tišbut и т. д.;

ж) глаголы с первым корневым свистящим (z, š, s) полностью ассимилируют согласные в инфиксе -ta-: *'i-š-ta-bat 'взял', 'схватил' > 'iššabat;

з) глаголы со средним корневым согласным b, d, g и z (позже и реже š, p) в вавилонском диалекте начиная со старовавилонского периода при удвоении дают диссимиляцию: *'i-naddin > 'inandin, 'inamdin;

и) глаголы со средним корневым согласным d, t, t, z, š, s и š полностью ассимилируют предшествующий этому согласному примыкающий согласный t: *'hi-t-sas 'запомни' > 'hissas, *'pi-t-šaš 'намажся', 'умастишь' > piššaš, mi-t-dud 'отмерен' > *'middud > mindud;

к) перед энклитическим союзом -ma может происходить полная ассимиляция конечных n, b и p: 'erub-ma 'он вошел и...' > 'erumma, 'iddin-ma 'он дал и...' > 'iddimma, 'ikkip-ma 'он боднул и...' > 'ikkimma; графически это отмечается не всегда. При присоединении местоименного суффикса предшествующее суффиксу n ассимилируется полностью, предшествующее суффиксу корневое m — частично⁹¹: 'iddin-kum

⁸⁸ Но i-i- > ī- в обоих диалектах: *'i-i-šir 'он стал прямым' > 'i-šir.

⁸⁹ b, p, m, z, š, s, h.

⁹⁰ Редко то же явление наблюдается при наличии в корне (на любой позиции) согласного l: *'lamān- 'быть дурным, злым' > lemēn-.

⁹¹ Но -m в суффиксах ассимилируется полностью: *'ia-ndin-am-ka 'дал мне тебя' > 'iddinakka.

'дал тебе' > 'iddikkum, 'ikim-šu 'отнял его' > 'ikinšu. Это также не всегда отмечается графически.

7. Значительные особенности наблюдаются в словоизменении глаголов со средним и конечным «слабым» согласным (Verba mediae infirmae, или «пустые», и Verba tertiae или ultimae infirmae, или «недостаточные»).

Из этого числа надо исключить отдельные глаголы, спрягающиеся во всех или в большинстве форм по образцу «сильных». Глаголы со средним корневым '<*', h типа 'i-pkid, 'i-pakkid и типа 'i-rpud, 'i-rappud относятся всегда к числу «сильных», глаголы типа 'i-lmad, 'i-lammad — в староаккадском и староассирийском диалектах⁹². Глаголы со средним '<*', h, γ относятся в староаккадском и староассирийском также к числу «сильных», хотя и имеют отдельные «слабые» формы, например: (i)i-bēl 'он овладел' вместо *ii-b'al; при этом огласовка e распространяется только на соседний с ' гласный a (a' -> e, 'a > e, a'a > e'a). В старовавилонском эти глаголы, а также глаголы со средним '<', h типа 'i-lmad, 'i-lammad графически неотличимы от «слабого» типа, хотя встречаются и отдельные несомненно «сильные» формы.

К числу «сильных» глаголов относятся и еще некоторые глаголы со средним или конечным слабым согласным, например: paṣār- 'быть светлым', parā'- 'отрезать'.

Все остальные глаголы со «слабым» согласным на втором или третьем месте в корне относятся к числу «слабых».

8. Для «слабых» глаголов характерно, что качество «слабого» согласного (по большей части лишь условно восстанавливаемого) соответствует типу огласовки. Тип 'i-prus, 'i-parras соответствует среднему или конечному корневному u, тип 'i-pkid, 'i-pakkid — среднему или конечному корневному i, тип 'i-lmad, 'i-lammad — среднему или конечному корневному ' (в двух вариантах — с огласовкой на a и на e). Поэтому их словоизменение различается только в тех породах, в которых тип огласовки имеет значение, т. е. в породах G, T, T+N, N и N+T. При присоединении гласного суффикса в Praesens тех же пород, а в вавилонском диалекте — также во всех видовых формах пород D, D+T, S и S+T, последний корневой согласный этих глаголов удваивается с сокращением предшествующего гласного.

Спряжения по лицам для глаголов mediae infirmae дано в табл. 6.

Образование пород для тех же глаголов дано в таблице 7 (приводим только породы без инфиксов -ta- и -ta-na-, которые легко образовать⁹³ от приводимых форм).

⁹² Типа 'i-prus, 'i-parras у этих глаголов нет.

⁹³ Например, порода T+N: Praes. *'iktanu'an, мн. ч. 'iktanunnū; порода S+T: Praes. 'uštamāt 'умерщвляет', мн. ч. 'uštamattū и т. п.

Спряжение глаголов *mediae infirmae*

du'āk- 'убить', *ku'ān-* 'устанавливать', *ši'ām-* 'судить (судьбу)', *ba'āš-* 'посрамляться'

Число ⁷	Лицо и род	Praeteritum	Praesens	Perfectum	Stativus ¹	
Единственное	1-е л.	<i>'a-dūk, 'a-šim, 'a-bāš</i>	<i>'a-dū'ak², 'a-šī'am³, 'a-bā'aš(?)⁴</i>	<i>'a-k-t-ū'an⁴, 'a-š-t-ī'am⁴, 'a-b-t-ā'aš(?)⁴</i>	<i>kīn-āku</i>	
	2-е л.	м. р.	<i>ta-dūk, ta-šim, ta-bāš</i>	<i>ta-dū'ak², ta-šī'am³, ta-bā'aš(?)⁴</i>	<i>ta-k-t-ū'an⁴, ta-š-t-ī'am⁴, ta-b-t-ā'aš(?)⁴</i>	<i>kīn-āta⁵</i>
		ж. р.	<i>ta-dūk-ī, ta-šim-ī, ta-bāš-ī</i>	<i>ta-duk-k-ī, ta-šim-m-ī, ta-bāšš-ī</i>	<i>ta-k-t-ūn-ī, ta-š-t-īm-ī, ta-b-t-aš-ī</i>	<i>kīn-āti</i>
	3-е л.	м. р.	<i>'i-dūk, 'i-šim, 'i-bāš</i>	<i>'i-dū'ak², 'i-šī'am³, 'i-bā'aš(?)⁴</i>	<i>'i-k-t-ū'an⁴, 'i-š-t-ī'am⁴, 'i-b-t-ā'aš(?)⁴</i>	<i>kīn</i>
		ж. р. ⁶	<i>ta-dūk, ta-šim, ta-bāš</i>	<i>ta-dū'ak², ta-šī'am³, ta-bā'aš(?)⁴</i>	<i>ta-k-t-ū'an, ta-š-t-ī'am, ta-b-t-ā'aš(?)⁴</i>	<i>kīn-at</i>
	Множественное	1-е л.	<i>ni-dūk, ni-šim, ni-bāš</i>	<i>ni-dū'ak², ni-šī'am³, ni-bā'aš(?)⁴</i>	<i>ni-k-t-ū'an⁴, ni-š-t-ī'am⁴, ni-b-t-ā'aš(?)⁴</i>	<i>kīn-ānu⁸</i>
2-е л.		<i>ta-dūk-ā, ta-šim-ā, ta-bāš-ā</i>	<i>ta-duk-k-ā, ta-šim-m-ā, ta-bāšš-ā</i>	<i>ta-k-t-ūn-ā, ta-š-t-īm-ā, ta-b-t-aš-ā</i>	<i>kīn-ātunu</i> (м. р.) <i>kīn-ātina</i> (ж. р.)	
3-е л.		м. р.	<i>'i-dūk-ū, 'i-šim-ū, i-bāš-ū</i>	<i>'i-duk-k-ū, 'i-šim-m-ū, 'i-bāšš-ū</i>	<i>'i-k-t-ūn-ū, 'i-š-t-īm-ū, 'i-b-t-aš-ū</i>	<i>kīn-ū</i>
		ж. р.	<i>'i-dūk-ā, 'i-šim-ā, 'i-bāš-ā</i>	<i>'i-duk-k-ā, 'i-šim-m-ā, 'i-bāšš-ā</i>	<i>'i-k-t-ūn-ū, 'i-š-t-īm-ā, 'i-b-t-aš-a⁹</i>	<i>kīn-ā</i>

Примечания. 1. Огласовка статива одинакова во всех случаях.

2. В старовавилонском, по правилу, *'a-dāk, ta-dāk, i-dāk, ni-dāk*.

3. В Мари *'a-šēm, ta-šēm, 'i-šēm, ni-šēm*. В старовавилонском начинают появляться возобладавшие позже формы *'a-šām, ta-šām, i-šām, ni-šām* (и также *'a-bāš* и т. д.)

4. В старовавилонском *'a-k-t-ūn, ta-k-t-ūn, 'i-k-t-ūn, 'ni-k-t-ūn; 'a-š-t-īm, ta-š-t-īm, 'i-š-t-īm, ni-š-t-īm; 'a-b-t-aš* и т. д.

5. Асс. *kīn-āti*.

6. Только в староаккадском и староассирийском (для существ женского пола); в старовавилонском совпадает с 3-м лицом мужского рода.

7. Двойственное число опускаем; формы слабо засвидетельствованы.

8. Асс. *kīn-āni*.

9. Глаголы *media apher* с '<', *h*, *γ* спрягаются в староассирийском по типу: Praet. *'i-bēl, 'i-bēl-ū*; Praes-
'i-bē'al, 'i-bēl-ū, и т. д.; в старовавилонском по типу: Praet. *'i-bēl, 'i-bēl-u*; Praes. *'i-bē'el, 'i-bēl-ū* (от асс. *be'āl-*,
вав. *bēl-* 'овладеть').

	Praet.	Praes.	Perf.	Imp.	1) Inf. 2) Part. Stat.	Part. act.
G	'i-dūk	'i-dū'ak (Bab. 'i-dâk) MH. Ч. 'i-duk-k-ū	'i-k-t-ū'an (Bab. i-k-t-ûn)	dūk	1) ku'ân-u(m) [Bab. kân-u(m)] 2) kîn-u(m)	kā'in-u(m)
	'i-šīm	'i-šī'am, MH. Ч. 'i-šimm-ū	'i-š-t-ī'am (Bab. 'i-š-t-īm)	šīm	1) šī'ām-u(m) ³ 2) šīm-u(m)	šā'im-(m)
	'i-bāš	'i-bā'aš(?), MH. Ч. 'i-bašš-ū	'i-b-t-ā'aš(?)	bāš	1) bāš-u(m) 2) biš-u(m)	bā'iš-u(m)
D ¹	'u-kīn MH. Ч. 'u-kinn-ū ²	'u-kān MH. Ч. 'u-kann-ū ²	'u-k-t-īn MH. Ч. 'u-k-t-inn-ū ²	kīn, MH. Ч. kinn-ū ²	kunn-u(m) ²	mu-kinn-u(m) ²
S	'u-š-kīn MH. Ч. 'u-š-kinn-ū ²	'u-š-kān MH. Ч. 'u-š-kann-ū ²	'u-š-ta-kīn MH. Ч. 'u-š-ta-kinn-ū ²	šu-kīn, MH. Ч. šu-kinn-ū ²	šu-kūn-u(m)	mu-š-kinn-u(m) ²
N	'iddīk(?)	'iddak	?	?	?	

Примечания. 1. Приводим только старовавилонские формы; староассирийские образуются по типу сильных глаголов с подстановкой среднего корневого '.

2. Глаголы *mediae alerph* удвоения не дают: *muškēnum*, 'склоняющийся ниц' — порода S+D от корня k'n, но **muškinnum* 'устанавливающий' от корня k'n.

3. Bab. šām-u(m).

Что касается глаголов *ultimae infirmae*, то они изменяются как «сильные», с той лишь разницей, что последний корневой согласный отсутствует^{93а}, а перед гласным суффиксом заменяется '. При этом в старовавилонском происходят стяжения согласно фонетическим правилам (Prt. G 3-е л. мн. ч. ж. м. р. 'i-mnu'-ū > *imnū* 'сосчитали', 'i-bni'-ū > *ibnū* 'построили', 'i-klā'-ū > *iklū* 'удержали', позже Stat. G 3-е л. ж. р. *mani'-at, bani'-at, kali'-at* > *manât, banât, kalât* и т. д.)⁹⁴.

Существуют глаголы, содержащие в корне два и даже три слабых согласных; эти глаголы нередко дают различные нерегулярные формы, но чаще всего по крайней мере один из «слабых» согласных ведет себя как «сильный». Глагол **itū*, или **itī*, 'иметь' обладает только одной формой префиксального спряжения, имеющей обычно значение статива (отсюда 1-е л: 'išu'ākū наряду с 'išu < *'a-itū)⁹⁵.

Нерегулярные (супплетивные) формы образуют также глаголы: 1) **ziz* // *nzz* // 'zz 'стоять': породы G, T и T+N образуются здесь как бы от корня *nzz*, или от корня 'zz с удвоением второго корневого согласного, как в глаголе 'alāk- [Praes. 'i-zzaz, Praet. 'i-zziz, Perf. 'i-tta-ziz, Imp. 'iziz и т. п., однако инфинитив 'izuzz-u(m), 'uzuzz-u(m)! Статива не образуется]; порода S образуется частью также для корня *nzz*, но в старовавилонском обычно от корня *ziz*: Praes. 'u-š-zāz, Praet. 'u-š-zīz и т. п.; 2) **nīl* // *tīl* // *n'l* 'лежать', 'ложиться'. В старовавилонском употребителен корень *tīl*, причем формы образуются параллельно формам от глагола «стоять», но с долгим гласным [Praes. 'ittī'al > 'ittāl, Prt. 'ittīl, Perf. 'ittatīl, Imp. 'ittil, Inf. 'itūl-u(m), 'utūl-u(m)]. Порода S образуется от корня *nīl*. В староаккадском и староассирийском, по-видимому, различаются корни *nīl* 'лежать' и *n'l* 'ложиться спать': *nīl* 'лежит', *nāl* 'спит'.

9. Глаголы с четырехсогласным корнем основной породы G не имеют; ее заменяет порода N. Второй корневой согласный — всегда *l* или *r* (по всей вероятности, бывший слоговой сонант *l*, *r*). Так, от *blkt* 'переходить': Prt. 'ibbalkit, Praes. 'ibbalakka/it, Perf. 'ittabalka/it, Imp. *nabalkit*, Inf. / Part. stat. *nabalkut-*, Part. act. *mubbalkit-u(m)*. От этих глаголов существует также каузативная порода S: Prt. 'ušbalkit, Praes. 'uš-balakkat, Perf. 'uštabalkit и т. д. К обоим породам существуют итеративные формы: T+N: Prt. 'ittabalakkat, Praes. 'ittanabalakka/it, Perf. 'ittatablakkat, Inf. 'itablakkut-, Part. act. *muttablakkit-u(m)*; S+T(+N): Prt. 'uštablakkit (!), Praes. 'uštanabalakkat.

^{93а} Его заменяет долгота последнего гласного глагольной формы.

⁹⁴ Аномальные староассирийские формы типа *man'at*.

⁹⁵ В ассирийском диалекте существует также отрицательная неизменяемая форма *laššu* 'нет', 'отсутствует'.

10. Об образовании юссивного, пожелательного и запрети- тельного наклонений в аккадском уже говорилось выше. Глаголь- ное сказуемое всех придаточных предложений, кроме условного (где употребляется юссив, совпадающий с Praeter- itum), имеет форму сослагательного наклонения, или Subjun- ctivus, показателем которого является суффикс *-u* (присоеди- няется к видовым формам с согласным исходом)⁹⁶. В староаккад- ском имеется еще другая форма сослагательного наклонения типа арабского целевого субъюнктива (см. гл. V, § 10), с окон- чанием *-a*.

В староассирийском диалекте помимо окончания субъюнк- тива *-u* имеется еще и второй показатель сослагательного наклонения — энклитика *-ni*, присоединяемая как к глаголь- ному, так и к именованному сказуемому придаточного предложения во всех формах. Этот показатель «ассирийского субъюнктива» присоединяется в абсолютном конце всей глагольной формы, т. е. после всех местоименных суффиксов, и вызывает пере- нос ударения и удлинение предшествующего гласного от- крытого слога: вав. *ša 'i-prus-u* 'который разделил', *ša 'i-prus- u-šu* 'который разделил его', *ša ta-prus-ī* 'которую ты разде- лила', *ša 'i-prus-ā* 'которые разделили', *ša pars-u* 'который разделен'; асс. *ša 'i-prus-ū-ni*, *ša 'i-prus-u-šū-ni*, *ša ta-prus-u- šū-ni*, *ša 'i-prus-ā-ni*, *ša pars-ū-ni*^{96a}.

Это же явление sporadически наблюдается и в староак- кадском.

11. Местоименный суффикс 1-го лица единственного числа дательного падежа, первоначально при глаголах движения, а затем и при других глаголах выражает не только дей- ствие «для меня», но и всякое действие, направленное в сторону говорящего: *'i-llak* 'пошел', 'ушел', *'i-llak-ū* 'пошли', 'ушли'; *'i-llak-a(m)* 'пришел', *'i-llak-ū-ni(m)* 'пришли' (так называемое направительное наклонение, или Ventivus, иначе — Allativus или Terminativus). Формы вентива образуются от всех видовых форм⁹⁷, а также от императива. Наличие показателя вентива при глаголе придаточного предложения исключает употребление показателя субъюнктива *-u* (но не энклитики «ассирийского субъюнктива» *-ni*).

12. Местоименные объектные суффиксы могут присоеди- няться как к форме изъявительного наклонения, так и к форме сослагательного наклонения на *-u* и к форме вентива; суффиксы дательного падежа чаще всего присоединяются к окончанию вентива (с ассимиляцией *-t* вентивного окончания первому

согласному местоименному суффиксу); в вавилонском диалекте суффикс 1-го лица винительного падежа присоединяется почти исключительно к вентивной форме. Во всех этих случаях форма вентива теряет свою семантическую роль и по значению ничем не отличается от изъявительного наклонения.

При присоединении двух местоименных суффиксов суффикс дательного падежа предшествует суффиксу винительного: *'atrudakkuš(šu) < *'a-trud-am-kum-šu* 'я прислал (сюда) тебе его'.

§ 7. Служебные слова

1. Наречия могут быть разделены на наречия-место- имения и наречия именного происхождения, представляющие собой по большей части застывшую форму имени в дательно-ло- кативном, локативно-адвербиальном или винительном падеже.

К первой группе относятся, например, ст.-вав. *'ai(i)iki'am*, ст.-асс. *'ai(i)akam* 'где?', *'ai(i)ānum* (ст.-вав.) 'где?', (ст.-асс.) 'откуда?'; *'ai(i)iš > 'ē'eš* 'куда?', ст.-асс. *'ai(i)akam-ma* 'где-нибудь', *'ai(i)išam-ma* 'куда-нибудь', *'anniki'am* (ст.-вав.) 'здесь', *'annānum* (ст.-вав.) 'здесь', (ст.-асс.) 'отсюда', ст.-асс. *'annišam* 'сюда'⁹⁸, далее *matī*, *'ina matī*, *'immatī* 'когда?' *'ad(i) matī*, *'ana matī*, *'ammātī* 'доколе?', *matīma* 'когда-нибудь', 'всегда', *'inanna* (ст.-вав.) 'теперь', *'annumma* 'итак', *'adīni* 'до сих пор', *'adišu* 'до тех пор', *'ullum* 'затем', *'ana mīnim*, *'ammīni* (ст.-вав.), *mīš*, *miššum* (ст.-акк., ст.-асс.) 'зачем?', *'ullīš* (ст.-вав.) 'кроме того', *'ali*, *'alum* 'где?', *mimma* 'всячески' и мн. др.

Ко второй группе относятся, например: *'ela* 'только', *'eliš* 'сверху', 'вверх'⁹⁹, ст.-вав. *'elēn(um)*, ст.-асс. *'elānum* 'выше', *šapliš* 'вниз(у)'¹⁰⁰, *kerbum*, *kerbēnum* 'внутри', *kidānum* 'снаружи', *maħra* 'спереди', *'imittam* 'справа', *šumēlam* 'слева', *aħitam* 'прочь', *kaħla* 'в середине', *pānišam* (ст.-асс.) 'сна- чала', 'нынче', *'aħārum*, *'aħarrum* 'потом', *lā 'aħārum* 'немед- ленно', *qarkānum* 'позже', 'потом', *qarka* 'после', *samar*, *zamar* (вав.) 'вдруг', *pānānum* 'прежде', *tu(š)ša(m-ma)* 'не... ли?' 'как бы не так!', 'врешь!', *'ina labiriš* 'издревле', *'inūšu*, *'inūmišu(-ma)* 'тогда', *'ištēniš* 'вместе', *mithariš* 'совместно', 'соответственно', *malmališ* 'поровну', *'aħamma* (ст.-асс.) 'от- дельно', *kañānam*, *kañāntam* 'постоянно', *'arħiš*, *qarħiš* 'быстро', 'сразу', *ħamtiš*, *ħantiš* 'поспешно' и множество других.

Особенно распространены наречия на *-iš*, которые могут

⁹⁸ Для указания на более отдаленное место употребляются ана- логичные наречия, но образованные не от *'anni'um* 'этот', а от *'ullī'um* (ст.-вав.) или **'alli'um*, *'ammī'um* (ст.-асс.) 'тог', например: ст.-асс. *'allānum* 'оттуда', ст.-вав. *'ulliki'am* 'там' и т. п. Ср. также ст.-вав. *'ašariš*, *'ašrānum* 'там', 'туда' (от *'ašr-um* 'место').

⁹⁹ Ст.-асс. также 'сверх'.

¹⁰⁰ Ст.-асс. также 'менее чем'.

⁹⁶ В стативе — только в 3-м л. м. р.
^{96a} Ср. н.-асс. *ša paris-ni*. В ст.-акк. часто *-na*, ср. формы «нового имперфектива» (бывшего субъюнктива) в центральносемитских.

⁹⁷ В стативе — только в 3-м л. м. р.

быть образованы почти от любого имени. Наиболее распространены *kališ* 'целиком', 'сразу', *ma'diš* 'очень', *danniš* 'сильно', 'очень' и др.

Как видно и из некоторых уже приведенных примеров, наречия могут являть собой предложный оборот.

Значительно менее распространены наречия глагольного происхождения: *kīšam* 'допустим', 'пожалуй', *pīkat* 'может быть', *mindē(-ma)* 'может быть' и т. д.

2. Предлоги делятся на две группы: древнейшие неэтимологизируемые предлоги и предлоги именного происхождения. Для предлогов первой группы характерно, что они не могут соединяться с притяжательными местоименными суффиксами, как предлоги второй группы. К ней относятся: *'in* (ст.-акк.; ст.-асс. с ассимиляцией *n* следующему согласному), *'ina* 'в', 'внутри', 'во внутрь', 'во время', 'в числе', 'с помощью', редко 'из', *an(a)* (ст.-асс. с ассимиляцией *n* следующему согласному) 'к', 'для', *kī* 'как', 'подобно тому как', 'словно', 'в качестве', 'согласно'¹⁰¹, *kī-ma* 'подобно', 'словно', 'вместо', *kīmū* 'вместо', *lā-m(a)* 'до' 'раньше (во времени)'.

Именного происхождения, по-видимому, предлоги *'ad(i)* 'до', *'ištum* (ст.-акк.), *'ištu* 'от', 'со времени'¹⁰², *'ište/u* (ст.-акк.), *'išti* (ст.-асс.) 'с', 'вместе с', 'с помощью', *'itti* (ст.-вав., то же значение), *'al* (ст.-акк.), *'eli/u* 'на', 'над', '(на)против', 'свыше', *balum* 'без', *'aššum* 'ради', 'из-за', 'относительно', *'ašar* 'у', 'при' (вав.), *mala* 'соответственно', *'ela* 'кроме'; глагольного происхождения *'ezub* (вав.), *'ezib* (асс.) 'кроме'¹⁰³; местоименного происхождения *'ē-ma* 'всюду в'.

Значение предлогов может быть уточнено путем сочетания их с наречием или именем: *'ina libbi/u* 'в', 'внутри' (*libb-um* 'сердце'), *'ina kereb* 'в', 'внутри' (*kerb-um* 'внутренность'), *'ina muḥḥi*, *'ina eli* 'на', 'над' (*muḥḥ-um* 'темь'), *'ina šer* 'на', 'за (кем-либо)' (*šer-um* 'спина'), *'ana pān* 'перед' (обычно во временном значении; *pānū* 'лицо'), *'ina pān* 'для', *'ina maḥar* 'перед', 'к', 'у', *'ina ʔarkī* 'после', 'за', (*'ina*) *pūt* 'напротив' (*pūt-um* 'лоб'), *'ina birit* 'между'. Точно так же и с другими предлогами: *'ištu libbi* 'из', 'изнутри', *'ana libbi* 'внутри' и т. д.

Отдельные имена и наречия именного происхождения

¹⁰¹ *kī* имеет также наречное значение: 'как?'. Ср. *kīā*, *kī maši* 'сколько?'.

¹⁰² *'adi* с местоименным притяжательным суффиксом употребляется только как наречие, *'ištu(m)* с притяжательными суффиксами не употребляется.

¹⁰³ *'ašar*, *mala*, *'ela* и *'ezub* с притяжательными суффиксами не употребляются.

также могут играть роль предлогов: *šapal* 'под', *kereb* 'в', 'внутри', *'elen* 'выше (чего-либо)', *ʔarkānum* 'после' и т. п.

3. Частицы отрицания и подтверждения. Основными частицами отрицания являются *lā* и *'ul(a)*; *lā* отрицает отдельные слова, а также употребляется в придаточных предложениях и в вопросительных оборотах (*kī lā ta-plaḥ* 'как же ты не побоялся?'); с формой Praesens означает отрицательное повеление (*lā ta-pallaḥ!* 'не бойся!'); *'ul* (ст.-акк. и ст.-асс. *'ula*) в староавилонском диалекте отрицает главные, в том числе вопросительные, предложения; в староассирийском употребляется редко, а затем вовсе исчезает в ассирийском диалекте, всюду заменяясь отрицанием *lā*. Отрицательное пожелание выражается частицей *'a||'e* с юссивом-перфективом (Praeteritum) — форма Vetitivus, см. выше, § 6, п. 1, прим. 70.

Частица *lā* имеет подтвердительный характер: 'воистину', 'поистине', 'действительно', 'именно', и употребляется как с именем, так и с глаголом. Другое значение *lā* — уступительное: *lā 'ēruš* 'пусть я (действительно и) сделал...', или 'хотя я сделал'. При слиянии этой частицы с формой юссива-Praeteritum образуется пожелательное наклонение — Praecativus (см. § 6, п. 1). В торжественной речи отдельно стоящее *lā* с глаголом употребляется без особой семантической нагрузки, только для придания определенной стилистической окраски. Как глагол с отдельно стоящей частицей *lā* [*lā 'i-prus* 'воистину разделил'], так и Praecativus (*l-i-prus* 'пусть он разделит') соответствуют шумерским формам пожелательного наклонения с префиксом *hē-* (гл. II, § 10). Наблюдаем ли мы здесь влияние шумерского на аккадский, или наоборот, сказать пока трудно.

Важную роль играет частица, вводящая прямую речь, ст.-акк. *'en-mā* (< **hin-mā*, **han-mā?*), позже (*'umḥā* 'вот что (говорит)'). В переводе эта частица нередко может быть опущена, так как просто соответствует открытию кавычек. Введение частицы (*'umḥā*) делает излишним глагол «говорить»: *'umḥā Sīn-idinnam-ma* 'вот что (сказал) С.' = *Sīn-idinnam 'ikbī 'umḥā (šū-ma)* 'С. сказал вот что'. Цитируемая прямая речь выделяется прибавлением время от времени энклитики *-mī* 'мол', '-де' к цитируемым словам.

Энклитическая частица *-mā* имеет подчеркивающее, выделяющее или идентифицирующее значение: *šū-ma* 'именно он', 'только он'; *'atta lū mūtī-ma* 'ты — воистину (именно и только) мой муж'; *kaḥḥadam-ma 'ilaḥḥē* 'только основную сумму он возьмет'; иногда имеет значение, близкое к глагольной связке: *nukurtum-ma* 'это — война!' В варианте *-mā* (под ударением?) усиливает вопрос: *iprus-mā* (или *'iprus-mā*) 'разве он разделил?'.

Частица *-man* (вав.), *-min* (асс.) выражает нереальность предположения: *šumma-man* 'если бы', *lū-man* 'если бы воистину так было', *'ullā-man* 'а то бы'.

«Да» выражается местоимением *'anna* (сокращенно из вин. пад. от *'annū*) 'так' или глагольным выражением *kēnā* 'верно' (асс.); «нет» — частицей *lā*, *lā-ma* или чаще — *'ulla* (субстантивировано из *'ul*); *'anna 'arālu* 'соглашаться', *'ulla 'arālu* 'не соглашаться', 'отрицать'.

4. Союзы. Важнейшими сочинительными союзами являются *'u* (< **ua*) и энклитика *-mā*. Союз *'u* не предполагает логической связи между соединяемыми словами и употребляется при простом перечислении: *'ina 'ālim 'u šerim* 'в поселении и в поле', или в значении 'а также' (например, при неоднородном перечислении), либо с элементом противопоставления в значении 'а': *'u Lagaš 'adi-ma tihāmtim in'ar* 'а Лагаш до самого моря истребил'.

Союз *-ma* выражает логическую связь и означает последовательность действий, или что одно действие вытекает из другого; он переводится 'и затем, и таким образом, и вследствие этого', реже 'но': *kaspam 'aknukam-ma 'uštābilakkum* 'серебро я опечатаю и затем послал тебе'; *'imērū 'ilūnim-ma 'izzazzū* 'ослы прибыли и (вследствие этого) стоят'; *'išsū-ninni-ma 'anna 'ul 'āpul* 'они звали меня (к себе), но «да» я не ответил'. Иногда аккадское сочинение соответствует при этом нашему подчинению: *'illikam-ma ... 'idū'ak* 'он пришел и затем убьет' = 'он пришел, чтобы убить'. Глагол с *-ma*, вынесенный перед периодом, соответствует деепричастию: *'išmē-ma ... 'illik-am* 'услышал и затем пришел' = 'услышав, он пришел', или условному придаточному предложению: 'если услышал ... то пришел'.

Нередко в аккадском встречается и бессоюзное сочинение.

Союз *'ū* (< **'au*) означает 'или': *šumma ... namkur 'ilim 'ū 'ekallim 'išriḫ* 'если ... имущество бога или дворца он украдет' (Законы Хаммурапи). Графически этот союз не отличается от *'u* и 'а также', а может быть, и фонетически совпал с ним. Иногда вместо него применяется *lū*. Для противительного сочинения целых предложений употребляется двойной союз *'ū lū* (сокращенно *'ūlu*, *'ul*, ст.-вав. диалект), или *'ūla*, *'ul* (ст.-асс. диалект). «Либо... либо...» выражается при помощи *lū... lū... или lū... lū... 'ū lū...; как между частями предложения, так и между целыми предложениями употребляется 'ū lū... 'ū lū... (вав.), 'ūla... 'ūla... (асс.), или же šumma... šumma...*

В качестве подчинительных союзов используются предлоги, а также имена и наречия в предложном употреблении: *'ištu* 'с тех пор как', *ḫarka* 'после того как', *lāma* 'до того

как', *'adi 'poḫa*, *'adi lā* (асс.) 'пока не', *kī* 'когда', 'если', 'так как', 'как', *kīma* 'как только', *'ašar*, *'ēma* 'там, где', *'aššum* (< *'ana šum* 'во имя') 'чтобы', *'ali* 'где', *'appiḫ* 'когда', *'ūm* 'когда', *'inūma* 'когда' и т. д. Кроме того, относительные придаточные предложения вводятся с помощью относительного местоимения (*nota genitivi*) *ša* (ст.-акк. *tū* и т. д.); *ša* может сочетаться и с предлогом: *kīma ša* 'так как', 'соответственно тому, что', *'ana ša* 'с тем, чтобы' и т. д.

Во всех этих случаях глагол придаточного предложения стоит в форме субъюнктива (сослагательного наклонения); лишь подчинительный союз *šumma* (< **si/um-mā*)¹⁰⁴ требует глагола в чистой форме Praeteritum (юссива) без каких-либо показателей.

5. Из междометий можно назвать: *'ē 'ol*, *'ū'a* 'увы!', *'ai(i)* 'ах!', 'ай!', 'увы!', *'aḫulāp* 'довольно!', 'хватит!', 'помилуй!', *gana* (из шум.) 'давай!', *'alkam* 'давай!', *'apputtum* 'пожалуйста!', 'скорей!' и др.

§ 8. Порядок слов

Нормальный порядок слов в аккадском: подлежащее — прямой объект — косвенный объект — сказуемое. обстоятельные выражения, относящиеся к предложению в целом, стоят перед подлежащим, а относящиеся к сказуемому — перед ним. Этот порядок слов восходит к шумерскому субстрату. Исконно семитский порядок слов со сказуемым на первом месте встречается в поэзии и изредка в именах собственных — предложениях.

Определительная конструкция может быть прямой (определяемое — определение-прилагательное, или определяемое в *status constructus* — определение-существительное в родительном падеже *status rectus*) и описательной с *nota genitivi* — *ša* (см. выше, гл. V, § 4, п. 8; гл. VI, § 5, п. 5). При этом *status constructus* должен непосредственно предшествовать

¹⁰⁴ Распространенное объяснение этой формы как статива породы D от корня **šim* 'устанавливать', 'решать судьбу' неприемлемо, так как глагол **šim*, по-видимому, не имеет породы D. К этому толкованию исследователи прибегали с целью объяснить отсутствие субъюнктива в предложениях, управляемых *šumma*, и наличие в них глагола в форме совершенного вида, когда ожидался бы вид несовершенный; поэту *šumma ... 'išriḫ* переводилось дословно как 'gesetzt, er hat gestohlen'. Однако аналогия с немецким здесь совершенно излишня. Суть дела в том, что *'išriḫ*, как объяснено выше (гл. V, § 10, п. 3), здесь не форма совершенного вида, а юссив; сама форма *šum-mā* фонетически вполне соответствует слову 'если' в других семитских языках (араб. *'in*, др.-евр. *'im*, араб. *hen*, *'in* — все из **šim*; обратить внимание на распределение форм с *-m* и с *-n* сообразно употреблению мимации или нунации в данном языке! Для перехода **šim-ma* > *šum-ma* ср. *'en-ma* > *'umma*, **imm-um* > *'umm-um*).

определянию; между ним и определением может стоять только отрицание *lā*; одно имя в *status constructus* может управлять несколькими именами существительными в родителном падеже: *bēl bitim 'eqlim 'u kirim* 'хозяин дома, поля и сада'; если определение само определено именем существительным, то могут стоять два *status constructus* подряд: *kurun šalmāt 'ummānāti-šu* 'куча трупов его воинов'. Приложение или определение-прилагательное к имени в *status constructus*, определяемому определением-существительным, ставится после такового: *mār šarrim rabi'um* 'сын царя старший'; если же определение-существительное вводится при помощи *nota genitivi*, то — до нее: *mārum rabi'um ša šarrim*. Местоименный притяжательный суффикс при определении после имени в *status constructus* может относиться не только к определению, но и к определяемому, если оно составляет одно понятие с определением *'ālik 'idī-ia* 'идуший моей стороны' = 'мой союзник'; *tuppi mārūtī-šu* 'документ его усыновления' = 'его документ об усыновлении'.

Nota genitivi ša может вводить родительный падеж без определяемого со значением 'то, что...', 'тот, который (принадлежит)': *ša rēšim* 'тот, что у головы' = 'придворный', 'евнух', *ša kīma N.* 'тот, что вместо N.', *ša šabātīm* 'то, что следует захватить'.

Придаточные предложения рассматриваются синтаксически как определение согласно § 4, п. 8 и поэтому вводятся либо именем в *status constructus* (или местоимением), либо относительным местоимением — *nota genitivi*, либо предлогом [как уже упоминалось, все предлоги в аккадском требуют, как правило, родительного падежа — на древнейших этапах языка иногда также локативно-адвербиального на *-u(m)*]. Если само относительное местоимение стоит в косвенном падеже, то это отражается на его форме только в староаккадском (см. § 5, п. 5; позже иногда в поэзии); впоследствии сохранилась только одна форма относительного местоимения для всех случаев — *ša*, но косвенный падеж этого местоимения выражается путем добавления «подхватывающего» местоименного суффикса в предложении: *ša 'iddinu-šum* 'который дал-ему' = 'которого дал'; *ša mārū-ša šeḥḥerū* 'которая, сыновья-ее малы' = 'сыновья, которой малы', *ša 'itti-šu nittalku* 'который, с ним мы ходили' = 'с которым мы ходили'. Объектные придаточные предложения нередко вводятся предлогом *kīma*: *kīma lā tublam 'ikbi'am* 'что ты не принес, он сказал мне' и т. д.

Подробнее о синтаксисе аккадского языка см. в грамматике В. фон Зодена, из которой в настоящей главе многое заимствовано.

§ 9. Поздние аккадские диалекты древней ступени (переходные к среднему состоянию)

1. Среднеавилонский и среднеассирийский диалекты (XVI—XI вв. до н. э.) в основном также относились еще к древней стадии. Характерными особенностями этих диалектов являются следующие (по В. фон Зодену и другим авторам):

2. Среднеавилонский: полная утеря мимации; *u* в начале слога отпадает (переходит в *'*), в других случаях переходит в *m* (может быть, чисто графическое явление). Сочетание *-št-* и отчасти сочетания *-zt-*, *-st-*, *-st-* дают *-lt-*, хотя нередки исторические написания, не отмечающие этого перехода. Гласные, разделенные «слабым» согласным, сливаются в один долгий (по приведенным выше, § 3, п. 3А, правилам) во всех случаях.

В области имени из живого употребления исчезают локативные падежи на *-iš* и *-u*, сохраняясь только в некоторых идиоматических выражениях.

В области местоимения постепенно стирается разница между объектными и косвенно-объектными формами местоимений; появляются новообразования в косвенных падежах самостоятельного местоимения:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>īāti, īāši</i>	<i>ni'āti, nāši</i>
2-е л.	м. р. <i>kāta, kāša</i>	<i>kātunu, kāšunu</i>
	ж. р. <i>kāti, kāši</i>	<i>*kātina, *kāšina</i>
3-е л.	м. р. <i>šu'āti/u, šāšu</i>	<i>šātunu, šāšunu</i>
	ж. р. <i>šu'āti/u, šāši</i>	<i>šātina, šāšina</i>

В области глагола характерно появление наряду со староавилонскими новых форм породы D: Praet. *'uperris*¹⁰⁵, Praes. *'uparras*, Perf. *'upterris*, Part. *muperrisu*; порода S: Praet. *'ušepris*, Praes. *'ušapras*, Perf. *'ultapris*, Part. *mušep-risu*; порода S+T: Praet. *'ultepris*, Praes. *'ultapras*, Perf. *'ultatapris*; порода N: Praet. *'ipparis*, Praes. *'ip'parris*, Perf. *'ittapris* и т. д.; имеется тенденция спряжения глаголов со средним корневым согласным ' как сильных (и по этому же образцу *'uza'iz*, *zu'uzu* от глагола *zuz* 'делить' в породе D). В изъявительном наклонении Perfectum — основная форма выражения совершенного вида (Praeteritum лишь как архаизм). Характерно слово *īānu* 'нет', 'не есть' (< ст.-вав. *'aīānum* 'где?'). Значительно изменяется состав служебных слов¹⁰⁶.

¹⁰⁵ В среднеассирийских эпиграфических текстах (под вавилонским влиянием?) также *'upiris*.

¹⁰⁶ В этой области наиболее важные особенности среднеавилонского диалекта: предлоги — *'ultu* 'из' (< *'ištu*), *ana meḥret* 'напротив',

3. Как уже упоминалось выше, во второй половине II тысячелетия до н. э. складывается так называемый младовавилонский литературный язык. Он сложился как чисто письменный язык на базе преимущественно среднеавилонского диалекта, но писцы, пользовавшиеся им, во многом, особенно в лексике и синтаксисе, стремились придерживаться классических норм еще старовавилонского времени. В то же время тексты, написанные по-младовавилонски, в том числе и списки литературных произведений еще начала II тысячелетия до н. э., обнаруживают множество неоднородных черт влияния местных диалектов соответствующего периода. По всем этим причинам младовавилонский письменный язык не представляет единства, и его нормы труднее изложить в плане истории языка, чем нормы живых диалектов, сохраненных нам письмами и деловыми документами, и поэтому мы не будем на нем специально останавливаться.

4. Среднеассирийский диалект характеризуется следующими основными чертами: полная утеря мимации¹⁰⁷; *ca-* > *'u-*; *-u-* между гласными пишется *-b-* или не пишется вовсе (или же пишется *-m-* по вавилонскому образцу: *a-ba-tu* < *'aḫātum* 'слово', *a-me-lu*, *a-i-lu* < *'aḫīlum* 'человек'); *-št-* > *-lt-*, *-kt-* > *-kt-*, *-šp-*, *-šb-* обычно > *-sp-*, *-sb-*¹⁰⁸. В области гласного состава характерны те же особенности, что и для староассирийского (отсутствие слияния двух гласных, разделенных «слабым» согласным, уподобление неударного *a* гласному последнего слога и т. п.).

В области именного словоизменения среднеассирийский существенно не отличается от среднеавилонского (но родительный падеж *-im* > *-e*).

В области местоимения возникает различие между объективными и косвенно-объективными формами; появляются новообразования в самостоятельном местоимении (см. табл. 8).

В области глагола наблюдается, как и в среднеавилонском, употребление Perfectum в значении формы совершенного вида в изъявительном наклонении; характерно последовательное употребление «ассирийского субъюнктива» *-ni* и начавшееся постепенное вытеснение глагола *našū* 'нести',

'ina muḫḫi 'относительно', *pān*, *'ina pān* 'перед', *'ana pān* 'y', *'ultu pān* 'от', *'ana tarši* 'к', *'ina tarši* 'к', 'при', '(на)против', *'ultu tarši* 'от'; подчинительный союз *kī* 'когда'; наречия — *'aḫāmiš* 'вместе', 'взаимно', *'ana* (*'itti*, *kī*) *'aḫāmiš* 'друг друга', *'aḫikā*, (*'a*)*jāna/u*, *'aḫāniš* 'где?', *'aḫeša* 'куда?', *'arka*, *'arkānu* 'затем', *kā* (< *ki'am*) 'так', *ka(i)jān(a)*, *ka(k)ada* 'постоянно', *'eninna/u* 'теперь'.

¹⁰⁷ При этом *-im* > *-e*.

¹⁰⁸ Также *sasū* < *šasūt* 'кричать'; sporadически происходит переход *-m-* (< *-u-*?) > *-n-* и *-n-* > *-t-* (*danānu* 'сила' > *da'ānu*), *-nt-* > *-t-* (*pentum* 'уголь' > *pentu* > *pe'tu*).

'носить' дефективным глаголом *naš* 'имеет в породе G только статив *naš(s-)*, императив *'iṣṣ(a)* и Perfectum *'ittasṣ(a)* и т. п.]. Изменяется состав служебных слов¹⁰⁹.

Таблица 8

Среднеассирийские личные местоимения

	Единственное число			Множественное число		
	прям. пад.	вин. пад.	дат. пад.	прям. пад.	вин. пад.	дат. пад.
1-е л.	<i>'anāku</i>	<i>jāti</i>	<i>jāši</i>	<i>nēnu</i>	<i>ni'āti</i>	<i>nāsi</i>
2-е л.	м. р. <i>'attā</i>	<i>kāta</i>	<i>ku'aša</i>	<i>'attunu</i>	<i>kunātunu</i>	<i>kūnāšunu</i>
	ж. р. <i>'attī</i>	<i>kāti</i>	?	<i>'attina</i>	?	?
3-е л.	м. р. <i>šūt</i>	<i>šu'ātu</i>	<i>šu'ašu</i>	<i>šunu</i>	<i>šunātunu</i>	<i>šunāšunu</i>
	ж. р. <i>šit</i>	<i>ši'āti</i>	<i>šu'aša</i>	<i>šina</i>	<i>šinātina</i>	* <i>šināšina</i> ?

Среднеассирийский диалект находился под значительным влиянием среднеавилонского; в текстах встречается немало вавилонизмов.

¹⁰⁹ Характерны: предлоги — *'ammar* 'соответственно', 'сколько ни' (вм. вав. *mala*), *'ištu*, *'ilte-* 'от', 'из', '(вместе) с', *'ištu muḫḫi* 'от', 'с (чего-либо)', *'adi muḫḫi* 'до', *'ina pān* 'перед', *'ištu pān* 'от', *'ana tarši* 'к', *ša berte* 'вместе', *battubattu* 'вокруг', *'ina pitte* 'y', 'в распоряжении', *'ana pitte* 'к'; наречия — *'annaḫa* 'здесь', *'ak(k)anni*, *'ana kanni* 'сейчас', 'дonna', *ḫaramma* 'затем', *'aḫā'iš*, *'iltēniš* 'вместе', *'ebērtān* 'по ту сторону' и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ VI
АККАДСКИЙ ЯЗЫК СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ

§ 1. Общие сведения

И в вавилонском, и в ассирийском диалектах нового периода (ок. 1000—600 гг. до н. э.) произошли существенные изменения как в грамматике, так и особенно в лексике, и эти диалекты, по-видимому, разошлись за пределы взаимного понимания. Оба они постепенно уступали свою роль общего разговорного языка населения Месопотамии арамейскому, который в Ассирии, судя по арамейским припискам-резюме на деловых документах, уже в конце VIII—начале VII в. до н. э. возобладал над аккадским, а после падения Ассирийской державы и вовсе вытеснил его. В Вавилонии тот же процесс происходил несколько позже, уже в поздневавилонский период (600 г. до н. э.—начало н. э.), но аккадский язык еще долго сохранялся в привилегированных городах Вавилонии, сначала как второй разговорный язык, потом как язык письменности. Арамейское влияние на аккадский прослеживается в отдельных чертах¹ уже с начала I тысячелетия до н. э., а во второй половине I тысячелетия до н. э. поздневавилонский диалект оказывается под сильнейшим арамейским влиянием.

Особая разновидность разговорного поздневавилонского (с ассиризмами, арамеизмами и некоторыми необъясненными особенностями) отражена в древнеперсидских трехязычных надписях VI—IV вв. до н. э.

§ 2. Фонетика

1. Состав согласных в новоассирийском, а также в новом поздневавилонском диалектах в основном тот же, что и в старовавилонском и староассирийском, однако с рядом изменений. Эти изменения в большинстве случаев трудно проследить по самому аккадскому материалу, так как писцы стремились выдерживать историческое правописание, однако на помощь

¹ Ср., например, ниже, о предлоге *lapan*.

приходят здесь древнееврейские транскрипции, восходящие к VIII—VII вв., арамейские транскрипции VII—V вв. и греческие транскрипции², имеющиеся в отдельных случаях уже для V в. до н. э. и сравнительно многочисленные для последних веков до нашей эры, а также отдельные древнеперсидские и эламские транскрипции V в. до н. э. Таким образом, иноязычные транскрипции дают возможность судить о произношении главным образом в поздневавилонском диалекте. Для того чтобы резче выявить фонетическое развитие, мы остановимся вначале именно на этом диалекте, отмечая его отличия от более ранних в тех случаях, когда мы о них можем судить.

2. В поздневавилонском диалекте старый неслогообразующий гласный *u* графически исчез совершенно, в начале слова давая ' или ноль³, а между гласными *m*; однако, судя по транскрипциям, сам *m* между гласными и, возможно, после гласных дал новый губно-губной звук⁴, который мы будем означать как *w* для отличия от старого *u*: греч. $\sigma\omega\eta = \text{šawē} < \text{šamē}$ 'небеса', греч. $\Sigma\alpha\omega\sigma\sigma\omega\upsilon\iota\nu^5 = \text{Šawaš-šuw-ukin} < \text{Šamaš-šum-ukin}$ [имя собственное: 'Шамаш имя (= наследника) утвердил'], др.-евр. 'wjl-Mrdk = 'Awīl-Marduk < 'Amīl-Marduk (имя собственное: 'человек Мардука').

Сочетание *-mt-* в вавилонском диалекте дает *-md-*, *-nd-*, в ассирийском *-nt-* > *-tt-* (вав. *amdaḥiṣ* 'я сразился', Perfectum G, асс. *attahiṣ*); в ассирийском также и перед рядом других согласных *m > n*: асс. *šalintu* 'благополучие' < *šalimtu*, *ḥuntū* 'спешка' < *ḥumtu*, *inḫut* 'упал', 'напал' < *imḫut*, *dunḫu* 'благо' < *dumḫu*, *etanru* 'видели' < *etamrū* и т. д., вав. *šalindu*, *imḫut*.

Глухие взрывные *p*, *t*, *k* в греческой транскрипции передаются придыхательными ϕ , θ , χ (= *ph*, *th*, *kh*); таково же, по-видимому, было произношение и звонких взрывных *b*, *d*, *g*, но, к сожалению, в данном случае греческий язык не имел средств отличать придыхательные β , δ , γ (= *bh*, *dh*, *gh*) от соответственных непридыхательных. Получали ли взрывные придыхание в поздневавилонском только после гласных и притом будучи неударенными, как это имело место, согласно масоретской традиции, в древнееврейском и арамейском, или во всех случаях, не вполне ясно; правда, греческие транскрипции дают не только $\sigma\omega\eta$ для **šuw-ukin*, $\varphi\sigma$ для

² В том числе вавилонские собственные имена в сочинениях греческих историков и астрономов V—I вв. до н. э. Особую ценность представляют учебные клинописные тексты на табличках эллинистического времени (IV—I вв. до н. э.) с греческими транскрипциями аккадских и шумерских глосс (изданы Т. Пинчесом, В. К. Шилейко и Э. Солльберже).

³ В ассирийском *u* > (')*u*-, или чаще, под вавилонским влиянием, (')*a*:- *wardum* 'раб' > *ardu* (формы типа **urdu* редки).

⁴ В ассирийском в отдельных случаях *-m-* (> *-u-*) > ноль: *damiktu* 'благо' > *de(')iktu*.

⁵ В рукописной традиции ошибочно $\Sigma\alpha\omega\sigma\sigma\omega\upsilon\iota\nu$.

īpuš 'сделал', *εχ* (= *ikh*) для *ik(u)* 'канал', *šubtu* для *šubtu(u)* 'жилище', *βελεδ* для *belt(u)* 'госпожа', но и *φαλαγ* для *palg(u)* 'арык', *ισφοχ* для *išpuk* 'налил', *μπερδ* для *mišert(u)* 'дождевая канава', *θαλ* для *tāl(u)* 'молодая пальма', а также *αδαφ* для *'atapp(u)* 'канава', *λιβιθ* для *libitt(u)* 'кирпич-сырец'. Но это явление может быть объяснено общим стремлением различать «неэмфатические» *p, t, k*, которые в известных условиях были придыхательными *ph, th, kh*, от «эмфатических» *t, k* (греч. τ, κ), которые никогда не бывали придыхательными. Некоторые исследователи предполагают, что возникновение придыхания при *p, t, k* (и *b, d, g*) в аккадском языке объясняется арамейским влиянием. Однако уверенности в этом нет. Дата этого явления также неясна, но во всяком случае оно было налицо к IV в. до н. э.⁶

Согласный *k* уже в средневавилонский период имел тенденцию переходить в *g* после *n* и *m* (*iškunga* = *iškun-ka* 'поставил тебя'; иноязычные транскрипции [др.-евр. *Tgltpl'sr* = *Tukulti-(')āpal-(')Ēšarra*, имя собственное: 'моя надежда — сын Эшарры (т. е. бог Нинурта)', *Srgwn* < **Srgyn* = *Šarrukīn*] указывают на произношение *k* как *g* также между гласными, но крайней мере в одном из диалектов; в аккадском письме это явление сколько-нибудь ясно не выражено. В ассирийском диалекте сочетания *-kt-, -gt- > -kt-, -gd-*.

Для вавилонского диалекта характерны диссимилиации удвоенных *-bb-, -gg-, -dd-, -hh-, -zz-, -ss-*: вав. *unambā* 'назовет', *imangur* 'согласиться', *inamdin, inamdan* 'отдаст', *mandattu* 'дань' (< *maddattu* < **ma-ndan-tum*), *inamhis* 'удалится', *manzazu* 'место', 'служба', асс. *imag(g)ar, iddan, mad(d)-at(t)u, maz(z)asu* и т. д.

Существенное отличие в консонантизме ново- и поздневавилонского диалекта, с одной стороны, и новоассирийского — с другой, заключается в судьбе сибилантов.

Вавилонский диалект строго сохраняет различие между *s* и *š* (< *š, ś, š, s*); сочетание *-št-* (а также, хотя и не столь регулярно, *-zt-, -st-, -st-*) дает *-lt-⁷*, а сочетания *-rt-* и *-rk-* > *št-, -šk-*; в арамейских заимствованиях из аккадского (видимо, из вавилонского) акк. *š* передается как *š || ś*, а *s* как *s* (однако *'Atūrā* = *Aššur* 'Ассирия'; отсюда и др.-перс. *Aθūra*)⁸.

⁶ Спорадическое написание *h* вместо *k* встречается еще в старовавилонском (и в новоассирийском) диалекте, но отражает ли этот факт это же фонетическое явление — неясно.

⁷ А равно *-št-, -zt-, -st-, -st- > -lt-, -šd-, -zd-, -sd-, -sd- > -ld-*. Такова же судьба и иноязычного *ś*: вав. *kaldāja* 'халдей', ср. др.-евр. *kašdi*.

⁸ И обратно — ассирийские транскрипции иноязычного *s* колеблются между *š* и *s* (последнее написание, возможно, под влиянием вавилонского литературного языка). Труднее установить, передавали ли ассирийцы иноязычное *š* как *s*.

В ассирийском диалекте, напротив, нередки случаи написания *s*, где этимологически ожидалось бы *š*, и наоборот, хотя в большинстве случаев мы встречаем исторические написания с *š* для этимологического *š*, и *s* для этимологического *s*. Древнееврейские и арамейские транскрипции колеблются, но в подавляющем большинстве случаев передают асс. *š* как *s* (*Tgltpl'sr* = *Tukulti-(')āpal-(')Ēšarra, Šlmnsr* = *Šulmān-(')ašarēd, Srgwn* = *Sarrukīn* и т. д.). Сочетания *-lt-, -ls-* (как исконные, так и возникшие из *-št-, -šs-*) в ассирийском диалекте всегда > *-ss-, -s-* (вав. *ilteniš* 'вместе', *ilsi* 'закричал', 'позвал', *lubult(u)* 'одежда', *ilteke* 'взял', *altakan* 'поставил' = асс. *i(s)šeniš, issi, lubussu, iseke, asakan*; ср. также вав. *iltur* 'написал', асс. *ištur*). Исключения составляют исторические написания для слов [*napissu*] 'душа' (пишется *na-piš-tu*), [*Isar*] 'богиня Иштар' (пишется *Isš-tar*), но настоящее чтение последнего слова выявляется из использования в урартском логограмме для богини Иштар как слогового знака *sar₃*, а также из ложно-этимологического написания урартского имени *Sarduri* как *Isš-tar-dūri* (акк. 'Иштар — мой оплот', чит. [*Isardūri*]) в ассирийских текстах.

В ассирийском диалекте нередко наблюдается также диссимилиация *z > s* в присутствии другого *z*: *ma(z)zasu* 'место', 'служба' < *manzazu*, и в начале слова: *zaqāru* 'выситься' > *zaqāru*.

3. В области вокализма наиболее характерным является отпадение всех кратких конечных гласных в ново- и поздневавилонском диалекте, в том числе в падежных и глагольных окончаниях. Это явление распространилось и на первоначально долгие гласные, сократившиеся, видимо, еще в средневавилонский период, в частности, на конечные гласные в единственном числе глаголов *ultimaef infirmaef* (*'ahri > ahri > aher*). Оно имело самые серьезные последствия для грамматики, так как по существу означало утерю внешней флексии и необходимость преобразования языка в сторону аналитического строя. В новоассирийском диалекте конечные краткие гласные не полностью отпали, но были редуцированы, однако сохранялось различие между (палатализованным?) окончанием родительного падежа (граф. *-i*) и окончанием именительного и винительного падежа (графически по большей части *-u*).

В связи с отпадением конечных кратких гласных в вавилонском диалекте, в частности падежных, возникает необходимость в облегчительных гласных для устранения двусогласного окончания слога; поэтому формы *status constructus* и *status praedicativus* начинают вытеснять формы *status rectus*: *šubtu* 'жилище' — [*šob(h)at(h)*], *beltu* (< **bēl-t-um* 'госпожа') > [*b(h)elet(h)*], *palgu* 'арык' > [*p(h)alag(h)*], *'atappu* 'канава' > [*at(h)ap(h)*], *libittu* 'кирпич-сырец' > [*lib(h)it(h)*], *šulmu* 'бла-

гополучие' > [šolom]. Это явление в нововавилонском диалекте еще сравнительно редко проявляется на письме, так как преобладают исторические написания; однако несоответствие их произношению видно из беспорядочного употребления, начиная с середины нововавилонского периода, падежных окончаний *-u*, *-i*⁹ и *-a* и форм различных status'ов, а также этимологически неоправданных гласных после форм с согласным исходом (*maršatti* вместо *maršat* 'больна'; *ḥarāšši*, 'копание', чит. [ḥarāš] < *ḥarāšu*).

Но и помимо облегчительных гласных, вводимых для устранения двусогласного окончания, встречаются этимологически излишние гласные: *li-ki-bi* = *likbi* 'пусть скажет', *a-pa-ta-laḥ* = *aptalaḥ* 'я боюсь, служу', *i-ki-bu-su-ni* = *ikbusūni* '(которые) ступили' и т. п., в особенности в соседстве со взрывными, эмфатическими и *l*, *r*; весьма характерен, особенно для новоассирийского диалекта, излишний (?) конечный *-i* в глаголе [читать *-ə* < *-a(m)* вентива¹⁰, ср. гл. VI, § 6, п. 11?]; ср. также асс. *ša ištār'rūni* < **ša i-štūr-u-ni* 'который он написал', *ša pakid'dūni* < **ša pak(i)d-ū-ni* 'которые поручены'.

Характерна передача в греческой транскрипции поздневавилонских *u*, *ū*, как *ο*, *ω* (т. е. *ο*, *ω*): *šubtu* 'жилище' = σὺβατ, *īruš* 'сделал' = ἰφος, *nūr(u)* 'свет' = φωρ. Это не является безусловным указанием на произношение *u*, *ū* именно как *ο*, *ω*, но безусловно указывает на открытое произношение этих гласных (в отличие от закрытых и передних греческих *ο*, *υ* = *ü*, *ū*, которые в поздневавилонском передаются как *i*)¹¹.

Для ассирийского диалекта продолжают быть характерными такие явления, как уподобление неударного *a* гласному последнего слога (*išappar* 'послал', *išappuru* 'послали', *arubu* < **arabu* 'араб', *aribi* 'арабы' и т. д.) и отсутствие стяжения гласных, разделенных «слабым» согласным: [*anni'u*, *ḥanni'u* = 'anni'u 'этот', вав. (')*annū*]. Впрочем, процесс этого стяжения, в вавилонском диалекте завершившийся еще в середине II тысячелетия до н. э., видимо, начинался и в новоассирийском диалекте.

Сохраняются и другие особенности ассирийского диалекта в области огласовки: вав. *ikul*, асс. *ēkul* 'он съел' (из **la-kul*), вав. (')*epēšu*, асс. (')*epāšu* 'делать' (корень **ps*).

Новоассирийский диалект избегает кратких ударных гласных в открытом слоге; после таких гласных нередко возни-

⁹ Также *-ni* вместо *-ni(m)* в вентиве (чит. [-*n*]) и т. п.

¹⁰ В то же время сама форма вентива в значительной мере теряет свое семантическое отличие от изъявительного наклонения.

¹¹ Греческая передача поздневав. *-awa-* как *-αω-* (т. е. *-αω-*: *šawaš* = Σαωσ-) и *-iwi-* (*-owo-*) как *-ου-* (т. е. *-ου-*: *šiwu-* = -ου-) объясняется особенностями греческой фонетики.

кает удвоение согласного: *'matti* 'мало' (< **maṭti*); ср. в вавилонском диалекте — удвоение последнего корневого согласного перед окончанием субъюнктива *-u*, особенно в паузе: *ša ip'russu* 'который разделил'¹².

Неударные гласные нередко дают неожиданные переходы: *ištār'rūni* < **ištūrūni*, *šitaprusu* < **šutaprusu*; по всей вероятности, это явление чисто графическое, и всюду в таких случаях нужно читать редуцированный гласный *ə*.

По-видимому, произошли значительные изменения в месте и, возможно, в характере ударения, но этот вопрос остается неисследованным.

§ 3. Имя

1. Имя в новоаккадских диалектах имеет, как и прежде, два рода, но практически только два числа¹³; от системы падежей в вавилонском сохранились только пережитки¹⁴, а в ассирийском в единственном числе различаются два падежа — именительный-винительный (графически *-u*) и родительный (графически *-e*, *-i*)¹⁵.

2. Во множественном числе имена в обоих диалектах не склоняются, причем в мужском роде окончания существительных *-ī* (асс. *-ē*)¹⁶ и *-āni* по большей части не чере-

¹² Быть может, здесь дело в изменении ударения в связи с фактическим отпадением конечного гласного? [т. е. изъявительное наклонение, возможно, звучало *'ip(h)rus*, *'ip(h)ros*, а субъюнктив *ip(h)'rus*, *ip(h)'ros* < **ip'rusu*, что графически и выражалось удвоением по аналогии с такими формами, как *'kunnū*?].

¹³ В отдельных словах сохраняется двойственное число [им. пад. *-ā(n)*, общекосв. *-ē(n)*], но общекосвенный падеж имеет тенденцию вытеснять именительный. Сохранение нунации в живом языке не бесспорно: *kātā/ē(n)* 'руки (кисти)', *idā/ē(n)* 'руки', 'стороны', 'бока', *šepā/ē(n)* 'ноги', *inā/ē(n)* 'глаза', *uz(u)nā/ē(n)* 'уши'. Однако это уже не живые формы; они ограничены определенной группой слов и, возможно, являются чисто литературными.

¹⁴ Далее всего держатся падежные окончания в именах от корней с последним «слабым» согласным, имевших стяженный долгий гласный на конце (*rabū* 'большой', род. пад. *rabē*, вин. пад. *rabā*); однако и здесь в дальнейшем происходит смешение форм окончаний; по-видимому, какой-то гласный на конце все же сохранялся здесь очень долго. В поздневавилонском все чаще начинают встречаться арамейские формы с определенным артиклем *-ā*, причем произносимый на конце гласный орфографически отличается от непроносимого *-a*, а равно от долгого *-ā* со значением местоименного суффикса 1-го лица, прибавлением нечитаемого слогового знака *-a'* (тоже по арамейскому образцу): *kas-pa-a'* = *kaspā* 'серебро'.

¹⁵ Отдельные имена перестали склоняться и в новоассирийском, например, *kišir* 'полк'.

¹⁶ Ассирийская форма на *-ē* проникает и в нововавилонский диалект (и наоборот — форма на *-ī* в ассирийский), особенно для имен с гласным окончанием в ед. ч.; в то же время окончание *-ī* имеет тенденцию сокращаться в *-i*.

дуются в зависимости от семантики (ср. гл. VI, § 4, п. 6), а закрепляются лексически каждое за определенной группой слов; окончание женского рода вав. *-āti*, асс. *-āte*; множественное число прилагательных образуется для мужского рода на *-ūti* (асс. *-ūte*), для женского — на *-āti* (асс. *-āte*).

3. Status constructus в вавилонском диалекте в большинстве случаев образуется в форме чистой основы, с восстановлением выпавшего гласного или с облегчительным гласным, повторяющим гласный предшествующего слога; лишь односложные слова от двусогласного корня и оканчивающиеся на долгий согласный, а также многосложные (кроме причастий) и часть односложных слов женского рода с окончанием *-t* после согласного получают окончание *-ə* (графически *-i*), которое в поздневавилонском отпадает (греч. передача *μῆτερθ*, вав. *mitert(ə)* 'дождевая канава'), хотя и продолжает писаться; слова, оканчивающиеся на долгий, возникший в результате стяжения, образуют status constructus на *-ə*, кроме тех случаев, когда старый status constructus имел окончание *-i*: *šarru* 'царь', st. constr. *šar*; *kunukku* 'печать', st. constr. *kunuk*; *kalbu* 'собака', st. constr. *kalab*; *šipru* 'работа', st. constr. *šipir*; *šulmu* 'благополучие', st. constr. *šulum*; *šarratu* 'царица', st. constr. *šarrat*; *beltu* 'госпожа' (< *beltum*), st. constr. *belet*; *šubtu* 'жилище', st. constr. *šubat*; *pāristu*, *muparristu* 'разделяющая', st. constr. *pārisat*, *muparrisat*; *damku* 'добрый' (< **damiku*, st. constr. *damik*; *abu* 'отец', st. constr. *abi*; *libbu* 'сердце', st. constr. *libbi*; *nidintu* 'дар', st. constr. *nidinti*; *kištu* (< *kištum*) 'дар', st. constr. *kišti*; *kabū* 'печь', (< *kabā'um*) 'печь', st. constr. *kabē*; *šušku* (< *šušku'um*) 'поднятие', st. constr. *šuškē*, но *rabū* (< *rabi'um*) 'главный', st. constr. *rab* (< *rabi*).

С отмиранием падежного окончания формы status constructus начинают употребляться в вавилонском диалекте вместо status rectus, однако не исключено, что разница в произношении между ними все же была (status rectus *šul-mu*, *šul-mi*, *šul-ma*, *šu-lum* — читать [*šulmə*, *šuləm*?]; status constructus *šulum* — читать [*šulum*?]).

4. Status absolutus (indeterminatus, praedicativus), за исключением стативных форм, по-видимому, употребляется только в застывших идиоматических выражениях.

5. Status pronominalis для имен, образующих status constructus с окончанием *-ə/i*, а также для причастий женского рода, образуется по типу *libba-š(u)*, *nidinta-š(u)*, *kišta-š(u)*, *pārista-š(u)*, *muparrista-š(u)*; имена, оканчивающиеся в status rectus на долгий гласный, а также имена от двусогласного корня и даже имена, оканчивающиеся на один согласный, но с долгим гласным в основе, возникшим при отпадении конечного «слабого» согласного, в течение длительного

времени продолжают в status pronominalis склоняться¹⁷: *rabū-š(u)*, *rabī-š(u)*, *rabā-š(u)*; *abū-š(u)*, *abī-š(u)*, *abā-š(u)*, *būšū-šu* (< **būšū-um* 'имущество'), *būšū-šu*, *būšā-šu*; в остальных именах status pronominalis совпадает в именительном и винительном падежах со status constructus.

Status pronominalis в родительном падеже образуется по правилам более старых периодов (ср. гл. VI, § 4, п. 9).

Status pronominalis для имен во множественном числе образуется во всех падежах обычно по типу *-ə-šu*, *-āni/ē-šu* для существительных мужского рода, *-āti/ē-šu* для прилагательных мужского рода, *-āti/ē-šu* для имен женского рода.

6. Образование status'ов в ассирийском диалекте в основном такое же, но облегчительный гласный для имен типа *libbu*, *nidintu*, *kištu* уподобляется гласному местоименного суффикса (поэтому *libbi-ni* 'наше сердце', *libba-ka* 'твое сердце', *libbu-šu* 'его сердце'), облегчительный же гласный для слов типа *šipru*, *šulmu* по большей части не *-i*-, *-u*-, а *-a*- (st. constr. *šipar*, *šulam*); по-видимому, вполне обычно форма status constructus (и, соответственно, status pronominalis) для многих из этих имен заменяется формой status rectus: *ardu šarre* 'раб царя', *ardu-ka* 'твой раб'.

§ 4. Местоимение

1. Формы личных самостоятельных местоимений в ассирийском диалекте в основном совпадают с приведенными выше (гл. VI, § 9, п. 4) для среднеассирийского диалекта¹⁸, однако следует отметить 1-е лицо единственного числа личного местоимения в прямом падеже *'annuku* и 1-е лицо множественного числа *anēnu*, *anennā* [последнее местоимение встречается и в ново- и поздневавилонском — по аналогии с араб. *'anahnā?* — наряду с *nīn(ə)*]. В поздневавилонском имеются специальные формы предикативного личного местоимения 3-го лица: *iššū*, *iššī*, *iššun(u)*, *iššin(i)*.

Формы винительного и дательного падежей самостоятельных местоимений применяются безразлично для любого косвенного падежа.

2. Существует самостоятельное притяжательное местоимение: асс. — ед. ч. 2-е л. *ikkū*, 3-е л. *iššū*, мн. ч. 2-е л. *ikkānū*, 3-е л. *iššanū*, вав. — ед. ч. 1-е л. *attū'a*, 2-е л. м. р. *attāka*, ж. р. *attāki*, мн. ч. 2-е л. *attākun(u)* и т. д.

3. Притяжательные суффиксальные местоимения — см. табл. 1.

¹⁷ Употребление падежных форм часто неправильно.

¹⁸ Н.-асс. местоимение 3-го лица *šūt(u)*, *šit(u)*, возможно, употребляется и для косвенного падежа; напротив, для именительного падежа нередко употребляются вавилонские формы *šū*, *šī*.

Притяжательные суффиксальные местоимения

Число	Лицо и род	Ассирийские	Вавилонские
Единственное	1-е л.	-ī; -īa ¹	-ī, -ā ² ; -īa ²
	2-е л. { м. р. ж. р.	-ka -ki	-k(ə) (граф. -k, -ka, -ku) -k(ə), (граф. -k, -ki, -ka, -ku)
	3-е л. { м. р. ж. р.	-šu -ša	-š(ə) (граф. -š, -šu) -š(ə) (граф. -š, -ša, -šu)
Множественное	1-е л.	-ni	-(a)n(ə), -an (граф. -ani, -anu, -ana, -ni, -nu, -na)
	2-е л. { м. р. ж. р.	-kunu -kina	-kun(ə) -kin(ə)
	3-е л. { м. р. ж. р.	-šunu -šina	-šun(ə) -šin(ə)

Примечания. 1. Правило употребления -ī и -īa, см. гл. VI, § 4, п. 9В, и § 5, п. 3.

2. -ā вполне обычно и при именительном падеже имени, оканчивающегося на «сильный» согласный.

4. Объектные и косвенно-объектные суффиксы в вавилонском диалекте сохраняются прежние (см. гл. VI, § 9, п. 2), с той разницей, что мимация в суффиксах 1-го лица дательного падежа утерялась, а конечные гласные редуцировались, а затем и вовсе отпали, в связи с чем встречаются написания -šu вместо -š(i) 'ее', -kunutu, -šunutu вместо -kunut(i), -šunut(i) 'вас', 'их'; суффиксы винительного и дательного падежей не всегда строго различаются; объектный суффикс 1-го лица обычно -anni, также -anpi, -inpi, после гласного -ninni¹⁹.

В ассирийском диалекте объектные суффиксы следующие:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-ni (дат. пад. -a, -ne ²⁰)	-nāni
2-е л. { м. р. ж. р.	-ka	-kunu (с субъюнктивом -kanu-ni)
	-ki	-kina
3-е л. { м. р. ж. р.	-šu	-šunu (с субъюнктивом -šanu-ni)
	-ši	-šina

¹⁹ И в результате диссимиляции -'inni.

²⁰ -a — после согласного, -ne — после гласного.

Формы собственно дательных суффиксов в ассирийском диалекте встречаются редко и, по всей вероятности, должны рассматриваться как вавилонизмы.

5. Основные указательные местоимения: асс. (*ḥ*)anni'u, 'anniḥu²¹ 'этот' [ж. р. (*ḥ*)annūtu, мн. ч. м. р. (*ḥ*)annūte, ж. р. (*ḥ*)ann(i)āte]; 'ammi'u, 'ammiḥu 'тот' (словоизменение то же); вав. āgā, agāla 'этот' (annū только литературная форма) [ж. р. agāt(u), мн. ч. ж. р. agannūt(i), ж. р. agannet(i), agāt(i)]; ullū 'тот'.

6. Относительное местоимение (оно же nota genitivi, подчинительный союз) звучит ša для обоих диалектов. В качестве подчинительного союза оно получает исключительно широкое распространение (отчасти, может быть, под влиянием аналогичных функций арамейского dī), прибавляясь к другим подчинительным словам (например, kī ša в смысле 'когда' вместо простого kī) или просто заменяя их; поэтому ša может означать не только 'который', но и 'относительно', 'поскольку' и даже 'если' и др.; в ассирийском диалекте ša может стоять и не непосредственно после слова, к которому оно относится.

7. Вопросительные местоимения сохраняются те же, что и прежде: tamni, вав. tamnā 'кто?', minū 'что?' (в новоассирийском minū в прямом, mīni в косвенном вопросе, в то время как в среднеассирийском minū в обоих случаях), aḥu (граф. a-a-ū, ḥa-ū), (a)ḥutta 'который?', 'какой?'; tamni и minū употребляются также как неопределенные местоимения 'кто-нибудь', 'что-нибудь', в вавилонском — наряду со старыми формами tamman, mimma (в ассирийском чаще tetēni, tetēni из tēnitēni); также tamtamni-šuni, mimmamni-šuni 'кто-нибудь из них'; ср. также вав. mala, mimma, асс. ammar 'все', 'сколько ни', асс. ḥamuttu 'всякий' (< aḥu mutū 'какой муж').

§ 5. Глагол

1. Основные глагольные формы и характер глагольного словоизменения в ново- и позднеавилонском и в новоассирийском для «сильного» глагола в целом сохраняются прежние (см. гл. VI, § 6, пп. 2, 3, 6; § 9, пп. 2, 4), появляются лишь следующие новые черты:

а) несколько более частое, чем ранее, образование императива породы G по типу purus, purussī, мн. ч. purussā; pikid, pikiddī, мн. ч. pikiddā вместо purus, pursī, мн. ч. pursā; pikid, pikdī, мн. ч. pikdā; Praecativus 1-е л. мн. ч. niprus (вместо ī niprus);

²¹ Графически (*ḥa*-)an-ni-ū, (*ḥa*-)an-ni-'u-u, (*ḥa*-)an-ni-īa-u.

б) в ново- и поздневавилонском формы породы D: Praet. *uperris*, Perf. *upterris*, Praes. *luperris*²², наряду с *uparris*, *uptarris* (acc. Imperf. *parris*, Inf./Part. stat. *parrus*-, как прежде);

в) в новоассирийском развитие новой породы D+T+T из Perfectum породы D+T: Praes. *uptatarras*, наряду с Perf./Praet. *uptatarris* = Perf. D+T;

г) в ново- и поздневавилонском формы породы S: Praet. *ušepriš*, Perf. *ultepriš*, наряду с *ušapriš*, *ultapriš*, Praes. *ušapras*, в новоассирийском Perf. *us(s)apriš* (acc. Imperf. *šapriš*, Inf./Part. stat. *šaprus*-, как прежде);

д) в ново- и поздневавилонском формы породы S+T: Praes. *ultapras*, *ultaparras*, *ultanapras*, Praet. *ultepris*, *ultapris*, Perf. *ultetepriš*, *ultatapriš*, в ассирийском формы Praes. *us(s)apras*, *us(s)aparras*, *us(s)anapras*, Praet. *us(s)apriš*, Perf. *us(s)atapriš*;

е) в ново- и поздневавилонском формы породы N: Praes. *ipparris*, Praet. *ipparis*, Perf. *ittapriš* (наряду с *ipparras*, *ipparis*, *ittapras*) не только для глаголов типа *ipkid*, *ipakkid*, но и для глаголов типа *iprus*, *iparras*;

ж) окончания множественного числа глагола *-ū* и *-ā* и женского рода 2-го лица единственного числа *-ī* сокращаются, но не отпадают (в поздневавилонском часто пишутся с графическим ' на конце); все остальные гласные окончания начинают отпадать в новоассирийском и нововавилонском диалектах и полностью отпадают²³ в поздневавилонском; тем самым исчезает различие между изъявительным наклонением, сослагательным наклонением (субъюнктивом) и вентивом (ср. потерявшее функциональное значение окончание вентива *-ə/i* в новоассирийском и нововавилонском).

з) в поздневавилонском (под арамейским влиянием) вновь появляются формы 3-го лица женского рода типа *ta-prus*;

и) в новоассирийском утеряны формы вентива (запретительного наклонения) на *'al(-) || 'e*: *lū lā iprus* 'пусть не разделит' вместо более старого *'al(-)iprus*.

Наряду с этим в ассирийском диалекте сохраняются характерные прежние особенности: 1) перегласовка *a:e* только в непосредственном соседстве с бывшим ' , *h*, *γ*; 2) префикс *ē* в 3-м лице глаголов с первым корневым ' вместо *ī*- в вавилонском диалекте; 3) уподобление неударных *a* в открытом слоге конечному гласному: G ед. ч. Praes. *iparras*, мн. ч. *iparrusu*, T Praes. *iptaras*, *iptikid*, *irtupud*, мн. ч. *iptarsu*, *iptakdu*, *irtapdu* (но также *ipturusu* и т. п.), G Praes.

²² Вместо более старого *liparris*; для ассирийского диалекта форма *liparris* была и ранее характерна как для 1-го, так и для 3-го лица.

²³ Хотя на письме иногда и сохраняются в порядке исторического или псевдоисторического написания (во всех наклонениях).

ubbal, мн. ч. *ubbulu* (корень *ubl*) и т. д.; 4) субъюнктивный показатель *-ni*.

2. Существенные изменения наблюдаются в связи с фонетическим развитием в отдельных группах глаголов:

а) глаголы с первым корневым согласным *m*: Perf. G вав. *imdahaš*, асс. *ittahaš* 'ударил', и аналогично в других формах с инфиксом *-ta-*;

б) глаголы с первым корневым согласным — сибилантом или *l*: Perf. G вав. *iltakan*, асс. *issakan*, 'положил', вав. *ilteke*, асс. *iseke* 'взял' и аналогично в других формах с инфиксом *-ta-*;

в) глаголы с повторяющимися вторым и третьим корневыми согласными (Verba secundae geminatae): асс. G Praet. мн. ч. *i(d)dabbū* наряду с *idbubū* 'сказали', императив мн. ч. *dubbū* 'говори', статив *dāna* (корень *dnn*) 'силен';

г) глаголы с первым корневым *u*: в ассирийском породе G Perf. *ittābil* 'принес', мн. ч. *ittublū*, в ново- и поздневавилонском G Praecativus 1-е и 3-е л. *lūbil* 'пусть принесет'²⁴;

д) глаголы со средним корневым «слабым» сохраняют старые формы (в ассирийском — все еще без стяжения гласных в Praesens, Perfectum и Infinitivus G: так, от глагола 'быть верным, твердым': *iku(u)an*, *iktu(u)an*, *ku(u)ānu*). В породе D в ассирийском диалекте встречаются формы, образованные по образцу «сильных» глаголов: Praes. *ukaḫaš*, Praet. *ukaḫiš* 'подарит', 'подарил';

е) глаголы с третьим корневым «слабым» сокращают конечный гласный: *ibni* 'построил', *imnu* 'причислил', *ikla* 'удержал', мн. ч. асс. *ibni'u*, *imnū*, *ikla'u*, вав. *ibnū*, *imnū*, *iklū*. В поздневавилонском диалекте конечный гласный отпадает вовсе с образованием нового облегчительного гласного перед вторым корневым согласным: *iḫrī* 'вырыл' > *iḫri* > *iḫer* > *eḫer*, в греческой передаче *εἴερ*, мн. ч. *i/eḫru*; таким образом (за исключением случаев исторического написания), стирается разница между глаголами с третьим и со вторым корневыми «слабыми»;

ж) в поздневавилонском, под влиянием арамейского, по-видимому, восстанавливаются согласные ' и ' в некоторых корнях (в основном имеющих также и в арамейском); графически обозначаются как ' ²⁵; отсюда такие формы, как Praes. G *te'elli* 'поднимается' (корень *'li) Imperf. S *šure'im* 'смилюсь' (корень *r'm*) и т. п.

²⁴ Обратит внимание на асс. *ūda* 'знает' при вав. *īdi*.

²⁵ Может быть, все же и произносился только '. Во всяком случае новое появление согласного ' , если оно и имело место, было непродолжительным, так как, с другой стороны, сами арамейские диалекты на вавилонской территории в дальнейшем под аккадским влиянием потеряли '> '.

§ 6. Служебные слова

1. Набор служебных слов в вавилонском и ассирийском диалектах почти полностью различен. Сравним некоторые наречия (неточность в толковании их особенно затрудняет понимание диалектных текстов).

Ассирийский	Вавилонский	
<i>aġak(a)</i>	<i>ēka, ēkān(u), iānu,</i> <i>a(i)ia</i>	'где?'
<i>aġeša</i>	<i>ē'eš, ana ēka, ana ēkān</i>	'куда?'
<i>issu aġaka</i>	<i>ultu iānu</i>	'откуда?'
<i>aġakamēni</i>	<i>ēkā-ma</i>	'где-нибудь'
<i>(h)annaka</i>	<i>aganna, akanna</i>	'здесь'
<i>ammaka, aḥula</i>	<i>aganna-ka, akanna-ka</i>	'там'
<i>ana (h)anniša</i>	<i>ana ag/kanna</i>	'сюда'
<i>issunaka</i>	<i>ultu ag/kanna</i>	'отсюда'
<i>issumaka</i>	<i>ultu ag/kanna-ka</i>	'оттуда'
<i>elīš, elānu</i>	<i>elīš, elēn(u)</i>	'наверху'
<i>ana elīš, ana elā-</i> <i>niš</i>	<i>ana elēn(u)</i>	'наверх'
<i>issu elāni</i>	<i>ultu elēn(u)</i>	'сверху'
<i>šapliš</i>	<i>šaplān(u)</i>	'внизу'
<i>ana šapliš</i>	<i>ana šaplān(u), ana</i> <i>šaplāniš</i>	'вниз'
<i>bītānu</i>	<i>libbānu, ḫerbenu</i>	'внутри'
<i>bābānu</i>	<i>kidānu</i>	'снаружи'
<i>ebertā?</i>	<i>aḥannā</i>	'на той стороне'
<i>immate</i>	<i>immati</i>	'когда?'
<i>matēma</i>	<i>immati-ma</i>	'когда-нибудь'
<i>annūri(g)</i>	?	'только что'
<i>ūtā, akanna/i</i>	<i>adū, enna, in(a)gā</i>	'теперь'
<i>ḫaramme, iddāte</i>	<i>arkāniš, arkiš</i>	'затем'
<i>udīni lā</i>	<i>adi lā</i>	'до сих пор'
<i>ana ḫur, aḥḫur,</i> <i>bis</i>	?	'отныне'
<i>tūra</i>		'опять'
<i>ina pitte, ippitte</i>	<i>ana pitti, appitti</i>	'сейчас же', 'спешно'
<i>arḫiš</i>	<i>ḫantiš</i>	'быстро'
<i>kittu</i>	?	'вправду'
<i>iāb?</i>	<i>bani</i>	'хорошо'
<i>aġak(a), kī</i>	<i>kī, kī-kī, appā'i</i>	'как?'
<i>kīna</i>	<i>annu</i>	'да'
<i>lā, laššu</i>	<i>ullu, iānu,</i>	'нет'
<i>atā</i>	<i>minā</i>	'почему?'
<i>issurre</i>	<i>mindē(-ma)</i>	'может быть'
<i>ana danniš, ad-</i> <i>danniš</i>	<i>danniš, ma'diš, kī</i> <i>mādē</i>	'очень'

aḫā'iš, issaḫiš *aḫāmiš*
timāle, ittimāle *amšāla*
ina šī'āre, išši'- *ina ša šeri, urra?*
āre
šaddaḫdiš *šaddaḫiš*

'вместе'
'вчера'²⁶
'завтра'²⁷
'прошлый год'

2. Предлоги и их употребление также различаются в отдельных диалектах. Помимо упомянутых выше старо- и средневавилонских и ассирийских предлогов и предложных выражений (гл. VI, § 7, п. 2, § 9) появляются и новые; таковы нововавилонские предлоги *alla* (< *ana lā*) 'сверх', 'более чем' и *lapān* 'перед', 'от' (из арамейского; изредка употребляется и арамейский проклитический предлог *la-*, *li-* вместо *ana*), *elāt* 'кроме', *ša lā* 'без', *taḫē* 'рядом', 'около', *adi libbi* 'до', *ana ḫereb* 'в', 'внутри', *ultu libbi*, *ultu ḫereb* 'из', *ultu muḫḫi* 'от' и др.; ассирийские предлоги: *basi* 'сразу после', (*ina*) *battibatte* 'вокруг', *bīt* 'у' (по В. фон Зодену), может быть лучше или *bid* (по С. Ильвисакеру), *berte/i* 'между', *šuḫ* 'относительно', *teḫi* 'рядом' и др.; общие для обоих диалектов предлоги: *ina pānātu-* 'перед', *kūm(u)*, *ana kūm* (поздневав. *kūw, kū*) 'вместо' и др.

Ряд предлогов приобретает новую форму, например: *adu* 'до' (асс.; старая форма *'adi*), *aki* (*akki, ak*) 'как', 'подобно' (старая форма *kī*), *aššu* 'из-за', 'ради' (вав., старая форма *'aššum*), *issu* (асс.) или *ultu* (вав.; старая форма *'ištu*), *issi* или *issu* 'с' (асс.; старая асс. форма *'išti*); или новое значение: так, *ana* под арамейским влиянием начинает применяться для выражения не только дательного, но и винительного падежа; ср. также *ana pān* 'перед', 'у' (вав.) и др.

Постепенно выходят из употребления ранее очень распространенные предлоги *eli* 'на', 'над' и *maḫar* 'перед', заменяясь синонимичными *muḫḫi* и *pān*.

3. Частицы отрицания и подтверждения. Новоассирийский диалект не знает отрицаний *ul* и *aī* || *ē*; единственной частицей отрицания является *lā*.

Подтвердительная частица *lū* 'воистину', 'поистине' сохраняет свое прежнее значение в обоих диалектах.

Прямая речь в вавилонском диалекте вводится, как и прежде, частицей *umtā*; в ассирийском для введения речи 1-го лица единственного числа употребляется частица *muk(u)*, множественного числа — частица *nuk(u)*, 2-го и 3-го лица —

²⁶ Ср. также асс. *iššaššūme* (< *ina šalše ūme*) 'позавчера', 'третьего дня', *kallamāre* (< *kala lā 'amārim* 'пока ничего не видно'), 'рано поутру'.

²⁷ Ср. также асс. *kī bāde, ša bāde* 'под вечер', (*ina*) *lidīš, illidīš* 'позавтра'.

частица *tā*; последняя неоднократно повторяется в цитируемой речи.

Подчеркивающая энклитика *-ta* применяется главным образом в ассирийском диалекте, где она означает 'тоже' или 'только'.

4. Союзы. Система сочинительных союзов в вавилонском диалекте остается прежней (см. гл. VI, § 7, п. 4). Характернейшей чертой ассирийского диалекта является отсутствие энклитики *-ta* при глаголе в значении союза. Единственный новоассирийский сочинительный союз — *u*; 'или', 'либо' новоассирийски звучит *ulā*.

В области подчинительных союзов нововведения наблюдаются также главным образом в ассирийском диалекте.

О чрезвычайно широком употреблении подчинительного *ša* уже говорилось. Очень широко применяется также *kī* (которое при этом теряет свое предложное значение): 'когда', 'как', 'что' (вав. также 'если'); большинство прочих подчинительных союзов различно в том и другом диалекте: для ассирийского характерны: *bit* (*bid?*) 'там, где', 'там, куда', 'то, что', 'так как', 'поскольку' [также *issu bit* 'с тех пор как', *adu bit* 'пока (не)'], *immat(e)* 'когда', *kīma* 'когда', *nēmel* 'вследствие того, что', *udini lā* 'пока не'; для вавилонского — *adi* 'пока (не)', *adi lā* 'прежде чем', *ašar* 'там, где', *em(a)* 'всюду там, где', *aššu* 'из-за того, что', 'ради того, что', *ultu* 'после того, как', *immati* 'когда' и др.; *šumma* 'если', как и прежде, не требует субъюнктивной формы глагола, но в новоассирийском, как правило, этот глагол стоит не в Praeteritum (юссиве), а в Perfectum (на более ранних этапах истории языка Perfectum употребляется лишь при гипотетическом условии).

ГЛАВА VII

СЕВЕРНОЦЕНТРАЛЬНЫЕ СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ ДРЕВНЕЙ СТУПЕНИ

(ДРЕВНЕХАНААНЕЙСКИЙ, АМОРЕЙСКИЙ,
УГАРИТСКИЙ)

§ 1. Общие сведения

1. Все семитские языки на древней ступени были очень близки между собой в грамматическом отношении, представляя собой скорее все еще только диалекты общесемитского; несколько большие расхождения между отдельными группами наблюдаются в области лексики; тем не менее и здесь, как уже указывалось, имеется две-три сотни слов, общих для всех групп, и много сот слов, общих не менее чем для двух групп. Ниже мы будем рассматривать только языки северноцентральной группы, но в примечаниях отметим важнейшие особенности также древних языков южноцентральной (арабской) и южнопериферийной групп.

Нам известно три языка (или диалекта) северноцентральной группы семитских языков древней ступени. Все они принадлежат к ханаанейской подгруппе. Это — древнеханаанейский, аморейский и угаритский. Несомненно, что существовали и другие языки и диалекты.

2. Древнеханаанейский¹ — язык (или группа диалектов) населения Палестины (нынешних Израиль и Иордания) и Финикии (нынешнего Ливана) II и, вероятно, III тысячелетий до н. э. Своей письменности древнеханаанейский язык не имел²; в случае необходимости местные писцы пользовались

¹ Термин этот — условный. В древности Ханааном (акк. *Kināḫḫu*, *Kināḫḫi*, др.-евр. *Kēna'an*) называлась Финикия и иногда Палестина, однако те же области назывались также *Amurru*, *Ḥatti* и т. п.; древние евреи называли ханаанеями финикийцев и доеврейское население Палестины. Термин этот, как полагают, значил «Страна пурпурной краски», которой славилась Финикия. Сами ханаанеи обычно называли себя по той или иной общине («сидоняне», «тиряне» и т. п.), однако и термин «ханаанеи» был распространен среди них в качестве самоназвания (в том числе и в цупической Африке).

² Возможно, письменностью, выработанной для древнеханаанейского языка, была синайская и близкая к ней протопалестинская; однако это еще спорно; к тому же, по-видимому, эта письменность не успела получить широкого распространения.

древнеегипетским или аккадским письмом и языками, для которых эти системы письменности были созданы. Однако до нас дошли в древнеегипетской и аккадской передаче древнеханаанейские собственные имена. Кроме того, в переписке, которую вели древнеханаанейские общинные правители и вожди с египетским фараоном (на аккадском языке), сохранившейся в египетском государственном архиве начала XIV в. до н. э. на городище Телль-эль-Амарна, содержатся древнеханаанейские глоссы. В некоторых случаях писцы, не будучи уверены, что ими правильно употреблен тот или иной аккадский термин, или что корреспондент его правильно поймет, приписывали древнеханаанейский перевод этого термина в аккадской транскрипции, помечая его специальным значком (так называемым *Glossenkeil*). Помимо этого, и сам аккадский язык, который употребляли эти писцы, был сильно окрашен ханаанизмами: писцы нередко употребляли ханаанейские слова вместо аккадских, или общесемитские слова в их ханаанейском, а не в аккадском значении, а также ханаанейские грамматические формы вместо аккадских. Извлекаемые отсюда сведения о древнеханаанейском языке и его грамматике изучены Ф. М. Т. Бёлем и другими.

3. Аморе́йский³ язык — язык скотоводческих, преимущественно неоседлых племен Сирийской степи и отдельных районов Месопотамии конца III—первой половины II тысячелетия до н. э. Язык этот также был бесписьменным и известен только по многочисленным собственным именам, сохранным в шумерских и аккадских клинописных документах. Можно было бы думать, что этого материала совершенно недостаточно для суждения о языке, но это не так. Дело в том, что древневосточные имена (кроме индоевропейских и более поздних семитских) представляют собой по большей части двух- и трехчленные полные предложения, как правило, без каких-либо усечений и стяжений: например, акк. *Mannum-balim-Šamaš* 'кто (существует) без (бога) Шамаша?', *Habil-kinum* '(увы,) погиб настоящий' (имя сына, родившегося после смерти первенца), *Imgur-Sin* 'согласился (бог) Син', *Sin-ahḫe*

³ Этот термин также условный. По-аккадски **Amurru* (шум. MAR.TU) означало «Сирия», а также «запад» вообще; словом **amurri'um*, *'amur-ri* обозначались аккадцами западные семитские скотоводческие племена, которые в действительности носили различные самоназвания и, по всей вероятности, говорили на нескольких различных диалектах. Среди прочих племен выделялась группа племен *Suti'um*, или *Sutū* (в нарицательном значении *sutū* значит «кочевники» вообще). Этот термин сохранился в Библии в виде имени племенного предка, патриарха Сифа, сына Адама (др.-евр. *Šēt*), к которому, по-видимому, возводили себя в известный период и древнееврейские племена. Термин «амореи», или «аморитяне», также встречается в Библии (др.-евр. *'ēmrī* < **amurri*).

-riba '(бог) Син, братъев прибавь!' и т. п.; амор. *Ḷakrub-'Il* 'благословил (или пусть благословит) бог', *Manna-baltē-'El* 'кто без бога?', *'Abdā-ba'latī* 'раб моей госпожи', *Liḷa-šitru-hu* 'у меня — его *šitru*', *'Ila-* (или *'Ilāh-)**kabkabu-hu* 'бог — его звезда', *La-na-Dagān* 'нам — (бог) Даган', *Dū-'ila* (или *'ilāh*) 'тот, что (принадлежит) богу', *Bi/unu-kala-ilī(m)* 'сын всех богов', *Hamī-tanū'ḫ* 'мой тесть (прозвище божества), ты успокоился!', *Tūb-na-'Il* 'вернись же, боже!' или 'повернись (к) нам, боже!' и др.

Таким образом, наличие нескольких сотен собственных имен равносильно записи нескольких сотен предложений, что уже представляет собой довольно основательный материал для изучения основных черт грамматики данного языка. Реконструкцией аморейской грамматики занимались Т. Бауэр и И. Гельб. По-видимому, существовало несколько довольно сильно различавшихся аморейских племенных диалектов; в наличном материале отражены говоры главным образом наиболее восточной, месопотамской группы аморейских племен (и отчасти говоры северной Сирии — Алалаха).

4. Угаритским языком условно обозначается североцентральный (западноеврейский) язык, употреблявшийся в середине II тысячелетия до н. э. в городе-государстве Угарит, на самом севере финикийского побережья, против оконечности о. Кипра (ныне городище Рас-Шамра в Сирии). Здесь в 1930 г. был найден архив документов, написанных совершенно особым клинообразным квази-алфавитным письмом⁴. С шумерской и аккадской клинописью оно имеет только то общее, что для писания использовались глиняные плитки (так называемые таблички, или таблетки) и что штрихи, из которых складывались знаки, имели клиновидную форму, чему причиной — сам характер писчего материала. Генетически угаритское письмо с аккадской клинописью, по-видимому, не связано; подробнее см. гл. VIII, § 2, п. 6 и 11. Большинство текстов, представляющих собой частью хозяйственные документы, частью религиозно-эпические произведения, написано на семитском языке, некоторая часть — на хурритском. В архивах имеются также хозяйственные, юридические и дипломатические документы на аккадском языке; в них, между прочим, встречаются отдельные слововые транскрипции угаритских собственных имен и слов.

⁴ По существу это письмо является слоговым, однако слоги с разными гласными различаются в нем лишь в сочетании с согласным; остальные знаки обозначают данный согласный с любым или с нулевым гласным. Специальных знаков для отдельного обозначения гласных звуков в угаритском письме также нет. Поэтому в транскрипции огласовка указывается только в соседстве с '; в остальных случаях текст воспроизводится без огласовки.

Отдельные короткие надписи «угаритские» письмом найдены и в других местах, в том числе в Палестине; не исключено, что и соответственный язык был распространен и за пределами собственно города Угарита, но определенных данных об этом не имеется.

В научной литературе высказывалось сомнение в правомерности отнесения угаритского языка к числу северноцентральных (западносемитских); указывалось на ряд лексических сходжений с языками южных групп и с аккадским, а также на ряд грамматических черт, роднящих угаритский скорее с аккадским, чем с древнееврейским и финикийским (т. е. с наиболее известными представителями ханаанейской подгруппы северноцентральных семитских языков), — сюда относятся такие черты, как слабое развитие «нового перфектива», имеющего много сходства с аккадским стативом, перфективное значение неполногласных глагольных форм с префиксальным спряжением, возможное наличие полногласного префиксального спряжения — «старого имперфектива» типа аккадского *Graesens*, хорошая сохранность общесемитской фонологической системы и т. п. Однако все эти особенности следует относить не за счет группы семитских языков, к которой принадлежит или не принадлежит угаритский, а за счет древней ступени, на которой мы его застаем. В основном те же особенности были свойственны и другим северноцентральному языкам на древней ступени — древнеханаанейскому и аморейскому.

В виду того что огласовка угаритских слов нам в большинстве случаев неизвестна, наши сведения об угаритской грамматике являются весьма неполными.

5. Ниже мы рассмотрим имеющиеся данные о северноцентральных языках на древней ступени совместно, в сравнительном плане.

§ 2. Фонология и фонетика

1. Фонологическая система древнеханаанейского и аморейского нам известна только в передаче аккадской клинописью, которая не имела адекватных средств для передачи ряда фонем; поэтому реконструкция ее носит частично гипотетический характер. Угаритское письмо, напротив, было вполне приспособлено к передаче согласных фонем угаритского языка. Благодаря тому что в этом письме знаки для слогов, содержащих согласный ⁵, различают и гласные ⁵, мы имеем представление и о глас-

⁵ Имеется три слоговых знака: 'a, 'i/e и 'u/o. Формы *ks'u*, *ks'i*, *ks'a* выражают склонение по падежам слова *kussa/i'u* 'кресло': им. пад. *kussa/i'u*, род. пад. *kussa/i't*, вин. пад. *kussa/i'a*. Знак 'i, по мнению Х. Л. Гинзберга, употребляется также для согласного ' с нулевым

ном составе угаритского; кое-что в этом направлении дают и аккадские транскрипции угаритских слов.

2. В основном все три языка сохраняют общесемитский состав согласных (см. гл. V, § 2, п. 4) ⁶.

Наиболее сложен, как и для других семитских языков, вопрос о сибилантах. Как уже указывалось, общесемитский состав сибилантов и латеральных был следующий: *z, š, s; d, t, t̃; l, s, š; š; s*.

При воспроизведении древнеханаанейских и аморейских глосс (имен собственных) аккадские писцы одинаково передают *š, t̃* и *š* как *š*, но неясно, следует ли это отнести за счет утери *t̃* и *š* (как в аккадском и в более поздних ханаанейских языках), или за счет неточности передачи этих фонем в аккадской клинописи. В угаритском *š, t̃* и *š* фонологически, по-видимому, различались, однако *t̃* (не *š*, как в арамейском!) иногда передается графически и как *γ* (*g̃*), а *š* передается то как *š*, то как *t̃*; очевидно, начался процесс совпадения *t̃, š* и *š*.

В древнеханаанейских и аморейских именах собственных аккадские писцы передают одними и теми же знаками слоги с *z* и *s*, что объясняется особенностями старовавилонской орфографии (см. гл. VI, § 3, п. 1). В передаче этимологического *d* в аморейском писцы колеблются между *z* и *d*, что указывает на то, что звук *d* сохранялся; *t̃* передается знаками для *š*; выше (гл. VI, § 3, п. 1) указывалось, что и в аккадском первоначально эти знаки применялись для *t̃*, а на периферии это произношение сохранялось еще и во

гласным: *r'iš*, чит. *ra'šu* 'голова', *š'in*, чит. *ša'nu* 'мелкий скот', *t'ikl*, чит. *ta'kulū* 'они едят' (другие исследователи предлагают читать *re'šu*, *še'nu*, *te'kulū*, или считают, велед за И. Фридрихом, соответственные угаритские знаки обозначением для чистых гласных без обязательного гортанного взрыва *rēšu*, *šēnu*, *tēkulu*. Однако это кажется сомнительным. Поэтому ниже мы исходим из толкования Х. Л. Гинзберга, хотя его нельзя считать вполне доказанным).

⁶ Для угаритского характерны спорадические случаи перехода *b > p, d > t* под влиянием хурритского субстрата; в древнеханаанейском, возможно, начался процесс аффрикации взрывных.

Другие семитские языки на древней ступени также в основном сохраняют общесемитский состав согласных, однако тоже с некоторыми изменениями: в южносемитских: *p > f, š > s*; в минайском, катабанском и хадрамаутском языках (или диалектах) южнопериферийной группы *š > s*, в сабейском (той же группы) *š > h*, в эфиопском (южнопериферийном языке средней ступени) и в арабском (южноцентрально-ном) *š > h* в местоимениях, *>* — в показателе каузатива, *-št- > -st-*; *š* в южнопериферийных сохраняется (кроме эфиопского, где *š > š*); в арабском *š > š*; «эмфатические» *t̃, š, s* продолжают различаться (лишь на средней ступени, в эфиопском, *š > z, a t̃ > z*), но их произношение было неодинаковым в отдельных языках (например, *š* в некоторых южнопериферийных диалектах произносилось как *q*, в арабском *š* произносится как *q*; *t̃* как *z*).

II тысячелетии, поэтому можно с достаточной долей уверенности считать, что и *t* в аморейском сохранялось⁷. Этимологические *s* и *š* аккадские писцы передавали знаками для *s* (смешение знаков для *s* и для *š* редко)⁸. Примерно то же положение следует, на основании аккадских транскрипций, постулировать и для древнеханаанейского, но, судя по сохранению в древнееврейском *š* еще на средней ступени, можно думать, что оно сохранялось и в древнеханаанейском. В угаритском *s* и *š* совпали (по крайней мере графически)⁹; *z*, *s*, *š*¹⁰, *t* различались.

Общесемитский согласный *s* дал *h* (в аккадских транскрипциях этот звук либо опускается, либо передается через ' или *h*).

Хотя аккадские писцы смешивают ' , *h*, *h*, *γ* (а иногда и ' , *h*) и во всех случаях пишут *h*, однако это, очевидно, объясняется особенностями аккадской графики и фонологии; нет основания полагать, что эти звуки не различались в древнеханаанейском и аморейском, поскольку еще и на средней ступени различие этих звуков долго сохранялось, в том числе сохранялось и различие между ' и *γ* (хотя в угаритском мы нередко встречаем ' вместо этимологического *γ* и, с другой стороны, *γ* вместо этимологического *t*). Вообще же угаритская графика различает ' , *h*, *h*, *γ*, ' и *h*.

Для всех трех языков (как и для позднейших ханаанейских) характерен переход начального корневого *h* > *t*.

⁷ Напротив, И. Гельб считает, что этимологический *t* произносился как *š*, ссылаясь на sporadические случаи написания этого звука знаками SA, SI, SU и на отсутствие случаев написания его знаками TA, TI, TU. Однако последнее обстоятельство может быть случайным и не представляется нам решающим; с другой стороны, вариант имени правителя городов Сабума и Аншана при III династии Ура (XXI в. до н. э.) — *Ta-la-bu* [чит. *Ta'labu*(?) 'лисица'] может оказаться аморейским переводом аккадского прозвища этого же лица — *Se-le-bu-um* (чит. *Se'lebum* 'лисица'), а не разновидностью аккадского производного данного слова, как полагает И. Гельб (*a* редко сохраняется в позднестароаккадском, обычно же переходит в *e*¹¹).

⁸ Объяснение этого факта представляет трудности. В самом деле, в аккадском языке этого времени знаки SA, SI, SU уже не употреблялись для *š* (или, вернее, для той аккадской фонемы, которую мы транскрибируем как *š*, тогда как на самом деле это могло быть как раз *s*). С другой стороны, для *s* эти знаки применялись еще редко (для этого применялись знаки ZA, ZI, ZU, см. гл. V, § 3, п. 1), поэтому неясно, что же скрывается в аморейском под аккадской транскрипцией SA, SI, SU, — может быть, именно *š* в отличие от акк. *s* (графически ŠA, ŠI, ŠU).

⁹ Однако этимологический *š* всегда пишется знаком для *š*, а этимологический *s* иногда пишется знаком для хурритского *z*.

¹⁰ Графически обычно передавался знаком для *d*, но иногда знаком для хурритского *z*, поэтому есть основание считать, что фонологического совпадения *š* и *d* не произошло.

Согласный *n* (кроме третьего корневого *n*) всегда ассимилируется следующим за ним согласным в угаритском и древнеханаанейском, но часто сохраняется в аморейском.

3. Гласный состав всех трех языков еще также очень близок к общесемитскому (*a*, *i*, *u*, *ā*, *ī*, *ū*); однако наблюдаются и некоторые новые явления, которые получают полное развитие в североцентральных языках средней ступени. Так, в древнеханаанейском уже начался характерный переход *ā* > *ō* > *ū* (ср. др.-евр. *ō* < *ā*, фин. *ū* < *ā*): 'anū'oki 'я' < *'anāki, rū'ōšu 'голова' < *rā'su. В аморейском наблюдаются хорошо известные по древнееврейскому языку явления перехода безударного краткого *a* > *i*, (*šam'al-um* 'север', 'левая сторона' || *šim'al-um*) и безударных кратких *u*, *i* > *ə* (*šumu-la-il* || *šamu-la-il*, читать *šumu-lə-il*), а также возникновение нефонематического сверхкраткого *ä* перед ' , *h* (и *h*, быть может, уже начавшем совпадать с *h*?)¹¹: так, *tanūh* 'ты успокоился' передается в аккадской транскрипции как *ta-nu-uh*, *ta-nu-a* и *ta-nu-ū*, читать *tanū^äh*?. Сочетания *-aha-*, *-uha-* по большей части стягиваются в *-ä* или чаще *-š* (**mu-ha-ntin-um* 'заставляющий давать' > *māntinim*; **mu-ha-šlim-um* 'примиряющий' > *mēšlimum*)¹².

Во всех трех языках происходит стяжение дифтонгов: *au* > угар., др.-хан. *ō*, *ai* > угар., др.-хан. *e*; в аморейском оба дифтонга дают *ā*¹³ (в конечной позиции *-ai* > *-ē*)¹⁴.

§ 3. Имя

1. Имя во всех трех языках имеет два рода (мужской и женский), три числа (единственное, двойственное и множественное) и в единственном числе три¹⁵ падежа (имени-

¹¹ Это так называемый Pathah furtivum традиционной грамматики.

¹² Наблюдаются также разнообразные другие стяжения и изменения качества гласных, разделенных согласными ' , *h*, *i* и *u*. Подробнее см. литературу в библиографии.

¹³ Менее вероятно, что это — передача отсутствовавшего в аккадском языке *ō*; есть и случаи сохранения дифтонга *au*.

¹⁴ Для реконструкции форм следует учитывать, что при транскрипции аморейских слов аккадскими писцами написания типа *ba-a*, *bu-u* никогда не означают **bā*, **bū*, как это следовало бы из правил аккадской орфографии, но всегда *ba'a*, *baha*, *ba'a*, *bu'u*, *buhu*, *bu'u* и т. п.

¹⁵ Для аморейского возможно существование четвертого падежа — дательного-локативного на *-š*: 'abiš-kin 'у отца верен', или 'отцу верен'. Однако большинство примеров очень неясно и плохо переводится. Также и локативно-адвербиальное окончание угар. *-ah*, др.-евр. *-ā(h)* восходит не к винительному падежу места, как обычно полагали, а представляет комбинацию винительного суффикса с дательного-локативным окончанием **-š* (Э. А. Спайзер).

тельный *-u*, родительный *-i* и винительный *-a*; (в угаритском некоторые имена лиц и местностей — двупадежны: именительный *-u*, косвенный *-a*), а в двойственном и множественном — два падежа (в аморейском, возможно, имена во множественном числе не склонялись)¹⁶.

2. Нормальным окончанием для имен женского рода является *-at*, лишь после основ на «слабый» согласный или *n* — обычно *-t*: «сын» — амор. *bin-um*, угар. *bn*; «дочь» — амор. *bitt-um* < **bin-t-um*, угар. *bt* (но *šnt* 'год', чит. [*šan-at-u*])¹⁷.

В угаритском окончание *-t* противопоставлено лишь в случаях окончания основы на два согласных или на удвоенный согласный, а также, возможно, если последний слог основы — долгий: *'almnt* чит. *'almān-at-u* 'вдова', *db'at* 'сила' (?). В паузе, по-видимому, во всех трех языках *-at* > *ā(h)*: амор. *'ummi-ba'lā* 'мать моя — госпожа'.

3. В склонении имен единственного числа аморейский может сохранять мимацию¹⁸, всегда отсутствующую в древнеханаанейском и угаритском¹⁹.

4. Двойственное число особенно развито в угаритском, где оно применяется для обозначения не только парных, но и любых двух предметов (в качестве окончаний употребляются для: м. р. им. пад. *-āma*, косв. пад. *-ēmi?*, ж. р. им. пад. *-tāma*, *-tēmi?*)²⁰.

5. Множественное число сохраняет мимацию только в мужском роде; лишь в аморейском, по-видимому, встречаются формы множественного числа также и мужского рода без мимации.

В древнеханаанейском и угаритском имена во множественном числе имеют два падежа — именительный и общекосвенный; в аморейском имена во множественном числе

¹⁶ В южносемитских языках на древней ступени положение было по-видимому, то же, но огласовка падежных окончаний известна только для арабского (в минейском родительный падеж имеет окончание *-h* с неизвестной огласовкой).

¹⁷ В южносемитских языках на древней ступени наблюдается в общем то же самое; в арабском нормальное окончание женского рода *-at* (в южнопериферийных языках древней ступени огласовка неизвестна), но встречается также *-ā(')* и т. п.

¹⁸ Однако вполне регулярно — только в отдельно стоящих собственных именах-словах, где это явление можно объяснить как влияние аккадского контекста; в собственных именах-предложениях мимация нередко опускается.

¹⁹ Южнопериферийные языки древней ступени также сохраняют мимацию, а арабский — нунацию; в том и другом случае этим выражается отсутствие определения имени другим именем или артиклем.

²⁰ В арабском языке окончания двойственного числа м. р. им. пад. — *-ān(i)*, косв. пад. — *-ain(i)*, ж. р. им. пад. — *-tān(i)*, косв. пад. — *-tain(i)*. В южнопериферийных — разнообразные и не всегда ясные формы.

уже не склоняются, причем форма общекосвенного падежа вытеснила форму прямого²¹:

	Угаритский		Древнеханаанейский		Аморейский	
	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.
Им. пад.	<i>-ūma</i>	<i>-ātu</i>	<i>-ūma</i>	* <i>-ōtu</i> ²	} <i>-īm, -ī?</i>	}
Обще-косв. пад.	<i>-īma</i>	<i>-āti</i>	* <i>-īma</i> ¹	<i>-ōti</i> ²		

Примечания. 1. Ср. др.-хан. *šamūma, šamēma* (< **šamā'ima*) 'небеса'.

2. Или **-ātu, -āti?* Ср. *a-bu-ti* (читать *'abōti* или *'abūti?*) 'отцов' ('*ab-*' 'отец' образует, как и в древнееврейском, множественное число по женскому роду).

Status constructus в аморейском большей частью образуется с нулевым окончанием, или с облегчительным гласным после двусогласного исхода основы; от двусогласных основ иногда образуется Status constructus на *-u*: *Ab-de₄-Il, Ab-da-Il, 'Ki-ib-sā-du, Mu-ut-^aDa-gan, Mu-tu-^aDa-gan* — читать *'Abdā-'Il* 'раб бога Эля', *kibs (H)addu* 'поступь [бога] Хадду', *mut Dagān, mutu Dagān* 'муж [бога] Дагана'.

В угаритском и древнеханаанейском формы status constructus неясны.

Аморейский status praedicativus имеет обычно окончание *-a*²² [в женском роде, возможно, *-ā(h)*; то же и в древнеханаанейском], реже форму именительного падежа; еще реже — нулевое окончание. Для других двух языков формы status praedicativus неизвестны, но, судя по форме «нового перфектива» в древнеханаанейском и угаритском, они имели в первом — нулевое окончание, во втором — окончание *-a*.

²¹ В южносемитских языках наиболее распространены формы «ломаного» множественного (см. гл. V, § 3, п. 2); «правильное» множественное образуется следующим образом:

	Южнопериферийные (кроме минейского)			
	м. р.		ж. р.	
Им. пад.	<i>-n</i> [?]		<i>-t</i> [чит. <i>-ātu?</i>]	
Косв. пад.	<i>-n</i> [?]		<i>-t</i> [чит. <i>-āti?</i>]	
	Минейский		Арабский	
	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.
Им. пад.	<i>-hn?</i>	<i>-ht</i>	<i>-ūna</i>	<i>-ātun</i>
Косв. пад.	<i>-hn?</i>	<i>-ht</i>	<i>-īna</i>	<i>-ātin</i>

²² Дж. Гарбини рассматривает этот *-a* как определенный артикль, аналогично позднему арамейскому *-ā*; однако, как кажется, нет достаточных доказательств того, что *-a* имело детерминирующее значение; употребление его с собственными именами скорее указывает на то, что это — status indeterminatus или praedicativus.

Артикля ни в одном из трех языков нет²³.

6. Числительные нам известны только угаритские:

1 — 'ahd	10 — *'ašr
2 — 'fn	15 — hmš 'šr(h) и т. п.
3 — 'ltt	20 — 'šrm
4 — 'arb'	30 — 'ltm
5 — hmš	40 — 'arb'm и т. д.
6 — 'tt (чит. tittu < *tidtu)	100 — m'it (читать mi'tu), мн. ч. m'at (читать mi'ātu)
7 — 'šb', ж. р. 'šb't	1000 — 'alp
8 — 'tmn	10000 — rbt, мн. ч. rbbt.
9 — *'ts'	

Порядковые числительные пишутся так же, кроме «шестой» — tdt, и «четвертый» — rb'; $\frac{1}{2}$ — hst, $\frac{2}{3}$ — šnpt; $\frac{1}{3}$ — mltt и по тому же образцу другие дроби с числителем 1: mhmšt — $\frac{1}{5}$ и т. д.

Числительное стоит впереди исчисляемого объекта и обычно не согласуется с ним в роде (но может и согласовываться)²⁴.

§ 4. Местоимение

1. Личное самостоятельное местоимение известно только для угаритского²⁵, где оно имеет следующие формы:

Единственное число

1-е л.	'ank	(чит. *'anāki или *'anāki?), 'an (чит. 'anī)
2-е л.	м. р. 'at	(чит. *'atta < *'an-ta)
	ж. р. 'at	(чит. *'atti < *'an-ti)
3-е л.	м. р. hw	(чит. *'huṣa?), косв. пад. hwt (чит. *'hūyat?)
	ж. р. hj	(чит. *'hiṣa?), косв. пад. hjt (чит. *'hijati?)

²³ В южнопериферийных языках имеется постпозитивный энклитический определенный артикль -an (хадр. -ahan), в арабском — препозитивный проклитический определенный артикль (h)al-.

²⁴ Лучше известны правила согласования числительных в других семитских языках. Так, в арабском «один» и «два» — прилагательные, стоят после исчисляемого и согласуются с ним, от 3 до 10 — существительные-приложения к исчисляемому, или определяемые в status constructus перед определением-исчисляемым, род числительного противоположен роду исчисляемого. Числительные от 11 до 99 требуют винительного падежа единственного числа исчисляемого, числительные от 100 и выше — родительного падежа ед. ч. См. также гл. VIII, § 5, п. 10.

²⁵ Для 1-го лица единственного числа известна также древнеханаанейская форма 'anōki или 'anūki. В арабском личные самостоятельные местоимения: «я» — 'anā, «ты» (м. р.) — 'anta, «ты» (ж. р.) — 'anti, «он» — huṣa, «она» — hiṣa; «вы двое» — 'antumā, «они двое» — humā; «мы» — nahnu, «вы» (м. р.) — 'antum(ū), «вы» (ж. р.) — 'antunna, «они» (м. р.) — hum(ū), «они» (ж. р.) — hunna. В южнопериферийных языках древней ступени личные самостоятельные местоимения не засвидетельствованы; ср. на средней ступени в эфиопском: 'ana, 'anta, 'anti, ḡə'ətū (из формы косв. пад. *'hu'atū; вин. пад. ḡə'əta), ḡə'ətī; мн. ч. nəhna, 'antəmū, 'antən, 'əmāntū (ḡə'ətəmū), 'əmāntū (ḡə'ətən).

Двойственное число

3-е л. м. р. hm (чит. humā), косв. пад. hm

Множественное число

2-е л. м. р. 'atm (чит. 'attumu?)

3-е л. м. р. косв. пад. hmt

2. Притяжательные местоимения²⁶ присоединяются энклитически²⁷:

Таблица 1

Лицо и род	Единственное число		Множественное число ¹	
	угаритский (неоглас.)	аморейский	угаритский (неоглас.)	аморейский
1-е л.	(-ī), -j ²	-ī, (-īa) ³	-n	-na, -ni
2-е л.	м. р. -k	-ka	-km	?
	ж. р. -k	-k	-kn	?
3-е л.	м. р. -h	-hū ⁴	-hm	?
	ж. р. -h	-hū	-hn	?

Примечания. 1. Суффиксы двойственного числа в угаритском: 1-е л. -nj, 3-е л. -hm.

2. Суффикс -ī, применяемый при формах именительного и винительного падежей единственного числа имени и при форме именительного падежа множественного числа женского рода, в угаритском графически остается не выраженным. Суффикс -īa (в угаритском графически -j) применяется во всех остальных случаях (в угаритском при именах с конечным «слабым» корневым согласным он применяется и в именительном и винительном падежах единственного числа имени).

3. Обычно -ī и при имени в родительном падеже.

4. В древнеханаанейском -hu (или -ū/ō?).

Те же формы имеют, насколько это засвидетельствовано, и объектные местоимения при глаголе; но 3-е л. ед. ч. угар. -h, -nh, -n, -nn 'его' (в зависимости от наклонения?), амор. -hu.

3. Известно также указательно-относительное местоимение (оно же nota genitivi). В аморейском, наряду с местоимением dū, встречается и местоимение tū (мужской род) и tī (женский род); ср. древнееврейское указательное местоимение zū, zōt (< *du, dāt) и относительное местоимение šā

²⁶ Обратит внимание на оборот šm-k 'at (*šū/im-kā 'atta) 'именно твое имя', букв. 'имя твое, ты', распространенный позже и в древнееврейском.

²⁷ В арабском: ед. ч. -ī (-īa) [объектн. -nī], -ka, -ki, -hu (ср. саб. -haṣ? -hu, мин. -saḡ? -su, катаб. -saḡaḡ?), -hā (ср. саб. -hā, мин., катаб. -sā); дв. ч. -kumā, -humā (ср. саб. -humaḡ, мин. -sumān, катаб. -sumaḡ); мн. ч. -nā, -kum(ū), -kunna, -hum(ū) (ср. саб. -humaḡ, -humi, мин. -sumi), -hunna (ср. саб. -hu/inna).

с удвоением следующего согласного (но ср. гл. VIII, § 5, п. 9). В угаритском имеется только *d* (мужской род) и *dt* (женский род и множественное число); это местоимение, по-видимому, склонялось.

4. Вопросительные местоимения: амор. *таппа*, угар. *тj* (чит. **mīlā*?), др.-хан. *mīa*²⁸ 'кто'; амор. *māha* (?)²⁹, угар. *mh* 'что'.

§ 5. Глагол

1. Вопросы северноцентрального семитского глагола на древней ступени разработаны крайне недостаточно, в частности далеко не ясна система передачи видо-временных категорий.

2. В угаритском некоторые исследователи предполагают наличие двух префиксально-спрягаемых форм, неполногласной и полногласной, типа аккадских Praeteritum и Praesens («старого перфектива» и «старого имперфектива», по нашей терминологии); другие предполагают только одну неполногласную форму — Imperfectum (наш «новый имперфектив»). Вопрос этот нельзя считать окончательно решенным. С другой стороны, несомненно существование в угаритском наклонений: имеются префиксально-спрягаемые формы с нулевым окончанием, с окончанием *-u*³⁰, с окончанием *-a* и с окончанием *-n* (вероятно, чит. *-nna*).

Префиксально-спрягаемая форма с нулевым окончанием выражает (как в аккадском «старом перфективе» — Praeteritum'e): 1) юссив, 2) совершенный вид.

Префиксально-спрягаемая форма с окончанием *-u* выражает, по-видимому, изъявительное наклонение несовершенного вида, т. е. является «новым имперфективом» (Imperfectum).

Значение префиксально-спрягаемой формы с окончанием *-a* не вполне ясно. Возможно, она аналогична аккадскому вентиву (см. гл. VI, § 6, п. 11). Форма на *-n* является усилительной, как в арабском.

Таким образом, в угаритском форма на *-u*, первоначально сослагательная, уже проникла в изъявительное наклонение, возможно вытеснив или вытесняя «старый имперфектив» типа **īa-paras*; но «старый перфектив» типа **īa-prus* || **īa-ktul* все еще существует не только в юссивном, но и в изъявительном значении.

Наряду с этим в угаритском существовал и «новый перфектив» (Perfectum) типа **kaṭajijula* (с огласовкой в зависимости от переходности). Он свободно чередуется, по извест-

²⁸ В телль-амарнских письмах ошибочно употребляется также акк. *mīni* 'что' в смысле 'кто' и *таппа* 'кто' в смысле 'что', под влиянием огласовки др.-хан. *mīa* 'кто' и **mā* 'что'.

²⁹ Пишется обычно *та-а* — чит. *mā* или *māh(a)*?

³⁰ И с окончанием *-ūna* во множественном числе мужского рода.

ным синтаксическим правилам, с префиксально-спрягаемой формой перфективного значения.

Что касается древнеханаанейского, то письма из архива Телль-эль-Амарны, при общем стремлении писцов придерживаться норм аккадского языка, дают на первый взгляд странную картину смешения аккадских и ханаанейских форм. Однако в этой странности есть своя система.

Аккадские глагольные формы с префиксальным спряжением употребляются в общем так же, как в аккадском, но с местной древнеханаанейской формой флексии³¹. При этом в тех случаях, когда аккадская глагольная форма имеет перфективное значение (акк. Praeteritum), к ней нередко плеонастически присоединяется древнеханаанейская суффиксальная флексия «нового перфектива» (Perfectum). Аккадский статив непосредственно отождествляется с древнеханаанейским «новым перфективом», причем наряду с непереходными формами *kaṭul* и *kaṭil* особенно распространена переходная форма квази-статива (= «нового перфектива») с огласовкой по типу *kaṭal*. Флексия — иногда аккадская, иногда древнеханаанейская. Это явление распространяется и на производные породы [ср., например, квази-статив от породы D по типу *kaṭtil* — гибридная форма между аккадским стативом D — *purrus* и древнеханаанейским Perfectum (т. е. «новым перфективом») породы D — *kaṭtil*].

Ввиду того что древнеханаанейские писцы, хотя и употребляли иногда формы родного языка, но стремились воспроизводить аккадский язык и его формы, вопрос о наклонениях в древнеханаанейском неясен. Наличие параллельных форм множественного числа: *ti-špur-ū* и *ti-špur-ūna* делает вероятным наличие наклонений типа угаритских. По-видимому, существовало и усилительное наклонение на *-(n)na*.

В аморейском засвидетельствовано только одно префиксальное спряжение — неполногласное с нулевым окончанием³², по-видимому, могущее иметь перфективное значение, подобно аккадскому Praeteritum («старому перфективу»). Вероятно, положение было аналогично тому, которое мы застаем в угаритском, однако формы с суффиксальным спряжением (типа **katal* для переходных, **kaṭul* и **kaṭil* для непереходных) были, по-видимому, развиты слабее, и по зна-

³¹ Огласовка *īa-* сохраняется в древнеханаанейском, по-видимому, только как архаизм; обычное форма *īi-* (как результат редукции безударного краткого *a*). Это явление перехода *īa* > *īi-* наблюдается и в периферийных аморейских говорах. При этом встречаются как неполногласные формы (=акк. Praeteritum), так и полногласные (=акк. Praesens).

³² Формы с окончанием *-i* сомнительны в отношении их истолкования.

чению ближе к аккадскому стативу, чем к более позднему семитскому «новому перфективу» (Perfectum)³³.

Таким образом, во всех трех языках, очевидно, процесс вытеснения «старого имперфектива» **ja-kaṭal* сослагательной формой «старого перфектива-юссива» **ja-ktul-u*, вероятно, либо завершился, либо был близок к завершению, но суффиксально-спрягаемая форма «нового перфектива» **kaṭal(a)* еще не полностью вытеснила изъявительную форму префиксально-спрягаемого «старого перфектива» **ja-ktul*; далее всего этого процесс зашел, видимо, в древнеханаанейском. Очевидно, хронология этих явлений была несколько различной в разных языках (ср. сохранение «старого имперфектива» **ja-kaṭal* в южнопериферийных языках при вытеснении «старого перфектива» **ja-ktul* формой **kaṭala*).

Примечание. В южнопериферийных языках на древней ступени отсутствие огласовки не позволяет непосредственно установить наличие «старого перфектива-юссива» **ja-ktul* и «старого имперфектива» **ja-katal*, но положение вещей можно реконструировать по языкам средней ступени (эфиопскому) и новой ступени (в первую очередь — по южноарабским языкам мехри, шахри и сокотри и их диалектам). Система в этих языках такова:

В южнопериферийных языках на древней ступени в префиксально-спрягаемых формах различались наклонения, из которых нам известно усиительное наклонение с суффиксом *-n* (в слабейском и минейском), где это *-n*, по-видимому, сочетается и с сослагательным наклонением. Может быть, этим обстоятельством следует объяснить тот факт что форма *ja-ktul-u* (первоначально сослагательная) не вытеснила здесь «старого имперфектива» **ja-katal*. Характерно, что в мехри, в породе D/A (эти две породы здесь совпали) усиительно-сослагательная форма на *-en* играет роль имперфектива, в то время как юссив (здесь — юссив-субъюнктив) это окончания не имеет (см. табл. 2).

В арабском языке, как и в северноцентральных на средней ступени, не только «старый перфектив» полностью вытеснен «новым перфективом», но и «старый имперфектив» полностью вытеснен формой *ja-ktul-u*, первоначально, как мы полагаем, сослагательной: имперфектив *ja-ktul-u*, юссив *ja-ktul*, перфектив *kaṭala*. Подробности относительно огласовки переходных и непереходных глаголов см. в гл. V, § 6, п. 6. Наряду с этими формами в арабском существует еще сослагательно-целевое наклонение типа *ja-ktul-a*. Все видовые формы всех пород имеют в арабском также пассив.

³³ Можно высказать предположение, что в живом аморейском языке неполногласные формы с префиксальным спряжением уже начали приобретать имперфективное значение, но «старый перфектив» типа **ja-ktul* еще не был полностью вытеснен. Следует учесть специфику характер имееющегося у нас материала — собственные имена-предложения. Для них, во-первых, как можно предположить по аналогиям из других древневосточных языков, должно было быть характерно сохранение архаических грамматических форм. Во-вторых же, для таких собственных имен-предложений всегда характерна либо констатация факта («бог дал» — перфектив), либо пожелание («бог да даст» — юссив), и это может быть причиной того, что бесспорных собственно имперфективных форм аморейский материал нам не сохранил.

Южнопериферийный глагол

Глаголы	Переходные			Непереходные		
	имперфектив	юссив-субъюнктив	перфектив	имперфектив	юссив-субъюнктив	перфектив
Эфиопский	<i>ja-'kattal</i>	<i>'ja-ktal</i>	<i>ka'tala</i>	<i>ja-'labbəs</i>	<i>'ja-lbas</i>	<i>'labsa</i>
Мехри	<i>ji-tōber</i>	<i>ji-tbōr</i>	<i>tebōr</i>	<i>ji-tbēr</i> ³⁴	<i>ji-tbēr</i> ³⁴	<i>tiber</i> ³⁴
Древняя реконстр. форма для мехри	* <i>ja-katal</i>	* <i>ja-ktul</i> , * <i>ja-ktul-u</i>	* <i>kaṭala</i>	* <i>ji-kti/ul</i>	* <i>ji-kti/ul</i> , * <i>ji-kti/ul-u</i>	* <i>kati/ula</i>

Во всех трех северноцентральных языках различие переходных и непереходных глаголов распространяется и на огласовку личного префикса: переходный глагол имеет форму **ja-ktul*, **ja-ktil*, непереходный — **ji-ktal*³⁵.

Существовали пассивные формы, по крайней мере для основной породы G (по типу **ju-ktal*).

Спряжение активного переходного³⁶ глагола в основной породе имеет следующий вид (см. табл. 3).

Императив, как и во всех семитских языках, равен основе «старого перфектива», с суффиксами (но не с префиксами) 2-го лица. Отрицание императива выражается формой префиксального спряжения с запретительной частицей.

³⁴ По-видимому, имеются и другие формы.

³⁵ В аморейском, возможно под аккадским влиянием, деление переходных и непереходных глаголов по типам огласовок проводится не вполне последовательно. Так, мы встречаем формы *iš-lam* (чит. *iš-lam*) 'примирился', *ju-um-ra-aš* (чит. *ju-mraš* — вряд ли пассив?) 'позаботился', 'потрудились', но наряду с этим *ja-am-ra-aš* (чит. *ja-mraš*), *ja-aḥ-ku-m(u-um)* (чит. *ja-ḥkum*) 'решил', 'проявил мудрость', *ja-āš-du-uḥ* (чит. *ja-šduḥ*) 'проявил праведность'.

³⁶ Для непереходного в префиксальном спряжении характерны префиксы угар. *'i-*, *ti-*, *ji-* и т. д. (и по аналогии также в переходных глаголах с огласовкой на *-a-*: *'i-mhš-* 'я ударю', 'ударил'; формы аморейского — см. предыдущее примечание); в суффиксальном спряжении огласовка по типу **kaṭala*, **kaṭila*: амор. *šaḍuḥa* 'он справедлив', угар. *jr'a* (чит., вероятно, *ṣari'a*) 'он боится'.

Префиксальное спряжение¹

Число	Лицо и род	Угаритский ²	Древнеханаанейский ²	Аморейский
Единственное	1-е л.	'a- <i>ktul</i> - ³	'i- <i>ktul</i> , 'e- <i>ktul</i>	'a- <i>ktul</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	ta- <i>ktul</i> - ta- <i>ktul</i> -ī(na)	ti- <i>ktul</i> ?	ta- <i>ktul</i> ?
	3-е л. { м. р. ж. р.	ia- <i>ktul</i> - ta- <i>ktul</i> -	ii- <i>ktul</i> , ia- <i>ktul</i> ti- <i>ktul</i>	ia- <i>ktul</i> ta- <i>ktul</i>
Двойственное	2-е л.	?	?	
	3-е л. { м. р. ж. р.	ia- <i>ktul</i> -ā(ni) ta- <i>ktul</i> -ā(ni)	?	
Множественное	1-е л.	na- <i>ktul</i> -	ni- <i>ktul</i>	
	2-е л. { м. р. ж. р.	ta- <i>ktul</i> -ū(na) ta- <i>ktul</i> -nā	ti- <i>ktul</i> -ū(na)? ?	
	3-е л. { м. р. ж. р.	ia- <i>ktul</i> -ū i- <i>ktul</i> (-n) ⁴	} ti- <i>ktul</i> -ū(na)	

Примечания. 1. В арабском: 'a-*ktul*(-u), ta-*ktul*(-u), ta-*ktul*-ī(na), ia-*ktul*(-u), ta-*ktul*(-u); ia-*ktul*-ā(ni), ia-*ktul*-ā(ni), ta-*ktul*-ā(ni); na-*ktul*(-u), ta-*ktul*-ū(na), ta-*ktul*-nā, ia-*ktul*-ū(na), ia-*ktul*-nā; окончания -ni, -nā в скобках отпадают в юссиве и в сослагательном наклонении (в последнем -u заменяется на -a). В южнопериферийных языках на древней ступени известны только формы 3-го лица. Свообразие представляет множественное число: м. р. *jkilw* (ia-*ktul*-aw?); в усилительно-сослагательном наклонении: саб. м. р. *jkilnn* (ia-*ktul*-ūnān?); мин. м. р. *jkiln* (ia-*ktul*-ūna?), ж. р. *iktlnn* (ta-*ktul*-nān?). Эфиопское префиксальное спряжение совпадает с аккадским (в староассирийском варианте), но имеются раздельные формы 2-го лица мужского рода (ta-*k'tal*-ū) и женского рода (ta-*k'tal*-ā).

2. Окончания, поставленные в скобках, по-видимому, употребляются только в изъявительном наклонении (в угаритском — на -u).

3. А также 'i-mḥa-š, ti-mḥa-š- и т. д.

4. Форма часто употребляется и для мужского рода, особенно в первом из ряда глаголов с одним подлежащим: *tib' ml'akm ljb* (ta-tba'-ū mal'ākūma la-ia-*tūb*-ū) 'отправлялись вестники (и) воистину вернулись'; С. Г. Гордон предполагает для этой формы огласовку *ta-*ktul*-ā(ni) по аналогии с двойственным числом, но, судя по древнеханаанейской форме ta-*ktul*-ūna, лучше предполагать причиной употребления формы *t-ktul*(-n) с мужским родом первоначальное значение женского рода как коллективного множественного. Ср. также арабскую форму ta-*ktul*-na.

Суффиксальное спряжение¹

Число	Лицо и род	Угаритский	Древнеханаанейский	Аморейский
Единственное	1-е л.	<i>ktl</i> -t (чит. <i>kaṭal</i> -ti или <i>kaṭal</i> -tu?)	<i>kaṭal</i> -ti, <i>kaṭl</i> -āti ²	<i>kaṭal</i> -ti
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>ktl</i> -t (чит. <i>kaṭal</i> -ta) <i>ktl</i> -t (чит. <i>kaṭal</i> -tṭ)	* <i>kaṭal</i> -ta? ?	? ?
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>ktl</i> (чит. <i>kaṭala</i> , ср. <i>jr'a</i> = <i>ia</i> ri'a 'боится') ³ <i>ktl</i> -t (чит. <i>kaṭal</i> -at)	<i>kaṭal</i> <i>kaṭal</i> -at	<i>kaṭal</i> (a) <i>kaṭal</i> -at
Двойственное	1-е л.	<i>ktl</i> -nj		
	2-е л.	?		
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>ktl</i> (чит. <i>kaṭalā</i> ?) <i>ktlt</i> , <i>ktlj</i> (чит. <i>kaṭaltā</i> , <i>kaṭalajā</i> ?)		
Множественное	1-е л.	* <i>ktl</i> -n?		
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>ktl</i> -tm (чит. <i>kaṭal</i> -tumu?) <i>ktl</i> -tn (чит. <i>kaṭal</i> -tina?)		
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>ktl</i> (чит. <i>kaṭal</i> -ū) <i>ktl</i> (чит. <i>kaṭal</i> -ā или <i>kaṭal</i> -ū?)		

Примечания. 1. В арабском: *kaṭal*-tu, *kaṭal*-ta, *kaṭal*-ti, *kaṭala*, *kaṭal*-at; *kaṭal*-tumā, *kaṭal*-ā, *kaṭala*-tā; *kaṭal*-nā, *kaṭal*-tum(ū), *kaṭal*-tunna, *kaṭal*-ū, *kaṭal*-na; в южнопериферийных языках на древней ступени засвидетельствовано только 3-е лицо: ед. ч. м. р. *ktl*, ж. р. *ktl*-t; дв. ч. м. р. *ktl*-j, ж. р. *ktl*-tj; мн. ч. м. р. *ktl*-w (*kaṭal*-aw?). Ср. в эфиопском: *kaṭal*-kū, *kaṭal*-ka, *kaṭal*-kī, *kaṭala*, *kaṭal*-at; мн. ч. *kaṭal*-na, *kaṭal*-kəṣū, *kaṭal*-kən, *kaṭal*-ū, *kaṭal*-ā.

2. В амарнских письмах древнеханаанейская флексия применяется лишь спорадически; более обычно применение флексии аккадского статива, которому, однако, придается значение ханаанейского «нового перфектива» (Perfectum).

3. В абсолютном начале предложения и после союза *w*- в начале предложения применяется и при подлежащем в женском роде.

В аморейском употребляется прекатив типа аккадского (3-е л. м. р. ед. числа *la-ktul*); в угаритском имеется подтвердительная частица *l*- (**la*- или **lū*-?), употребляемая как с префиксальным, так и с суффиксальным спряжением³⁷.

³⁷ Так же в южносемитских (*la*-).

4. Во всех трех языках засвидетельствовано причастие действия типа *kātil-u(m)* и пассивное причастие типа *katūl-u(m)*³⁸.

Образование инфинитива (имени действия, масдара) породы G во всех трех языках, по-видимому, было то же, что в аккадском, — *kaṭāl-u(m)*, в породе D, видимо, — *ta-kīl-u(m)*, *ta-kīl-(a)t-u(m)*. Многообразные отглагольные имена могут также иметь характер масдаров³⁹.

5. Число пород во всех трех языках довольно велико, но по наличному материалу разобраться в их системе трудно, так как для угаритского мы не знаем ни огласовки, ни долготы согласных, а для аморейского и особенно древнеханаанейского языков сам материал скуден.

Для аморейского характерно, что огласовка личного глагольного префикса в породах D и S звучит *ja-*, а не *ju-*, как в других семитских языках.

Более или менее надежно устанавливаются следующие породы (приводим формы префиксального спряжения)⁴⁰:

	Аморейский		Угаритский
O	<i>ja-kattil</i> ¹	D	<i>jkīl</i> ¹ (чит. <i>*ja-kattil</i>)
S	<i>*ja-ha-kīl</i> > <i>ia-kīl</i>	S	<i>jškīl</i> (чит. <i>*ia-ša-kīl</i>) ²
N	<i>ii-n-katīl</i>	T	<i>jmtḥs</i> (чит. <i>*ia-m-ta-ḥas</i>)
S+T	<i>il-š-ta-tnī</i>	S+D+T	<i>jsthwj</i> [чит. <i>*ia-š-ta- -ḥaḥḥil(-u)?</i>]
		A	<i>j'pp</i> (чит. <i>*ia-'āpip?</i>) ³
		A+T	<i>jt'dd</i> (чит. <i>*ia-t(a)- -'ādīd?</i>) ³

Примечания. 1. Засвидетельствовано пассивное причастие типа *mu-kaṭṭal-um*.

2. В большинстве случаев каузативная порода образуется с префиксом *ša-*, но встречается и порода с префиксом *'a-*: *'agzr jm* (чит. *'a-gzar-ū jōm-a* 'они задержались на день'); префикс *ha-* в угаритском не встречается.

³⁸ И типа *maḥtūl-u(m)* в аморейском? (Обычный тип для арабского).

³⁹ В арабском существует весьма сложная система масдаров к различным породам. В южнопериферийных языках древней ступени отсутствие огласовки мешает определить их форму; характерна усиленная форма инфинитива на *-n*. В эфиопском наиболее обычный тип масдара G — *katil*; от старого винительного падежа цели этого масдара с присоединением местоименных суффиксов образуется род герундия (*katil-a-ka* 'когда он убивал, убил'). Ср. употребление инфинитива в угаритском ниже, § 7. Всем группам семитских языков свойствен масдар породы D типа *ta-kīl-*.

⁴⁰ Как и выше, приводим формы от условного глагольного корня *kīl*; если формы приведены от другого корня, то это означает, что они редки и встречаются только с приведенным корнем или еще лишь с немногими.

3. Только от глаголов со вторым коренным *ḍ* или *ḏ* или с одинаковым вторым и третьим корневым согласным. Ср. гл. VIII, § 7, п. 9A (з) и (л).

Причастия производных пород образуются от этих же основ с префиксом *mu-*⁴¹.

По-видимому, имелись и другие породы⁴².

6. Для того чтобы дать представление о глаголах со «слабыми» согласными в рассматриваемых языках, достаточно привести несколько примеров.

(1) Глаголы с первым корневым *n*⁴³:

угар. G: *jpl* (*iappul* < **ia-npul*) 'падает'; D или имперфектив типа **ia-katal: inšk* 'целует'; T: *jts'i* (*iattasi* < **ia-n-ta-ši'*) 'пусть уносится';

амор. G или S: *iantin, iattin, ientin* 'дал', или 'пусть даст', *iansib* 'поставил', или 'пусть поставит'.

(2) Глаголы с первым корневым⁴⁴ — угар. T: *jtmr* (*iittamar* < **ia-'ta-mar* или **ia-t-'amar* 'видит');

⁴¹ С. Г. Гордов предполагает для всех языков ханаанейской группы не только огласовку личного префикса спряжения пород D и S *ja-* вместо *ju-*, но и огласовку префикса причастия *ma-* вместо *mu-*. При этом он ссылается на форму 1-го лица префиксального спряжения породы D в древнееврейском: *'ā-kattēl*. Однако гласный префиксов *mu-* и *ju-* (или *ja-*?) в древнееврейском всюду дал в породе D редуцированный гласный *ə* («шва»), что скорее указывает на первичное *u*, чем на *a* (в основной породе G и в породе N префикс *ja-* дал *ii-*, а не *ia-*); что касается формы 1-го лица, то в древнееврейском **u-kattēl* не может дать **'ə-kattēl* по фонетическим причинам (после ' гласный *ə* > *ā* сверхкраткое). В аморейском, при префиксе *ja-* в личном спряжении породы D, префикс причастия звучит *mu-*; поэтому реконструировать и для угаритского форму *ma-*, не имеющую аналогий в других семитских языках, нет оснований.

⁴² В арабском [кроме некоторых редких, например (IX) — (*i*)*ktalla*] существуют следующие производные породы: D (II) — *kattala, ju-kattil-u*; A (III) — *katala, ju-katil-u*; S (IV) — *'a-ktala, ju-kīl-u*; N (VII) — (*i*)*n-katala, ja-n-katilu*; T (VIII) — (*i*)*k-ta-tala, ja-k-ta-til-u*; D+T (V) — *ta-katala, ja-ta-kattil-u*; A+T (VI) — *ta-katala, ja-ta-katil-u*; S+T (X) — (*i*)*s-ta-ktala, ja-s-ta-kīl-u*. Все они имеют также пассивно-безличные формы. Породы N и T — возвратные к G, породы D+T, A+T и S+T — возвратные к D, A и S. Так же, по-видимому, образовывались породы и в древних южнопериферийных языках (но породе S саб. *hkīl*, мин. *skīl*); характерна редкая порода типа *katātala* с фреквентативным значением (повторное действие). В эфиопском имеются три основные породы — G (o₁), D (o₂) и A (o₃); от всех них образуются каузативные породы (S, S+D и S+A, или A₁, A₂ и A₃ — префикс *'a-* < **ša-*), возвратные породы (T, D+T и A+T, или T₁, T₂, T₃ — префикс *ta-*) и каузативно-возвратные породы [S+T, S+D+T и S+D+T, — префикс *'asta-* < **(a)s-ta-*]. Имперфектив всюду различается от юссива путем удвоения второго корневого согласного (лишь в породе D имперфектив *ja-kettal*, юссив *ja-kattal*).

⁴³ В южносемитских эти глаголы обычно правильные.

⁴⁴ В арабском, как правило, только в некоторых сочетаниях ' отпадает с удлинением предшествующего гласного; большинство форм образуется правильно.

(3) Глаголы с первым корневым *д* и *й*⁴⁵ (по форме совпадают, кроме, возможно, породы S)⁴⁶:

угар. новый перфектив, порода G: *jtnt* 'ты дал', префиксальное спряжение: *'atn* 'я дал' (корень *itn*), *itd* 'ты родила', *ibl* 'он приносит'; T: *'itrt* 'я приобрету' (*'ittari/at* < **'a-ū-ta-ri/at*); императив: *tn* 'дай', *'i* 'выйди', *rd* 'спустись'; новый перфектив породы S: *šrd* (*šōrada?*) 'спустил'; префиксальное спряжение: *'ašld* (*'ašōlid* < **'a-ša-ūlid*) 'я зачал, породил' и императив *šrd* 'спусти'; с префиксом *'a*: *js'i* (< **'ia-'a-ūti*) 'вывел';

амор. новый перфектив породы G: *jabal* 'принес', *jašarti* 'я прям, праведен'; префиксальное спряжение: *ībal* 'принес', 'да принесет', *īda* 'знает', *īšū* 'спас' (есть, по-видимому, и форма с *īā-*); S: *īāūtīb* 'посадил', 'поселил', *īāušī* 'вывел' (также *īāšī*), *īābil* 'дал принести'; прич. *mēri'um*.

(4) Глаголы со вторым корневым *у/й*⁴⁷:

угар. новый перфектив породы G: *b'at* (*bā'ātī*) 'я пришел', *št* 'поставил' (может быть, и 'ты поставил'); префиксальное спряжение: *jkn* 'будет', *'ašr* 'я пою', *j'ark* (*ia/i-'ār-ki* 'он осветит тебя', (корень *'ur* — старый имперфектив??); причастие: *km* 'встающий'; инфинитив: *'p*; порода T: *ittn* 'мочится' (?); порода A: *trmmn* 'воздвигают' (*ta-rāmim-ūna?*); порода S: *ttīb* 'пусть она вернет' (*ta'ātīb* < *ta-ša-tīb?*);

амор. новый перфектив породы G: *kāla* 'позвал', префиксальное спряжение: *iakān*, *ikān* 'стал', *ianūh*, *inūh* 'успокоился'; *iatūb* 'вернулся'; императив: *tūb* '(по)вернись'; причастие: *nāhum* 'успокаивающий', *kālu* 'звующий', status constructus: *kāla*; пассивное причастие: *kīnu*, *nīhum*, status praedictivus: *nīh*; инфинитив: *nūh(um)*; S: *īātīb* 'вернул', *īākīn* 'установил'; причастие: *mēnīhum*.

(5) Глаголы с конечным корневым *у/й*⁴⁸:

⁴⁵ В южных языках глаголы Primaе *д* и Primaе *й* различаются, но последние встречаются очень редко. В арабском в породе G: *yaṭika*, *iaṭiku* 'доверять' (однако изредка и по типу *casina*, *iaṣanu* 'крепко спать'; у отдельных глаголов имеются и другие особенности); императив *ik*; порода S: *'aṭaka*, *iaṭiku*; порода T: (*i*)*ttataka*, *iaṭtaṭiku* (так же от глаголов Primaе *й*). Аналогично в эфиопском, а для глаголов Primaе *д* — для древних южнопериферийных (глаголы Primaе *й* спрягаются здесь правильно).

⁴⁶ И глагола *wpt* 'плевать' (угар.).

⁴⁷ В арабском — G: *kāla* (1-е лицо *kultu*), *iakūlu* 'говорить'; A: *kāwila*, *ikāwīlu*; S: *'akāla*, *ikūlu* и т. д. В древних южнопериферийных языках, возможно, встречаются «правильные» формы нового перфектива типа *kwn* 'быть', *šjm* 'ставить' (если не видеть здесь во всех случаях породу D; в породе S также встречаются правильные формы). В эфиопском *nōma* 'спать', *šēma* 'ставить' и т. п. (такая же огласовка в породе S).

⁴⁸ В арабском — G: *ṣazā* (1-е лицо *ṣazaṭu*), *iaṣzū* 'нападать', *ramā* (1-е лицо *ramaṭu*), *iaṣmī* 'бросать', но непереходный глагол по типу *raḍīja* (корень *ršx*, 1-е лицо *raḍītu*), *iaṣdā* 'благоволить', *saṣuṣa* (1-е лицо

угар. новый перфектив породы G: *'l* или *'lj* (?) 'поднялся', *bnt* 'я создал' (*banīti*); префиксальное спряжение: *j'l* 'он поднимается', *jbk* 'он плачет' (но *k-jbkj* 'он плачет', видимо, в наклонении на *-a* или *-u*, и то же верно для формы породы D (?): *tklj* 'ты уничтожил'); императив: *'l*; инфинитив: *bk*; новый перфектив породы S: *š'lj*;

амор. новый перфектив породы G: *rašā* 'радуется'; префиксальное спряжение: *jabnī* 'создал', или 'пусть создаст', *ittnī* 'повторил', или 'пусть повторит', *ia-wu* (чит. *iaḥwū*) 'живет'; причастие: *māniṭum*, ж. р. *kāniṭatum*, порода D: *jabannī* 'создал', пассивное причастие: *mukaššaṭum*; порода S: *iaḥwū* и т. д.

(6) Глаголы с повторяющимся вторым и третьим корневыми согласными⁴⁹:

угар.: префиксальное спряжение породы G: *jtll* 'ложится росой' (*ia-ṭlul-u* или *ia-talal?*); *tpr(?)* (*ta-purr-u?*) 'пусть ты летишь'; императив: *pr*;

амор.: новый перфектив породы G: *rabb(i)* 'он велик'; префиксальное спряжение: *ia-ḥtmum-*, но *ia-ḥun(n)-* 'он смиловивился' (переходный); императив: *ḥunnī* 'смиловивись ко мне', причастие: *hāninum*; порода S: *iaḥklil-* 'завершил', 'пусть завершит'.

(7) Глаголы с другими особенностями:

корень *lkh* 'брать': угар. *jkh* 'он взял', *ikh* 'пусть я возьму'; императив: *kh*; амор. *ii(k)kakh*;

корень *hll* 'идти', *hlm* 'ударять': угар. *jlk* 'идут', *jlm* 'ударяет'; императив: *lk*, *hlm*; порода T: *jtll* 'идет';

корень *ḥui/hji* 'жить': угар. *ḥwt* 'ты живешь', *jh* 'пусть живет'; порода D: *'aḥwj* 'я оживляю', *'aḥw* 'я оставляю в живых'; амор. *ia-wu* (чит. *iaḥwū*), S: *iaḥwū* и др.

§ 6. Служебные слова

1. Наречия местоименного или неясного происхождения в угаритском: *'ij* 'где', *'ik* 'как?', *'al* 'воистину', *'ap* 'также', 'именно', *'apnk* 'затем', *'idk* 'тогда', *bkm* 'итак', *bl*, *blt* 'воистину', *hl*, *hn* 'здесь', *hlm* 'вот', *kn* 'так'⁵⁰, *m'id* 'очень', *tm* 'там';

sarūtu, *iasrū* 'быть щедрым'; причастие: *ṣāzi(n)*; порода D: *ṣazzā*, *iaṣazzī*; порода S: *'aṣzā*, *iaṣzī* и т. д. В древних южнопериферийных языках и в эфиопском форма правильная: эфиоп. *bakaṣa* 'плакал'; в префиксальном спряжении *iaḥakkī*, мн. ч. *iaḥakkīū*; правильные формы частично сохраняются и в юсиве.

⁴⁹ В арабском порода G: *farra*, *iafurru* 'бежать' [императив (*u*)*frur* и *furr-*, причастие *ḥallun* 'развязывающий']; порода A: *ḥalla*, *iaḥallu*; порода S: *'aḥalla*, *iaḥillu* и т. д. В эфиопском формы правильные, частью по арабскому образцу.

⁵⁰ Др.-хан: *kanna*.

имеются также наречия, образованные от имен существительных с помощью локативных и локативно-объектных формантов *-h* (чит. *-ah* или *-ih* < **-is?*), *-m* (чит. *-am?*), *-t*: *'arsh* 'к земле', *šmmh* 'к небесам', *'ahdh* 'вместе', *tnt* 'там', 'туда', *mrhktm* 'во всю длину' (последняя форма объясняется также и как двойственное число — 'на груди и на спине'). В аморейском известно только *'a(i)la(n)* или *ha(i)lan* 'где?'

2. Предлоги, как и в других семитских, разделяются на проклитические неотимологизируемые и самостоятельные предлоги именного происхождения. К первым относятся:

угар. *b-* 'в', 'внутри', 'внутри', 'в числе', 'на', 'при', 'с помощью' (также *bm*, чит. *ba/i-ma?*); *l-* 'к', 'у', 'на', 'относительно', 'для' (также *lm*), соответствует также нашему дательному падежу; *b-* (< **bin-* с ассимиляцией *-n* следующему согласному) 'от', 'из'; *l-* (< **lin-*) 'из'; *k-* 'как', 'словно', 'подобно' (также *km*);

амор. *bi-* 'в', 'с помощью' (*bi-na'mi 'El* 'с согласия бога'); *la-*, выражающий дательный падеж (*'atūb la-'El* 'я обернулся к богу'); *ka-* 'как', 'подобно' (*'aḥu ka-'abi* 'брат подобен моему отцу'); также *kama: bunu kama 'Ila* (или *'Ilāh*) 'сын подобен богу'.

Ко второй группе относятся: угар. *'aḥr* 'после', *bl* 'без', *bn* 'между', *'d* 'до', *'l* 'на', 'над', 'против', *'m* 'к', 'до', 'с', *tht* 'под', *tk* 'к', амор. *tahtun* 'под'. Встречаются и сочетания предлога с именем: угар. *bkrb* 'внутри', 'внутри', ср. акк. *'ina kereb* (гл. VI, § 7, п. 2), *tk pnh* 'перед ним', ср. акк. *'ina pānī-šu*⁵¹.

3. Частицы отрицания и подтверждения известны в угаритском: *'in* 'нет, не существует'; *'al* — запретительная частица: *'al tš'l* 'не спрашивай'; *bl* 'пусть не', 'чтобы не'; частицей подтверждения является проклитика *l-*; встречается также подтвердительная энклитика *-m* (чит. *-ma*).

4. Союзы. В угаритском обычным сочинительным союзом является *w* (в отличие от других семитских языков, кроме аккадского, в угаритском этот союз, по-видимому, не является проклитикой), реже употребляется *p* 'и', 'но', известный еще только в арабском (проклитика *fa-*)⁵²; союз *'u* (чит. *'ō?*) означает 'или' (в этом смысле употребляется также *hm* между предложениями).

Придаточные предложения в угаритском вводятся предлогами: *'aḥr* 'после того как', *k* 'когда', 'если', 'так как',

⁵¹ Большинство этих предлогов употребляется и в других семитских языках: *b-* и *l-* отсутствуют в аккадском, заменяясь там предлогами *'in(a)* и *'ana*; *b(n)-* и *l(n)-* засвидетельствованы только в южнопериферийных; в других языках (кроме аккадского, где вместо него *'istu*) предлог *bn-* имеет форму *min*.

⁵² И в я'удском диалекте староарамейского (в Северной Сирии).

'd 'пока'; целевые придаточные предложения вводятся местоимением *d*, условные — частицей *hm* (< **sim*).

5. Из междометий в угаритском известны *l* (после императива), *j* 'о!'; указательный характер имеют местоимения *h*, *hl*, *hm*, *ht* 'вот!'

§ 7. Порядок слов

1. Для древнеханаанейских языков характерен древнесемитский порядок слов: сказуемое — объект — подлежащее, но этот порядок слов не является вполне твердым и может меняться по стилистическим причинам.

2. Определение следует после определяемого в *status constructus*; описательные определительные конструкции малоупотребительны.

3. Весьма характерны для угаритского своеобразные инфинитивные обороты: 1) с предлогом *b-* в значении деепричастия или придаточного предложения времени: *bbk Krt* 'когда плакал *Krt*' (букв. 'в плакании *Krt*'а); 2) в значении указания: *jšk b'aph* 'вливать в его нос'; 3) для усиления значения глагола того же корня: *mt-m 'amt* 'смертью умру', и др.

**СЕВЕРНОЦЕНТРАЛЬНЫЕ СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ
НА СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ (ДО 500 г. до н. э.)**

(ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ И СТАРОАРАМЕЙСКИЙ)

За исключением новоассирийского диалекта аккадского, относящегося ко времени 1000—600 гг. до н. э., история всех остальных семитских языков средней ступени в значительной части или даже целиком лежит за пределами тех хронологических рамок, которые поставлены для настоящей книги, т. е. середины I тысячелетия до н. э.; новые и поздние диалекты аккадского — 1000 г. до н. э. — начало н. э., древнееврейский — ок. 1300 до н. э. — первые века н. э., а в письменной форме до XIX в. н. э. (о современном языке иврит см. ниже, § 1, стр. 360); финикийско-пунический — ок. 1300 г. до н. э. — VII в. н. э.; арамейский средней ступени — ок. 900 г. до н. э. — XV в. н. э.; эфиопский — I—XI вв. н. э., в письменном виде до начала XX в. К тому же наиболее важные из среднесемитских языков — древнееврейский и арамейский — освещены во множестве доступных грамматических пособий, отчасти и на русском языке. По этим причинам мы не будем давать здесь подробного описания этих языков, а ограничимся лишь самыми краткими очерками, которые должны дать представление об общем направлении их развития от древней к средней ступени их истории. При этом, как правило, мы не будем касаться явлений, более поздних, чем 500 г. до н. э.

О диалектах аккадского на средней ступени см. выше, Приложение к гл. VI.

§ 1. Племена и народы

1. Как мы видели (гл. VII, § 1, п. 2), в середине II тысячелетия до н. э. Палестина и Финикия были заселены носителями древнеханаанейских диалектов; на севере Финикии и, возможно, в прилегающих районах Сирии был распространен тот язык, который мы называем угаритским; остальная Сирия (кроме районов, заселенных хурритами), степь между оазисами Сирии и Месопотамии, а также скотоводческие районы между

Евфратом и Тигром и за Тигром были заселены племенами, говорившими на диалектах, которые мы условно объединяем под названием аморейских. Все эти языки принадлежали к ханаанейской подгруппе североцентральной группы семитских языков.

2. В конце II тысячелетия в Передней Азии произошло очередное передвижение скотоводческих семитских племен. Из более южных районов в Сирийскую степь и далее — в северную Сирию и северную Месопотамию продвинулись новые племена, которые аккадцы сначала называли *'ahlamē*, а потом *'aratē* — арамеями. Их место в северной Аравии заняли арабы. К началу I тысячелетия до н. э. арамеи почти полностью поглотили более старое хурритско-аморейское население Сирии и Северной Месопотамии. Диалекты арамеев¹ также принадлежали к североцентральной группе семитских, но постепенно обособились в виде ее подгруппы^{1а}. Первые надписи арамейских правителей городов-государств Сирии относятся к X—IX вв. до н. э., но некоторые из них написаны не по-арамейски, а по-финикийски, с большим или меньшим количеством арамеизмов; одновременно появляются уже, однако, и собственно арамейские надписи, хотя и имеющие по большей части черты ханаанейского или аккадского влияния².

В течение VIII—VII вв. до н. э. ассирийские цари, завоевавшие всю Переднюю Азию, вели политику насильственной перетасовки покоренных народов, с целью заново заселить разоренные их предшественниками районы Месопотамии и западных склонов Иранских гор, а также затруднить взаимо-

¹ Др.-евр. *'ārāmīṭ*; нередко назывался также халдейским языком, а арамейские говоры евреев названы в Евангелии «еврейским языком».

^{1а} Промежуточное положение между этой подгруппой и ханаанейской занимает язык надписей Я'уди.

² По мнению Дж. Гарбини, древнейшие арамейские надписи (до VIII в. до н. э. включительно) не дают единообразной языковой картины; их можно разделить на четыре группы: 1) надписи Панамувы I и Бар-Рекуба, царей Сам'аля, или Я'уди (на границе Северной Сирии и Малой Азии, IX—VIII вв. до н. э.); 2) надписи Бар-Хадада и Хазаэля, царей Дамаска (IX в. до н. э.), и Закира, царя Хамата (IX—VIII вв. до н. э.), а также мелкие надписи из Хамата; 3) стела Магтэля, царя Арпада в Северной Сирии (VIII в. до н. э.); 4) отдельные надписи X—VIII вв. до н. э. из Северной Месопотамии и Ассирии; к этой группе примыкает и вторая надпись Бар-Рекуба из Сам'аля, посвященная ассирийскому царю Тиглатпаласару III. Язык надписей первой группы совершенно обособлен. Надписи третьей и четвертой групп ближе к «имперскому арамейскому» VI—IV вв. до н. э., причем в последней группе ощущается аккадское влияние. Следует отметить, что, например, надпись Киламувы, царя Сам'аля IX в., написана еще целиком по-финикийски.

Важным источником для изучения староарамейского языка, все еще не использованным, являются арамейские собственные имена, во множестве встречающиеся в ассирийских юридических и хозяйственных документах VIII—VII вв. до н. э.

понимание своих подданных и тем самым препятствовать мятежам. Результатом явилось широкое распространение арамейского в качестве второго разговорного языка — *lingua franca* — по всей Передней Азии; уже с конца VIII—начала VII в. до н. э. староарамейский стал применяться в самих ассирийских канцеляриях. После падения Ассирийского царства в 616—605 гг. до н. э. и Вавилонского царства в 539—538 гг. до н. э. аккадцы — ассирийцы и вавилоняне — постепенно слились с арамеями. В результате персидских завоеваний Ахеменидов в VI в. одна из форм староарамейского³, так называемое западноарамейское койнэ, или «имперский арамейский», — становится официальным канцелярским языком всей Персидской державы. До нас дошли арамейские документы персидской военной колонии в Элефантине на юге Египта (состоявшей из евреев), переписка персидского сатрапа Египта Аршамы со своим управляющим, отдельные арамейские отрывки в библейских книгах Эзры (официальные документы Ахеменидов, V—IV вв. до н. э.) и Даниила (II в. до н. э.), надписи и т. п. Письмо «имперского арамейского» языка (курсив, восходящий к финикийскому алфавиту) было позже использовано для ряда иранских языков (парфянского, среднеперсидского, хорезмийского, согдийского), причем написание отдельных слов «имперского арамейского» и целых канцелярских формул играло в иранском тексте роль гетерограмм, ср. гл. III, § 2, п. 26 (3)⁴.

Впоследствии на различных более поздних диалектах арамейского языка существовала обширная литература; до нас дошли надписи (например, пальмирские, набатейские⁵, сирийско-несторианские и мн. др.), культовые, юридические и литературные тексты — христианские (на палестинско-арамейском и особенно на эдесско-сирийском диалекте в двух его главнейших формах — яковитской и несторианской и др.), еврейские (талмудические памятники на арамейских диалектах — вавилонском, южнопалестинском и галилейско-палестинском), самаритянские (палестинский диалект) и мандейские (поздний вавилонско-арамейский диалект). Позднеарамей-

³ Под названием «староарамейский» мы здесь объединяем ранние арамейские диалекты до «имперского» включительно.

⁴ К арамейскому курсиву восходит и так называемое квадратное еврейское письмо, вытеснившее употреблявшийся ранее евреями собственно финикийский алфавит. Последний, однако, и позже сохранился в Палестине у самаритян — секты, образовавшейся в среде местного населения, не принятого в состав привилегированной иерусалимской иудаистической общины (см. об этом ниже, стр. 358). Маленькая группа самаритян, ранее говоривших по-арамейски, а ныне пользующихся арабским, до сих пор сохранилась в Палестине.

⁵ Набатейское царство (IV в. до н. э.—II в. н. э.), расположенное в северо-западной Аравии и к югу от Мертвого моря, было населено арабами, но пользовалось арамейским языком как языком письменности. Набатейско-арамейский содержит много арабизмов.

ские диалекты делятся на две группы — западную (Палестина, Набатей, Пальмира) и восточную (диалекты Месопотамии — Вавилонии: эдесско-сирийские, вавилонско-талмудический, мандейский)⁶. После арабского завоевания и создания Арабского халифата в VII в. н. э. арамейские диалекты в течение VII—XV вв. были вытеснены арабским. В настоящее время к западной группе относятся арамейские говоры, сохранившиеся в отдельных деревнях Сирии (Ма'лула), а к восточной — говор района Тур-'Абдин в Северной Месопотамии и другие диалекты ново-сирийского, или новоассирийского языка; носители его сохранились у оз. Резайе (Урмия) в Иранском Азербайджане, а также в Иранском и Иракском Курдистане, кроме того, рассеяны по различным странам (в том числе СССР).

Надписи на арамейском языке разбросаны на огромной территории. Крайние точки: северо-западная Индия — Семиречье — Армения и Грузия — западная Малая Азия — Египет — центральная Аравия. Однако большинство арамейских памятников относится к периоду за пределами хронологических рамок, поставленных для этой книги. Поэтому мы дадим лишь самую краткую характеристику арамейского языка VIII—V вв. до н. э.

3. В числе «аморейских» племен, сдвинутых со своих мест продвижением арамеев, были и племена, известные нам под названием евреев (др.-евр. *'ibrī*). Этот термин в древнейших источниках отличается некоторой неопределенностью.

Этимологически *'ibrī* — это «житель *'ēbār* (< **'ibr-*)», т. е. «области по ту сторону реки» (от глагола *'br* «переходить реку»). Однако в легендарной племенной генеалогии израильтян Эбер (*'Ēbār*) — это имя собственное мифического патриарха, к которому возводились племена, объединяемые под названием «сынов Эбера» (*bənē 'Ēbār*), что, видимо, есть не что иное, как синоним термина *'ibrī* в его наиболее широком значении. Согласно сохранившейся в Библии «генеалогии народов» (Быт., 10), восходящей, вероятно, к VII в. до н. э., у мифического Эбера было двое сыновей; к старшему из них восходят доарамейские племена Сирии и Палестины, в том числе и израильтяне, а к младшему — арабские и южносемитские племена. Эбер — правнук героя, пережив-

⁶ При этом следует отметить, что хотя в основу «имперского арамейского» лег, по-видимому, арамейский диалект какой-то части Месопотамии VIII—VII вв. до н. э., тем не менее более поздние восточноарамейские (месопотамские) диалекты не могут быть возведены к «имперскому арамейскому» языку (к нему гораздо ближе более поздние западноарамейские диалекты). Для выяснения истоков восточноарамейских диалектов следует, вероятно, изучать ранние памятники северо-западной Месопотамии, собственные имена «харранского реестра» и других ассирийских деловых документов и т. п.

шего потоп, — Ноя (Nō'āh) и потомок сына Адама — Сифа (Šet, вероятно, эпонима сутиев, аморейской группы племен, акк. *suti*). Однако тут же родоначальником «всех сынов Эбера» назван не Эбер, а его дед Сим (Šēm), «отец» не только Арпаксада, отца Эбера, но также и Ашшура (эпоним ассирийцев) и Арама (эпоним арамеев), т. е. всех вообще семитов (исключая отнесенных к потомкам Хама по политическим соображениям вавилонян, финикиян и некоторых других), а равно и Луда (эпоним индоевропейского народа лидян в Малой Азии).

Впервые в Библии «евреем» (*'ibrī*) назван дальний потомок мифического Эбера, патриарх Авраам, пришедший в Палестину, по легенде, из-за реки Евфрата (ср. *'br 'переходить реку'); отец Авраама считался предком не одних только израильтян, но и родственных им племен — моавитян, аммонитян, а сам Авраам — также эдомитян (идумеев) и ряда арабских групп (исмаильтян) и др.

Далее в Библии термин *'ibrī* уже применяется к израильтянам (включая иудеев), но лишь в специфических случаях, а именно, когда речь вложена в уста чужестранца, который, по-видимому, предполагается не разбирающимся в племенном делении, существующем в Палестине, или в уста израильтянина, разговаривающего с таким чужестранцем. Кроме того, термин *'ibrī* применяется к соотечественнику, утерявшему родо-племенную связь с общинами Израиля, например к еврею, не входящему в состав государства Израиль, а подчинившемуся филистимлянским городам-государствам (I Сам. [I Царств], 14, 21), или к попавшему в долговую кабалу, или к находящемуся на чужбине.

Таким образом, в древности термин «израильтянин» означал лицо, принадлежащее к одной из общин племенного союза (а позже государства) Израиль, а термин «еврей» — лицо той же народности и того же языка, но безотносительно к его принадлежности к такой общине. Вероятно, первоначально так могли быть обозначены и члены неизраильских племен, говоривших на близких диалектах и возводивших себя к тем же легендарным предкам.

Ранее предполагалась связь термина *'ibrī* с распространением во II тысячелетии по всей Передней Азии термином *'apiru* (др.-егип. *'pr*, акк. *ḥa-pi-ru*, шум. LÚSA.GAZ) 'изгой', 'бродяга', применившимся к толпам потерявших общинные связи поселенцев и наемников, бродивших и селившихся в различных районах Палестины, Сирии, Месопотамии и Малой Азии. Соответственно это же значение 'изгой', 'бродяга' иногда приписывается, в качестве первоначального, и термину *'ibrī*. Однако в настоящее время связь *'apiru* с *'ibrī* представляется крайне мало вероятной.

Племенной союз Израиль (Dīšrā'ēl) впервые упоминается как находящийся в Палестине в египетском источнике конца XIII в. до н. э. Надо полагать, что этот союз сложился несколько ранее, но вряд ли раньше конца XIV—начала XIII в. По традиции, в него входило 12 племен, или «колен»⁷, однако сохранившийся в Библии древнейший эпический отрывок «Песнь Деборы» (XII в.⁸) дает несколько иной состав племенного союза⁸; Левий, по-видимому, вообще было не племя, а межплеменная жреческая корпорация; большая часть племени Рувим очень рано погибла, племя Гад частично было поглощено соседними, не входившими в союз племенами, частично распалось, племя Симеон полностью слилось с Иудой. Фактически союз состоял из четырех групп: 1) южная — племя Иуда; 2) центральная, или собственно Израиль, — подплемя Ефрем, часть подплемени Манассия и племя Вениамин; 3) северная, частично более тяготевавшая к городам Финикии, — племена Завулон, Иссахар, Неффалим, Асир и часть племени Дан; 4) заиорданская, в которой главную роль играло племя Галаад⁹; сюда входили остатки племен Манассия, Гад и Рувим. Каждая из этих групп имела свой диалект; возможно, были и более мелкие племенные говоры¹⁰.

Согласно традиции израильтян, предок их Авраам ('Ab-gāhām) был «бродячий арамей» (что, может быть, означает просто «кочевник» — не обязательно арамейского происхождения) и жил в вавилонском городе Уре, затем переселился в Северную Месопотамию, позже кочевал в различных местах, от

⁷ Согласно основной библейской традиции, эти «колена» были следующие: 1) потомки патриарха Иакова-Израиля от его старшей жены Лии: племена Рувим (Rə'ūbēn), Симеон (Sim'on), Левий (Lə'ūi), Иуда (Jəhūdā), а также якобы «родившиеся позже» Иссахар (Iššāḳār) и Завулон (Zəbūlūn); 2) потомки Иакова-Израиля от его младшей любимой жены Рахили: племя Иосиф (Jəhōsēp, или Jōsēp), делившееся на два полуплемени — Ефрем ('Aḫra'īm) и Манассия (Mənaššā), — и племя Вениамин (Bini'āmīn); 3) потомки Иакова-Израиля от рабынь: племена Дан (Dān), Неффалим (Nəḫḫālī), Гад (Gād) и Асир ('Ašēr).

⁸ Ефрем, Вениамин, Махир (Māḫīr, подразделение полуплемени Mənaššā), Завулон, Иссахар, Рувим, Галаад (Gīl'ād), Дан, Асир и Неффалим. Однако Галаад, Дан и Асир не участвуют в общесоюзной войне, а Рувим проявляет колебания. Южные племена — Симеон и Иуда — вообще не упоминаются как входящие в племенную союз.

⁹ Это племя считалось формально подразделением Махира — Манассии, но фактически, видимо, сложилось из групп, отколовшихся от Манассии, Гада, Рувима и других, может быть, неизраильских племен.

¹⁰ Язык израильских племен называется в Библии «ханаанейским» (Исаия, 19, 18: šəpāt Kəna'an); специально язык южного, иудейского царства — «иудейский» (jəhūdī; очевидно, имеется в виду иудейский диалект); есть указания на особенности диалекта племени Ефрем (слово šibbōlāt 'колос' произносится šibbōlāt). По-видимому, отдельные библейские книги сохранили черты и других диалектных особенностей.

северной Месопотамии до южной Палестины и Египта; потомки Авраама, патриархи Исаак (Išḥāk, или Iiṣḥāk) и Иаков-Израиль (Ia'ākōb-Iiṣra'el) поселились в Палестине, но в голодный год Иаков с сыновьями выселился на пастбища северного Египта; после более двухсотлетнего (?) пребывания здесь, спасаясь от преследования фараона, израильтяне откочевали во главе со своим вождем Моисеем (Mōšē) и странствовали сорок лет по Синайскому полуострову и Заиорданью; затем преемник Моисея, Иисус Навин (Iēhōšū^а bin Nūn), ввел израильтян через Иордан в Палестину, которую они покорили, разрушив целый ряд ханаанейских городов-государств. Здесь они осели, первоначально на горных, так как важнейшие города в долинах долго оставались в руках ханаанеев, хотя и подчиненных израильтянам. Первоначально союз племен израильтян или отдельные группы племен управлялись выборными вождями — «судьями» (др.-евр. *šōpēt*)¹¹. Время от времени израильтяне подчинялись соседним государствам и племенам. Осевшие в конце XIII — начале XII в. до н. э. на побережье Палестины филистимляне¹², которые обладали уже железным оружием, подчинили себе и израильтян; в борьбе с филистимлянами в XI в. создалось царство Израиль.

Такова, так сказать, официальная племенная традиция израильтян, нашедшая отражение в повествованиях Библии. Однако есть данные, что эта традиция была не единственной. Некоторые иудейские роды группы Калев и другие сохранили память о своем проникновении в Палестину не через Иордан, а с юга, из пустыни Негев; племенные традиции части северных племен, по-видимому, не знали легенды о выселении в Египет и возвращении оттуда¹³; заиорданские неизраильтянские племена (позже царства) Моав, Аммон и Эдом, также возводившие себя к легендарному патриарху Аврааму, тоже считались сидевшими в Заиорданье еще со времен первых потомков Авраама. С племенем Иуда слились небольшие племенные группы бродячих кузнецов —

¹¹ Термин этот — ханаанейский, или во всяком случае был известен также и ханаанеям: этот же титул (лат. *suffetes* < фин. **šāpēt*) носили главные магистраты в Карфагене.

¹² *Palistiim* — один из так называемых народов моря — эгейско-малоазийских индоевропейских племен, разгромивших Хеттское царство в Малой Азии и ряд сиро-финикийских государств.

¹³ В I книге Паралипоменон (Хроник) рассказывается, например, о гибели сыновей Ефрема (внуков Иосифа) в войне с жителями филистимлянского города Гефа (Gāṭ) в Южной Палестине еще при жизни своего отца (7, 20—22), между тем как, согласно другим библейским книгам, патриарх Иосиф был продан в Египет юношей, и его сыновья Ефрем и Манассия родились и жили уже в Египте, откуда израильтяне вышли лишь спустя 200 лет.

кенитов (очевидно, возводивших себя не к Сифу = Šet, а к другому сыну первого человека, Адама, — Каину), эдомитская племенная группа кеназитов и др. Сохранившееся местное, доеврейское население мелких палестинских городов-государств, говорившее по-ханаанейски, тоже причисляло себя к разным племенам и народам; одни называли себя ханаанеями, хеттами или хурритами, другие относили себя к особым древним ханаанейским племенам *iēbūsīm* (жители Иерусалима), *hiṣūīm*, *girgāšīm* и т. п. Позднее и они слились с израильтянами.

Мы привели эти сложные и противоречивые племенные традиции евреев для того, чтобы показать большую сложность состава израильского народа. Не случайно место древнееврейского языка в группе северноцентральных до сих пор остается не совсем ясным. В фонетическом отношении древнееврейский язык в основном продолжает, по-видимому, древнеханаанейский, хотя некоторые еврейские фонетические особенности засвидетельствованы на древней ступени пока только в аморейском; но отдельные характерные черты древнеханаанейской грамматики (например, 3-е лицо множественного числа имперфекта м. р. на *ti-*) в древнееврейском не наблюдаются¹⁴, и этот последний язык дает в этих случаях более древние формы, близкие к аморейским и угаритским.

По всей вероятности, древнееврейский язык племенного союза Израиль, образовавшегося из переселившихся с востока (из-за Иордана), с юга (с границ Египта) и некоторых местных племен, представляет собой один из югозападноаморейских диалектов племенной группы сутиев, наложенный на мощный древнеханаанейский субстрат. Ввиду большой близости аморейских и древнеханаанейских диалектов слияние их было очень легким; этим слиянием, вероятно, и объясняется характерная непоследовательность в рефлексах древнесемитских форм, наблюдаемая в древнееврейском языке^{14а}.

Израильтяне считали одну часть народов ханаанейской языковой подгруппы родственными себе (а именно, моавитян, аммонитян и эдомитян), другую — неродственной (финикийцев и остатки ханаанеев Палестины). От моавитского языка сохранилась одна довольно пространная надпись царя Меша (IX в. до н. э.) и один фрагмент надписи, от аммонитского и эдомского — отдельные имена, граффити в одно-два слова и т. п. Судя по этим материалам, эти языки (или по крайней мере их согласный костяк) были чрезвычайно близки к древнееврейскому; различие носит, самое большое, диалектный характер.

¹⁴ Впрочем, это явление не наблюдается и в финикийском; видимо, оно было распространено не во всех древнеханаанейских диалектах.

^{14а} Например, ср. имена профессий модели **parrās-*: *gibbōr* 'муж, воин' (хан.), но *gannāb* 'вор' (амор.).

На древнееврейском языке сложилась большая литература — эпос, хроники высокого литературного достоинства, культово-законодательные тексты, культовая и свадебно-любовная лирика, повести, нравоучительные сочинения, речи религиозно-политических проповедников (пророков). Часть этой литературы, отобранная для нужд религии и отчасти переработанная, составила в VII—II вв. до н. э. канон Библии («Ветхий завет» христианской традиции). К сожалению, критический анализ книг Библии еще не во всех случаях приводит к вполне убедительным и однозначным результатам в отношении датировки отдельных отрывков, однако с уверенностью можно сказать, что самый древний из них — эпический отрывок «Песнь Деборы» — относится к концу XIII или началу XII в. до н. э., а самый поздний — книга Даниила — ко II в. до н. э.

Царство Израиль в конце X в. разделилось на две части — Царство Иуды с центром в Иерусалиме, и северное царство, или собственно Израиль. Последнее было в 722—721 гг. до н. э. покорено Ассирией, а население уведено, после чего оно бесследно рассосалось в арамеязычной массе жителей Ассирийской державы. Царство Иуды было завоевано в 597—586 гг. до н. э. Вавилонией; значительная часть населения была также уведена (в Вавилонию), но при владычестве персидской державы Ахеменидов вернулась в Иерусалим, который был воссоздан как самоуправляющийся привелигированный храмовый город (позже — небольшое царство), идеологическим обоснованием существования которого стала догматическая религия иудаизма, изолировавшая иудеев от окружающего населения. С этого времени начинается новый период в развитии древнееврейского языка. Разговорным языком примерно с последних веков до нашей эры и первых веков после начала нашей эры в Палестине, как и всюду в Передней Азии, стали арамейские диалекты, но как язык грамоты древнееврейский сохранялся среди приверженцев иудаистической религии и позже, даже и тогда, когда в результате ряда восстаний против римского владычества иудеи были выселены из Палестины и рассеялись по различным странам. В наши дни древнееврейский в модернизированной форме (язык иврит) стал официальным языком государства Израиль, применяемым даже в быту. Послебиблейская литература на древнееврейском языке весьма обширна; наиболее важные памятники: рукописи Мертвого моря — религиозные сочинения и библейские комментарии так называемой кумранской секты II—I вв. до н. э. (видимо — ессеев) и обширная ортодоксальная талмудическая литература такого же, а также фольклорного и юридического характера; большое значение имеют средневековые научные и литературные сочинения евреев.

4. Население финикийского (ныне ливанского) побережья не подверглось ни еврейскому, ни арамейскому нашествию, поэтому финикийский язык I тысячелетия до н. э. может считаться прямым потомком древнеханаанейских диалектов этого района, впрочем, не сохранившим некоторых особенностей, которые засвидетельствованы в письмах амарнского архива. Сами финикийцы продолжали называть себя ханаанеями (переводом этого термина, возможно, является др.-греч. *Phoinikēs* 'красноватые'), хотя чаще именовали себя каждый по своему городу-государству — тирянами, библянами, сидонянами и т. п. Последнее обозначение (*šīdōnīm*) применялось евреями и ко всем финикийцам вообще.

В результате финикийской колонизации побережий Средиземного моря финикийский язык получил распространение также на южном побережье Малой Азии, на о. Кипр, в Северной Африке, на островах Мальта, Сицилия, Сардиния, Балеарских островах и на южном и восточном побережье Испании. В Северной Африке в IX в. создался финикийский город-государство Карфаген (фин. *kart hadašt* 'новый город'), сделавшийся позже центром сильной рабовладельческой морской державы, в конце концов разрушенной Римом (146 г. до н. э.). В то время как в самой Финикии, после завоевания Передней Азии Александром Македонским в IV в. до н. э., финикийский язык (или, точнее, финикийские диалекты) был постепенно вытеснен греческим и арамейским, в Северной Африке он, подвергшись влиянию берберо-ливийского субстрата, а также латинского языка, по всей видимости, дожил до арабского завоевания VII—VIII вв. н. э.; имеются надписи на финикийском языке Северной Африки (иначе пуническом) во всяком случае еще от III—IV вв. н. э. Новопунический язык периода после падения Карфагена испытал значительные фонетические и другие изменения.

От обширной когда-то финикийско-пунической литературы не сохранилось ничего, кроме отдельных пересказов у античных писателей; о финикийском языке, и в частности о согласном составе слова, мы можем судить только по многочисленным, но малосодержательным надписям (древнейшие из которых относятся еще к концу II тысячелетия до н. э.), а об огласовке — по собственным именам в греческой и латинской передаче, по одной краткой пунической надписи греческими буквами и по отрывку на пуническом языке в комедии римского писателя Плавта (III—II вв. до н. э.) «*Roemulus*», дошедшем, впрочем, в несколько искаженном переписчиками виде.

Ниже мы не будем давать полного очерка финикийского языка, поскольку слишком многое здесь неясно, и большинство памятников выходит за хронологические рамки книги, а будем отмечать лишь важнейшие черты, отличающие финикийский

от древнееврейского. Оба языка были настолько близки, что взаимопонимание было, по всей вероятности, вполне возможно.

§ 2. Письмо. Изобретение алфавита

1. Североцентральные семитские языки на средней ступени стали пользоваться новым, так называемым финикийским письмом, которое является родоначальником всех¹⁵ алфавитных письменностей земного шара. Финикийское письмо состоит из 22 знаков только для согласных; все знаки имели определенный («алфавитный») порядок и свои названия; последние, правда, не дошли до нас в собственно финикийском звучании, но нам известны названия древнееврейских, эфиопских и древнегреческих букв, происходящих из финикийских; эти названия, вероятно, довольно близки к финикийскому оригиналу.

2. Происхождение финикийского письма все еще остается загадочным. В XIX в. пользовалась популярностью теория о происхождении финикийского алфавита из древнеегипетских иероглифов. В пользу этой теории, казалось бы, говорило то обстоятельство, что египтяне, близкие соседи финикийцев, обладавшие более древней и более высокой культурой, в числе знаков своей письменности имели и такие, которые обозначали каждый только по одному согласному звуку, а именно таковы и знаки финикийского письма.

Однако многочисленные попытки возвести формы финикийских знаков к формам тех или иных древнеегипетских знаков, будь то в их иероглифическом или в их скорописном варианте, не отличались особой убедительностью. Самый тот факт, что финикийское письмо с одинаковой степенью достоверности — или с одинаковой степенью натяжки — можно было возводить к совершенно не похожим между собой разным знакам и разным вариантам египетских иероглифических и скорописных знаков, говорил не в пользу египетского происхождения финикийского письма.

При этом следует подчеркнуть, что если самый принцип воспроизведения на письме отдельными знаками отдельных согласных связывался с определенной группой египетских знаков этого характера, то формы финикийских консонант-

¹⁵ За исключением, быть может, корейского, а также армянского и грузинского, изобретенных самостоятельно, но под влиянием арамейского и греческого письма. Мы не относим к числу алфавитных письменности индийской группы, являющиеся скорее слоговыми, но и они, через своего общего предка — письмо брахми, — по-видимому, восходят к арамейскому письму, а через него — к финикийскому. К арамейскому же письму восходит арабское. Непосредственно к финикийскому письму восходит греческое, а от него происходят дальнейшие ответвления — латинское, славянское, коптское, руническое и т. д.

ных знаков к этим египетским знакам во всяком случае были не возводимы. Поэтому на помощь была привлечена акрофоническая теория. Согласно этой теории, для обозначения того или иного согласного финикийцы брали рисунок предмета, название которого по-финикийски начиналось с этого согласного (например, 'alp- 'бык' для 'b, bait- 'дом' для b, dalt- 'дверь' для d и т. д.), а самый рисунок заимствовался из египетской иероглифики (или скорописи), где он, соответственно египетскому звучанию слова с этим же значением, читался, конечно, совсем иначе. В таком виде теория египетского происхождения финикийского письма вошла во многие учебники.

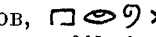
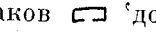
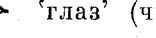
Однако акрофонический принцип создания письменности в истории письма мало распространен; к тому же остается непонятным, зачем финикийцам понадобилось бы изобретать новые формы для консонантных знаков, раз они все равно заимствовали формы знаков из египетской иероглифики, где консонантные знаки были уже выработаны; и, с другой стороны, зачем понадобилось финикийцам подбирать рисунки из египетской иероглифики, раз они положили в основу своего письма акрофонически используемое название слов своего собственного языка. Разве не легче было бы нарисовать собственными средствами «быка», «дом» и «дверь», чем выискивать в египетской иероглифике подходящие рисунки для знаков с совершенно иным звуковым значением, к стати не очень похожие на древнейшие финикийские знаки;

ср., например, др.-егип. 'голова быка' (чит. k'), , 'дом' (чит. pr и ht), 'дверь' (чит. 'c) с финикийскими , и (*'alp, *bait, *dalt = 'b, d)!

3. Аналогичными недостатками страдает крито-микенская теория происхождения финикийского письма, сравнительно недавно выдвинутая болгарским ученым В. Георгиевым. Она также основывается на предполагаемом акрофоническом принципе, но в качестве прототипа берется не древнеегипетское, а крито-микенское «линейное письмо А». Против этой теории можно выдвинуть те же возражения, хотя среди линейно-геометрических комбинаций, какими являются крито-микенские знаки, конечно, легче подобрать комбинации, похожие на финикийские буквы, тоже линейно-геометрические по своей форме. Но, по-видимому, дело здесь идет о случайном, чисто внешнем сходстве, тем более что финикийское письмо возникло едва ли сколько-нибудь позже «линейного А».

4. Часть исследователей, стоявших на почве теории египетского происхождения финикийского письма, отказавшись от поисков прямых прототипов, стала ограничиваться предполо-

жением о заимствовании финикийцами у египтян только самой идеи консонантного письма; другие стали искать какое-либо промежуточное звено между древнеегипетским и финикийским письмом.

По мнению египтологов А. Гардинера, К. Зете, в нашей стране — В. В. Струве и ряда других, таким промежуточным звеном было письмо открытых в начале XX в. загадочных кратких наскальных надписей в районе древнеегипетских рудников II тысячелетия до н. э. на Синайском полуострове. По своему облику знаки этих надписей напоминают написанные чернилами египетские полускоростные знаки, и в то же время среди них есть немало знаков, имеющих сходство с древнейшими финикийскими. Одно повторяющееся сочетание знаков, , А. Гардинер предложил читать по-семитски как *b'lt* 'госпожа', 'богиня', исходя из египетской формы знаков 'дом' (чит. *pr*, ср. фин. Δ — *b*, *bēt* < **baīt* — 'дом'), 'глаз' (чит. *irt*, *ir*, ср. фин. \emptyset — 'ain' — 'глаз') и из финикийских форм знаков \backslash — *l* и \times — *t*. Однако другие сочетания знаков и до сих пор не дали убедительных связанных семитских чтений. Кроме того, формы синайских знаков были, по-видимому, крайне неустойчивыми, поэтому все еще не установлено с достоверностью, какие формы знаков являются вариантами, а какие выражают разные согласные, и поэтому неизвестно даже общее число синайских знаков, и можно сомневаться в их алфавитном (а не, скажем, слоговом или словесно-слоговом) характере.

Следует заметить, что позже и в Палестине были найдены загадочные знаки, несколько схожие с синайскими.

Проблема значительно осложняется тем, что, кроме финикийского, нам известны еще два других семитских письма того же характера, т. е. с обозначением только согласных.

5. Одно из них — южноаравийское (южнопериферийное), восходящее, видимо, к концу II тысячелетия до н. э.¹⁶ Алфавитный порядок в нем иной, названия знаков — большей частью те же, что в финикийском (и алфавитный порядок, и названия известны нам, впрочем, только через эфиопскую передачу — эфиопское письмо является потомком южноаравийского)¹⁷. В большинстве случаев формы знаков имеют даже

¹⁶ Однако сохранившиеся надписи в большинстве случаев — значительно более поздние (не ранее VIII—VII вв. до н. э.).

¹⁷ Эфиопские знаки и их порядок: *h(ōi)*, *l(aṃ)*, *h(aṃt)*, *m(āi)*, *š(aṃt)*, *r(ə'əs)*, *s(āt)*, *k(āf)*, *b(ēt)*, *t(aṃ)*, *h(arm)*, *n(ahās)*, ' (*alf)*, *k(āf)*, *ṣ(āṃ)*, ' (*ain)*, *z(ai)*, *i(aman)*, *d(ant)*, *g(aml)*, *i(ait)*, *p(ait)*, *š(adāi)*, *z(aṃpā)*, ' (*a)*f, *p(əšā)*. В южноаравийском нет букв *p* и *r*, но зато есть буквы *q*, *t*, *γ* (*g*), *ṣ* и *š*, отсутствующие в эфиопском; эфиопскому *z* соответствует *š*.

в древнейших южноаравийских надписях лишь отдаленное сходство с финикийскими.

6. Второе — угаритское, о котором уже упоминалось (XV—XIV вв. до н. э.). Алфавитный порядок в нем почти полностью совпадает с финикийским; число знаков, как и в южноаравийском, несколько больше, чем в финикийском (имеются дополнительно знаки для ' + *i*, ' + *u*, *b*, *t*, *γ* в двух вариантах и *t* и др.), но формы знаков свести к финикийским затруднительно. Это лишь отчасти может быть объяснено тем, что угаритское письмо, в отличие от финикийского и южноаравийского, — не линейное, а, подобно шумерско-аккадскому (к которому оно, однако, не восходит), представляет комбинации клиновидных углублений на глине. Все же эти клинообразные угаритские знаки должны возводиться к линейным формам; но эти формы не имеют сходства с финикийскими знаками (кроме, может быть, ' и *š*). Как недавно выяснилось, существовал также сокращенный вариант угаритского алфавита, содержащий только 22 знака, подобно финикийскому.

7. Незадолго до второй мировой войны на территории той же Финикии, в г. Библи, было найдено несколько надписей еще одного вида письма. Дата надписей неясна, но, по-видимому, они относятся ко II тысячелетию до н. э. Это так называемое протобиблское письмо имело, видимо, около 100 знаков, из чего видно, что оно было слоговым письмом упрощенного типа, по всей вероятности, со знаками только для открытых слогов¹⁸. Среди них имеются знаки, полностью совпадающие по внешней форме почти со всеми буквами финикийского письма и с многими — южноаравийского. Однако неясно, имеют ли они что-либо общее с ними также и по звучанию¹⁹.

8. И. Гельб выдвинул серьезные соображения, которые, быть может, помогут раскрыть загадку финикийского письма. Соглашаясь с тем, что идея самого принципа финикийского письма могла быть заимствована у египтян, И. Гельб в то же время обратил внимание на то, что древнеегипетские «консонантные» знаки вовсе не являются алфавитными. Они входят в общую систему фонетических знаков египетской иероглифики, а эти знаки могут обозначать два слога, например: *hṭp*, *nfr*, *mrj*, ' *h*', или, чаще, один слог с двумя согласными, например: *nb*, *mr*, ' *h*' и т. п., или же, наконец, слог с одним согласным, например: *b*, *m*, *k*, *š* и т. п. Только

¹⁸ В слоговых письменностях подобного типа закрытый слог передается знаками для двух открытых, причем гласный в одном из знаков не читается (например, *-tes* в кипрском слоговом письме пишется *-te-se*, но силлабограмма *se* рассматривается как имеющая нулевой гласный).

¹⁹ Предпринятая Э. Дормом расшифровка протобиблского письма не может считаться убедительной и окончательной.

потому, что египетское письмо не выражает гласных и, следовательно, любой знак может выражать слог с произвольным или даже с нулевым гласным (например, *htr* можно читать *(ə)htar*, *hātre* и т. д.), мы и воспринимаем знаки типа *b*, *m*, *k*, *š* и т. д. как «алфавитные», в действительности же, конечно, и они, подобно *htr*, *nb*, *mr* и т. п., являются силлабограммами, т. е. при чтении содержат согласный плюс произвольный (или нулевой) гласный. Поэтому нет оснований и финикийские знаки понимать иначе. И они, очевидно, не что иное, как силлабограммы, но с произвольным или нулевым гласным. На это указывает и ряд других данных²⁰.

В свете этого наблюдения И. Гельба, впредь до поступления новых источников, возникновение финикийского письма можно представить себе следующим образом.

9. Древние финикийцы, ранее пользовавшиеся для письма либо древнеегипетским языком и иероглификой, либо аккадским языком и клинописью и познакомившиеся также со сложившимся к середине II тысячелетия до н. э. крито-микенским словесно-слоговым линейным письмом, для которого характерны знаки только для открытых слогов, около этого же времени изобрели собственное письмо такого же характера, т. е. слоговое или словесно-слоговое, рисуночно-линейное по очертаниям (протобиблейское). Затем, очень скоро, под влиянием практики египетских писцов, не различавших знаков для слогов, отличавшихся лишь гласными, они пришли к мысли, что обозначение слогов с разными гласными, но с одинаковым согласным одним и тем же знаком значительно упростит усвоение письма. Поэтому они составили «алфавит», в котором каждый знак обозначал только один согласный с произвольным или нулевым гласным. Был установлен порядок алфавита и названия знаков²¹.

10. Этот принцип, при котором число знаков, вместо сотен и тысяч, как в других древних системах письма, было сокращено менее чем до трех десятков, сделал грамотность доступной любому свободному гражданину, а посредничество грамотеев-

²⁰ Так, когда в семитских письменностях были введены дополнительные значки для огласовки, то понадобился особый значок, показывающий, что знак обозначает согласный с нулевым гласным, что было бы лишним, если бы этот знак передавал с самого начала один согласный, а не слог; в эфиопском письме знак без дополнительного значка, выражающего огласовку или отсутствие гласного, означает не согласный, а слог с гласным *a*; слоговым характером обладают в ряде случаев знаки финикийского происхождения в этрусском письме и письме иберов Пиренейского полуострова и т. п.

²¹ Порядок алфавита, как показывают угаритские документы, был установлен уже к XIV в. до н. э.; названия знаков также, как будет указано ниже, вероятно, восходят ко II тысячелетию до н. э.

специалистов и жрецов — излишним, что было особенно важно для финикийцев — торговцев и мореплавателей. Благодаря своей простоте этот принцип получил огромную популярность, и примеру финикийцев последовали и другие соседние семитские народы, которые, однако, частично или во всех случаях избирали другие формы знаков, наиболее удобные для распространенного в каждой из соответственных стран подручного писчего материала. Так появились южноаравийское письмо²² — первоначально, видимо, модификация очень ранней формы финикийского, — может быть, синайское и близкое к нему протопалестинское, а также угаритское. Что касается самого финикийского «алфавита», то формы знаков для него были, очевидно, отобраны из протобиблейского. Остается выяснить, были ли просто отброшены знаки протобиблейского письма, имевшие значение тех же согласных, но в комбинации с другими гласными, кроме одного (по-видимому, *a*), или же значения финикийских знаков были придуманы заново, а в готовом виде из протобиблейского взяты были только их внешние формы.

11. Как мы увидим ниже, финикийцы не ограничились при упрощении письма тем, что отбросили знаки для комбинаций одного и того же согласного с разными гласными, но пошли еще дальше, передавая несколько близких по артикуляции согласных фонем одним и тем же знаком, на-

²² Названия эфиопских (и южноаравийских) знаков указывают на их очень раннее заимствование из финикийского — до завершения процесса монофтонгизации дифтонгов и перехода долгого *ā* > *ā* в финикийском; ср. фин. **hai*- > др.-евр. *hē*, др.-греч. *hē*, но саб. **hay/i(?)* > эфиоп. *hōj*; фин. **zait-(?)* > др.-евр. *zāin* (из параллельной формы **zain-*), др.-греч. *zēta*, но саб. **zai(t)* > эфиоп. *zai*; фин. **īait-* > др.-евр. *īēi*, др.-греч. *thēta*, но саб. **īait-* > эфиоп. *īait*; фин. **mām* > др.-евр. *mēm*, но саб. **māi* > эфиоп. *māi*; фин. **šadaḥ-* > др.-евр. *šādē*, но саб. **šadaḥ* > эфиоп. *šadai*; эфиоп. *bēt* тоже, вероятно, восходит к **baḥt-*, а не к поздней форме *bēt*, засвидетельствованной др.-евр. *bēt* и др.-греч. *bēta*. Между тем дифтонгов нет уже в угаритском, и они находились, как мы видели, на грани исчезновения в аморейском и, вероятно, в древнеханаанейском; поэтому дату заимствования финикийских названий букв в сабейский следует отнести ко времени не позже середины II тысячелетия до н. э. Наличие дифтонгов в первоначальных финикийских названиях букв подтверждается еще и следующим соображением: при условии, что дифтонги еще читались, окажется, что все названия букв построены по одной схеме, начиная с комбинации «данный согласный + гласный *a*»; исключения составляют лишь буквы *nūn* 'рыба' и *šīn* (< **šinn-* 'зуб'?), но как раз эти названия, быть может, не первоначальные, на что указывают южносемитское название первой из этих букв — *nahās* 'змея', старая греческая передача древнееврейского названия второй из этих букв — *sev* = др.-евр. **šē/ān* < **šain-*, и греческое название буквы *cau* (< **šan*), правда, перенесенное в греческом на *ξ*. Большинство названий финикийских букв, в противоположность требованиям «акрофонической» теории, по-видимому, ничего не значит.

пример: ξ и ζ , η и θ , ι и κ . История письма знает аналогии этому явлению и в других примитивных алфавитах; так, древние скандинавы сократили число своих рун до 16, включая и гласные, хотя их язык имел значительно больше фонем. По-видимому, под финикийским влиянием такая же попытка сокращения числа знаков была сделана и в Угарите, однако там она, как кажется, не имела успеха.

12. Сильно выиграв в легкости усвоения письма, финикийцы, не обозначая на первых порах ни гласных, ни словоразделов, много потеряли в недвусмысленности чтения текста. Новое письмо годилось только либо для простейших счетных записей, либо для культовых текстов или памятных надписей, примерное содержание которых могло быть заранее известно. Необходимы были дальнейшие усовершенствования. Угаритяне и сабейцы ввели знак словораздела; сами финикийцы сделали более важный шаг вперед: к началу I тысячелетия до н. э. они в отдельных случаях стали обозначать добавлением знаков для «слабых» согласных также и долгие гласные (так называемая *scriptio plena*). Этому усовершенствованию способствовало то обстоятельство, что в результате стяжения дифтонгов и выпадения гортанного взрыва на месте сочетаний *-ah*, *-a'*, *-ai*, *-au* и т. п., которые писались *-h*, *-'*, *-j*, *-w*, стали произноситься долгие гласные *-ā*, *-ā'*, *-ē*, *-ō*. Однако знаки для «слабых» согласных, выражающие долгие гласные (так называемые *matres lectionis*), с самого начала не всегда являлись историческими, т. е. они встречались не только на месте старых дифтонгов, но и на месте старых долгих гласных *ā*, *ī*, *ū*, а также для выражения *ō*, *ū* < *ā* и *ō* < *ū*. Впрочем, финикийцы (кроме пунийцев Северной Африки в поздний период) очень мало пользовались *matres lectionis*; гораздо шире они применялись в древнееврейском и староарамейском, особенно с середины I тысячелетия до н. э.; все же и в древнееврейском, как и в староарамейском, долгие гласные не обязательно обозначались с помощью *matres lectionis*; нередко их продолжали оставлять без обозначения (так называемая *scriptio defectiva*)²³. Лишь в более поздних арамейских диалектах *matres lectionis* стали применяться для обозначения также и кратких гласных, но опять-таки не во всех случаях²⁴; как известно, для того чтобы абстрагировать согласный от гласного в слого, необходим значительный навык к абстрагированию вообще.

²³ С помощью *matres lectionis* выражались в древнееврейском и арамейском также гласные окончания слов (последовательно — примерно с VII—VI вв. до н. э.).

²⁴ Семитские писцы действовали здесь подобно некоторым дошкольникам, которые иногда пишут, например, *железо* вместо *железо*, если их приучают произносить букву *ж* как *жи* или *же*.

Лишь в средние века, для наиболее точной фиксации произношения в священных книгах, в древнееврейском, арамейском (сирийском) и арабском появляются специальные надстрочные и подстрочные значки, выражающие все гласные.

Только в греческом письме, заимствованном из финикийского, по всей вероятности в IX в. до н. э., в развитие принципа *matres lectionis* знаки для не существовавших в древнегреческом фонеме η и ϵ стали вскоре^{24а} применяться для гласных *a* и *o*; знак для ζ в одной из его форм стал употребляться для η , а знак для ι — также для ϵ ; в древнегреческом не было h , и соответствующий знак был применен для h (позже — для ϵ долгого), а оказавшийся лишним знак для h был использован для e . Позже был создан также знак для \bar{o} долгого. Таким образом, греческое письмо — первый подлинный алфавит, имеющий знаки для обозначения всех согласных и гласных фонем.

§ 3. Фонетика

1. Для восстановления фонетического состава древнееврейского и староарамейского языков у нас имеются следующие данные: 1) еврейская традиция, в том числе сочинения средневековых грамматиков и современное традиционное произношение древнееврейских и библейско-арамейских текстов; 2) иноязычная передача собственных имен и отдельных слов, особенно греческая, и в первую очередь передача собственных имен в «Септуагинте» — греческом переводе библейского канона, сделанном в III—II вв. до н. э.; 3) для староарамейского языка — дальнейшая история арамейских диалектов, в том числе и ныне существующих²⁵.

2. Библейские тексты дошли до нас огласованными с помощью надстрочных и подстрочных значков, обозначающих гласные и указывающих на придыхательное и непридыхательное произношение некоторых согласных, на их удвоение, на место ударения и т. п. Однако разметка библейского текста знаками огласовки принадлежит масоретам — ученым-книжникам раннего средневековья, и в своем нынешнем виде не старше VII—X вв. н. э. К тому же существует не одна, а несколько систем, различающихся не только по средствам обозначения гласных, но и по самой огласовке текстов, — «вавилонская», «палестинская» и общепринятая «тивериадская». Можем ли мы считать, что эти системы правильно передают произношение собственно древнего еврейского языка?

3. На этот вопрос следует ответить отрицательно. Хорошо

^{24а} Ср. все еще *scriptio defectiva* в карийском письме (потомок греческого письма IX—VIII вв.)!

²⁵ Кроме того, имеется один арамейский текст, написанный аккадской слоговой письменностью III в. до н. э.

известно, что при изменении фонологической системы живого языка соответственно изменяется и произношение текстов на мертвом языке. Так, в средние века латинское *c* (чит. [k]) стало перед гласными переднего ряда по всей Европе произноситься как [s] или [ts]; в Англии дело зашло еще дальше, и изменение качества и дифтонгизация долгих гласных в английском языке привели к таким же изменениям при чтении латинского текста, вследствие чего латинская фраза *veni, vidi, vici* 'пришел, увидел, победил' (лат. [ˈvɛni, ˈvidi, ˈviki]) стала произноситься [ˈviːnai, ˈvaɪdai, ˈvaɪsai]; русские, не имеющие в своем языке долгих гласных, произносят ту же фразу [ˈvɛni, ˈvidi, ˈvitsy], где знак ¹ обозначает палатализацию. С утерей назализованных гласных («юсов») в русском языке они перестали произноситься и в старославянских текстах.

С образованием перехода $\bar{a} > o$, $\bar{o} > oi$, ei и т. п. в разговорном языке восточноевропейских евреев²⁶ то же явление стало наблюдаться и в их произношении библейских текстов на древнееврейском языке (к тому же еще и с передвижением ударения); поэтому вместо масоретского произношения фразы *bərē'sīt bārā 'ēlō'hīm 'āt haš-sā'ma'īm wə'āt hā-'ārūš* 'в начале сотворил бог небеса и землю' восточноевропейские евреи произносят *'brei'sis 'boro e'loihim es hašo'ma'īm wes ho'oretš*.

Нет оснований думать, что на произношении древнееврейского текста масоретами не отразилась фонологическая система их родного разговорного языка или языков. Масоретская огласовка — попытка точно восстановить древнееврейскую фонетику, основанная на прекрасном знании традиции, но без научного понимания исторической и экспериментальной фонетики, которого в те времена и не могло быть. Поэтому масоретское произношение древнееврейского и староарамейского текста содержит ряд напластований: 1) традиция подлинного древнего произношения, 2) традиция фонетической системы арамейской речи евреев первых веков нашей эры (по всей вероятности, различных диалектов), 3) более поздние изменения в произношении, 4) разнообразные домыслы и компромиссы между различными произносительными традициями. Выделить разные напластования чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях невозможно. Значительную помощь здесь оказывает «Септуагинта», нередко базирующаяся на ином произношении, чем масоретское. Следует также отметить некоторые отличия от масоретского применения *matres lectionis* в библейских текстах, найденных среди рукописей Мертвого моря (II—I вв. до н. э. — I в. н. э.).

²⁶ Язык идиш, неправильно называемый «жаргоном», — один из верхнегерманских диалектов.

В настоящее время при изучении древнееврейского языка все же приходится базироваться на масоретском чтении; фонетические правила его (особенно это касается произношения гласных и различных их переходов) чрезвычайно сложны и часто непоследовательны. Поэтому для нашей цели — дать описание древних языков Передней Азии в том виде, в каком они существовали до 500 г. до н. э., — нет никакого смысла излагать все тонкости масоретской огласовки. С другой же стороны, если оставить совершенно в стороне последнюю и попытаться реконструировать «идеальные» исходные формы гласных, то мы получим, по существу, не древнееврейскую, а более раннюю древнеханаанейско-аморейскую фонологическую систему, уже изложенную нами выше. Поэтому мы ограничимся самым общим очерком тенденций развития древнееврейской и староарамейской фонологической системы.

4. Как указывалось выше, финикийское (и, соответственно, древнееврейское) письмо графически различает всего 22 согласных. Эти согласные следующие (указываем также их общесемитские соответствия):

<i>ʕ</i>	<i>m</i>	<i>b*</i>	<i>p*</i>				
	<i>n</i>	<i>d*</i>	<i>t</i>	<i>t*</i>	<i>z (< z, ʒ)</i>	<i>š (< š, ʃ, ʂ)</i>	<i>s (< š, t, s)</i>
			<i>l</i>				
			<i>r</i>				
<i>ʔ (< ʔ, ʕ-)</i>		<i>g*</i>	<i>k</i>	<i>k*</i>	<i>' (< ' , ʔ)</i>	<i>h (< h, ʕ)</i>	<i>h (< h, s)</i>

Однако греческие транскрипции (хотя не всегда вполне последовательно) показывают, что, по-видимому, *š* и *t*, *'* и *ʔ* и, возможно, *h* и *ʕ* различались еще и на средней ступени языка²⁷. Ср. др.-евр. *Šōr (< *Tūr)* 'Тир' и *Šidōn* 'Сидон' с греч. *Τύρος* и *Σιδών*; др.-евр. *ʔzrā* (имя собств., от корня *'dr*), *ʔzzā* (имя города, *< *ʔazzā*), *ʔmōrā < *ʔamorrā* с греч. (в «Септуагинте») *Ἐζδρας*, *Γάζα*, *Γομόρρα*; др.-евр. *Ḥizkiā* (имя собств.), *ḥittim < *ḥattim* 'хетты' с греч. (в «Септуагинте»), *Ἑξκίας*, *Χεταῖοι*. Согласные *š* и *s* различались еще и масоретами, которые отмечали их разными диакритиче-

²⁷ Во всяком случае до III—II вв. до н. э., когда создавался греческий перевод Библии — «Септуагинта». В период создания латинского перевода — «Вульгаты» (IV в. н. э.) — и в масоретский период согласные *t*, *ʔ* и *ʕ* были уже утеряны, вероятно, под арамейским влиянием, подкреплявшимся влиянием графики. Однако, следует заметить, что и греческие транскрипции иногда передают не только *ʕ*, *ʔ*, но и *h*, как *χ*, *ʔ*; и наоборот, иногда передают *ʕ*, *ʔ* как *'*; по-видимому, процесс совпадения *h* и *ʕ*, *ʔ* и *'* уже начался.

скими знаками (впрочем, \dot{s} произносилось масоретами под арамейским влиянием как s).

Таким образом, в древнееврейском из общесемитского состава согласных выпали²⁸ только \dot{s} ($> \dot{s}$), \dot{t} ($> \dot{s}$) и \dot{d} ($> z$), а также s , которое дало h (и в некоторых случаях ' и \dot{s}). То же, по-видимому, верно в отношении финикийского²⁹.

Согласные, обозначенные в таблице звездочкой, т. е. b , p ; d , t ; g , k , передаются по-гречески (там, где греческая фонетика и письмо это позволяли) как придыхательные β , ϕ ; δ , θ ; γ , χ , а в масоретском произношении произносятся как b , p ; d , t ; g , k лишь после согласных или будучи удвоенными, но в положении после гласного они произносятся как v , f ; \dot{d} , \dot{t} ; γ , \dot{h} . Изменение это — не фонематическое, а комбинаторное. Масоретское произношение, по-видимому, восходит к средневековой арамейской фонетической системе; в древности ни в древнееврейском, ни в арамейском спирализация неэмфатических взрывных, вероятно, еще не завершилась, но уже налицо было их придыхательное произношение (как bh , ph , dh , th , gh , kh), только неясно, — во всех случаях или лишь после гласных³⁰ (в нашей транскрипции мы обозначаем спирализацию после гласного чертой над или под соответствующей буквой). Процесс фонетического изменения взрывных, судя по отдельным случаям транскрипции ханаанейского и угаритского k с помощью аккадского \dot{k} , а \dot{h} , \dot{h} с помощью аккадского k , начался не позже XIV в. до н. э.

В масоретской традиции согласные ' , \dot{h} , ' , h , а также r , имевший в то время, вероятно, язычковое (увулярное) произношение³¹, не удваиваются³², и краткий гласный перед

²⁸ Не исключено, однако, что в начале I тысячелетия до н. э. сохранялись еще и эти фонемы.

²⁹ В новопуническом произошло значительное упрощение согласного состава; в частности, совпали согласные ' , ' , \dot{h} и h , давшие, под берберо-ливийским влиянием, ' или ноль звука.

³⁰ Судя по греческим транскрипциям, скорее всего во всех случаях. В течение I тысячелетия н. э. в арамейском (а потому и в производном от него древнееврейском) придыхательные bh , ph , dh , th , gh , kh в положении после гласного спирализировались ($> v$, f , \dot{d} , \dot{t} , γ , \dot{h}). Судьба их в остальных положениях, по-видимому, была различна в разных диалектах. В то время как в одних они здесь потеряли придыхание, в других — сохранили или также спирализировались.

³¹ Вопрос этот неясен. Некоторые средневековые еврейские филологические пособия относят r в группу переднеязычных согласных, другие указывают на двойное («твердое» и «мягкое») произношение r , подобное двойному [непридыхательному и придыхательному, или непридыхательному (?) и спирализованному] произношению b , g , d , p , k , t , однако фонетический смысл этого разделения r на «твердое» и «мягкое» не разъяснен.

³² Иногда удвоение только графически не выражается («виртуальное» удвоение).

ними удлиняется («заменительная долгота»)³³. Это явление, как показывают отдельные случаи *scriptio plena* для «заменительных» долгих гласных в библейском тексте, достаточно древнее, однако в «Септуагинте» исторически удвоенные согласные часто и передаются именно как удвоенные (впрочем, с другой стороны, «Септуагинта» не всегда передает удвоение тех согласных, которые удваиваются у масоретов).

Как и во всех северосемитских языках, в древнееврейском n регулярно ассимилируется следующим согласным (и также l в глагольном корне lkh «брат»).

Изменения испытывает $-t-$ в глагольных формах породы Т ($-t\dot{s}-$, $-t\dot{s}-$, $-ts->-\dot{s}t-$, $-\dot{s}t-$, $-st-$; $-t\dot{s}->-\dot{s}t-$).

Начальный $\mu-$ (кроме союза $\mu a-$) во всех случаях переходит в $i-$ (иногда $\mu > i$ и в других позициях). Между гласными μ и i нередко дают ' и затем ноль звука, со стяжением соседних гласных.

5. Согласный состав «имперского арамейского» графически совпадал с древнееврейским; отличие заключалось в отражении общесемитских согласных:

μ	m	b^*	p^*	$t (< t, \dot{t})$	$t^* (< t, \dot{t})$	$z (< z, d)^{34}$	s	$\dot{s} (< \dot{s}, s)$
	n	d^{*34}						
				l				
				r				
$i (< i, \mu-)$		g^*	k		k^*			
							$' (< ' , \gamma, \dot{s})$	$h (< h, b)$ $h (< h, s)$

Однако древнейшие староарамейские надписи следуют финикийско-древнееврейским правилам, передавая не только \dot{s} , но и \dot{t} буквой \dot{s} ($\dot{s}in$), \dot{t} — буквой \dot{s} ($\dot{s}ad\dot{e}$), \dot{d} (как и в «имперском арамейском») — буквой z ($zajin$). Лишь в одном наблюдается расхождение с финикийским, а именно — в отражении фонемы \dot{s} . Финикийская графика передает ее через \dot{s} ($\dot{s}ad\dot{e}$), а древнейшая арамейская — через k ($k\dot{o}rh$). Это, очевидно, объясняется тем, что фонетически рефлекс общесемитского \dot{s} был различным в финикийском и староарамейском. Как мы помним, \dot{s} было, по-видимому, латеральным звуком, при озвончении похожим на твердое «л», и в старо-

³³ Наряду с этим указанные согласные (неправильно именуемые «ларингальными») влияют также и на соседние гласные (появление *pathaḥ furtivum*, или краткого \dot{a} , после долгого гласного перед «ларингальными», иногда паразитических беглых гласных после них, спорадические переходы краткого $i > a$ перед ними, и мн. др. Подробнее см. в существующих грамматиках древнееврейского языка).

³⁴ В более поздние периоды арамейского языка z соответствует только общесемитскому z , а d — как d , так и \dot{d} .

арамейском оно дало звук, акустически близкий к γ или g , чем и объясняется его передача с помощью буквы k (қбрh).

В дальнейшем в арамейском происходят значительные изменения в консонантизме, что и показано выше. Важнейшим изменением был переход ряда d, t, t во взрывные d, t, t . В «имперском арамейском» d , видимо, еще произносилось, — писалось z (zajin), — но t и t на письме передавались уже через t (tēth) и t (taū) и, вероятно, так и произносились. Позже также и d переходит фонетически и графически в d .

Одновременно γ (а также и ξ) совпало с 35 , что также отразилось на правописании ('arš- 'земля' в древнейших текстах пишется 'rk, но уже в «имперском арамейском» 'r').

Около того же времени или несколько раньше историческое s во всех случаях (кроме $-st- > -št-$ и местоимения 3-го лица, где s сохранило форму h) перешло в $'$; затем s начинает переходить в s и писаться соответствующим образом 36 .

Таким образом, в древнейшем арамейском из общесемитского состава согласных несомненно выпали только ξ ($> \gamma$) и s ($> h$), но к началу н. э. выпал также весь ряд d, t, t ($> d, t, t$), а равно s ($> s$), γ ($> \gamma$), h ($> h$), а историческое s в большинстве случаев дало 37 . Это изменение арамейской фонологической системы повлияло на масоретское произношение древнееврейского.

³⁵ Вероятно, тогда же и h совпало с h .

³⁶ Отдельные случаи написания s с помощью s встречаются уже очень рано. Следует обратить внимание на следующую любопытную черту: вавилонские и ассирийские передачи арамейских слов и имен собственных, а равно ранние арамейские передачи вавилонских и ассирийских слов и имен собственных дают следующее соотношение в передаче сибиллянтов:

арам. ξ = вав. ξ , асс. s (чит. [š]?)
арам. s = вав. ξ , асс. s (чит. [š]?)
арам. s = вав. s , асс. ξ (чит. [s]?)
вав. ξ , асс. s (чит. [š]?) = арам. ξ
вав. s , асс. ξ (чит. [s]?) = арам. s

Таким образом, не только арамейский ξ , но и арамейский s были акустически ближе к аккадскому ξ , чем к аккадскому s . Дж. Гарбини в связи с этим ставит вопрос: почему же в таком случае арамейский ξ в дальнейшем развился в s , а не в ξ ? Это недоумение, быть может, возможно разрешить, признав, что сам аккадский ξ был на самом деле не равен арамейскому ξ , а стоял ближе к s (см. гл. VI, § 3, п. 1), чем и объясняется то обстоятельство, что аккадский ξ , близкий к s , служил для передачи обоих арамейских звуков — ξ и s . Но акустически арамейский ξ мог быть ближе к арамейскому s , чем к арамейскому (но не аккадскому!) ξ .

³⁷ В ряде арамейских диалектов в дальнейшем γ , h , γ и h совпали в $'$ или в h . Этот процесс, по-видимому, начался в Вавилонии под аккадским влиянием, но затем перешел и на ряд других арамейских диалектов. В частности, он был характерен для галилейского (севернопалестинского) диалекта.

Комбинаторные изменения староарамейских согласных примерно те же, что и изменения древнееврейских; различие — в деталях комбинаций.

6. Масоретская (тивериадская) система огласовки как древнееврейского, так и арамейского языка различает 11 гласных. При этом масореты исходили не из долготы и краткости гласных, а исключительно из их тембра. Правда, тембр связан с количеством гласного, например узкий, дифтонгоидный e , e' , как правило, был долгим \bar{e} , а задний \bar{a} или открытый o по большей части был долгим \bar{a} или \bar{o} ; однако открытый o мог быть и кратким, масореты же в обоих случаях писали один и тот же диакритический значок.

Таким образом, в масоретской системе:

- Значок τ (kāmās) может означать закрытый долгий \bar{a} , а также краткий открытый o 38 ;
значок $-$ (pathaḥ) означает открытый гласный a 39 ;
значок \cdot (sērē) означает передний закрытый долгий \bar{e} и, может быть (в частности, в арамейском), краткий e ;
значок \ast (šəgōl) означает открытый краткий \bar{a} 40 или e , и, по-видимому, иногда долгий открытый \bar{a} или \bar{e} ;
значок \cdot (hīrāk) может означать как долгий \bar{i} , так и краткий i 41 ;
значок \cdot (над буквой, ḥōlām) означает закрытый, обычно долгий \bar{o} ;
значок \cdot (внутри mater lectionis w, šūrāk) означает долгий \bar{u} ;
значок \ast (qibbūs) означает долгий \bar{u} , но чаще краткий u ;
значок \ast (šəqā) означает либо отсутствие гласного (quiescens), либо беглый гласный \bar{a} неопределенного качества (mobile) 41a .
значок \ast (hāṭēph pathaḥ) означает беглый гласный, окрашенный тембром \bar{a} ;
значок \ast (hāṭēph kāmās) означает беглый гласный, окрашенный тембром \bar{o} ;
значок \ast (hāṭēph šəgōl) означает беглый гласный, окрашенный тембром \bar{e} .

Разобраться в действительном количественном характере гласного можно только исходя из этимологических сообра-

³⁸ В неударном закрытом слоге.

³⁹ А также призвук a перед γ , h , h .

⁴⁰ Характерно, что еще во многих сравнительно поздних средневековых рукописях вместо значка šəgōl (\bar{a}) довольно последовательно встречаем значок pathaḥ (a), а иногда, наоборот, \bar{a} вместо a . По-видимому, это одна фонема.

⁴¹ А также, судя по транскрипциям латинского переводчика Библии Иеронима, краткий узкий e .

^{41a} И нуль гласного на месте исторического беглого (šəqā medium).

жений, и эти решения не всегда однозначны. Для упрощения мы всюду транслитерируем *kāmāš* как *ā*⁴², *šēgē* как *ē*, *e*, *səgōl* как *ā*, *hīgāk* как *ī* или *i*, *hōlām* как *ō*, *šūrāk* как *ū*, *qibbūš* как *u* и т. д., однако следует иметь в виду, что знак долготы не всегда этимологически оправдан.

7. Как уже указывалось выше, рефлексы древнесемитских гласных в древнееврейском (по крайней мере в масоретской передаче) отличаюся непоследовательностью. В основном изменения обусловлены ударением.

Общесемитское правило расположения ударений, по-видимому, в основном сохранилось в аккадском (см. гл. VI, § 3, п. 4) и может быть сформулировано таким образом: ударение падает на второй слог от конца, если он долгий (т. е. закрытый или содержит долгий гласный), иначе на третий, четвертый от конца и т. д. в зависимости от некоторых условий.

Это правило в древнеханаанейском заменилось другим: ударение всегда падает на второй слог от конца^{42а}. В связи с потерей внешней флексии ударение в древнееврейском в большинстве случаев оказалось на последнем слоге, что привело к дальнейшим изменениям системы.

Постоянное место ударения привело к удлинению кратких гласных в ударном слоге и к изменению качества и количества гласных в неударных слогах.

В самом упрощенном виде соотношение общесемитского вокализма с древнееврейским можно представить в виде следующей схемы:

Долгие в открытом слоге (и вторичном закрытом) ¹	<i>ā</i> > <i>ō</i> (и <i>ā</i>) ² : * <i>talātu</i> 'три' > <i>šalōš</i> , * <i>hāmāru</i> 'осел' > <i>hāmōr</i> ;
	<i>ī</i> > <i>ī</i> : * <i>šaddīkīma</i> 'праведники' > <i>šaddīkīm</i> .
	<i>ū</i> > <i>ū</i> : * <i>katūlu</i> 'убитый' > <i>kātūl</i> ;
Краткие ударные в открытом слоге	<i>a</i> > <i>ā</i> : * <i>maša'a</i> 'нашел' > <i>māšā</i> ;
	<i>i</i> > <i>ē</i> : * <i>rā'i'u</i> 'пастух' > <i>rō'ē</i> ;
	<i>u</i> > <i>ō</i> : * <i>tīqtulī</i> 'ты (ж. р.) убьешь' > <i>tīk-tōlī</i> (в паузе).
Краткие ударные во вторичном закрытом слоге	<i>a</i> > <i>ā</i> (и > <i>a</i>): * <i>dabaru</i> 'слово' > <i>dābār</i> (но * <i>kaṭal(a)</i> 'убил' > <i>kā'tal</i>) ³ ;
	<i>i</i> > <i>ē</i> (и > <i>ā</i>) ⁴ : * <i>kātilu</i> 'убивающий' > <i>kā'tel</i> ⁵ ;
	<i>u</i> > <i>ō</i> (и > <i>ā</i>): * <i>īktulu</i> 'убьет' > <i>īk'tōl</i> ⁶ .
Краткие ударные во вдвойне закрытом слоге	См. примечание 7.

⁴² Кроме закрытых неударных слогов с кратким гласным, где этот значок передается как *o* (*kāmāš hāṭūr*).

^{42а} Но мн. ч. «нового перфектива» *'paḳa'dū* (?) и т. п.?

Краткие ударные во вдвойне закрытом слоге перед удвоенным согласным на конце⁸

a > *a* (или *ā*, редко *ā*)⁹, *i* > *ē*, *u* > *ō*.

Краткие в предударном открытом слоге

a > *ā*: **dabarahu* 'сказал его' > *dabārāy*;

i > *ē* (или *ē*): **īlāidah* 'рожающая' > *īlē-dā(h)*, **binīja* 'моего сына' > *bā'nī*;

u > *u*¹⁰ (или *ē*): **amīkah* 'сила' > *amīk-kā(h)*; **īktulūna* 'убьют' > *īktū'lūn*;

Но ср. **paḳadū* > *pāḳədū* (см. прим. 42а).

Краткие в открытом слоге, предшествующем предударному¹¹

a > *ə*: **dabarahu* > *dabārāy*;

i > *ə*: **ilāhīma* 'боги' > *ēlō'hīm*;

u > *ə*: **mumalli'u* 'наполняющий' > *mə-mall'e*.

Но ср. **paḳadū* > *pāḳədū* (см. прим. 42а).

Краткие в конечном неударном открытом слоге

a > ноль (или > *ā*¹²);

i > ноль (или > *ī*¹²);

u > ноль (или > *ū*¹²).

Краткие в неударном закрытом слоге¹³

a > *a*, *i*¹⁴; *ā* (редко): **batnīja* 'моей утробы' > *bit'nī*; **kalbīja* 'моей собаки' > *kal'bī*; **parīu-ka* 'твой отпрыск' > *pārī-ka*;

i > *i*; *ā*: **siprīja* 'моего писания' > *sīprī*;

**īhkanu* 'станет мудрым' > *īh'kam* под влиянием *h*, также **hipšīja* 'моего желания' > *hāp'šī*;

u > *u*, *o*: **huk'tal(a)* 'он вынужден убить' > *hok'tal* и т. д.

Примечания. 1. Древнеханаанейский не терпел долгих гласных в закрытом слоге, поэтому этимологически долгие гласные сокращались, например: **šalōšu* (< **talātu*) 'три', ж. р. *šaloštu* и т. п. В дальнейшем их судьба соответствовала судьбе кратких гласных. Но с утерей внешней флексии образовывались вторичные закрытые гласные, в которых долгота сохранялась: **kalabīma* 'собаки' > *kēlabīm*.

2. В некоторых словообразовательных типах: **kitāb*- 'книга' > *kē-tāb*, **gannāb*- 'вор' > *gannāb* ударный долгий *ā* может дать *ā*.

3. Ср. **kabīd(a)* 'он был тяжел' > *kā'bēd* с долгим *ē*.

4. Если ударный слог — предпоследний или принадлежит слову в *status constructus* (где ударение вспомогательное), то *-i-* иногда > *-a-*. По аналогии этот *-a-* может перейти и в формы, где данный слог не является ударным: *ka'bidā* 'ты стал тяжел' > *ka'badā*, *kaḥidumu* 'вы стали тяжелыми' > *kābad'tām*.

5. Но **barzil(lu)* 'железо' > *bar'zāl*.

6. Но **antumū* 'вы' > *at'tām*.

7. В результате отпадения внешней флексии мог образоваться ударный вдвойне закрытый слог (т. е. оканчивающийся на два согласных). Такой вдвойне закрытый слог всегда сохранялся в финикийском [**ba'lu* 'господин' > *ba'l*, **kartu ḥadattu* 'город новый' > *Kart-ḥadašt* 'Карфаген', *malk(u) karti* 'царь города' > *māl(k)kart* 'Мелькарт' — имя божества], но лишь изредка в древнееврейском (*kāḥalt* 'ты убила'; при этом *'a* > *'a* или *'ā*, *'i* > *'i* или *'ē*, *u* всегда > *ō*).

Чаще же (особенно в именах общесемитских словообразовательных типов **pars-*, **pirs-*, **purs-*, так называемых *nomina segolata*, названных так по обозначению значка для гласного *ā*: **səḡōl*, а также в именах женского рода с суффиксом **-tu* > *-t*) происходило изменение огласовки, о котором можно судить по следующим образцам (обратить внимание на место ударения): 1) **kalbu* 'собака' > *'kālāb*, в паузе *'kālāb* (но **kal'bīja* 'моя собака' > *kal'bī*); 2) **sipru* 'писание', 'книга' > *'səpār* (но **siprija* > *sip'ri*); 3) **'udnu* 'ухо' > *'ōzān* (но **'udnija* > *'oznī*); ср. также **šaloštu* > *šə'lōšūl* 'три' (ж. р.).

Но на характер огласовки влияет качество второго или третьего корневого согласного, поэтому: 4) **bajtu* 'дом' > *bajti*; 5) **maqtu* 'смерть' > *'māqūt*; 6) **naḥlu* 'речка' > *'naḥal* (также со средним корнем *'h* и *'*); 7) **buhū* 'пустота' > *'bōhū* и т. д.

8. При этом удвоенный согласный упрощается.

9. Возможно, здесь речь идет лишь о тембровых и просодических различиях.

10. С «заместительным» (мнимым?) удвоением следующего согласного.

11. Иногда, в особенности в соседстве с *'*, *h*, *h*, *'*, краткий гласный в открытом слоге, предшествующем предударному, становясь беглым, сохраняет этимологическую окраску (*a* > *ā*, *i* > *ē*, *u* > *ō*) или приобретает такую окраску под влиянием качества гласного соседнего слога. Видимо, эти оттенки произношения не были фонематическими.

Если перед ударным слогом имелся беглый гласный *ə*, *ā*, *ē*, *ō* или паразитический призвук *ə*, *ā*, *ē*, *ō*, образующийся после согласных *'*, *h*, *h*, *'*, то он не рассматривается как слогаобразующий, а слог, предшествующий такому беглому гласному, рассматривается как закрытый предударный, и гласный в нем не изменяется: *mal(ə)'ke* 'цари' (st. constr.), *na'ārē* 'отроки' (st. constr.), *hal'ūlū* 'ликуйте, славьте' и т. п.

12. Там, где по функциональным причинам отпадение конечного гласного не произошло, например, в спряжении: *kaḥalta* 'ты убил' > *ka'altā*; *kaḥalti* 'я убил' > *kā'taltī*; ср. также *pi-hu* 'его рот' > *'pi-hū*.

13. Различные рефлексы здесь трудно объяснимо и, возможно, не является фонематическим (диалектным?).

14. Так еще в древнеханаанейском.

Таким образом, если оставить в стороне довольно многообразные исключения, то наиболее общие правила древнееврейского вокализма таковы:

- 1) долгий **ā* > *ō* (с исключениями);
- 2) долгие *ī*, *ū* сохраняются.
- 3) краткие ударные **'a*, *'i*, *'u* > *'ā*, *'ē*, *'ō* (с многочисленными исключениями для *'a*)⁴³.

⁴³ Эта вторичная долгота, вызванная ударением, сравнительно редко обозначается с помощью *matres lectionis*, однако таких случаев достаточно, чтобы сделать заключение о том, что это явление возникло хотя и поздно, но еще в древности.

4) краткие неударные в предударном открытом слоге либо сокращаются до беглых, либо удлиняются (кроме *u*): *a*, *i*, *u* > *ā*, *ē*, *u* или *ā*, *ə*, *ə*;

5) краткие неударные в послеударном открытом слоге либо отпадают, либо удлиняются, сохраняя качество;

6) краткие неударные в открытом слоге, предшествующем предударному, дают редуцированный *ə* (иногда с различной окраской), но если предударный дал *ə*, то предшествующий предударному > долгий.

7) краткие неударные в закрытом слоге либо сохраняются, либо *a*, *i*, *u* > *ā*, *ā*, *o*, но *a* может также дать *i*.

Древнееврейский, как уже указывалось, избегал удвоения *'*, *h*, *'*, *h* и *r*; этимологическое удвоение согласного заменялось удлинением предшествующего гласного: *-a-* > *-ā-* или *-ā-*, *-i-* > *-ē-*, *-u-* > *-ō-*. Масореты не обозначали удвоения согласных *'*, *h*, *'*, *h*, *r* даже в тех случаях, когда оно произносилось еще и в позднее время; в этих случаях «заместительного удлинения» гласного не происходит, и краткий неизменный гласный стоит как бы в открытом слоге⁴⁴.

8. Дифтонги в древнееврейском (и финикийском) в большинстве случаев монофтонгизировались (кроме дифтонгов с основным долгим гласным), причем *ai* > *ō*, *ai* > *ē*, *iī* > *ī*, *ui* > *ū*. Дифтонг *ui* сохраняется (но ср. п. 7, прим. 7).

О судьбе гортанного взрыва *'* в конце слога см. ниже, § 7, п. 9.

Приведенными правилами далеко не исчерпывается разнообразие рефлексов древнесемитских гласных в древнееврейском; многие рефлексы с трудом объяснимы.

9. Несколько проще староарамейский вокализм, о котором мы можем судить не только по масоретской традиции, но и по отражениям его в более поздних арамейских диалектах, в частности в сирийском, где также имеются диакритические знаки огласовки.

Ударение в староарамейском, за исключением некоторых реликтовых форм (например, при сохранившемся гласном окончании ряда суффиксов), передвинулось с предпоследнего на последний слог слова⁴⁵. Это вызвало изменения в вокализме, во многом параллельные происходившим в древнееврейском, но более простые.

⁴⁴ Ср. особые случаи перед *'*, *h*, *h*, *'*, *r*: **hah-harīma* 'горы' (определенный артикль) > *hā-hārīm*; **ha'-arṣu* 'земля' (определенный артикль) > *hā-'ārās*; **barrīka* 'благословил' (порода D) > **bir'rik* > *bērēk*, **burraka* 'благословен' > *bōrak*; *hah-hū* > 'этот' > *ha-hū* («виртуальное» удвоение, чит. **hahhū*).

⁴⁵ Значительно позже оно опять передвинулось на предпоследний слог.

Долгие по природе гласные *ā*, *ī*, *ū* сохраняются в староарамейском всегда; краткие гласные обычно сохраняются без изменений⁴⁶ в ударных, в закрытых начальных неударных слогах и во всех закрытых слогах, оканчивающихся на удвоенный согласный, кроме стоящих в конце слова. Неударные гласные в открытом слоге дают беглый гласный: **ka'tala* 'убил' > *kə'tal* (и *kə'talū* во мн. ч.); иногда окрашенный: **sippārīna* 'птицы' > *sippārīn*, **ku'bil-* 'перед' > *kə'bel*. В случае двух открытых неударных слогов рядом в первом из них *ə* > *i*^{46a}: **bə-rəgaz* > *birəgaz* 'в гневе', а если один из беглых — окрашенный *ā*, *ē*, *ō*, то первый из двух беглых меняется на *a*, *ā*, *o*: **lā-ēlāh* 'богу' > *lū-ēlāh*, **lā-kə'bel* > *loḳə'bel* 'из-за' и т. д. Спорадически встречается переход *a* > *ā*.

В случае, когда гласный оказался во вдвойне закрытом конечном слоге, в арамейском возникал облегчительный гласный: **kasp-* 'серебро' > **kasap*, **birk-* 'колено' > **birak*, **tikl-* 'весовая единица', 'сикль' > **tikil-*. В дальнейшем, с общим передвижением ударения на последний слог, возникли формы *kəsaḫ*, *bərak*, *təkəl*. Однако множество слов типа **pars-* дает огласовку по типу *šalm-* 'статуя' > *šalem*. Этому явлению можно дать различные объяснения; об этом см. ниже, § 5, п. 6 (2Б).

Значительное влияние на вокализм оказывают так называемые «ларингальные» согласные — *ʿ*, *ħ*, *ʾ*, *h* и *r*; прежде всего, они не терпят перед собой других кратких гласных, кроме *a*, поэтому **ʾamir-* 'говорящий' > *ʾamar*; после долгого гласного (как и в древнееврейском) в этих случаях появляется призвук *a*. По масоретской традиции «ларингальные» согласные не удваиваются, изменяя вокализм согласно древнееврейским правилам, однако вряд ли это соответствует действительному положению вещей в староарамейском. Иногда эти согласные влияют и на следующий за ними гласный: **hilmā* 'сон' > *həlmā*.

Дифтонги в староарамейском обычно монофтонгизируются; также (как и в древнееврейском) дают *aḷ* > *aḷi*, *au* > *auā* и т. п.

⁴⁶ Однако ср. после *m* в инфинитивах и в формах, образованных по аналогии с ними: *mindā(h)* 'дани' (из акк. *mandattu*), *miškab* 'лежание' и т. п., что нужно возвести к **mandatt-*, **maškab-* и т. п.; также в некоторых других случаях гласный *a* > *i*: **šamšā* 'солнце' > *šimšā*, **zam(a)nā* 'время' > *zimnā*; краткие *i* и *u* обычно дают *e* и *o*: **ellā* 'сверху', однако **illā* 'причина', **ħukmah* > *ħokmā* 'мудрость', **uḫrāni* > **oḫrān* 'другой', однако **umtā* 'народ'. Краткий ударный *i* в некоторых случаях дает *e* (по всей вероятности, *e* краткое, несмотря на масоретское написание с помощью знака *šēḫ*, поэтому мы транскрибируем *e*, а не *ē*). В позднейших арамейских диалектах различие между кратким *i* и кратким *e* очень неустойчиво и отчасти зависит от говора; видимо, различие не было фонематическим.

^{46a} То же правило обычно и в древнееврейском; два беглых в соседних слогах возможны в финикийском (передаются как греч. *υ*, лат. *y*).

1. Хотя каждый из семитских языков имеет свои особенности в словообразовании и свои излюбленные словообразовательные типы, однако для целей настоящей книги достаточно того общего очерка принципов словообразования в семитских языках, который дан в гл. V, § 3.

Лишь для примера укажем на некоторые употребительные словообразовательные типы.

Наиболее распространены в древнееврейском и арамейском имена типа **pars-*, **pirs-* (реже **purs-*): др.-евр. *mälāk*⁴⁷ 'царь', *šepār* 'книга', *ħōdāš* 'святыня', *zāra* 'семя', *pō'al* 'работа'; ам. *mal'kā* 'царица', *ʾāzrā* (основа *idr-*) 'помощь', *ħok'mā* 'мудрость'; араб. *malek*, *malkā* 'царь', *səḫar*, *siḫrā* 'книга', *malkā*, *malkəṭā* 'царица' и т. д.

Ср. также тип *paras-*: др.-евр. *ħākām* 'мудрый', *ħādāš* 'новый', *rā'āb* 'голод'; араб. *ħadaf* 'новый', и т. д.

Тип *paris-*: др.-евр. *zāken* 'старый' и др.

Тип *parus-*: др.-евр. *ʾāmōk* 'глубокий'.

Тип *parās-*: др.-евр. *šālōm* 'мир'; араб. *šalām*, *-ā*.

Тип *pirās-*: др.-евр. *ʾēlōh* 'бог', *ħālōm* 'сновидение' (наряду с *kaṭāb* 'писание', 'книга'); араб. *ʾēlāh*, *-ā* 'бог', *kaṭāb*, *-ā* 'писание'.

Типы *paris-*, *parūs-*: др.-евр. *kəsīl* 'глупец', *gəbūl* 'граница'; араб. *ʾabīdā* 'обработка', **ləbūš*, *-ā* 'одежда', *nəḥōr*, *-ā* 'свет' (скуда ли?).

Тип *parrās-*: др.-евр. *gibbōr* 'богатырь' (но чаще *gannāb* 'вор' и мн. др.); араб. *daḫḫān*, *-ā* 'судья', *mārād* (< **marrād-*) 'мятежник', 'мятежный'.

Тип *parri-*: др.-евр. *šaddīk* 'очень праведный, праведник'; араб. *ħakkīm*, *-ā* 'премудрый', *attīk*, *-ā* 'старый'.

Тип *mapras-*: др.-евр. *mišpat* 'суд', 'судебное решение'; араб. *maḍbah*, *maḍbahā* 'место заклания', 'алтарь'.

Тип *mapris-*: араб. *məḍīnā*, *məḍīntā* 'область', 'город' (от *ḍin* 'судить'?).

Тип *mipras-*: обычная для арамейского форма инфинитива.

Тип *maprās-*: др.-евр. *miḡdōl* 'башня'.

Типы *tapris-*, *taprūs-* редки в обоих языках, ср., однако, др.-евр. *taḡmūl* 'воздаяние'; араб. *təḡīr* 'постоянство'.

Типы с префиксом *la-* очень редки — почти только в именах собственных. Обратить внимание на древнееврейское имя божества *Jhwḫ*. Произношение этого имени было табуировано; когда оно встречалось в тексте Библии, положено было произносить *ʾādōnā!* 'господь' (букв. 'господа мои?'); для указа-

⁴⁷ Исторически, по-видимому, восходит к **malku* < **maliku*, но в рассматриваемый период полностью соответствует типу **pars-*.

ния на такое произношение это имя было условно огласовано масоретами *ṣḥōyā*, отсюда ошибочное чтение «Иегова»; предположительное правильное произношение *ṣḥūyā* 'Яхве'.

Форма с суффиксами *-an*, *-ān* (в ханаанейских языках также *-ām*, что указывает на связь этого суффикса с нунацией-мимацией): др.-евр. *ḳorbān* 'жертва', *šulḥān* 'стол' (тип **purs-*); *zikkārōn* 'вспоминание' (тип **parras-*?); *pidlōn*, *pidlōm* 'выкуп' (тип **pirs-*); араб. *binān*, *-ā* 'постройка', *šolān*, *-ā* 'власть', 'владычество', *oḥōrān*, *-ā* 'другой'; слово *dikrōn*, *-ā* 'памятное событие', может быть, ханаанизм; ср. в арамейском также *dukrān*, *-ā*.

Из редких образований приведем для примера др.-евр. *galgāl* 'колесо', *šəḥarḥōr* 'черноватый', *ādāmām* 'красноватый', *ʾāsapsūp* 'сброд', *šalḥābāt* 'пламя' (корень *lḥb*); араб. *galgal*, *galgala* 'колесо', *šəpəpəra* 'рассвет'.

Особо нужно отметить некоторые, по преимуществу очень древние, слова аномального образования:

Др.-евр. *'āb* 'отец', st. constr. *'ābī*, st. pronom. *'ābī-ū*, мн. ч. *'ābōt*, st. constr. *'ābōt* (и по тому же образцу *ḥām* 'тесть'); *'āh* 'брат', мн. ч. *'āḥīm* с «виртуальным» удвоением (чит. **ahhīm*) *'ahākā* < **ahḥaika* 'твои братья', но *'ahāy* 'его братья'; *'ahad* 'один', st. constr. *'ahad*; *'ahōt* 'сестра', st. constr. *'ahōt*, мн. ч. **'ahājōt*; *'īš* 'человек', мн. ч. *'ānāšīm*; *'el* и *'ēlōh*, также *'ēlōhīm* (plurale tantum) 'бог', мн. ч. *'ēlōhīm* (фин. *'el*, мн. ч. *'ālōnīm*); *'āmā* 'рабыня', мн. ч. *'āmāhōt*; *'iššā* 'женщина', мн. ч. *nāšīm*; *baīit* 'дом', st. constr. *bēt*, мн. ч. *bāitīm* (без придыхания на *t!*); *bēn* 'сын', st. constr. *bān*, *bin*, *bənī*, мн. ч. *bānīm*, st. constr. *bənē*; *bat* 'дочь', st. pronom. *bitt-ō*, мн. ч. *bānōt*, st. constr. *bənōt*; *iōm* 'день', мн. ч. *iāmīm*, st. constr. *iāmē*; *kālī* 'сосуд', 'корабль', мн. ч. *kēlīm*; *maīim* 'воды', st. constr. *mē* и *mēmē*; *'ir* 'община', 'город', мн. ч. *'ārīm*; *pā* 'рот', st. constr. *pī*, мн. ч. *pīm*; *rōš* 'голова', мн. ч. *rāšīm*; *šāmaīim* 'небеса', st. constr. *šēmē*.

Араб. *'ab* 'отец', st. emph. *'abbā*, st. constr. *'abū* (?), мн. ч. *'ābahān*, *-ātā*⁴⁸; *'ah* 'брат', st. constr. *'ahū* (?); *'ā* (< **'aḥ*) 'дерево', мн. ч. *'ā'āhān* (?); *'intā* (*'ittā*) 'женщина', st. emph. *'intātā*, *'ittātā*, мн. ч. *nāšīn*; *baīit* 'дом', st. emph. *baītā*, st. constr. *bēt*, мн. ч. *bāitīn* (без аспирации *t!*); *bar* 'сын', st. emph. *bārā*, мн. ч. *bānīn*; *mārē* (< **māri*?) 'господин', st. emph. *mār(ə)'ā* > *mārā*; *pum* 'рот', st. emph. *pummā*; *raḥ* 'большой', st. emph. *rabbā*, мн. ч. *rabrəbīn* (ср. *rabrəbān*, *-ā* 'вельможа'); *šum* 'имя', st. emph. *šēmā*, мн. ч. *šēmāhān* и др.

О 'нисбах' на *-ī-*, *-aj-* см. ниже, § 5, п. 4, стр. 386 сл.

2. Лексика ханаанейских языков — древнееврейского и финикийского — весьма близка лексике арамейского, однако

та и другая имеют свои характерные черты. Так, помимо известных фонетических особенностей, а также наличия постпозитивного артикля вместо препозитивного и нунации вместо мимации, арамейский текст легко отличить по таким характерным словам, как:

	арам.	др.-евр.
	<i>'ātā</i> 'пришел'	<i>bā'</i> (')
	<i>'āzal</i> 'пошел'	<i>hālak</i>
	<i>ḥāyā</i> 'был'	<i>hājā</i>
	<i>ḥāzā</i> 'увидел'	<i>rā'ā</i>
	<i>iḥab</i> 'дал'	<i>nātan</i>
	<i>nəḥat</i> 'спустился'	<i>iḥad</i>
	<i>nəpək</i> 'вышел'	<i>išā'</i> (')
	<i>'abad</i> 'делал', 'работал'	<i>āsā</i>
	<i>'alal</i> 'вошел'	<i>bā'</i> (')
	<i>səlek</i> 'поднялся'	<i>'ālā</i>
	<i>šəbak</i> 'оставил'	<i>'āzab</i>
	<i>šaggi</i> 'очень'	<i>mə'ōd</i>

Что касается общего характера состава лексики древнееврейского и арамейского языков, то лексика древнееврейского — почти чисто семитская и содержит весьма незначительное число заимствований [*ḥekal* 'храм' < ст.-шум. **hal-kal*, ср. н.-шум. *é-gal*; *širīōn* 'панцырь', по-видимому, из хурритского; *argāmān* 'пурпур' < акк. *argamānu* (из хурритского?); *kissē* 'кресло' < акк. *kussū* < шум. *gu-za*; *kēyān* 'планета Сатурн' < позднеав. **kaīdāwān* < ст.-вав. *kaīāmānu* 'постоянный'⁴⁹; *sūs* (ср. акк. *sīsū*) 'конь' неизвестного — вряд ли индоевропейского — происхождения; *i'e'ōr* 'река', 'поток' < др.-егип. *i'r*; есть несколько заимствований из индийских языков (предметы ввоза: *nerd* 'нард' и др.)].

Напротив, арамейская лексика наводнена заимствованиями из аккадского [*argawān* 'пурпур' < позднеав. *argawān*; *uššū* 'фундамент' < акк. *uššu* < шум. *uš*; *birtā* 'крепость' < акк. *birtu*; *hālak*, *-ā* 'род подати или повинности' < акк. *'alāku* 'исполнять повинность' *'ilku*, ср. *'alāku* < **halāk* 'ходить'; *korsē* 'кресло' < акк. *kussū*; *mindā*, *middā*, *middātā* 'дань' < акк. *mandattu*, *maddattu*; *nīdbākā* 'слой' < акк. *natbaku*; *nəkas*, *nīkəsā* 'имущество' < акк. *nikkassu* 'расчет', 'касса'; *pāḥā*, *-tā* 'сатрап' < акк. *paḥātu*, *peḥātu*; *pəlaḥ* 'почитал' (общесем. значение 'работал') < акк. *palāḥū*; *parzāl* 'железо' < акк. *parzillu* (в аккадском заимствовано из неизвестного источника, ср. др.-евр. *barzāl*); *səgan*, *signā* 'наместник' < акк. *šaknu*; *šezīb* 'спас', 'освободил' < акк. *ušezīb*; *šaklil* 'завершил (по-

⁴⁹ В поздних текстах число аккадских заимствований больше (частично — через арамейский).

⁴⁸ В древнейшем арамейском st. pronom. мн. ч. *'bhj-*.

2. Из -i с облегчительным гласным, вставляемым по правилам *nomina segolata* (см. § 3, п. 7, прим. 7). Эта форма часта в причастиях и характерна для финикийского (где облегчительного гласного нет). Ср. др.-евр. 'ōmēd 'стоящий', 'ōmādāt 'стоящая', 'kārāt 'поселение' (фин. *kari) и др.

3. После гласных основ: iahūdī 'иудей', 'иудейский', iahūdīt 'иудейка', 'иудейская' (наряду с iahūdīt'ia).

4. Mater lectionis в арамейском чаще -h, чем -: hamšā 'пять' (ж. р.), hoḳmā 'мудрость', iggarā 'письмо', zbhḥ (= *dibhā?) 'жертва'. В ранних текстах этот -h, возможно, еще произносился.

5. При гласных основах: 'ohōri (< *uhrii) 'другая', dabbāri 'пчела' (повзд.), malkū 'царство', но st. constr. 'ohōrii, dabbārii, malkūi. Утеря i по аналогии с формами на *-atu/*-ah > -ā.

6. Mater lectionis чаще всего -' (чтобы отличить от женского рода и энклитического местоимения -eh), однако иногда и -h. Форма status emphaticus возникла, очевидно, из постпозитивного определенного артикля (первоначально — указательного местоимения) (h)ā, присоединяемого к одной из беспадеежных форм имени.

7. Например, iggartā 'письмо', hoḳmāḥ 'мудрость' и т. п.

8. Например, от iad 'рука', kā'naḥ 'крыло', дв. ч. — iad'ajim, kānā'ra'ijim. В прозаическом языке — преимущественно для обозначения парных предметов.

9. Из *-aj.

10. Например, tartēn 'две', māta'jin 'двести', iada'jin 'руки'. Однако часть форм уже совпала с формой множественного числа: 'ajin 'глаза', parsin 'две половинки'.

11. Например, susim 'кони', iahudi'ijim, iahudim 'иудей'.

12. Например, susōt 'кобылы', 'ōmadōt 'стоящие' (ж. р.), iahūdīt'ioḏt 'иудейки'. В финикийском соответствующее окончание — -ūt: 'ālonūt 'богини'.

13. Например, š'n 'овцы', kāṭalān 'убивающие' (ж. р.), st. constr. kāṭalāi, st. emph. kāṭalātā.

14. Из *-aj-hā. Примеры: šalēm 'статуя', мн. ч. st. abs. šal(ə)mīn, st. constr. šal(ə)mē, st. emph. šal(ə)ma'ijā, zəḫar 'книга', мн. ч. sip(ə)-rīn, sip(ə)rē, sip(ə)ra'ijā; kāṭel 'убивающий', мн. ч. kāṭelīn, kāṭalē, kāṭalajā.

15. Изредка встречаются образования множественного числа имен женского рода (а также имен мужского рода, образующих множественное число по образцу женского) с окончаниями -āḫān, -āḫāt, -āḫātā: kānā'ra'ijā 'товарищи'.

Особо следует отметить нисбы (прилагательные принадлежности) на *-i-, *aj- и имена абстрактные на -ūt- (очень характерные для арамейского, но встречающиеся и в древнееврейском). См. ниже табл. 2.

Примеры: др.-евр. iahūdī 'иудей', мн. ч. iahūdīm, iahūdijīm; ж. р. iahūdīt, iahūdijā, мн. ч. iahūdijōt; Barzillai 'железный' (и. собств.), 'āššā 'огненный'; malkūt 'царство', мн. ч. malkūjōt.

Арам. iahūda' 'иудей', st. emph. iahūdā'ā, мн. ч. iahūdā'in, st. emph. iahūdā'ē; ж. р. *iahūdā'ā, iahūdā'ā, st. emph. iahūdā'ā'ia, мн. ч. iahūdā'an, iahūdā'ian, st. emph. iahūdā'ātā; malkū 'царство', st. emph. malkūtā, мн. ч. malkəḫān, st. emph. malkəḫātā.

Впрочем, не все эти формы засвидетельствованы для староарамейского, и часть их взята из более поздних текстов.

Число			Древнееврейский			Арамейский		
			st. abs.	st. constr.	st. abs.	st. constr.	st. emph.	
Единственное	*-i-	м. р.	-ī	-ī	-ī (редко)	—	—	
		ж. р.	-īt, -īā	-īt	-ī	-īt	-ītā	
		м. р.	-aj, -ā (редко)	—	-aj	-ē (?)	-ā'ā (-ā'ā)	
Единственное	*-aj- *-ut-	ж. р.	—	—	-ā'ā (-ā'ā)	?	-ā'ā	
		ж. р.	-ūt	-ūt	-ū	-ūt	-ūtā	
Множественное	*-ij- *-aj- *-ūt-	м. р.	-ijīm, -im	-ijē	—	—	—	
		ж. р.	-ijōt	-ijōt	—	—	—	
		м. р.	—	—	-ajīn, -ā'in?	—	-ā'ijē	
		ж. р.	—	—	-ajān, -ā'an?	—	-ā'ijātā	
Множественное	*-aj- *-ūt-	ж. р.	-ujōt	-ujōt	-əḫān	-əḫāt	-əḫātā	

5. Как и в других семитских языках, встречается довольно много имен женского рода, не имеющих в единственном числе специального окончания (например, др.-евр. bə'er 'колодец', мн. ч. bə'erōt, араб. rū'h 'ветер'); такие имена нередко колеблются в роде: др.-евр. 'āb 'облако' м. р. и ж. р., мн. ч. 'ābīm и 'ābōt. Имеются также имена мужского рода, получающие во множественном числе женское окончание, но согласующиеся обычно по мужскому роду: др.-евр. 'āb, араб. 'ab 'отец', мн. ч. др.-евр. 'ābōt, араб. 'ābāhān; др.-евр. šem 'имя', nāhār 'река', мн. ч. šemōt, nāhārōt и nāhārīm⁵², и наоборот: др.-евр. pill'gās 'наложница' (заимств.), помен segolatum (см. § 3, п. 7, прим. 7), мн. ч. pill'gāšim; араб. rū'h 'ветер', мн. ч. rūhīn. Реже получают окончание мужского рода имена женского рода, имеющие флексию -ā: др.-евр. šānā, араб. šanā 'год', мн. ч. др.-евр. šānōt и šānīm, араб. šanīn; араб. millā 'слово', мн. ч. millīn. Ср. также супплетивное образование множественного числа: *intatu 'женщина' > др.-евр. 'iššā, араб. st. emph. 'intatā, 'ittatā от корня *nt, мн. ч. др.-евр. nāšim, араб. nāšīn от корня *naš-.

6. Помимо внешней флексии, для образования различных форм числа и состояния характерно изменение огласовки основы. Здесь следует различать два случая:

(1) Изменение огласовки под влиянием ударения:

а) др.-евр. *hukḳ- 'закон': ед. ч. 'hōk, st. constr. 'hok, st. pron. hukḳ'-; мн. ч. hukḳ'kīm, st. constr. hukḳ'kē; вариантная

⁵² Ср. араб. šum 'имя', мн. ч. šamāhān.

форма ж. р. ед. ч. *huk'kā*, st. constr. *huk'kat*, st. pron. *huk-kāt'*, *hukkat'*⁵³; мн. ч. *huk'kōt*, st. constr. *huk'kōt*;

**ālam*- 'вечность', 'век': ед. ч. *ō'lām*, st. constr. *ō'lām*, st. pronom. *ō'lām'*, *ōlam'*⁵⁴; мн. ч. *ōlāmīm*, st. constr. *ōlāmē*;

**īānik-t*- 'вскормленница': ед. ч. *īō'nākāt*, st. constr. *īō'nākāt*, st. pronom. *īōnakt'*, мн. ч. *īōnākōt*, st. constr. *īōnākōt*.

Изменения огласовки под влиянием ударения в различных словообразовательных типах могут быть довольно многообразными, однако все эти изменения согласуются с фонетическими правилами, изложенными выше (§ 3, п. 7);

б) арам. *ā'lam* 'вечность', 'век', st. emph. *ālāmā*, мн. ч. *ālāmīn*; *id'dar* 'гумно', st. emph. *iddārā*, мн. ч. *iddārīn* и т. д.

(2) Изменение огласовки вследствие образования единственного и множественного числа от разных основ.

Это касается словообразовательных типов **pars-*, **pirs-*, **purs-*. По-видимому, эти типы (имеются в виду отглагольные основы), будучи по происхождению именами коллективности или единичности, не могли сами по себе образовывать множественного числа, и оно образовывалось от параллельных типов, главным образом от **paras-*, **piras-*⁵⁵, **puras-*⁵⁶. Однако с отглагольных имен типа **pars-*, **pirs-*, **purs-* это правило распространилось и на исконные имена с такой же огласовкой. В результате получилась следующая картина:

(А) Древнееврейский:

Ед. ч. (*pars-*): st. abs. *mālāk* 'царь', st. constr. *mālāk*, st. pronom. *mal'k-ō*, *malkā-kām*;

Мн. ч. (*paras-*): st. abs. *mālākīm*, st. constr. *mal(ə)kē*, st. pronom. *mālākāy*⁵⁷, *mal(ə)kā-kām*.

Ед. ч. (*pirs-*): st. abs. *sēpār* 'книга', st. constr. *sēpār*, st. pronom. *si'p-r-ō*, *si'p-rā-kām*;

Мн. ч. (*piras-*): st. abs. *səpārīm*, st. pronom. *səpārāy*⁵⁷; (*pirs-*): st. constr. *si'p-rē*, st. pronom. *si'p-rē-kām*.

Ед. ч. (*purs-*): st. abs. *kōdāš* 'святыня', st. constr. *kōdāš*, st. pronom. *ko'dš-ō*, *ko'dšā-kām*;

Мн. ч. (*puras-*): st. abs. *kōdāšīm*, st. pronom. *kōdāšāy*⁵⁷; (*purs-*): st. constr. *ko'dšē*, st. pronom. *ko'dšē-kām*.

⁵³ «Его закон» — *huk'kāt-ō*, но «ваш закон» — *hukkatā-kām*.

⁵⁴ *ōlām-ō* 'его вечность', но *ōlamā-kām* 'ваша вечность'.

⁵⁵ А также **piris-*?

⁵⁶ Следует заметить, что в данном случае семантическое и этимологическое различие между **pars-* и **paras-*, **pirs-* и **piras-* и т. д. нельзя считать доказанным; возможно, что это различие было просто связано с условиями ударения на каком-то более раннем этапе, если только не с приемом инфиксации *-a-* в основу множественного числа, известным в других семитохамитских языках (Дж. Гринберг). Сюда же можно отнести и множественное число *bānīm* 'сыновья' от *bēn* 'сын'.

⁵⁷ Из более старого **mālākāy*, **səpārāy*, **kōdāšāy* (поэтому пишется *mlkwy*, *spjwy*, *kdšwy*).

(Б) Арамейский⁵⁸:

Ед. ч. (*pars-*): st. abs. *kə'raš* 'кысок', st. emph. *kar'sā*;

Мн. ч. (*paras-*): st. abs. *kar(ə)šīn*⁵⁹, st. constr. *kar(ə)šē*⁵⁹, st. emph. *kar(ə)šai'ā*⁵⁹;

Ед. ч. st. abs. *ā'nāp* 'ветвь', st. emph. *an'pā*;

Мн. ч. st. abs. *an(ə)pīn*, st. constr. *an(ə)pē*, st. emph. *an(ə)pai'ā*.

Ед. ч. (*pirs-*): st. abs. *bə'raḳ*⁶⁰ 'колени', st. emph. *bir'kā*;

Мн. ч. (*piras-*): st. abs. *bir(ə)kīn*, st. constr. *bir(ə)kē*, st. emph. *bir(ə)kai'ā*.

Более редкий тип: ед. ч. st. abs. *tə'kel* 'сикль, весовая единица', st. emph. *tik'lā*; мн. ч. st. abs. *tik(ə)lin*, st. constr. *tik(ə)le*, st. emph. *tik(ə)lai'ā*⁶¹.

Ед. ч. (*purs-*): st. abs. *kə'sōt*⁶² 'истина', *tə'qōp* 'сила'; st. emph. *kuš'ā*, *tok'pā*⁶³.

Однако, ввиду того что status absolutus типов **pars-* и **pirs-* могли не различаться между собой, возникли многочисленные смешанные образования: по образцу *təkel* и *bəraḳ* стали образовываться формы status absolutus и от основ типа **pars-*: **šə'maš* 'солнце', st. emph. *šim'sā* (при основе **šamš-l*), и наоборот: *šalem* 'статуя', st. emph. *šalmā* (основа *šalm-*), *ləhem* 'пища', st. emph. *lahmā* (основа *lahm-*). Ср. также аномальные образования: *gəbar* 'муж', 'мужчина', st. emph. *gabrā*, мн. ч. *gubrīn* (огубление! основа *gabr-*); *rēš* 'голова' (< **rə'eš*), st. emph. *rēšā* вместо ожидаемого **rāšā* < **ra'sa*, но *rāšəhōm* 'их головы' (гебраизм?) и др.

В библейско-арамейском встречаются также формы, которые, по-видимому, объясняются влиянием древнееврейского языка при создании масоретской огласовки, например: *mālāk* 'царь' (основа **malk-*) вместо обычного арамейского **mālek*; *'ābān* 'камень'; *'kārān* 'рог'; *'ā'am* 'совет', 'решение' (наряду с *ʾə'em* в других случаях);

Примечание. Иную огласовку по фонетическим причинам нередко получают имена типа **pars-*, **pirs-*, **purs-*, содержащие либо *y*, *i*, либо *'*, *h*, *'*, *h* (и *r*) в качестве второго или третьего корневого, а также с повторяющимся корневым согласным на втором и третьем месте. Примеры:

⁵⁸ В арамейском в этом типе в единственном числе status constructus обычно совпадает со status absolutus, а status pronominalis — с основной status emphaticus (во множественном status pronominalis совпадает со status constructus).

⁵⁹ Беглый гласный *ə* здесь, по-видимому, рано выпал, дав формы *karšīn*, *karšē*, *karšai'ā* (т. е. однородную с единственным числом парадигму); однако первоначальное наличие беглого гласного видно из наличия придыхания на *p* в формах типа *an(ə)pīn*.

⁶⁰ Из **biraḳ* < **birk-* (как в ассирийском диалекте аккадского).

⁶¹ Ср. также прим. 46.

⁶² Из **kušut* < **kušt-*.

⁶³ Нефонематический вариант к **tuḳpā*.

(1) Древнееврейский:
Ед. ч. — **hukk-*: *hōk* 'закон', st. constr. *hok*, st. pronom. *hukk-ō*, *hukkā-kām*;
**imm-*: 'эм' 'мать', st. constr. 'ēm, st. pronom. 'imm-ō, 'immā-kām;
**amm-*: 'ām 'народ', st. constr. 'am, st. pronom. 'amm-ō, 'ammā-kām.
Мн. ч. — *hukkīm*: st. constr. *hukkē*, st. pronom. *hukkāu* (< **hukkaiu*), *hukkē-kām* и т. д.

Арамейский:
**gubb-*: *gōb* 'яма', st. emph. *gubbā*, мн. ч. *gubbīn* и т. д.;
**gabb-*: *gab* 'бок', st. emph. *gabbā*, мн. ч. *gabbīn* и т. д.
(2) Древнееврейский:
Ед. ч. — **zait-*: *zait* 'маслина', st. constr. *zēt*, st. pronom. *zēt-o*, *zētā-kām*;
**mat-*: *māyāt* 'смерть', st. constr. *mōt*, st. pronom. *mōt-ō*, *mōtā-kām*;
**iyam-*: *iyōm* 'день', st. constr. *iyōm*, st. pronom. *iyōm-ō*, *iyōmā-kām*.
Мн. ч. — *zēlīm*, *mōtīm*, но *iyōmīm* (и от той же основы остальные формы).

Арамейский:
**hayl-*: *hayil* 'сила', st. constr. *hēl*, st. pronom. *hayl-eh*, st. emph. *haylā*;
**iyam-*: *iyōm* 'день', st. constr. *iyōm*, st. emph. *iyōmā*, мн. ч. *iyōmīn*.
(3) Древнееврейский:
Ед. ч. — **bakj-*: 'bakā 'плач';
**buhj-*: 'bōhū 'пустота';
**parj-*: *pārī* 'плод', st. constr. *pārī*, st. pronom. *pārī-o*, *pārjā-kām*.
Мн. ч. — *parājīm* и т. д. (ср. *pānīm* 'лицо', st. constr. pronom. *pānē*).

Арамейский:
Ед. ч. — **hazj-*: *hāzū* 'вид', st. emph. *hāzūā*, мн. ч. *hāzūīn*.
(4) Древнееврейский:
**na'r-*: 'na'ar 'юноша', st. constr. 'na'ar, st. pronom. na'ār-o, *na'ārā-kām*;
Мн. ч. — *nā'ārīm*: st. constr. *na'ārē*, st. pronom. *nā'ārāu* (< **nā'ārāu*), *na'ārē-kām*;
**pu'l-*: 'pō'al 'работа', st. constr. 'pō'al, st. pronom. po'ōl-o, *po'ōlā-kām*.

**pō'alīm*: st. constr. *po'ōlē*, st. pronom. *pō'alāu*, *po'ōlē-kām*.
Арамейский:
**nahr-*: *nāhar* 'река', st. emph. *nahārā*, мн. ч. *nahārīn*.
(5) Древнееврейский:
Ед. ч. — **niṣh-*: *nēṣah* 'вечность', st. constr. *nēṣah*, st. pronom. *niṣh-ō*, *niṣhā-kām*.
Мн. ч. — *nāṣāhīm*, st. constr. *niṣhē* и далее правильно.

Арамейский:
**dibh-*: *dēbah* 'жертва', st. emph. *dibhā*, мн. ч. *dibhīn*;
**nugh-*: st. emph. *noghā* 'рассвет'.
Аналогичные вариации дают и другие словообразовательные типы, содержащие согласные *g*, *i*, ' , *h*, ' , *h*.

Следует заметить, что основа единственного числа таких слов, как *ḵaraṣ*, *bəraḵ* и т. п., восстанавливается как принадлежащая к типам **pars-*, **pirs-* только на основе сравнения с другими семитскими языками, так как в арамейском двусложные основы типа **paras*, **piras* дают точно такие же формы, например: *dākar* '(баран)-самец', st. emph. *dik(ə)rā*⁶⁴

⁶⁴ Графически здесь нет возможности отличить наличие беглого гласного *ə* от отсутствия гласного.

(основа **dī/akar-*); *zəman* 'время', st. emph. *zim(ə)nā* (основа **zi/aman-*; огласовки типа **paras*- и **piras-* часто чередуются в пределах семитских языков)⁶⁵.

В древнееврейском часть двусложных основ также претерпевает изменения в огласовке⁶⁶, однако в этих случаях не следует видеть двойственного характера основ, т. е. внутренней флексии. Так, в типах **paras-*, **paris-* мы встречаем закономерные образования в большинстве форм, но в отдельных базударных формах наблюдаются следы старого стяжения гласных: исходные формы ед. ч. **zakīnu* 'старый', 'старик', st. pronom. **zakīnu-hu*, **zakīnu-kumu*, мн. ч. **zakīnīma*, st. pronom. **zakīnāihu* дают закономерные формы *zā'kēn*, *zā'kēnīm*, *zā'kēnō*, *zā'kēnā-kām*; но форма status constructus, будучи безударной или имея лишь вспомогательное ударение, рано стянулась: **zakīn* > **zakn* > **zakān*, что закономерно дало *zākan* (как от **dabar-*), а мн. ч. **zakīnāi* (и с местоименным суффиксом **zakīnāi-kumu*) > **zak nāi*, **zak nāi-kumu*, что уже закономерно дало *zik'nē*, *zik'nē-kām* (и точно так же *dī'brē*, *dībrē-kām* от *dā'bar* 'слова', мн. ч. *dābārīm*, основа **dabar-*)⁶⁷.

7. Приведем еще образцы форм различных состояний для женского рода.

Древнееврейский:
**malk-t-* > **malk-at-*: *mal'kā* 'царица', st. constr. *mal'kaṭ*, st. pronom. *malkā't-ō*, *malkā'tā-kām*, мн. ч. *mal'kōt*.
**hurb-t-* > **hurb-at-*: *ḥor'bā* 'пустыня', st. constr. *ḥor'baṭ* и т. д., по тому же образцу.
**gabr-t* > **gabar-t-*: *gə'ḥārāt* 'госпожа', st. constr. *gə'ḥārāt*, st. pronom. *gəbirt-ō*⁶⁸, *gəbirtā-kām*, мн. ч. правильно.
**šan-t* > **šan-at-*: *šānā* 'год', st. constr. *šanāt*, st. pronom. *šanāt-o*, *šanātā-kām*, мн. ч. *šanōt*, st. constr. *šanōt*.
Арамейский: см. п. 4, прим. к таблице.

⁶⁵ По-видимому, относительно рано (однако уже значительно позже рассматриваемого нами периода) беглый гласный *ə* вообще перестал в арамейском произноситься во всех позициях, оставив только след в виде придыхательного произношения следующего за ним согласного. Еще гораздо позже в ряде диалектов ударение передвигается на предпоследний слог.

⁶⁶ Для арамейского следует иметь в виду, что перед *h*, *ḥ*, и ' (а также часто *r*) все краткие гласные > *a*.

⁶⁷ Аналогичное явление наблюдается и в некоторых древнееврейских именах женского рода: **šada'katu*, в паузе **šada'kah* 'праведность', мн. ч. **šada'kāti* дают правильные формы *šadā'kā*, *šadā'kōt*, но в status constructus произошло стяжение еще в древности: **šada'kat* > **šadkat*, **šadakāt* > *šadkāt*, отсюда формы st. constr. ед. ч. *šidkat*, мн. ч. *šidkōt* и st. pronom. ед. ч. *šidkāt-ō*, *šidkat(ə)-kām*, мн. ч. *šidkōt-ō* (однако с ' на месте второго корневого получаем другую огласовку: **za'akatu* 'крик' > *zā'ākā*, но st. constr. **za'akat* > **za'kaṭ* > *zā'kaṭ*).

⁶⁸ Правильная форма из **gabartu-hul*

8. Употребление артикля. Древнееврейский артикль по происхождению — указательное местоимение⁶⁹. Сравнительно позднее его появление видно не только из сравнения с северноцентральными семитскими языками на древней ступени, но и из того факта, что артикль нередко опускается в поэтическом языке.

Определенный артикль употребляется для выражения уже известного заранее, или раньше упомянутого (детерминированного), или единственного в своем роде имени (*haš-šāmāš* 'Солнце')⁷⁰, а также при употреблении имени в единственном числе в коллективном смысле (*hā'ādām* 'человек' в смысле «род человеческий»). При определении имени другим именем или суффиксальным местоимением артикль, как правило, не ставится. Если понятие, выражаемое в целом определяемым с определением, является детерминированным, то артикль ставится только при определении: *iš milhāmā* 'человек войны' → '(некий) военный человек', но *ānāšē ham-milhāmā* '(определенные) военные люди'.

Если имя с артиклем определено прилагательным или самостоятельным местоимением, то артикль повторяется⁷¹ при прилагательном или местоимении: *hā-'ir hag-gəḏōlā* '(определенный) большой город'; *ham-mākōm ha-hū* 'это место'.

Общие правила употребления определенного артикля (*status emphaticus*) в арамейском примерно те же. Прилагательное согласуется с определяемым в состоянии: *hēyān rabrəbān* 'большие животные'; *hēyətā rabī'aitā* 'четвертое (определенное) животное'.

Определение-существительное при недетерминированном (стоящем в *status constructus*) имени может не иметь артикля (стоять в *status absolutus*): *ləbab* 'энās' 'сердце человека' → 'человеческое сердце (вообще)', или может иметь артикль (стоять в *status emphaticus*), что делает определенным и первое существительное: *bēt malkā* '(определенный) дом царя'; *'ābar-nahārā* '(та) сторона (определенной) реки' → 'Заречье'.

В отличие от древнееврейского языка артикль при местоимении быть не может, но местоимение может быть вынесено вперед: *hū šalmā* 'эта статуя'; *ḏənā binānā* 'это строение'; чаще, однако, нормальный порядок слов: *šalmā ḏənā* 'эта статуя'.

В дальнейшем (около начала нашей эры) арамейский *status emphaticus* теряет свой детерминирующий характер

⁶⁹ В отдельных случаях может иметь значение и относительного местоимения: *han-nimzə'ū* 'которые найдены' — употреблено со спрягаемой формой глагола!

⁷⁰ Поэтому — изредка — и при именах собственных географических: *hal-Ləbānōn* 'Ливан'.

⁷¹ Реже ставится только при прилагательном.

и вытесняет сначала *status absolutus*, а затем, в связи с распространением описательной конструкции родительного падежа, начинает исчезать и *status constructus*, за исключением случаев, когда определительная конструкция выражает единое понятие.

9. Конструкция родительного падежа. Для древнееврейского языка характерной конструкцией родительного падежа является сопряженное состояние (определяемое в *status constructus*, непосредственно примыкающее к нему определение — в *status absolutus*): *'āṭārāt zāhāb* 'венец золота' → 'золотой венец', *bān 'ādām* 'сын человека' → 'человеческое существо' и т. п.⁷². Прилагательное к определяемому ставится после определения существительным: *'āṭārāt zāhāb hag-gəḏōlā* 'большой золотой венец'.

Возможны накопления нескольких *status constructus*: *imē šənē hajjē 'ābōtai* 'дни лет жизни отцов моих'; *šə'ar mispar-kāšāt gibborē bənē-Kēḏār* 'остаток числа луков богатырей сынов Кедара'. В ранних поэтических текстах встречается *nota genitivi ša-* с удвоением следующего согласного, а в поздних текстах — *šā-* с тем же значением. В литературном древнееврейском периода царств (IX—VI вв. до н. э.) *nota genitivi* обычно не употребляется. Однако есть тенденция разбивать цепочку *status constructus* путем введения оборота *'āšār lə-* 'который (принадлежит) к' (*haš-šōn 'āšār lə-'ābī-hā* 'скот отца ее'), или просто предлога *lə-* (*lam-mälāk <*lə-ham-mälāk* 'принадлежащий царю, царский'; *kōhēn lə-'ēl 'ālīōn* 'жрец бога всевышнего'). В дальнейшем *'āšār lə- || šällə-* стягивается в *šäl-*, которое и является, начиная с последних веков до нашей эры, распространеннейшей *nota genitivi*.

Для арамейского характерно то обстоятельство, что иметь непосредственно при себе определение именем может только недетерминированное имя: после *status emphaticus* примыкающее к нему имя являлось бы не определением, а предикатом. Поэтому в арамейском получает распространение описательная конструкция родительного падежа — либо с помощью предлога *lə-* (для выражения прямой принадлежности), либо с помощью указательно-относительного местоимения *ḏī*, играющего роль *nota genitivi* (в староарамейском пишется *zj*,

⁷² Следует обратить внимание на некоторые особенности употребления *status constructus* (общие и с другими семитскими языками): 1) для выражения *genitivus objectivus*: *'emat mälāk* 'страх царя' → 'страх перед царем' (ср. ст.-слав. *страха ради иудейска* 'из страха перед иудеями'); 2) перед именами собственными: *nəhar Pərat* 'река Евфрат', *'ārāš Iisrā'el* 'земля Израиль' (ср. англ. *City of London*); 3) для введения придаточного предложения: *kirjāt hānā Dāwīd* 'город, в котором расположился (лагерем) Давид'; 4) прилагательное в роли определяемого: *nəkī kappim* 'чистый рук(ами)' (ср. араб. *'attik iōmīn* 'старый днями') и т. п.

позже *dj*, затем — проклитически — *d-*, чит. *dā-*). Ср. также характерную арамейскую конструкцию: *'ābūhī dī malkā* 'отец царя', букв. 'отец его, который царя'.

Но поскольку около начала нашей эры форма *status emphaticus* полностью вытесняет *status absolutus*, постольку описательная конструкция с *dī-* // *dā-* или с *lā-* полностью вытесняет сопряженное состояние, кроме некоторых идиоматических выражений.

Для арамейского характерны также «подхватывающие» определительные и аналогичные конструкции с введением притяжательного местоимения: *leh lāmalkā* 'царя' (или 'принадлежащий царю'), собственно 'ему, царю'.

10. Числительные в древнееврейском и арамейском не представляют ничего своеобразного по сравнению с другими семитскими языками. Количественные числительные в древнееврейском:

1 — 'āhād, ж. р. 'aḥat	6 — šeš, ж. р. šiššā
2 — šna'im, ж. р. šta'im ⁷³	7 — 'šāba', ж. р. šib'ā
3 — šalōš, ж. р. šalōšā	8 — šatōnā, ж. р. šatōnā
4 — 'arba', ж. р. 'arbā'ā	9 — 'teša', ж. р. tiš'ā
5 — ḥameš, ж. р. ḥamiššā	10 — 'āsār, ж. р. 'āsārā

При этом числительные с 3 до 10 ставятся в женском роде при исчисляемом объекте в мужском роде, и наоборот, в мужском роде — при исчисляемом объекте в женском роде: *šalōšā bānīm* собственно 'тройка, сыновья' (но также в *status constructus*: *šalōšāt bānīm*; также с числительным *šna'im*: *šne bānīm*). Числительное 'āhād — прилагательное.

Далее, 11 — 'āhād 'āsār⁷⁴, ж. р. 'aḥat 'āsre; 12 — šnem 'āsār, ж. р. štem 'āsār, 13 — šalōš 'āsār, ж. р. šalōšā 'āsār и т. д., причем начиная с 13 до 19 формы женского рода согласуются с исчисляемым объектом мужского рода.

Далее, 20 — 'āsrīm; 30 — šalōšīm; 40 — 'arba'im и т. д.; 100 — me'ā; 1000 — 'ālāp; 10 000 — rēbābā. Числительные от 100 — существительные, управляющие исчисляемым объектом, как определением.

Порядковые числительные: 1-й — rīšōn; 2-й — šenī; 3-й — šālīš; 4-й — rēbī'i; 5-й — ḥamiššī; 6-й — šiššī; 7-й — šabī'i; 8-й — šatīnī; 9-й — tešī'i; 10-й — 'āšrī.

Дробные числа выражаются женским родом от порядковых или образованиями типа *purs-: rōba' 'четверть', ḥōmāš 'пятая часть' и т. д.

Арамейские количественные числительные:

1 — ḥād, ж. р. ḥādā; 2 — trēn, ж. р. tartēn; 3 — talāt, ж. р. talātā; 4 — 'arba', ж. р. 'arba'ā и т. д. (засвидетельствованы не все); 10 — 'āsar, ж. р. 'āsrā.

Прочие числительные образуются, как в древнееврейском (десятки на -īn)⁷⁵. Правила согласования те же, что и в древнееврейском.

Из порядковых для староарамейского известны (в *st. emphaticus*): 1-й — kadmāta, ж. р. kadmāta; 2-й — tinjānā; 3-й — talītāta; 4-й — rēbī'āia и др.

§ 6. Местоимение

1. Личные самостоятельные местоимения имеют как в древнееврейском, так и в староарамейском только одну форму — прямого падежа (но в арамейском эти местоимения могут выражать и объект).

Ед. ч.	Др.-евр.	Арам.
1-е л.	'anōkī, 'anī ¹	'anā ⁸
2-е л.	м. р. 'attā	'antā, 'attā ⁹
	ж. р. *'attī ² , 'att(ə)	*'antī, *'att(ə)
3-е л.	м. р. hū ³	hū ¹⁰
	ж. р. hī ⁴	hī
Мн. ч.		
1-е л.	('a)naḥnū, 'anū ⁵	'anaḥnā
2-е л.	м. р. 'attām	'antūn
	ж. р. 'attēn(n)ā, 'attā'in ⁶	*'antīn(?)
3-е л.	м. р. hēm(mā) (фин. hm-t)	1) himmō(n), 2) 'innūn ¹¹
	ж. р. hēn(nā) ⁷	1) *hinne(n), 2) 'innīn

Примечания. 1. По-видимому, более поздняя форма.

2. Форма реконструирована по написанию согласными 'tj; масоретская огласовка и в этом случае 'att.

3. Написание hw' (в финикийском h').

4. Написание h'j' и hw' (с масоретской огласовкой и в этом случае hī); в финикийском пишется h'.

5. 'anū — поздняя форма.

6. В единичных случаях 'attām.

7. В отдельных случаях вместо местоимения женского рода встречается местоимение мужского рода hēm(mā).

8. В я'удском (сам'альском) диалекте 'nkj.

9. Обе формы встречаются в «имперском арамейском»; в я'удском (сам'альском) диалекте 't.

10. Пишется hw' (в ранних текстах h').

11. Также hīnnūn. В «имперском арамейском» встречаются все формы, которые, однако, вероятно восходят к разным диалектам. В ранних текстах: в Хамате [h]mw(?), в Арпаде hm — в обоих случаях, вероятно, читать *himmō.

⁷³ Так, против правила, с двусогласным началом!

⁷⁴ Так же 'aštē 'āsār, ср. акк. 'ištēn 'один'.

⁷⁵ 10 000 — ribbō.

Как и в других семитских языках, личное самостоятельное местоимение употребляется для выражения подлежащего только если требуется его логическое выделение.

2. Суффиксальные местоимения составляют одну притяжательно-объектную серию (выражают притяжание при имени и объект при глаголе); лишь для 1-го лица единственного числа различаются объектная форма *-nī* и притяжательная *-ī*. В остальном различие форм местоимений определяется не их значением, а комбинаторными фонетическими причинами (они меняются в зависимости от того, присоединяется ли суффикс к согласному или гласному, в зависимости от места ударения, и т. д.).

3. В древнееврейском местоименные суффиксы имеют следующие исходные формы:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>-ī</i> (с именем), <i>-nī</i> (с глаголом)	<i>-nū</i>
2-е л.	{ м. р. <i>-kā</i> ж. р. <i>-k</i>	<i>-kām</i> <i>-kän</i>
3-е л.	{ м. р. <i>-hū</i> , <i>-ū</i> ж. р. <i>-hā</i>	<i>-hām</i> <i>-hän</i>

4. Однако эти формы, как сказано, претерпевают изменения в зависимости от фонетического окружения.

Так, при имени перечисленные формы фактически встречаются только в том случае, если *status pronominalis* имени оканчивается на гласный; например, при слове *'āb* 'отец', *status pronominalis* *'ābī-*, *'ābī-*: *'ābī*, *'ābī-kā*, *'ābī-k*, *'ābī-ū*, *'ābī-hā*; *'ābī-nū*, *'ābī-kām*, *'ābī-kän*, *'ābī-hām*, *'ābī-hän*. Если *status pronominalis* оканчивается на согласный, то перед суффиксальным местоимением появляется соединительный гласный и происходят другие изменения; например, при слове *sūs* 'конь'⁷⁶: *sū'sī*, *sūs-ā-kā*, *su's-ēk*⁷⁷, *sū's-ō*⁷⁸, *sū's-āh*⁷⁹, *sū's-ē-nū*⁸⁰, *sūs-ā-kām*, *sūs-ā-kän*⁸¹, *sūs-ā-hām* (*sūs-ām*)⁸², *sūs-ā-hän* (*sūs-ān*)⁸³.

5. При двойственном и множественном числе имени суффиксальные местоимения присоединяются к *status pronomi-*

⁷⁶ Соответственно при *rū^{ah}* 'дух' под влиянием *h*: *rū'hī*, *rūh-ā-kā*, *rūh-ēk*, *rūhō*, *rū'h-āh*; *rū'h-ē-nū*, *rūh-ā-kām*; обратит внимание на соединение суффиксального местоимения с именами с последним «слабым» корневым, например, *sādē* 'поле': *sā'dī*, *sādē-kā*, *sā'dē-k*, *sā'dē-hū*, *sā'dāh*; *sā'dē-nū*, *sādē-kām* и т. д.

⁷⁷ Из **sūs-a-ik* < **sūs-a-ki*; редко так же по типу *sū's-āk* < **sūs-a-ki* (*kullāk* 'совокупность твои').

⁷⁸ Также *'ōr-ē-hū* 'его свет' вместо **'ōr-ō*.

⁷⁹ Из **sūs-a-hā*.

⁸⁰ Редко по типу **sū's-ā-nū*: *ki'mānū* 'стоящий против нас'.

⁸¹ Редко *'-kānā*.

⁸² Из **sūs-a-hām* > **sūs-ā-hām*. В поэзии также *sūs-āmō*.

⁸³ Редко *'-āh(ə)nā*, *'-ānā*, *'-ānā*, *-hēn*.

nalis на *-ai-*, но при этом происходят различные фонетические изменения:

	Исходные формы (<i>sūsīm</i> 'кони')	Результирующие формы	(Написание)
Ед. ч.			
1-е л.	<i>*sūsai-ī</i>	<i>sū'sai</i>	<i>swsj</i>
2-е л.	{ м. р. <i>*sūsai-kā</i> ж. р. <i>*sūsai-k</i>	<i>sū'sākā</i> <i>sū'saik</i> ¹	<i>swsjk</i> <i>swsjk</i>
	{ м. р. <i>*sūsai-(h)ū</i> ж. р. <i>*sūsai-hā</i>	<i>sū'sāu</i> , <i>su'sēhū</i> ² <i>sū'sāhā</i>	<i>swsjw</i> , <i>swsjhw</i> <i>swsjh</i>
Мн. ч.			
1-е л.	<i>*sūsai-nū</i>	<i>sū'sēnū</i>	<i>swsjnw</i>
2-е л.	{ м. р. <i>*sūsai-kām</i> ж. р. <i>*sūsai-kän</i>	<i>sū'sēkām</i> <i>sū'sēkän</i> ³	<i>swsjkm</i> <i>swsjkn</i>
	{ м. р. <i>*sūsai-hām</i> ж. р. <i>*sūsai-hän</i>	<i>sū'sēhām</i> ⁴ <i>sū'sēhän</i> ⁵	<i>swsjhm</i> <i>swsjhn</i>

Примечания. 1. Редко *-ai-kī*, *-ēk*.

2. Последняя форма — только в поэзии.

3. Редко *-kānā*.

4. Редко *-hāmā*. В поэзии также *sūsē'mō*.

5. Редко *-hänā*.

Окончание *status pronominalis* множественного числа имени на *-ai* было еще живо в период составления библейских текстов, что и отразилось в написании, однако масоретская огласовка уже игнорирует его (поэтому, хотя пишется *swsjw*, масореты читают *sūsāu!*)⁸⁴.

О присоединении местоименных суффиксов к глагольным формам см. ниже, § 7, п. 5.

Перечисленные формы могут изменять свою огласовку в паузе в связи с передвижкой ударения⁸⁵.

6. Система суффиксальных местоимений в арамейском аналогична древнееврейской:

	Ед. ч.
1-е л.	<i>-ī</i> (с именем), <i>-nī</i> (с глаголом)
2-е л.	{ м. р. <i>-āk</i> ж. р. <i>*-ēk</i>
	{ м. р. <i>-eh</i> ж. р. <i>-ah</i>

⁸⁴ Ср. также с предлогом, например, *lā-* 'к': *lī*, *lā'kā*, *lāk*, *lō*, *lāh*; *'lānū*, *lā'kām*, *lā'kän(a)*, *lā'hēmā* (*lā'hām*, *'lāmō*), *lā'hēnna* (*lā'hän*).

⁸⁵ Это явление, впрочем, общее для почти всех древнееврейских грамматических форм. При этом ударный гласный удлиняется (*kā'tal*, в паузе *kā'tāl*); в ряде случаев ударение передвигается на один слог ближе к началу с изменением огласовки; беглые гласные нередко восстанавливаются, и полный гласный несет на себе ударение (*kā'tō'lā*, в паузе *kā'tālā*); качественно восстанавливаются первоначальные гласные в *nomina segolata* (*'ārās* 'земля', в паузе *'ārāš* и т. п.).

Мн. ч.	после имени, оканчивающегося на гласный	после имени, оканчивающегося на согласный
1-е л.	-nā	'-ā-nā
2-е л.	{ м. р. 1) -kōm, 2) -kōn ж. р. 1) *-kēm(?), 2) *-kēn(?)	{ 1) -'kōm, 2) -'kōn 1) *-'kēm(?), 2) *-'kēn
3-е л.	{ м. р. 1) -hōm, 2) -hōn ж. р. 1) *-hēm, 2) -hēn	{ 1) -'hōm, 2) -'hōn 1) -'hēm, 2) -'hēn

Формы -āk, -ēk, -eh, -ah объясняются слиянием местоименного суффикса с соединительным гласным — исходные формы: *malk-a-kā, *malk-a-kī, *malk-a-hī, *malk-a-ha > malk-āk, malk-ēk, malk-eh, malk-ah.

Формы -kōm, -hōm [так же как himmō(n)] и -kōn, -hōn [так же как hinnūn, 'innūn], по всей вероятности, соответствуют разным диалектам, однако в библейско-арамейском наблюдаются и те и другие⁸⁶. Позже формы -kōm, -hōm [и himmō(n)] исчезают. Встречается тенденция к замене женских местоимений -kēn, -hēn мужскими -kōm, -hōm, -hōn.

7. При множественном числе имени мужского рода суффиксальное местоимение присоединяется в арамейском к status pronominalis на *-ai (кроме суффиксального местоимения 3-го лица единственного числа -hī, которое присоединяется к окончанию *-ai⁸⁷). Далее происходят фонетические изменения, совершенно аналогичные имеющим место в древнееврейском:

Ед. ч.	Исходные формы (mal(ə)kīn 'цари')	Результирующие формы	Написание
1-е л.	*malakaī-ī	mal(ə)kaī	mlkj
2-е л.	{ м. р. *malakaī-ka ж. р. *malakaī-ki	mal(ə)kāk *mal(ə)kēk	mlkjk *mlkjk
3-е л.	{ м. р. *malakaī-hī ж. р. *malakaī-hā	mal(ə)kōhī mal(ə)kāh	mlkwjh mlkjh
Мн. ч.			
1-е л.	*malakaī-nā	mal(ə)kānā	mlkjn'
2-е л.	{ м. р. *malakaī-kōm/n ж. р. *malakaī-kēn	mal(ə)kēkōm/n *mal(ə)kēkēn	mlkjk(w)m/n —
3-е л.	{ м. р. *malakaī-hōm/n ж. р. *malakaī-hēn	mal(ə)kēhōm/n mal(ə)kēhēn	mlkjh(w)m/n mlkjhwn (l)

⁸⁶ В ранних текстах встречаются только формы первой серии.

⁸⁷ Как видно из изложенного выше (§ 5, п. 2, прим.), форма на -ai была первоначально формой косвенного, а форма на -ai — прямого падежа. Поэтому ранее должны были, вероятно, существовать две полные серии — с окончанием -ai и с окончанием -ai.

По-видимому, и в данном случае масоретская огласовка регистрирует более позднее состояние языка.

О присоединении местоименных суффиксов к глаголу см. ниже, § 7, п. 5.

8. В качестве указательных местоимений употребляются:

а) в древнееврейском:	б) в староарамейском:
«этот» zā (поэт. zū)	«этот» dānā ¹
«эта» zō(t)	«та» dā ¹
«эти» 'ellā, 'el	«эти» 'illen ²
	«тот» — dēk ¹
	«та» — dāk ¹
	«те» — 'illek

Примечания. 1. Староарамейские написания znh, zh, zk; начиная примерно с IV в. до н. э. (а также в библейских текстах более раннего происхождения, в порядке позднейшей подгонки орфографии под общую норму), — dnh, d', dk.

2. Так же 'el(lā).

При этом в качестве указательных местоимений используются и личные местоимения 3-го лица (по своему происхождению они, как известно, являются именно указательными).

Арамейские указательные местоимения для дальних предметов образованы путем присоединения притяжательного местоимения 2-го лица к основе указательного местоимения (ср. в урартском, гл. IV, § 6, п. 3).

Древнееврейские указательные местоимения принимают артикль по правилам прилагательных (см. § 5, п. 8)⁸⁸.

9. В качестве относительного местоимения в древнееврейском функционирует неизменяемая частица 'āšār (позже также šā- с удвоением последующего согласного)⁸⁹, в финикийском *'ašā, *'aš, *'šā⁹⁰, в арамейском dī (написание zj, позже dj, еще позже d- с чтением dā-). Частица dī имеет очень широкое употребление и, в частности, играет роль nota genitivi (см. гл. V, § 4, п. 8).

10. Вопросительные местоимения: др.-евр. mī 'кто?', mā⁹¹ 'что?'; араб. mān 'кто?', mā 'что?'⁹².

Эти же местоимения могут выступать и в качестве неопределенных (обратить внимание на сочетания с dī в арамейском: mān-dī 'тот, кто', mā-dī 'то, что').

11. В качестве обобщающих местоимений, как и в других семитских языках, выступают существительные со значением «совокупность» и т. п. (чаще всего *kull-).

⁸⁸ Обратить внимание на указательное местоимение hallāzā 'вот этот', ср. арабское относительное местоимение *(h)alladī 'который'.

⁸⁹ Иногда (в поэтическом языке) также zā, zū; в поэтическом языке придаточное предложение может вводиться и именем в status constuctus: kirjāṭ hānā Dāwīd 'город, где расположился (лагерем) Давид'. Не смешивать со случаями опущения подчинительного союза.

⁹⁰ В древнелатинской транскрипции asse, us, sa, sy и т. п.

⁹¹ Пишется mh. В определенных сочетаниях произносится также mā, ma- с удвоением следующего согласного.

⁹² Пишется mh.

1. Как и в древнееврейском, так и в арамейском окончательно установилась классическая двухвидовая система спряжения глагола — суффиксальная спрягаемая форма Perfectum, выражающая совершенный вид («новый перфектив»), и префиксальная спрягаемая форма Imperfectum, выражающая несовершенный вид («новый имперфектив») ⁹³.

При этом правильный глагол активного залога в основной породе (G) спрягается следующим образом:

Таблица 3

Perfectum

Число	Лицо и род	ktb 'писать'		
		Древнееврейский	Арамейский	
Единственное	1-е л.	<i>kā'tab-tī</i> ¹	<i>kit(ə)b-e/it</i>	
	2-е л. {	м. р.	<i>kā'tab-tā</i> ¹	<i>katāb-t(ā)</i>
		ж. р.	<i>kā'tab-t</i> ²	<i>kətab-t</i>
	3-е л. {	м. р.	<i>kā'tab</i>	<i>kətab</i>
		ж. р.	<i>kātə'bā</i> ³	<i>kit(ə)b-aī</i>
	Множественное	1-е л.	<i>kā'tabnū</i> ¹	<i>kətab-nā</i>
2-е л. {		м. р.	<i>kətab'tām</i>	<i>kətab-tūn</i>
		ж. р.	<i>kətab'tān</i>	<i>*kətab-tēn (?)</i>
3-е л. {		м. р.	<i>kātə'bū</i>	<i>kə'tab-ū</i>
		ж. р.	<i>kātə'bū</i>	<i>kə'tab-ā</i>

Примечания. 1. В этих формах сохранился (путем его удлинения) древнеханаанейский конечный гласный, поэтому ударение осталось на предпоследнем слоге.

2. Так, по традиции, с двусогласным окончанием. Однако древнее произношение должно было быть *kātab-tə* < **katabti*.

3. Из **katabah* < *katabat*.

⁹³ В древнееврейском, однако, имеются пережитки более древних явлений. Они заключаются в том, что: 1) при перечислении ряда действий или состояний только первый глагол ставится в случае совершенного вида — в Perfectum, в случае несовершенного — в Imperfectum, остальные же глаголы, напротив, ставятся в первом случае — в Imperfectum, во втором — в Perfectum. При этом последующие глаголы связываются с первым особым проклитическим союзом (*wāw consecutivum*), для Imperfectum — в форме *wā-* с удвоением последующего согласного и, кроме 1-го лица, с передвижением ударения на предпоследний слог при сокращении последнего неударного гласного: *īā'kūm* 'он встает', но *wāi-īākōm* 'и встал'. Эта особая сокращенная форма Imperfectum *cum wāw consecutivo* со значением совершенного вида — не что иное, как «старый перфектив» типа **īa-prus* (в то время как обычный Imperfectum со значением несовершенного вида происходит из старой

Таково спряжение в Perfectum переходных глаголов ⁹⁴. В древнееврейском языке непереходные глаголы от переходных отличаются в 3-м лице ед. ч. (*kābēd* 'он был тяжел', *kātōn* 'он был мал'), но в староарамейском непереходные глаголы (огласовка на *e/i*: *kəreb* 'он приобщи́лся', *səgīd* 'пал ниц') отличаются от переходных и в других формах:

	Ед. ч.	Мн. ч.	
1-е л.	<i>kir(ə)b-et</i>	<i>kəreb-nā</i>	
2-е л. {	м. р.	<i>kəreb-t(ā)</i>	<i>*kəreb-tūn</i>
	ж. р.	<i>*kəreb-t</i>	<i>*kəreb-tēn</i>
3-е л. {	м. р.	<i>kəreb</i>	<i>kə'rib-ū</i>
	ж. р.	<i>kir(ə)b-at</i>	<i>kə'rib-ā</i>

Спряжение Imperfectum см. в табл. 4.

2. Императив образуется по следующему образцу:

	Др.-евр.	Арам.	
Ед. ч.			
2-е л. {	м. р.	<i>kə'tōb, kə'bad</i>	<i>kə'tub, *kəreb</i>
	ж. р.	<i>kitə'bī, kibə'dī</i>	<i>kə'tubī, *kəribī</i>
Мн. ч.			
2-е л. {	м. р.	<i>kitə'bū kibə'dū</i>	<i>kə'tubū, *kəribū</i>
	ж. р.	<i>kə'tōbnā kə'badnā</i>	<i>*kə'tubā (?) *kəribā (?)</i>

Запрещение выражается отрицанием Imperfectum: др.-евр. 'al-tirā 'не бойся' (корень *ir'*); lō tignōb 'не укради' (собственно 'ты не должен красть').

сослагательной формы типа **īa-prus-u*, см. гл. V, § 10). Употребление глагола в Perfectum в значении несовершенного вида после первого глагола в Imperfectum есть, вероятно, результат аналогии с обратной конструкцией, и поэтому в этом случае последующие глаголы присоединяются посредством обычного соединительного проклитического союза *wā-* (*wāw copulativum*), и глагольная форма либо вовсе не претерпевает изменений, либо (в случае форм, нормально имеющих ударение на предпоследнем слоге, например, *kā'tabti* 'ты написал') под влиянием фразовой интонации происходит перенос ударения на последний слог (*wā-kātab'ti*); 2) Imperfectum *cum wāw consecutivo* может и начинать собой предложение (без предшествующего Perfectum), и в этом случае также имеет значение совершенного вида; 3) обыкновенный Imperfectum без *wāw consecutivo* тоже может в отдельных случаях обозначать совершенный вид (в поэзии, а также после частиц 'az 'тогда', 'tārād 'еще не', 'bā-'tārād 'прежде чем': 'az 'ədabbēr 'тогда сказал', 'tārād 'ihīā 'еще не был' и т. п.).

⁹⁴ Как видно из парадигмы, огласовка древнееврейского Perfectum соответствует общим фонетическим правилам. Сложнее обстоит дело с арамейскими формами 1-го л. ед. ч. *kit(ə)bet* и 3-го л. ед. ч. *kit(ə)bat*. Первую из них, пожалуй, можно объяснить из **ka'tabti* > **ka'tabati* > **kata'biti* > *kiti'biti* > *kitəbet*; вторая имеет *i* в первом слоге, по всей вероятности, по аналогии (ожидалось бы **ka'tabat* > **kata'bat* > **kata'batī*). Во множественном числе древнееврейские формы окончаний являются результатом выравнивания по аналогии, в то время как арамейский сохраняет древние формы.

Число	Лицо и род	Древнееврейский		Арамейский	
		перех. (<i>ktb</i> 'писать') ¹	неперех. (<i>kbd</i> 'быть тяжелым') ²	перех. (<i>ktb</i> 'писать') ¹	неперех. (<i>krb</i> 'приближаться') ²
Единственное	1-е л.	' <i>ā</i> - <i>ktōb</i> ³	' <i>ā</i> - <i>k'bad</i> ³	' <i>ā</i> - <i>ktub</i>	' <i>ā</i> - <i>krab</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>ti</i> - <i>ktōb</i> <i>ti</i> - <i>ktōb-ī</i>	<i>ti</i> - <i>k'bad</i> <i>ti</i> - <i>kba'd-ī</i>	<i>ti</i> - <i>ktub</i> * <i>ti</i> - <i>ktōb-īn</i>	<i>ti</i> - <i>krab</i> * <i>ti</i> - <i>krōb-īn</i>
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>ii</i> - <i>k'tōb</i> <i>ti</i> - <i>k'tōb</i>	<i>ii</i> - <i>k'bad</i> <i>ti</i> - <i>k'bad</i>	<i>ii</i> - <i>ktub</i> <i>ti</i> - <i>ktub</i>	<i>ii</i> - <i>krab</i> <i>ti</i> - <i>krab</i>
Множественное	1-е л.	<i>ni</i> - <i>k'tōb</i>	<i>ni</i> - <i>k'bad</i>	<i>ni</i> - <i>ktub</i>	<i>ni</i> - <i>krab</i>
	2-е л. { м. р. ж. р.	<i>ti</i> - <i>ktōb-ū</i> <i>ti</i> - <i>k'tōb-nā</i>	<i>ti</i> - <i>kba'd-ū</i> <i>ti</i> - <i>k'bad-nā</i>	<i>ti</i> - <i>ktōb-ūn</i> * <i>ti</i> - <i>ktōb-ān</i> (?)	<i>ti</i> - <i>krōb-ūn</i> * <i>ti</i> - <i>krōb-ān</i> (?)
	3-е л. { м. р. ж. р.	<i>ii</i> - <i>ktōb-ū</i> <i>ti</i> - <i>k'tōb-nā</i> ⁵	<i>ii</i> - <i>kba'd-ū</i> <i>ti</i> - <i>k'bad-nā</i> ⁵	<i>ii</i> - <i>ktōb-ūn</i> ⁴ <i>ii</i> - <i>ktōb-ān</i> ⁵	<i>ii</i> - <i>krōb-ūn</i> ⁴ <i>ii</i> - <i>krōb-ān</i> ⁵

Примечания. 1. Префиксы '*ā*-, *ti*-, *ii*- < *'*a*-, *'*ta*-, *'*ia*-.

2. Префиксы '*ā*-, *ti*-, *ii*- < *'*i*-, *ti*-, *ii*-.

3. По другой традиции, '*i*-*ktōb*, '*i*-*kbad* (так и в финикийском, где, как показал И. Н. Винников, форма *'*iktub* в дальнейшем дает *iktub* и для 1-го л. ед. ч.!).

4. Окончание *-ūn* — инновация (по аналогии с *-ān* в женском роде?); в ранних текстах на древнейших арамейских диалектах (кроме диалекта Арнада) еще встречаем форму на *-ū*.

5. Для образования 3-го л. ж. р. мн. ч. см. гл. VII, § 5, п. 2, стр. 344, прим. 4.

3. Сохранились некоторые формы наклонений. Сюда относятся в древнееврейском:

(1) Юссив (пожелательное наклонение). На древней ступени юссив (= «старый перфектив») отличался от Imperfectum (= «нового имперфектива») тем, что он был лишен окончания *-u* [юссив — **ʔa-ktub* 'написал бы', **ʔa-gli* 'выселился бы (в изгнание)', Imperfectum — **ʔa-ktub-u*, **ʔa-gli-u*] ⁹⁵. С утерей гласных окончаний юссив совпал для правильных глаголов с Imperfectum (*ʔa-ktub* > *ʔi-ktōb*, *ʔa-ktub-u* > *ʔi-ktōb*), но для глаголов с последним «слабым» корневым согласным, где в юссиве этот согласный фактически отсутствовал, возникло различие в огласовке: юссив **ʔa-gli* > **ʔi-gli* > **ʔigl* и далее, по правилам (§ 3, п. 7, прим. 7) > **ʔigāl*, в то время как Imperfectum **ʔa-gli-u* || *ʔa-gli'-u* > *ʔi-glā*. Понятно, что в формах, где имелись какие-либо суффиксы, юссив не отличается от Imperfectum: *ta-gli'-ī* (2-е л. ж. р.) > *ti-glī* одинаково для юссива и для Imperfectum.

Таким образом, юссив формально отличается от Imperfectum только в некоторых формах, где отсутствие конечного гласного на древней ступени могло сказаться на огласовке при переходе к средней ступени языка. Для правильного глагола такая форма — только одна (в породе S, например: **ʔu-sa-ktib-u* > **ʔəhak'tibu* ⁹⁶ > **ʔak'tīb*, но **ʔu-sa-ktib* > **ʔəhaktib* > **ʔaktib* > *ʔak'tēb*).

(2) Когортатив выражает пожелание по отношению к 1-му (и иногда к 3-му) лицу и носит менее категорический характер, чем юссив. Когортатив выражается с помощью суффикса *'-ā*: **ʔaktəbā* 'напишу-ка я' ⁹⁷.

(3) Имеются также следы усилительного наклонения (*energicus*) с формантом **'-an-* (> **'-än-*, **'-ān-*), присоединяемым к форме Imperfectum ⁹⁸. Эти формы сохранились, как правило, в паузе, и только перед местоименными суффиксами. Лишь во 2-м лице женского рода единственного числа, а также во множественном числе встречаются, преимущественно в более старых текстах, усилительные или паузальные формы и без местоименных суффиксов (**tiktōbūn*; **tiktəbūn*, **ʔiktəbūn*). Фактически эти формы не несут уже самостоятельной семантической нагрузки.

В староарамейском сохранились (позже вымершие) отдельные формы юссива (3-е л. мн. ч. *ʔi-ktəb-ū*, ср. Imperf. *ʔi-ktəb-ān*).

⁹⁵ См. выше, гл. V, § 10, п. 3.

⁹⁶ Происхождение долготы неясно.

⁹⁷ Это *-ā* встречается также в императиве.

⁹⁸ Вторично — и к Perfectum. Обычно с ассимиляцией следующему согласному.

4. Как древнееврейский, так и арамейский глагол имеют формы пассива⁹⁹. Однако в древнееврейском, если не считать сомнительных пережиточных форм¹⁰⁰, основная порода (G) не имеет формы пассива; она заменяется возвратной породой (N) или пассивом от удвоенной породы (D). В арамейском пассив основной породы спрягается следующим образом:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	* <i>kātibti</i>	
2-е л.	м. р. <i>kātibtā</i>	
	ж. р. * <i>kātibt</i>	
3-е л.	м. р. <i>kātib</i>	3-е л. м. р. <i>kātibū</i>
	ж. р. <i>kātibat</i>	

Остальные формы пассива основной породы для староарамейского языка с достоверностью не засвидетельствованы.

5. В древнееврейском при присоединении к спрягаемым формам глагола местоименных суффиксов возникают различные соединительные и облегчительные гласные и изменения огласовок, обусловленные главным образом передвижениями ударения, что в целом дает довольно сложную систему (см. таблицу 5); для образца взят традиционный в грамматиках, но в древнееврейском неупотребительный глагол *khl* 'убивать'¹⁰¹.

В «имперском арамейском» языке местоименные суффиксы присоединяются не к обычной форме Imperfectum изъявительного наклонения (что еще наблюдается в ранних текстах), а к форме с наращением *-inn(a)-* [во множественном числе *-unna(a)-*], по-видимому являющейся пережитком усилительного наклонения¹⁰². Отсутствие этого *-inn(a)-* или *-unna(a)-* указывает на юссивный характер формы.

⁹⁹ Как уже указывалось (гл. V, § 8), семитский пассив есть по происхождению безличная форма, поэтому логический объект, который в индоевропейском пассиве был бы грамматическим субъектом, в древнееврейском таковым может не являться, в результате чего возникают фактически эргативные конструкции: *qāḏlūlēd laHānoq 'āt-Īrād* 'и был рожден Еноху Ирад', где *'āt* — nota accusativi, следовательно, букв. 'рожден // родил для Еноха Ирада'; *hāzūt huggad-lī* 'видение (ж. р.!) объявлен (м. р.!) мне', т. е., собственно, 'видение кто-то объявил мне'.
¹⁰⁰ Сюда относят Imperfectum *ḏākal* 'может'.
¹⁰¹ Исторически наиболее важные черты соответствующих форм:

а) рудименты древних форм 3-го л. м. р. **katala* и ж. р. **katalat* в Perfectum; б) сохранение старого места ударения в ряде форм, и соответственные изменения ожидаемых огласовок; в) наличие соединительного гласного *-ē-* (*-ā-*), реже *-a-* в Imperfectum; г) соединительный гласный *ə* перед суффиксами *-ka*, *-kām*, *-kān*; д) выпадение *h* в суффиксах *-hā* (реже *-hā*), *-hām*, *-hān* с соответствующим стяжением (*-ahū > -ō*; *-ahām > -ām* и т. п.).

¹⁰² Поскольку из староарамейских текстов только библейско-арамейские огласованы, а в них, ввиду сравнительной краткости этих текстов, имеются далеко не все формы, постольку трудно дать полную пара-

6. Имеются обычные для семитских языков глагольные имена — имя действия (Infinitivus) и причастия — активное и пассивное. Формы их для основной породы:

	Др.-евр. ¹	Арам.
Inf. ²	<i>kātōl</i>	<i>mikṭal</i>
Part. Act.	<i>kōṭel</i> (ж. р. <i>kō'tālāt</i> ,	<i>kāṭil</i> , <i>kātel</i> (ж. р.
	<i>kōṭā'lā</i>)	<i>kāṭalā</i>)
Part. Pass.	<i>kāṭul</i> ³	<i>kāṭil</i>

Примечания. 1. Приводим формы для переходного глагола. Для непереходного встречается также инфинитив типа *šakab* 'лежать'; активное причастие заменяется здесь глагольными прилагательными типа *kābēd* 'тяжелый', *kāṭon* 'малый'.
2. Приводимая форма — так называемый Infinitivus constructus (неудачный термин, так как напоминает status constructus, хотя форма употребляется во всех состояниях); наряду с ним существует еще так называемый Infinitivus absolutus (форма *kātōl*), употребляемый для общего обозначения действия (без стоящего при нем именного или местоименного определения или определяемого и не в предложном обороте и т. п.), а также в сочетании со спрягаемой формой того же глагола для подчеркивания действия: *mālōk timlōk* 'ты будешь (именно) царствовать'.

3. Эта форма выражает также постоянное состояние и без пассивного оттенка: *šakūn* 'постоянно проживающий', *'ahūz* 'постоянно держащий', 'которому свойственно держать'.

Особенно широкое употребление имеет причастие в арамейском языке — для выражения настоящего времени или действия вне зависимости от вида: *NN iāda' siprā dānā* 'NN знает это письмо', *'anē qā'amar* 'обращается и говорит' (при передаче в рассказе чужой прямой речи); также со вспомогательным глаголом: *dī-hāqā šābe hāqā kātel* 'кого хотел, того убивал', — букв. 'которого был желающим, был убивающим'. Впоследствии из конструкции «причастие + самостоятельное местоимение» в поздних арамейских диалектах вырабатывается спрягаемая форма настоящего времени и т. п.

7. Из производных пород (исключая редкие)¹⁰³ в древнееврейском имеются: возвратная (возвратно-пассивная) по-

дигму спрягаемых форм староарамейского глагола с местоименными суффиксами. Для 2-го лица Perfectum можно восстановить только формы **kāṭaltanī* 'ты убил меня' и **kāṭaltanā* 'ты убил нас'. Для 3-го лица мужского рода Perfectum можно восстановить следующие формы: **kāṭalāk* 'убил тебя', **kāṭaleh* 'убил его', **kāṭalah* 'убили ее'; мн. ч. **kāṭalūhī* 'убили его'. Для Imperfectum можно восстановить формы **ikṭalinnanī* 'он убьет меня', **ikṭalinnāk* 'он убьет тебя', **ikṭalinneh* 'он убьет его', *ikṭalinnah* 'он убьет ее' (и соответственно множественное число: *ikṭalunnanī*, *ikṭalunnāh*, *ikṭalunneh*, *ikṭalunnah*); для юссива — формы *ikṭalāk* 'да убьет тебя' и *ikṭalūk* 'да убьет тебя'.

¹⁰³ К редким породам принадлежат: целевая (?) порода Pō'el (основа **kāṭil-?*) и возвратная к ней Hithpō'el; Pi'lē'al (основа **kāṭil/al-*), выражающая цвета и качества, с пассивом Pu'lal и возвратной породой Hithpa'lēl; итеративная порода Pē'al'al (основа **kāṭal'al-*) с пассивом Pō'al'al;

Древнееврейский Perfectum с местоименными суффиксами

Число	Объект		'меня'	'тебя' (м. р.)	'тебя' (ж. р.)	'его'	'ее'
	Субъект						
Единственное	1-е л.		—	<i>kətal'tikā</i>	<i>kətal'tik</i>	<i>kətal'tip</i>	<i>kətal'tihā</i>
	2-е л.	м. р.	<i>kətal'tanī</i>	—	—	<i>kətal'tāhū</i> <i>kətal'tō</i>	<i>kətal'tāh</i>
		ж. р.	<i>kətal'tinī</i>	—	—	<i>kətal'tihū</i> <i>kətal'tip</i>	<i>kətal'tihā</i>
	3-е л.	м. р.	<i>kəṭā'lanī</i>	<i>kəṭālō'kā</i>	<i>kəṭā'lāk</i>	<i>kəṭā'lāhū</i> <i>kəṭā'lō</i>	<i>kəṭā'lāh</i>
		ж. р.	<i>kəṭā'lainī</i>	<i>kəṭā'lai(ə)kā</i>	<i>kəṭā'lātāk</i>	<i>kəṭā'lāhū</i> <i>kəṭā'lattū</i>	<i>kəṭā'lattā</i>
	Множественное	1-е л.		—	<i>kətal'nūkā</i>	<i>kətal'nūk</i>	<i>kətal'nūhū</i>
2-е л.		м. р.	<i>kətal'tūnī</i>	—	—	<i>kətal'tūhū</i>	<i>kətal'tūhā</i>
		ж. р.	?	—	—	?	?
3-е л.	м. р.	} <i>kəṭā'lūnī</i>	<i>kəṭā'lūkā</i>	<i>kəṭā'lūk</i>	<i>kəṭā'lūhū</i>	<i>kəṭā'lūhā</i>	
ж. р.							

Продолжение таблицы 5

Число	Объект		'нас'	'вас' (м. р.)	'вас' (ж. р.)	'их' (м. р.)	'их' (ж. р.)
	Субъект						
Единственное	1-е л.		—	<i>kətal'tikām</i>	<i>kətal'tikān</i>	<i>kətal'tim</i>	<i>kətal'tin</i>
	2-е л.	м. р.	<i>kətal'tānū</i>	—	—	<i>kətal'tām</i>	<i>kətal'tān</i>
		ж. р.	<i>kətal'tinū</i>	—	—	<i>kətal'tim</i>	<i>kətal'tin</i>
	3-е л.	м. р.	<i>kəṭā'lanū</i>	<i>kətal(ə)'kām</i>	<i>*kətal(ə)'kān</i>	<i>kəṭā'lām</i>	<i>kəṭā'lān</i>
		ж. р.	<i>kəṭā'lainū</i>	—	—	<i>kəṭā'lātam</i>	<i>kəṭā'lātan</i>
	Множественное	1-е л.		—	<i>kətal'nūkām</i>	<i>kətal'nūkān</i>	<i>kətal'nūm</i>
2-е л.		м. р.	<i>kətal'tūnū</i>	—	—	<i>kətal'tūm</i>	<i>kətal'tūn</i>
		ж. р.	?	—	—	?	?
3-е л.	м. р.	} <i>kəṭā'lūnū</i>	?	?	<i>kəṭā'lūm</i>	<i>kəṭā'lūn</i>	
ж. р.							

Объект				
Типы формы	'меня'	'тебя' (м. р.)	'тебя' (ж. р.)	'его'
Простая форма (первый случай) ¹	<i>ikk̄tə'lənī,</i> <i>(ikk̄tə'lanī)</i>	<i>ikk̄tol(ə)'k̄ā</i>	<i>ikk̄tə'lēk</i>	<i>ikk̄tə'lēhū</i> ³
Простая форма (второй случай) ²	<i>ikk̄tə'lūnī</i>	<i>ikk̄tə'lūkā</i>	<i>ikk̄tə'lūk</i>	<i>ikk̄tə'lūhū</i>
Усилительная форма (первый случай) ¹	<i>ikk̄tə'lānənī,</i> <i>ikk̄tə'lānnī</i>	<i>ikk̄tə'lānkā,</i> <i>ikk̄tə'lākkā</i>	?	<i>ikk̄tə'lānhū,</i> <i>ikk̄tə'lānnū</i>
Усилительная форма (второй случай) ²	<i>ikk̄təlū'nanī,</i> <i>ikk̄tə'lūnənī</i>	?	<i>ikk̄tə'lūnāk</i>	?

Примечания. 1. Случай присоединения местоименного суффикса к формам *āktōl, tik̄tōl, ik̄ktōl, nik̄tōl*.

2. Случай присоединения местоименного суффикса к формам *tik̄tālī, ik̄ktālū* (формы **tik̄ktolnā* нет), *ikk̄tālū, ik̄ktolnā*.

рода N (Niph'al), интенсивно-каузативная и деноминативная удвоенная порода D (Pi'el) с пассивом (Pu'al), каузативная порода типа S (Hiph'il) с пассивом (Hoph'al) и возвратная (возвратно-взаимная) к D порода D+T (Hithpa'el) ¹⁰⁴.

Порода N (Niph'al) образуется в Imperfectum с помощью префикса *ni-*, в остальных формах — с помощью префикса (*h*)*in-* [**i*]*n-*, с ассимиляцией *n* следующим согласным и поглощением *h* личными префиксами в Imperfectum, в результате чего стягиваются гласные (**i-hin-* > *in-*) ¹⁰⁵. Основой Imperfectum является *-ktal* < **katal-*, остальных (более старых) глагольных форм — *-kātēl* < **kātīl-*. Именная форма *ni-k̄lāl* служит также причастием (ср. редкую форму Infinitivus absolutus *ni-k̄tāl* < **ni-k̄tāl*). Личные префиксы в Imperfectum по типу *i-* < **i-*.

Порода D (Pi'el) образуется от основы *kattēl* < **kattīl-* (в Infinitivus absolutus также *kattōl* < **kattāl-*), причем в Per-

единичные случаи Tiph'el'a (основа *ta-k̄tīl*), Šaph'el'a (основа *ša-k̄tīl-* и некоторые другие. Исторически особо интересна порода Pilpēl (пассив Polpal, возвратная порода Hithpalpēl), образующаяся путем удвоения двусогласной корневой ячейки, обычно сохранившейся также и в составе какого-либо вторично-трехсогласного корня: *gilgēl* 'он откатывается' при *gālal* 'он катится'; *koikal* 'он обеспечен' при *kāl* (корень *kpl*) 'он держит, мерит'.

¹⁰⁴ Традиционные названия пород представляют собой 3-е лицо мужского рода единственного числа Imperfectum соответственной породы от глагола *p'l* 'делать'. Основная порода в древнееврейском называется *kal* 'легкая', в арамейском — *Pa'al*.

¹⁰⁵ Так формально, но в действительности этого *h* в Imperfectum, вероятно, никогда не было.

	'ее'	'нас'	'вас' (м. р.)	'вас' (ж. р.)	'их' (м. р.)	'их' (ж. р.)
	<i>ikk̄tə'lāhā,</i> <i>ikk̄tə'lāh</i> <i>ikk̄tə'lūhā</i>	<i>ikk̄tə'lēnū</i>	<i>ikk̄tol(ə)'kām</i>	<i>ikk̄tol(ə)'kān</i>	<i>ikk̄tālēm</i> ⁴	<i>ikk̄tālēn</i>
	<i>ikk̄tə'lānnā</i>	<i>ikk̄tə'lānnū</i>	?	?	?	?
	?	?	?	?	?	?

3. Редко *ikk̄tālō* < **ikk̄talahū*.

4. Редко *ikk̄tālām* < **ikk̄tala'hām*.

fectum *kittaltī, kittaltā, kittalt, kittel; kittaltām* и т. д. Причастие образуется по обычному для производных пород семитскому типу: *mə-kattēl-* < **mu-kattīl-*. Основа пассива — *kuttal-*. Личные префиксы в Imperfectum по типу *i-* < **i-*.

Порода S (Hiph'il) образуется с помощью префикса *ha-* (< **sa-*) ¹⁰⁶ и основы *-kīl-* [**k(a)til-*], которая в формах, восходящих к тем древним формам, которые оканчивались на согласный (юссив, императив), дает *-kīl-*, в остальных случаях — *-kīl* (однако в спряжении Imperfectum в закрытом слоге *-i-* > *-a-*: *hik̄taltī, hik̄taltā, hik̄talt; hik̄taltām, hik̄taltān*). В префиксе *ha-* согласный *h* поглощается личными префиксами в Imperfectum и префиксом причастия *m(ə)-* (< **mu-*), в результате чего стягиваются гласные: **iə-ha-* > *ia-*, **mə-ha-* > *ma-*. Пассив образуется по типу **hu-ktal-* > *ho-ktal*. Личные префиксы в Imperfectum по типу *ia-* < **iə-ha-* < **iū-ha-*; *iū/o-* < **iə-hu-* < **iū-hu-*.

Порода D+T (Hithpa'el) образуется с помощью префикса *hit-* [**i*]*t-* и основы породы D (Pi'el) — *kattēl* < **kattīl-*, причем *a* в первом слоге основы всюду сохраняется. Фонетические изменения — как в породе Niph'al, причастие по обычному семитскому типу, но с выпадением *h* и стяжением гласного (**mu-hit-* > **mə-hit* > *mit-*; также в Imperfectum: **iū-hit-* или **iə-hit-* > *iit-*).

Во всех породах происходят обычные изменения огласовки под влиянием передвижения ударения. Предударный гласный

¹⁰⁶ С превращением в Imperfectum безударного *a* этого префикса в закрытом слоге в *i*: **ha-kīl-* > *hi-kīl-*.

в открытом слоге переходит в беглый *ə*. Так, в породе N: 3-е л. м. р. ед. ч. *ni-k'tal*, ж. р. *ni-k'tālā*, мн. ч. *ni-k'tāl-ū*; в породе D: 3-е л. м. р. ед. ч. *ki'ttel*, ж. р. *ki'ttālā*, мн. ч. *ki'ttālū*; в породе D+S: 3-е л. м. р. ед. ч. *hit-kat'tel*, ж. р. *hit-kattālā*, мн. ч. *hit-kattālū*; но в породе S: 3-е л. м. р. ед. ч. *hi-k'til*, ж. р. *hi-k'tilā*, мн. ч. *hi-k'tilū*. Аналогично в Imperfectum в породе N: *iikkā'tel* — *iikkātālū*; в породе D: *iḥka'tel* — *iḥkattālū*; D+T: *iṭka'tel* — *iṭkattālū*, но в породе S: *iak'til* — *iak'tilū*.

8. В арамейском имеются помимо основной (G, Pə'al) интенсивно-каузативная и деноминативная удвоенная порода D (Pa'il) и каузативная порода типа S в двух вариантах (Naph'el и Šaph'el), а также возвратные породы T, D+T, а равно S+T в двух вариантах (Hithpə'el, Hithpa'al, Hittaph'al и Hištaph'al). Породы G, D и S (в варианте Naph'el) имеют пассив (Pa'il, Pu'al — редко, в библейско-арамейском не засвидетельствована, — и Noph'al). Породы типа N в арамейском нет¹⁰⁷.

Уже в «имперско-арамейском» (в частности, в библейско-арамейских текстах) *h* (< **š*) в префиксах пород начинает переходить в ' (породы 'Aph'el, 'Ithpə'el, 'Ithpa'al, 'Ittaph'al).

Порода D (Pa'il) образуется от основы **kaṭṭil*- (пассив **kuṭṭal*- надежно не засвидетельствован), которая либо сохраняется в этой форме, либо дает *kaṭṭel*. Личные префиксы в Imperfectum по типу *iə*- < **iū*-.

Порода S, как указывалось, имеет два варианта. Наиболее обычная — Naph'el, образуемая с помощью префикса *ha*- (позже 'a-) < **ša*- и основы *-k'til* [< **k(a)ṭil*-], причем в закрытом слоге *i* > *e*, а в открытом сохраняется (1-е л. ед. ч. Perfectum *haḳtelti*, 3-е л. мн. ч. *haḳ'tilū*). Личные префиксы по типу *iə*- < **iū*-, причем первоначально поглощения *h* и стяжения не происходило; лишь с началом процесса перехода *h* > ' в Imperfectum и в причастии появляются также стяженные формы (*iḥaḳtel* > *iaktel*, *mahaḳtel* > *maḳtel*). Пассив по типу *huḳtal* (и *hoḳtal*), Imperf. **iə*-*ho*/*u*-*ḳtal*.

Вариант Šaph'el более редок. Хотя угаритский материал недвусмысленно указывает на древность этой формы каузативной породы в северноцентральных семитских языках, однако практически большинство староарамейских глаголов в породе Šaph'el представляют собой заимствования из аккадских глаголов в каузативной породе. Тем не менее, следует полагать, что сама возможность заимствования подобных форм из аккадского была обусловлена наличием Ša-

ph'el'a в самом староарамейском. Образование Šaph'el'a — то же, что и Naph'el'a с заменой префикса *ha*- на *ša*-. Šaph'el не является продуктивной породой, и новых форм по этому образцу в дальнейшем не образуется.

Порода T (возвратная к основной, Hithpə'el) образуется с помощью префикса (*h*)*it*-, 'i- и непереходной основы *-kaṭil* < **-kaṭil* (*hitkaṭel* — *hitka'tilū*). В Imperfectum и в причастии в этой породе, так же как и в породах T+D и T+S (Hittaph'al), никаких следов *h* нет (Imperf. *iṭkaṭel*, причастие *miṭkaṭel*).

Порода T+D (Hithpa'al) образуется с помощью префикса (*h*)*it*-, 'i- и основы *-kaṭtal*, порода T+S (Hittaph'al) — с помощью префикса (*h*)*it*-, 'i-, префикса *-ha*- (с ассимиляцией *h* предшествующему *t*) и основы *-kaṭal* (< **-k(a)tal*); порода T+S (Hištaph'al) — по тому же типу, но с метатезой *hit-ša*- > *hišta*-.

В староарамейских текстах порода Hittaph'al надежно не засвидетельствована.

Арамейские возвратные породы в дальнейшем в значительной степени берут на себя функции пассива.

Инфинитив во всех производных породах представляет собой имя женского рода с соответствующим суффиксом *-ā* и образуется от основы типа **kaṭal*- (D: *kaṭtālā*; S: *haḳtālā*, *šaḳtālā*; T: *hitkaṭālā*; T+D: *hitkaṭtālā*; T+S: *hittakṭālā*, *hištakṭālā*)¹⁰⁸. Причастия производных пород образуются по обычному семитскому типу с помощью префикса *mə*- (< **mu*-).

Арамейские глагольные формы подвержены обычным правилам изменения гласных под влиянием огласовки; в частности, краткий неударный гласный в открытом слоге дает беглый *ə*: *kaṭtel* — *kaṭtālū*, *makuṭtal* — *makuṭtālū* и т. д. Обратить внимание: *hit-kaṭel* (мн. ч. *hit-ka'tilū*), 3-е л. ж. р. ед. ч. *hit-ka'talat* вместо ожидаемого **hit-kaṭilat*.

Парадигму глагольных пород в древнееврейском и арамейском см. на табл. 7.

9. Глаголы, имеющие в корне: 1) согласный *n*, 2) согласные ' (устойчивый), *h*, ' , *h* и *r*, 3) согласные *ṣ*, *i* и ' (неустойчивый), 4) одинаковые второй и третий корневой, — обладают рядом фонетических особенностей.

A. В древнееврейском языке:

(а) Глаголы с начальным корневым *n* уподобляют этот *n* всякому непосредственно следующему за ним согласному (и то же с *l* в корне *lḳh* 'брать'): *iṣṣōl* 'упадет' < **iṣ-nōl*;

¹⁰⁸ Чередуются с именем абстрактным на *-ūt*- от той же основы, особенно в status constructus.

¹⁰⁷ Встречаются и редкие породы: Pə'el (ханаанизм? В арамейском от основы **kaṭil*- ожидалось бы **Pa'ell*) с возвратной породой (H)ithpə'al, возвратная порода Hithpa'al и др.

ПОРОДЫ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО

А. Древне

	G (Kāl)		T	D		D + T
	Актив	Пас-сив ²		(Pi'ēl)	(Pu'al)	(Hithpa'el)
			Актив	Пассив	—	
Perfectum	kātal	—	—	kittēl	kuttal	hit-kattēl
Imperfectum	ii-ktōl	—	—	iə-kattēl	iə-kuttal	it-i-kattēl
Imperat.	kəṭōl	—	—	kattēl	—	hit-kattēl
Infinit. ¹	kəṭōl (kəṭōl)	—	—	kattēl (kattōjēl)	(kuṭṭōl)	hit-kattēl
Part. Act.	kəṭēl	—	—	mə-kattēl	—	m-it-kattēl
Part. Pass.	—	kātūl	—	—	mə-kuttal	—

Б. Староара

	G		T	D		D + T
	(Pə'al)		(Hithpə'el)	(Pa'el)		(Hithpa'el)
	Актив	Пассив (Pə'il)		Актив	Пас-сив	
Perfectum	kəṭal	kəṭil	(h)it-kəṭel	kattal	не засви-детель-ствовано	(h)it-kattal
Imperfectum	ii-ktul	не засви-детель-ствовано	ii-t-kəṭel	iə-kattal	не засви-детель-ствовано	ii-t-kattal
Imperat.	kəṭul	детель-ствовано	(h)it-kəṭel	kattal	не засви-детель-ствовано	(h)it-kattal
Infinit.	mi-ktal	—	(h)it-kəṭālā	kattālā	не засви-детель-ствовано	(h)it-kattālā
Part. Act.	kəṭijel	—	m-it-kəṭal	mə-kattal	не засви-детель-ствовано	m-it-kattal
Part. Pass.	—	kəṭil	—	—	не засви-детель-ствовано	—

Примечания. 1. В скобках — формы Infinitivus absolutus.

2. Не сохранился, кроме сомнительных пережиточных форм (?).

3. И hu-ktal.

higgīs 'приблизит' < *hi-ngīs; *huggad* 'объявлен' < *hu-ngad; *iikkah* 'возьмет' < *ii-lkah. Ряд непереходных глаголов теряет *n* в императиве и инфинитиве: *nāgaš* 'приблизился', Imperat. *gaš*; Inf. 'gāsāt (ж. р.); ср. *lākah* 'взял'; Imperat. *kah*; Inf. 'kahat.

Особо следует отметить глагол *ntn* 'давать'¹⁰⁹; Perf. *nā-tattī*, *nātattā*, **nātatt*, *nātan* и т. д.; Imperf. *ii-ttēn*; Imperat.

¹⁰⁹ В финикийском его заменяет глагол *itn*.

И АРАМЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

еврейский

S		S + T	N (Niph'al)
(Hiph'il)	(Hoph'al)		
Актив	Пассив		
hi-ktil	ho-ktal ³	—	ni-ktal
i-a-ktil	i-o-ktal	—	ii-k-kattēl
ha-ktel	—	—	hik-kattēl
ha-ktil (ha-ktēl) ⁴	(ho-ktēl)	—	hik-kattēl (hik-kattōl, ni-ktōl)
m-a-ktil	—	—	ni-ktal
—	m-o-ktal	—	—

мейский

S		S + T	S (Šaph'el)		S + T (Hištaph'al)	N
(Haph'el)		(Hit-taph'al)	Актив	Пас-сив		
Актив	Пассив					
ha-ktel	ho-ktal	не засви-детель-ствовано	ša-ktel	—	hiš-ta-ktal	—
iə-ha-ktel, i-a-ktel	—	не засви-детель-ствовано	iə-ša-ktel	—	i-iš-ta-ktal	—
ha-ktel	не засви-детель-ствовано	не засви-детель-ствовано	*ša-ktel	—	не засви-детель-ствовано	—
ha-ktālā	—	не засви-детель-ствовано	ša-ktālā	—	детель-ствовано	—
mə-ha-ktel, m-a-ktel	mə-hu/o-ktal	не засви-детель-ствовано	mə-ša-ktel	—	—	—
—	—	не засви-детель-ствовано	—	—	—	—

4. Причина перехода *i?* > *i* > *ē*, по-видимому, заключается в том, что форма Infinitivus absolutus была первоначально беспадежной формой (status indeterminatus или absolutus в древнем смысле, ср. гл. V, § 4, п. 7).

tēn, *tēnā*; Inf. *tēt* (< *titt-); Perf. Niph'al 2-го л. мн. ч. *nit-tattām*.

(б) Глаголы с начальным корневым *'*, *h*, *'*, *h*. Происходящие в этих глаголах фонетические изменения легче всего показать на примерах:

(I) Образование Imperfectum: 1) восстановление *a* в префиксе: *iə-hšōb*, *iə-hšōb* 'он считает'; *iə-āmōd* 'он стоит'; 2) *i* > *ä*: *iä-hzak* 'он крепок' (непереходный глагол, поэтому из **iä-hzak*-, а не из **iə-hzak*-, но ср. также *iähšōp* 'он обди-

рает' в переходном глаголе. В 1-м лице всегда по последнему типу).

(II) Образование Perfectum Hiph'il и Niph'al: 1) восстановление *a* в префиксе, или чаще *a > ä: nä-ḥbā* 'спрятался', *hā'ēmīd* 'поставил'.

Помимо этого, следует отметить, что беглый гласный после ', *h*, ' , *h* всегда — окрашенный беглый (*ä* или *ë*; например, в инфинитиве: 'ēkōl 'есть', 'āmōd 'стоять'). Из приведенных примеров видно также, что при стечении двух согласных, из которых первый — ', *h*, ' или *h*, после него нередко образуется паразитический беглый гласный: *hā'ēmīd*, пассив *ho'ōmad* и т. д.

(в) Глаголы со вторым корневым ', *h*, ' , *h* и *r* не могут его удваивать (так согласно масоретской огласовке; однако в большинстве случаев сохраняется «виртуальное» удвоение, т. е. фактически существовавшее, но не отмеченное масоретами соответствующим знаком). В случаях, где нет «виртуального» удвоения, удлиняется предшествующий гласный: *šihēk* 'он шутил' = *šihḥek*, но *bē'er* 'истолковал' < **bi'er*; так всегда, если средний корневой — *r*: *bērēk* 'благословил', *iḥbārēk* 'благословит' < **birrēk*, **iḥbarrēk*.

Беглый *ə* после согласных ', *h*, ' , *h* и *r* переходит в окрашенный беглый *ā*: *šahaṭ* 'зарезал' — *šahāṭū* и т. п. Некоторые более значительные изменения наблюдаются в императиве: *zā'ōk* 'кричи' — *zā'ākū*; и даже *šahaṭ* — *šahāṭū* при Imperfectum *iḥ-šahaṭ* (где *a* в переходном глаголе под влиянием *h*).

(г) Глаголы с третьим корневым *h*, ' , *h* получают огласовку на *a* в Imperfectum даже переходных глаголов: *iḥ-šlah* 'пошлет'. Первоначально краткий *i*, давший под ударением *ē*, перед *h*, ' , *h* либо сохраняется (с призвук^а перед согласным), либо дает *a*, так, в породе Pi'el: *ballē^a* 'поглотил', но также *balla'*; выбор формы зависит от фразовой интонации. После старых долгих *ō*, *ū*, *ī* возникает призвук ^а (Pathaḥfurtivum): *šālū^ah* 'посланный', *hi-šlī^ah* 'послал', 'велел послать'.

(д) Глаголы с начальным корневым ' (неустойчивым). Часть глаголов с первым корневым ' спрягается правильно [с поправками, указанными выше, в п. (б)], в других происходит стяжение сочетания **-a'- > *-ā- > -ō-*: 'он схватит' — *iā'hōz* (и *iḥhez*), но 'он съест' — всегда *iḥkal*, *iḥkel*¹¹⁰. Огласовка Imperfectum на *u > ō* в глаголах с первым корневым ' в этих случаях не встречается. Однако стяжение имеет место не во всех формах, в частности, производные породы, как правило, образуются по типу (б).

¹¹⁰ В 1-м лице имперфекта стяжение происходит во всех глаголах с первым корневым ': **'a-'mar- > 'ōmar* 'я скажу', **'a-'hab- > 'ōhab* 'я полюблю' (также *'ēhab* < **'ā-'ēhab*).

(е) Глаголы с начальным корневым *ḡ*. Как указывалось (§ 3, п. 4), начальный *ḡ*- всюду переходит в *l-*, поэтому формы глаголов с первым корневым *ḡ* и первым корневым *l* частично совпадают.

Глаголы с первым корневым *ḡ* распадаются на две подгруппы: (1) с огласовкой *i* в Imperfectum и с переходом сочетания **ḡa-ḡ- > *ḡa-l- > lē-*: *iāšab* 'он сидел', Imperfectum *iḥšeb*; *iāda* 'он знал', Imperf. *iēda* (с *a < i* под влиянием '). Императив и инфинитив¹¹¹ образуются от двусогласного корня: Imperat. *šeb*, *da*, Inf. *'šābāt* (ж. р.); (2) с огласовкой *a* в Imperfectum и с переходом сочетания *iḥ-t- > lī-*: *iāraš* 'он овладел', 'взял во владение', Imperf. *iḥraš*. Императив и инфинитив образуются обычно правильно: Imperat. *iḥraš* (но также *rēš*, *raš*), Inf. **iḥrōš*. Последнюю группу, по крайней мере первоначально, составляли непереходные глаголы (поэтому огласовка префикса Imperfectum *iḥ-*). Однако разграничение между обеими группами проводится не вполне четко¹¹².

В производных породах первоначальный *ḡ*- сохраняется (или через стадию дифтонга дает с предшествующим *a* долгий *ō*); так, от *išb* порода Niph'al — Perf. *nōšab*, Imperf. *iḥ-ḡ-ḡāšeb*; порода Hiph'il — Perf. *hōšib*, Imperf. *iḥšib* и т. д.

(ж) Глаголы с начальным корневым *l* (первичным) имеют то же спряжение, что и глаголы с первым корневым *ḡ* группы (2), но в породе Hiph'il имеем *heṭib* (< **ha-lṭib-*), *iṭib*.

(з) Так называемые глаголы со вторым корневым согласным *ḡ* или *l* фактически (за немногими исключениями)¹¹³ образуются от двусогласного корня и имеют следующую парадигму:

	G	D	S	N
	(Ḳāl)	(Pi'lāl)	(Hiph'il)	(Niph'al)
Perfectum	<i>kām</i> ¹	<i>kōmēm</i> ⁴	<i>hē-kīm</i> ⁶	<i>nākōm</i> ⁸
Imperfectum	<i>iā-kām</i> ²	<i>iḥ-kōmēm</i> ⁵	<i>iā-kīm</i> ⁷	<i>iḥ-k-kōm</i>
Imperat.	<i>kūm</i>	<i>kōmēm</i>	<i>hā-kēm</i>	<i>hik-kōm</i>
Infinit. ³	<i>kūm</i>	<i>kōmēm</i>	<i>hā-kīm</i>	<i>hik-kōm</i>
Part. Act.	<i>kām</i> ⁹	<i>mākōmēm</i>	<i>mē-kīm</i>	(<i>nākōm</i>)
Part. Pass.	<i>kūm</i>	—	—	—

Примечания. 1. Непереходные глаголы имеют огласовку на **i*: *mēt* 'умер', или на **ū*: *bōš* 'посрамился'. В 1-м лице *'kamī*, *mattī*, и т. д., и также во всех остальных случаях форм с суффиксами, начинающимися с согласного.

¹¹¹ Но Infinitivus absolutus правильно: *iāšōb*.

¹¹² Некоторые глаголы с начальным *ḡ*/*l* спрягаются по образцу глаголов с начальным *n*.

¹¹³ Например, *ḡāḡar* 'он был белым' и др., которые спрягаются правильно.

2. Юссив и Imperfectum cum wāw consecutivo — 'iāqom. Имеются и формы с первичным ā в Imperfectum: iābōš(?) 'войдет'. Ср. непереходный глагол iēbōš (< *i-bāš) 'посрамится' с огласовкой по типу глаголов с первым корневым i.

3. Infinitivus absolutus, соответственно, kōm, kōmēm, hā-kēm, hik-kōm.

4. Пассив kōtam, соответственно образуются и остальные формы. В 1-м лице kōtamī как в активе, так и в пассиве, и также во всех остальных случаях форм с суффиксами, начинающимися с согласного.

5. 2-е и 3-е л. ж. р. мн. ч. tā-kōtam-nā.

6. По лицам спрягается следующим образом: hā-kī'm-ōlī, hā-kī'm-ōlā, hā-kī'm-ōt, hē-kīm, hē-kīm-ā, hā-kī'm-ōnū, hā-kīm-ō'tām, hā-kīm-ō'tān, hē-kīm-ū. Таким образом, личные суффиксы соответствуют аккадским личным суффиксам статива (< *-ātī, *-āta, *-āti, и т. д.).

7. 3-е л. мн. ч. iā-kīm-ū, tā-kēm-nā.

8. Спрягается как Niph'il.

9. Гласный ā не подвержен стяжению: мн. ч. kāmim, st. constructus kāmē.

Легко заметить, что важнейшие из этих форм не могут быть закономерно возведены к трехсогласному корню. Так, Perf. *kaqama, даже при условии стяжения, дало бы *kāma > *kōm, но не kām. Характерно также, что удвоенная порода D образуется путем удвоения последнего, а не среднего корневого согласного, очевидно, по той причине, что такового вообще не существовало¹¹⁴. (Однако nāqōm все же, возможно, из *na-kaqama; hēkīm, возможно, по аналогии с глаголами с первым корневым i?).

Различных редких отклонений от приведенной выше парадигмы мы не касаемся.

Совершенно аналогичны формы от так называемых глаголов со средним гласным i: Perfectum sāt 'поставил', 'выставил', Imperf. iā-šit, Imperat. šit, Infinit. šit (absolutus — šōt); наряду с этим есть формы, дублирующие Niph'il, например: binōtī вместо bantī 'я заметил, понял'. Во многих случаях формы «mediae jōd» свободно чередуются с формами «mediae wāw».

(и) Глаголы с конечным корневым ' . В формах с гласными суффиксами образование правильное: māšə'ū 'нашли', точно так же и во всех формах, где согласному ' предшествует любой гласный, кроме a; хотя в масоретской традиции ' здесь не произносится, но изменения предшествующего гласного, как ожидалось бы для открытого слога, как правило, не происходит: hi-mšī 'заставил найти' (пишется hmšj'), māšū 'найденный' (пишется mšw'), mōšē 'находящий' (пишется mš').

Если согласному ' предшествовал гласный a, то возможны два случая: (1) если согласный ' стоял в абсолютном конце

¹¹⁴ Редкие формы Pi''ēl (например, 'iḥḥēd 'окружил'), видимо, представляют собой вторичные образования, так же как случаи правильного спряжения Niph'il.

слова, то *a' > ā: māšā 'нашел' (пишется mš'); (2) если далее следовал суффикс, начинающийся с согласного, то *a' > *a' (?) и затем > ē или d (за исключением Perfectum основной породы: 2-е л. ед. ч. Perf. Niph'al ni-mšē-tā, 3-е л. ж. р. мн. ч. Imperf. Qāl ti-mšā-nā, по 1-е л. ед. ч. Perf. māšāti). Графически во всех случаях ' сохраняется.

(к) Глаголы с конечным корневым i или l. В древне-еврейском, за немногими исключениями¹¹⁵, все глаголы с первоначальным конечным корневым i совпали по форме с глаголами с конечным корневым l. При этом характерны следующие образования:

Основная порода, Perfectum: 1-е л. ед. ч. gālīlī¹¹⁶, 3-е л. м. р. gālā¹¹⁷, 3-е л. ж. р. gāl'tā¹¹⁸, мн. ч. 3-е л. gāl'ū¹¹⁹; Imperf.: 3-е л. ед. ч. i-glā, мн. ч. i-gl'ū¹²⁰; Imperat.: gālē; Infinit.: gālōt¹²¹; Part. Act.: gōlū¹²²; Part. Pass.: gālūi.

(л) Глаголы с одинаковыми вторым и третьим корневыми согласными: во всех формах, где эти два согласных первоначально были разделены кратким гласным, происходит стяжение с передвижкой гласного в предшествующий слог¹²³. Так, основная порода, Perfectum: sābab 'повернулся', 'обошел' — sābābū (но возможны и формы sab — sabbū из *sababa — *sababū); Imperf.: iasōb < *i-a-subb- < *i-a-sbub. Спряжение по лицам происходит в основном по образцу глаголов группы (а)¹²⁴: 1-е лицо Perf. — sab'bōtī и т. д.; Perf. Niph'il — hēšēb с изменением i > ē во вдвойне закрытом слоге (*ha-sbib- > *hi-sbib- > *hi-sibb- > hē-sēb). Вместо породы Pi''ēl чаще употребляется Pō'el: Perfectum sōbēb, Imperfectum iasōbēb и т. д.

¹¹⁵ Например, šālā 'был спокойным' (1-е лицо šālapī).

¹¹⁶ И по этому же образцу во всех формах Perfectum основной породы, имеющих суффикс, начинающийся с согласного. В производных породах всюду вместо i встречаем ē (из -a'?).

¹¹⁷ То же окончание во всех остальных породах в 3-м лице единственного числа.

¹¹⁸ Так же во всех остальных породах. Форма — по аналогии с правильными глаголами (редко — ожидаемая форма gālāt).

¹¹⁹ Конечный гласный поглощается всеми гласными суффиксами во всех породах.

¹²⁰ Об образовании юссива см. выше, п. 3 (1).

¹²¹ Infinitivus absolutus gālō. Так же и во всех производных породах.

¹²² То же окончание во всех причастиях производных пород.

¹²³ В породе D (Pi''ēl) ввиду удвоения второго корневого согласного положение несколько иное: большинство форм образуется правильно, но 3-е л. мн. ч. Perf. — hīlālū, Imper. — halālū (< *hīlālū, *hallālū). Однако выражение halālū-lāh 'славьте Яхве' Септуагинта передает как ἀλληλοῦσα.

¹²⁴ Однако встречаются и формы, образованные по образцу (а), т. е. глаголов с первым корневым n, например: Imperfectum основной породы iissōb, мн. ч. iissēbū и т. п.

(м) Глаголы от четырехсогласных корней очень немногочисленны¹²⁵.

(н) Имеется некоторое количество глаголов с неполным спряжением, а также с супплетивными основами: «быть хорошим» — Perf. *tōb* (корень *tūb*), Imperf. *ūtāb* (корень *itb*) и т. д. Неизменяемые связки *išš* 'есть', 'имеется' и 'en' 'нет', 'не имеется' грамматически представляют собой имена. Они могут принимать местоименные суффиксы, выражающие логический субъект.

Б. В арамейском языке:

В арамейском существуют те же категории неправильных глаголов:

(а) Глаголы с начальным корневым *n* по большей части уподобляют этот *n* всякому непосредственно следующему за ним согласному. Однако (возможно, под влиянием вавилонского диалекта аккадского) в некоторых случаях наблюдается вторичное расподобление образовавшегося удвоенного согласного; такие случаи не всегда легко отличить от случаев, когда ассимиляции *n* вообще не произошло. Поэтому мы встречаем формы *intēn* 'он даст' и *iṭṭaninnah* 'он даст ее', *taḥēt* (в каузативной породе, с виртуальным удвоением = *taḥhet* < **tahanhet*) 'низвел', 'принес вниз' и (в пассиве каузативной породе) *honḥat* и т. п. Глаголы *nzk* 'быть поврежденным' и *nprk* 'выходить' во всех случаях дают формы без ассимиляции. Императив с утерей *n*: *prk* 'выйди'.

(б) Глаголы с начальным корневым *'*, *h*, *'*, *h* изменяются примерно так же, как в древнееврейском: основная порода, Perfectum 1-е л. *ab(ə)de/it* 'я сделал'¹²⁶, 3-е л. *abad*; Imperfectum *ia'bud*¹²⁷; Infinitivus *mā'bad*, пассивное причастие *ā'bid* и т. д. В большинстве форм, где имеется беглый гласный *ə*, он дает окрашенный беглый (обычно *ā*, особенно там, где беглый возник из *a*: *'amar* 'сказал', но *'emar* 'скажи' < **(u)mur*). Перед *'*, *h*, *'*, *h*, *r* кратких *i*, *u* быть не может (они переходят в *a* или *ā*: **mi'bad* > *mā'bad*). Согласные *'*, *h*, *'*, *h*, согласно масоретской огласовке, не могут удваиваться; однако *h* всегда, а *h* и *'* иногда получают виртуальное (необозначаемое, но фактически существующее) удвоение; сочетание типа *-ahhā-*, *-a'ā-* передается как *-āhā-*, *-ā'ā-*,

¹²⁵ Perf. *kirsēm*, Imperf. *iakarsēm* 'объедать'; деноминативный глагол в породе Niph'il *hišmā'il* 'повернул налево' > *hišmāl*.

¹²⁶ Кроме отдельных случаев с огласовкой типа *'āmārāt*, которые можно рассматривать как гебраизмы (< **'āmarit* по типу древнееврейских nomina segolata).

¹²⁷ Также с паразитическим беглым гласным: **iḥḥē* 'есть, существует' > *iāhḥē* (в библейско-арамейском *lāhḥē* для избежания смешения с табуированным именем божества *jwhh* — **iāhḥā*).

например, инфинитив *Haph'el*: *hā'ālā* < **ha'ālā* (а также форма с диссимиляцией; *han'ālā* 'взнос').

(в) Из изложенного выше явствуют также особенности образования глаголов со средним корневым *'*, *h*, *'*, *h*, а также *r*.

(г) В глаголах с последним корневым *h*, *'* и *h* любой краткий гласный последнего закрытого слога переходит в *a*, а после долгого *ī* или *ū*, предшествующего согласному *h*, *'* или *h*, возникает призвук^а: основная порода, Perf. *šalah* 'он послал', Imperf. *i-šlah*, активное причастие *šalah*, пассивное причастие *šali^аh*, Naph'el Perfectum *ha-šlah*¹²⁸, Imperf. *iə-ha-šlah*, *ia-šlah* и т. д.

(д) В глаголах с начальным корневым *'* этот согласный выпадает в конце закрытого слога с удлинением предшествующего гласного [в остальных случаях — изменение огласовки согласно пункту (б)]: основная порода, Imperf. **i-[']mur* 'скажет' > *i[']mar* (пишется *j'mr*), Inf. *mēmar* (*m'mr*)¹²⁹. Порода Naph'el образуется по типу глаголов с первым корневым согласным *u* (*hōbed* 'уничтожил' от *'bd*, пишется *hwbd*) или *i* (*ha'ī* 'привел' от *'i*'); пассив мн. ч. *hētāu* 'приведены'; ср. также *hēmin* 'положился', от *'mn*, или супплетивно от родственного корня *imn*? Пишется *hjtjw*, *hjmⁿ*.

(е—ж) Глаголы с начальным корневым *u* и *i* практически составляют одну парадигму, так как *u* > *i*. Perfectum основной породы образуется с начальным *i*- (*i[']tib* 'сидел', *i[']kil* 'мог', *i[']da* 'знал'), Imperfectum — по типу (а), т. е. как глаголы с начальным *n* (*i[']tib*, *i[']kkul*, *i[']inda*), остальные формы (исключая некоторые случаи)¹³⁰ — с начальным *u*, например: Naph'el *hōteb*, *hōda*, Imperf. *i[']hōteb*, *i[']hōda*, пассив *hūsap* 'прибавлен'.

(з) Так называемые глаголы со средним корневым *u*, *i* в большинстве случаев¹³¹, как и в древнееврейском, являются фактически глаголами от двусогласного корня. Парадигма их спряжения следующая:

	G	D	S
	(Pə'al)	(Pa'lel ²)	(Naph'el ³)
Perfectum	<i>kām</i> ¹	не засвид.	<i>hā-ke'im</i> ⁴
Imperfectum	<i>iə-kūm</i>	не засвид.	<i>iə-hā-ke'im</i> , <i>iə-kīm</i> ⁵

¹²⁸ 1-е лицо *ha-š'lahat*.

¹²⁹ Но *mēzē* 'опить', 'разжигать', пишется *mz'*.

¹³⁰ Так, Imperf. от *i'b* 'быть хорошим' образуется супплетивно от *itb* (но не **itbi*): *iṭṭab*, пишется *jtib*. Затем, Naph'el от глагола *ibl*, несмотря на общесемитскую исходную форму **u[']bl*, образуется по этому же типу: *hēbel* (пишется *h[']bl*). Ср. также выше, пункт (д).

¹³¹ Такие глаголы, как *təcah* 'удивился', *hācā* 'был', имеют реальный средний корневой *u*.

Imperativus	<i>kūm</i>	не засвид.	* <i>hā-kēm</i>
Infinitivus	?	не засвид.	<i>hā-kāmā</i>
Part. Act.	<i>kā'em,</i> <i>kāiem</i> ⁶	<i>mā-rōmet</i> ⁷	<i>mā-hā-kēm,</i> <i>mā-kēm</i>
Part. Pass.	<i>kīm</i>		

	T	D+T
	(Hithpə'el)	(Hithpa'lal)
Perfectum	* <i>hit-kām</i> (?)	* <i>hit-rōmet</i> (?) ⁸
Imperfectum	<i>ī-t-kām</i>	не засвид.
Imperativus	* <i>hit-kām</i> (?)	не засвид.
Infinitivus	* <i>hit-kāmā</i> (?)	не засвид.
Part.	<i>m-it-kām</i>	не засвид.

Примечания. 1. Та же огласовка во всех лицах: ед. ч. 1-е л. **kāme/āi* (?), 2-е л. м. р. *kāmā*, 3-е л. м. р. *kām*, 3-е л. ж. р. *kāmai*; мн. ч. 3-е л. м. р. *kāmū*.

2. Засвидетельствован, однако, и обычный Pa''el: Inf. *kaīāmā*.
3. Имеется пассив: *hō-kīm* (также *hē-kīm*, может быть, ошибочное написание).

4. 1-е л. ед. ч. *hākēmāt*, 2-е л. м. р. *hākēmā*; мн. ч. 3-е л. *hākīmū*.
5. *īa-kīm* закономерно из **īa-kīm* < *īa-ha-kīm*.

6. Возможно, вторичное образование, ср. отглагольное субстантивированное прилагательное *šāb* 'старик' с соответствующей формой причастия в древнееврейском языке (см. выше, пп. 9Аз).

7. От глагола *rām* 'быть высоким'. В этой форме, если только не считать ее гебраизмом или ханаанизмом, необъясним гласный *ō* (ожидалось бы **mā-rāmet*).

8. Сохранилась только форма 2-го лица мужского рода *hitrōmamtā*.

Таким образом, в арамейском, пожалуй, еще четче, чем в древнееврейском, выступает двусогласный характер этих корней.

Как и в древнееврейском, существуют и непереходные (или пассивные) глаголы этого типа: *rīm* 'поднялся'; ср. Imperfectum Hithpə'el *ittazīn* 'питается'.

(и — к) Глаголы с конечным корневым *'*, *ц* и *ї* в арамейском совпали в одной парадигме, соответствующей последнему корневному *ї*¹³². Все формы оканчиваются на гласный (*mater lectionis* *'*, реже *h*).

Форма 3-го лица мужского рода Perfectum¹³³ всех пород оканчивается на *-ī*, кроме Perfectum переходного глагола основной породы (на *-ā*).

¹³² Однако в раннеарамейских диалектах глаголы с конечным *ї* и конечным (произносимым как согласный) *'* еще различались. Следы этого различия встречаются и позже.

¹³³ А также все императивы во 2-м лице мужского рода.

Все формы Imperfectum и причастий, оканчивающиеся в правильном глаголе на согласный, имеют окончание *-ē* (< **aī*).

При присоединении суффиксов, начинающихся с гласного, происходят следующие изменения:

$$\begin{array}{ll}
 *-\bar{i} + \bar{i} > -\bar{i} & *-\bar{a} + \bar{u} > -\bar{o} \\
 *-\bar{i} + \bar{u} > -\bar{i}u & *-\bar{a} + \bar{u} > *-\bar{a}' + u > -\bar{o}^{134} \\
 *-\bar{i} + \bar{a} > -i(i)lā, -əlā &
 \end{array}$$

В результате получается следующее спряжение:

Pe'al, Perfectum переходного глагола (*bnj* 'строить'): *bənēt, bənāitā, bənāi(i)t, bənā, bənāt (bənāt); bənēnā, *bənētūn* (?), **bənō* (?).

Perfectum непереходного глагола: имеющих примеров недостаточно для восстановления парадигмы, однако ясно, что окончания должны были быть **-it, -īta, -it, -ī, -i(i)lat, -īnā, *-ītūn* (?), **-īu* (?). Аналогично в пассиве и в производных породах (Naph'el: *ha-bnī*).

Imperfectum: **ā-bnē, ti-bnē, *ti-bn-īn, īi-bnē*¹³⁵, *ti-bnē; ni-bnē, *ti-bn-ōn* (?), *īi-bn-ōn, īi-bnāi-ān*; Imperativus: *bānī*; Infinitivus: *mibnē* (st. emph. *mibnāiā*)¹³⁶; Part. Act.: *bānē*¹³⁷.

(л) Глаголы с одинаковыми вторым и третьим корневыми частично спрягаются правильно (так, в частности, в породах типа D и D+T). Однако в основной породе чаще супплетивные формы (часто с удвоением первого корневого согласного): Perf. 3-го л. м. р. *'al* 'вошел', ж. р. *'alālat* и *'allat*, Imperf. *īē'al* < **īa-'al* (?), Imperat. *gōddū* 'срубите' от *gdd*, Inf. *mē'al* < **mi-'al*, причастие мн. ч. *'alālīn* и *'allīn*; Naph'el Perf. *hā'el* или (только в «имперском арамейском») *han'el* < **ha-'el*, Imperf. *īa-ha-n'el* и *īa-ddik* 'размолил' от *dkk* (но *īa-īlel* 'отдыхает в тени'), Inf. *hā-'ālā* и (в «имперском арамейском») *ha-n'ālā*.

Следует также отметить неправильные глаголы: *hālak* 'пришел' (ханаанизм?), Imperf. *īhāk, Inf. mēhāk; sēlek* 'поднялся', Naph'el *hassejik, Inf. hansākā; hāyā* 'был', 3-е л. м. р. Imperf. (только в библейско-арамейском!) *lāhēyā* (восточноарамейская диалектная форма, введенная во избежание произнесения табуированного имени божества Яхве — *īahyā*, которое пишется так же, как и ожидаемое здесь *īāhēyā* — *īhwh*).

¹³⁴ Или *-aī-* сохраняется [в пассиве каузативной породы: *hētaiū* 'приведены', 'доставлены'; ср. также *hētai(i)ī* 'доставлена'].

¹³⁵ С местоименным суффиксом *īi-bn-inn-eh*, мн. ч. *īi-bn-unn-eh*.

¹³⁶ С местоименным суффиксом *mibnāiēh*. Инфинитив Naph'el *ha-bnāiā*.

¹³⁷ Причастие Naph'el *mā-ha-bnē, mā-bnē*, но от *hī* 'быть живым' *māhē*.

Связки 'et, 'itaj 'есть', 'является' и let 'нет', 'не является' грамматически представляют собой имена и принимают местоименные суффиксы, выражающие логический субъект.

§ 8. Служебные слова

1. Наречия. Часть наречий — неэтимологизируемые: др.-евр. 'az 'тогда', 'ek 'где', 'ak 'только', ko 'так', sam 'там'; араб. ka 'здесь', ad-ka 'досюда', tamma 'там'; часть — застывшие имена в косвенном падеже: др.-евр. me'od 'очень', 'iahad 'вместе', kabar 'давно', 'od 'опять', sabib 'вокруг', ha-jom 'сегодня', rabba, rabbat 'много', risona 'раньше', 'ahudat 'по-иудейски', senit 'вторично' и мн. др.; араб. 'edain 'затем', 'наконец', 'osparna (иран.) 'старательно', 'ohora'in, 'ohoren 'наконец' и мн. др., а также местоимения: др.-евр. za 'здесь', 'henna 'сюда'. В наречном смысле употребляются и обороты с предлогом: др.-евр. bi-me'od 'очень', ba-'ahad 'вместе', la-ha-rbe 'во множестве', bamma 'чем?', kamma 'скольким?', lamma 'почему?'; араб. bi-tadira 'усердно', ka-'an, ka-'et 'теперь', wu-ka-'anat 'и так далее', barat 'однако'. Реже наречия, по-видимому, глагольного происхождения: сюда, может быть, надо отнести др.-евр. ken 'так', араб. ken 'так', kanta 'таким образом'; араб. saggi(') 'очень'.

Окончание -am, -om иногда применяется для образования наречий¹³⁸: др.-евр. jomam 'денно', 'umnam 'поистине', pit'om 'вдруг' (от jom 'день', 'oman 'истина', 'pata 'мгновение').

2. Частицы вопроса, утверждения и отрицания. Отрицание спрягаемой формы глагола и имени выражается частицей: др.-евр. lo, араб. la (пишется l'), запрещение — частицей: др.-евр. 'al¹³⁹ (с юссивом); в поэтическом языке встречается также отрицание bal, bali, bilti. Отсутствие чего-либо выражается в древнееврейском именем-связкой 'en¹⁴⁰: 'en-löser bab-bor (< *ba-hab-bor) 'не было Иосифа в яме'; 'en kol-hadas 'tahat has-'samas 'нет ничего (букв. всего) нового под солнцем'. В арамейском ей соответствует let. Целевые предложения отрицаются в древнееврейском частицей pan: pan iislah 'adö 'чтобы он не протянул свою руку' (ср. с инфинитивом: labilti-'akol 'чтобы не есть'). Частица lo (араб. la) может стоять также отдельно в значении «нет».

В качестве усилительной и подтвердительной частицы в древнееврейском функционирует энклитика -na: imadi-na 'постой-ка', 'al-na 'никак не', 'im-na 'если же' и т. д. (см. также ниже, п. 4, о частице lu).

¹³⁸ Ср. окончание винительного падежа *-at и акк. суффикс -an.

¹³⁹ И редко 'i.

¹⁴⁰ Отрицающей положительную связку 'as (ср. араб. 'et, 'itaj).

Специально подтвердительной частицы в арамейском нет, но возможно, что префикс li-, заменяющий в поздних восточноарамейских диалектах префикс 3-го лица Imperfectum, возник из подтвердительной проклитики la- (ср. гл. VII, § 5, п. 3, стр. 345 и § 6, п. 3). Согласие выражается повторением основного слова вопросительного предложения в утвердительной интонации или наречием ken 'так' и т. п.

Вопросительное предложение отличается от утвердительного интонацией, однако в древнееврейском (и в библско-арамейском) есть и специальная проклитическая вопросительная частица ha-, соответствующая нашему ли, разве. Она употребляется преимущественно тогда, когда ожидается отрицательный ответ: ha-somer 'ahi 'anoki? ¹⁴¹ 'разве я сторож брату моему?'; ha-tiha 'оживет ли он?'; ср. также ha-nelak (корень hlk) ... 'im nahdal ¹⁴² 'пойдем ли или оставим', где союз 'im имеет значение 'или', ср. ниже, п. 4). Обратит внимание на то, что ha-lo означает не 'разве не', а 'ведь'.

3. Предлоги, как и в других семитских языках, разделяются на первичные (неэтимологизируемые) и предлоги вторичного, явно именного происхождения.

К первой группе относятся предлоги: ba- 'в', 'на', 'во время', 'с помощью', 'в качестве', 'у' и т. п.; la- 'к', 'в отношении', 'принадлежащий к' и т. п. (а также служащий для выражения содержания дательного падежа); ka- 'согласно', 'подобно'¹⁴³; 'al ('ale) 'к', 'вплоть до'¹⁴⁴; kamö = ka-¹⁴⁴, lamö (поэт.) = la-; min 'от', 'из', 'ad 'до', 'пока не', 'al 'на', 'над', 'вследствие', 'относительно', 'о'; im 'вместе с' и др.¹⁴⁵.

Сюда же следует отнести предлог 'at (араб. lat), вводящий прямой объект¹⁴⁶.

¹⁴¹ Паузальная форма.

¹⁴² Паузальная форма.

¹⁴³ Перед определенным артиклем предлоги ba-, la- и ka- поглощают начальный h артикла со стяжением гласных: la-bajil 'к (неопределенному) дому', но labajil 'к (определенному) дому' (< *la-hab-bajil). Кроме того, огласовка этих предлогов меняется в зависимости от огласовки первого слога слова, к которому они проклитически присоединяются, по следующим образцам — перед беглым a: pari 'плод' — li-pari; перед беглым ä: 'ari 'лев' — la-'ari (и также a > ä перед ä, > o перед ö); при этом, i могут быть поглощены: 'isra'el 'Израиль' — b'isra'el 'в Израиле', 'emör 'говорить' — lemör 'говоря' (букв. 'при говорении'); под ударением a в предлоге может дать ä.

¹⁴⁴ Как правило, только в древнееврейском. В арамейском аналогично древнееврейскому kamö употребляется kawat. В ранних арамейских текстах встречается и предлог 'l.

¹⁴⁵ В диалекте Арпада встречается известный из арабского предлог pi 'в'.

¹⁴⁶ Прямой объект в древнееврейском чаще всего бывает выражен только синтаксически; однако определенный артиклем или именем существительным, или являющийся именем собственным, он нередко

Ко второй группе относятся в древнееврейском предлоги: 'aḥar, 'aḥārē (<*aḥhar, *aḥharai 'за', 'сзади', 'после'; 'ešāl 'рядом', 'eṭ, (āṭ) 'с', 'вместе с', ben 'между', nāgād '(на)против', 'ebār 'по ту сторону', sābīb 'вокруг', 'taḥat 'под' и мн. др.; в арамейском 'aḥārē 'за', 'после', bēn 'между', kōdām 'перед', laṣat 'у', 'при', təḥōt 'под' и др.

Весьма распространены составные предлоги, причем число комбинаций очень велико, например, др.-евр. bil'āde 'без', 'кроме', kədī 'сколько бы ни', kəpī 'согласно', 'соответственно', la'ma'an 'из-за', liḥ(ə)ne 'перед', me'aḥar 'из-за' (в пространственном смысле), miḥben 'из середины', me'al '(сверху) от', me'al la- 'над', me'eṭ 'от', mi'taḥat 'из-под' и мн. др.; арам. baṭar (<*ba-ātar) '(вслед) за', baḡō (пишется bgw) 'внутри', laḡō 'внутри', kolḡōbel <*ka-loḡōbel 'соответственно', loḡōbel 'перед', '(на)против', 'из-за', min-laṣat 'от', min-kōdām 'перед', 'от' и мн. др.

Поскольку в принципе предлоги управляют родительным падежом, постольку они могут иметь при себе местоименные суффиксы. При этом огласовка некоторых предлогов может изменяться; так, в древнееврейском¹⁴⁷: ba- — bi, baḡā, baḡk, bō, bāh; 'banū, baḡām, baḡān(ā), bāhām (ba'hemṡā, bām), bāhān (bahēnnā); по этому же образцу местоименные суффиксы присоединяются к la-; к ka- местоименные суффиксы не присоединяются, и его заменяет kəto (обратить внимание на форму ka'tōnī 'подобно мне'). Точно так же местоименные суффиксы соединяются большей частью не с min, а с удвоенной формой mimṡān: mim'mānnī, mimṡāka, mimṡek, mim'mānnū, mim'mānnā; mim'mānnū, mikkām, mikkān, meḡām (meḡemṡā), meḡennā¹⁴⁸.

Следует обратить внимание на разницу между предлогом прямого объекта 'at и предлогом 'c, 'вместе с' 'eṭ, 'at. Первый при присоединении местоименного суффикса принимает форму 'otī, 'otākā, 'otāk, 'otō, 'otāh и т. д., второй — форму 'itti, 'ittakā и т. д.

Предлоги 'aḥar, 'al, ben (при суффиксах множественного числа), 'ad, 'al-, sābīb и 'taḥat присоединяют местоименные суффиксы как бы к status pronominalis множественного числа имени, от которого происходит предлог, т. е. к формам 'aḥārē-, 'elē- (не всегда), benē- (benōt-), 'ādē-, 'ālē-, sābībōt, taḥtē- (огласовка меняется, в зависимости от местоименного суффикса, согласно § 6, п. 6, 2А, 7); также в арамейском предлоги

вводится специальным предлогом 'at. В арамейском этот предлог (iāt) употребляется крайне редко.

¹⁴⁷ В арамейском ba- и la- присоединяют местоименные суффиксы правильно: bi, baḡk, bēk(?), bek, bah; banā(1), baḡōm, baḡōn, baḡōm, baḡōn.

¹⁴⁸ В арамейском: minnī, minnāk, *minnēk(?), minneh, minnah и т. д.

'aḥārē, bēn, 'al, kōdām, təḥōt присоединяют местоименные суффиксы по правилам § 6, п. 6, 25, прим. 58. При присоединении местоименного суффикса к предлогу baḡō возникают формы типа baḡaṣṡeh 'внутри его'.

4. Союзы. Важнейшим соединительным союзом является проклитическое wa- 'и'¹⁴⁹ (wāw copulativum), а также в значении 'и вот', 'и затем', 'итак', а равно 'а', 'но' (особенно в арамейском). В древнееврейском союз wa- (с удвоением следующего согласного, wāw consecutivum) играет еще особую роль, вводя Imperfectum в значении совершенного вида (см. выше, § 7, п. 1, прим. 93). Ср. также 'ar, wa'ar 'а также', др.-евр. gam 'и даже', 'также и'¹⁵⁰.

Основной противительный союз — 'ō 'или' (в древнееврейском в вопросительных предложениях также 'im, ср. выше, гл. VII, § 6, п. 4). «Либо... либо...» передается как 'ō... 'ō... и как 'im... 'im...

Подчинительными союзами в древнееврейском являются 'āsār и kī, которые вводят относительные придаточные предложения, а также целевые (в последнем случае употребительно la'ma'an 'āsār и т. п.); kī может означать 'потому что', в этом смысле употребляются также ka'āsār, 'ia'an 'āsār; об отрицательных целевых предложениях см. выше, § 8, п. 2.

Условные предложения в древнееврейском вводятся союзами 'im (<*sim): 'im iḡkal 'iš lamānōt, iṡmānā 'если может человек сосчитать, то будет сосчитано' (можно было бы сказать и wa-iṡmānā), kī или lū (отрицательная форма — lūle); последний союз выражает также опасение или желание: lū ma'nū 'как бы мы не умерли', или 'пускай бы мы умерли!'; уступительные — союзами 'im, gam (kī).

В арамейском универсальным подчинительным союзом является dī (пишется zj, позже dj). Значение его может быть уточнено предлогом: 'atar dī 'там', 'где', kədī, hekdī 'соответственно тому, что...', 'как только', min-dī 'поскольку', 'ad-dī 'пока не...', kolḡōbel-dī 'при том, что...', 'несмотря на то, что...'

Условные предложения вводятся союзом 'hen, ('en, 'in); ср. lahen 'разве что...'

§ 9. Некоторые сведения о синтаксисе

1. Для древнееврейского характерен обычный семитский порядок слов: сказуемое — подлежащее — объект (кроме, на-

¹⁴⁹ Перед губным согласным — wa-, перед слогом с беглым гласным a, ā, e, ē, o, соответственно wa-, wa-, wā-, wo-; сочетание *wa-ia- < wī-; перед ударным слогом wa- иногда > wa-. Та же огласовка в масоретских библейско-арамейских текстах.

¹⁵⁰ В Сам'але (Я'уди) употреблялся также союз p'-, p- (как в угаритском).

пример, случаев логического выделения подлежащего, которое тогда выносится вперед). В именных предложениях порядок слов обратный; связки может не быть совсем: *ḥḥū hā-ʾēlōhīm* 'Яхве — бог', либо она заменяется местоимением 3-го лица: *had-dām hū han-nāpās* 'кровь — это душа (жизнь)', или связкой-именем *iās* (отрицательная форма *'ēn*): *'im-iāsḥkā mōšī* 'если ты есть спасающий' (причастие *Hiph'il* от *iš*); *'ēn Iōsef bab-bōr* 'не было Иосифа в яме'. Однако для выражения видо-временных отношений в именное предложение может быть введена и глагольная связка (*hāiā* 'был'): *hā-'ārās hāi(ə)tā 'tōhū ḡā'bōhū* 'земля была дика и пустынна'.

Обратить внимание на конструкцию: *'iš hāiā bə'ārās 'ūs 'Iḥōb šəṯō* 'был человек в стране 'Уц, Иов имя его' = 'был человек в стране 'Уц, имя которого было Иов'¹⁵¹.

Прямая речь может вводиться оборотом *lēmōr* 'говоря' (собственно 'при говорении').

Определение следует за определяемым. О способах образования определительной конструкции см. § 5, п. 9; о выражении объекта — § 8, п. 3, прим. 146; о последовательности видовых форм глагола — § 7, п. 1; о придаточных предложениях — § 8, п. 4.

2. В арамейском порядок слов гораздо более свободный; нередко встречается свойственный аккадскому порядок слов: подлежащее — объект — сказуемое. Два именных объекта подряд в арамейском стоять не могут — второй в этом случае вводится предлогом, обычно *lə-* (только с именем в status emphaticus или с инфинитивом!).

Согласование подлежащего с предшествующим во фразе сказуемым в роде и числе не обязательно: *hištəkah məgillā* 'был найден (м. р.) свиток (ж. р.)'.

Порядок слов в именном предложении: подлежащее — сказуемое; при этом связки может не быть, или она может быть выражена местоимением 3-го лица: *'ānahā himmō 'ab(ə)-dōhī dī-ēlāh šəṯaiā* 'мы — рабы бога небесного', или связкой *'itai* (отрицательная форма *let*); *'itai gəbar* 'есть (один) человек', или глаголом *hācā* 'быть': *lokōbel dī lokōdamenā (lokō-dāmīn?) hācā mi'ābad* 'согласно тому как до нас (прежде?) было делающимся' = 'как прежде делалось'.

Прямая речь может вводиться частицей *lam* или оборотом *lēmōtar* 'говоря'.

¹⁵¹ Ср. арам. *'antā malkā, 'ēlāhā 'illāiā* (вариант *'illā'a*) *malkūiā . . . iḥaḥ ləNəbūkadnāššar 'abūk* 'ты — царь, бог всевышний царство . . . дал Навуходоносору, отцу твоему' = 'ты — царь, отцу которого, Навуходоносору, всевышний бог дал царство'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШУМЕРСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 1. Из надписи Энтемены, правителя Лагаша, на глиняном конусе. XXV—XXIV в. до н. э. Старошумерский язык.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

^dEn-líl lugal kur-kur-ra ab-ba diġir-ré-ne-ke₄ inim-gi-na-né-ta ^dNin-ġir-su ^dSará-bé ki-e-ne-sur Me-silim lugal Kiš^{ki}-ke₄ inim-^dSataran-na-ta èš-gána bé-ra ki-ba na-bi-rù UŠ ensi Ubme^{ki}-ke₄ nam-inim-ma diri(g)-diri(g)-šè e-ak na-rù-a-bé i-pu(_x) eden Lagaša^{ki}-šè i-gin ^dNin-ġir-su ur-saġ ^dEn-líl-lá-ke₄ inim-si-sá-né-ta Ubme^{ki}-da dam-ĥa-ra e-da-ak inim ^dEn-líl-lá-ta ^{aa}šuš-gal bi-šuš iši-dul-kí(d)-bé eden-na ki-ba i-uš-uš É-an-na-túmu ensi Lagaša^{ki} pa-bil_x-ga En-TE + ME-na ensi Lagaša^{ki}-ka-ke₄ En-á-kal-le ensi Ubme^{ki}-da ki-e-da-sur e-bé Í(d)-nun-ta Gú-eden-na-šè íb-ta-né-é(d) e-ba na-rù-a e-me-SAR-SAR na-rù-a Me-silim-ma ki-bé bi-gi₄ eden Ubme^{ki}-šè nu-ĥ[uġ]. . . ku(d)-du ba-uš 3600 × 10 × 4 guru₇-gal ba-tu(r)₅ bar-še-bé nu-da-su(d)-su(d)-da-ka Ur-LUM-ma ensi Ubme^{ki}-ke₄ . . . na-rù-a-bé izi-ba-si₁₀ i-pu(_x)-pu(_x). . .

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ¹

[En-líl—lugal—kur-kur-a(k)², aba³—diġir-ene-(a)k-e, inim⁴—gen-a-(a)ne-ta⁵ Nin-ġirsu(-ak)⁶—Sará-bé(-e)⁷ ki-e-n + e(-n)-sur⁸; Me-silim—lugal—Kišⁱ-a(k)-e inim—Sataran-a(k)-ta èš-gána(-ak)⁹ b + e(-n)-ra(b)¹⁰, ki-b(é)-a na-b + e(-n)-rù¹¹; UŠ¹²—en-si(-ak)¹³—Ubme-(a)k-e nam-inim-a(k) diri(g)-diri(g)-šè¹⁴ e(-n)-ak¹⁵; na-rù-a-bé¹⁶ i(-n)-pu(_x), eden-Lagaša(-ak)-šè i-gin; Nin-ġirsu(-ak)—ur-saġ¹⁷—En-líl-ak-e¹⁸ inim—si-sá-(a)ne-ta¹⁹ Ubme-da damĥara²⁰ e-(m+)da(-n)-ak²¹; inim—En-líl-a(k)-ta šuš-gal b + e(-n)-šuš²², iši—dul-kíd-bé²³ eden-a ki-b(é)-a i(-n)-uš-uš²⁴; É-an-na-túmu²⁵—en-si(-ak)—Lagaša-(ak)—pa(b)-bilga²⁶—En-temen-a(k)²⁷—en-si(-ak)—Lagaša-(ak)-ak-e²⁸ En-á-kal-e²⁹—en-si(-ak)—Ubme(-ak)-da ki-e-(n+)da(-n)-sur³⁰, e-bé Í(d)-nun³¹-ta Gú-eden-a(k)-šè³² e-b-ta-n(e)-é(d)³³, e-b(é)-a na-rù-a Me-silim-a(k) ki-bé(-e)³⁴ b + e(-n)-gi₄³⁵, eden Ubme(-ak)-šè nu(-i)-ĥuġ³⁶ . . . kud-a³⁷ b + a(-m?)-uš³⁸; 144 000 guru₇-gal³⁹ b + a(-m?)-tu(r)₅, bar-še-bé—nu(-i)-(-m+)da-sud-sud-a-ak-a⁴⁰, Ur-LUM-a⁴¹ en-si(-ak) Ubme-(a)k-e⁴² . . . na-rù-a-bé izi-b + a(-n)-si₁₀⁴³ i(-n)-pu(_x)-pu(_x)⁴⁴. . .

ПЕРЕВОД

(Бог) Энлиль, господин (всех) стран², предок³ богов, по⁵ своему верному решению⁴ для Нингирсу⁶ (=бога города Лагаша) и Шары⁷ (=бога города Уммы) (территории) размежевал⁸; Месилим, господин (города) Киша, по решению (божества) Сатаран землемерную веревку⁹ (там) протянул¹⁰, на этом месте камень водрузил¹¹; Уш (?)¹², правитель¹³ (города)

Уммы, сверх договора 14 поступил 15: водруженный камень 16 этот разбил, в степь (т. е. на территорию государства) Лагаша пошел; (бог) Нингирсу, витязь 17 (бога) Энлила 18, по своему справедливому решению 19 с Уммой войну 20 сделал 21; по решению (бога) Энлила сеть большую на нее распростер 22, землю и насыпанные (?) (могильные) холмы 23 в степи в этом месте поставил 24; Эанатум 25, правитель Лагаша, старший дядя 26 Энтемены 27, правителя Лагаша 28, с Энакале 29, правителем Уммы (территорию) размежевал 30, этот ров, (представлявший собой границу,) от Инуна 31 до Гуэдена 32 провел 33, (а) к степи (территории) Уммы не поднимался 34. . . подать 37 в ней была установлена 38, 144 000 больших 39 (мер) *gugu*, (ячменя в виде подати) было внесено, но поскольку этого ячменя не доставало 40, Ур-Лума 41, правитель Уммы 42, . . . этот водруженный камень спалил 43, разбил 44 . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чтение дается по новошумерскому произношению.
2. Инклюзивное множественное соц.-пасс. класса.
3. Букв. 'отец' или 'старик'.
4. Букв. 'слову' (*inim*; можно также читать *du*₁₁, *dug*₄ 'говорение' или *ka* 'рот').
5. Аблатив *-ta*.
6. Имя бога буквально значит 'владыка (города) Гирсу', поэтому содержит «внутренний» родительный падеж. (В историческое время *nin* означает только «госпожа», «царица», но это слово часто встречается в составе имен также и мужских божеств).
7. *-bē* здесь союз; (*-e*) — локатив-терминатив.
8. Составной глагол: *ki* 'земля' + глагольная основа *sur* 'граничить (?)'. 1-я позиция не занята. На 2-ой позиции префикс спрягаемой формы глагола *i*-(> *e* — под влиянием широкого гласного *e* в следующем слове — особенность лагашского диалекта старошумерского языка), на 3-ей позиции локативно-терминативный суффикс 3-го лица (мн. ч.), вероятно соотносящийся с *-e* в *Sarā-bē(-e)*. Ср. прим. 30.
9. Букв. 'веревку поля'.
10. Букв. 'ударил'. На 2-ой позиции локативно-терминативный префикс 3-го л. соц.-пасс. класса, дающий значение 'там'.
11. Составной глагол *na*- . . . -*rū* 'ставить стелу' (*na*=*na*₄ 'камень', *rū* 'водружать', 'забивать', 'всаживать в землю'; тот же знак передает слово *dū* 'строить' и *gag* 'колышек'). Локативно-терминативный префикс, что весьма обычно, соотносится с локативным показателем *-a* при имени [*ki-b(ē)-a*].
12. Чтение знака в данном случае неизвестно (прочитано условно).
13. *ensī*, идеограмма PA.TE.SI, анализируется как [*en*] 'жрец' + [*si(-ak)*] 'закладки (здания)' (?) с «внутренним» родительным падежом. «Внутренний» родительный падеж не всегда переносится в конец синтагмы.
14. Букв. 'договор [*nam-intm-a(k)*] — имя абстрактное от *inim* 'слово', много больше [наречие *diri(g)-diri(g)-šē*] 'сделал'.
15. Букв. 'сделал', *i(-n)-ak*, причем *i*-> *e* — под влиянием широкого гласного *a*.
16. *na-rū-a* 'стела, водруженный камень' — причастие состояния от составного глагола *na*- . . . -*rū*.
17. Букв. 'муж-глава'.
18. Род пад. (Энлила) + эргатив (действующее лицо — Нингирсу).
19. *si-sā(-a)* — причастие состояния от составного глагола *si* . . . -*sā* 'быть прямым, правильным'.
20. Из акк. *tamḫarum*.
21. [**i-b + da-n-ak*]; префикс комитатива [*-b-da* > *-m-da* > *-da*] соотносится с *Ubme-da*.

22. Локативно-терминативный префикс на 2-ой позиции относится к «Умма»).

23. Обычное идиоматическое выражение, означающее 'сделал братские могилы воинов (после победы)'; *išī* 'земля', 'прах', 'песок', *dul* '(насыпной) холм' (здесь коллективное множественное — групповое единство) с прилагательным *kīd* + энклитический союз *-bē*.

24. Возможно также чтение *i(-n)-ūs-ūs*. Удвоение основы обусловлено множественностью объектов (из чего видно, что *dul* выше — мн. ч.).

25. Несколько сокращенное имя-предложение: 'дом (= род), на небе (т. е. «с неба») — *an-a*) принесенный [таким-то богом, да пребудет вечно] — или что-нибудь в этом роде: имя-пожелание для старшего сына в роде.

26. *pa(b)* (здесь ошибочно написано знаком PA вместо PA(B)) 'старший брат', *bilga* (< **billig-a?*) 'предок'. Эанатум был старшим братом отца Энтемены.

27. Еще одно сокращенное имя-предложение (с опущением предиката): 'владыка (или жрец) основания. . . '.

28. Первый родительный падеж относится к 'Энтемена, правитель Лагаша' [*Lagaša-ak*], второй — к 'дядя Энтемены', затем эргативный падеж, относящийся к [*E-an-a-tūmu*].

29. Сокращенное имя-предложение с опущенным предикатом: 'владыка, сила могучая (+ эргатив). . . '.

30. Ср. прим. 8 (здесь комитатив в отделительном значении вместо локатива-терминатива выше).

31. Букв. 'Большая река' — магистральный канал, в аблативе.

32. Букв. 'Край степи' — плодородный район между Лагашем и Уммой, в направительном падеже (родительный падеж здесь — «внутренний»).

33. *-ēd, -ē*, букв. 'вывел'; инфикс [*-b-ta-*] — постоянный при этом глаголе, но может также быть соотнесен с *I(d)-nun-ta*. Знак *-NI-* может означать локативно-терминативный префикс [*-ne-*] на 4—5-й позиции (тогда он соотносится с [*Gū-eden-a(k)-šē*], или субъектный показатель *-n-* на 6-ой).

34. *Ki* + местоименный притяжательный суффикс 3-го лица соц.-пасс. класса + локативно-терминативный падеж.

35. Локативно-терминативный префикс на 2-ой позиции (остальные позиции, — кроме 6-ой, где префикс не выражен по графическим (?) причинам, — не заняты).

36. Отрицательный показатель *ni-* на 1-ой позиции поглощает префикс *i-* на 2-ой.

37. [*kudu*] < [*kud-a*] — причастие состояния от глагола *ku(d)* 'отрезать' — 'отрезок', 'доля'.

38. Или [*ba(-m)-ūs*]. Локативный префикс 3-го л. соц. пасс. класса на 2-ой позиции (остальные — ср. прим. 35) выражает безличный характер действия.

39. *gal* 'большой'.

40. Составной предлог *bar*- . . . -*a* 'хотя', 'поскольку', управляющий номинализованной спрягаемой формой глагола [*nu(-i-m+)da-su(d)-sūd-a*]; *ni-* на 1-ой позиции — отрицание, *i-* на 2-ой позиции — префикс спрягаемой формы, [*-m+da-*] — комитативный префикс, выражающий отношение 'для этого', 'при этом' без соотнесения с каким-либо именем в предложении; глагольная основа *sūd* 'быть длинным', 'быть долгим' удвоена для передачи несовершенного вида (?), *-a* — относительный номинализующий формант; глагол управляется субъектом *še-bē* 'ячмень этот'; все выражение стоит в родительном падеже, зависящем от *bar-*, и в локативе.

41. Можно читать также *Ur-Ḫuma* 'человек (божества) Лума, или Хума', или 'человек изобилия', имя собственное.

42. Род. пад. + эрг. пад.

43. Составной глагол *izi-... sig₁₀* 'спалить', *izi* 'огонь', *sig₁₀* (? = *SíM* 'давать'; на 2-ой позиции — локативный префикс 3-го л. соц.-пасс. класса; употребление его носит здесь идиоматический характер (?).

44. Удвоение основы выражает множество объектов ('разбил на мелкие куски'). Чтение *pu(d)_x* вместо обычного для данного знака *pa(d)* вызвано наличием префикса *i-*, указывающего на узкий (огубленный) гласный корня.

№ 2. Из надписи на «Статуе В» Гудеи, правителя Лагаша. XXII в. до н. э. Новошумерский язык.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

... *kur Má-gan^{ki}-ta na₄ese im-ta-é(d) alan-na-šè mu-tu(d) lugal-mu é-a-né mu-na-dù nam-ti ní(g)-ba-mu mu-šè mu-na-sa₄ É-ninnu-a mu-na-ni-tu(r) Gù-dé-a alan-e inim-im-ma-sum-mu alan lugal-mu ù-na-dù(g)₄ u(d) É-ninnu é-ki-áğ-ğá-né mu-na-dù-a... géme nin-a-né mu-da-di-àm uru(d)-dè lugala-né za(g)-mu-da-gin-àm... ní(g)-erém é-bé-a im-mi-gi₄... nu-siki lú-ní(g)-tuku nu-mu-na-ğar na-ma-su lú-á-tuku nu-na-ğar é dumu-nita(h) nu-tuku dumu-mí-bé ìà-bil-la-ba-mi-ni-tu(r) alan-na ka-šè im-ma-dib alan-e ù ku(g) nu za-gín nu-ga-àm ù urudu nu ù an-na nu zabar nu kiğ-ğá lú nu-ba-ğá-ğá na₄ese-àm ki-a-nag-e ha-ba-gub ní(g)-á-zí(g)-ga-ka lú nam-mi-gul-e alan igi-zu á Nin-ğir-su-ka-ka-àm alan Gù-dé-a ensi Lagašak^{ki}-ka lú É-ninnu in-dù-a lú É-ninnu-ta im-ta-éd-éd-a mu-sar-a-bé šu-ib-ta-ab-ür-ra An-né á En-líl-le... diğir-mu á Nin-ğiš-zi(d)-da-ke₄ nam-tar-ra-né he-dá-kúru-ne...*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

[... *kur—Má-gan¹-ta ese i-m+ta(-n)-é(d)², alan-ešè(?)³ mu(-n)-tu(d)*, «*lugal-ğū(-r)*⁴ *é-ane*⁵ *mu-n+a-dù*⁶ *nam-ti(l)*⁷ *ní(g)-ba-ğū(-m)*⁸ *mu-šè mu-n+a(-n)-sa₄*⁹, *É-ni(m)in-u(-e)*¹⁰ *mu-n+a-n+e(-n)-tu(r)*¹¹; *Gù-dé-a(-e)*¹² *alan-e*¹³ *inim—i-m+a-sim-e*¹⁴; *alan, lugal-ğū(-r) ù(-i)-n+a(-e)-du(g)₄*¹⁵; *U(d)*¹⁶ *É-ni(m)in-u é-ki-ağ-a-ane*¹⁷ *mu-n+a-dù-a*¹⁸... *géme nin-ane(-e)*¹⁹ *mu-(n+)da-di-àm*²⁰ *urud-e*²¹ *lugal-ane(-e)*¹⁹ *za(g)—mu-(n+)da-gin-àm*²²... *ní(g)-erém é-bé-a*²³ *i-m+e(-n)-gi₄*²⁴... *nu-siki(-r)*²⁵ *lú-ní(g)-tuku(-e)*²⁶ *nu-mu-n+a(-n)-ğar*²⁷ *namasu(-r)*²⁸ *lú-á-tuku(-e)*²⁹ *nu(-i)-n+a(-n)-ğar é—dumu-nita(h)—nu-tuku(-e)*³⁰ *dumu-mí-bé*³¹ *ìà-bil-a-b(é)-a*³² *mi-n+e-tu(r)*³³ *alan-a ka-šè i-m+a(-n)-dib*³⁴; *alan-e*³⁵ *u*³⁶ *ku(g) nu(-m)*³⁷ *za-gín*³⁸ *nu(-in)ga-m*³⁹ *u urudu nu(-m) u an-na*⁴⁰ *nu(-m) zabar nu(-m) kiğ-a lú(-ak)*⁴¹ *nu-b+a(-m)-ğá-ğá*⁴², *ese-àm*; *ki-a-nag(a)-e*⁴³ *ha-b+a-gub*⁴⁴; *ní(g)-á-zig-ak-a*⁴⁵ *lú(-e)*⁴⁶ *na(-i)-m+e(-n)-gul-e*⁴⁷ *alan igi-zu, Nin-ğirsu(-a)k-ak-àm*⁴⁸, — *alan—Gù-dé-a-en-sí(-ak)* — *Lagašak(-a)k(-a)k*⁴⁹, *lú(-e)*⁴⁶ *É-ni(mi)n-u Nin-ğirsu(-a)k-a(k) i-n-dù-a*⁵⁰; *lú(-e)*⁴⁶ *É-ni(mi)n-u-ta i-m+ta-b-éd-éd-a*⁵¹, *mu-sar-a-bé*⁵² *šū-i-b+ta-b-ür-a*⁵³... *An-e En-líl-e... diğir-ğū—Nin-ğiš-zid-ak-e*⁵⁴ *nam-tar-ane he(-i-n+)da(-n?)-kúru-ene*⁵⁵]...

ПЕРЕВОД

(Правитель Лагаша, Гудея) из гор Магана¹ диорит вывез², в качестве статуи³ вытесал, «Господину моему⁴ храм его⁵ я построил⁶, жизнь⁷ — вознаграждение⁸ мое», — именем (таким) ее назвал⁹, в (храм) Энинну¹⁰ ему внес¹¹; Гудея¹² statue¹³ речь влагает¹⁴: «Статуя, господину моему говори¹⁵: когда¹⁶ (храм) Энинну, его любимый¹⁷ храм, я построил ему¹⁸... рабыня с госпожой своей¹⁹ вместе шла²⁰, раб²¹ с господином своим¹⁹ рядом шел²²... вражду в этом храме²³ я устранил²⁴... сироте²⁵ имущий²⁶ (ничего) не делал²⁷, вдове²⁸ могучий²⁹ (ничего) не делал, в дом, сына не

имеющий³⁰, дочь его³¹ в (качестве) его 'возливающего³² елей' (то есть наследника) я ввел³³, — (это) статуе у уста он вложил³⁴; эта статуя³⁵ и³⁶ не серебряная³⁷, а также не³⁸ лазуритовая³⁹, и не медная, и не свинцовая⁴⁰, и не бронзовая, работой человека⁴¹ она не сделана⁴², — она диоритовая; у места возлияния⁴³ пусть она стоит⁴⁴; враждебно⁴⁵ никто⁴⁶ пусть ее не разрушит⁴⁷; статуя перед тобой, — (перед богом) Нингирсу⁴⁸, — статуя Гудеи, правителя Лагаша⁴⁹, который⁴⁶ (храм) Энинну (бога) Нингирсу построил⁵⁰; кто⁴⁶ из Энинну ее вынесет⁵¹, надпись ее⁵² сотрет⁵³... (бог) Ан, (бог) Энлиль... (и) мой бог Нингиршид⁵⁴ судьбу его пусть изменят (на плохую)⁵⁵...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Má-gan* — приложение к *kur*: 'горы Маган'.
2. Префикс $[-b+ta-] > [-m+ta-]$ на 3-ей позиции соотносится с *kur—Má-gan-ta*. Обратить внимание: здесь на 2-ой позиции префикс $[-i-]$, а в следующем глаголе — *mu-* (1-я позиция здесь и ниже не заняты). Префикс $[-n-]$ на 6-ой позиции графически не выражен, хотя в новошумерском это явление реже, чем в старошумерском.
3. Гласный *a* перед показателем направ. пад. $-šè$ трудно объяснить; может быть, более полная форма показателя $-ešè$ с ассимиляцией $e > a$ под влиянием гласного основы?
4. Следует ли читать местоименный притяжательный суффикс $-ğū$ или $-tu$ — не совсем ясно. Показатель дат. пад. $[-ra]$ отпадает после гласного.
5. Собственно 'дом его'.
6. Локативный префикс $[-n+a-]$ на 3-ей позиции, как обычно, соотносится с дат. пад. имени $[lugal-ğū(-r)]$. Обратить внимание на односубъектный характер спряжения почти всех глаголов в тексте (если только не полагать, что выпавший на 6-ой позиции префикс — не субъектный префикс $-n > -$, а объектный $-b > -m > -nоль-$).
7. Имя абстрактное $[nam+глагольная\ основа\ ti(l)]$.
8. Имя абстрактное $[ní(g)+глагольная\ основа\ ba\ 'дарить']$. Глагольная связка $[-m > -nоль-]$.
9. Локативно-дательный префикс $[-n+a-]$ на 3-ей позиции, по всей вероятности, относится к *alan* 'статуя' ('дать имя кому' — косвенный объект); имеет форму 3-го л. соц.-активного класса либо в силу олицетворения, либо по диссимилляции: $[*mu-b+a- > *mu-m+a- > mu-n+a-]$.
10. 'Дом пятидесяти (божеств)', название храма бога Нингирсу; локат.-терминат. пад.
11. Префикс $[-n+a-]$ на 3-ей позиции имеет дательное значение и относится к богу Нингирсу (упоминаемому в опущенном нами начале текста), префикс $[-n+e-]$ на 4-ой позиции — к $[É-ninnu-e]$.
12. Имя собственное, означает 'Призванный' — причастие состояния от составного глагола $ğū...-dè$; стоит в эрг. пад.
13. Локат.-терминат. пад. (дат. с именами соц. пасс. класса не употребляется).
14. Собственно 'слово дает', 3-е л. несовершенного вида; локативный префикс $[-m+ta-]$ соотносится с локат.-терминат. пад. *alan-e*. На 6-ой позиции возможен объектный префикс (префикс субъекта состояния) $[-b > -m > -nоль-]$.
15. Префикс $u-$ на 1-ой позиции выражает вежливое приказание; на 2-ой позиции префикс $[-i-]$ поглощен, на 3-ей позиции локативный префикс $[-n+a-]$ соотносится с дат. пад. $[lugal-ğū(-r)]$. Глагольный корень $du(g)$; так как *g* на конце не произносится, то транслитерируется также du .
16. Существ. $u(d)$ или u_4 'день' в роли подчинительного союза.

17. [ki-áġ-a] — причастие состояния от составного глагола ki-...-áġ 'любить' (по отдельности ki означает 'земля', 'место', áġ — 'отметить').

18. Номинализация спрягаемой формы глагола с помощью относительного форманта -a.

19. Вместо ожидаемого комитатива употреблен локат.-терминат. пад., однако в глаголе на 3-ей позиции — комитативный префикс [-n + da-].

20. Связка -át здесь, по-видимому, имеет подчеркивающее значение.

21. Из акк. parad.

22. Составной глагол zag-...-gin (zag 'сторона, бок', gin — 'идти'). Ср. прим. 19 и 20.

23. Местоименный притяжательный суффикс 3-го л. соц. пасс. класса + локат. пад.

24. Локативно-терминативный префикс [-m + e-] на 3-ей позиции соотносится с локативом é-bé-a.

25. Букв. 'без шерсти' → 'сирота', 'убогий'. Дательный показатель [-r(a)] после гласного отпадает.

26. Букв. 'человек, нечто (вещь) имеющий'; tuku — причастие с глагольным управлением, в эрг. пад.

27. Букв. 'не клал (устраивал) ему'. Локативный префикс [-n + a-] на 3-ей позиции, как обычно, соотносится с дат. пад. Обратить внимание на префикс tu- на 2-ой позиции, при [-i] в следующей глагольной форме!

28. Этимология неполна ясна.

29. Букв. 'человек, руку (силу) имеющий', ср. прим. 26.

30. Конструкция é ('дом') dumu-nitah ('сына-мужчину') nu-tuku ('не имеющий') — та же, что lá-ní(g)-tuku, см. прим. 26. Все выражение стоит в локат.-терминат. пад.

31. Букв. 'сына-женщину его' (притяжательное местоимение 3-го л. соц. пасс. кл. -bé относится к слову é 'дом').

32. [bil-a] — причастие состояния, с глагольным управлением именем iá 'масло', 'елей'. Все выражение в локат. пад.

33. Префикс mi- на 2-ой позиции < *mu- под влиянием огласовки следующего локативно-терминативного префикса [-n + e-]. Последний префикс, вероятно, относится не к имени в локативно-терминативном падеже ([é...-e] 'в дом'), а к имени в локативном падеже [iá-bil-a-b(é)-a], так как имеет показатель 3-го л. соц. акт. класса.

34. Dib означает 'держать', здесь в каузативном значении. Префикс [-m + a-] на 3-ей позиции соответствует локативу alan-a, дословно 'в стацию для рта он (в нее) дал держать'.

35. -e здесь указательное местоимение.

36. Союз u — из аккадского 'u.

37. Букв. 'и серебро не есть'; та же конструкция ниже.

38. Букв. 'камень gin'; здесь, видимо, имеется в виду масса из лазуритового порошка (?).

39. Связка -(á)m с префиксом совместного действия [-inga-]; начальная часть префикса поглощена отрицательным показателем nu-.

40. Букв. 'небо-камень', архаическая форма словосложения.

41. Букв. 'сработанное (причастие!) человека'. Все выражение является субъектом состояния (объектом) к глаголу ġa-ġa.

42. ġa-ġa — удвоение основы ġar 'класть', 'устанавливать', 'устраивать'. Локативный префикс [-b + a-] на 2-ой позиции выражает безличное действие.

43. ki 'место', a 'вода', naga < [nag-a] (?) имя действия 'питье'; архаическое словосложение в локат.-терминат. пад.

44. Пожелательное наклонение (hé- на 1-ой позиции > ħa- под влиянием [-b + a-]) непереходного глагола gub 'стоять'; локативный префикс 3-го л. соц. пасс. класса [-b + a-] на 2-ой позиции соотносится с локативом-терминативом [ki-a-nag(a)-e].

45. Букв. 'в (-a) вещи (nig) поднятой (zig-a) руки (á)'.

46. Букв. 'человек' в эрг. пад.

47. Запретительное наклонение (ná- на 1-ой позиции), несовершенный вид (3-е лицо субъекта действия -e); префикс [-m + e-] на 3-ей позиции соотносится с [ní(g)-á-zig-ak-a].

48. [Nin-ġirsu(-a)k] (с «внутренним» родительным падежом) стоит в род. пад. (управляется именем-предлогом ġi 'перед' — букв. 'глаз', 'лицо').

49. Один показатель родительного падежа относится к 'правитель Лагаша', другой — к 'статуя Гудеи' (внутренний род. пад. в слове [en-si] опущен в виду скопления одинаковых падежей).

50. Субъектный показатель [-n-] на 6-й позиции, до сих пор графически не выражавшийся, здесь отмечен; глагольная форма номинализована с помощью относительного форманта -a.

51. Аблативный показатель [-m + ta-] на 3-й позиции (ср. [-b + ta-] в следующей глагольной форме) соотносится с E-ninnu-ta; [-b-] на 6-й позиции — объектный префикс (префикс субъекта состояния)?; см. также прим. 50. Корень -éd = -è.

52. Букв. 'имя написанное ее'.

53. Составной глагол šu...-ār; аблативный префикс [-b + ta-] на 3-ей позиции носит общий характер, связанный со значением глагола ('стирать с чего-либо'); -e см. прим. 51.

54. Имя собственное [Nin-ġiš-zid-a(-ak)], означающее 'владыка дерева истинного' и содержащее «внутренний» род. пад., стоит в эргативе (также как An-e, ^dEn-lil-e).

55. Или 'лусть сделают враждебной' (с каузативным показателем [-n- > -']?). 3-е л. определенного мн. ч. несовершенного вида (пожелательное наклонение).

№ 3. Из эпической песни «Гильгамеш и Гора живых». Запись XVIII (?) в. до н. э. Позднешумерский язык.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

^dBil_x-ga-mes-e máš-pár-pár-ra šu-im-mi-in-tag
máš-si₄ máš-da-ri-a gaba-né ba-an-tab

^dUtu-an-na-ra ġu-mu-un-na-dé-e

^dUtu kur-šè i-in-tu-tu-dè-en á-tah-mu hé-me-en
kur-ġišeren-kudu-šè i-in-tu-tu-dè-en á-tah-mu hé-me-en

^dUtu inim-ga-ra-ab-du(g)₄ inim-mu-šè ġeštu(g)-zu

di(?)-ga-ra-ab-du(g)₄ ġizzal hé-em-ši-ia(?)-ak

uru^{kt}-ġá lú ba-u(g)₆ ša(g) ba-si(g)

lú ú-gu-ba-an-dé ša(g) ħul-ba-an-ġi₄

bà(d)-da ġu-mu im-ma-an-lá

ada a-a-íd(a) i(?)-ib(?)-diri(g)-ge ġi-im-ma-an-si(g)

ù ġa-e ħur-gim nam-ba-ak-e ħur-šè hé-me-a

lú-uzu(d)-da an-šè nu-mu-un-da-lá

lú-daġal-la kur-ra la-ba-an-šú-šú

kur-ra ga-an-tu mu-mu ga-ám-ġar

ki mu gub-bu-ba-ám mu-mu ga-bi-ib-gub

ki mu nu-gub-bu-ba-ám mu-diġir-re-e-ne ga-bi-ib-gub

[*Bilga-mes-e¹ māš-pār-pār-a² šu-i-m + e-n-ta³, māš-si⁴ māš-dari-a⁴ gaba-(a)ne(-e)⁵ b + a-n-tab*

Utu-an-a(k)-ra⁶ gū—mu-n + a-dē-e⁷
aUtu⁸ kur-šē i-n-tu(r)-tu(r-e)d-en⁸, á-taḫ-ḡu⁹ he(-i)-m-en¹⁰
kur-eren-kudu(-ak)-šē¹¹ i-n-tu(r)-tu(r-e)d-en, a-taḫ-ḡu he(-i)-m-enl

Utu, inim — ga(-i-e +)ra-b-du(g)₄¹², inim-ḡu-šē ḡeštu(g)-zu¹³
di(?)¹⁴ — ga(-i-e +)ra-b-du(g)₄, gizzal he(-i)-m + ši-e-ak¹⁵:
uru-ḡ(u)-a¹⁶ lú¹⁷ b + a-u(g)₆¹⁸, ša(g) b + a(-n)-si(g)¹⁹,
lú ú-gu—b + a-n-dē²⁰ ša(g) hul—b + a-n-gi²¹,
bād-a gū-ḡu i-m + a-n-la(l)²²
ada¹⁷ a-a-íd(a)²³ i-b-dirig-e²⁴ igi—i-m + a-n-si(g)²⁵
u²⁶ ḡae hur-gi²⁷ na-b + a-ak-e²⁸ hur-šē he(-i)-m + e-à(m)²⁹.
lú uzud-a an-šē nu-mu-n + da-la(l)³⁰
lú daḡal-a(-e) kur-a³¹ la-b + a-n-šu(š)-šuš³²

kur-a ga(-i)-n-tu(r)³³, mu-ḡu³⁴ ga(-i)-m-ḡar³⁵,
ki³⁶ mu gub-ed(-a)-àm³⁷, mu-ḡu ga-b + e-b-gub³⁸,
ki mu nu-gub-ed(-a)-àm, mu-diḡir-ene(-ak)³⁹ ga-b + e-b-gub].

ПЕРЕВОД

Гильгамеш¹ козленка светлого² взял³,
 Козленка пестрого, козленка жертвенного⁴ к груди своей⁵ прижал(?),

Солнцу небесному⁶ вещает⁷:
 «Солнце! К горам я пойду⁸, — помощник мой⁹ пусть ты будешь¹⁰,
 К горам, где рубят кедр¹¹, я пойду, — помощник мой пусть ты будешь!

Солнце, слово я хочу тебе сказать¹², к слову моему — разум¹³ твой
 (пусть ты склонишь),

Изречение(?)¹⁴ я хочу сказать, мысль к нему пусть ты склонишь¹⁵:
 В моем городе¹⁶ люди¹⁷ умирают¹⁸, — сердце поражено¹⁹,
 Люди исчезли²⁰ — сердце обращено к печали²¹.

С (городской) стены шею мою я свесил²², —
 Трупы¹⁷ на воде, на реке²³ они умножают²⁴, — взор поражен²⁵:
 И²⁶ я — подобно этому²⁷ воистину (со мной) сделают²⁸, так это будет!²⁹
 Человек высокий до неба не дотянется³⁰,
 Человек широкий землю³¹ не прикроет³²,

В горы я хочу войти³³, имя мое³⁴ хочу утвердить³⁵,
 Где³⁶ имя можно установить³⁷, имя мое я хочу там установить³⁸,
 Где имя нельзя установить, имя богов³⁹ я хочу там установить.»

ПРИМЕЧАНИЯ

- [*Bil(i)g-a-mes*] (акк. *Gilgames*), имя собственное, букв. 'предок-герой', эрг. пад.
- Прилагательное [*pār-pār-a*]; удвоение основы выражает усиление качества.

3. Собственно 'прикоснулся' (составной глагол *šū...-tag*), 3-е л. соц. акт. класса, совершенный вид. Префикс [*-m + e-*] на 3-ей позиции носит, по-видимому, общий характер. Субъектный показатель *-n-*, как и почти всюду ниже, графически выражен.

4. *māš-da-ri-a* 'регулярное жертвоприношение скотом, носящее характер налога', букв. 'козленок постоянный' (*da-ri-a* из акк. **dāri* 'ям').

5. Локатив-терминат. пад., с которым соотносится в глаголе локативный префикс [*-b + a-*].

6. *aUtu*, собственно, имя собственное солнечного божества. Мы переводим 'Солнце' с целью указать падеж. Букв. 'Угу неба' (*[Utu-an-ak]*), поэтому показатель дат. пад. [*-ra*] после [*-k*] сохраняется.

7. 3-е л. несовершенного вида составного глагола *gū...-dē*; префикс [*-n + a-*] на 3-ей позиции соотносится с [*Utu...-ra*].

8. 1-е л. непереходного глагола (!), собственно 'войду'; *tu-tu* — сокращенная форма удвоенной основы *tu(r)* 'входить'; удвоение выражает несовершенный вид, подчеркнутый показателем *(-e)d-* на 1-ой суффиксальной позиции. Префикс объекта (субъекта состояния) *-n-* здесь кажется излишним; по-видимому, он носит здесь характер каузатива, делающий глагол движения *tu(r)* переходным по спряжению (хотя в данном случае место, куда направлено движение — 'горы', групповое единство — выражено не в абсолютном, а в направ. пад. — *kur-šē*); или же здесь локатив-терминат. префикс [*-n + e-*] > *-n-*.

9. Букв. 'сила-помощь' или 'сила-помогающая' *á-taḫ(a)*; о *-ḡu* ср. прим. 4 к тексту № 2.

10. Пожелательное наклонение 2-го л. связки полного спряжения *-m* 'быть'.

11. Букв. 'к горам кедр рубки'. Имя действия *kudu* (< **kud-a*) имеет глагольное управление словом *eren* 'кедр', но само стоит в род. пад., зависящем от *kur* 'горы'. Все выражение стоит в направ. пад.

12. Составной глагол *inim... du(g)₄ (inim...-du₁₁)* в 1-м лице пожелательного наклонения (*ga-* на 1-ой позиции) с дательным префиксом 2-го л. [*-(e +)ra-*] на 3-ей позиции ([*-i-*] на 2-ой позиции поглощено). Префикс *-b-* на 6-ой позиции отражает субъект состояния (объект) соц.-пасс. класса *inim* 'слово'(?).

13. 'Разум' — букв. 'ухо'. Сказуемое опущено — оно приведено в следующем предложении, см. прим. 15.

14. Чтение и значение идеограммы D1 здесь сомнительно.
 15. 2-ое лицо совершенного вида (в этот период нередки случаи употребления пожелательного наклонения с совершенным видом). Направительный префикс [*-m + ši-*] на 3-ей позиции относится к 'слову'.

16. [*Uru-ḡu*] 'мой город' в локат. пад. на *-a*.
 17. Групповое единство (коллективное множественное).
 18. Локативный префикс [*b + a-*] на 2-ой позиции соотносится с *иги-ḡa*; 1-ая позиция не занята.

19. Переходный (?) глагол, 3-го л. соц. акт. класса совершенного вида. Локативный префикс [*-b + a-*] выражает безличную форму; 'сердце опечалил(и)', или же имеет общее значение 'сердце в этом (в смысле 'этим') опечалил(и)'.
 20. Составной, формально переходный, по содержанию непереходный глагол *ú-gu...-dē*, 3-е л. совершенного вида.
 21. Составной глагол *ša(g)- [или šā-]hul... gi₄* 'обращать сердце (*šā*) к плохому (*hul*)', формально переходный.
 22. Букв. 'на стене шею мою я на ней ([*-m + a-*]) свесил'; *lá* < *lal*.
 23. Ожидалось бы *a-a íd-a(k)-a* 'на водах реки', но, возможно, здесь приложение: 'на (всех) водах (*a-a*, инклюзивное множественное), на реке'; абс. пад. места.
 24. Несовершенный вид переходного глагола (префикс *-b-* на 6-ой позиции здесь не только выражает объект, но и дает глагольной основе

каузативное значение⁹). Подлежащее (3-е л. ед. ч.), вероятно, групповое единство *lū(-e)* 'люди', см. выше.

25. Ср. прим. 19; [*i-m+a-*] по значению равно [*b+a-*], но здесь локативный префикс сохраняется на 3-ей, а не передвигается на 2-ую позицию.

26. Аквадский союз 'и'.

27. Эквативн. пад. указательного местоимения *hur*.

28. 3-е л. ед. ч. несовершенного вида переходного глагола *ak*, подтвердительно-наклонение (*na-*, не *nā-*, несмотря на *mba-* вместо [*-b+a*]); префикс [*-b+a-*] выражает безличный характер действия.

29. Полная спрягаемая форма связки *-(ā)m* 'быть'. Локативно-терминативный префикс [*-m+e-*] носит общий характер ('в этом', 'при этом'), или соотносится с обстоятельственным выражением *hur-šē* 'так', собственно 'в качестве этого' (в направ. пад.).

30. 3-е л. непереходного глагола *lá < lal*; комитативный префикс [*-n-da-*] (< [*-m+da-*] под влиянием *nu-mi-*) соотносится с направительным (!) надежом *an-šē* 'к небу'.

31. Собственно 'на земле'. Ошибка?

32. Переходный глагол *šū < šuš* (подлежащее следует, соответственно, рассматривать как стоящее в эргативе); удвоение заменяет выражение несовершенного вида, хотя глагол спрягается по совершенному виду; [*-b+a-*] имеет общее значение 'там', или же соотносится с *kur-a* (но тогда непонятно переходное спряжение!); *la-ba- < nu-ba-* (ср. выше [*nu-mi-n+da-lal*]).

33. 1-е л. пожелательного наклонения; ср. прим. 8.

34. Т. е. 'посмертную славу'.

35. Префикс *-m-* на 6-ой позиции отражает субъект состояния (объект) [*tu-šū*]⁹.

36. Имя существительное *ki* 'место' в роли подчинительного союза.

37. Супин со связкой *-ām*; [**gub-ed-ām > gub-ud-ām > gub-ub-ām*].

38. Объектный префикс *-b-* на 6-ой позиции превращает непереходный глагол *gub* 'стоять' в переходный; локативно-терминативный префикс [*-b+e-*] имеет общий характер ('там').

39. Определенное множественное в родительном надеже.

ЭЛАМСКИЕ ТЕРМСТЫ

№ 4. Из надписи царя Шильхак-Иншушинака.
XIII в. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

... e¹ [n-su-uš-na-ak¹ te-em-ti² na]-ap-pi-pi-ir³ e⁴ Ki-ri-ri-ša ru-[tu-rt-ša-ar-ra]... am-ma na-ap-pi-pi-ir e⁵ Hu-p[an ri-ša-ar⁴ na-ap-pi]-pi-ir e⁶ Na-an-na-ra ih-ši ki-ki-[ip]⁵... e⁷ na-ap⁶ pá-ha-ap-pé⁷ ak-pi-ip na-ap-pi-[pi]-ip⁸ e⁹ na-ap ki-ki-ip na-ap-pi-ip Ha-tam-ti-ip⁹ a-ak na-ap-pi-ip¹⁰ Šu-še-en-pe¹⁰...

... ū mŠil-ha-ak¹¹ In-su-uš-na-ak ša-ak mŠu-ut-ru-uk¹² Nah-hu-un-te-ek⁸ ru-hu ha-ni-ik fPē-ja-ak-k[i]¹¹ i-ké ha-ni-ik Ku-ti-ir¹² Nah-hu-un-te-ek¹² pá-te-ek¹³ Nah-hu-un-te-ek... li-ka⁴-me¹³ In-su-uš-[na]-jak ir [ha]-ni-iš-ri¹³ [me-ni]-ik Ha-tam-ti-ik a-ak Šu-še-en-ke¹⁴ ta-jak-ki-me ū-me¹⁵ ta-ak-ki-me f¹⁶ Nah-hu-un-te-u-tu ru-[tu] ha-ni-ik ū-r[i-me]¹⁶ ta-ak-ki-me... ru-hu ku-ši-ik [ū]-pé¹⁷ a-ak f¹⁸ [Nah-hu-un-te-u-tu-pé]... in-ti-ik-ka¹-a-ak su-uh-[mu-ut]¹⁸ hu-ut-ta-ah]...

... e¹⁹ In-su-uš-na-ak te-em-ti a-li(-)e li-ri¹⁸ nu ū te-en-ti¹⁹ ū mŠil-ha-ak¹¹ In-su-uš-na-ak mu-uh-ti nu-un ku-ul-la-ak ku-[ul-la-a]k ū-me²⁰ ha-ap-ti¹⁹ tu⁴-ru-uk ū-me²⁰ hu-[ut-ta-at]²¹...

ПЕРЕВОД

... О, И[ншушинак¹, владыка² богов³, о, Киририша, же[на великая]. . . , мать богов, о, Ху(м)п[ан, величайший⁴ (из) бога]в, о, Наннар, светоч неб[ес(?)⁵. . . о, боги⁶, превосходящие⁷ (?) из всех богов⁸, о, боги небес⁸, — боги Элама⁹ и боги Суз¹⁰. . .

Я — Шильхак-Иншушинак, сын Шутрук-Наххунте⁸, человек любимый (богини) Пейак¹¹, брат любимый Кутир-Наххунте¹², избранный (бога) Наххунте . . . власт(ител)ь, которого (?) Иншушинак [лю]бит(?)¹³, [правител]ь(?) Элама и Су[з]¹⁴; ж[изни] моей¹⁵, жизни Наххунте-уту, жены любимой моей¹⁶, жизни . . . детей, созданных мной¹⁷ и Н[аххунте-уту]. . . ради, памятник(?) я сделал. . .

... О, Иншушинак, владыка . . . дающий¹⁸! Ты меня услышь¹⁹(?)! Я, Шильхак-Иншушинак, . . . тебя прошу, прошение мое²⁰ прими¹⁹! Слово мое²⁰ ты(?) и[сполнил(?)]²¹. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном тексте — *In-su-uš-na-ak*, обычно *In-šu-ši-na-ak* — бог-покровитель Суз.

2. Вариант *tepti*. По В. Хинцу, чит. [*tempt*].

3. -r — неопределенный суффикс класса лиц (e i n Herrscher der Götter), перенесенный на определение *napp.ir* «боги», указывает на синтаксическую связь.

4. Букв. 'великий (*riša.r*) богов'.

5. Без переноса классного показателя, так как *iḥši* 'светоч' — имя класса вещей, не имеющее классного показателя, а *nap(p)* принадлежит к классу вещей в качестве группового единства.

6. *nap(p)* 'боги' — групповое единство (колл. множественное).

7. Или 'могущественнейшие'.

8. См. разбор этого оборота в тексте, гл. III, § 5, 6.

9. Перенос показателя множественного числа класса лиц с определяемого *napp.ir* 'боги' (на этот раз — определенные боги, а именно боги Суз и т. п.).

10. Перед словом 'Сузы' — выделяющий детерминатив в виде горизонтального клина. Нарращение -e нередко появляется в конце перечисления.

11. Последний знак неясен, ожидалось бы **dPe-ja-ak-ki-ik*.

12. Предшественник Шильхак-Иншушинака. Классный показатель -k зависит от *ike* 'брат' (без -k как термин родства!). В *hanik* -k — показатель причастия.

13. По-видимому, эту фразу следует дословно понимать следующим образом: 'власть (или: 'властелин'), Иншушинак его любит', с переносом на сказуемое классного показателя -r (вместо -me, поскольку *lika.me* — олицетворение), так как предложение 'Иншушинак его любит' является приложением-определением к определяемому *lika-me*.

14. Ср. прим. 10.

15. Перенос классного показателя на определение (*u* означает 'я', но по синтаксической позиции выражает притяжение).

16. Перенос двух показателей: -r относится к определяемому местоимением *u* слову *gutu* 'жена', а -me — к слову *takki.me* 'жизнь'.

17. Контаминация форм: перенос показателя множественного числа класса лиц -p, относящегося к слову *rihi* 'дети', на определение *u*; в то же время, поскольку в самом слове *rihi* этот показатель ощущен (как и выше всюду, — правда, для единственного числа), постольку определяющее его причастие стоит в единственном числе *kuši.k*, а не во множественном (*kuši.p*).

18. От *li-* 'даровать', 'давать'. Слово (или слова) *a-li(-)e* здесь вполне ясны.

19. Императив, совпадающий со 2-м л. повествовательной формы.

20. *Kulla.k*, *turu.k* по форме — причастия, но имеют здесь значение имен действия ('прошеное', 'сказанное'). Поэтому на определение *u* переносится показатель класса вещей -me.

21. Глагол *huttat* (2-е лицо переходного глагола) восстанавливается, по-видимому, надежно. Далее следует перечень городов и селений, захваченных царем Шильхак-Иншушинаком. Это завоевание, видимо, мыслится как исполнение просьбы божеством.

№ 5. Из надписи царя Хутелутуш-Иншушинака. VII в. до н. э. Среднеэламский язык¹.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

... *ta-ak-me ú-me in-ti-ik-ka-ak gu-gu-un-nu-um² dIn-su-uš-na-ak-ne³ ú-pa-at hu-us-si-ip-na⁴ pè-ep-si-ih⁵ ku-si-ih ... a-ha-at ... mi-ir-ri-ih nu-un⁶ tù-ú-ni-ih ak-kà pu-lu-[u]n-ri⁷ [hu]-ma-aš pá-ap ti-ri-in-ri⁷ hi-i-iš a-ap-pè a-ha ta-ak-ne⁸ la-ah-lu-uš ... dIn-su-uš-na-ak pá-ti-ip tù-up-pá-aš-na ha-at-ti mHu-te-lu-tu-uš.^dIn-su-uš-na-ak-ne ... ta-ak-na^d.*

ПЕРЕВОД

... Жизни моей ради *giginūm²* Иншушинака³ (и) основание (?) стен⁴ я заложил⁵ (и) соорудил... там... (и) украсил, — тебе⁶ (богу) отдал; тот, кто, чтобы разрушить⁷ (эту надпись, ее) возьмет, (или) кому-нибудь (?) если прикажет (?)⁷, имени, которые там помещены⁸, сотрет... Иншушинак врагов (ему) пусть пошлет, проклятие Хутелутуш-Иншушинака... пусть ляжет⁹ (на него).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот текст отличается некоторыми диалектными особенностями: так, всюду (кроме конца слога) вместо *š* пишется *s*, часто показатель род. пад. -ne вместо -na. В остальном особенности текста характерны для позднего среднеэламского.

2. Часть святилища (аккадское слово).

3. Появление показателя род. пад. -na/e сделало ненужной систему переноса классных показателей с определяемого на определение.

4. Обратит внимание на новую функцию суффикса -p, как показателя мн. ч. независимо от класса.

5. Корень **peš(i)*.

6. Косвенный объект передан как прямой.

7. Герундий, букв. 'если кто возьмет намерение разрушить (и поэтому) возьмет, (или) кому-нибудь (?) возьмет намерение приказать (это)'.

8. *Hiš* 'имя' согласуется по классу лиц (разрушение классной системы)! Функция -ne здесь не вполне ясна (м. б. уступительная: 'если, допустим, помещены?').

9. Пожелательное наклонение на -na. *Turra* — новозл. *terra*.

№ 6. Из надписи Ксеркса о дэвах. V в. до н. э. Новозламский язык.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

dna-ap-pi (i)r-šà-(i)r-ra dU-ra-mas-tá ak-ka hmu-ru-un¹ hi pè-(i)š-tá² ak-ka dki-ik hu-pè pè-(i)š-tá ak-ka mruk^dir-ra³ ir pè-(i)š-tá⁴ ak-ka ši-ja-ti-iš⁵ pè-(i)š-tá mruk^dir-ra-na ak-ka mIk-še-(i)r-šà⁶ munki ir hu-ut-tá-aš-ta⁶ ki-ir (i)r-še-(i)k-ki-ip-(i)n-na⁷ munki ki-ir (i)r-še-(i)k-ki-ip-(i)n-na pír-ra-ma-tá-ra(u)m⁸... ku-ut-tá hi-šà-ma⁹ tá-a-ja-ma¹⁰ šà-ri¹¹ mu(?)-u[r]¹² ap-pu-ka tá-a-ma¹³ ši-ip-pè hu-ut-tá-(i)š-tá me-ni za-u-mi-in¹⁴ dU-ra-mas-tá-na mu hu-pè tá-a-ma-tá-na(u)m¹⁵ sa-ri¹⁶ ku-ut-tá ki-te-(i)n-uk-ku¹⁷ ap¹⁸ pi-tá¹⁶ tá-a-ma¹³ ši-ip-pè a-nu hu-ut-tá-an¹⁹

ПЕРЕВОД

Бог великий Ахурамазда, который землю¹ эту создал², который небо то создал, который человека³ создал⁴, который *šijatiš⁵* создал (для) человека, который Ксеркса царем сделал⁶, одного (из) многих⁷ царя, одного (из) многих *pirramataran⁸*...

... и в поименованных⁹ *tajava¹⁰* была¹¹ земля¹², которая *táva¹³* жертву делала. Затем милостью¹⁴ Ахурамазды я то *táwatanam¹⁵* разрушил¹⁶ и заклятием¹⁷ им¹⁸ я приказал¹⁶: *táva¹³* жертву не должно приносить¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *-ur* винительный падеж? В большинстве случаев прямой объект не имеет специального показателя (кроме местоимений).
2. Из **peši-š-ta*. Сослагательное наклонение.
3. *ruhu-irra* 'человеческое (существо)'
4. Букв. 'его создал'. Вынос вперед дополнительного объекта-местоимения обычен преимущественно для класса лиц (*i-r*).
5. 'Счастье' (др.-перс. *šiyātiš*; в переводимом древнеперсидском оригинале — вин. пад. *šiyātim*).
6. Букв. 'его сделал'.
7. (*i*)*rše kki* (родственно *r(i)ša. rra* 'великий') имеет при себе заставший классный показатель ед. ч., однако принимает сверх него показатель множ. ч. *-p* (+показатель род. пад. *-na*).
8. 'Повелителя' (др.-перс. *framātaram* — иранский вин. пад. согласно требованиям переводимой здесь древнеперсидской конструкции!), Синтаксис предложения также калькирует древнеперсидский оригинал.
9. *hiša-ma*. Вряд ли здесь можно видеть указательное местоимение *hi* (Дж. Камерон) — скорее это слово образовано от *hiš* 'има' (с 'относительным' показателем *-a?*); *-ma* здесь локативный послелог.
10. 'Странах' (из др.-иран. *dahyāva*, мн. ч.).
11. Корень *ša* + показатель 3-го л. непереходных глаголов *-ri*.
12. Ед. ч. подлинника может быть воспринято как групповое единство (коллективное множественное). Также и форма несклоняемых заимствованных слов *tām/va*, *tām/vatanam* не может служить основанием к утверждению, что в тексте идет речь только об одной стране. В древнеперсидской версии — единственное, в аккадской — множественное число.
13. 'Дэвам' (демонам, др.-иран. *daiwā*, *dēva*). Как большинство слов, заимствованных из древнеиранского, не склоняется (не принимает послелогов).
14. *Caum* + отложительный послелог *-n?*
15. 'Капище дэвов' (из др.-иран. *dēvadānam*).
16. Из **sari-h*, **pita-h*. В новоэламском показатель 1-го л. переходного глагола *-h* обычно бывает утерян.
17. *Kiten* < акк. *kidīnu*, *kidīnu* 'божественная защита, привилегия'. В эламском означает также 'божественное заклятие'; *-ukku* — послелог.
18. Косвенный объект передан в форме прямого.
19. Герундий (восстановление Дж. Камерона *huttan<ti>* излишне: эта форма означала бы скорее 'ты сделал').

ХУРРИТСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 7: Надпись Тишари, царя Уркиша. XXIII—XXI в. до н. э. Старохурритский язык.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ¹

Ti-iš-a-ri en-da-an UR.KÈŠ^{ki} pu-ur-li PIRIG.GAL ba-'àš-tum pu-ru-li a-ti 'à-al-li Lu-ba-da-ga-āš ša-ag-ru-in e-me-ni da-āš-pi 'à-al-li Lu-ba-da-ga-āš da-āš-pu-in AN ha-wu-'à-a ha-su-e-in NIN.NA.GAR^{ki} UTU-ga-an IŠKUR e-me-ni da-āš-pi 'à-al-li in-u-be i-na-u-be si-di-in

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

[*Tis(s)-ar-i/e²*, — *enda-n³ UR.KÈŠ^{ki}(-we)⁴; purli⁵ PIRIG.GAL(-we)^d pah-(a)st-u-m⁶, pur(u)li addi⁷, halli⁸Lubadaga-s s/žagr-u-in⁹; (j)e-me-ni(n)¹⁰ tašp-¹¹, halli¹² Lubadaga-s tašp-u-in¹³, AN(-s) ha-wu-¹⁴(i?)-a¹⁴ ha-z-u-we-in¹⁵; NIN.NA.GAR^{ki}(-s) Simig(e)-an¹⁶ Tessob(-as), (j)e-me-ni(n) tašp-i, halli inobe—inobe¹⁷ s/ze-(i)d(o)-in¹⁸].*

ПЕРЕВОД

Тишари² — царь (?)³ Уркиша⁴; храм⁵ Нергала⁴ (он) построил⁶; храм это⁷, который⁸ (бог) Лубадага пусть хранит⁹. Тот, кто действительно бы его¹⁰ уничтожил¹¹, того¹² Лубадага пусть уничтожит¹³, (бог) AN молитву его¹⁴ пусть не услышит¹⁵; (боги) NIN.NA.GAR^{ki}, Шимиге и¹⁶ Тешуб (того), кто его действительно бы уничтожил, того мириады — мириады раз (?)¹⁷ пусть проклянут¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В транслитерации даны обычные для этого времени аккадские чтения знаков, ср. прим. 1 к тексту № 8 и прим. 1 к тексту № 10.
2. Имя собственное-предложение; *ar-i/e* — императив 'дай', *Tis(s)* — прозвище божества луны (?), по-видимому, 'старик'. Обратить внимание на отсутствие эргативного падежа. Нам представляется вероятным следующее объяснение этого явления: *Tiss-ari* является подлежащим именного предложения: *Tiss-ari enda-n UR.KÈŠ^{ki}* 'Тишари царь есть (-n) Уркиша'; далее начинается глагольное предложение, в котором тот же субъект *Tiss-ari* уже только подразумевается, поэтому явно выраженного в предложении субъекта действия в эргативном падеже нет. Ниже имя божества *Lubadaga* стоит в эргативе, а имена божеств AN и

и ⁴NIN.NA.GAR^{ki}, несмотря на полное тождество конструкций, эргативного показателя при себе не имеют. Это, очевидно, объясняется тем, что имя *Lubadaga* написано фонетически, а AN и ⁴NIN.NA.GAR^{ki} — гетерографически, а в гетерограммах надежные показатели нередко не выражаются (в том числе не только показатели эрг. пад., но и род. пад. — ср. написание UR.KÈŠ^{ki}, ⁴PIRIG.GAL). Далее, если имя ⁴NIN.NA.GAR^{ki} мыслится стоящим в эрг. пад., то показатель этого падежа затем уже не повторяется в перечислениях, поэтому его нет при имени *Simig(e)* и, может быть, при имени *Tessob(a)*, написанном гетерограммой.

3. Слово *enda* в других памятниках пока не встречалось, перевод по контексту; -n — связка 'он (есть)'.
4. Ср. прим. 2.
5. Букв. 'дом'.

6. Эта глагольная форма весьма трудна для объяснения. В ней нельзя видеть какое-либо нереальное наклонение как по контексту, который требует положительного утверждения, так и по форме, различающейся от форм II спряжения, встречающихся ниже. Ее нельзя рассматривать и как причастие с переходным значением, так как такое причастие встречается ниже (*tašp-i*) и имеет показатель переходности -i, в то время как рассматриваемая форма имеет показатель -u. При этом указанный показатель -u нельзя читать -o (понимая при этом форму как непереходно-причастную), так как это противоречит смыслу контекста; очевидно, в старохурритском, как и в урартском, наряду с показателем переходности -i, существовал и показатель переходности -u. Таким образом, перед нами повествовательная форма, отличающаяся по структуре от позднейших хурритских, поскольку эти последние не содержат показателя переходности и содержат показатель субъекта действия (-a для 3-го лица). Зато рассматриваемая форма полностью совпадает по структуре с повествовательной формой урартского глагола, которая также содержит показатель переходности -u- и в 3-м лице не содержит показателя субъекта действия, но только показатель субъекта состояния (объекта действия) -nə; ср. ур. *šid-(i)št-u-nə* (показатель интенсивности (?) -št- + показатель переходности -u- + показатель 3-го л. объекта -nə). Точно так же строится и рассматриваемая старохурритская глагольная форма *rah-(a)st-u-m* (показатель интенсивности (?) -st- на 4-ой позиции, показатель переходности -u- на 6-ой позиции и показатель объекта -m, — ср. позднейшее -n, — на конечной позиции). Ниже в качестве показателя 3-го л. объекта встречается не -m, а -in, но и в позднейшем хурритском имеем при I спряжении -n, а при II спряжении — -en.

Отметим также, что совершенно аналогично урартскому, но в отличие от позднейшего хурритского, в разбираемом тексте нет ни «переноса надежных показателей», ни номинализации глагола придаточного предложения. Таким образом, язык этого текста столь же близок урартскому, как и хурритскому, и в сущности может рассматриваться не только как старохурритский, но и как староурартский.

Иное объяснение синтаксической конструкции этого старохурритского текста см. A. Parrot et J. Nougayrol, *Un document de fondation hurrite*, «RÉVUE d'assyriologie», XLII, 1—2, 1948, p. 14 suiv.

Корень рассматриваемого глагола — *rah-* (знак 'à в староаккадском употребляется для передачи слогов *ha, ha*); ср. позднее (в билингве из Угарита) *ra-[hi]-iš-[t]u* 'он выкопал (для постройки)' (так по шумерскому переводу, но форма *rah-st-o* скорее должна была бы означать 'он выкопал'); в Нузе *raih* (*raih/h-o*) '(земля,) предназначенная для застройки'.

7. *addi* = позднему хурр. *andi*.

8. Ср. ур. *alə* 'вот что, вот какой; который'. Иначе понимает это выражение Ж. Нугейроль, согласно которому (*h*)*alli* = позднему указательному местоимению *anni: addi-he alli* 'этого тот', т. е. 'этого (божества) тот (храм)'; такая предполагаемая конструкция, как кажется, не имеет параллелей.

9. Глагольную форму *šagr-u-in* (корень из других памятников неизвестен) можно толковать, по Ж. Нугейролю, как 'опгати́в', т. е., фактически, как 3-е л. императива. В показателе -u- Ж. Нугейроль видит формант пассивности -o-, что плохо вяжется с контекстом.

В самом деле, в позднейшем хурритском глагол, имеющий подлежащее в эргативе, не может иметь показателя непереходности («пассивности»), что, между прочим, противоречит толкованию Спайзером хурритской синтаксической конструкции как пассивной. Это -u-, скорее, показатель переходности (ур. -u-, позднейшее хурр. -i-). Правда, в позднейшем хурритском в этой форме показателя переходности нет, но, возможно (поскольку он в это время звучал -i-), он поглощался личным показателем -i-е. Во всяком случае, — как показывает форма множественного числа *šize-(i)d(o)-in* ниже, — это форма II спряжения.

10. 'Тот (*je-*) его (*-me-*) действительно (*-ni//nin*), который (*halli*)'.

11. По-видимому, переходное причастие действия. Корень *tašp-* из других памятников неизвестен.

12. Букв. 'вот кого', ср. урартский!

13. Для конструкции ср. прим. 8.

14. Ср. в Нузе *hē-wə-[hi]-um-ma 'erēšu* 'вопрос делать'. Гласный после *w* в обоих случаях неясен; скорее всего это -u- или -o- (ср. суффикс -u/*oh*); -a — притяжательный местоименный суффикс 3-го лица, позднейшее -(i)a.

15. Отрицательная форма, параллельная положительным *šagr-u-in, tašp-u-in*: показатель переходности -u- (позднее -i-) на 6-ой позиции, отрицательный показатель -w(a)- на 7-ой позиции, личный показатель -i-е на 10-й позиции, и объектный показатель -(e)n на 12-ой позиции.

16. -an здесь, по-видимому, союз, хотя в позднейшем хурритском он стоял бы после имени *Tessob*. Ж. Нугейроль видит в нем объектный показатель -n, поскольку предполагает здесь конструкцию, формально не различающую субъекта и объекта, или субъекта действия и субъекта состояния, с чем невозможно согласиться.

17. Написание *i-na-u-be // i-nu-be* указывает на произношение *inobe*.

18. Множественное число той же формы, что и *šagr-u-in, tašp-u-in* выше (показатель множественности -(i)d(o)- на 5-ой позиции). Для стяжения *-ido-in > -din* ср. ур. императив мн. н. -tinā.

№ 8. Из письма Тушратты, царя Митанни, к египетскому фараону Аменхетепу III. Ок. 1400 г. до н. э. Митаннийский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ 1

... še-e-ni-iw-wu-ta-a-ma-an ti-we šuk-ku kul-le še-e-ni-iw-wu-uš-ša-an
 ha-ši-en še-e-ni-iw-we-e-en at-ta-ar-ti-iw-wu-ta-an ^mMa-né-e-na-an še-e-ni-
 iw-wu-ú-e pa-aš-ši-id-ḫi ú-ú-na in-na-ma-a-ni-i-in ni-ḫa-a-ri a-k[u]-u-u-
 [ša-ú]... še-e-ni-iw-wu-uš ma-ka-a-an-ni-iw-wa[-a-an (?)] gi-pa-nu-u-
 ša-aš-še in-na-ma-a-ni-i-in ^mMa-né-eš a-k[ti-e-en] (?) pu-ug-lu-ša-a-un-na-
 a-an... i-i-al-le-e-ni-i-in še-e-ni-iw-wu-uš du-be[na-ma-a-an] šu-ú-al-la-
 ma-an gi-pa-nu-u-ša-aš-še-na... [a-i-ma-a-ni-i-in še-e-ni-iw-wu-uš (?)]
 ma-ka-a-an-ni-iw-wu-ú-un-na gi-pa-né-e-ta an-du-ú-at-ta-a[an] te-u-u-na-e
 tiš-ša-an ti-iš-šay-an pi-su-uš-te-e-wa ti-ši-iw-wa-an ma-a-na šu-e-né
 a-nam-mil-la-a-an un-du še-e-ni-iw-wa-ta gu-lu-ša-ú pa-li-i...

[... *zen(a)-iff(u)-da²-ma-an³ tiwe šukko⁴ kul(-i)l-e⁵, zen(a)-iff-uss⁶-an⁷. ħaz-i-en⁸: zen(a)-iff-we-n¹², att(a)-ardi-iff(u)¹¹-ta-n⁹ Mane-n¹³-an¹⁰, zen(a)-iff-we¹⁴ pass-id-γ/he un-a¹⁵, inna-ma-nin¹⁶ niγari ag-ož-af¹⁷... zen(a)-iff-us⁶ mag-ann-iff²⁰[an(?)¹⁸] keb-an-ož-a²¹-sse¹⁹, inna-ma-nin Mane-s²² agf-i-en(?)²¹] pugl-ož-af²³-n-an... ija-lle-nin²⁸ zen(a)-iff-us²⁷ tubef-na²⁵-ma-an²⁴] su(w)a-lla-ma-an²⁴ keb-an-ož-a-sse-na²⁸... [ai-ma-nin zen(a)-iff-us(?)²⁷] mag-an-iff(-n)na²⁹ keb-an-ed-a³⁰, and(i)-wa-tta-[an]³¹ te-on-ae³³ tiššan tiššan pis-ož-t-ewa³⁴ tiž-iff-a³⁵-an³² mana su(w)e-ne³⁷ anamm(i)-lla³⁸-an³⁶ undu zen(a)iff(a)-da² kul-ož-af pali...]*

ПЕРЕВОД

... И³ брату моему² слово затем⁴ пусть я скажу⁵, а⁷ брат мой⁶ да выслушает его⁸; по поводу⁹ же¹⁰ калыма моего¹¹ (от) брата моего¹² Мане этот¹³, брата моего¹⁴ посланец, пришел¹⁵, и вот действительно¹⁶ приданое я послал¹⁷. . . а¹⁸ (о том) что¹⁹ брат мой⁶ подарок мне²⁰ послал²¹, то вот действительно Мане²², доста[вившего его], я и распросил(?)²³ . . . и²⁴ письма²⁵, которые²⁶, все их, действительно²⁶ брат мой²⁷ послал²⁸. . . (ла-куна в тексте). . . [если же действительно брат мой (?)] подарки мне²⁹ пошлет³⁰, то(?) из-за этого я³¹ тоже³² много³³, очень-очень, порадовался бы³⁴ в сердце моем³⁵; и³⁶ это все³⁷ таким образом³⁸ теперь моему брату² я сказал истинно. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В транслитерации знаки переданы в их обычном для клинописи чтении, с целью передать облик текста, как он представляется при первом ознакомлении. Однако следует учитывать, что *ba, be, pa, pu, da, ta, ti* и т. п. можно читать и *pá, pè, bá, bu, tá, dá, dì* и т. д., и что в митаннийской орфографии знаки *u, ku = o, ko, a* знаки *gu, gi = ku₈, kè*, и т. д.
2. Собственно 'к брату моему' — показатель направ. пад. *-t/da*. Читая *zenifta, zenivda* или *zeniffuda?*
3. *-ma-an*.
4. *šukko*, наречие.
5. 1-е л. (-e на 10-й позиции, II спряжение) пожелательного наклонения (-l- на 8-ой позиции) переходного глагола (выпавшее -i- на 6-ой позиции).
6. Показатель эрг. пад. *-(u)s(s)*.
7. *-an*.
8. По-видимому, 3-е л. (с объектом 3-го же лица: *-i/e-en*, II спряжение императива).
9. Выражено показателем отложительного падежа *-t/da-n*.
10. *-an* в сочетании *Mane-n-an*.
11. Букв. 'отцовского дара моего' ('отцовский дар' → 'дар отцу (невесты)', 'калым'). 'Мой' калым → 'причитающийся мне'.
12. Вынесенное вперед *še-e-ni-iv-we-e-en*, по-видимому, следует понимать как род. пад. *zen(a)-if/v-we* со связкой *-n*, букв. 'брата моего (он) есть'; это выражение относится к 'калым мой'; 'калым мой, брата моего (он) есть' означает 'калым, (предназначенный) мне (от) брата моего'.
13. Букв. 'Мане (это) есть' (связка *-n*).
14. Род. пад.
15. Причастие непереходного глагола в роли предиката 3-го л.
16. 'И (*-ma*) вот (*inna-*) действительно (*-nin*)'.
17. 1-е лицо (*-af/v* на 10-й позиции) совершенного вида (*-ož-* на 2-ой позиции, обратить внимание на написание через *-u- = -o-*) переходного глагола (переходность в подобных формах специально не выражается,

так как видна из отсутствия показателя безобъектности на 3-ей позиции). Остальные позиции не заняты.

18. Если правильно восстановление лакуны, то союз «а» выражен энклитикой *-an* после слова 'мой подарок' (*mag-ann-iff-[an(?)]*).
19. Придаточный характер предложения выражен показателем *-sse* при глаголе.
20. Букв. 'подарок мой' (корень *mag-*; *-ann-* — наращение основы).
21. 3-е лицо (*-a* на 10-й позиции) совершенного вида (*-ož-* на 2-ой позиции) переходного глагола (наращение основы *-an-*, возможно, выражает фактитивный характер глагола); остальные позиции не заняты. Форма номинализована с помощью показателя *-sse*.
22. «Мане» является здесь одновременно объектом глагола *pugl-ož-af* и субъектом переходного причастия (?) *ag-i* (если правильно восстановление лакуны); в качестве последнего имя Мане стоит в эргативном падеже.
23. 1-е л. (*-af/v* на 10-ой позиции) совершенного вида (*-ož-* на 2-ой позиции, ср. выше *ag-ož-af/v*) переходного глагола с объектом (субъектом состояния) в 3-м лице (*-n*) + «ассоциатив» *-an*.
24. *-ma-an* (дважды, второй раз при *su(w)a-lla* 'все их').
25. *tube* (вариант *tuppe*), букв. '(глиняные) таблички'; соотносительно-определятельная частица множественного числа *-na* выражает определенное множество.
26. Дословно 'которые (*ija-*) их (*-lle*) действительно (*-nin*)'. Относительное местоимение вынесено вперед, как и в урартском.
27. Подлежащее (эрг. пад.) вынесено вперед, сразу после относительного местоимения с его «ассоциативами».
28. Глагольная форма (анализ см. прим. 21), номинализованная с помощью показателя *-sse*, имеет при себе соотносительно-определятельную частицу мн. ч. *-na*, перенесенную со слова *tube-na*, которое она определяет.
29. Мн. ч. выражено с помощью соотносительно-определятельной частицы мн. ч. *-na*. Ввиду гипотетичности реконструкции предшествующего текста в лакуне, неясно, означает ли удвоение *-n-* в *-nna*, что здесь имеется связка *-n*.
30. 3-е л. (*-a* на 10-ой позиции) несовершенного вида (*-ed-* на 2-ой позиции) фактитивного (?) — *-an-* на 1-ой позиции) переходного (отсутствие *-t-* на 3-ей позиции) глагола.
31. Энклитическое местоимение *-tta*, присоединенное к местоимению *andi* в дат. пад. (?) — *-wa*, по-видимому, в наречном значении), выражает субъект непереходного глагола; к нему присоединен союз-«ассоциатив» *-an* (здесь, видимо, в значении 'то?').
32. *-an* в конце предложения.
33. Корень **te-* (ур. **te-*) + наращение основы *-on-* + наречное окончание *-ae*.
34. 1-е л. (не выражено: форма не изменяется по лицам) совершенного вида (*-ož-* на 2-ой позиции) условного наклонения (*-ewa* на 9-ой позиции) непереходного глагола (показатель безобъектности *-t-* на 3-ей позиции).
35. Локативный показатель *-a* поглощен ассоциативом *-an-*.
36. *-an* в *anamillan* — союз 'и'.
37. Приложение 'всё' (*suwe*) связано с определяемым 'это' (*mana*) с помощью соотносительно-определятельной частицы *-ne*.
38. *anammi-lla-an*, букв. 'итак-их-и', где *-lla-* 'их' соотносится с 'это всё' ('всё' рассматривается как множественное число).

УРАРТСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 9. Из надписи на стеле царя Русы II, сына Аргшти, из Звартноца. VII в. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

¹Hal-di-e¹ EN-SŪ² i-né NA¹pu-lu-se³ mRu-sa-a-še³ mAr-giš-te-ḫi-né-še⁴ ku-ju⁹-né⁴ Hal-di-né-né⁵ uš-ma-ši-né⁶ mRu-sa-a-še mAr-giš-te-ḫi-né-še a-le KUR⁷ Ku-ub-li-né ḫu-bé-i⁷ ki-ú-ra-a-né šú-le-e ma-nu⁸ ú-i jè-e-i⁹ iš-ti-né ma-nu-r[e]¹⁰ š[ú]-ki¹¹ Hal-di-še¹² ú-bar-du-du-né¹³ i-e-še i-né GIS¹⁴ul-de-e [t]e-ru-bé¹⁴... URU¹⁵ šú-ḫe¹⁶ iš-ti-né šá-tú-ú-le¹⁷ pi-le ID¹⁸Il-da-ru-ni-a-né¹⁸ a-gu-ú-bé¹⁹... i-nu-ka-ḫi-ni-e^{21, 22} mRu-sa-i-ni-e^{21, 23} ḫu-bi-jè²¹ a-še²⁰ pi-le ni-ke-du-le²⁴ UDU.MÁŠ.TUR Hal-di-e ni-ip-se-du-le-né²⁵... a-še A^{meš} e-ši-a²⁶ ši-ú-le²⁷ MÁŠ.TUR Hal-di-e ni-ip-se-du-le... [m]Ru-sa-a-né²⁸ mAr-giš-te-ḫe-e LUGÁL DAN.NU²⁹ LUGÁL al-su-i-né³⁰ [LUGÁL-né KUR³¹ šú-ra-u-e³¹ LUGÁL KUR³² Bi-a-i-na-u-e³² [LUGÁL] LUGÁL^{meš}-ú-e a-lu-se-e³³ URU³⁴ Tu-uš-pa-e³⁴ pa-ta-re [m]Ru-sa-a-še mAr-giš-te-ḫi-né-še a-le a-lu-še³⁵ i-né DUB-te-e [t]ú-li-e³⁶ a-lu-še pi-tú-li-e... a-lu-še ú-li-še³⁷ ti-ú-li-e i-e-še z[ša]-du-ú-bé a-lu-še ti-né-né³⁸ tú-li-e ma-se-e³⁹ [t]i-né te-li-i⁴⁰ e-a-i KUR⁴¹ Bi-a-i-né-še⁴¹ e-a-i lu-lu-i-né-še Hal-di-še IM-še UTU-né-še DINGIR^{meš}-še [m]i-i ti-i-ni mi-i ar-mu-ze-i mi-i zi-il-bé-i⁴² ki-ú-ra-i-di⁴³ [k]u-li-e-tú-ú-n[é]⁴⁴

ПЕРЕВОД

(Богу) Халди¹, владыке своему² эту стелу Руса³, Аргштиев (сын)⁴ написал; халдиевой⁵ милостью⁶ Руса, Аргштиев (сын) вот что (говорит): Кублийской долины⁷ земля бесплодная(?) была⁸, ничего⁹ там не было¹⁰; мне (же)¹¹ Халди¹² приказал(?)¹³, я этот виноградник устроил¹⁴... сёла¹⁵ заново¹⁶ там заселил¹⁷, канал от¹⁸ (реки) Илдаруния провел¹⁹... для²¹ вот этой²² Русиной²³, когда²⁰ долины канал будет разливаться²⁴ — барана (и) козленка (богу) Халди пусть жертвуют²⁵... когда с неба²⁶ вода польется²⁷ — козленка (богу) Халди пусть жертвуют... Руса, Аргштиев (сын)²⁸, царь могучий²⁹, царь великий³⁰, царь (свободных) племен³¹, царь Вана³², царь царей, правитель³³ Тушпы города³⁴; Руса, Аргштиев (сын), вот что (говорит): тот кто³⁵ эту надпись уничтожил бы³⁶, тот кто (ее) стер бы, тот кто, посторонний³⁷, сказал бы: «я (это) сделал», тот кто имя³⁸ уничтожил бы, свое³⁹ имя поставил бы⁴⁰, — (будь то) и урарт⁴¹ и чужестранец⁴², — Халди, Тейшеба, Шивини (и другие) боги ни имени, ни семьи (?), ни семени его⁴³ для земли пусть не оставят⁴⁴.

1. Haldi-jə, дат. пад.
2. Читать ewri-jē (<*ewri-jə-jə, где первое -jə — притяжательное местоимение 3-го лица + jə дат. пад.).
3. Эргатив.
4. Притяжательное прилагательное на -ḫe в эргативе, определенного склонения (Rusā, der Argištische, в отличие от других лиц по имени Руса).
5. Притяжательное прилагательное Hald(i)-inā в отлож. пад. на -nə, неопределенное склонение.
6. Имя абстрактное на -ša в отлож. пад. на -nə, неопределенное склонение.
7. Вместо *KUR³² Ku-ub-li-né-i (притяжательное на -inā) ḫu-bé-i — оба слова в род. пад., зависящем от qawrā-nə — абсолютный падеж, определенное склонение (детерминация с помощью -nə зависит от определения).
8. man-o: архаический показатель непереходности -o при отсутствии личного форманта, как обычно для глагола man- 'быть'. В других непереходных глаголах показатель непереходности — -a: i-ú Hal-di-iš-me LUGÁL-tú-ḫe (или SARRU.TU-ḫe) a-ru-ú-né na-ḫa-a-de LÚAD-si-né e-si-i 'когда Халди (эргатив) мне царство дал (ar-u-ni), взвел я (naḫ-a-da) на (абс. пад. места!) отцовское (*at(a)-usi-né, с относительной-определяющей частицей) место -его (-i<-*jə).
9. Отрицание uja + неопределенное местоимение je(i) 'кто (что)-нибудь'.
10. Результативное причастие.
11. Вынесение местоименного косвенного объекта вперед в виде самостоятельного местоимения соответствует его интонационному выделению.
12. Эргатив.
13. 3-е л. повествовательной формы переходного глагола (показатель переходности -u + суффикс 3-го л. объекта -nə; субъект действия 3-го л. в глагольной форме не отражен); структура самого глагола неясна (объект ubardu и глагол d- 'делать'?). Ср. с показателем объекта 3-го л. мн. ч.: ka-ru-né KUR³² Bu-uš-tú-né KUR³² Tar-i-ú-né te-ku-a-le mAr-gi-iš-ti-ka-i 'покорил он (образовано как ubardu-dunə) Бушту (и) Тариу, склонил он их перед Аргшти (tek-u-a-lə, где -u- выражает переходность, -a- — 3-е л. субъекта действия, -lə — 3-е л. мн. ч. объекта).
14. 1-е л. (-və) переходного (-u) глагола.
15. Мн. ч. графически не выражено, но видно из согласования; читать pātare-lə или, как групповое единство, pātars?
16. Прилагательное š-uḫə в наречном употреблении.
17. Букв. 'взял', читать šatuvlə, 1-е л. (-v-) переходного глагола (-u-) с объектом 3-го л. мн. ч. (-lə). Все выражение — калька с аккадского идиома (ālāni ana eššūti ašbat 'городá заново взял' → 'городá заново заселил').
18. Отлож. пад. на -nə.
19. Ср. хурр. ag- 'вести, приводить, доставлять'. Форму ср. прим. 14.
20. Подчинительное слово āše требует в урартском пожелательного наклонения (как формы выражения будущего времени).
21. Дат. пад. -jə (выражен графически как -e и -jè).
22. in(a)-uka(i)-ḫe-nə-jə, букв. 'этой-моей-ской'.
23. Притяжательное прилагательное на -inā.
24. nek-ed-u-l-i/e 3-е л. II спряжения (-i/e) пожелательного наклонения (-l-), зависящего от āše, непереходного глагола (-o-) несовершенного вида (-ed-).

25. Такая же форма переходного глагола (-и), но с показателем объекта 3-го л. единственного числа -nə (ниже тот же глагол в одно-субъектном спряжении, если в тексте нет пропуска по вине писца или камнетеса). Глагол — в безличном употреблении, поэтому в русском переводе дано множественное число.

26. Локат. пад. (-а) от ešə, хурр. eze 'небо'.

27. Та же форма, что в прим. 24, но в совершенном виде.

28. Абс. пад. Rusā-nə — с соотносительно-определятельной частицей, зависящей от Argišti-ḫa; при прилагательных на -ḫa в абс. пад. эта частица не ставится.

29. LUGĀL — псевдо-шумерская, DAN.NU — аккадская гетерограмма; читать ereḷa taraffje.

30. Прилагательное на -inə.

31. Ед. ч. šurə означает 'меч, оружие', мн. ч. šureḷa — '(племенное) ополчение', гетерограмма LÚKUR.KUR^{meš}. Здесь — род. пад. мн. ч. šur-a-wə.

32. Собственно 'ванцев' ('биинцев'). Государство Урарту называлось по-урартски *Viainila*, что является множественным числом от этнически прилагательного *bia-inə*.

33. Субстантивированное прилагательное на -usə.

34. Слово *Tušpā-e* стоит в род. пад., зависящем от *pātara* (гетерограмма URU) 'город': *Tušpā-e pātara* букв. 'Тушпы город', ср. по-английски: The City of Tušpā. Само слово *pātara* также стоит в род. пад. (вариант дает *ra-a-ta-re-e-i*, где -i — род. пад.).

35. Эргатив от местоимения *ale-ḷalu*.

36. *tuleja* < **tur-u-l-e(i)ə* — условно-пожелательное наклонение (наклонение допущения -l-eja, хурр. -l-ewa). Ср. в надписи царя Минуи (см. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, М.—Л., 1960, № 63): *a-lu-še ra-ḫa-n[e-le] iš-ti-né-né* (отлож. пад.) *ši-ú-le-a-le* 'кто коров (мн. ч.) оттуда уведет (*ši-u-l-eja-lə*, объект 3-го л. мн. ч.), но *a-lu-še ni-ri-bé iš-ti-né-né ḫa-a-u-li-e* 'кто мелкий скот оттуда возьмет (*ḫa-u-l-eja*)'.

37. Собственно 'другой' (*oli-šə*, эргатив).

38. Абс. пад. определенного склонения (-nə) от субстантивированного прилагательного *tinə* < **tiwe-(i)nə*, хурр. *tiwe* 'слово'.

39. Местоимение-прилагательное, из **ma-(u)sə*.

40. Из **ter-u-l-e(i)ə*.

41. Эргатив прилагательного на -inə, ср. прим. 3.

42. *zilbe-ja*, где -i (чит. -ja) — притяжательное местоимение 3-го л.

43. Направ. пад. (< **qawra-edə*).

44. Структура не совсем ясна, может быть *ku(l-u)-l-eja-ito-né*, мн. ч. к формам типа (корень) -u-l-eja + объектный показатель 3-го л. ед. ч.?

АККАДСКИЕ ТЕКСТЫ

(I) Староаккадские

№ 10. Из деловых документов восточного Аккада. XXIII в. до н. э. Староаккадский язык¹.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ²

а) e-nu Na-bi-u[m] šu-ut Gi-šum il-gi-am-ma it-ba-lu Na-bi-um KÁ⁴ Tišpak it-ma 1 DINGIR-al-su DI.TAR 1 DINGIR-dan šu GUD.GUD PA.RIM⁴ 1 E-ru-ru šu AB + AŠ URU⁴ 1 I-g[u]-nūm DUMU É-[n]i-um [4](?) AB + AŠ [Gi]-šum.

б) Gi-nu-nu a-na Dan-i-li il-li-a-ḫi u ERÈ-zu-ni a-na ŠE at-ti-kum a-ni-me mim-ma-šu la ti-su ma-ḫa-ar-šu-nu a-na SÁM ŠE 1 É.GU.ZÉ il-li-a-ḫi a-na Dan-i-li iš-du-ud.

в) en-ma Ma-nu-nu a-na Gi-nu-nu in É šu uš-da-a-bi-la a-na si-tim SÁM-me lu-uš-ku-ul-kum al-kam-ma ba-dam

г) DIN[GIR-al-su] en-ma a-na Zu-zu a-na ŠE UKU_x.UŠ a-na AB + AŠ gu-du-ši-iš... GIŠ.NI.

д) en-ma I-gu-nūm [a-n]a DINGIR-al-su [m]i-šum [á]š-tu-ru a-ni-ir-kum si-tum ḫa-ra-nam a-ḫu-z[a]m... [il-li-d]a-ba GÁN a-na SU₄-be-ll [i-]ti-in ZID.BA-su u-la e-bi-iš.

ТРАНСКРИПЦИЯ

а) 'enū³ Nabi'um⁴, tūt⁵ Kišum⁶ (i)ilkeḫ-am⁷-ma (i)itbalu⁸, Nabi'um 'abul⁹ Tišpak (i)itmā; 'Ilum-'al-šu¹⁰, daijānum, 'Ilum-dan tu¹¹ Kūku (?)¹² rābišu/im¹³, 'Erūru¹⁴ tu šib¹⁵ 'ālim, (l)ikūnum¹⁶ mār (?) 'Eni'um, ['arba'] šibūt [Kī]šum.

б) Kinūnu¹⁷ 'ana Dan-'ili¹⁸ 'Ili-'aḫi u Uarassāni¹⁹ 'ana šē'im²⁰ 'addik-kum²¹, 'anni-mē²² mimma-šu²³ la tišū²⁴, maḫar-šunu²⁵ 'ana šim šē'im 'ešti'an (?) (?)²⁶ 'Ili-'aḫi 'ana Dan-'ili (i)išdud²⁷.

в) 'en-mā Manūnu 'ana Kinūnu: 'in bitim, ti²⁸ 'ušta'pila (?)²⁹, 'ana šitim³⁰ šimam-mē³¹ luškul-kum³², 'alk-am³³-ma bāt-am (?)³⁴.

г) 'Il[um-'al-šu]³⁵ 'en-ma 'ana Zūzu: 'ana šē rādi'im³⁶ 'ana šibim kuḍdušiš³⁷ kīš-ni (??)

д) 'en-mā (l)ikūnum [an]a 'Ilum-'al-šu: [m]i[šum]³⁸ [a]šturu, 'anir-kum, šitum³⁹ — ḫarrānam⁴⁰ 'aḫuz[am]⁴¹ [il-li-ḫ]āba⁴² (ḫ)eklam 'ana Sū-be'li⁴³ [(i)id]din,⁴⁴-šu 'ula 'eppeš⁴⁵.

а) Вещи³ Набиума⁴, которые⁵ Кишум⁶ забрал⁷ и унес⁸, (о чем) Набиум (в) воротах⁹ (бога) Тишпака поглялся; Илум-альшу¹⁰; судья, Илум-дан (из рода)¹¹ Куку¹², надзиратель/я¹³, Эруру¹⁴ (из рода) старейшины¹⁵ общины, Икунум¹⁶, сын Эниума: четверо свидетелей [Ки]шума.

б) Кинуну (сказал)¹⁷ Дан-или¹⁸: Или-ахи и Варассуни¹⁹ за ячмень²⁰ я продал тебе²¹, теперь же²² ничего²³ ты не имеешь²⁴, (поэтому) перед ними (т. е. свидетелями)²⁵ за цену ячменя один (какой-то предмет)²⁶ Или-ахи для Дан-или изготовил²⁷.

в) Вот что (сказал) Мануну Кинуну: «В доме, который²⁸ я²⁹, в качестве остатка³⁰ цену-мол³¹ я отведу тебе³², приходи³³ и переночуй³⁴(?)».

г) Ил[ум-альшу]³⁵ вот что (сказал) Зузу: «Относительно ячменя для война³⁶: старейшине для освящения³⁷. . . подари мне(??)».

д) Вот что (сказал) Икунум Илум-альшу: «Поскольку³⁸(?) я писал (об этом), я зарезал тебе (скот), (а) остаток³⁹ — в дороге⁴⁰ я взял⁴¹. . . Или-таба⁴² поле отдал Шу-бели⁴³, (и) мучного довольствия⁴⁴ не может дать⁴⁵».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Диалект документов из этого района (долина р. Диялы) имеет свои особенности (например, субъюнктив на -a), однако мы избрали в качестве образца именно эти тексты, а не надписи царей, как, по всей вероятности, более близкие к живому языку.

2. При транслитерации этих текстов знаки приведены в их позднейшем, старовавилонском чтении, основанном на новошумерском произношении; но, как упоминалось в тексте, староаккадские чтения знаков были в действительности основаны на старошумерском произношении; так, DA, SU, GI, GU, KU по-старошумерски читались *ta, *s'u, *ki, *ku, *k'u и, соответственно, по-староаккадски они читались *dā, šu, kī, ku₈, ku* (или *kū*); по-новошумерски эти же знаки читались *da, su, gi, gu, ku* и, соответственно, по-старовавилонски *da* (и *ḏa*), *su, gi* (и *kī*), *gu* (и *kū*), *ku* (и *kū*). Можно было бы транслитерировать текст согласно староаккадскому чтению, но мы предпочли чтение позднейшее, чтобы иллюстрировать изменение в произношении знаков. Действительное произношение их ср. по транскрипции.

3. Мн. ч. st. constructus субстантивированного прилагательного 'enūtum 'вещи' (позднее употребительна форма 'unūtum).

4. Имена собственные нередко не склоняются (ожидался бы родительный падеж *Na-bi-im); также в ряде случаев и ниже.

5. Им. пад. мн. ч. м. р. относительного местоимения (nota genitivi).

6. По-видимому, читать Kīsum (тип *pīr-s- от корня kīš 'дарить') 'Подарок', имя собственное.

7. Произносилось ли в данном случае конечное h, установить трудно. В ряде случаев h в этих текстах, несомненно, еще произносилось. Из орфографии также не видно, произносилось ли еще i в префиксе i-; но в некоторых других текстах написания типа *i-ḫ-gi-am-ta указывают на произношение *iḫke(h)amma. Вентивное окончание -at указывает на действие «для себя»; в конце формы — союз -ma.

8. Субъюнктив на -u.

9. Вн. пад. места, поэтому отсутствует предлог; имя в st. constructus перед несклоняемым именем собственным божества.

10. Значение имени собственного: 'Бог над ним'; 'al > позднейшее 'el(i). Огласовка с a указывает на сохранение согласного ' , который лишь позже окрасил a в e. Цифра 1 ставится в текстах перед именами собственными в перечнях для удобства подсчета. Впоследствии отсюда вырабатывается детерминатив мужских имен собственных.

11. Nota genitivi им. пад. ед. ч. м. р. tu (позднее ša) указывает здесь на принадлежность данного лица к 'дому' (роду) поименованного тут же предка.

12. GU(D).GU(D) предположительно читается Kūku — обычный тип староаккадских уменьшительных имен собственных (ср. ниже Zūzu).

13. Чтение гетерограммы несколько сомнительно; неясно также, является ли сам Илум-дан или же его предок Куку надзирателем (и поэтому надо ли читать rābišum или rābišim).

14. Уменьшительное имя собственное. Огласовка e в первом слоге указывает на наличие ' или h в начале имени; произносились ли они, неясно, но ср. прим. 10.

15. Sibum 'старый' имеет также значение 'старейший' и 'свидетель'.

16. Уменьшительное от имени собственного-предложения, начинающегося с глагола (i)ikūn 'утвердился (такой-то бог)'.

17. Предлог 'ana передает содержание нашего дат. пад.

18. Имя собственное означает 'Силён мой бор' (dan — status praedicativus к dānum < *danin-um).

19. Имена двух рабов. Имя первого означает 'Мой бог — мой брат', второго 'Их (т. е. богов) раб', *parad-suni > parassuni (причем -(s)su пишется знаком ZU, старошум. *su, новошум. zu); -suni — архаическая форма вместо -šunu; толкование ее спорно.

20. šē'um < шум. še.

21. Букв. 'отдал', 1-е л. Praeteritum от ndn '(от)давать'.

22. Наречие, образованное, по-видимому, от указательного местоимения 'anni'um + подчеркивающая частица -mī/-mē.

23. Букв. 'чего-либо его' (винительный падеж). Написание -šu (т. е. -tu) вместо -su (т. е. -šū) или -su₄ (т. е. -su) указывает на начавшееся совпадение i//š//s. Ср. ниже ma-ḫa-ar-šu-nu вместо *ma-ḫa-ar-su-nu, но ср. 'al-sul Ср. ниже ti-su (т. е. ti-šū) вм. ожидаемого *ti-šū (т. е. ti-tū).

24. 2-е л. м. р. Praeteritum глагола ḫt/šy (Praesens не употребителен).

25. Эти свидетели перечислены перед началом приведенного нами текста.

26. По-видимому, род мебели; чтение гетерограммы неизвестно.

27. В знаках для закрытых слогов t, š и z вовсе не различаются. Глагол šdd (здесь 3-е л. Praeteritum) означает 'тащить', также 'мерить', в этих текстах, по-видимому, также 'делать для-кого либо за плату'. Смысл дела в том, что Дан-или, купив за ячмень двух рабов, Или-ахи и Варассуни, остался без средств, поэтому прежний владелец рабов забирает обратно одного из них, возмещая его цену на этот раз не ячменем, а трудом этого же раба.

28. 'en-mā (для этого времени, возможно, следует еще читать hen-mā) — частица, вводящая прямую речь, позже 'umtā.

29. Nota genitivi в род. пад. м. р. (ср. bitum, род. пад.).

29. Глагол 'pl, 'bl или 'pl, 'bl в 1-м л. Praeteritum породы S + T в диалектной (?) субъюнктивной форме на -a (вместо -u), значение неизвестно).

30. Часть цены за вещи (упомянутые в опущенном нами начале текста) была уплачена раньше.

31. Частица -mī/-mē применяется при цитировании прямой речи.

32. 1-е л. Praecativus, здесь выражает намерение.

33. Вентивная форма императива глагола 'hk < *hkk; может означать также 'давай, ну-ка'.

34. ba-dam, несомненно, также императив — от глагола b'd/t/t, значение которого неизвестно; предположительно, вариант корня bit 'почевать'.

35. Лакуна заполнена нами произвольно; возможно любое имя собственное, начинающееся с 'lum 'Бог...'

36. Собственно 'гонящего', причастие глагола *rdj*; *rādi'um* повже > *rēdūm*.

37. Дательно-локативный падеж на *-is* от инфинитива породы D *kuddišum*. Для написания ср. прим. 27. Дальнейший текст, содержащий сказуемое, неясен (может быть, надо читать GIS.NI как *kiš-ni* 'подари мне'?)

38. *Mišum*, собственно 'почему'; значение 'поскольку' — сомнительное, но ср. субъюнктивную форму глагола.

39. *Situm* в им. пад. 'остаток — (его) я взял'.

40. Вин. пад. места.

41. Вентивная форма ('для себя'), корень 'hđ.

42. Архаический st. praedicativus на *-a*; имя собственное означает 'Мой бог — хорош (добр)'.

43. Имя собственное, по-видимому, означает 'он — мой господин'. При чтении *Tu-be'li* (если считать, что *z* уже совпало с *t*) оно значило бы '(собственность) моего господина' (в староаккадском имя *bēlum* в род. пад. с притяжательным местоименным суффиксом 1-го л. звучало бы *bēl-i*, *be'l-i* вместо позднейшего *bēli-ja*).

44. Чтение гетерограммы неизвестно.

45. Дословно 'не может сделать': 2-е л. м. р. ед. ч. Praesens от глагола 'pš со значением возможности действия (< **ja-'appaš*).

№ 11. Стандартная «формула проклятия» в царских надписях времени аккадской династии. XXIV—XXII вв. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

... *ša DUB su₂-a u-sa-za-ku-ni* (^aUTU ^dINNIN) NUMUN-*su li-íl-gu-da*

ТРАНСКРИПЦИЯ

... *ša tuppam su'a iušazzakūni² (Šamaš 'Eštar)³ zara'-šu lilkut⁴*

ПЕРЕВОД

Тому, кто надпись эту повредит (?)², (Шамаш (и) Эштар)³ семья его пусть иссушат (?)⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *ta* — относительное местоимение ед. ч. м. р. в вин. пад. (дословно 'того, кто... повредит, — семья его').

2. 3-е л. Praesens, по-видимому, от глагола *nzk*, хотя *za* можно читать и *-(s)sa-* (тогда от корня *nsk*). Префикс 3-го л. пишется с помощью знака *u-*, префикс 1-го лица — с помощью знака *ú-*, что, по-видимому, указывает на разное произношение (3-е л. *ju-*, 1-е л. *'u-*).

3. В надписях встречаются разные имена божеств.

4. 3-е л. дв. ч. Praecativus.

(II) Вавилонские

№ 12. Из Законов Хаммурапи. XVIII в. до н. э. Староавилонский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

(§ 3—4) *šum-ma a-wi-lum i-na di-nim a-na ši-bu-ut sa-ar-ra-tim ú-ši-a-am-ma a-wa-at iḫ-bu-ú la uk-ti-in šum-ma di-nu-um šu-ú di-in na-pt-*

iš-tim a-wi-lum šu-ú id-da-ak šum-ma a-na ši-bu-ut ŠE à KÙ.BABBAR ú-ši-a-am a-ra-an di-nim šu-a-ti it-ta-na-aš-ši.

(§ 9—13) *šum-ma a-wi-lum ša mi-im-mu-šu ḫal-ku mi-im-ma-šu ḫal-ka-am i-na ka-ti a-wi-lim is-ša-ba-at a-wi-lum ša hu-ul-ḫum i-na ka-ti-šu sa-ab-tu na-di-na-nu-um-mi id-di-nam ma-ḫar ši-bi-mi a-ša-am iḫ-ta-bi à be-el hu-ul-ki-im ši-bi mu-di hu-ul-ki-ia-mi lu-ub-lam iḫ-ta-bi ša-a-ma-nu-um na-di-in id-di-nu-šum à ši-bi ša i-na maḫ-ri-šu-nu i-ša-mu it-ba-lam à be-el hu-ul-ki-im ši-bi mu-di hu-ul-ki-im it-ba-lam da-a-nu a-wa-a-ti-šu-nu i-im-ma-ru-ma ši-bu ša ma-ḫ-ri-šu-nu ši-mu-um iš-ša-mu à ši-bi mu-di hu-ul-ki-im mu-du-su-nu ma-ḫar i-lim i-ka-ab-bu-ma na-di-na-nu-um šar-ra-ak id-da-ak be-el hu-ul-ki-im hu-lu-uk-šu i-le-ke ša-a-ma-nu-um i-na bi-it na-di-na-nim KÙ.BABBAR iš-ku-lu i-le-ke.*

ТРАНСКРИПЦИЯ

(§ 3—4) *šumma 'aḫilum 'ina dīnim¹ 'ana šibūt² sarratim³ 'ūši'-am⁴-ma 'aḫat 'iḫbū⁵ lā 'uktin⁶, — šumma dīnum šū dīn napištīm⁷, 'aḫilum šū 'iddāk⁸; šumma 'ana šibūt šē'im⁹ 'ū¹⁰ kaspim 'ūši'-am 'aran¹¹ dīnim šu'-ātī 'ittanaššī¹².*

(§ 9—13) *šumma 'aḫillum, ša¹³ mimmu-šu¹⁴ ḫalku¹⁵, mimma-šu ḫalkam¹⁶ 'ina kati 'aḫilim 'iṣṣabat¹⁷, 'aḫilum, ša ḫulkum 'ina kātī-šu¹⁸ šabtu: «nādinānum-mī²⁰ 'iddin-am²¹, maḫar šibi-mī²² 'ašām» 'iḫtabī¹⁹, 'u bēl ḫulkim «šibi mādi²³ ḫulkī-ia-mī lubl-am²⁴» 'iḫtabī¹⁹, — ša(i)jāmānum²⁵ nādin 'iddinu-šum²⁶ 'u šibi, ša 'ina maḫrī-šunu 'išāmu^{26a}, 'itbal-am²⁷, 'u bēl ḫulkim šibi mādi ḫulkim 'itbal-am, — da(i)jānū²⁵ 'aḫāti-šunu²⁸ 'immarū²⁹-ma, šibū, ša maḫrī-šunu³⁰ šimum 'iššāmu³¹ 'u šibi³² mādi ḫulkim māduššunu³³ maḫar 'ilim 'iḫabbū-ma, — nādinānum šarrāk³⁴, 'iddāk⁸; bēl ḫulkim ḫuluḫ-šu 'ilekkē³⁵; ša(i)jāmānum 'ina bit nādinānim kasap 'iškulu³⁶ 'ilekkē³⁵.*

ПЕРЕВОД

(§ 3—4) Если человек в судебном процессе¹ для свидетельства² ложного³ выйдет⁴ и слово, которое он сказал, не подтвердит⁶, — (то) если судебный процесс этот — процесс (о) жизни⁷, (то) человек этот должен быть убит⁸; если (же) для свидетельства (о) ичмене⁹ или¹⁰ серебре он вышел, (то) наказание¹¹ процесса этого он (всякий раз) должен нести¹².

(§ 9—13). Если человек, у которого¹³ нечто¹⁴ пропало¹⁵, нечто свое пропавшее¹⁶ в руке (другого) человека схватит¹⁷, (и) человек, в руках которого¹⁸ пропала была свхвачена¹⁵, скажет¹⁹: «Продавец-мол²⁰ продал мне²¹, перед свидетелями-мол²² я купил», а владелец пропавши скажет¹⁹: «Свидетелей, знающих²³ мою пропажу, я приведу²⁴», (и) покупатель²⁵ продавца, который продал ему², а также свидетелей, перед которыми он купил^{26a}, приведет²⁷, а также владельца пропавши свидетелей, знающих пропажу, приведет, — (то) судьи дело их²⁶ должны рассмотреть²⁹, а свидетели, перед которыми³⁰ покупка была куплена³¹, а также свидетели³², знающие пропажу, что знают³³, перед богом должны рассказать, — (в этом случае) продавец — вор³⁴, должен быть убит⁸; владелец пропавши свою пропажу может взять³⁵; покупатель в доме продавца серебро, которое он отвесил³⁶, может взять³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dīnum* 'суд', 'судебный процесс', 'судебное решение', 'приговор'.
2. *Status constructus* имени абстрактного на *-ūt-um* от *šibum* 'старый', 'старейшина', 'свидетель'.
3. Букв. 'для свидетельства лжи'.
4. Вентивная форма перфектива-юссива (совпадающего с *Praeritium*) от *uṣ* < **ja-uṣī* + союз *-ma*.

5. 'aḫāt 'iḫbū — st. constructus, управляющий придаточным предложением; 'iḫbū — субъюнктив 3-го л. ед. ч. Praeteritum < 'iḫbi'-u.

6. 3-е л. ед. ч. Perfectum от *kuḫ* в породе D. Perfectum здесь выражает последовательность действия.

7. Букв. 'процесс души', т. е. такой, в котором наказанием обвиняемому может быть смертная казнь.

8. 3-е л. ед. ч. Praesens со значением долженствования породе N глагола *dyk*.

9. Дословно 'свидетельство (st. constructus!) ячменя'.

10. 'Или' ('ū < общесем. 'ay, др.-евр. 'ō), но не 'и' ('u < общесем. da, др.-евр. dā).

11. 'Annum 'грех', 'вина' и в переносном смысле 'наказание'. Смысл тот, что за ложный донос полагается то же наказание, которое понес бы ложно обвиненный, если бы доносчик не был разоблачен.

12. 3-е л. ед. ч. Praesens (со значением возможности или долженствования) итеративной породе T + N от *nš* (< *iā-n-ta-na-šši).

13. Дословно 'который, — нечто его пропало'.

14. См. предыдущее примечание.

15. Субъюнктив 3-го л. ед. ч. м. р. статива.

16. Дословно 'нечто его пропавшее' (винительный падеж); *ḫalkum* здесь причастие состояния в status rectus.

17. 'iṣṣabat < *'iṣabat (3-е л. Perfectum).

18. Дословно 'который, — пропажа в руке его'.

19. 'iḫtabī (3-е л. Perfectum, корень *ḫbi*), в подлиннике после прямой речи, являющейся прямым объектом глагола.

20. Причастие *nādin-*+ конкретизирующий суффикс *-ān-*; энклитическая частица *-mī* употребляется для передачи цитированной прямой речи.

21. Дословно 'отдал мне', 3-е л. Praeteritum глагола *ndn*+ косвенно-объектный местоименный суффикс 1-го л.

22. *šibum* 'старый', 'старейшина', 'свидетель'; в первых двух значениях образует множественное число по образцу прилагательных (*šibūtum*), в третьем — в вавилонском диалекте нередко по образцу существительных (*šibū*, косв. пад. *šibi*). Однако, ниже в значении мн. ч. употреблен status constructus ед. ч. *šibi* от *šibum* (мн. ч. было бы **šibū*).

23. Нерегулярно образованное причастие от *īd* 'знать' (*mūdi'um* > *mūdūm* st. constructus ед. ч. — в значении множественного — *mūdi*).

24. Вентивная форма 1-го л. Praesens глагола *ḫbl* со стяжением: *lū* + 'ūbilam > *lūblam*.

25. Образовано по типу «имени профессии» (тип **parrās-*) с конкретизирующим суффиксом *-ān-*.

26. Придаточное предложение вводится с помощью status constructus имени, к которому оно относится. Глагол (в субъюнктиве) от корня *ndn*, в основной породе.

26а. Букв. 'свидетелей (мн. ч., косв. пад.), которые, — перед ними купил'. Глагол (в субъюнктиве) от корня *š'm* в основной породе.

27. Вентивная форма 3-го л. Praeteritum глагола *tbl*.

28. Букв. 'слова // дела их' (косв. пад. мн. ч. ж. р. status pronominalis).

29. 3-е л. мн. ч. Praesens глагола 'mr со значением долженствования.

30. Букв. 'которые, — перед ними'.

31. Субъюнктив 3-го л. Praeteritum породе N глагола *š'm*.

32. Status constructus ед. ч., ср. прим. 22!

33. Дословно 'знание свое' (имя абстрактное на *-ūt-* от *mūdūm* в status pronominalis; *-t-šunu* > *-ssunu*).

34. Status praedicativus (absolutus) «имени профессии» (*šarrāk-um* по типу **parrās-*).

35. 3-е л. Praesens глагола *lk'* (< **lkh*) с значением возможности или долженствования.

36. Ср. прим. 26.

№ 13. Из письма вавилонского (касситского) царя Кадашман-Эллиля египетскому фараону Аменхетену III. Около 1385 г. до н. э. Среднеавилонский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

... [a-nu-um-m]a at-ta ŠES-ja ki-i la na-d[a-ni-im-ma a-]na DUMU.MI-ka a-na a-ḫa-zi ki-i taš-pu-ra-[an-ni] um-ma-a ul-tum pa-na DUMU.MI LUGAL ša^{KUR} Mi-iš-[ri] a-na ma-am-ma ul in-na-ad-di-in am-mi-ni k[a-an-na ta-ka-ab-bi] LUGAL at-ta ki-i ŠA-ka te-ep-[pu-uš] šum-ma ta-at-ta-di-in ma-an-nu mi-na-a i-[ka-ab-bi]... at-ta' ul aḫ-ḫu-ta-a ù ta-bu-ta tu-bē-'i-i-ma ki-i a-na a-ḫa-meš kē-re-bi-ni a-na a-ḫu-za-ti ta-āš-pu-ra ù a-na-ku aš-šum an-ni-ti-im-ma a-na aḫ-ḫu-ti ù ta-bu-ti aš-šum a-na a-ḫa-meš kē-re-bi-ni a-na a-ḫu-za-ti āš-pu-ra-ak-ku ŠES-ja I MÍ la ū-še-bi-la mi-in-di at-ta I MÍ ul tu-še-bi-la a-na-ku ki-i ka-šá-ma-a MÍ lu-uk-la-ak-ku-um-ma la-[a] DUMU.MI meš-ū-a i-ba-āš-šá-a ul a-ka-al-la-a[k-ku].

ТРАНСКРИПЦИЯ

... 'anumma 'atta¹ 'aḫū-ja kī lā nadānim²-ma 'ana mārti-ka 'ana 'aḫāzi³,⁴ kī tašpur-an-ni⁵, ummā: 'aultu pāna⁷ mārāt šarri ša Misri 'ana mamma 'ul 'innaddin⁸; 'ammīni kanna taḫabbi? šarru 'atta, kī libbī-ka⁹ teppu¹⁰; šumma tattadin, mannu minā iḫabbi?... 'atta 'ul 'aḫḫūti¹¹ 'u ḫābūti¹² tube'ī-ma¹³? kī 'ana 'aḫāmeš kerēbī-ni¹⁴ 'ana 'aḫūzati¹⁵ taš-pura 'u 'anāku 'aššum 'annitīm-ma 'ana 'aḫḫūti 'u ḫābūti 'aššum 'ana 'aḫāmeš kerēbī-ni 'ana 'aḫūzati¹⁵ 'ašpur-ak-ku¹⁶; 'aḫū-ja ištēt (?) sinništa lā 'ušēbila¹³; mindī 'atta 'ištēt (?) sinništa 'ul tušēbila, 'anāku, kī kāša-mā¹⁸, sinništa luklakum¹⁹-mā? lā, mārātū'a 'ibaššā²⁰, 'ul 'akall(ā)-ak-ku²¹.

ПЕРЕВОД

... [Теперь] о тебе¹, брат мой, относительно того, чтобы не давать² твою дочь³ замуж⁴, как ты мне писал⁵, (говоря) так⁶: «Издразил⁷ дочь царя Египта никому не отдается (замуж)⁸; почему так ты говоришь? Царь ты, по твоему желанию⁹ посту[паешь]¹⁰: если бы ты отдал, кто (бы) что [сказал]? ... (разве) ты не братство¹¹ и дружбу¹² искал¹³? И, чтобы нам друг с другом породниться¹⁴, относительно жены¹⁵ ты писал. (Вот) и я из-за этого же, относительно братства и дружбы, из-за того, чтобы нам друг с другом породниться, относительно жены¹⁵ писал тебе¹⁶; брат мой (ни) одной женщины не прислал мне¹⁷; может быть, (поскольку) ты (ни) одной женщины не прислал мне, я, подобно тебе же¹⁸, женщину захочу задержать для тебя¹⁹? Нет, дочери мои имеются²⁰, я не задержу (их) для тебя!»²¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Букв.: 'теперь же ты, ... как ты мне писал', и т. п.
2. Букв. 'которое не давания'.
3. Вместо обычной конструкции 'ana mārti-ka 'aḫāzi, дословно 'для дочери твоей взятая'. В такой конструкции предлог 'ana управ-

ляет инфинитивом 'ahāzu, который имеет глагольное управление прямым объектом mārat-ka; но поскольку инфинитив в данном случае сам управляет предлогом 'ana, стоящим перед словом mārtu, возникает мнимое управление 'ana mārti. Второе 'ana перед 'ahāzi употреблено плеонастически.

4. 'ahāzu 'брат' имеет также значение 'брат замуж'.

5. Вентивная форма + объектный местоименный суффикс 1-го л. (В данный период этот суффикс употребляется только с вентивной формой).

6. Частица, вводящая прямую речь.

7. Букв. 'от перед', 'от прежде'; -m в ul-tum — псевдоисторическое написание (ultu < istu).

8. 3-е л. м./ж. р. Praesens породы N.

9. Дословно 'согласно сердцу твоему'.

10. 2-е л. м. р. Praesens глагола 'pš ('ēpriš, 'erpriš в м. прежнего 'ēpriš, 'erpeš).

11. 'ahhūtu имя абстрактное от ahhū 'братья'. Долгота конечного гласного — от переноса ударения в связи с вопросительной интонацией.

12. Букв. 'добра', 'доброжелательства'.

13. 2-е л. м. р. Praeteritum породы D (обратить внимание на средне-вавилонскую форму tube'ī < tuba'ī).

14. Дословно 'для друг к другу (ana 'ahāmeš) приближения нашего' (-ni < -nu); kerēbu — инфинитив.

15. 'ahūzatu (среднеасс. 'ahūzutu), ж. р. от образования типа *ragūs- со значением, соответствующим номинализованному стативному причастию: 'взятая (замуж)'; означает 'первая жена'.

16. 1-е л. Praeteritum, вентивная форма + косвенно-объектный местоименный суффикс 2-го л.

17. Praeteritum породы S от pbl.

18. kāša-mā — личное косвенно-объектное самостоятельное местоимение 2-го л. м. р. + подчеркивающее -ma с вопросительной интонацией, вызывающей долготу гласного.

19. Praesens в вентивной форме с косвенно-объектным суффиксом 2-го л. м. р., из lu + ('a-)klā-(a)m-kum, корень kl'.

20. 3-е л. мн. ч. ж. р. Praesens от bsi ('ibaššā < 'ibaššā'ā).

21. 1-е л. Praesens от kl'.

№ 14. Из вавилонского космогонического эпоса «Энума элиш». Текст конца II тысячелетия до н. э. в записи I тысячелетия. Младовавилонский литературный язык (эпический жанровый диалект), сильно окрашенный особенностями нововавилонского диалекта.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

e-nu-ma e-liš la na-bu-ū šā-ma-mu
šap-liš am-ma-tum šu-ma la zak-rat

AB.ZU-ma reš-tu-ū za-ru-šu-un

Mu-um-mu Ti-amat mu-al-li-da-at gim-ri-šu-un
Ameš-šu-nu iš-te-ni-iš i-hi-ku-ū-ma

gi-pa-ra la ki-iš-šu-ra šu-ša-a la še-u-ū

e-nu-ma DINGIR DINGIR la šu-pu-u ma-na-ma
šu-ma la zuk-ku-ru ši-ma-tu la ši-i-ma

ib-ba-nu-ū-ma DINGIR.DINGIR ké-reb-šu-un
dLaḥ-mu dLa-ḥa-mu uš-ta-pu-ū šu-mi iz-zak-ru

ТРАНСКРИПЦИЯ

[enūma 'eliš lā nabū¹ šamamu²,
šapliš 'ammatu³ šuma⁴ lā zakrat⁵,
Apsū-ma reštū⁶ zārū-šun⁷
Mummu, Ti'amat⁸ mu'allidat⁹ gimri¹⁰-šun
mē-šunu 'istēnīš 'ihikū¹¹-ma
gipāra¹² la kiššuru¹³, šušā lā še'ū,
'enūma 'ilī lā šūpū¹⁴ mana(m)ma,
šuma lā zukkuru¹⁵ šimātu lā šimā¹⁶
'ibbanū-ma¹⁷ ilī kereb-šun
Laḥmu, Laḥmu 'uštāpū¹⁸, šumt' izzakrū¹⁹.

ПЕРЕВОД

Когда вверху не были наименованы¹ небеса²,
Внизу суша³ именем⁴ не была названа⁵,
Лишь Апсу, первый⁶ их родитель⁷,
Мумму, Ти'амат⁸, родившая⁹ всех¹⁰ их
Воды свои воедино смешивали¹¹,
Тростниковая отмель¹² не собралась¹³, камыш не находили,
Когда боги — не сиял¹⁴ (из них) никто,
Именем¹⁵ не назывались¹⁶, судьбы не судились, —
(Тогда) создались¹⁷ боги среди них,
Лахму, Лахаму воссияли¹⁸, имена назвались¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Субъектив 3-е л. мн. ч. статива от nb' 'звать, называть'.
2. Нерегулярная (поэтическая) форма мн. ч. вместо обычного šamū.
3. Мимазия в порядке исторического написания.
4. Прямой объект при стативе характерен для позднего поэтического языка (по-русски переводится творительным).
5. Форма 3-го л. ж. р. статива субъективного окончания не принимает.
6. Своеобразная форма относительного прилагательного (на *-t-i-ju) от rešū 'голова', 'начало'.
7. zārū < *zāri'-um — активное причастие от zr' 'сеять', 'зачинать'.
8. Божество первичных мировых вод.
9. Активное причастие ж. р. породы D от uld в st. constructus.
10. Букв. 'совокупности их'.
11. 3-е л. мн. ч., Praeteritum, корень hik.
12. Из шум. giq-par 'отмель, образующаяся из отмерших тростников; род святилища или покоя в жилом доме'.
13. По смыслу здесь (и ср. ниже šušā, šuma) ожидался бы именительный падеж. Ошибка позднего языка, или все же прямой объект к стативу?
14. Субъектив 3-го л. м. р. статива породы T (< ki-t-šur + u).
15. Субъектив 3-го л. м. р. статива породы S, корень pḥ.
16. Статив глагола šim, 3-е л. ж. р. мн. ч. (поэтому без субъектива).
17. 3-е л. мн. ч. Praeteritum породы N.
18. 3-е л. мн. ч. Perfectum породы S. Глагол не имеет основной породы.
19. 3-е л. мн. ч. Perfectum основной породы (< 'i-z-ta-kr-ū), корень zkr.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

ᵐRi-mut-ᵃNIN.URTA A ša ᵐMu-ra-šu-ú šá a-na ᵐᵃNIN.URTA.AD. ŠEŠ A šá ᵐEN-šú-nu u ᵐIs-ku-ti-ik-ku LÚERÈ šá ᵐGi-ir-tú-na-a' E-ú um-ma ŠE.NUMUN zaḳ-pu u É bi-iš-tum ša ina É LÚGAL ú-ra-a-tú šá ina GÚ ID Ḥar-ri-pi-ku-du É maš-ka-nu-i-ni šá a-ki-i KUŠ ši-piš-tum šá ᵐAr-ba-ri-me a-na G. SIM-na ŠE.NUMUN u E.MUmeš šá ina ŠAᵇi ab-ta-ba-lu EGIRmeš U₄mu.meš ina ŠUDual-ia ub-ta-a' ár-ku ᵐᵃN. u ᵐI. E-ú a-ni-ni pu-ut la DI.TAR u la ra-ga-mu šá ᵐA. LÚDUMU É LÚDUMU Émeš-šú LÚERÈmeš-šú u LÚpaḳ-du šá ᵐA. šá a-na muḫ-ḫi ŠE.NUMUN u É MUmeš it-ti ᵐR. i-rag-gu-mu-u' ... na-šu-ú.

ТРАНСКРИПЦИЯ

(примерная: произношение нововавилонского диалекта не ясно)

[Rimut-(N)inuštᵃ1 mār2 ša Murašú ša an(a) (N)inušt-ab-ušur mār ša Bēl-šun u Iškutikk(ə) arad ša Girtunā ikḫᵃ3, umma: ᵐmēreš4 zaḳ(a)ᵇ5 u bīt biš(a)ᶜ6 ša in(a) bīt7 rab ūrāt ša in(a) kišād Ḥarri-piḳud bīt maš-kanin(ə)8 ša aki ši-pišt(ə)9 ša Arbarim an(a) G. nad(a)n10, mēreš u bīt šuwāt11 ša ina libbā12 aḫtabal(ə)13 arkāt ūwā(?)14 in(a)15 kātē-i(a) ubta16; arkᵃ17 N. u I. ikḫe (или ikḫu): ᵐanin puṭ18 lā din u lā ragām19 ša A. mār-bīt20 mār-bītāti-š21 arḏān(i)-š u paḳd(ə) ša A. ša an(a) muḫḫᵃ mēreš(?) u bīt šuwāt itt(ə) R. iraggumu ... našu (или naša)22].

ПЕРЕВОД

P.1, сын2 M., который H., сыну B. и И., рабу Гиртуны, сказал3 вот что: «Поле4 насажденное5 и дом плохой6, которые в имени7 начальника конюшен, что на берегу (канала) X., — наш заклад8, который, согласно распоряжению9 A., Гиртуне отдан10, — поле и дом этот11, (за) который там12 я задолжал (?)13, наконец14, из15 моих рук заберите16». Потом17 H. и И. сказали: «Мы ответственность18 (за) отсутствие процесса и иска19 (со стороны) A., придворного20, его приближенных21, его рабов и управляющего A., который относительно поля и дома этого против P. может быть предьявлен ... несем22».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Имя бога Нинурта произносилось в нововавилонский период, по-видимому, Inušt(a)ᶜ или Inuštᵃ (-ri- > -št-), по-арамейски 'nwšt.
2. На самом деле — член купеческого рода M.
3. Написание E-ú соответствует мн. ч. *ikḫū, хотя ожидается единственное. Дело, очевидно, в том, что формы единственного и множественного числа, как видно, совпали в ikḫᵃ, отсюда ошибочное написание. В дальнейшем возможна и форма *ikḫᵃ.
4. Гетерограмма означает, собственно, 'посев'; mērešum 'обработанное место' < *ma-ḫrat-um по типу *ma-pras- (имя места).
5. Причастие состояния: *zaḳipum > zaḳru > *zakr > zaḳarḫ или zaḳrḫ (может быть zaḳipḫ?).
6. Арамеизм (арам. bištā). Обратит внимание на псевдоисторическое написание с мимацией! (ср. ниже ši-piš-tum).
7. Букв. 'в доме'.
8. Maškanu 'заклад' произносилось maškan; при присоединении местоименного суффикса -n (< -nu) требовался облегчительный гласный, отсюда странное написание maš-ka-n(u)-i-n(i).

9. Šipišt(ə) или ši-pišt < šipirtu, от špr 'посылать', 'приказывать'. Детерминатив KUŠ относится к кожаным предметам: распоряжение было писано по-арамейски на пергамене.

10. Написание SIM-na соответствует nadna(m), т. е. 3-е л. м. р. ед. ч. в вентиве, однако произносилось, вероятно, только nadn(ə) или nad(a)n (или же nadin?). И. (Искутик) — раб (или служащий) Гиртуны, а тот служит A. (Арбариму). Имена несемитские.

11. Идеограмма MUmeš означает 'имена', читать šumāti, в позднеавилонском šuwāt. Здесь употреблена для местоимения šuwāt < šu'ātu.

12. Букв. 'в середине', 'в сердце'.

13. Perfectum, субъюнктив.

14. Из (ḫ)arkāt 'āmī 'последующие (времена) дней'. Гетерограмма U₄ (= акк. ūmu 'день') с неправильным фонетическим комплекментом -tu (так как требовалось бы -mī!). Читать ūw(ə)?

15. Букв. 'в'.

16. Из ubbitā, императив породы D во мн. ч. ж. р.; обратит внимание на знак -a', указывающий на сохранение гласного -a на конце (-a < -ā, следовательно не вентивная форма ubbita < ubbitam!).

17. Написание ár-ku (чит. [ark(ə)]) < arki < 'arkī < ḫarkī).

18. Букв. 'лоб'.

19. Дословно 'ответственность (лоб) не-процесса и не-иска'. Имеется в виду гарантия того, что имущество не обременено сторонним иском.

20. Mār-bīt(i) 'сын дома' — видимо, здесь перевод др.-иран. vis-pudra 'сын рода' → 'родич, приближенный (царя)'.

21. Mār-bīt рассматривается как одно понятие, поэтому мн. ч. mār-bītāt(i), что, конечно, означает 'сыновья дома', а не 'сын домов'!

22. 3-е л. мн. ч. статива.

№ 16. Посвятительная надпись на позднеавилонском диалекте греческим письмом. II—I в. до н. э. (с сокращениями).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

σα Βηλιχος μαρ σα Θ[οδο]βαν σα Βη[λλ]σον: ... Ναβουριωαν: ρη: ωει ορηυ [βαλ]ατ [ο:ο] σαλα[μ] οζον ραφαθ σο[λοβορ] ωει ... [τοφ]σαρουθ: ομ[αν...]

ТРАНСКРИПЦИЯ1

ša Bēl-iḫuš mar ša Tutubān2 ša Bē[l]šun... Nabūriwan3 rē4 ūwī5 urrikḫ6, [bal]āt [u] šalā[w/m] uzun rapašit7 šu[ḫur]8 ūwī ... [tu]ḫsarrūt9 um-[mān...]

ПЕРЕВОД

Бел-йпуша, сына Тутубани2, Б[л]шуну... (и) Набурйманни3, пастыря4, дни5 продли6, [жизн]ь [и] благополучие, мудрость7, дол[готу]8 дней... [писц]овое искусство9 маст[еров(?)] даруй... [что они на]писали10, да не прея[дет]11.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В транскрипции мы не передаем переход u > o, так как неясно, является ли это особенностью самого позднеавилонского диалекта аккадского языка или попыткой передать средствами греческой графики открытое u, отличное от греч. u = закрытого u или ū.

2. Имя собственное '(бог) Туту — создающий'; *bān* < *bāni-*, причастие глагола **bn*i.

3. *Nabū-rīwan* < **Nabi'um-rim-am + ni*, имя собственное '(бог) Набу, помилуй меня'. Обрати внимание: *Nabū* < **Nabi'um* = *Naβu-*, а также *išturū* = [iσ]тороу, но *ūwī* < *ūmī* < **iurmi* = ωε [ō(w)i]. В других греческих и древнееврейских передачах имя *Nabū* передается по-разному: *Nābō*, *Nābū-*, *Naβu-*, *Laβu-* и т. д. По мнению В. К. Шилейко, долгие *ū*, *i*, возникшие из среднеавилонского стяжения гласных, а также *ū*, *i*, возникшие при отпадении конечного согласного дали в данном тексте ω, η [ō, ē], но в остальных случаях *ū*, *i* > ω, ε [ū, i]; краткие *u*, *i* всегда > o, i [o, i].

4. *rē* < *rē'ū* < **rā'i'um*, причастие глагола **r'* 'пасти'.

5. Ср. примечание 3. Сохранение конечной долготы в *ūwī*, *išturū* объясняется, может быть, торжественной дикцией.

6. Императив породы D от глагола **rk* 'быть долгим'.

7. Букв. 'ухо широкое', *'uznu(m) rapaštu(m)*. Слово *'uzn-* 'ухо' — женского рода.

8. Инфинитив породы S глагола **ibr* 'быть старым'. Беглый гласный между *l* (или *n*) и другим согласным, а также между двумя взрывными, характерен для позднеавилонского (и отчасти новоассирийского) произношения.

9. Имя абстрактное на *-ūt-* от *d/ṭupšarru(m)* 'писец' из шум. *dub-sar* 'табличку пишущий'.

10. Долгота окончания указывает на то, что перед нами 3-е л. мн. ч., а не субъюнктив 3-го л. ед. ч.

11. Ветитив глагола **ik* 'проходить мимо'.

(III. Ассирийские)

№ 17. Из протокола судебного процесса. Ассирийская колония Канес в Малой Азии, XIX в. до н. э. Староассирийский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

A-šur-na-da ù *Zu-uš-kà-na* a-na *Zu-uš-kà* ù *U-zu-a* DUMU *Li-pá-a* *iš-bu-tū-ni-a-ti-ma* *U-zu-a* *pa-ša-ab* um-ma *A-šur-na-da-ma* *ū-nu-ti* *ša-a-na* *na-ab-ši-im* a-ši-ti a-mu-ti-ki *ša-zu-ūz-ti-a* ù *ku-a-ti* ta-dī-nu *dī-nim* um-ma *Zu-uš-kà-ma* ke-na *ū-nu-ut-ka* ma-la a-ša-at-ka ta-di-na-ni i-ba-ši *šu-ma* i-na *ū-nu-tim* *ša* ta-di-na-ni *mī-ma* *lā-šu* 12ta.a *lā-di-na-kum* a-ša-at-kà I GÍN KÙ.BABBAR a-ši-ip-tim *iš-ti-a* tal-ké-ma *ū-nu-ut-kà* aš-ba-at-ma a-ḥa-ma I GÍN KÙ.BABBAR *ša-ni-a-am* a-ti-ši-ra-ma *ká-ta-pá-am* a-ša-pár-tim ta-dī-a-am KÙ.BABBAR *lu* ta-dī-nam-ma ù *ū-nu-ut-kà* le-ké.

ТРАНСКРИПЦИЯ

'*Aššur-na'da*¹ 'u *Zuškāna(?)*² 'ana *Zuška(?)*³ 'u 'Uzū'a³ mera *Lipā* 'išbutū-ni'āti⁴-ma, 'Uzū'a pašab⁵. 'Ummā 'Aššur-na'da-ma: a'unūt-i, ša'ana nabši'im⁶ 'aššit-i' am-mu-ti-ki⁸, šazzuzti-ia⁹, 'u ku'ātu taddinu¹⁰, dī-nim¹¹ 'Ummā *Zuška-ma*: «*Kēnā*¹², 'unūt-ka mala¹³ 'aššat-ka taddin-an-ni¹⁴, 'ibašši¹⁵; šummd 'ina 'unūtīm, ša taddinannī, mimma laššu, šin-šera(?) laddin-ak-kum¹⁶; 'aššat-ka 'ištēn mišil šiklim¹⁷ kaspat¹⁸ 'aš-sip-tim¹⁹ 'išti-ja tal-kē-ma 'unūt-ka 'ašbat-ma 'aḥa-ma ištēn mišil šiklim kas-pat šanī'am 'ātiššir-am²⁰-ma kātāpam²¹ 'aš-šapartim²² taddi-am; kaspat lū²³ taddin-am-ma 'u 'unūt-ka le-kē».

ПЕРЕВОД

Ашшур-на'да¹ и Зушкана² против Зушки³ и Узуи³, сына Липы, взяли нас⁴ (в судьи), и (при этом) Узуа присутствовал⁵. Вот что (сказал) Ашшур-на'да: «Мою утварь, что во владение(?)⁶ моя жена⁷ мужу твоему⁸, моему представителю⁹, и тебе отдала¹⁰, — отдай (эту утварь) мне¹¹!» Вот что (сказала) Зушка: «Да¹², твои вещи, сколько¹³ твоя жена отдала мне¹⁴, имеются¹⁵; если в (числе) утвари, что она отдала мне, чего-либо нет, двенадцатикратно пусть я отдам тебе¹⁶: твоя жена полтора сикля¹⁷ серебра¹⁸ под процент¹⁹ у меня заняла и (поэтому) утварь твою я взяла, и кроме того полтора сикля серебра другого я сохраняла²⁰, и (поэтому) урожай (винограда)²¹ в залог²² она положила мне; серебро пусть²³ ты отдашь мне и утварь твою бери».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имя собственное, означает '(бог) Ашшур — славен'; старая форма status praedicativus на *-a*.
2. Несемитское имя собственное жены Ашшур-на'да, чтение ненадежное (*Zuškāna*, *Zušgana*, *Suškāna*, *Suskāna* и т. п.).
3. Несемитские имена женщины (*Zu-uš-kā*) и мужчины (*U-zu-a*), чтение ненадежное (см. прим. 2).
4. Вав. 'išbatū-ni'āti, Praeteritum класса *a*.
5. Собственно 'сел и оставался сидящим' (статив с огласовкой *a* от *utb* 'сидеть'). Присутствие мужа Зушки на процессе необходимо, так как, будучи женщиной, она сама по себе неспособна.
6. *nabši'um* < **ma-bšij-um*, отглагольное имя типа **mapris-* от глагола **bšj* 'быть', род. пад.
7. Ассимиляция гласного *a* под влиянием *i*, вав. 'aššatī.
8. Из 'an(a) *muti-ki* (так в вавилонском диалекте).
9. Форма женского рода с абстрактным значением от инфинитива — стативного причастия породы S глагола *zuz/nzz* 'стоять', 'служить', — собственно, 'то, что заставлено стоять (служить)'. Ассирийская диалектная форма (вав. **šuzzuztum*).
10. Субъюнктив на *-u* от 3-го л. ж. р. Praeteritum (вав. *iddinu*). В староассирийском диалекте «ассирийский субъюнктив» *-ni* нередко плеонастически не ставится, если глагольная форма уже имеет показатель субъюнктива *-u*.
11. Императив 2-го л. ж. р. глагола *ndn* + косвенно-объектный местоименный суффикс 1-го л. ед. ч. (вав. *idni-m*).
12. По форме — 3-е л. ж. р. мн. ч. от статива глагола *kun* 'быть верным': '(эти речи) верны'.
13. Из st. constructus имени **malā'um* 'полнота'.
14. Ветитив + местоименный объектный суффикс *-ni*.
15. Обрати внимание на согласование! *Unūtu* — женского рода, но не является существом женского пола, поэтому согласуется по мужскому роду.
16. 1-е л. Praecativus, ветитив + местоименный косвенно-объектный суффикс (вав. *luddin-ak-kum*).
17. Мера веса.
18. Обрати внимание на управление: букв. 'полтора сикля, серебро (вин. пад.)'.
19. Из 'an(a) *šiptim* (так в вавилонском диалекте). *Šiptum* — масдар от *šp* 'прибавлять'.
20. Графика двусмысленная: это 1-е л. Praeteritum породы T + N ('постоянно сохраняла', 'atiššir < **a'-tan-šir*) — огласовка последнего слога по классу *i*. Это могла бы быть порода T (или Perfectum по-

роды G), *'atišir* < **'a'-ta-šir* с ассимиляцией гласного *a* гласному *i*; но тогда ожидалось бы стяжение: **'a'-ta-šir-am* > **'attišram*.

21. Инфинитив от глагола *kip* 'собирать урожай винограда'.

22. Из **an(a) šarartim*.

23. Так как от 2-го л. Praesens не образуется, то здесь его функцию исполняет юссив (Praeteritum) с пожелательной частицей *lū*.

№ 18. Из ассирийских законов. Ашшур, XV (?) в. до н. э. (запись XII в.). Среднеассирийский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

šum-ma DAMat LÚ i-na pa-ni mu-ti-ša ra-ma-an-ša tal-ta-da-ad lu-ú i-na ké-reb URU am-mi-e-em-ma lu-ú i-na URU^{dli} kur-bu-ú-te a-šar É ud-du-ši-i-ni a-na É áš-šu-ra-ja-e te-ta-rab iš-tu NIN É ú-us-bat 3-šu 4-šu be-da-at EN É ki-i DAMat LÚ i-na É-šu [us-]bu-tu-ú-ni la-a i-di i[-na ur-ki]i-it-te MÍ ši-i ta-at-ta-aš-ba-at EN É ša DAM-su [i-na pa-]ni-šu ra-ma-an-ša [ta-al-du-]du-ú-ni DAM-su... i-lak-ké DAMat LÚ ša DAM-su il-te-ša us-bu-tu-ni uz-né-ša ú-na-ku-su ha-di-šu mu-us-sa 3 GUN 30 MA.NA AN.NA SÁM-ša i-id-dan ú ha-di-ma DAM-su i-lak-ké-ú...

šum-ma MÍ ša mu-us-sa me-tu-ú-ni mu-us-sa i-na mu-a-te iš-tu É-šu la-a tu-ú-uš-ša šum-ma mu-sa mim-ma la-a il-šu-ra-áš-še i-na É DUMUmeš-ša a-šar pa-ni-ša-a-ni tu-uš-ša-ab DUMUmeš mu-ti-ša ú-ša-ku-lu-ú-ši ú-kul-la-a-ša ú ma-al-ti-sa ki-i kal-le-te ša-a i-ra-'u-mu-ši-ni i-ra-ak-ku-su-né-eš-še

ТРАНСКРИПЦИЯ

šumma 'aššat 'amēle¹ 'ina pāni mutt-ša raman-ša² taltadad³, lū 'ina kereb 'āle 'ammi'em-ma⁴ lū 'ina 'ālāni kurbūte, 'ašar bēta⁵ 'uddū-ši-ni⁶, 'ana bējit 'aššurāje⁷ tētarab, 'ištu⁸ bēlet bēte 'usbat, šalš-šu 'arba't-šu bēdat⁹, bēl bēte kī 'aššat 'amēle 'ina bētt-šu 'usbutū-ni¹⁰ lā 'idī¹¹, 'ina 'urki(t)tel¹² sinništu šī tattasbat¹³, bēl bēte, ša 'ašassu¹⁴ 'ina pāni-šu raman-ša taldudū-ni, 'aššassu... 'ilakḫē¹⁵; 'aššat 'amēle, ša 'aššassu 'iltē-ša¹⁶ 'usbutū-ni, 'uznē-ša¹⁷ 'unakkusu¹⁸; hađt-ma¹⁹ mussa šalāš bilāt šalšā manē²⁰ anneke²¹, šīm-ša, 'iddan, 'u hađt-ma 'aššassu 'ilakḫe'ū²²... šumma sinništu, ša mussa²³ mētū-ni²⁴, mussa 'ina mu'āte²⁵ 'ištu bētt-ša lā tuššā²⁶, šumma mussa mimma²⁷ lā 'ilturaš-še²⁸, 'ina bēt mārē-ša, 'ašar pānū-šā-ni²⁹, tuššab³⁰; mārē mutt-ša³¹ 'ušākulū-ši³², 'ukullā-ša 'u maltišsa³³ kī kallete³⁴ šā 'ira'umū-ši-ni³⁵ 'irakkusū-neš-še³⁶.

ПЕРЕВОД

Если жена человека¹ от мужа своего себя² скроет³, — либо внутри поселения того же⁴, либо в поселениях ближних, где дом⁵ ей дадут знать⁶, — (и) в дом ассирийца (ассирийского гражданина)⁷ войдет, вместе с⁸ хозяйкой дома пребудет, трижды-четырежды переночует⁹, (а) хозяин дома (о том), что жена человека в доме его живет¹⁰, не знает¹¹, (но) впоследствии¹² женщина эта будет схвачена¹³, — (то) хозяин дома (т. е. муж беглянки), чья жена¹⁴ от него себя скрыла, жену свою... муж (должен) забрать¹⁵; (а) жене человека, у которой¹⁶ она жила, уши¹⁷ должны отрубить¹⁸; (если) желает¹⁹, муж ее 3 таланта 30 мин²⁰ олова⁴¹, цену ее, отдаст, а желает — жену его заберут²²...

Если женщина, муж которой²³ умер²⁴, когда умер ее муж²⁵, из дома своего не вышла²⁶, (то) если муж ее ничего²⁷ не отписал ей²⁸, (то) в доме

своих сыновей, где хочет²⁹, может (должна) жить³⁰; сыновья мужа ее³¹ должны кормить ее³², корм ее и пить ее³³ как (корм и питье) невестки³⁴, которую они любят³⁵, они должны установить ей по договору³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Окончание род. пад. -e здесь и ниже — из -im. Вместо 'amēle, возможно, надо читать 'awile, 'a(')ile.

2. Букв. 'свою сущность', 'свое тело' (асс. *ramanu, ramnu*, вав. *ramānu*).

3. Букв. 'утащит' (*šdd*, 3-е л. ж. р. Perfectum породы G, -št->-lt-. (Употребление Perfectum, может быть, выражает, что передаваемое действие — результат какого-то иного действия или ситуации).

4. Сохранение мимации из-за энклитики -ma.

5. Асс. *bētu* (и *bitu*), вав. только *bitu* < **baṭṭum*.

6. Субъюнктив 3-го л. мн. ч. Praeteritum породы D от *id'//ud'* 'знать' + местоименный объектный суффикс 3-го л. ж. р. + «ассирийский субъюнктив».

7. Не-ассирийцы ассирийскому суду не подсудны.

8. 'Ištu — контаминация с предлогом 'išti, -št- не дало -lt- — историческое написание?

9. Дословно 'переночевала и продолжает ночевать' — статив от *bid*.

10. «Ассирийский субъюнктив» с ассимиляцией гласного *a* гласному *u* [*'usbat* < **uāt(i)bat*].

11. Praeteritum от *id'*.

12. 'urkitu < urkitu 'последующая (пора)'.

13. Perfectum, 3-го л. ж. р. породы N. Ср. прим. 3.

14. Дословно 'который, — жена его'.

15. Praesens со значением возможности или долженствования.

16. 'Iltē-ša < 'išti-ša.

17. 'uznē — косв. пад. дв. ч. Весь оборот дословно означает: 'жена человека, которая, — жена его у нее жила (т. е. у которой та жила), — уши ее должны отрубить'.

18. Ассимиляция гласного *a* гласному *u* (ед. ч. 'unakkas). В аналогичных текстах встречается паузальная (?) форма *unak'kās*.

19. *hađi* — status praedicativus причастия состояния от *hđr* 'радоваться', т. е. '(если) радуется', '(если) доволен (этим)'. *Ha-di-šu* — описка вместо *ha-di-ma* (?).

20. Меры веса.

21. Вав. 'annaki (из шум.).

22. Мн. ч. Praesens выражает безличную форму. Корень **lkḫ*.

23. Букв. 'которая, — муж ее'.

24. «Ассирийский субъюнктив» статива (с -ū перед -ni по аналогии с формами субъюнктива Praeteritum и Praesens: староасс. *mēt-ni*).

25. Дословно 'в (при) умирании (инфинитив от *mtt*) мужа ее'.

26. 3-е л. ж. р. Praesens с вентивом от *uš'* (незаконченное действие!). Возможно, чит. *tu'uššā*

27. Букв. 'чего-нибудь'.

28. Из 'ištur-am-šim (вентивная форма Praeteritum + косвенно-объектный местоименный суффикс).

29. Дословно 'именно (-ma) где лицо ее' ('ašar — st. constructus от 'ašru 'место').

30. 3-е л. ж. р. Praesens от *ušb* < **ušt*.

31. Т. е. и ее собственные и неродные (дети мужа от другой жены или от наложниц).

32. 3-е л. м. р. мн. ч. Praesens породы S в значении долженствования с ассимиляцией гласного *a* гласному *u*.

33. Из *maštit + ša; maštitu* — отглагольное имя типа *mapra/is-t-* от *šti* 'пить'.

34. Род. пад. (с ассимиляцией $a > e$) от *kallatu* (также *kallātu*) 'невеста', 'невестка'.

35. Праесенс породы G (<'ira'amū) + объектный местоименный суффикс + «ассирийский субъюнктив».

36. Букв. 'свяжут ей'; *rks* 'связывать' имеет также значение 'улаживаться договором'; вентивная форма («для себя») + косвенно-объектный местоименный суффикс *-še <-šim*.

№ 19. Из письма чиновника к царевичу Ашшурбанапалу. Около 670 г. до н. э. Новоассирийский диалект.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

dul-lu šā URUTar-bi-ši/e šā e-pu-šū[-u-ni] šarru AD-ka e-ta-mar at-ta-aḫ-[ra(?)] *e-ta-pa-aš mu-uk šū-mi ina pa-an EN-[ia] lu-u de-e-iḫ ū-ma-a LUDUB.SAR šā AD-ū-a a-na ma-né-e ša dul-li/e ana ŠUdual LÚšak-ru-te ip-ḫi-du-u-ni ū LÚA.SIG šā AD-ia ša ina MUḪ <dul>-le pa-ḫu-du-u-ni ḫa-an-ni iš-mu-u-ni ma-a LUDUB.SAR pa-ḫi-id dul-lu it-ta-šu ur-ta-am-me u iḫ-tal-ḫ [u issi] KUBABBAR šā re-eḫ-te dul-li/e...*

ТРАНСКРИПЦИЯ

dullə ša Tarbiši/e¹, ša ēpušū-ni² šarrə abū-ka, ētamar³, attahra(?)⁴, ētapas⁵, muk⁵: «šumi⁶ ina pān bēli-ja lū de'ik⁷»; ūmā tupšarrə, ša abū'a ana manē⁸ ša dulli/e, — ana kātē šakrūte⁹, — ipḫidū-ni¹⁰, u mar šipri/e ša abī-ja ša ina muḫḫi <dul> li/e paḫkudū-ni¹¹ ḫanni išmū-ni, mā¹²: «tupšarrə pāḫid dullə¹³ ittaššə¹⁴ urtamme¹⁵ u iḫtalku issi¹⁶ kaspi/e ša reḫte¹⁷ dulli/e...»

ПЕРЕВОД

Работу (города) Тарбицу¹, которую сделал² царь, отец твой, я посмотрел³ (и) принял⁴ и стал делать⁵, (говоря)⁵: «Имя мое⁶ перед господином моим да будет добрым⁷»; (а) теперь писец, которого мой отец на подсчет⁸ работы, — в руки пьяниц⁹ — поставил¹⁰, а также гонец отца моего, который над работой был поставлен заведовать¹¹, — (то, что) соседи (?) слышали (о них), вот¹²: «Писец, заведующий работой¹³, ушел¹⁴, (все) бросил¹⁵, и они бежали вместе¹⁶ с серебром (для) остальной¹⁷ работы...»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Город в Ассирии, ныне городище Шериф-хан. Не совсем ясно, следует ли окончание родительного падежа читать как *-i*, или как *-e* (ср. среднеассирийский!). Однако, оно отличалось от окончания именительного и винительного падежа *-ə(?)*, графически *-u*.

2. Ассирийский субъюнктив. М. б. лучше Праес. *erpušū-ni* 'делает'.

3. Perfectum, выражающий совершенный вид.

4. Вентивная форма Perfectum, из **amtahr-a(m)*; вав. *amdaḫra*.

5. Частица, вводящая прямую речь 1-го лица.

6. *šumi <šum-i*.

7. *De'ik* — статив глагола *dmk* 'быть хорошим, добрым' (*damik > *dawik > *da'ik > de'ik*). Подтвердительная частица *lū* перед стативом имеет пожелательное значение: 'воистину пусть будет и останется добрым'.

8. Инфинитив глагола *mū* 'считать' в род. пад.

9. Эмоциональный вводный обстоятельственный оборот.

10. Букв. 'поручил', 'поставил заведовать'.

11. *paḫkud* (вав. *paḫkud*) — статив каузативной породы D от *pkd* 'поручать'.

12. Частица, вводящая прямую речь третьих лиц.

13. *Dullu* (чит. *dullə?*) ошибочно вместо род. пад. *dulle*.

14. Корень *ḫš'* порода T, Perf. (?) *ittaššə <*i-ḫ-t-t-šī (-u, читать -ə, ошибочно вместо -i)*.

15. Букв. 'оставил лежать открытым', Perf.

16. *issi <išti*.

17. Букв. 'с серебром остатка работы'.

УГАРИТСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 20. Частное письмо. XIV в. до н. э.¹

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

thm · 'iwrzr(?) / l'iw(?)rphn / brj 2 · 'abj 3 · rgm 4 / 'ilm · tgrk 5 / tšlmk // 'ikj 6 · lht 7 / spr · dl'ikt 8 / 'm · trjl / mhj 9 · r(?)gmt / wht 10 · 'abj / bnj · js'al 11 / trjl · prgm 12, 13 / lmk · šmj . . . / wh(?)[t](?) 'abj / bnj · js'al / trjl · wrgm(?) / ttb 14 · l'ahk / l'adnk 15

ПЕРЕВОД

Слово Эврижарры: Эври... сыну моему², брату моему³ скажи⁴: боги да сохранят тебя⁵, да сделают тебя благополучным! Я прочел (?)⁶ таблетки⁷ письма, которые ты послал⁸ с Trjl'ом, — что это (?)⁹ ты говоришь? И вот¹⁰, брат мой, сын мой пусть спросит¹¹ Trjl'a и¹² скажет¹³ царю имя мое... И вот (?), брат мой, сын мой пусть спросит Trjl'a и скажет. Ответь¹⁴ брату твоему, отцу твоему¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Точкой обозначен знак словораздела, чертой — конец строки.
2. Brj (ср. арамейский!) — вариантная форма к bnj (см. ниже) = binija? Адресат и отправитель — хурриты.
3. 'Сын мой, брат мой' — видимо, вежливое обращение к младшему по возрасту, но равному по положению.
4. Обращение к писцу, который будет читать письмо неграмотному адресату.
5. Юссив *ta-ḥur-ū-ka*, корень *nḥr* (ḡ — графическая (?) передача ḥ). Обратит внимание на согласование с мн. ч. м. р.! ('ilm = 'ilūma 'боги'; ср. вариантную форму 'ilhm — 'ilāhūma).
6. Корень неясен. «Старый перфектив»? 1 л.
7. Мн. ч. ж. р. от *lh*, *wh* 'глиняная таблетка', акк. *le'u*.
8. Относительная частица *dī* + 2-е л. м. р. Perfectum от глагола *l'k*, ср. др.-евр. *mal'āk* 'посланец', 'ангел'.
9. *mā-hīja* (?), от *mh* 'что?' (?).
10. *ht* — междометие указательного характера.
11. Т. е. 'ты да спросишь' (оборот вежливости). Юссив.
12. Проклитический союз *p-*, ср. араб. *fa-* + 3-е л. м. р. Perfectum.
13. После глагольного предиката в форме префиксального спряжения (в частности юсива), дальнейшие предикаты к тому же подлежащему могут ставиться в форме с суффиксальным спряжением, и наоборот.
14. Ассимиляция из *šib, императив породы S от *tbb* 'возвращаться, поворачиваться'.
15. Собственно 'господину твоему'.

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 21. Убиение Иаилью тирана Сисары. Из «Песни Деборы». XIII—XII в. до н. э. Кн. Судей, V, 24—30*.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

təbō'rak 1 minnā'sim 2 | ā'el | 'ēšāt 3 'Hābār hakḥē'nī 4 | minnā'sim bā'ōhāl 5 təbō'rak
'maḥim 6 šā'al hā'lāb nā'tānā 7
bā'sēpāl 'add'rīm hik'ribā 8 hām'a
īā'dāh lajjā'ted tiš'lahnā 9 | ūmī'nāh 9 lahal'mūt 'āmē'lim
ḡhālō'mā Sīsō'rā māhā'kā 10 rō'sō 11
ḡmāhā'sā 12 ḡhālō'pā rakḥā'tō 13
bēn 14 rag'lāhā kā'ra' nā'pāl šā'kāb 15
bēn rag'lāhā kā'ra' nā'pāl 15
bā'ā'sār 16 kā'ra' šām nā'pāl šā'dūd 17
bā'ad haḥal'lōn 18 niškō'pā 19 matṭəjab'bēb 20
'ēm Sīsō'rā bā'ad hā'āš'nāb 21
mad'du 22 bō'sēs 23 rik'bō lā'hō 24
mad'du 25 'āhē'rū 25 pa'āmē 26 markəbō'tāy 27
hak(ə)mōt 28 sārō'lāhā 'ta'ā'nānnā 29
'ap-hī 30 tā'sīb 'āmārāhā 'lāh 31
hālō 32 itmə'ū ḡhālō'kā 33 'šālāl
'raḥam rahāmātajim 34 lō'rōš 35 'gābār

№ 21a. Первые четыре стиха того же текста с реконструированной древней огласовкой.

tu'burrak min-na'sīma | ā'ilu | 'išt 'Habri hak-kē'ni | min-na'sīma b(i-h)a-'uhli tu'burrak
'maḥimi šā'al(a) hā'laba nā'tanah (nā'tanat)
bī-sipl(i) 'add'rīma hik'ribah (hakribat) him'ata
īā'da-hā l(i-h)āi-īā'tidi tiš'tā'hī-na | ḡa-īamī'na-hā li-hal'mūt(i) 'amī'līma.

ПЕРЕВОД

Да будет благословенна¹ среди женщин² Иаиль, жена³ Хевера, кенита⁴, среди женщин в шатрах⁵ да будет благословенна:

Воды⁶ попросил, — молока дала⁷,

* Приводимая масоретская огласовка, конечно, не соответствует древнему произношению оригинала: в XIII—XII вв. должна была еще сохраняться внешняя флексия. См. ниже примерную реконструкцию звучания первых четырех стихов. Matres lectionis в транслитерации не указаны, огласовка транслитерирована условно (см. гл. VIII, § 3, п. 6).

В чаше (для) могучих поднесла⁸ сливки,
 Руку свою к (палаточному) колку протянула⁹, и десницу свою⁹ —
 к молотку работников,
 И ударила (колком) Сисару, разбила¹⁰ его голову¹¹
 И¹² поразила и пронзила его висок¹³;
 У¹⁴ ног ее (он) преклонил (колена), упал, улегся¹⁵,
 У ног ее преклонил (колена), упал¹⁵,
 Где¹⁶ преклонил (колена), там упал, сраженный¹⁷.
 Через окно¹⁸ выглянула¹⁹ и завопила²⁰
 Мать Сисары, через решетку²¹:
 «Почему²² медлит²³ колесница его прибыть²⁴,
 Почему задерживается²⁵ бег²⁶ колесниц его?»²⁷
 Мудрые²⁸ (из) княгинь ее отвечают ей²⁹,
 И она (сама)³⁰ возражает себе³¹:
 «Наверное³² находят они, делают³³ добычу, —
 Девку (или) двух девок³⁴ на каждого³⁵ мужа?..»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 3-е л. ж. р. Imperfectum (юссив) от пассива породы D (Pu'al) < **tāburrak* (ниже паузальная форма *tābōrāk*).
- Min-nāšim* 'из женщин'.
- Нерегулярное образование st. constructus к *'iššā* 'женщина'.
- Определенный артикль! Кениты — кочевое племя кузнецов на юге Палестины.
- Предлог *bā-* + артикль *ha(n)-* + *'ōhāl* < **'uhl-* 'шатер'.
- Duale tantum (постоянное двойственное число) 'воды' в смысле 'вода'.
- Паузальная форма вместо *nātānā*.
- 3-е л. ж. р. породы S (Hiph'il), букв. 'приблизила'.
- Laijātēd* < **lā-haj-īātēd*; *tišlahnā* — ошибка вместо *tišlāhinā*, объясняющаяся тем, что в древнем оригинале, быть может, не было mater lectionis — *j* (*tšlhnk* вместо ожидаемого *tšlhnk*).
- 9а. *umīnāh* < **u-umīna-hā*.
- Вместо **māhākā* под влиянием *h*. Ср. корень *mḥṣ*!
- Пишется *r'šw* (< **ra'sa-hā*).
- u-* < *u-* под влиянием *m*.
- rakkā* ж. р.
- Букв. 'между'.
- Паузальная форма вм. *šā'kab, nā'pal*.
- Из *bā + 'āšār* 'в котором (месте)'; ср. также акк. *'ašrum, aram. 'atar, 'atrā* 'место'.
- Или 'истребленный'; пассивное причастие.
- «Виртуальное» удвоение, чит. **hah-hallōn. Hallōn* 'окно' — первоначально, может быть, терраса или веранда над портиком, акк. *hil(l)āni, bit hilāni* 'портик'.
- Букв. 'высунулась', порода N (Niph'al).
- Imperfectum cum waw consecutivo (старый перфектив), порода D (Pi'el).
- Займствованное слово?
- Из *mā iādū* 'что известно?'.
- Perfectum породы Pi'el от корня *būš* 'стыдиться'.
- Предлог *lā-* + инфинитив глагола *bū* 'приходить', 'входить' (пишется *lūw*).
- 3-е л. мп. ч. м. р. Perfectum породы D (Pi'el); *'āhērū* < **'ihḥarū* под влиянием *h* и с «виртуальным» удвоением (читать *'āhērū*).
- Букв. 'шаги'.

27. Пишется *mrkwtjw* (ср. ниже *šwtjh* от *šārā* < **sarratu* 'княгиня'): status pronominalis, мн. ч. ж. р. из **markab-ōtai-hā*.

28. Пишется *hkmwt* — st. constructus мн. ч. от *hākāmā* 'мудрая' < **hakamatu*. Или читать *hakamat* 'мудр(ейш)ая'? (Ср. сказуемое!).

29. Ошибка вместо *ta'ānūna*, ср. прим. 9? (перед местоименными суффиксами форму 2-го и 3-го л. ж. р. Imperfectum, как правило, замещают соответственные формы мужского рода, однако, быть может, данная форма все же из *ta'ānānā-hā*?). Сама по себе форма *ta'ānūna* < **ti'nā-nn-hā* — 3-е л. ед. ч. ж. р. (?) Imperfectum от *'nī* с усилительным суффиксом *-nn-* и местоименным суффиксом 3-го л. ж. р. *-hā*, дословно '(она) отвечает ей (ее)'. Или чит. *ta'ānānā* 'отвечают' (без 'ей')

30. Пишется *'p-hj*. Имеется в виду мать Сисары.

31. Дословно 'возвращает слова свои себе (ей)'. Форма *tāšib* < **tā-ha-tīb*, 3-е л. ж. р. Imperfectum порода S (Hiph'il) от глагола *šub* < **šub* 'возвращаться, поворачиваться'. Форма *'amārāhā* — пишется *'mrjh* — отглагольное имя **'emār* 'речь', 'слово' в st. pronominalis мн. ч. с местоименным суффиксом 3-го л. ж. р. *-hā* (корень *'mr* 'говорить').

32. Вопросительная частица *hā-* + отрицание *lō* (пишется *l'*), дословно 'разве не', здесь в значении 'наверное' ведь'.

33. Форма *iḥallāki* — 3-е л. мн. ч. Imperfectum от породе D (Pi'el).

34. *Raham* (< **rahmu*), букв. uterus, sinuus — пренебрежительное обозначение рабыни; *rahāmātajim* — дв. ч. от параллельной формы ж. р. **rahmā*.

36. Букв. 'на голову мужа' (*rōš* 'голова' пишется *r'š* < **ra'su*).

№ 22. Из Книги Даниила (Дан. I, 1 сл.). III—II в. до н. э.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

bīšənāṣ sālōš¹ ləmal(ə)kūt² Iḥōjākīm 'mālāk-Iḥūdā bā Nəbūkād-nāšsar³
'mālāk-Bābāl Iṛūšālijīm⁴ uai'jāsār⁵ 'ālūhā; uai'ittēn⁵ 'ādōnā⁶ bəjādō
'āt-Iḥōjākīm... uumikšat⁷ kələ bēt-hā'ēlōhim⁸ uai'jōbī'em⁹ 'ārās-Sin'ār¹⁰
bēt'ēlōhāy¹¹ uə'āt-hakkēlīm hebi¹² bēt 'ōšar¹³ 'ēlōhāy; uai'jōmār¹⁴
ham'mālāk lə' Ašpənaz¹⁵ rəb sārīsāy¹⁶ ləhābi¹⁷ mibbanē Išrā'el uumiz'zdra¹⁸
hammalūkā¹⁸ uumin-happartēmīm¹⁹; iḥlādīm²⁰ 'āšūr 'en-bāhām kol-mūm²¹
uətōbē mar'ā²² uamaškīlīm²³ bəkol-hokmā uai'ōdō'ē 'da'at²⁴... uə'āšūr
kō'ḥ²⁵ bāhām la'āmōd bəhēkal²⁶ ham'mālāk uuləlammodām 'səpār uuləšōn²⁷
kašdīm²⁸.

№ 22а. Тот же текст без огласовки:

bšnt šlwš lmlkwṯ jhwjkjm mlk-Jhwḥ b' Nbwkdn'sr mlk-Bbl Irwšlm⁴
wjśr 'ljh; wjtn 'dnj bjdw 't-Jhwjkjm... wmkšt klj bjt-h'ljhm wjbj'm 'rš-
Sn'r bjt 'lhjw w't-hkljm hbj' bjt 'wśr 'lhjw; wj'mr hmlk l'špnz rb srjśw
lhbj' mbnj Išr'l wmr' hmlwkh wmn-hprtmjm; jldjm 'šr 'jn-bhm kl-m'wm
wṯwbj mr'h wmkjlljm bkl-hkmh wjd'j d't... w'sr kh bhm l'md bhjkl hmlk
wllmdm spr wšwn kšdjm.

ПЕРЕВОД

В год третий¹ царствования² Иоакима, царя Иудеи, пришел Навуходоносор³, царь Вавилона, в Иерусалим⁴ и осадил⁵ его; и отдал⁶ господе⁹ в руку его Иоакима. . . и часть⁷ сосудов дома бога⁸, и унес их⁹ (Навуходоносор) в землю Сенаар¹⁰, в дом бога своего¹¹, а сосуды он внес¹² в сокровищницу¹³ бога своего; и велел¹⁴ царь Ашпеназу¹⁵, начальнику его евнухов¹⁶, привести¹⁷ из сыновей Израиля, — и из семени царского¹⁸, и из знатных¹⁹, — детей²⁰, в которых не было (бы) изъяна²¹, прекрасных на

вид²² и понятливых²³ во всякой мудрости, и знающих знание²⁴. . . и в которых (есть) сила²⁵ для (того чтобы) стоять во дворце²⁶ царя и для (того чтобы) научить их письму и языку²⁷ халдеев²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Букв. 'год три'. Обратить внимание на несогласование числительного с исчисляемым в роде, и на конструкцию исчисляемого с количественным числительным, обычную для датировок в семитских языках.
2. Притяжение выражено предлогом *lā-*.
3. Русское 'Навуходоносор' (согласно огласовке Септуагинты). Масоретская огласовка *Nəbūkadnāšsar* имени *Nbwkd'n'sr* или *Nbwkdr'sr* — условная и ошибочная: акк. *Nabū-kudurr(i)-ušur* '(бог) Набу́, мою границу охраняй!' По-древнееврейски следует огласовывать *Nəbūkadōr(r)'ōšor*, *Nəbūkadōn'ōšār*, как и читали еще древнегреческие переводчики Септуагинты.
4. Вин. пад. места. Читать *lārūšālēm*; масореты всюду дают более торжественную (паузальную?) огласовку *lārūšāla'im*, хотя в тексте второго *j = i* нет.
5. Imperfectum cum wāw consecutivo, корень *šqr* в первом случае и *nṯn* — во втором (*uaj-iāšar* < **uaj-iāšor* под влиянием *r*).
6. Букв. 'господа мои', набожное (и позднее) обозначение бога.
7. *mīkšai* сокращение < **min-kəšat*, букв. 'из конца', 'из отрезка'.
8. Plurale tantum с определенным артиклем, имеется в виду иудейский бог Яхве.
9. Imperfectum S (Hiph'il) cum wāw consecutivo, корень *bṣ'*.
10. Слово *Sin'ar* (= Вавилония) в род. пад., 'ārās — st. constr.
11. St. pronominalis от 'ēlōhīm.
12. Perfectum S (Hiph'il), корень *bṣ'*.
13. Букв. 'дом запаса'.
14. Букв. 'сказал'. Imperfectum cum wāw consecutivo от 'mr 'говорить'.
15. Имя по образцу иранских — анахронизм: в VI в. до н. э., когда жил Навуходоносор, таких имен у аккадских вельмож быть не могло.
16. *sāris* из акк. (асс.) *ša-rēši* '(тот) что (у) головы' → 'приближенный', 'внух'.
17. Инфинитив породы S (Hiph'il) с предлогом *lā-* для выражения цели.
18. Букв. 'семя царского достоинства' (*mālūkā*).
19. **Partōm*, или **partām* < др.-ир. *fratāma*; для VI в. до н. э. — анахронизм.
20. Ед. ч. 'iālād от *ild* 'рожать', 'родиться'.
21. Букв. 'которые, — нет в них совокупности изъяна'. *Mūm* (вариант *mūm*, в тексте *m'um*, но огласовано *mūm*!). Корень, видимо 'ṣm.
22. Букв. 'хороших вида', *Mar'ā* — корень *r'i* 'видеть'.
23. Причастие породы S (Hiph'il) от *skl* — 'быть внимательным, разумным'.
24. *lōdēa* — причастие в status constructus, 'da'at — масдар от *id* 'знать', как определение к причастию; значение: 'очень сведущие'.
25. Из **kūhḥ* — 'сила'. Букв. 'которые, — сила в них'.
26. Из старосум. **hai-kal*, новосум. *é-gal* 'большой дом', ср. акк. *ēkallu* 'дворец'. В древнееврейском — 'храм'; в поздних текстах, под аккадским влиянием, также 'дворец'; (очень редко в этом же значении встречается и в более ранних текстах).
27. *Ləšōn* — st. constructus от *lāšōn* 'язык'.
28. Мн. ч. от *kašdi* 'халдей', ср. акк. (нововав.) *kaldāia*.

ФИНИКИЙСКИЕ ТЕКСТЫ

№ 23. Пунический посвятельный текст греческими буквами. Эль-Хофра (Алжир). I в. до н. э.

ΛΑΔΟΥΝ ΛΥ ΒΑΛ ΑΜΟΥΝ ΟΥ ΛΥ ΡΥΒΑΘΩΝ¹ ΘΙΝΙΘ ΦΑΝΕ ΒΑΛ
ΥΕ ΝΑΔΩΡ ΣΩΣΠΑΤΙΟΣ² ΒΥΝ ΖΩΠΥΡΟΣ ΣΑΜΩ ΚΟΥΩ ΒΑΡΑΧΩ

Данный текст не дошел в записи финикийскими буквами, но содержание его — стандартное, поэтому можно реконструировать и финикийскую графику.

l'dn lB'l Ḥmn wlrbt n Tnt pn B'l 'š ndr S. bn Z. šm' kl' brk'

Примерная огласовка:

*la'ādūn (lādūn?)³ lū-Ba'l Ḥammūn pu-lū-rūbbātōn⁴ (?) Tinnit pānē
Ba'l⁵ 'ūs (?) nādōr⁶ S. būn⁷ Z. šāmō⁸ kūlō⁹ ba(r)rakō¹⁰*

ПЕРЕВОД

Господину³ Ваалу-Хаммону и госпоже нашей⁴ Тиннит-фане-
Вал, (то), что посвятил⁶ С. сын⁷ З.: он (= бог) услышал⁸ его го-
лос⁹, благословил его¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Описка вместо ΡΥΒΑΘΩΝ.
2. Описка вместо ΣΩΣΠΑΤΙΟΣ.
3. Др.-евр. *la'ādōn*.
4. В тексте, по-видимому, греч. Υ передает как беглый, так и какой-то огубленный другой гласный (типа др.-евр. *ā?*). Здесь из **li-rabbātānu* > **li-rijubbatōn(u)?*; др.-евр. *lā-rabbātē/ānū*.
5. *Pn B'l* — 'лицо Ваала' — прозвище богини Тиннит. Обратить внимание на отсутствие стяжения в st. constructus мн. ч.: др.-евр. *pānim*, st. constructus *pānē* 'лицо'. По другому объяснению — *pānnē* *Ba'l* 'Украшение Ваала', ср. др.-евр. *pinnim* 'кораллы (?)'.
6. *Nādōr* с переходом *a > ō* параллельно переходу *i > ē*, *u > ō* в аналогичных случаях (ср. др.-евр. *kābēd* 'был тяжел', *kāṭōn* 'был мал', но *nādar* 'посвятил!'). Этот переход *a > ā > ō* (ср. также ΡΥΒΑΘΩΝ!) датируется позже, чем переход *ā > ō > ū* (ср. *Ḥammūn* < **Ḥamm-ān*).

7. St. constructus от *bēn* 'сын', др.-евр. *bān*.
 8. В новозачинском также *šm*, *šm*, чит. *šāmō*. К огласовке ср. прим. 6.
 9. Др.-евр. *kōl-ō* (пишется *kwlw*) < **kaula-hū* 'его голос'.
 10. Perfectum породы D (Pi'el): *barrakō* < **barrika-hū*?

АРАМЕЙСКИЕ ТЕТКТЫ

№ 24. Из надписи Бар-Рекуба, сына Панаммувы, царя Сам'аля (Я'уди). VIII в. до н. э. Диалект текста отличается от собственно «я'удского».

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

'nh Brrkb br Pnmw mlk Šm'l¹ 'bd Tgltpljrs² mr' rb'j³ 'rk'⁴ bšdk⁵
 'bj wbsdkj hwšbnj⁶ mr'j Rkb'l wmr'j Tgltpljrs 'l⁷ krs' 'bj wbjt 'bj...
 wrst⁸ bglgl mr'j mlk 'šwr⁹ bms't¹⁰ mlkn rbrbn¹¹ b'lj ksp wb'lj zhb
 w'zst bjt 'bj whjtbh¹³ mn¹⁴ bjt ḥd¹⁵ mlkn rbrbn.

ПЕРЕВОД

Я — Бар-Рекуб, сын Панаммувы, царь Сам'аля¹, раб Тиглатпаласара², господина четвертой³ земли⁴. За праведность⁵ отца моего и за праведность мою посадили меня⁶ господин мой (бог) Рекуб-Эль и господин мой Тиглатпаласар на престол отца моего и (над)⁷ домом отца моего . . . и бежал я⁸ у колеса господина моего, царя Ассирии⁹, среди¹⁰ царей великих¹¹, владельцев серебра и владельцев золота¹²; и взял я дом отца моего и сделал лучше¹³, чем¹⁴ дом любого¹⁵ (из) царей великих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sam'al*, ныне Зинджирли.
2. Написание явно указывает на произношение *j* как *mater lectionis*, читать *Təgulti/apələsar*, асс. *Tukulti-apal-Ešarra*.
3. *rəbī'āi*, -ē.
4. 'aryā (позднее 'ar'ā).
5. *sədek*, *šidkā*.
6. *hōtibunni* (*hwtibunni*), 3-е л. мн. ч. Perfectum породы *Naph'el* + местоименный суффикс 1-го лица. Обратитъ внимание на орфографию!
7. Предлог 'al управляет как словом *korsē* (*korse*?) 'престол' ('на престол'), так и выражением *bēt 'abī* (дом отца моего) 'на дом отца моего'.
8. *ḥə-rāṭet*, корень *ruṭ*, обратитъ внимание на орфографию!
9. 'Aššūr или 'Attūr? (Ср. в «имперском» арамейском 'twr).
10. *bi-məšī'ūt*.
11. *malkīn rabrəbīn*.
12. *dəhab*, обратитъ внимание на орфографию!

13. 1-е л. Imperfectum породы Naph'el от *ʔtb* + местоименный суффикс 3-го л. м. р.

14. Букв. 'из'.

15. Букв. 'одного'.

№ 25. Из эдикта персидского царя Артаксеркса жрецу Эзре. Кн. Эзры, VII, 12 сл., IV в. до н. э. (возможно, орфография переработана позже). «Имперский» арамейский в библейско-арамейском варианте¹.

ТРАНСКРИПЦИЯ

'Artahšast(ā) 'mälāk² mal(ə)kajjā lə 'Azrā kähänā³ sāpar⁴ dātā⁵ di-
- 'ēlāh šəmajjā gemir⁶ mukə'ānāt; minnī šim⁷ ʔə'em di kol-mitnaddāb⁸
bəmal(ə)kūlī min-'ammā līsrā'el məkähänohi mələpājē⁹ limahāk¹⁰ l'irūšələm
'immāk jəhāk¹¹ kol-köbel¹² di min-ködām malkā məšib'at ʔā'ätöhi šəli¹³
ləhəkkārā¹⁴ 'al-ʔəhūd məl'irūšələm bədāt 'ēlāhāk di bīdāk¹⁵; ləhəbälā¹⁶
kəsaṗ mudəhab di-malkā məjā'ätöhi hitnad'dabū¹⁷ lə'ēlāh līsrā'el di¹⁸
b'irūšələm miškəneh¹⁹; məköl kəsaṗ mudəhab di təhaskəh²⁰ bəköl mədinat
Bəbäl 'im hitnaddābū²¹ 'ammā məkähənajjā mitnaddəbin^{21a} ləbət 'ēlā-
hähöm di b'irūšələm; kol-köbel dənā 'osparnā²² ʔikne²³ bəkaspa dənā tō-
rin di kərin 'immə'in puminhätəhön²⁴ mənikəhön mələkərəb²⁵ himmō 'al-
-maddəhā di bēt-'ēlāhähöm di b'irūšələm; rumā di 'älāk mə'al-'äh(h)āk
jəṭəb²⁶ bišə'ar kaspa mudəhəbā ləmə'bad kirə'ūt²⁷ 'ēlāhähöm ta'əbədün...
pumiñnī 'ānā 'Artahšast(ā) malkā šim ʔə'em ləköl gizzəbərəjijā²⁸ di
ba'Abār Nahārā di kōl-di jīs'älän(ə)kōn 'Azrā kähänā... 'osparnā
jif'ābid²⁹.

ПЕРЕВОД

Артаксеркс, царь² царей, — Эзра, жрец³, писцу⁴ закона⁵ бога небес; совершен⁶, и так далее. От меня издан⁷ приказ, что всякий добровольно согласившийся⁸ в моем царстве, — из народа Израиля, и жрецов его, и левитов⁹, — идти¹⁰ в Иерусалим, с тобой пусть идет¹¹, поскольку¹² от царя и семи советников его (ты) послан¹³ чтобы надзирать¹⁴ над Иудеями и Иерусалимом по закону бога твоего, что в руке твоей¹⁵; чтобы доставлять¹⁶ серебро и золото, которое царь и советники его добровольно пожертвовали¹⁷ богу Израиля, чье¹⁸ обитание¹⁹ в Иерусалиме; и всякое серебро и золото, которое ты найдешь²⁰ во всей области Вавилона, вместе с добровольным взносом²¹ народа и жрецов, добровольно приносятся^{21a} в дом бога их, что в Иерусалиме; соответственно этому тщательно²² пусть ты приобретешь²³ за серебро это быков, баранов, ягнят и бескровных жертвы их²⁴ и возлияния их и пожертвуешь²⁵ их на altar дома бога вашего, что в Иерусалиме; и все что тебе и братьям твоим приятно²⁶ на остаток серебра и золота делать согласно желанию²⁷ бога вашего, вы можете делать... и от меня, — я Артаксеркс царь, — издан приказ всем казначеям²⁸ в Заречье, что все, что спросит (у) вас Эзра жрец... тщательно должно быть сделано²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наиболее характерные особенности библейско-арамейского — написание *d* через *d* (вместо *z*, как в официальных «имперско-арамейских текстах»), гебраизмы в огласовке отдельных слов, и т. п.

2. 'Mälāk — гебраизм, арам. mə'lek.

3. Kähänā < *kähin-ā.

4. sāpar причастие глагола spr (из *sāpir-).

5. Др.-иран. dāta. Ср. ниже st. constructus dāt.

6. Начало сокращенной при цитировании указа канцелярской формулы.

7. Пассив основной породы «пустого» глагола šim.

8. Причастие породы T+D (Nithpa'al) от корня ndb со значением 'добровольно соглашаться, добровольно жертвовать'.

9. Мн. ч. нисбы ləpājā.

10. Инфинитив глагола hlk (аномальное образование).

11. Юссив глагола hlk (аномальное образование).

12. Ложная этимология: kolköbel < *köl + köbel (на самом деле из kə + lə-köbel).

13. Пассивное причастие.

14. Инфинитив породы D (Pa'el); предлог lə- придает обороту целевое значение.

15. Из bə + jədāk.

16. Инфинитив породы S (Naph'el) от глагола ʔbl; предлог lə- придает обороту целевое значение.

17. См. прим. 8.

18. Букв. 'который — в Иерусалиме обитание его'.

19. Инфинитив mi-škan + местоименный суффикс -eh.

20. 2-е л. Imperfectum породы Naph'el (e > a под влиянием h).

21. Имя абстрактное на -ūt- в st. constructus, образованное от инфинитива породы Nithpa'al: hitnaddābā.

21a. Причастие в значении настоящего времени.

22. Др.-иран. asprna.

23. 2-е л. м. р. юссива глагола kn'.

24. minhātā — сопутствующие жертвенным быкам и т. д. бескровные (хлебные) жертвы.

25. təkərəb < *təkarreb, 2-е л. юссива-Imperfectum породы D (Pa'el). Основное значение корня — 'приближаться', здесь (в породе D) — 'жертвовать'. Далее himmō — самостоятельное местоимение-объект.

26. Imperfectum от корня ʔtb/ʔt'b.

27. Предлог kə + имя абстрактное rə'ūtā (корень rš').

28. Др.-иран. gaznabara (здесь мн. ч.).

29. Imperfectum породы T (Nithpa'el).

№ 26. Из письма Аршама, персидского сатрапа Египта, к своему управляющему. V в. до н. э. «Имперский» арамейский.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

hn kn hwh kmlj' 'lh zj¹ Ptsrj šlh '[lj 'l Pmwñ] šmh² 'bwhj zk kzj³
juw' hwh bMsrjn⁴ 'bd 'm nšj⁵ [bjth wb]gh⁶ zj. Pmwñ [zk] 'bwhj bjt
zr' 7 '8 30 zk 'štk⁹ [w'l bjt] zlj¹⁰ l' 'bjd¹¹ w'l'lm 'hrn zlj¹² mñj¹²
l' jhjb¹³ 'hr¹⁴ 'nh bgh zj Pmwñ jhbt¹⁵ lPtsrj 'ntm hhwshj¹⁶ jhšn¹⁷
whlk' 18 lklb kdmn Pmwñ 'bwhj hwh hsl¹⁹ jhsl 'l bjt' zlj.

ПЕРЕВОД

Если так было, как слова эти, которые¹ Петосири послал м[не о Памоне] именем², отце своем том, что когда³ мятеж был в Египте⁴, он погиб вместе с женщинами⁵ [дома своего, а на]дел⁶ Памона [того], отца его, — участок засеянный⁷ в 30 мер⁸ тот, — остался⁹ [и в имение мое]¹⁰ не был передан¹¹ и слуге другому моему мною¹² не отдан¹³, (то) засим¹⁴ я надел его, Памона, отдаю¹⁵ Петосири; вы известите его¹⁶, пусть вступит во владение(?)¹⁷, и повинность¹⁸ соответственно (тому, что) раньше Памон, отец его, был неспшим(?)¹⁹, пусть несет на мой дом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *zj* читать [*dī*] (также *zk* ниже — читать [*dēk*]).
2. Букв. 'о Памоне имя его'.
3. *kə-dī* букв. 'так как', 'согласно тому что'.
4. *Miṣrēn* — дв. ч. (Верхний и Нижний Египет).
5. *St. constructus* мн. ч. м. р. (по форме).
6. Др.-ир. *bāga*.
7. Букв. 'дом семени'.
8. Букв. 'мер 30'. Название меры передано сокращением (аббревиатурой).
9. Perfectum породы T (Hithra'el) с метатезой *tš > št*.
10. Букв. 'дом, который мне'.
11. Букв. 'сделан' (пассив основной породы).
12. Букв. 'от меня'.
13. Пассив основной породы.
14. Букв. 'потом'.
15. Букв. 'отдал' (1-е л. Perfectum).
16. 2-е л. м. р. мн. ч. императива породы S (Naph'el) от *hūi : ha-hāyōhī*.
17. Imperfectum-юссив породы S (Naph'el) от *hšn*.
18. *hlk* из акк. (*ilka*) *alāku* '(повинность) исполнять'.
19. Активное причастие со вспомогательным глаголом: *hāyā hā-šel*.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография содержит только некоторые наиболее важные работы по описываемым языкам, однако в перечисленных исследованиях имеются указания и на другую важнейшую литературу. Издания текстов в библиографию не включены.

Следует подчеркнуть, что для исследовательских целей материала только настоящей книги недостаточно; во всех случаях следует обращаться к оригинальным исследованиям, приведенным в библиографии, и к другим трудам, не упомянутым здесь.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

- «Les Langues du Monde», ed. A. Meillet et M. Cohen, nouv. ed., Paris, 1952.
 Speiser E. A., *Mesopotamian Origins*, Philadelphia, 1930.
 Дьяконов И. М., *О языках древней Передней Азии*, — «Вопросы языкознания», 1954, № 5.
 Дьяконов И. М., *Народы древней Передней Азии*, — «Переднеазиатский этнографический сборник», М., 1958.
 «Эргативная конструкция предложения», под ред. Е. А. Бокарева, М., 1950.

ШУМЕРСКИЙ ЯЗЫК

- Christian V., *Beiträge zur sumerischen Grammatik*, Wien, 1957.
 Deimel A., *Sumerische Grammatik der archaischen Texte mit Übungsstücken (zum Selbstunterricht)*, Roma, 1924; 2-е изд., Roma, 1939.
 Edzard D. O., *Fragen der sumerischen Syntax*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 109/2, 1959.
 Falkenstein A., *Zum sumerischen Tempussystem*, — «Orientalistische Literaturzeitung», XXXIV, 1931.
 Falkenstein A., *Untersuchungen zur sumerischen Grammatik*, — «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge 10 (44), 13 (47), 14 (48), 1939—48.
 Falkenstein A., *Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš, I—II*, Roma, 1949—1950.
 Falkenstein A., *Das Sumerische*, — «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., 1—2. Abschn., Lief. 1, Leiden, 1959.
 Jestin R., *Le verbe sumérien*, I—III, Paris, 1946—1954.
 Jacobsen Th., *About the Sumerian Verb*, — «Studies in Honor of Benno Landsberger», Chicago, 1965.
 Kramer S. N., *The Sumerian Prefix Forms be- and bi- in the Time of the Earlier Princes of Lagaš*, Chicago, 1936.
 Poebel A., *Grundzüge der sumerischen Grammatik*, Rostock, 1923.

- Poebel A., *The Sumerian Prefix Forms e- and i- in the Time of the Earlier Princes of Lagaš*, Chicago, 1931.
- Poebel A., *The Tenses of the Intransitive Verb in Sumerian*, — «American Journal of Semitic Languages», L. 2, 1934.
- Salonen A. u. Siro P., *Studien zur sumerischen Syntax*, Helsinki, 1958.
- Scholtz R., *Die Struktur der sumerischen engeren Verbalpräfixe (Konjugationspräfixe) speziell dargelegt an der I. und II. Form e- und mu-Konjugation*, — «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft», VII, 1, Leipzig, 1934.
- Sollberger E., *Etudes de linguistique sumérienne* (Cahiers F. de Saussure, 9), Genève, 1950.
- Sollberger E., *Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagaš: contribution à la grammaire sumérienne*, Genève, 1952.
- Дьяконов И. М., *О работе с шумерскими историческими источниками*, — «Вестник древней истории», 1958, 2.
- Канева И. Т., *Глаголы движения (на материале шумерского героического эпоса)*, — сб. «Ассириология и египтология», 1965.
- Канева И. Т., *Спряжение шумерского глагола (на материале шумерских героико-эпических текстов)*, — «Переднеазиатский сборник», II, М., 1966.
- Рифтин А. П., *Система шумерских числительных*, — сб. «Языковедные проблемы по числительным», I, 1927.
- Струве В. В., *Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме*, — «Вестник Ленинградского университета», 1957, № 8, Серия истории, языка и литературы, вып. 2.
- Струве В. В., *Префиксы mu и e- шумерского глагола*, — «Вестник древней истории», 1962, 4.

С л о в а р и

- A. Deimel, *Sumerisches Lexikon*, I—VI, 2. Aufl., Roma, 1930—50.

ЭЛАМСКИЙ ЯЗЫК

- Bork F., *Elam (Sprache)*, — «Reallexikon der Vorgeschichte» herausg. v. M. Ebert, III, 1925.
- Cameron G. G., *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948.
- Friedrich J., *Altpersisches und Elamisches*, — «Orientalia», XVIII, 1, 1949.
- Friedrich J., *Die Partikeln der zitierten Rede im Achämenidisch-Elamischen*, — «Orientalia», XII, 1943.
- Hallock R. T., *The Finite Verb in Achaemenid Elamite*, — «Journal of Near Eastern Studies», XVIII, 1, 1959.
- Hallock R. T., *The Verbal Noun in Achaemenid Elamite*, — «Studies in Honor of Benno Landsberger», Chicago, 1965.
- Hinz W., *Das Reich Elam*, Stuttgart, 1964.
- Hinz W., *Elamisches*, — «Archiv orientální», XVIII, 1—2, 1950.
- Hüsing G., *Die elamische Sprachforschung*, — «Memnon», IV, 1910.
- Kluge Th., *Das Elamische: ein Versuch zu einer sprachlichen Eingliederung*, — «Le Muséon», XLVI, 1—2, 1933.
- Labat R., (главы об Эламе), — «Cambridge Ancient History», New ed., Chapt. XXIX, XXXII, Cambridge, 1963—64.
- Paper H. H., *The Phonology and Morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955.
- Weissbach F. H., *Die Achämenideninschriften zweiter Art*, Leipzig, 1890.

С л о в а р и

Существуют только индексы к издававшимся текстам, главным образом в серии Délégation en Perse, Mémoires.

КАССИТСКИЙ И ДРУГИЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ЯЗЫКИ ВОСТОЧНОГО ИРАНА

- Balkan K., *Die Sprache der Kassiten. Kassitenstudien*, I (American Oriental Series, 37), New Haven, 1954.
- Jaritz K., *Die kassitischen Sprachreste*, — «Anthropos», 52, 5—6, 1957.
- Speiser E. A., *Mesopotamian Origins*, Philadelphia, 1930.

ХУРРИТСКИЙ ЯЗЫК

- Friedrich J., *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, — «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft», XLII, 2, Leipzig, 1939.
- Parrot A. et Nougayrol J., *Un document de fondation hurrite*, — «Revue d'assyriologie», XLII, 1—2, 1948.
- Speiser E. A., *Introduction to Hurrian*, — (Annual of the American Schools of Oriental Research, 20), New Haven, 1941.

С л о в а р и

- Friedrich J., *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952 (1. Ergänzungsheft, 1957; 2. Ergänzungsheft, 1961).

УРАТСКИЙ ЯЗЫК

- Friedrich J., *Einführung ins Urartäische*, Leipzig, 1933.
- König F. W., *Handbuch der chaldäischen Inschriften*, I—II, Graz, 1955—57 [с глоссарием].
- Tseretheli M., *Die neuen haldischen Inschriften des Königs Sardurs von Urartu*, Heidelberg, 1928.
- Браун Я. и Климов Г. А., *Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков*, — «V (IX) Научная сессия Института языкознания АН ГрузССР. Тезисы докладов», Тбилиси, 1954.
- Гамкрелидзе Т. В., *К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка*, — «Вестник древней истории», 1956, 4.
- Гвахария В. А., *Словарь-симфония урартского языка*, М., 1964.
- Дьяконов И. М., *Фонетика урартского языка*, — сб. «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958.
- Дьяконов И. М., *Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков*, — «Переднеазиатский сборник», М., 1961.
- Дьяконов И. М., *Урартские письма и документы*, М.—Л., 1963 [с глоссарием].
- Мещанинов И. И., *Грамматический строй урартского языка*, ч. I. *Именные части речи*, М.—Л., 1958.
- Мещанинов И. И., *Два языка древнего Вана*, — «Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга», Л., 1934.
- Мещанинов И. И., *Язык ванской клинописи*, II, *Структура речи*, Л., 1935.
- Меликишвили Г. А., *Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартийских племен*, — «Вестник древней истории», 1948, 2.
- Меликишвили Г. А., *Урартские клинообразные надписи*, 2-е изд., М., 1960 [с глоссарием].
- Меликишвили Г. А., *Урартский язык*, М., 1965.
- Церетели Г. В., *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939.

- Forrer E., *Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 76 (1), 1922.
- Kammenhuber A., *Die protohattisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist*, — «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, 17 (51), 1955.
- Kammenhuber A., *Protohattisch-Hethitisches*, — «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 14, 1959.
- Kammenhuber A., *Nominalcomposition in den altanatolischen Sprachen des 2. Jahrtausends*, — «Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft», 77, 1961.
- Laroche E., *Études «protohittites»*, — «Rêvue d'assyriologie», LI, 1947.
- Гамкрелидзе Т. В., *Неиндоевропейские элементы хеттского (неситского) языка*, автореферат канд. дисс., Тбилиси, 1956.
- Дунаевская И. М., *Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола*, — «Переднеазиатский сборник», М., 1961.

С л о в а р и

См. Хурритский язык.

СЕМИТОХАМИТСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

- Aro J., *Die Vokalisierung des Grundstammes im semitischen Verbum*, Helsinki, 1964.
- Barth J., *Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen*, 2. verm. Ausg., Leipzig, 1894.
- Basset A., *La langue berbère. Morphologie. Le verbe. Etude des thèmes*, Paris, 1929.
- Basset A., *La langue berbère* — «Handbook of African Languages», I, Oxford, 1952.
- Beeston A., *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*, London, 1962.
- Bergsträsser G., *Einführung in die semitischen Sprachen*, München, 1928.
- Birkeland H., *Some Reflections on Semitic and Structural Linguistics*, — «For Roman Jakobson. Essays on Occasion of His Sixtieth Birthday», The Hague, 1956.
- Brockelmann C., *Semitische Sprachwissenschaft (Sammlung Göschen)*, Leipzig, 1906.
- Brockelmann C., *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, I—II, Berlin, 1907—1912.
- Calice F., *Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung*, Wien, 1936.
- Castellino G., *Observations on the Akkadian Personal Pronouns in the Light of Semitic and Hamitic*, — «Mitteilungen der Institut für Orientalforschung», 5, 1957.
- Cohen M., *Les résultats acquis de la grammaire comparée chamito-sémitique*, — «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», 1933.
- Cohen M., *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.
- Cohen M., *À propos du classement de la «forme d'habitude» dans la grammaire berbère*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV (1945—48), Paris, 1948.
- Cohen M., *Sémitique, égyptien, libyco-berbère, couchitique et méthode comparative*, — «Bibliotheca Orientalis», X, 1953.
- Dillmann A., *Ethiopic Grammar*, London, 1907 (1-е нем. изд., Leipzig, 1899).

- Edel E., *Altägyptische Grammatik*, I—II, Roma, 1955.
- Ember A., *Egypto-Semitic Studies*, Leipzig, 1930.
- Erman A., *Das Verhältnis des Ägyptischen zu den semitischen Sprachen*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», XLVI, 1892.
- Erman A., *Ägyptische Grammatik*, 4. verm. Ausg., Berlin, 1928—29 (есть русский перевод одного из ранних изданий).
- Erman A., *Neuägyptische Grammatik*, 2. Aufl., Leipzig, 1933.
- Ferrier J.—G., *Que savons-nous du libyque*, — «Rêvue Africaine», 1956.
- Friedrich J., *Semitisch und Hamitisch*, — «Bibliotheca orientalis», IX, 1952.
- Gardiner A. H., *Egyptian Grammar*, 3-d ed., Exford, 1957.
- Gray L. H., *Introduction to Semitic Comparative Linguistics*, N.-Y., 1934.
- Gordon C. H., *Egypto-Semita*, — «Rivista degli studi Orientali», XXXII (Scritti in onore di G. Furlani, I), 1957.
- Greenberg J., *Studies in African Linguistic Classification*, New Haven, 1955 (1-е изд.: «Southwestern Journal of Anthropology», 1949—1950).
- Harris Z. S., *Development of the Canaanite Languages*, New Haven, 1939.
- Höfner M., *Altsüdarabische Grammatik*, Leipzig, 1943.
- Jahn A., *Grammatik der Mehri-Sprache in Südarabien*, Wien, 1905.
- Klingenheben A., *Die Präfix- und die Suffixkonjugation des Hamitosemitischen*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung», IV, 1956.
- Kienast B., *Der Personalpronomen der 2. Person im Semitischen*, — «Akten des XXIV. Internationalen Orientalisten-Kongresses», München, 1957, Wiesbaden, 1959.
- Kienast B., *Das Punkualthema *japrus und seine Modi*, — «Orientalia», XXIX, 2, 1960.
- Kuryłowicz J., *Le système verbal du sémitique*, — «Bulletin de la Société linguistique de Paris», 47, 1949.
- Kuryłowicz J., *La mimation et l'article en arabe*, — «Archiv orientální», XVIII, 132, 1950.
- Kuryłowicz J., *Esquisse d'une théorie de l'apophonie en sémitique*, — «Bulletin de la Société linguistique de Paris», LIII, 1958.
- Kuryłowicz J., *L'apophonie en sémitique*, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.
- Landsberger B., *Die Gestalt der semitischen Wurzel*, — «Atti del XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti 1935», Roma, 1938.
- Lefebvre G., *Sur l'origine de la langue égyptienne*, — «Chronique d'Égypte», XI, 1936.
- Lefebvre G., *Grammaire de l'égyptien classique*, Le Caire, 1940.
- Leslau W., *Semitic and Egyptian Comparisons*, — «Journal of Near Eastern Studies», XXI, 1962.
- Lukas J., *Der hamitische Gehalt der tschadhamitischen Sprachen*, — «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», XXVIII, 4, 1938.
- Meinhof C., *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912.
- Moscato S., *Il sistema consonantica delle lingue semitiche*, Roma, 1954.
- Moscato S., *Plurali interni in Ugaritico?* — «Rivista degli studi orientali», XXXII (Scritti in onore di G. Furlani, I), 1957.
- Moscato S., *Chi furono i semiti?* — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLIV. Memorie, Serie VIII, vol. VIII, 1, Roma, 1957.
- Moscato S., *Sulla ricostruzione del protosemitico*, — «Rivista degli studi orientali», XXXV, 1—2 (1960).
- Petráček K., *Die Struktur der semitischen Wurzelmorpheme und die Übergang 'ain > ġain und ġain > 'ain in Arabischen*, — «Archiv orientální», XXIII, 1955.

- Reinisch L., *Die Kafa-Sprache in Nordost-Afrika*, I—II, Wien, 1888.
 Reinisch L., *Das Zahlwort vier und neun in den chamito-semitischen Sprachen*, Wien, 1890.
 Reinisch L., *Die Bedauye-Sprache in Nord-Ostafrika*, I—III, Wien, 1893—94.
 Reinisch L., *Die Somali-Sprache*, I—II, Wien, 1900—03.
 Reinisch L., *Das persönliche Fürwort und die Verbal-Flexion in den chamito-semitischen Sprachen*, Wien, 1909.
 Rosenthal F., *Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldekes Veröffentlichungen*, Leiden, 1939.
 Rössler O., *Verbalbau und Verbalflexion in den semitohamitischen Sprachen. Vorstudien zu einer vergleichenden semitohamitischen Grammatik*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», C, 1950.
 Rössler O., *Akkadisches und libysches Verbum*, — «Orientalia», XX, 1951.
 Rössler O., *Der semitische Charakter der libyschen Sprache*, — «Zeitschrift für Assyriologie», Neue Folge, 16 (50), 1952.
 Rundgren F., *Intensiv und Aspektkorrelation. Studien zur äthiopischen und akkadischen Verbalstamm- und Wortbildung*, Wiesbaden, 1959.
 «Semitistik. Handbuch der Orientalistik», Bd III, Absch. 1 und 2/3, herausg. v. B. Spuler, Leiden, 1953—54.
 Stumme H., *Handbuch des Semitischen von Tazerwalt*, Leipzig, 1899.
 Thacker T. W., *The Relationship of the Semitic and Egyptian Verbal Systems*, Oxford, 1954.
 Vergote J., *Le système phonologique du moyen-égyptien*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques», IV (1945—48), Paris, 1948.
 Vergote J., *Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes*, Louvain, 1945.
 Vilenčik J., *Welchen Lautwert hatte 𐤃 (d) im Ursemitischen*, — «Orientalistische Literaturzeitung», XXXIII, 1930.
 Vilenčik J., *Zur ursemitischen Konsonantensystem*, — «Orientalistische Literaturzeitung», XXXIV, 1931.
 Vycichl W., *Histoire de la langue berbère*, — «Actes du XXIe Congrès International des Orientalistes», Paris, 1949.
 Westendorf W., *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*, Berlin, 1953.
 Westermann D. and Bryan M. A., *Languages of West Africa*, — «Handbook of African Languages», II, Oxford, 1952.
 Wright W., *A Grammar of the Arabic Language*, I—II, Cambridge, 1896—98.
 Zyhlarz E., *Ursprung und Sprachcharakter des Altägyptischen*, — «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», XXIII, 1932—33.
 Zyhlarz E., *Konkordanz ägyptischer und libyscher Verbalstammtypen*, — «Zeitschrift für Ägyptische Sprache», LXX, 1935.
 Zyhlarz E., *Das geschichtliche Fundament der Hamitischen Sprachen*, — «Africa», IX, 1936.

- Бауэр Г. М., *Язык южноаравийских надписей*, М., 1966.
 Дьяконов И. М., *Семитохамитские языки*, М., 1965.
 Газов-Гинзберг А. М., *О первичном произношении некоторых семитских фонем (в связи с звукоподражанием)*, — Сб. «Семитские языки», М., 1963.
 Гранде Б. М., *Курс арабского языка в сравнительно-историческом освещении*, М., 1963.
 Крымский А. Е., *Семитские языки и народы (с включением двух статей Т. Нёльдеке)*, ч. 2—3, изд. 2, М., 1909—12.
 Леквашвили А. С., *Образование форм рода и числа в семитских языках*, Тбилиси, 1963.

- Матье М. Э., *Основные черты древнеегипетского глагола. К постановке проблемы*, — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 128, серия востоков. наук, вып. 3, 1952.
 Ольдерогге Д. А., *Хамитская проблема в африканистике*, — «Советская этнография», 1949, № 3.
 Ольдерогге Д. А., *Происхождение народов центрального Судана*, — «Советская этнография», 1952, № 2.
 Ольдерогге Д. А., *Язык хауса*, Л., 1954.
 Ольдерогге Д. А., *Происхождение языка хауса*, — «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956.
 Петровский Н. С., *Египетский язык*, Л., 1958.
 Рифтин А. П., *К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках*, — «Труды II сессии арабистов», М.—Л., 1941.
 Смирнова В. А., *Язык хауса*, М., 1960.
 Старинин В. П., *Структура семитского слова. Прерывистые морфемы*, М., 1963.
 Старинин В. П., *Эфиопский язык*, М., 1967.
 Юшманов Н. В., *Теория семитских эмфатических согласных*, — «Доклады Академии наук СССР», сер. В, 1925.
 Юшманов Н. В., *Соответствие арабского дад арамейскому 'айн*, — «Доклады Академии наук СССР», сер. В, 1926.
 Юшманов Н. В., *Грамматика литературного арабского языка*, Л., 1928.
 Юшманов Н. В., *Язык Абиссинии*, — сб. «Абиссиния (Эфиопия)», ред. Д. А. Ольдерогге, М.—Л., 1936.
 Юшманов Н. В., *Строй амхарского языка*, Л., 1936.
 Юшманов Н. В., *Строй языка хауса*, Л., 1937.
 Юшманов Н. В., *Строй арабского языка*, Л., 1938.

С л о в а р и

- Bargery G. W., *A Hausa-English Dictionary*, Oxford, 1951.
 Cohen M., *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*, Paris, 1947.
 Conti Rossini C., *Chrestomathia arabica meridionalis epigraphica*, Roma, 1936 [с глоссарием].
 Dillmann A., *Lexicon linguae ethiopiae*, Lipsiae, 1865.
 Erman A. und Grapow H., *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, I—VI, Berlin, 1926—31 (Neudruck 1955).
 de Foucauld Ch., *Dictionnaire abrégé touareg-français*, I—II, Alger, 1920.
 Freytag G. W., *Lexicon Arabico-Latinum*, I—IV, Halle, 1830.
 Lane E. W., *An Arabic-English Lexicon*, I—VIII, London, 1863—93.
 Reinisch L., *Wörterbuch des Bedauye-Sprache*, Wien, 1895.
 Spiegelberg W., *Koptisches Handwörterbuch*, Heidelberg, 1921.
 Баранов Х. К., *Арабско-русский словарь*, 3-е изд., М., 1962.
 Ольдерогге Д. А. (ред.), *Хауса-русский словарь*, М., 1963.

АККАДСКИЙ ЯЗЫК

- Aro J., *Studien zur mittelbabylonischen Grammatik*, — «Studia Orientalia», XX, Helsinki, 1955.
 Aro J., *Die semitischen Zischlaute (t), š, ś und s und ihre Vertretung im Akkadischen*, — «Orientalia», XXVIII, 4, 1959.
 Gelb I. J., *Old Akkadian Writing and Grammar*. (Materials for the Assyrian Dictionary, 2), Chicago, 1952 (2-е дополн. изд.: Chicago, 1961).
 Goetze A., *The Sibilants in Old Babylonian*, — «Revue d'assyriologie», LII, 1958.

- Finet A., *L'accadien des lettres de Mari*, Bruxelles, 1956.
 Hyatt J. Ph., *The Treatment of Final Vowels in Early Neo-Babylonian*, New Haven, 1941.
 Labat K., *La système phonétique de l'akkadien; observations préliminaires à une étude phonologique*, — «Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-semitiques», IV (1945—48), Paris, 1948.
 Reiner E., *A. Linguistic Analysis of Akkadian*, London — The Hague — Paris, 1966.
 Schilejko W. C., *Ein babylonischer Weihetext in griechischer Schrift*, — «Archiv für Orientforschung», V, I, 1928.
 Soden W. V., *Grundriss der akkadischen Grammatik*, Roma, 1952.
 Sollberger E., *Graeco-Babyloniaca*, — «Iraq», XXIV, 1962.
 Ungnad A., *Zur Sprache der Neubabylonischen Briefe*, — «Orientalistische Literaturzeitung», 1907.
 Ungnad A., *Materialien zur altakkadischen Sprache* — «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft», XX, 2, Leipzig, 1916.
 Ungnad A., *Zur Aussprache der Spätbabylonischen*, — «Altorientalische Studien B. Meissner zum 60. Geburtstag... gewidmet», II, Leipzig, 1929.
 Ungnad A., *Grammatik des Akkadischen*, 4 Aufl., völlig neubearbeitet von L. Matouš, München, 1964.

Липин Л. А., *Аккадский язык*, М., 1964.

С л о в а р и

- Deimel A., *Akkadisch-Sumerisches Glossar (Sumerisches Lexikon, III. Teil, Bd 1)*, Rom, 1937.
 Delitzsch F., *Assyrisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1894.
 Gelb I. J., Jacobsen Th., Landsberger B., Oppenheim A. L. and Reiner E., *The Assyrian Dictionary*, Chicago, 1956 (издание не завершено).
 Gelb I. J., *Glossary of Old Akkadian (Materials for the Assyrian Dictionary, 3)*, Chicago, 1957.
 Soden W. v., *Akkadisches Handwörterbuch*, Wiesbaden, 1959 (издание не завершено).
 См. также многочисленные глоссарии к отдельным публикациям.

СЕВЕРНОЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ НА ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕЙ СТУПЕНИ (ОБЩАЯ ЧАСТЬ)

- Harris Z. S., *Development of the Canaanite Dialects*, New Haven, 1939.
 Garbini G., *Il semitico di Nord-Ovest*, Napoli, 1960.

ДРЕВНЕХАНААНЕЙСКИЙ ЯЗЫК

- Böhl F. M. Th., *Die Sprache der Amarnabriefe mit besonderer Berücksichtigung der Kanaaniten (Leipziger Semitistische Studien, V, 2)*, Leipzig, 1909.
 Dhorme E., *La langue de Canaan*, — «Revue biblique», XXII, XXIII, 1913—14.

АМОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

- Bauer Th., *Die Ostkanaanäer*, Leipzig, 1926.
 Gelb I. J., *La lingua degli Amoriti*, — «Rendiconti d. Accademia Nazionale dei Lincei», VIII, 13, 1958.

УГАРИТСКИЙ ЯЗЫК

- Aistleitner J., *Untersuchungen zur Grammatik des Ugaritischen*, Berlin, 1954.
 Gordon C. H., *Ugaritic Handbook*, Roma, 1949.
 Gordon C. H., *Ugaritic Manual*, Roma, 1955.
 Fronzaroli P., *La fonetica ugaritica*, Roma, 1955.
 Hammershaimb E., *Das Verbum im Dialekt von Ras Shamra*, Kopenhagen, 1941.
 Сегреп С., *Угаритский язык*, М., 1965.

С л о в а р и

Aistleitner J., *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*, Berlin, 1963.

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

- Beer G., *Hebräische Grammatik*, I—II, (Sammlung Götschen), Berlin und Leipzig, 1920—21; (нов. изд. G. Beer — R. Meyer, Berlin, 1952—55).
 Bauer H., Leander P., *Historische Grammatik der hebräischen Sprache des Alten Testaments*, I, Halle, 1922.
 Cantineau J., *Essai d'une phonologie du hebreu biblique*, — «Bulletin de la société linguistique de Paris», XLVI, 1950.
 Driver G. R., *Problem of the Hebrew Verbal System*, Edinburgh, 1936.
 Gesenius W., *Hebräische Grammatik*, 28. Aufl. (herausg. v. E. Kautzsch), Leipzig, 1909; 29. Aufl. (herausg. v. G. Bergsträsser), I—II, Leipzig, 1918—1929 (есть русский перевод Г. Коссовича с более старого издания).
 Klíma O., Segert S., *Mlůvnice hebrejštiny a aramejštiny*, Praha, 1956.
 Троицкий И. Г., *Грамматика еврейского языка*, СПб., 1908.

С л о в а р и

- Ben Jehuda E., *Thesaurus totius hebraeitis*, Jerusalem—Berlin, 1912.
 Gesenius W., Buhl F., *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*, 18. Aufl., Leipzig, 1933.
 Köhler L. — Baumgartner W., *Lexicon in Veteris Testamenti libros*, Leiden, 1948—1953.

ФИНИКИЙСКИЙ ЯЗЫК

- Friedrich J., *Punische Studien*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1957, № 2.
 Friedrich J., *Phönizisch-punische Grammatik*, Roma, 1961.
 Harris Z. S., *A Grammar of the Phoenician Language*, New Haven, 1936.
 Винников И. Н., *Новые финикийские надписи из Киликии*, — «Вестник древней истории», 1950, № 3.
 Винников И. Н., *Надпись Ахирама Библского в новом освещении*, — «Вестник древней истории», 1952, № 4.
 Шифман И. Ш., *Финикийский язык*, М., 1963.

СТАРОАРАМЕЙСКИЙ ЯЗЫК

- Bauer H., Leander P., *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Halle, 1927.
 Garbini G., *L'aramaico antico* — «Atti d. Accademia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLIII, Memorie, ser. VIII, vol. 7, fasc. 5, Roma, 1956.
 Gordon C. H., *The Aramaic Incantation in Cuneiform*, — «Archiv für Orientforschung», XII, 1937—1939.
 Friedrich J., *Zur Stellung des Jaudischen in der nordwestsemitischen*

- Sprachgeschichte*, — «Studies in Honor of Benno Landsberger», Chicago, 1965.
- Leander P., *Laut- und Formenlehre des Ägyptisch-Aramäischen*, Göteborg, 1929.
- Marti K., *Kurzgefaßte Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, 3. Aufl., Berlin, 1925.
- Rosenthal F., *Die Sprache der palmyrenischen Inschriften und ihre Stellung innerhalb des Aramäischen*, Leipzig, 1936.
- Rosenthal F., *Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen*, Leiden, 1939.
- Rosenthal A., *A Grammar of Biblical Aramaic*, Wiesbaden, 1961.

С л о в а р и

- Dalman G. H., *Aramäisch-neuhebräisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch*, 2. Aufl., Frankfurt am Main, 1922.
- Jean Ch.-F. et Hoffijzer J., *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, 1—2, Leiden, 1960 (издание не завершено).
- Lewy J., *Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim*, Berlin — Wien, 1924.
- Винников И. Н., *Словарь арамейских надписей*, — «Палестинский сборник», 3 (66), 1958 и сл.
- См. также в разделе «Древнееврейский язык».

ИСТОРИЯ ПИСЬМА

- Driver G. R., *Semitic Writing from Pictograph to Alphabet*, London, 1948 (2-е дополн. изд. 1954).
- Falkenstein A., *Archaische Texte aus Uruk* (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, 2), Leipzig, 1936.
- Gelb I. J., *A Study of Writing*, London, 1952.
- Labat R., *Manuel d'épigraphie akkadienne (signes, syllabaire, idéogrammes)*, Paris, 1952.
- Meissner B., *Die Keilschrift* (Sammlung Götschen), Berlin—Leipzig, 1928.
- Soden W. v., *Das akkadische Syllabar*, Roma, 1948.
- Thureau-Dangin F., *Recherches sur l'origine d'écriture cunéiforme*, Paris, 1898—99.
- Вайман А. А., *К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение)*, — «Переднеазиатский сборник», II, М., 1966.
- Дьяконов И. М., *К возникновению письма в Двуречье*, — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», III, 1940.
- Фридрих И., *Дешифровка забытых письменностей и языков*, М., 1961 (нем. издание: Berlin, 1954).
- См. также подробно в соответствующих грамматических очерках и других пособиях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

абаз. — абазинский
 абх. — абхазский
 адыг. — адыгейский
 акк. — аккадский
 амор. — аморейский
 амхар. — амхарский
 англ. — английский
 араб. — арабский
 арам. — арамейский
 арм. — армянский
 берб. — берберский
 вав. — вавилонский
 дравид. — дравидские
 др.-арм. — древнеармянский
 др.-греч. — древнегреческий
 др.-евр. — древнееврейский
 др.-егип. — древнеегипетский
 др.-ир. — древнеиранский
 др.-хан. — древнеханаанейский
 и.-е. — индоевропейский
 индоир. — индоиранский
 иран. — иранский
 кабард. — кабардинский
 картв. — картвельский
 катаб. — катабанский
 копт. — коптский
 куш. — кушитский
 мин. — минейский
 н.-асс. — новоассирийский
 н.-шум. — новошумерский
 н.-элам. — новоэламский
 перс. — персидский
 поздневав. — позднеавилонский
 позднешум. — позднешумерский
 русск. — русский
 саб. — сабейский

сем. — семитский
 ср.-элам. — среднеэламский
 ст.-акк. — староаккадский
 ст.-англ. — староанглийский
 ст.-асс. — староассирийский
 ст.-вав. — старовавилонский
 ст.-дравид. — стародравидский
 ст.-слав. — старославянский
 ст.-хурр. — старохурритский
 ст.-шум. — старошумерский
 убых. — убыхский
 угар. — угаритский
 ур. — урартский
 хадр. — хадрамаутский
 хатт. — хаттский
 хетт.-несит. — хеттский-неситский
 хурр. — хурритский
 франц. — французский
 фин. — финикийский
 чадск. — чадский
 шум. — шумерский
 элам. — эламский
 эфиоп. — эфиопский

* — восстановленная форма, реально не засвидетельствованная
 > — переходит в
 < — происходит из
 // — чередуется
 / — или
 ~ — соответствует
 [] — произносится (но в гл. II см. стр. 42, прим. 7)
 ' — ударение

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ. Часть I. НЕСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ	
Глава I. Общая характеристика языков древней Передней Азии.	7
§ 1. Значение изучения языков древней Передней Азии	7
§ 2. Общие замечания. Проблема классификации языков	7
§ 3. Проблемы родственных связей языков древней Передней Азии	16
§ 4. Генеалогическая классификация языков древней Передней Азии	21
§ 5. Структурная классификация языков древней Передней Азии. Языки эргативного строя	29
§ 6. Структурная классификация языков древней Передней Азии. Языки номинативного строя	34
Глава II. Шумерский язык	35
§ 1. Общие сведения о месте и времени распространения	35
§ 2. Шумерская письменность	37
§ 3. Периодизация истории шумерского языка	44
§ 4. Основные сведения по фонологии и фонетике	46
§ 5. Имя	51
§ 6. Местоимение	62
§ 7. Глагольная основа	63
§ 8. Глагольная связка	63
§ 9. Общая структура нормального глагола	65
§ 10. Наклонения	66
§ 11. Показатели общей направленности действия	67
§ 12. Пространственно-падежные показатели	68
§ 13. Переходность и непереходность. Вид. Спряжение	71
§ 14. Составные глаголы	78
§ 15. Глагольные имена. Номинализация спрягаемой формы глагола	80
§ 16. Общие сведения о синтаксисе	82
§ 17. Проблема генеалогической классификации шумерского языка	83
Глава III. Эламский язык	85
§ 1. Общие сведения о названии и расселении эламитов	85
§ 2. Эламская письменность. Аккадская клинопись. Периодизация истории эламского языка	88
§ 3. Фонология и фонетика эламского языка	94

§ 4. Словообразование	95
§ 5. Имя	96
§ 6. Предикативные слова	100
§ 7. Местоимение	105
§ 8. Служебные слова	107
§ 9. Проблема генеалогических связей эламского языка	107
Глава IV. Хурритский и урартский языки	113
§ 1. Общие сведения о времени и месте распространения	113
§ 2. Графика хурритского и урартского языков	120
§ 3. Фонология и фонетика хурритского и урартского языков	123
§ 4. Словообразование и лексика	132
§ 5. Имя	136
§ 6. Местоимение	143
§ 7. Глагол	145
§ 8. Глагольные имена	153
§ 9. Служебные слова	158
§ 10. Основные сведения о синтаксисе	160
§ 11. Генеалогические связи хурритского и урартского языков	163
Приложение к гл. IV: Хаттский («протохеттский») язык	166
Часть II СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ	
Глава V. Общая характеристика семитских языков и их место в составе семитохамитской языковой семьи	179
§ 1. Общие сведения	179
§ 2. Фонология	189
§ 3. Корень и основа. Словообразование	192
§ 4. Имя	210
§ 5. Местоимение	217
§ 6. Глагол. Вид. Переходность. Непереходность	228
§ 7. Именной предикат и развитие центральносемитского нового перфектива	241
§ 8. Проблема пассива и эргативной конструкции	249
§ 9. Выражение объекта при переходном глаголе	252
§ 10. Наклонения	253
§ 11. Породы глагола	256
§ 12. Служебные слова	262
§ 13. Порядок слов	262
Глава VI. Аккадский язык: древней ступени	263
§ 1. Общие сведения о времени и месте распространения	263
§ 2. Письмо	266
§ 3. Фонология и фонетика	268
§ 4. Имя	276
§ 5. Местоимение	285
§ 6. Глагол	289
§ 7. Служебные слова	305
§ 8. Порядок слов	309
§ 9. Поздние аккадские диалекты древней ступени (переходные к среднему состоянию)	311
Приложение к гл. VI: Аккадский язык средней ступени	314
§ 1. Общие сведения	314
§ 2. Фонетика	314
§ 3. Имя	319

4. Местоимение	321
5. Глагол	323
6. Служебные слова	326
Глава VII. Северноцентральные семитские языки древней ступени (древнеханаанейский, аморейский, угаритский)	329
1. Общие сведения	329
2. Фонология и фонетика	332
3. Имя	335
4. Местоимение	338
5. Глагол	340
6. Служебные слова	349
7. Порядок слов	351

Глава VIII. Северноцентральные семитские языки на средней ступени (до 500 г. до н. э.) (древнееврейский и старопарамейский)	352
1. Племена и народы	352
2. Письмо. Изобретение алфавита	362
3. Фонетика	369
4. Лексика	381
5. Имя	384
6. Местоимение	395
7. Глагол	400
8. Служебные слова	422
9. Некоторые сведения о синтаксисе	425

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты	
1. Шумерские тексты	429
2. Эламские тексты	439
3. Хурритские тексты	443
4. Угаритские тексты	448
5. Аккадские тексты	451
(I) Староаккадские	451
(II) Вавилонские	454
(III) Ассирийские	462
6. Угаритские тексты	468
7. Древнееврейские тексты	469
8. Финикийские тексты	473
9. Арамейские тексты	475
Краткая библиография	479

Игорь Михайлович Дьяконов

ЯЗЫКИ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

Редактор Г. А. Давыдова.

Технический редактор С. В. Цветкова

Художник Э. Л. Эрман.

Корректоры В. М. Кочеткова и М. З. Шафранская

Сдано в набор 28/III 1966 г. Подписано к печати 17/VI 1967 г. А-00692. Формат 60 × 90^{1/16}
Печ. л. 30,75+1 вкл. 0,25 п. л. Уч.-изд. л. 31,74. Бум. № 1. Тираж. 2100 экз. Изд. № 1297
Зак. № 871. Цена 2 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2, 1-я типография издательства «Наука»,
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
18	13 св.	др.-арам.	др.-армянск.
18	17 »	др.-арам.	др.-армянск.
41	26 »	ēš	ēš
46	4 »	-(a)ke	[-(a)ke]
47	16—17 св.	*kina ⁴ , kena, kenum	*kina, *kena
47	18 св.	kīnum	kīnum, kēnum
67	6 св.	NI-[=i-]	NI-[=i-]
69	14—15 св.	[=m(u)-a+ra-(b+)da- -(b+)-ra-ta-əd]	[=m(u)-e+ra-(b+a)da- -(b+)-ra-ta-əd]
71	3 св.	[nā-(i)-ḡig-e]	[nā-(i)-n-ḡig-e]
80	6 »	gi(n)-na	gin-(n)a
91	1 »	«род» шумерский	«род»: шумерский
133	14 »	patarə	pātarə
134	23 св.	-ssei	-sse/i
135	21 св.	w(o)rd 'ребенок'	*(w)ord 'ребенок'?
143	18 »	*zū-wa?	zu-wa?
143	6 »	ma-nə	manə
165	6 св.	что предположение	что для предположения
165	10 св.	и что	, что
172	15 св.	(a)-s-ta-zil	(a)s-ta-zil
189	4 »	прасемитском	прасемитохамитском
195	18 св.	laš-ān-	*laš-ān-
259	15 »	hiš-t-ad-dēk	hiš-t-addēk
264	15 св.	странах	станах
296	13 св. в 4 колонке	'itta-ta-a/i/us)	'itta-ta-pra/i/us)
310	8 св.	'сыновья, которой малы'	'сыновья которой малы'
321	3 св.	*būšī-um	*bušī-um
333	7 св.	-st- > -st-	st > st
352	7 »	п. 2)	п. 2 и сл.)
383	18 »	iə'ōr	iə'ōr
388	21 »	mal(ə)kə'-kām	mal(ə)kē'-kām
390	16 св.	iāmīm	iāmīm
390	25 св.	na'ārə-'kām	na'arə-'kām
390	23 »	na'āre-'kām	na'āre-'kām

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
393	15 св.	<i>imē</i>	<i>imē</i>
419	7 сн.	опить'	'топить'
424	7 »	§ 6	§ 5
425	2 св.	§ 6, п. 6, 25	§ 5, п. 6, 2 Б
439	9 »	<i>hSu-še-en-pe</i>	<i>hSu-še-en-pè</i>
448	10 сн.	Русиной ²³ , когда ²⁰ долины	Русиной ²³ долины, когда ²⁰
450	9 »	<i>tinə</i>	<i>tīnə</i>
450	3 »	<i>ku(l-u)-l-ejə-ito-nē</i>	<i>ku(l-u)-l-ejə-ito-nə</i>
460	20 св.	<i>ikḃe</i>	<i>ikḃə</i>
465	11 сн.	<i>tu'uṣṣa</i>	<i>tu'uṣṣā</i>
466	14 св.	<i>šú-mi</i>	<i>šú-mi</i>
483	9 »	Ferrier	Fevrier
486	4 »	Labat K.	Labat R.
488	11 »	Rosenthal A.	Rosenthal F.